ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

ТВОРЕЦ ВСЕЛЕННЫХ

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Вариант единорога

МАЛЕНЬКИЕ ШЕДЕВРЫ ВЕЛИКОГО МАСТЕРА

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Вариант единорога

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

Вариант единорога

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Часть I

Здесь водятся драконы

•

Часть II

Песни чужих миров

•

Часть III

Игры крови и пыли

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

Вариант единорога

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
Ж 50

Roger Zelazny
STORIES
Copyright © 1973...95 by Roger Zelazny

Составитель *А. Жикаренцев*

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Желязны Р.
Ж 50 Вариант единорога: Фантастические рассказы / Пер. с англ. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 912 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-02640-1

И вновь герои Роджера Желязны разыгрывают на шахматной доске саму возможность существования нашей цивилизации. Против человека выступают драконы и единороги, искусственный разум и механические убийцы, инопланетные монстры и даже сами земные боги. Далеко не каждая партия этого вселенского турнира заканчивается в пользу человечества. А каков будет окончательный результат — неизвестно, кажется, и самому автору.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© ООО «Издательство «Эксмо». Издание на русском языке. Оформление, 2005
© В. Баканов, А. Волнова, Е. Голубева, В. Гольдич, И. Оганесова, И. Гурова, Е. Доброхотова-Майкова, Н. Калинина, М. Левин, Е. Людников, Н. Ляпкова, М. Михайлов, В. Обручев, А. Рябчун, Т. Сальникова, В. Самсонова, В. Серебряков, С. Сухинов, И. Тогоева, С. Трофимов, В. Фишман, Л. Щекотова. Перевод, 2007

ISBN 978-5-699-02640-1

Часть I

Здесь водятся драконы

АМБЕРСКИЕ РАССКАЗЫ

Синий конь и танцующие горы

Я взял вправо к Горящему Колодцу и избежал встречи с дымящимися призраками Артинского нагорья. Я сбил со следа предводительницу кертов из Шерна, когда ее стая гнала меня от своих высоких насестов среди скалистых каньонов. Остальные отказались от погони, и мы остались одни под зеленым дождем, падавшим с грифельно-черного неба. Мы неслись вперед и вниз, туда, где на равнинах извивались пыльные демоны, поющие о печальной вечности в скалах, которыми они когда-то были.

Наконец ветры утихли, и Шаск, мой смертоносный скакун, синий жеребец из Хаоса, замедлил бег и встал перед красными песками.

— Что случилось? — спросил я.

— Мы должны пересечь перешеек пустыни, чтобы добраться до Танцующих гор,— ответил Шаск.

— А далек ли туда путь?

— Туда идти оставшуюся часть дня,— сказал он.— Здесь самое узкое место пустыни. Мы уже заплатили часть своего искупления. Остальное ждет нас в самих горах, поскольку нам придется пересечь их в том месте, где они наиболее активны.

Я поднял фляжку и потряс ее.

— Стоит того,— сказал я,— если только они не пляшут в самом деле по шкале Рихтера.

— Нет, но на Великом Перешейке между тенями Амбера и тенями Хаоса происходят некие природные изменения в том месте, где они встречаются.

— Мне не впервой сталкиваться с теневыми грозами, а там, похоже, находится постоянный тенегрозовой фронт. Но мне все же хотелось бы скорее прорваться, чем ночевать там.

— Я говорил тебе, когда ты выбрал меня, лорд Корвин, что могу нести тебя быстрее любого другого скакуна в дневное время. Но ночью я превращаюсь в неподвижную змею, замирающую на камне, холодную, словно сердце демона, и оттаивающую лишь с рассветом.

— Да, я припоминаю,— сказал я,— и ты служил мне хорошо, как и говорил Мерлин. Возможно, нам стоит заночевать по эту сторону гор и пересечь их завтра.

— Фронт, как я говорил, перемещается. В некоторых точках он может налететь на вас еще в предгорьях или даже раньше. Когда добираешься до этих мест, уже неважно, где заночуешь. Так что спешивайтесь сейчас, пожалуйста, расседлывайте и разнуздывайте меня, чтобы я мог превратиться.

— Во что? — спросил я, спрыгивая на землю.

— Полагаю, форма ящерицы лучше всего подходит к условиям пустыни.

— Хорошо, Шаск, делай, как тебе удобно. Стань ящерицей.

Я начал снимать с него поклажу. Было приятно почувствовать себя свободным.

Шаск в качестве синей ящерицы был головокружительно проворным и практически неутомимым. Он перенес меня через пески засветло и, пока я стоял, созерцая тропинку, уходящую в предгорья, заговорил свистящим голосом:

— Как я уже сообщал, тени могут застать нас здесь повсюду, а я еще достаточно силен, чтобы взлететь наверх за час с небольшим, прежде чем придет время разбивать лагерь, отдыхать и ужинать. Каков наш выбор?

— Вперед,— сказал я ему.

Деревья сбрасывали листву буквально на глазах. Тропинка была безумно неровной, резко меняла направление и характер. Времена года приходили и уходили — снежные шквалы сменялись порывами горячего ветра, затем налетала весна и расцветали цветы. Перед глазами мелькали башни и металлические люди, дороги, мосты, туннели — и все это мгновенно исчезало. А вслед за этим пляска прекращалась вовсе, и мы просто взбирались по тропе, как обычные путники.

В конце концов мы разбили лагерь в укрытии недалеко от вершины. Пока мы ели, небо затянуло облаками, и в отдалении раздалось несколько раскатов грома. Я устроил себе невысокую лежанку. Шаск превратился в огромную змею с головой дракона, крыльями и оперением и свернулся рядом.

— Спокойной ночи, Шаск,— окликнул я его, когда упали первые капли дождя.

— И... тебе... того же... Корвин,— тихо сказал он.

Я лег, закрыл глаза и почти мгновенно уснул. Не знаю, как долго я спал. Разбудили меня ужасающие раскаты грома, раздававшиеся, казалось, прямо над головой.

Прежде чем затихло эхо, я понял, что сижу, наполовину вытянув из ножен Грейсвандир. Я потряс головой и прислушался. Мне показалось, что чего-то не хватает, но я не мог определить чего.

Раздался еще один громовый раскат, сопровождаемый алмазной вспышкой. Я вздрогнул и стал ждать продолжения, но наступила тишина.

Тишина...

Я положил на лежанку руку, затем голову. Дождь прекратился. Вот чего не хватало — дробного стука капель.

Мой взгляд привлекло сияние, исходившее из-за соседней вершины. Я натянул сапоги и покинул укрытие. Снаружи застегнул ремень, к которому были прикреплены ножны, и застегнул у горла плащ. Необходимо было произвести рекогносцировку. В месте, подобном этому, любое явление может представлять угрозу.

Проходя мимо, я потрогал Шаска, который и впрямь был как каменный, и направился туда, где изгибалась тропа. Она была на месте, хотя и сузилась. Я ступил на нее и стал взбираться вверх. Источник света, к которому я стремился, казалось, медленно перемещался. Теперь в отдалении мне почудился слабый звук дождя. Возможно, он доносился с той стороны вершины.

По мере приближения я все больше убеждался, что гроза продолжается неподалеку. За шумом дождя можно было расслышать завывание ветра.

Внезапно меня ослепила вспышка из-за вершины. Как обычно, ее сопровождал резкий разряд грома. Я остановился на мгновение. В это время мне показалось, что сквозь звон в ушах до меня донесся отрывистый смех.

Я побрел дальше и наконец добрался до вершины. И тут же ветер стал дуть в лицо, бросая в меня полные пригоршни воды. Я плотнее запахнулся в плащ и двинулся дальше.

Через несколько шагов я узрел ложбину внизу слева. Она была освещена жутковатым светом пляшущих шаровых молний. Я разглядел две фигуры: одна сидела на земле, другая, со скрещенными ногами, висела вниз головой в воздухе без видимой опоры наискосок от первой. Я выбрал наиболее скрытую тропинку и стал подбираться поближе.

Бóльшую часть пути мне не было их видно, поскольку выбранный маршрут пролегал под деревьями с густой листвой. Внезапно я понял, что нахожусь совсем близко, ибо дождь прекратил мочить меня и я больше не ощущал давления ветра. Это было похоже на то, словно я вошел в мертвую зону урагана.

Я осторожно продолжал продвигаться вперед, временами припадая к земле и поглядывая сквозь ветви на двух стариков. Оба рассматривали фигуры трехмерной игры, которые висели над лежавшей на земле доской со слабо вырисовывавшимися в свете молний квадратами. Человек, сидевший на земле, был горбат, он улыбался и был мне знаком. Это был Дворкин Бэримен, мой легендарный прародитель, исполненный долгих лет, мудрости и богоподобного могущества, создатель Амбера, Узоров, Труб и, возможно, самой реальности, как я ее понимал. К несчастью, сталкиваясь с ним в последнее время, я стал замечать, что он явно спятил. Мерлин уверял меня, что Дворкин уже излечился, но я сомневался. Богоподобные существа часто грешат определенной степенью нетрадиционного мышления. Похоже, это неотъемлемая часть их дара. В общем, это вполне в духе старого плута — надевать на себя маску здравомыслия, гоняясь при этом за всевозможными парадоксами.

Другой человек, повернувшийся ко мне спиной, протянул руку и передвинул фишку, которая, по всей видимости, соответствовала пешке. Она символизировала зверя Хаоса, известного как Огненный Ангел. После того как он завершил ход, вновь вспыхнула молния, ударил гром, и я содрогнулся всем телом. Теперь Дворкин передвинул одну из фигур, Виверна. Вновь гром, молния, содрогание. Я увидел, что отступающий Единорог играл роль Короля в фигурах Дворкина, клетка рядом с ним символизировала дворец Амбера. У его противника короля изображала выпрямившаяся Змея, а рядом располагался Телбэйн — огромный, похожий на иглу дворец Короля Хаоса.

Противник Дворкина, смеясь, передвинул фигуру.

— Мандор,— объявил он.— Он считает себя кукловодом и создателем королей.

После треска и вспышки свою фигуру двинул Дворкин.

— Корвин,— сказал он.— Он вновь свободен.

— Да. Но ему неведомо, что он бежит наперегонки с судьбой. Сомневаюсь, чтобы он вернулся в Амбер вовремя, чтобы успеть предстать в зеркальном зале. Сможет ли он действовать без их ключей?

Дворкин улыбнулся и поднял глаза. На мгновение мне показалось, что он смотрит прямо на меня.

— Полагаю, что он успевает, Сухей,— сказал он,— к тому же я запустил несколько частичек его памяти, которые нашел несколько лет назад, плыть над Узором в Ребме. Хотелось бы мне получать ночной горшок из золота каждый раз, как я его недооцениваю.

— А для чего они тебе? — спросил другой.

— Чтобы у его врагов были дорогостоящие шлемы.

Оба расхохотались, и Сухей развернулся на девяносто градусов по часовой стрелке. Дворкин же поднялся в воздух и стал наклоняться вперед, пока не завис параллельно земле, разглядывая доску. Сухей протянул было руку по направлению к женской фигуре на одном из верхних уровней, но тут же отдернул ее. Внезапно он вновь пошел Огненным Ангелом. Не успел стихнуть гром, как Дворкин уже сделал ход, так что гром продлился, не обрываясь, и вспышка повисла в воздухе. Дворкин сказал что-то, чего я не сумел расслышать за грохотом. Очевидно, он назвал какое-то имя, поскольку ответом Сухея было: «Но ведь это фигура Хаоса!»

— И что с того? Правила этого не запрещают. Твой ход.

— Я хочу подумать,— сказал Сухей.— Мне нужно время.

— Возьми с собой,— отозвался Дворкин.— Принесешь завтра вечером.

— Я буду занят. Может быть, послезавтра?

— Тогда буду занят я. На третий вечер?

— Да. В таком случае пока...

— ...Спокойной ночи.

Треск и вспышка, последовавшие за этим, ослепили и оглушили меня на несколько минут. Внезапно я ощутил и ветер, и дождь. Зрение мое прояснилось, я увидел, что ложбина опустела. Возвращаясь, я миновал вершину и спустился в лагерь, который опять поливало дождем. Тропа вновь стала широкой.

На рассвете я поднялся, позавтракал и стал ждать, пока Шаск пошевелится. События прошедшей ночи не казались сном.

— Шаск,— позвал я наконец,— ты знаешь, что такое дьявольская скачка?

— Я слышал об этом,— отозвался он,— как о тайном способе преодоления больших расстояний за короткое время, который применяется Домом Амбера. Говорят, что

это очень вредно для умственного здоровья благородного скакуна.

— Ты поражаешь меня своей выдающейся стабильностью, как эмоциональной, так и интеллектуальной.

— Ну что же, спасибо, тронут. А что за спешка?

— Ты проспал великолепное представление,— сказал я,— и теперь у меня свидание с бандой отражений, если только я сумею поймать их прежде, чем они исчезнут.

— Если это необходимо...

— Мы едем за золотыми ночными горшками, мой друг. Поднимайся и будь конем.

Зеркальный коридор

Оба мы не подозревали о перемене, пока те шестеро не выскочили на нас из засады.

Мы с Шаском провели ночь в Танцующих горах, после того как наблюдали там странную игру между Дворкином и Сухеем. Я слышал малоприятные истории о людях, которым случалось остановиться там на ночлег, но выбирать особо не приходилось. Бушевал ураган, я устал, мой конь превратился в истукана. Я не знаю, чем все закончилось, хотя, как участник, вежливо заметил, что не прочь узнать.

На следующее утро мы с моим синим конем Шаском, а точнее, моей синей ящерицей Шаском пересекли песчаный перешеек между Амбером и Хаосом. Шаск — теневой скакун, которого мой сын Мерлин подыскал мне в королевских конюшнях Владений.

Двое мужчин выступили из-за камней по противоположным сторонам дороги и направили на нас арбалеты. Еще двое выскочили впереди, один с луком, другой — с красивым мечом, наверняка краденым, судя по роду занятий нынешнего владельца.

— Стой! И мы тебя не тронем,— сказал тот, что с мечом.

Я натянул поводья.

— Если речь о деньгах, то я и сам на мели,— сказал я,— а на скакуна моего вы все равно не сядете, даже если захотите.

— Может, не сядем, а может, и сядем,— покачал головой главный.— Мы люди непривередливые, берем что придется.

— Нехорошо отнимать у человека последнее,— заметил я.— Некоторые обижаются.

— Мало кто уходит с этого места.

— Это что, смертный приговор?

Главарь пожал плечами.

— Меч у тебя вроде ничего,— сказал он.— Покажи-ка его.

— По-моему, это ты плохо придумал.

— Почему?

— Если я вытащу меч, то могу ненароком вас убить.

Он рассмеялся.

— Ладно, заберем его с твоего трупа.— Главарь поглядел сперва направо, потом налево.

— Все может быть.

— Показывай.

— Если ты настаиваешь...

Я выхватил Грейсвандир, и он запел. Глаза главаря расширились: клинок описывал дугу, рассчитанную снести ему голову. Разбойник взмахнул мечом в ту самую минуту, когда Грейсвандир, не замедлясь, прошел сквозь его шею. Мой противник обрушил клинок на Шаска, лезвие прошло сквозь синюю лопатку. Ни тот, ни другой удар не причинили вреда.

— Ты — чародей? — спросил разбойник, когда я с размаху рубанул его по плечу. Меч должен был отсечь руку, но прошел сквозь нее свободно.

— Не из тех, кто выкидывает подобные штучки. А ты?

— И я нет,— сказал он, ударяя снова.— Что происходит?

Я убрал Грейсвандир в ножны.

— Ничего. Займитесь кем-нибудь другим.

Я тронул поводья, и Шаск двинулся вперед.

— Подстрелите его! — крикнул главарь.

Арбалетчики по обе стороны дороги спустили тетивы, стоящий впереди лучник тоже. Все четыре стрелы из арбалетов прошли через Шаска, трое разбойников ранили или убили своих визави. Стрела из лука прошла сквозь меня, не вызвав никаких неприятных ощущений. Главарь снова ударил мечом, но тоже ничего не добился.

— Вперед! — приказал я.

Шаск послушался, и мы отправились дальше, не обращая внимания на несущуюся вслед брань.

— Похоже, мы попали в странное положение,— заметил я.

Зверь кивнул.

— По крайней мере, это убережет нас от неприятностей.

— Забавно. Мне казалось, что ты предпочитаешь на них нарываться,— отвечал Шаск.

Я хохотнул:

— Может, да, а может, и нет. Интересно, надолго эти чары?

— Возможно, их придется снимать.

— Черт! Это всегда морока.

— Лучше, чем оставаться бестелесным.

— Тоже верно.

— Наверняка кто-нибудь в Амбере знает, как с ними справиться.

— Будем надеяться.

Мы продолжали ехать и больше никого в тот день не повстречали. Укладываясь спать на плаще, я чувствовал острые камни. Почему их я чувствую, но не чувствовал, к примеру, удара мечом? Поздно было спрашивать Шаска о его ощущениях, поскольку он уже превратился в камень.

Я зевнул и растянулся на земле. Высунувшийся из ножен Грейсвандир на ощупь был вполне обычным. Я убрал его на место и заснул.

После моего утреннего омовения мы двинулись дальше. Шаск оказался вполне годен для адской скачки, не хуже большинства амберских скакунов. Кое в чем даже лучше. Мы мчались через быстро меняющуюся местность. Я думал об Амбере впереди и о своем плене во Владениях.

Медитации до крайности обострили мою восприимчивость. Не это ли, вместе с другими специфическими упражнениями, сделало меня неуязвимым? Не исключено, хотя я подозревал, что главный вклад внесли все-таки Танцующие горы.

— Интересно, что это означает и откуда взялось? — сказал я вслух.

— Держу пари, что с твоей родины,— отвечал Шаск,— и предназначено специально для тебя.

— С чего ты взял?

— По дороге ты рассказывал мне о своей семье. Я бы им не доверял.

— То время давно прошло.

— Кто знает, что могло случиться в твое отсутствие? Старые привычки легко возвращаются.

— Но нужна же какая-то причина!

— Насколько я понял, у одного из них причина есть, и самая основательная.

— Возможно. Но мне в это не верится. Меня долго не было, мало кто знает, что я на воле.

— Тогда расспроси этих немногих.

— Посмотрим.

— Я просто стараюсь помочь.

— Продолжай в том же духе. Слушай, а что ты собираешься делать после того, как мы окажемся в Амбере?

— Еще не решил. По натуре я — бродяга.

Я рассмеялся:

— Вот зверь по моему сердцу! Чувства у тебя вполне человеческие. Так чем мне отблагодарить тебя за дорогу?

— Подожди. Сдается мне, Судьбы решат это за нас.

— Пусть будет так. А пока, если что-нибудь придумаешь, скажи.

— Помогать тебе, лорд Корвин, большая честь. Давай сойдемся на этом.

— Ладно. Спасибо.

Мы проносились через одну Тень за другой. Солнца пробегали вспять, с прекрасных небес налетали бури.

Мы угодили в вечер — кого другого бы это задержало, но только не нас,— выбрались в сумерки и там подкрепились. Вскоре после этого Шаск снова обратился в камень. Никто не напал на нас в ту ночь, а сны такие спокойно можно было бы не смотреть.

На следующий день мы рано тронулись в дорогу, и я использовал все маленькие хитрости, способные сократить наш путь через Тень домой. Домой... Мысль эта согревала, несмотря на замечание Шаска о моих родственниках. Я и не думал, что буду так тосковать по Амберу. Много раз я отсутствовал куда дольше, но обычно хоть в общих чертах представлял, когда соберусь обратно. Темница во Владениях — не то место, где приходится загадывать наперед.

Мы мчались и мчались. Ветер над равниной, пожар в горах, вода в узком ущелье. В тот вечер я впервые почувствовал сопротивление, возникающее на теневых подступах к Амберу. Я пытался доскакать тем же днем, но не сумел. Мы провели ночь неподалеку от того места, где проходила Черная Дорога. От нее не осталось и следа.

На другой день продвижение замедлилось, зато чаще и чаще мелькали знакомые Тени. Ночевали мы в Ардене, однако Юлиан нас не нашел. Мне то ли мерещился во сне, то ли действительно слышался вдалеке его охотничий рог; так часто предвещавший смерть и разрушение, он лишь навеял на меня трогательные ностальгические воспоминания. Наконец-то я почти дома.

На следующее утро я проснулся до рассвета. Шаск, конечно, по-прежнему был синей ящерицей и лежал свернувшись под большим деревом. Я приготовил чай, потом съел яблоко. Провизия была на исходе, но мы приближались к чертогам изобилия.

Мы тронулись, медленно и неспешно, поскольку на моей любимой дороге предстоял тяжелый подъем. На первом привале я попросил Шаска снова принять конский вид, он согласился. Похоже, это ему было не трудно, поэтому я попросил его и дальше оставаться конем. Мне хотелось показать всем его красоту.

— Ты как, довезешь меня и сразу назад? — спросил я.

— Я хотел с тобой об этом поговорить,— отвечал Шаск.— Во Владениях невесело, и у меня нет постоянного хозяина.

— Вот как?

— Тебе понадобится хороший скакун, лорд Корвин.

— Это точно.

— Я бы попросился к тебе на неопределенное время.

— Сочту за честь. Таких, как ты, поискать.

К полудню мы были на вершине Колвира, а несколько часов спустя — во дворце. Я отыскал Шаску хороший денник, почистил его, накормил и оставил отдыхать. Он тут же превратился в камень. Я нашел табличку, написал на ней наши имена и прикрепил к двери.

— Увидимся,— сказал я.

— Когда вам будет угодно, хозяин, когда вам будет угодно.

Я вошел через кухню, где суетились незнакомые повара. Они меня не узнали, но, похоже, различили своего. По крайней мере, почтительно ответили на мое приветствие и не возражали, когда я прихватил несколько фруктов. Они спросили, прислать ли мне что-нибудь в комнаты, я ответил, что, мол, да, бутылку вина и курицу. Главная повариха — рыжая женщина по имени Клара — посмотрела на меня пристально и несколько раз перевела взгляд на серебряную розу. Я не хотел пока называть свое имя и подумал, что в ближайшие часы челядь побоится его угадать. Мне хотелось отдохнуть и порадоваться возвращению. Поэтому я поблагодарил всех и пошел к себе.

Я начал подниматься по лестнице, которой пользуются слуги, чтобы проскользнуть незамеченным. На середине подъема путь мне преградили козлы. На ступенях лежали инструменты, хотя рабочих было не видать. Я не знал, обрушилась ли часть лестницы сама, или ей помогли.

Я вернулся и стал подниматься по парадной лестнице. Повсюду виднелись признаки ремонта, причем явно заменялись целые стены и куски пола. Множество комнат было открыто взгляду. Я заторопился убедиться, что в их число не попали мои.

К счастью, они уцелели. Я уже собирался войти, когда из-за угла вышел высокий рыжеволосый малый и направился прямиком ко мне. Я пожал плечами. Какой-то заезжий чиновник, не иначе...

— Корвин! — крикнул он.— Как вы здесь оказались?

Он подошел ближе и пристальней вгляделся в меня. Я поступил так же.

— Полагаю, что не имею чести быть знакомым,— сказал я.

— Бросьте, Корвин. Вы застали меня врасплох. Я думал, вы там, со своим Путем и «Шевроле» пятьдесят седьмого года.

Я покачал головой:

— Не уверен, что понимаю, о чем вы говорите.

Рыжеволосый сузил глаза:

— Вы, часом, не призрак Пути?

— Мерлин что-то рассказывал, когда освободил меня из Владений. Но я не уверен, что кого-либо из них встречал.— Я закатал левый рукав.— Рубаните меня. Пойдет кровь.

Он с серьезным видом разглядывал мою руку. На мгновение мне показалось, что он поймает меня на слове.

— Ладно,— сказал рыжеволосый.— Чуть-чуть. В целях безопасности.

— Я по-прежнему не знаю, с кем говорю,— сказал я.

Он поклонился.

— Простите. Я — Люк из Кашфы, иногда меня называют королем Ринальдо I. Если вы тот, за кого себя выдаете, то я — ваш племянник. Ваш брат Брэнд был моим отцом.

Вглядевшись в черты молодого человека, я заметил сходство и протянул руку.

— Давайте,— сказал я.

— Вы это серьезно?

— Серьезней не бывает.

Он вытащил из-за пояса кинжал и глянул мне в глаза. Я кивнул. Он коснулся лезвием моей руки — ничего не произошло. То есть произошло, но не вполне предвиденное и отнюдь не желаемое.

Острие вошло в мою руку на полдюйма. Оно продолжало свое движение и наконец показалось с обратной стороны. Кровь не выступила.

Люк попытался снова. Ничего.

— Черт! Не понимаю. Будь вы призраком Пути, брызнуло бы пламя. А так даже отметины не осталось.

— Можно одолжить ваш кинжал? — спросил я.

— Конечно.

Он передал мне клинок. Я внимательно на него поглядел. Потом прижал к руке и провел черту с три четверти дюйма. Выступила кровь.

— Черт побери! — сказал Люк.— Что происходит?

— Думаю, дело в чарах, которые я подцепил в Танцующих горах, когда недавно там ночевал,— отвечал я.

— Хм.— Люк задумался.— Сам я не имел такого удовольствия, но рассказы об этом месте слыхал. Не знаю, есть ли простой способ снять заклятие... Моя комната там.— Он указал в южную сторону.— Если вы согласитесь зайти, я посмотрю, что тут можно придумать. Я изучал хаосскую магию с отцом и с матерью, Джасрой.

Я пожал плечами.

— Моя комната ближе,— сказал я,— кроме того, мне несут курицу и бутылку вина. Давайте поставим диагноз там, а потом вместе перекусим.

Люк улыбнулся.

— Лучшее предложение за сегодняшний день,— сказал он.— Только позвольте мне зайти к себе за орудиями труда.

— Ладно. Я пройду с вами, чтобы знать дорогу — вдруг понадобится.

Он кивнул и повернулся. Мы направились в холл.

За углом мы пошли с запада на восток, мимо покоев Флоры, в направлении самых роскошных гостевых комнат. Люк остановился перед дверью и полез в карман, надо полагать, за ключом. Потом замер.

— Корвин! — позвал он.

— Да?

— Эти два канделябра в форме кобр,— сказал он, указывая вперед по коридору.— Бронзовые, наверное.

— Вероятно. Что с ними?

— Я всегда считал, что они тут только для украшения.

— Верно.

— В последний раз, когда я на них смотрел, между ними висела маленькая картина или шпалера.

— Мне тоже так помнится,— сказал я.

— Ну а сейчас между ними вроде бы коридор.

— Не может быть. Коридор есть чуть дальше...— начал я.

И тут же осекся, потому что понял. Я шагнул в ту сторону.

— Что происходит? — спросил Люк.

— Он зовет,— отвечал я.— Мне надо идти. Узнать, чего он от меня хочет.

— Кто?

— Зеркальный Коридор. Он появляется и пропадает. Он приносит иногда полезные, иногда двусмысленные вести тому, кого призывает.

— Он призывает нас обоих или только вас? — спросил Люк.

— Не знаю,— отвечал я.— Я чувствую, что он влечет меня, как случалось и раньше. Можете пойти со мной. Вдруг и для вас припасено что-нибудь хорошенькое.

— А было такое, чтобы два человека говорили с ним одновременно?

— Нет, но все когда-то происходит в первый раз,— сказал я.

Люк медленно кивнул.

— А, черт! — воскликнул он.— Играю.

Он прошел со мной до змей, и мы заглянули внутрь. По стенам справа и слева горели свечи. Сами стены искрились бесчисленными зеркалами. Я шагнул вперед, Люк — следом.

Зеркала были в рамах всех мыслимых форм. Я пошел очень медленно, заглядывая в каждое, и велел Люку делать то же самое.

Сперва зеркала отражали лишь нас и противоположную стену. Внезапно Люк остановился и застыл, повернув голову влево.

— Мама! — вырвалось у него. Из медной, в зеленой патине рамы, изображавшей уроборосскую змею, смотрела красивая рыжеволосая женщина.

Она улыбнулась:

— Я так рада, что ты поступил правильно, заняв трон...

— Ты серьезно? — спросил Люк.

— Конечно,— отвечала женщина.

— Я думал, ты рехнулась. Мне казалось, ты хочешь сама его занять.

— Хотела когда-то, но проклятые жители Кашфы меня не оценили. Сейчас я в Страже и собираюсь ближайшие несколько лет посвятить изысканиям, к тому же все здесь дышит трогательными воспоминаниями. Покуда кашфанский трон остается в семье, знай, что я довольна.

— Ну, э-э... я рад это слышать, мама. Очень рад. Буду продолжать в том же духе.

— Давай,— сказала она и исчезла.

Люк обернулся ко мне, губы его тронула ироническая усмешка.

— Редкий случай в моей жизни, когда она меня похвалила. Не за то, за что я похвалил бы себя сам, но все равно... Насколько это реально? Что именно мы видим? Было это сознательным разговором с ее стороны? Или...

— Они — настоящие,— ответил я.— Не знаю, как, почему или какая часть собеседника реально присутствует. Они могут быть стилизованными, сюрреалистическими, могут даже утянуть к себе. Но в каком-то смысле они реальны. Вот все, что мне известно. Фу ты!..

Из огромного зеркала в золотой раме впереди и справа выглядывал суровый лик моего отца Оберона.

— Корвин,— сказал он.— Ты был моим избранником, но всегда умел поступить наперекор.

— Это выволочка? — поинтересовался я.

— Верно. А после стольких лет с тобой не пристало говорить, как с ребенком. Ты выбирал свои дороги. Иногда это наполняло меня гордостью. Ты был мужествен.

— Э-э... спасибо... сэр.

— Я повелеваю тебе немедленно сделать одну вещь.

— Какую?

— Вытащи кинжал и ударь Люка.

Я разинул рот.

— Нет,— сказал я.

— Корвин,— промолвил Люк.— Это будет вроде того доказательства, что вы — не призрак Пути.

— Если вы даже и призрак, плевать! Мне-то что.

— Речь не о том,— вмешался Оберон.— Это явление другого порядка.

— Какого же? — спросил я.

— Проще показать, чем объяснить,— сказал Оберон.

Люк пожал плечами.

— Кольните меня в руку,— попросил молодой человек.— Делов-то.

— Ладно. Посмотрим, чем показ лучше объяснения.

Я вытащил из-за голенища кинжал. Люк закатал рукав и протянул руку. Я легонько ударил.

Лезвие прошло сквозь руку, словно сквозь клуб дыма.

— Черт! — сказал Люк.— Это заразно!

— Нет,— возразил Оберон.— Это явление совершенно особого рода.

— То есть?

— Не будете ли вы так любезны обнажить меч?

Люк кивнул и вытащил знакомого вида золотой клинок. Лезвие издало пронзительный плачущий звук, от которого затрепетало пламя ближайших свечей. Тут я понял, что это — меч моего брата Брэнда, Вервиндль.

— Давненько я его не видел,— промолвил я под продолжающиеся рыдания клинка.

— Люк, сделайте милость, резаните Корвина вашим мечом.

Люк поднял глаза, встретился со мной взглядом. Я кивнул. Он царапнул острием мою руку. Пошла кровь.

— Теперь ты, Корвин,— сказал Оберон.

Я вытащил Грейсвандир — он тоже запел, торжествующе, воинственно, как в величайших битвах прошлого. Обе ноты слились в жуткий дуэт.

— Резани Люка.

Люк кивнул, я провел Грейсвандиром по тыльной стороне его ладони. Царапина сразу покраснела. Пение клинков вздымалось и падало. Я убрал Грейсвандир в ножны, чтобы утихомирить. Люк так же поступил с Вервиндлем.

— В этом кроется какой-то урок,— сказал Люк.— Только провалиться мне, если я понимаю какой.

— Дело в том, что эти мечи — братья, наделенные общими волшебными свойствами. Собственно, их объединяет мощная тайна,— сказал Оберон.— Объясни ему, Корвин.

— Это опасная тайна, сэр.

— Пришло время ее раскрыть. Говори.

— Ладно,— сказал я.— В начале творения боги создали несколько колец, с помощью которых их посланцы умиротворяли Тень.

— Знаю,— отвечал Люк.— Мерлин носит спикард.

— Да,— сказал я.— Каждый имеет способность черпать из многих источников во многих Тенях. Все они различны.

— Так говорил Мерлин.

— Наши были превращены в мечи, мечами они и остались.

— Вот как? — сказал Люк.— И что дальше?

— Какой вывод вы можете сделать из того, что они способны причинить вам вред, а другое оружие — нет?

— Похоже, наша заговоренность как-то связана с ними,— предположил я.

— Верно,— подтвердил Оберон.— В предстоящей борьбе — какую бы вы сторону ни заняли — вам понадобится необычная защита от своеобразной мощи некоего Джарта.

— Джарта? — переспросил я.

— Потом,— сказал Люк,— я все расскажу.

Я кивнул.

— Только как пользоваться этой защитой? Как мы сможем вернуть себе проницаемость? — спросил я.

— Не скажу,— последовал ответ,— но кое-кто впереди вас просветит. И что бы ни случилось, да будет с вами мое благословение — хотя оно, вероятно, уже немногого стоит.

Мы поклонились и поблагодарили. Когда мы снова подняли глаза, Оберон исчез.

— Здорово,— сказал я.— Вернулся меньше часа назад и уже по уши в амберской недосказанности.

Люк кивнул:

— В Хаосе и Кашфе, похоже, не лучше. Возможно, главное назначение государства — плодить неразрешимые проблемы.

Я хохотнул, и мы пошли дальше, разглядывая себя в озерцах света. Через несколько шагов в красной овальной раме слева от меня появилось знакомое лицо.

— Корвин, какая радость,— произнес голос.

— Дара!

— Похоже, я подсознательно желаю тебе зла сильнее, чем кто другой,— сказала она,— и поэтому именно мне выпало удовольствие сообщить самую неприятную новость.

— Да?

— Я вижу, как один из вас лежит пронзенный клинком другого.

— Я не собираюсь его убивать,— отвечал я.

— Взаимно,— поддержал Люк.

— Ах, но в этом-то вся и прелесть,— сказала она.— Один из вас должен заколоть другого, чтобы к уцелевшему вернулась утраченная материальность.

— Спасибо, но я отыщу другой способ,— возразил Люк.— Моя мать, Джасра,— могучая волшебница.

Дарин смех прокатился по коридору, словно звон разбиваемого зеркала.

— Джасра! Моя бывшая фрейлина! Все, что она знает об Искусстве, подслушано у меня. Она пусть и способная, но осталась недоучкой.

— Отец завершил ее обучение,— заявил Люк.

Дара посмотрела на Люка. Улыбка сошла с ее лица.

— Ладно. Скажу тебе честно, сын Брэнда. Я не знаю другого способа разрешить твои затруднения, кроме того, что уже назвала. А поскольку мне ты ничего плохого не сделал, то желаю тебе победы.

— Спасибо,— ответил он,— но я не собираюсь сражаться с дядей. Кто-нибудь да снимет это заклятие.

— В историю втянуты сами орудия,— сказала Дара.— Они принудят вас к бою, и они сильнее смертного чародейства.

— Спасибо за совет,— кивнул Люк.— Может, что-нибудь из этих сведений нам пригодится.

Он подмигнул Даре; она покраснела, чего я никак не ожидал, и пропала.

— Мне не нравится, куда ветер дует,— сказал я.

— Мне тоже. Что, если нам повернуть назад?

Я покачал головой:

— Коридор затягивает, и лучший совет, который я когда-либо получал,— взять от него все, что удастся.

Мы прошли футов десять. Прекраснейшие зеркала и мутные старые стекляшки отражали одно и то же.

Щербатое зеркало в желтой лаковой раме, исписанной китайскими иероглифами, заставило нас остановиться. Громовой голос моего покойного брата Эрика выкрикнул:

— Я вижу ваши судьбы! — Он раскатисто хохотнул.— И вижу поле боя, на котором они свершатся. Это будет занятно, брат. Если, умирая, услышишь смех, то знай — смеюсь я.

— Ты всегда был большим шутником,— ответил я.— Кстати, покойся в мире. Ты ведь герой, знаешь ли.

Эрик всмотрелся в мое лицо.

— Безумный брат,— сказал он, отвернулся и пропал.

— Это был Эрик, который недолгое время занимал здешний престол? — спросил Люк.

Я кивнул и добавил:

— Безумный брат.

Мы двинулись дальше.

Из стальной рамы с заржавевшими розами высунулась тонкая рука.

Я замер и повернулся, внезапно угадав, кого сейчас увижу.

— Дейрдре...— начал я.

— Корвин,— мягко отозвалась она.

— Тебе известно, что тут нам наговорили?

Она кивнула.

— Что из этого правда и что — собачья чушь? — спросил я.

— Не знаю и не думаю, что остальные знают — во всяком случае, наверняка.

— Спасибо. Буду этим утешаться. Что дальше?

— Если вы возьметесь за руки, вас легче будет перенести.

— Куда?

— Вы не можете уйти из коридора своими ногами. Вы попадете прямиком на поле боя.

— И ты хочешь нас туда перенести, солнышко?

— У меня нет выбора.

Я кивнул и взял Люка за руку.

— Что вы об этом думаете? — спросил я его.

— Думаю, надо соглашаться,— сказал он.— А когда узнаем, кто за этим стоит, разорвать негодяя на части раскаленными клещами.

— Мне нравится ход ваших мыслей,— промолвил я.— Дейрдре, показывай путь.

— Мне это не по душе, Корвин.

— Если, как ты говоришь, выбора нет, то какая разница? Веди нас, госпожа. Веди.

Она взяла меня за руку. Мир вокруг завертелся колесом.

Кто-то задолжал мне курицу и бутылку вина. Я еще за ними вернусь.

Очнулся я, кажется, на поляне под освещенным луной небом. Я не шевелился и лишь чуть-чуть приоткрыл глаза. Лучше не показывать, что я бодрствую.

Очень медленно я повел зрачками. Дейрдре не видно. Уголком правого глаза я различил костер и несколько человек возле него.

Я скосил глаза налево и заметил Люка. Вроде больше никого рядом не было.

— Не спите? — прошептал я.

— Ага,— отвечал он.

— Никого поблизости нет,— сказал я, вставая,— кроме вот тех у костра справа. Возможно, нам удастся отсюда выбраться — через карты, через Тень. А может, мы и застряли.

Люк послюнявил палец и поднял его, словно проверяя ветер.

— Влипли. Похоже, придется драться.

— На смерть? — спросил я.

— Не знаю. Но, судя по всему, нам не отвертеться,— отвечал Люк. Он встал.

— Меня смущает не драка, а знакомство,— сказал я.— Зачем только я вас узнал.

— Вот и я о том же. Кинем монетку?

— Орел — идем отсюда. Решка — остаемся и смотрим, что из этого выйдет.

— Годится.— Люк полез в карман, вытащил двадцатипятипенсовик.— Сделайте милость.— Он подбросил монетку. Мы оба опустились на колени.— Решка. Первый раз не считается?

— Считается,— сказал я.— Пошли.

Люк спрятал монетку в карман, мы повернулись и двинулись к костру.

— Их всего десяток. Справимся,— сказал Люк мягко.

— С виду они не очень враждебные,— заметил я.

— Верно.

Мы подошли, я кивнул и заговорил на тари:

— Здравствуйте. Я — Корвин из Амбера, а это — Ринальдо I, король Кашфы, иначе Люк. Вы не нас, случаем, дожидаетесь?

Старик, сидевший у костра и палкой ворошивший поленья, встал и поклонился:

— Меня зовут Рейс. Мы — свидетели.

— Чьи? — спросил Люк.

— Мы не знаем имен. Их было двое в капюшонах. Один показался мне женщиной... Перед тем как вы начнете, мы можем предложить вам еду и питье...

— Ага,— сказал я.— Из-за этой истории я пропустил обед. Покормите меня.

— И меня,— добавил Люк.

Старик и еще двое принесли мяса, яблок, хлеба и кубки с красным вином.

Пока мы ели, я спросил Рейса:

— Вы можете мне растолковать, как все это произойдет?

— Конечно. Мне объяснили. Вы подкрепитесь, перейдете на другую сторону огня, и вам все станет ясно.

Я рассмеялся, потом пожал плечами:

— Ладно.

Покончив с едой, я взглянул на Люка. Тот улыбнулся.

— Если за обед надо расплачиваться представлением,— сказал Люк,— то покажем им десятиминутный спектакль и сочтем, что мы квиты.

Я кивнул:

— Идет.

Мы поставили миски, встали и обошли костер.

— Готовы? — спросил я.

— Разумеется. Почему бы нет?

Мы обнажили мечи, разошлись на шаг и отсалютовали друг другу. Клинки запели, мы оба рассмеялись. Внезапно я почувствовал, что атакую, хотя собирался дождаться его атаки и вложить первую энергию в ответный выпад. Движение было непроизвольным, хотя очень точным и быстрым.

— Люк,— сказал я, когда он парировал,— все происходит помимо меня. Будьте осторожнее. Что-то творится странное.

— Знаю,— сказал он, переходя в блестящее наступление.— Я не собирался.

Я отбил и с удвоенной силой стал наступать на Люка. Тот попятился.

— Неплохо,— пробормотал он.

Я почувствовал, что мою руку отпустило. Я фехтовал по своей воле, ничто мною не управляло, но страх, что это вернется, остался.

Внезапно я понял, что мы деремся в полную силу, и мне это не понравилось. Если я буду сражаться без злости, на меня снова найдет. А если буду сражаться отчаянно, кто-то из нас может некстати сделать опасный выпад.

Мне стало не по себе.

— Люк, если с вами творится то же, что и со мной, то мне этот спектакль не по вкусу.

— И мне,— отозвался он.

Я взглянул на костер. Возле огня стояли двое в плащах. Они были небольшого роста, у одного под капюшоном что-то белело.

— Зрителей прибавилось,— произнес я.

Люк обернулся; я с трудом удержал предательский выпад. Бой возобновился, Люк покачал головой.

— Не узнаю никого из них,— сказал он.— Похоже, это серьезнее, чем я предполагал.

— Да.

— Мы оба способны оправиться и после серьезной переделки.

— Верно.

Клинки звенели. Время от времени раздавались ободряющие возгласы.

— Что, если нам друг друга ранить,— предложил Люк,— потом повалиться на землю и ждать их приговора? Если хоть один подойдет близко, можно будет для смеха его прикончить.

— Годится,— кивнул я.— Если вы согласитесь подставить левое плечо, то я согласен на укол в среднюю линию. Впрочем, пусть насладятся кровью, прежде чем мы выйдем из игры. Раны в голову и в руку. Главное, неглубокие.

— Идет. И разом.

Мы продолжали бой. Я все ускорялся и ускорялся. Почему бы нет? Это своего рода игра.

Внезапно мое тело совершило движение, которое я не планировал. Глаза у Люка расширились. Грейсвандир прошел сквозь его плечо. Кровь хлынула фонтаном. Через мгновение Вервиндль вонзился мне в живот.

— Простите,— сказал Люк.— Послушайте, Корвин, если вы останетесь жить, а я — нет, то вам стоит узнать, что в замке вообще творится кутерьма с зеркалами. В ночь перед вашим появлением мы с Флорой отражали нападение выползшей из зеркала твари. Тут еще замешан странный чародей — он запал на Флору. Никто не знает, как его зовут. Полагаю, он как-то связан с Хаосом. Может ли быть такое, что Амбер начал отражать Тень, а не наоборот?

— Привет,— произнес знакомый голос.— Дело сделано.

— Воистину,— подхватил другой.

Говорили двое в капюшонах. Один был Фионой, другой — Мэндором.

— Что бы ни было дальше, здравствуйте, милые принцы,— сказала Фиона.

Я силился встать. Люк тоже. Я пытался даже поднять меч. Тщетно. Мир снова померк, я истекал кровью.

— Я выживу... и доберусь до вас,— выдавил я.

— Корвин,— чуть слышно донесся до меня ее голос.— Напрасно ты нас винишь. Это было...

— ...исключительно ради моего блага, готов поспорить,— пробормотал я, и тут все окончательно потемнело. Я застонал, поняв, что не успел использовать предсмертное проклятие. Когда-нибудь...

Я очнулся в амбулатории Амбера. Люк лежал на соседней койке, под капельницей, как и я.

— Вы будете жить,— сказала Флора, отпуская мою руку. Она щупала мне пульс.— Расскажите, что с вами произошло.

— Нас нашли в коридоре? — спросил Люк.— А Зеркального Коридора и след простыл?

— Все так.

— Корвин,— сказал Люк,— когда вы были ребенком, Зеркальный Коридор появлялся часто?

— Нет,— отвечал я.

— Его почти не видели, когда росла я,— подхватила Флора.— Он сделался таким активным только в последние годы. Как будто сам дом проснулся.

— Дом? — переспросил Люк.

— Складывается впечатление, что в игру вступил новый участник,— промолвила она.

— Кто? — сказал я. Речь доставляла мне боль.

— Как кто? Конечно, сам замок,— отвечала Флора.

Кстати, о шнурке

Мало радости висеть привязанной к кроватному столбику, когда на душе и без того кисло.

Я непроизвольно переключалась из видимого состояния в невидимое. С другой стороны, способность к об-

щению мало-помалу возвращалась. Пробужденное сознание не покидало меня со времени странного путешествия с Мерлином по Тени. Однако обратное перемещение в эту реальность повергло меня в шок, от которого я теперь медленно отходила, хотя некоторые чувства запаздывали. В итоге я отвязывалась дольше, чем делала бы это в обычных обстоятельствах.

Я — Фракир. Удавка Мерлина — лорда Амбера и принца Хаоса. Опять-таки, в обычных обстоятельствах он бы так со мной не поступил: не бросил бы в развороченных покоях Брэнда, покойного принца Янтарного Королевства и несостоявшегося повелителя Вселенной. Однако Мерлин находился под заклятием, оставленным Брэндом для своего сына Ринальдо. Мерлин так долго дружит с Ринальдо, у них столько общего, что чары подействовали и на него. Сейчас он их, должно быть, уже стряхнул, тем не менее я осталась в неловком положении, а он наверняка уже перенесся во Владения.

Мне совершенно не улыбалось дожидаться здесь, пока идут всевозможные переустройства и ремонт. Вдруг кровать, к которой я привязана, вздумают выбросить и заменить новой?

Я наконец распуталась. Хорошо хоть Мерлин завязал меня обычным узлом, не волшебным. Впрочем, затянул он крепко, и мне пришлось основательно поерзать, прежде чем узел ослаб и я сумела освободиться.

Я соскользнула по кроватному столбику на пол. Теперь можно было улизнуть, соберись кто выносить мебель. Мне вдруг пришла мысль, что совсем неплохо убраться с дороги от греха подальше.

Я отползла от кровати (из покоев Брэнда в комнату Мерлина), гадая, что за тайна кроется в кольце, которое он нашел и надел на палец,— спикарде.

Такому существу, как я, очевидно было, что кольцо обладает огромной мощью и способно черпать энергию из множества источников. Ясно и другое: это предмет одного порядка с Вервиндлем, как бы ни разнились они в человеческих глазах. Мне вдруг подумалось, что Мерлин мог этого не заметить и надо ему как-то сообщить.

Я пересекла комнату. Когда требуется, я могу ползти по-змеиному. Я не умею переноситься по волшебству, как почти все мои знакомые, поэтому решила поискать кого-нибудь, кто умеет. Затруднение было одно: в семье, где принято скрывать все, кроме рецептов магического суфле, многие даже не подозревают о моем существовании.

...А я, кстати, не знаю, как расположены комнаты остальных членов королевского рода, за исключением Мерлина, Брэнда, Рэндома с Вайол и Мартина, у которого мой хозяин иногда бывал. До Рэндома и Вайол в этом разгроме не доберешься. Поэтому я доползла до комнат Мартина и проскользнула под дверь. По стенам висели портреты рок-звезд и колонки приводимого в действие волшебством проигрывателя для лазерных дисков. Увы, самого Мартина не было; а как узнаешь, когда он заявится?

Я вернулась в холл и заскользила по полу, прислушиваясь, не различу ли знакомые голоса, заглядывая под двери в комнаты. Вдруг из-за двери дальше по коридору донесся голос Флоры, сказавший: «Тьфу ты, пропасть!» Я поспешила туда. Флора — одна из немногих, кто обо мне знает.

Дверь была закрыта, но я протиснулась в щель внизу и оказалась в ярко отделанной гостиной. Флора каким-то клеем чинила сломанный ноготь.

Оставаясь невидимой, я пересекла комнату и обвилась вокруг ее правой щиколотки.

— Привет,— сказала я.— Это Фракир, подруга и удавка Мерлина. Поможешь мне?

Флора ответила не сразу.

— Фракир! Что стряслось? Что тебе надо?

— Меня несправедливо бросили,— объяснила я,— а Мерлин находится под действием странных чар. Мне надо с ним связаться. Я поняла кое-что такое, чего он не знает. И потом, я хочу обратно на его запястье.

— Попробую его карту,— сказала Флора,— хотя, если он во Владениях, мне его скорее всего не достать.

Я услышала, как она выдвигает ящик стола, потом несколько мгновений шуршали карты. Я попыталась настроиться на мысли Флоры, но не смогла.

— Извини,— промолвила она через какое-то время.— Не выходит.

— Все равно спасибо,— сказала я.

— Когда ты рассталась с Мерлином? — спросила она.

— В тот день, когда Силы встретились в коридоре.

— А что за чары на Мерлине?

— Они свободно висели в покоях Брэнда. Понимаешь, комнаты Мерлина и Брэнда — соседние; когда разделяющая их стена рухнула, он из любопытства зашел взглянуть.

— Фракир, я не верю, что это была случайность,— сказала Флора.— Наверняка все подстроила та или другая Сила.

— Если подумать, то, наверное, да, принцесса.

— И что ты собираешься делать дальше? Я бы хотела помочь,— сказала она.

— Мне бы как-нибудь попасть к Мерлину,— отвечала я.— Вот уже некоторое время его окружает ореол опасности, к которому я особенно чувствительна.

— Понимаю,— сказала Флора,— и что-нибудь придумаю. Может быть, потребуется несколько дней, но я справлюсь.

— Ладно, подожду,— согласилась я.— Мне выбирать не приходится.

— Можешь до тех пор побыть у меня.

— Хорошо,— сказала я.— Спасибо.

Я нашла удобного вида столик, обвилась вокруг его ножки и впала в состояние стаза, если надо это как-то назвать. Стаз — не сон, не обморок, но и мыслей в обычном понимании нет. Я просто выхожу из своего восприятия и существую, пока не понадоблюсь вновь.

Сколько я пробыла свернутой, определить не могу. Я была одна в гостиной, хотя и слышала, как дышит за соседней дверью Флора.

Внезапно она вскрикнула. Я отцепилась от ножки и шмякнулась на пол.

Пока я торопливо ползла к двери, раздался еще голос:

— Извините, за мной гонятся. Мне ничего не оставалось, кроме как ворваться без приглашения.

— Кто вы? — спросила Флора.

— Чародей,— отвечал он.— Я прятался в вашем зеркале, причем далеко не первую ночь. Я запал на вас и с удовольствием наблюдал, чем вы тут занимаетесь.

— Вы подглядывали! Извращенец! — вскричала Флора.

— Ничего подобного. Я считаю, что вы — дама исключительно приятной наружности, и мне нравится на вас смотреть. Вот и все.

— Вы могли бы познакомиться со мной принятым порядком.

— Да, но это крайне осложнило бы мою жизнь.

— А, вы женаты?

— Хуже,— сказал он.

— Так что же?

— Сейчас некогда. Я чувствую, она приближается.

— Кто?

— Гизель. Я послал ее убить другого чародея, но тот разделался с моей и отправил против меня свою. Я и не знал, что он на такое способен. Я не умею с ними справляться. С минуты на минуту она выползет из зеркала, а тогда нас ждет ужасный конец. Как-никак мы в Амбере и все такое — нет ли поблизости героя, мечтающего заслужить очередной шеврон за храбрость?

— Думаю, нет,— отвечала она.— К сожалению.

Зеркало начало темнеть.

Я уже некоторое время ощущала идущую от незнакомца угрозу. Впрочем, это моя работа.

Теперь я различила и саму гизель. Огромная, в два человеческих роста, червеобразная, безглазая, но с акульим ртом, с множеством коротких ножек и рудиментарными крылышками. Ее черное туловище пересекали красная и желтая полосы. Она ползла по отраженной комнате, постепенно изгибаясь.

— Когда вы спрашивали про героя,— полюбопытствовала Флора,— вы хотели сказать, что гизель пройдет сквозь стекло и нападет на нас?

— Коротко говоря,— произнес странный коротышка,— да.

— Когда она нападет,— сказала я Флоре,— швырни меня в нее. Я зацеплюсь и поползу к горлу.

— Ладно. И еще кое-что можно сделать.

— Что же? — спросила я.

— Помогите! Помогите! — закричала Флора.

Гизель начала выползать из серебристого зеркала в цветочной раме. Флора сняла меня со щиколотки и бросила. У твари не было шеи, но я обвила ее туловище перед самым ртом и начала стягиваться.

Флора продолжала кричать. В коридоре загрохотали тяжелые башмаки.

Я сжимала и сжимала хватку, но горло у твари было как резиновое.

Чародей направлялся к двери, когда та распахнулась и в комнату вошел высокий, подтянутый рыжеволосый Люк.

— Флора! — сказал он, потом увидел гизель и обнажил клинок.

В недавнем путешествии с Мерлином между Тенями я обрела способность общаться на сложных уровнях. Мое восприятие — которое совершенно изменилось — обрело новую остроту. Оно не показывало мне ничего необычного в Люке, чародее или гизеле, а вот Вервиндль лучился теперь совершенно особым светом. Я поняла, что это не просто меч.

Люк встал между Флорой и гизелью. Чародей сказал:

— Что это за клинок?

— Его зовут Вервиндль,— отвечал Люк.

— А вы...

— Ринальдо, король Кашфы.

— Ваш отец — кто он был?

— Брэнд, принц Амбера.

— Разумеется,— сказал чародей, вновь направляясь к двери.— Этим мечом вы сумеете уничтожить тварь. Прикажите ему черпать энергию. Он может получать ее практически в неограниченном количестве.

— Почему? — спросил Люк.

— Потому что на самом деле это не меч.

— А что же?

— Извините,— сказал чародей, глядя на гизель, которая уже подползала к нам.— Я страшно тороплюсь. Мне надо отыскать другое зеркало.

Я видела, что он, не зная о моем присутствии, сознательно дразнит Люка, поскольку разгадала загадку и понимала: объяснение не заняло бы времени.

В следующее мгновение я отцепилась и быстро-быстро соскользнула на пол, потому что Люк размахнулся Вервиндлем, а мне не хотелось оказаться изрубленной на куски. Я не знала, что бы со мной сталось: разделилась бы я на две мудрые, остроумные, сознательные части или погибла бы. А поскольку желания проверять теории на собственной шкуре у меня не было, самым разумным представлялось отползти.

Я шмякнулась на пол в ту секунду, когда удар обрушился на гизель. Ее головной сегмент упал рядом, продолжая извиваться. Я ринулась к щиколотке Люка. Флора схватила стул и, несмотря на сломанный ноготь, с силой обрушила его на хвост твари. Она повторила это еще несколько раз. Люк продолжал крошить свою половину.

Я доползла, куда собиралась, взобралась по ноге и уцепилась покрепче.

— Слышишь меня, Люк? — позвала я.

— Да,— отвечал он.— Кто ты?

— Мерлинова удавка Фракир.

Люк с размаху рубанул хвостовую часть, которая ползла на него, выставив когтистые лапки. Потом развернулся и рассек нападающую переднюю. Флора снова ударила по задней стулом.

— Мне известно, что знает чародей,— сказала я.

— Вот как? — произнес Люк, отрубая очередной сегмент и оступаясь на брызнувшем из него клейком соке.

— Вервиндль может вобрать в себя энергии довольно, чтобы разрушить мир.

— Серьезно? — удивился он, пытаясь вскочить с пола. Обрубок гизели с размаху бросился на него.— Ладно.

Люк встал на ноги, коснулся обрубка острием меча и тут же отдернул — обрубок скорчился.

— Ты права. В этом что-то есть.— Он вновь кольнул атакующий сегмент, тот вспыхнул синеватым пламенем и исчез.— Флора, Флора, назад! — закричал Люк.

Она отступила, и Люк превратил в пепел наступавший на нее хвостовой сегмент. Потом следующий.

— Ну вот, вроде пошло,— сказал он, поворачиваясь к очередному обрубку.— Только я не понимаю, как это получается.

— Это не меч,— сказала я.

— А что же тогда?

— Перед тем как стать Вервиндлем, он был спикардом Раутом.

— Спикардом? Как то кольцо, которое подобрал Мерлин?

— Именно.

В несколько быстрых движений Люк разделался с остатками гизели.

— Спасибо, Фракир, что объяснила, как эта штука действует. Поищу-ка я этого чародея, хотя сильно подозреваю, что он укрылся в ближайшем зеркале.

— Я тоже так думаю.

— Как его зовут?

— Он не сказал.

— Выясним... Флора,— продолжал Люк.— Я пойду на поиски чародея. Скоро вернусь.

Она улыбнулась, он вышел. Нет необходимости говорить, что чародей не отыскался.

— Интересно, откуда он попал в зеркало? — промолвил Люк.

— Понятия не имею,— отозвалась я.— Но сама я скорее заинтересовалась бы тем, кто отправил за ним эту тварь.

Люк кивнул.

— Что теперь?

— Думаю, надо сказать Флоре, что ее извращенец ударился в бега. Ты — чародей. Можно ли что-нибудь сделать с ее зеркалами, чтобы он не принялся за старое?

— Думаю, да,— отвечал Люк, подходя к ближайшему окну и выглядывая на улицу.— Я этим займусь. А ты?

— Я хотела бы вернуться к Мерлину.

— Если он во Владениях Хаоса — а я подозреваю, что это так,— то мне не удастся отправить тебя через карту.

— Как насчет Вервиндля?

— Я еще не понял, как он действует. Надо немного попрактиковаться.

— Слушай, а как ты здесь оказался?

— Хотел поговорить с Вайол,— сказал Люк.— Она пообещала, что Корвин скоро вернется, а потом предложила мне стол и кров, чтобы я подождал его несколько дней.

— Тогда ты можешь носить меня на себе, пока он не объявится, а я постараюсь напроситься с ним. У меня предчувствие, что они с Мерлином скоро увидятся.

— Может, я и сам его встречу, но пока трудно сказать.

— Ладно. Ближе к делу решим.

— А как по-твоему, что вообще затевается?

— Что-то жуткое в вагнеровском духе,— сказала я,— с морем крови, громами и гибелью для нас всех.

— А, как всегда,— отвечал Люк.

— Именно,— отозвалась я.

Окутанка и гизель

Очнувшись в темной комнате, я осознал, что занимаюсь любовью с некой дамой, при этом мне не удалось вспомнить, как она оказалась у меня в постели. Жизнь иной раз преподносит сюрпризы. Порой у них бывает непривычно сладкий вкус. У меня не было желания нарушать наше согласие, и я продолжал, снова и снова, совершать те действия, за которыми меня застало пробуждение, продолжала их совершать и она, пока мы не достигли той точки, когда понятия «отдать» и «взять» сливаются воедино, момента уравновешенности и успокоения.

Я сделал незаметное движение левой рукой, и приглушенный свет возник и замерцал над нашими головами. У нее были длинные черные волосы и зеленые глаза, высокие скулы и широкий лоб. Когда зажегся свет, она засмеялась, приоткрыв зубы вампира. Однако на ее губах не было следов крови, и я посчитал невежливым потрогать свое горло в поисках следов укусов.

— Сколько лет, сколько зим, Мерлин,— мягко сказала она.

— Мадам, преимущество на вашей стороне,— сказал я.

Она вновь засмеялась.

— Едва ли,— ответила она и произвела несколько телодвижений, которые имели целью окончательно повергнуть меня в смущение и вызвать целую бурю в моем теле.

— Это несправедливо,— сказал я, вглядываясь в эти глубокие, словно море, глаза и гладя этот бледный лоб. В ней было нечто ужасно знакомое, но я не мог понять что.

— Подумай,— сказала она,— ибо я хочу, чтобы меня вспомнили.

— Я, право... Ранда? — спросил я.

— Твоя первая любовь, так же, как ты — моя,— сказала она, улыбаясь,— помнишь, там, в мавзолее? Просто заигравшиеся дети. Но это было восхитительно, не правда ли?

— Это и сейчас восхитительно,— отозвался я, гладя ее волосы.— Нет, я не забыл тебя. Хотя и не надеялся увидеть тебя вновь после того, как нашел ту записку, где говорилось, что твои родители больше не разрешают тебе играть со мной... они думали, что я вампир.

— Было похоже на то, мой принц Хаоса и Амбера. Твои необычайные силы и твоя магия...

Я посмотрел на ее рот, на ее не прикрытые губами клыки.

— Странный запрет для семьи вампиров,— отметил я.

— Вампиры? Мы не вампиры,— сказала она.— Мы принадлежим к последним из окутанов. Нас осталось всего пять семей во всех секретных образах всех теней отсюда до Амбера — и дальше, в самом Амбере и вплоть до Хаоса.

Я еще крепче сжал ее в объятиях, и через мой мозг пронеслась лавина странных воспоминаний. Через некоторое время я сказал:

— Прости, но я не имею ни малейшего представления о том, кто такие окутаны.

Помолчав, она нехотя ответила:

— Было бы странно, если бы ты знал о нас, поскольку мы всегда были тайной расой.— Она открыла рот, и я увидел в призрачном свете, как ее клыки медленно втягивались в десны, принимая вид нормальных зубов.— Они появляются в минуты страсти, не только от предвкушения пира,— подчеркнула она.

— Значит, вы используете их так же, как это делают вампиры,— сказал я.

— Или упыри,— согласилась она.— Их плоть еще вкуснее, чем их кровь.

— «Их»? — переспросил я.

— Плоть тех, кого мы выбираем.

— И кто ими может оказаться? — спросил я.

— Те, без кого мир стал бы лучше,— ответила она.— Большинство из них просто исчезает. Некоторые гуляки, попировав, оставляют части плоти.

Я помотал головой.

— Госпожа окутанка, я не все понимаю,— сказал я ей.

— Мы приходим и уходим, куда захотим. Мы неуловимый народ, гордый народ. Мы живем по кодексу чести, который защищает нас от всего вашего унылого понимания. Даже те, кто подозревает о нашем существовании, не знают, где нас искать.

— И все же ты приходишь и рассказываешь мне все эти вещи.

— Я наблюдала за тобой большую часть жизни. Ты нас не выдашь. Ты ведь тоже живешь по кодексу чести.

— Наблюдала за мной? Каким образом?

Но в этот момент наше взаимное возбуждение вновь достигло высшей точки. Я, разумеется, не дал ему схлынуть. Когда мы уже лежали бок о бок, я повторил вопрос. Но теперь она была готова к ответу.

— Я — мимолетная тень в твоем зеркале,— сказала она.— Когда я выглядываю, ты не успеваешь меня заметить. У каждого из нас, любовь моя, есть свои питомцы, люди или увлечения, которым мы предаемся. Ты всегда был моим увлечением.

— Почему ты пришла ко мне сейчас, Ранда? — спросил я.— После стольких лет?

Она отвернулась.

— Может так случиться, что ты скоро умрешь,— ответила она, помолчав,— и мне захотелось воскресить память о наших счастливых днях, проведенных вместе в Диком лесу.

— Скоро умру? Я живу среди опасностей. Не могу этого отрицать. Я слишком близок к Трону. Но у меня есть сильные защитники — и сам я сильнее, чем думают люди.

— Как я уже сказала, я наблюдала за тобой,— настаивала она.— И я не сомневаюсь в твоей доблести. Я видела, как ты освоил много заклинаний и способен применять их. Некоторые из них даже я не понимаю.

— Так ты колдунья?

Она покачала головой.

— Мои знания в этой области хотя и обширны, но остаются чисто академическими,— сказала она.— Моя собственная сила не в этом.

— А в чем? — поинтересовался я.

Она показала на стену. Я долго рассматривал ее, потом признался: «Не понимаю».

— Ты можешь повернуть это вверх? — спросила она, кивнув в сторону источника призрачного света.

Я подчинился.

— А теперь перемести это к зеркалу.

Я вновь подчинился. Зеркало было очень темным, но здесь все тонуло в темноте, в этом гостевом домике Мэндора, где я решил провести ночь после нашего недавнего примирения.

Я вылез из кровати и пересек комнату. Зеркало было абсолютно черным, в нем ничто не отражалось.

— Странно,— заметил я.

— Ничего странного,— сказала она.— Я закрыла и заперла его после того, как вошла сюда. Так же как и все остальные зеркала в доме.

— Ты пришла сюда из зеркала.

— Да. Я живу в зеркальном мире.

— А твоя семья? И четыре остальные семьи, которые ты упомянула?

— Все мы устраиваем свои жилища вне пределов отражения.

— И оттуда ты путешествуешь с места на место?

— Именно так.

— Очевидно, для того, чтобы присматривать за своими питомцами. И поедать людей, которых ты не одобряешь?

— И это тоже.

— Ты пугаешь меня, Ранда.— Я вернулся к кровати, пристроился на краешке и взял ее за руку.— И все же приятно видеть тебя вновь. Жаль, что ты не приходила раньше.

— Я приходила,— сказала она,— используя наши собственные сонные чары.

— Жаль, что ты не будила меня.

Она кивнула.

— Я хотела бы остаться с тобой или взять тебя к себе домой. Но на этом этапе своей жизни ты неминуемо принесешь с собой опасность.

— Похоже на то,— согласился я.— И все же... Если оставить в стороне очевидное, почему ты здесь?

— Опасность распространилась. Теперь она затрагивает и нас.

— Вообще-то я думал, что опасности моей жизни в последнее время немного сократились,— признался я.— Мне удалось отбить попытки Дары и Мэндора управлять мною и достичь с ними определенного понимания.

— И все же они продолжат свои интриги.

Я пожал плечами.

— Это в их природе. Они знают, что я знаю, и знают, что во многом наши мысли совпадают. Им известно, что я для них созрел. Что касается моего брата Джарта... с

ним мы тоже пришли к пониманию. А Джулия... нас помирили. Мы...

Она засмеялась.

— Джулия уже использовала ваше «примирение» для попытки восстановить Джарта против тебя. Я наблюдала за этим. Я знаю. Она подогревает его ревность намеками на то, что больше заботится о тебе, чем о нем. Чего ей действительно хочется, так это твоего устранения, так же как и семерых твоих соперников — и остальных, кто готов вступить в борьбу. Она будет королевой Хаоса.

— Ей далеко до Дары,— сказал я.

— После того как ей удалось разгромить Джасру, она очень высокого мнения о себе. Ей еще не пришло в голову, что Джасра сделалась такой вялой и растерянной в результате трюка, а не под натиском силы. Джулия переоценивает свое могущество. И в этом ее слабость. Она склонна объединиться с тобой, чтобы притупить твою бдительность, а также стремится вновь восстановить против тебя брата.

— Теперь я предупрежден и благодарю тебя — хотя на самом деле на трон претендуют, кроме меня, только шестеро. Я был наследником номер один, но в последнее время откуда-то появилось полдюжины соперников. Ты же упомянула семь. Неужели есть кто-то, о ком я не знаю?

— Есть один тайный претендент,— сообщила она.— Имени его я тебе сказать не могу, потому что не знаю, мне известно лишь, что ты видел его в бассейне Сухея. Я знаю его внешность, хаосианскую и человеческую. Мне известно, что даже Мэндор считает его достойным соперником, когда речь идет об интригах. И напротив, я думаю, что Мэндор является основной причиной, почему он укрылся в нашем царстве. Он боится Мэндора.

— Так он живет в зеркальном мире?

— Да, хотя ему до сих пор неизвестно о нашем существовании в этом мире. Он обнаружил зеркальный мир по чистой случайности, но ему кажется, что он сделал восхитительное открытие — тайный путь, ведущий почти что куда угодно, позволяющий видеть почти все, что угодно, не рискуя быть обнаруженным. Нашим людям до сих пор удавалось избегать обнаружения, используя искривления, которых он не ощущает. Но жизнь в зеркальном мире дала ему несравненные возможности в борьбе за Трон.

— Если он может заглянуть куда угодно — даже подслушать — с помощью зеркала, не рискуя быть замеченным; если он может выйти из зеркала, убить кого угодно и ускользнуть тем же самым путем — да, я с этим согласен.

Ночь внезапно показалась очень холодной. Глаза Ранды расширились. Я потянулся к стулу, куда бросил свою одежду, и начал одеваться.

— Это своевременно,— сказала она.

— Есть что-то еще, да?

— Да. Укрывшийся в зазеркалье обнаружил и вытащил на свет кошмар нашего мирного царства. Он где-то нашел гизель.

— Что такое гизель?

— Существо из наших мифов, считавшееся давно вымершим в нашем зеркальном мире. Ее сородичи почти истребили окутанов. Чудовище уничтожало целые семьи до последнего.

Я застегнул ремень для ножен и натянул сапоги. Управившись с одеждой, я пересек комнату, подошел к зеркалу и подержал руку перед его чернотой. Да, оно казалось источником могильного холода.

— Ты закрыла и заперла их все? — спросил я.— Все зеркала поблизости?

— Укрывшийся послал по зеркальным путям гизель, чтобы уничтожить своих девятерых соперников в борьбе за Трон. Сейчас она добирается до десятого — до тебя.

— Понятно. Гизель может сломать твои замки?

— Не знаю. Смею надеяться, это непросто. Однако известно, что от нее исходит холод. Она притаилась за зеркалом. Она знает, что ты здесь.

— Как она выглядит?

— Крылатый угорь с множеством когтистых лап. Около десяти футов длиной.

— А если ее впустить?

— Она нападет на тебя.

— А если нам самим войти в зеркало?

— Она нападет на тебя.

— На какой стороне она сильнее?

— На обеих, я думаю.

— Вот черт! А можем мы войти туда через другое зеркало и напасть на нее с тыла?

— Может быть.

— Давай попробуем. Идем.

Ранда поднялась, быстро оделась в кроваво-красное платье и последовала за мной через стену в комнату, которая на самом деле находилась на расстоянии нескольких миль. Как большинство аристократов Хаоса, брат Мэндор предпочитал в целях безопасности разбрасывать свои резиденции по пространству. Продолговатое зеркало висело на дальней стене между письменным столом и большими хаосианскими часами. Я увидел, что часы, почувствовав наблюдателя, стали готовиться к немелодичному бою. Отлично. Я обнажил меч.

— Я даже не знала, что здесь еще одно зеркало,— сказала Ранда.

— Мы находимся на некотором расстоянии от комнаты, в которой я спал. Введи меня туда.

— Хотела бы сначала предупредить тебя,— сказала она.— Предания говорят, что никому еще не удавалось убить гизель мечом, а также посредством магии. Гизель способна поглощать заклинания и натиск силы. Ей не страшны самые жестокие раны.

— Какие, в таком случае, будут предложения?

— Сбей ее с толку, возьми в плен, прогони прочь. Это может оказаться эффективнее, чем пытаться убить ее.

— Хорошо, будем играть теми картами, которые сданы. Если я попаду в переплет, постарайся извлечь из этого пользу.

Вместо ответа окутанка взяла меня за руку и шагнула в зеркало. Поскольку я следовал за ней, старинные хаосианские часы начали неритмично отбивать время. Внутри

зеркала комната казалась точно такой же, как по ту сторону, только все было перевернуто. Ранда повела меня через комнату влево и шагнула за угол.

Мы попали в перекошенное, тускло освещенное пространство, где громоздились башни и огромные дома, очертания которых были мне незнакомы. В воздухе здесь и там летали пучки каких-то волнистых, искривленных линий. Она подошла к одному из пучков, вставила в него свободную руку и шагнула сквозь него, увлекая меня за собой. Мы очутились на изогнутой улице, обрамленной перекошенными зданиями.

— Спасибо,— сказал я тогда,— за предупреждение и за шанс нанести удар.

Она сжала мою руку.

— Я сделала это не столько для тебя, сколько для своей семьи.

— Я знаю,— сказал я.

— Я бы не стала этого делать, если бы не верила, что у тебя есть шанс одолеть эту тварь. Но я также помню один день... там, в Диком лесу... когда ты обещал быть моим рыцарем. Тогда ты казался мне настоящим героем.

Припомнив тот пасмурный день, я улыбнулся. Мы читали рыцарские сказки в мавзолее. В припадке благородства я вывел Ранду наружу, хотя в небе грохотал гром, и, стоя среди могильных камней неизвестных смертных — Денниса Кольта, Ремо Уильямса, Джона Гонта,— поклялся быть ее рыцарем, если ей когда-нибудь понадобится помощь. Она поцеловала меня, и я искренне надеялся, что в ту же минуту произойдет какое-нибудь ужасное событие, чтобы я мог пожертвовать ради нее жизнью. Но ничего не произошло.

Мы двинулись вперед, она отсчитывала двери, остановившись перед седьмой.

— Эта дверь,— сказала она,— ведет через искривление к месту, расположенному позади запертого зеркала в твоей комнате.

Я отпустил ее руку и шагнул мимо нее.

— Хорошо,— сказал я,— пора на охоту за гизелью,— и отправился в путь.

Гизель избавила меня от труда петлять в изгибах пространства, появившись передо мной прежде, чем я добрался до места.

Это было существо десяти или двенадцати футов в длину, безглазое, насколько я мог заметить, покрытое быстро трепещущими ресничками с той стороны, где, по моим расчетам, была голова. Гизель была интенсивно розового цвета; длинная зеленая полоса пересекала ее тело в одном направлении, а синяя — в другом. Она приподняла конец тела фута на четыре над землей и закачалась из стороны в сторону. При этом она издавала скрипучий звук. То, что мне показалось головой, повернулось в мою сторону. Внизу я заметил большой треугольный рот наподобие акульего; она несколько раз открыла и закрыла его, и я увидел множество зубов. Зеленая, ядовитая по виду жидкость капала из этого отверстия и дымилась на земле.

Я подождал, пока она приблизится, и она приблизилась. Я внимательно наблюдал за тем, как она двигается — быстро, как выяснилось,— с помощью мириад маленьких ножек. В ожидании нападения я выставил клинок перед собой в позиции «en garde». Про себя я повторял заклинания.

Она подползла ближе, и я поразил ее заклинаниями Ускользающего Бьюика и Пылающего Фасада. Она мгновенно замерла в ожидании начала их действия. Воздух сделался морозным, от ее рта и живота повалил пар. Когда пар исчез, она двинулась дальше, и я наслал на нее заклинание Инструментов Безумной Силы. И вновь она остановилась, впала в неподвижность и задымилась. На этот раз я бросился вперед и нанес ей страшный удар мечом. Она зазвенела, словно колокол, но больше ничего не случилось, и я отступил.

— Кажется, она пожирает мои чары и перерабатывает их в холод,— сказал я.

— Это замечали до тебя,— отозвалась Ранда.

Не успели мы договорить, как гизель выгнула тело таким образом, что ее жуткий рот оказался на самом верху, и метнулась ко мне. Я воткнул ей меч в горло, но ее удлинившиеся ножки вцепились в меня множеством когтей. Оттесняя меня назад, она сжала зубы, и я услышал треск сломанного металла. В руке у меня осталась лишь рукоять. Гизель откусила клинок. Гнусный рот вновь раскрылся, и я в страхе начал искать источник дополнительной силы.

Ворота спикарда были открыты, и я поразил тварь сырой энергией, извлеченной откуда-то из Тени. И вновь существо оказалось замороженным, а воздух вокруг меня — нестерпимо холодным. Я оторвал от себя когтистые ножки, тело мое кровоточило от множества мелких ран. Откатившись прочь, я вскочил на ноги, продолжая избивать гизель спикардом, чтобы она не размораживалась. Я старался расчленить ее, но она пожирала всю силу моих атак, оставаясь статуей из розового льда.

Потянувшись через Тень, я отыскал себе другой меч. Его кончиком я начертил в воздухе треугольник, вписав в центр его светящийся круг. Силой воли и желания я дотянулся до него. Через мгновение я почувствовал контакт.

— Отец! Я чувствую тебя, но не вижу!

— Призрачное Колесо,— сказал я,— я бьюсь за свою жизнь и, без сомнения, за множество других жизней. Приди ко мне, если можешь.

— Я пытаюсь. Но ты попал в странное пространство. Похоже, у меня нет туда доступа.

— Проклятье!

— В самом деле. Я сталкивался с этой проблемой и раньше во время своих странствий. Эта проблема не имеет готовых решений.

Гизель вновь зашевелилась. Я попытался не потерять контакт, но он становился все слабее. «Отец — крикнул Призрачное Колесо, чувствуя, что я ускользаю.— Попытайся...» И тут он умолк окончательно. Пятясь, я взглянул на Ранду. Теперь рядом с ней стояли десятки других окутанов, все они были одеты в черные, белые или красные одежды. Они затянули странную мелодию, наподобие погребального песнопения, словно включился мрачный

саундтрек, необходимый для нашей битвы. Похоже, эта музыка замедлила движения гизели.

Я откинул голову назад и издал тот неповторимый улюлюкающий крик, который слышал однажды во сне и не смог забыть.

И мой друг пришел на зов.

Кергма — живое уравнение — скользнул одновременно из многих углов. Я терпеливо ждал, наблюдая, как он/она/оно — в этом я никогда не был вполне уверен — наконец соединился в нечто целое.

Кергма был моим другом детства, вместе с Глат и Грилом.

Ранда, должно быть, тоже вспомнила это существо, которое могло проникать куда угодно, поскольку я услышал ее вздох. Кергма принялся кружиться вокруг ее тела, совершая обряд приветствия, затем проделал то же самое со мной.

— Друзья мои! Как давно вы не звали меня поиграть! Я так скучал без вас!

Гизель подалась вперед, невзирая на песнопение окутанов, словно начиная превозмогать его силу.

— Это не игра,— ответил я.— Этот зверь уничтожит нас всех, если мы прежде не прижмем его к ногтю,— сказал я.

— Значит, я должен решить это для вас. Все живое суть уравнение, сложное сочетание чисел. Я говорил вам об этом много лет назад.

— Да. Попытайся. Пожалуйста.

Я опасался бить зверюгу спикардом, пока Кергма работал над своими вычислениями, старался только, чтобы она ему не мешала. Меч и спикард я держал наготове, а сам продолжал медленно отступать. Окутаны пятились вместе со мной.

— Убийственное равновесие,— сказал, наконец, Кергма.— У нее замечательное уравнение жизни. Ну-ка, останови ее на время своей игрушкой.

Я вновь заморозил гизель спикардом. Песнь окутанов возобновилась.

Через продолжительное время Кергма сказал:

— Есть оружие, которое может уничтожить ее при благоприятных обстоятельствах. Однако ты должен до него дотянуться. Это скрученный клинок, который ты когда-то держал в руках. Он висит на стене бара, где вы однажды выпивали с Люком.

— Меч Ворпала? — спросил я.— Он может убить ее?

— Если отрезать кусок за куском при определенных обстоятельствах.

— Ты знаешь эти обстоятельства?

— Я их вычислил.

Я сжал свое оружие и вновь поразил гизель силой спикарда. Она заскрипела и застыла. Тогда я отбросил свой меч и потянулся — далеко-далеко, сквозь Тень. Я много времени провел в поисках, преодолевая мощное сопротивление так, что мне пришлось добавить силу спикарда к своей собственной, и вот наконец он пришел ко мне. Вновь я держал в руках сияющий изогнутый меч Ворпала.

Я шагнул вперед, чтобы ударить им гизель, но Кергма остановил меня. Мне пришлось вновь поразить ее силой, добытой из спикарда.

— Не так. Не так.

— А как тогда?

— Нам нужен дайсоновский вариант зеркального уравнения.

— Покажи.

Зеркальные стены стремительно сомкнулись, окружив со всех сторон меня, гизель и Кергму, но не Ранду. Мы поднялись в воздух и поплыли к центру образовавшейся сферы. Отовсюду на нас надвигались наши собственные изображения.

— Пора. Но не позволяй ей дотрагиваться до стен.

— Запомни свое уравнение. Оно мне может пригодиться позднее.

Я ударил дремавшую гизель мечом Ворпала. И вновь она издала металлический звон, но осталась неподвижной.

— Нет,— сказал Кергма,— пусть оттает.

Я послушался и стал ждать, пока она не зашевелится, собираясь напасть. Все оказалось не так просто. Снаружи доносилось еле слышное пение окутанов.

Гизель очнулась быстрее, чем я предполагал. Но я размахнулся и снес ей половину головы, которая тут же рассыпалась на множество полупрозрачных изображений, разлетевшихся во всех направлениях.

— Калу! Калэй! — выкрикнул я, размахиваясь вновь, и отрубил изрядный кусок ее правого бока, который повторил трюк с разлетающимися призрачными мотыльками. Гизель шагнула вперед, и я вновь ударил. Еще один ломоть отделился от извивающегося тела и исчез тем же манером. Как только ее судорожные движения подталкивали ее к внутренней поверхности сферы, я заслонял ее собственным телом и мечом, продвигая ее назад к центру и продолжая кромсать эту розовую колбасу.

Вновь и вновь она надвигалась на меня или отскакивала к стене. Каждый раз я рубил ее. Но она не умирала. Так я сражался, пока лишь кусочек извивающегося хвоста не остался передо мной.

— Кергма,— сказал я тогда,— мы отправили большую ее часть странствовать по неизведанным путям. Не можешь ли ты перепроверить уравнение? Тогда я извлек бы с помощью спикарда массу вещества, достаточную, чтобы ты смог создать для меня другую гизель — такую, которая вернулась бы к тому, кто послал эту, и приняла его за добычу.

— Думаю, что смогу,— сказал Кергма.— Я так понимаю, что ты оставил этот последний кусочек, чтобы новая гизель съела его?

— Да, такова моя идея.

И это было исполнено. Когда стены вновь раздвинулись, новая гизель — черная, с красной и желтой полосами — терлась о мои лодыжки, словно кошка. Пение прекратилось.

— Иди и отыщи укрывшегося,— сказал я,— и верни ему послание.

Она заспешила прочь, нырнула в изгиб и исчезла.

— Что ты сделал? — спросила меня Ранда.

Я объяснил ей.

— Укрывшийся теперь будет считать тебя самым опасным соперником,— сказала она,— если выживет. Возможно, отныне он удвоит усилия, направленные на борьбу с тобой, став более изощренным и свирепым.

— Хорошо,— сказал я.— Я надеюсь на это. Мне хотелось бы настоящей конфронтации. Думаю, что и ему отныне станет неуютно в вашем мире, ведь он никогда не будет знать, когда новая гизель выйдет на охоту.

— Верно,— сказала она.— Ты мой рыцарь,— и она поцеловала меня.

В эту самую минуту из ниоткуда возникла мохнатая лапа и вцепилась в лезвие меча, который я держал в руках. Другая лапа помахала перед моим носом двумя листами бумаги. Вкрадчивый голос заговорил:

— Ты взял этот меч напрокат, не расписавшись за него. Будь любезен, сделай это сейчас, Мерлин. Другой листок для последнего раза, когда ты сможешь воспользоваться им.

Я нашел в складках плаща шариковую ручку и подписал договор. К тому времени кот материализовался целиком.

— С тебя 40 долларов,— сказал он.— 20 баксов за каждый неполный час.

Я порылся в карманах и протянул ему деньги. Кот ухмыльнулся и начал таять.

— С тобой приятно делать бизнес,— промурлыкал он сквозь улыбку.— Приходи к нам поскорее. Очередная выпивка за счет заведения. И захвати Люка. У него классный баритон.

Когда он растворился окончательно, я заметил, что семейство окутанов тоже исчезло.

Кергма пододвинулся поближе.

— А где двое остальных — Глайт и Грилл?

— Глайт я оставил в лесу,— ответил я,— хотя теперь она уже могла вернуться в вазу Виндмастера в музее Грэмбла на Путях Савалла. Если увидишь ее, скажи, что здоровенная тварь не съела меня, и мы когда-нибудь выпьем с ней теплого молока, и я расскажу ей свои новые сказки. Грилл, я думаю, на службе у дяди Сухея.

— Ах, Виндмастер... вот это было время,— сказал он.— Да, мы должны опять собраться и поиграть все вместе.

Спасибо за то, что позвал меня на эту игру,— и он скользнул одновременно во многих направлениях и исчез вслед за остальными.

— Что теперь? — спросила Ранда.

— Возвращаюсь домой, в постель.— Я поколебался и предложил.— Пойдем со мной?

Она тоже поколебалась, потом кивнула.

— Давай закончим ночь тем же, чем мы ее начали,— сказала она.

Мы прошли через седьмую дверь, и она отперла зеркало. Я знал, что, когда я проснусь, ее не будет рядом.

Сказка торговца

Я с энтузиазмом планировал надолго оставить Мерлина в Хрустальной пещере. С равным энтузиазмом он не желал там оставаться. Когда я все-таки положил конец нашей громогласной беседе, расколов стакан с ледяным чаем и завопив: «Черт! Я расплескал его...», в здоровой руке у меня оказалась Труба Страшного Суда.

Мусорный лес. Прелестная картинка, вот уж действительно. Впрочем, меня не волновало, что на ней изображено, именно поэтому я заставил Мерлина бросить карты рубашкой вверх и вытянул одну наугад. Это было сделано напоказ, просто чтобы разрушить лабиринт. Все они указывали на места, находящиеся на расстоянии плевка от Хрустальной пещеры, что, в сущности, и оправдывало их существование. Их единственным предназначением было заманить Мерлина в Пещеру, после чего сигнализация синего кристалла должна была известить меня о свершившемся. Согласно моему плану, мне предстояло поспешить туда и попробовать захватить его в плен.

К сожалению, когда он помог Сфинксу бежать от мамы, меня никто не известил. Ее нейротоксины прервали сигнал тревоги, исходивший от его нервной системы,— один из множества способов, которыми она с легкостью путала мои планы. Впрочем, это уже не имело значения. Так или иначе, мне удалось заманить туда Мерлина. Вот только... после этого все изменилось.

— Люк! Ты глупец! — Послание лабиринта пронзило меня, словно заключительный номер рок-концерта. Но Мусорный лес уже прояснился, и я заторопился продолжить игру, пока лабиринт не осознал, что на него льется не столько моя кровь, сколько холодный чай.

Когда лабиринт растаял, я вскочил на ноги и пошел вперед, пробираясь среди кустов из ржавых пил и покосившихся балок, торчавших, как деревья, среди которых весело поблескивали разноцветные клумбы разбитых бутылок. Я побежал, кровь капала из разрезанной ладони правой руки. У меня даже не было времени перевязать ее. Как только лабиринт оправится после шока и обнаружит, что невредим, он тут же начнет прочесывать Тень в поисках меня и остальных. В границах другого лабиринта они будут недосягаемы, у меня же была иная защита. Стены Хрустальной пещеры обладали способностью блокировать любые парафизические явления, на которые мне удалось их протестировать, и у меня было предчувствие, что они заслонят меня и от пристального внимания лабиринта. Мне только нужно было во что бы то ни стало попасть туда прежде, чем он начнет шарить по Тени...

Я ускорил шаг. Я был в хорошей форме. Мог бежать. Мимо ржавеющих машин и маленьких смерчей матрасных пружин, расколотых изразцов, сломанных ящиков... По аллеям из сажи и пепла, по тропинкам, вымощенным бутылочными пробками и крышечками тюбиков... Внимание. Ждем. Ждем, не начнет ли мир кружиться и раскачиваться, не загремит ли в ушах голос лабиринта: «Попался!»

Я завернул за угол и уловил в отдалении синий блеск. Мусорный лес — результат древней Теневой бури — внезапно кончился, и я начал спускаться по пологому склону, чтобы через несколько шагов попасть в другой лес, более привычного вида.

Шагая между деревьями, я даже услышал, помимо собственных размеренных шагов, несколько птичьих трелей и жужжание насекомых. Небо было затянуто тучами, и, разгоряченный быстрой ходьбой, я не мог определить температуру или направление ветра. Мерцающий голубой огонек становился все ярче. Я не сбавлял шага. К этому моменту остальные должны уже находиться вне опасности, если поторопились. Черт! Сейчас им уже ничто не должно угрожать. Даже если совсем недолго находиться в этом потоке времени, путь назад занимает целую вечность. Они, должно быть, сейчас сидят за столом, едят, шутят. Кто-то уже задремал. Я подавил желание выругаться, чтобы сберечь дыхание. Все это могло означать, что лабиринт занимался поисками гораздо дольше, чем мне казалось... Голубой огонек стал больше, гораздо больше. Мне захотелось проверить, насколько хорошо я подготовлен к последнему рывку, и я переключился на предельную скорость. Земля и небо, казалось, завибрировали, словно от раскатов грома. Это раздражение могло проистекать из того факта, что я наконец-то был обнаружен. А может, я просто сам превратился в раскат грома.

Я продолжал набирать обороты, и секунду спустя мне показалось, что пора притормаживать, чтобы не врезаться в хрустальный пьедестал. Никаких молний, однако, не последовало, и я принялся карабкаться вверх по хрустальной поверхности, работая пальцами рук и ног,— мне никогда прежде не приходилось взбираться по этому пьедесталу,— при этом мои легкие надрывались, словно кузнечные мехи. Начался моросящий дождь, он смешивался с паром моего дыхания. Я оставлял кровавые следы на камне, но их должно было смыть.

Добравшись до вершины, я торопливо подполз на четвереньках к отверстию и проскользнул в него ногами вперед, сначала повиснув на краю, а затем просто рухнув в черную утробу, игнорируя наличие лестницы. Время решало все. Лишь почувствовав, что стою на ногах в сумрачной голубизне, все еще задыхаясь от напряжения, я ощутил себя в безопасности. Как только дыхание восстановилось,

я позволил себе рассмеяться. У меня получилось! Я сбежал от лабиринта. Я разгуливал по камере, возбужденно хлопая себя по бедрам и стуча кулаками по стенам. Такая победа была хороша на вкус, и я не мог позволить этому мгновению пройти неотмеченным. Я шагнул к кладовке, достал бутылку вина и сделал хороший глоток. Затем я пробрался в боковую пещеру, где все еще лежал спальный мешок, уселся на него и, посмеиваясь, стал вновь проигрывать в памяти нашу эпопею с первичным лабиринтом. Моя леди Найда была просто великолепна. Неплох был и Мерлин, по крайней мере на этот раз.

Мне было любопытно, неужели лабиринт действительно затаил злобу. Иными словами, сколько должно пройти времени, чтобы я мог продолжить путь, не чувствуя себя в постоянной опасности? Ответа у меня не было. К сожалению. Разумеется, когда столько народу, то есть амберитов, шатается вокруг лабиринта, ему приходится вести себя соответственно. Разве нет? Я сделал еще глоток. Мне придется долго проторчать здесь.

Можно изменить свою внешность с помощью заклинаний, решил я. Когда я выйду отсюда, у меня будут черные волосы и борода (поверх зачатков настоящей бороды), серые глаза, прямой нос, скулы немного шире, а подбородок поменьше. Я буду казаться выше и гораздо тоньше. Я поменяю свое обычное яркое одеяние на темное. Придется воспользоваться и косметикой, причем не каким-нибудь легким макияжем, а сильными косметическими заклинаниями, проникающими глубоко, меняющими структуру тканей.

Размышляя над этим, я встал и отправился на поиски еды. Мне удалось найти немного тушенки и печенья, и я воспользовался легким заклинанием, чтобы разогреть банку супа. Нет, это не было нарушением физических законов места, в котором я оказался. Кристаллические стены блокировали любые входящие и исходящие чары, но мои заклинания пришли вместе со мной и вполне нормально действовали внутри стен.

За едой я опять стал думать о Найде, Мерлине и Корэле. Что бы сейчас с ними ни происходило — дурное или хорошее,— время работало на них. Даже если я пробуду здесь совсем недолго, развитие событий дома будет несоизмеримо с тем временным отклонением, которое создавало это место. Какой же тип времени заключал в себе лабиринт? Похоже, это были все возможные типы — точнее сказать, его собственное время,— но я также чувствовал, что он особенно привязан к тому основному потоку времени, в котором существовал Амбер. Вообще-то я был почти уверен в этом, поскольку именно там и разворачивалось основное действие. Поэтому если я хотел быстро включиться в игру, мне следовало оставаться здесь, пока не заживет рука.

Но вот другой вопрос: насколько страстно лабиринт желает заполучить меня? Что я на самом деле значу для него? Каким он меня видит? Королем небольшого королевства Золотого Кольца. Убийцей одного из принцев Амбера. Сыном человека, который когда-то намеревался разрушить его, лабиринт. При этой мысли я невольно заморгал, но отметил, что до сих пор лабиринт давал мне жить спокойно, не упрекая за действия отца. Что же касается моего участия в данном деле, то оно было минимальным. Его главной целью, похоже, был Корэл, а потом Мерлин. Возможно, я был чрезмерно осторожен. Скорее всего он просто перестал принимать меня в расчет, как только я исчез. И все же я не собирался выходить отсюда без маскировки.

Я доел суп и допил вино. Когда я выйду отсюда? И что буду делать? В моем мозгу теснились сотни предположений. Но вместе с тем меня начала одолевать зевота, а спальный мешок выглядел так заманчиво. Где-то блеснула молния, промелькнув за хрустальной стеной голубоватой волной. Затем донесся раскат грома. Значит, завтра. Завтра все продумаю...

Я заполз в мешок и устроился поудобнее. Через мгновения меня уже не было.

Не имею представления, как долго я спал. Проснувшись, я по привычке удостоверился, что пока нахожусь в безопасности, проделал серию изнурительных упражнений, почистил одежду и съел легкий завтрак. Я чувствовал себя лучше, чем вчера, и рука уже начинала заживать.

Затем я сел и уставился в стену. Это длилось, наверное, несколько часов. Каков наиболее разумный вариант моих действий?

Я мог броситься обратно в Кашфу, к своему королевскому трону, мог начать охотиться за своими друзьями, мог просто спуститься под землю, лечь на дно и ждать, чем все это закончится. Вопрос заключался в приоритете. Что наиболее полезного мог я совершить во благо остальных? Над этим я размышлял до самого ланча.

Поев, я достал свой альбом и карандаш и начал вспоминать одну даму, воспроизводя ее черты на бумаге одну за другой. Я оттачивал изображение до самого вечера, чтобы скоротать время, хотя знал, что и так вышло похоже. Когда я занялся ужином, план моих завтрашних действий приобрел в голове законченную форму.

На следующее утро моя рана заметно уменьшилась, и я соорудил себе зеркало, протерев гладкую поверхность стены. Используя масляную лампу, чтобы не тратить даром чары на добывание света, я воспроизвел поверх собственных форм длинную, темную, костлявую фигуру и набросал орлиные черты лица поверх своих, дополнив их бородой. Я оглядел свою работу и увидел, что это хорошо. Затем я изменил вид своей одежды так, чтобы она соответствовала моему новому облику,— на это я затратил одно небольшое заклинание. При первой возможности мне необходимо было достать новую одежду. Нет нужды делать такую энергоемкую работу, чтобы приобрести нечто столь тривиальное, как тряпки. Все это я проделал сразу как проснулся, потому что мне предстояло провести в этом камуфляже весь день и мне хотелось, чтобы он как следует обмялся, пристал ко мне; к тому же необходимо было проверить, нет ли в моей работе скрытых дефектов. По

той же причине я решил немного поспать в своей маскировке.

Днем я опять достал альбом. Сначала я рассмотрел набросок, сделанный накануне, затем открыл чистый лист и нарисовал Козырь. Выглядел он вполне боевито. На следующее утро я вновь оглядел себя в зеркале, остался доволен, а затем водрузил лестницу и выбрался из пещеры. Было сырое холодное утро, высоко в небе, затянутом тучами, виднелись редкие голубые промоины. Мог опять начаться дождь. Но какое мне до этого дело? Я был на пути избавления.

Я потянулся было за альбомом, но передумал. Вместо этого мне вспомнился другой Козырь, с которым я имел дело многие годы, а также еще кое-что. Я достал свою колоду карт. Распечатав ее, я стал медленно перебирать карты, пока не дошел до печальной карты одинокого отца. Я хранил ее не ради пользы, а из сентиментальных побуждений. Он выглядел точно так, как я его запомнил, но я отыскал эту карту не с целью пробудить воспоминания. Меня интересовал предмет, висевший у него на боку.

Я сосредоточился на Вервиндле, мече, по всем признакам обладавшем магическими возможностями, в чем-то родственном Грейсвандиру Корвина. И я вспомнил рассказ Мерлина о том, как его отец вызвал для него Грейсвандир после побега из амберских темниц. Между ним и тем мечом было какое-то родство. Я задумался. Теперь, когда события развиваются так быстро и впереди маячат новые приключения, было бы разумно встретить их оснащенным достойной сталью. Хотя отец был мертв, Вервиндль оставался живым. Хотя я не мог дотянуться до отца, нельзя ли дотянуться до его клинка, пребывающего, по некоторым сведениям, где-то в Хаосе?

Я сосредоточился на мече, мысленно взывая к нему. Мне почудилось, будто я что-то услышал, и когда я дотронулся до того места на карте, где он был изображен, оно показалось мне холодным. Я стал тянуться. Дальше, сильнее. И затем возникла ясность, и близость, и ощущение холодного, чуждого разума, изучающего меня.

— Вервиндль,— тихо произнес я.

Если можно вообразить звук эха при отсутствии первоначального звука, то это именно то, что я услышал.

— Сын Брэнда,— донесся вибрирующий шепот.

— Зови меня Люком.

Наступило молчание. И вновь вибрация: «Люк».

Я потянулся вперед, ухватился за меч и потянул на себя. Вместе с ним я вытянул и ножны. Я ухватил меч обеими руками и вытянул его из ножен. Он блестел, словно расплавленное золото. Я поднял его, протянул вперед, нанес удар воображаемому противнику. Он был словно создан для меня. Он был идеален. Казалось, будто за каждым его движением кроется неизмеримая сила.

— Благодарю,— сказал я, и эхо смеха донеслось до меня и умчалось прочь.

Я поднял свой альбом и раскрыл его на нужной странице, надеясь, что настало время осуществить вызов. Я рассматривал нежные черты нарисованной дамы, ее рассеянный взгляд, который свидетельствовал о широте и глубине ее натуры. Через несколько мгновений страница стала холодной под моими пальцами, и рисунок, сделавшись трехмерным, казалось, начал шевелиться.

— Да? — донесся голос.

— Ваше величество,— сказал я.— Хотя вы, возможно, уже догадались сами, я хотел бы сообщить вам, что радикально изменил свою внешность. Я надеялся, что...

— Люк,— сказала она,— разумеется, я узнала тебя...— Ее взгляд по-прежнему оставался несфокусированным.— Ты в беде.

— Это действительно так.

— Ты желаешь выбраться оттуда?

— Если это не слишком обременительно.

— Разумеется.

Она протянула руку. Я почтительно сжал ее, и комната, где она сидела, начала становиться ярче, заслоняя собой серое небо и хрустальный холм. Я сделал шаг вперед и оказался у нее. В тот же момент я упал на колени, рас-

стегнул пояс и протянул ей свой клинок. До меня донеслись отдаленный стук молотков и пение пил.

— Встань,— сказала она, коснувшись моего плеча.— Подойди и сядь. Выпей со мной чашку чая.

Я встал на ноги и подошел вслед за ней к столику в углу. Она сняла запыленный фартук и повесила его на деревянный гвоздь, торчавший из стены. Пока она готовила чай, я рассматривал небольшую армию статуй, выстроившихся вдоль одной стены и располагавшихся случайными группками по всей огромной студии — маленькие, реалистичные, импрессионистские, красивые, гротескные. Она работала в основном с глиной, хотя самые маленькие статуи были выполнены в камне. В дальнем конце комнаты стояли печи для обжига, но сейчас они были холодны. Несколько металлических мобилей причудливой формы свешивались с потолочных балок.

Подсев ко мне, она коснулась моей левой руки и потрогала кольцо, которое когда-то подарила мне.

— Да, я ценю оберег королевы,— сказал я.

— Несмотря на то, что ты сейчас сам являешься монархом страны, находящейся с нами в дружественных отношениях?

— Даже несмотря на это,— сказал я.— И ценю настолько, что хотел бы частично возвратить свой долг.

— О?

— Я совершенно не уверен, что в Амбере слышали о недавних событиях, в которых я принимал участие или о которых мне хорошо известно и которые могут повлиять на его благополучие. Если только, конечно, Мерлин в последнее время не вступал с ними в контакт.

— Мерлин не вступал в контакт,— сказала она.— Однако если у тебя есть информация, жизненно важная для королевства, тебе следует передать ее непосредственно Рэндому. Его нет здесь сейчас, но я могу связаться с ним через Козырь.

— Нет,— сказал я.— Я знаю, что он не любит меня и ни в малейшей мере не доверяет мне как убийце своего

брата и другу человека, который поклялся разрушить Амбер. Я уверен, что он был бы рад увидеть меня низложенным и посадить своих марионеток на трон Кашфы. Полагаю, что когда-нибудь я должен выяснить с ним отношения, но этот день еще не настал. Сейчас вокруг меня слишком много всего происходит. Однако информация, которой я владею, выходит за пределы местной политики. Она затрагивает Амбер и Хаос, лабиринт и Логрус, смерть Свэйвилла и возможное восшествие Мерлина на престол Хаоса...

— Ты говоришь серьезно?

— Клянусь. Я знаю, что он выслушает тебя. И даже поймет, почему я все рассказал именно тебе. Позволь мне избежать встречи с ним. Грядут значительные события.

— Расскажи мне все,— сказала она, поднимая чашку с чаем.

Я рассказал ей, что знал, включая то, что сообщил мне Мерлин, вплоть до конфронтации в первичном лабиринте, и о своем полете к Хрустальной пещере. В процессе рассказа мы выпили целый чайник чая, и, когда я закончил, наступило долгое молчание.

Наконец она вздохнула.

— Ты поручил мне доставить важные данные разведки,— сказала она.

— Я знаю.

— И все же я чувствую, что это лишь небольшое звено гораздо более значительной цепи.

— Как так? — спросил я.

— Несколько мелких фактов, о которых я слышала, узнала, догадалась, которые, возможно, мне пригрезились, а некоторых, кажется, я просто опасаюсь. Все это не имеет отчетливых очертаний. Тем не менее этого достаточно, чтобы было о чем расспросить землю, с которой я работаю. Да. Теперь, когда я это обдумала, можно попытаться. Самое время.

Она неторопливо поднялась и, помедлив, высоко вскинула руки.

— Это будет Язык,— сказала она, и ее движение вызвало к жизни один из мобилей, заставив его зазвенеть на разные лады.

Она подошла к правой стене. На фоне огромной студии ее фигурка в серо-зеленом одеянии, с каштановыми волосами, струившимися до середины спины, казалась совсем миниатюрной. Ее пальцы начали легко ощупывать выстроившиеся вдоль стены статуи. В конце концов остановившись перед широколицей скульптурой с узким торсом, она принялась толкать ее по направлению к центру комнаты.

— Позвольте мне сделать это, ваше величество.

Она покачала головой.

— Зови меня Вайол,— сказала она.— Но нет, я должна расставить самостоятельно. Эту я назову Памятью.

Она поставила ее немного к северо-западу от Языка. Затем она подошла к группе фигур и, выбрав одну из них — тонкую, с приоткрытыми губами, поставила ее к югу от Языка, который служил компасом.

— А это Желание,— сообщила она.

Третью фигуру — долговязую и прищурившуюся — она наметила быстро и поместила ее на северо-востоке.

— Опасение,— сказала она, продолжая свою работу.

Женщина с широко откинутой правой рукой заняла место на западе.

— Риск,— продолжала она.

На востоке оказалась другая дама, у которой обе руки были широко раскинуты.

— Сердце,— сказала Вайол.

На юго-западе встал высоколобый, всклокоченный философ.

— Голова,— объявила она.

...А на юго-западе расположилась улыбающаяся дама,— невозможно было определить, с какой целью она подняла руку — приветствуя или готовясь нанести удар.

— Шанс,— закончила она, вдвигая последнюю статую в круг, который напоминал мне одновременно Стоунхендж и остров Пасхи.

— Принеси два стула,— сказала она,— и поставь их здесь и здесь.

Я повиновался, и Вайол уселась на северной стороне позади последней фигуры, которую она поставила: Предвидение. Я занял место позади Желания.

— А теперь молчи,— проинструктировала она.

Сама она несколько минут сидела неподвижно, положив руки на колени.

Наконец она заговорила:

— На глубочайшем уровне,— сказала она,— что угрожает миру?

Слева от меня Опасение, казалось, заговорило, хотя его слова вызванивал Язык у нас над головой.

— Перераспределение древней власти,— произнес он.

— Каким образом?

— То, что было скрыто, становится явным и начинает ходить по свету,— ответил Риск.

— В это вовлечены и Амбер, и Хаос?

— В самом деле,— ответило Желание, стоявшее передо мной.

— «Древние силы»,— продолжала Вайол.— Насколько древние?

— Когда еще не было Амбера, они уже были,— объявила Память.

— Еще до того, как появился судный Камень — Око Змеи?

— Нет,— отозвалась Память.

Вайол внезапно вздохнула.

— Их количество? — спросила она.

— Одиннадцать,— ответила Память.

При этих словах Вайол побледнела, но я продолжал хранить молчание, как она велела.

— Те, кто несет ответственность за это осквернение праха,— вымолвила она наконец,— чего они хотят?

— Возврата славы прошедших дней,— заявило Желание.

— Возможен ли подобный конец?

— Да,— отозвалось Предвидение.

— Можно ли это предотвратить?

— Да,— сказало Предвидение.

— Это опасно,— добавило Опасение.

— С чего следует начать?

— Расспросить хранителей,— сообщила Голова.

— Насколько серьезна ситуация?

— Все уже началось,— ответила Голова.

— И опасность уже существует,— сказал Риск.

— А также благоприятная возможность,— добавил Шанс.

— Какого рода? — продолжала допрос Вайол.

Но тут из другого конца комнаты донесся внезапный лязг — это мой клинок вместе с ножнами грохнулся на пол там, где я его оставил прислоненным к стене. Вайол посмотрела на меня.

— Мое оружие,— сказал я,— просто соскользнуло.

— Назови его.

— Это был меч моего отца, он называется Вервиндль.

— Я знаю о нем,— сказала она. И объяснила: — Этот человек — Люк. Есть какая-то тайна, связанная с его клинком и братом этого оружия, они как-то замешаны во всем этом. Но я не знаю их историй.

— Да, они связаны,— сказала Память.

— Каким образом?

— Они были сделаны в едином стиле, примерно в одно и то же время, и они наделены частью тех сил, о которых мы говорили,— отозвалась Память.

— Будет ли в связи с этим конфликт?

— Да,— сказало Предвидение.

— Какого масштаба?

Предвидение хранило молчание. Шанс рассмеялся.

— Я не понимаю.

— Смех Шанса свидетельствует о неуверенности,— заключила Голова.

— Будет ли Люк участвовать в конфликте?

— Да,— ответило Предвидение.

— Следует ли ему искать встречи с хранителями?

— Он должен попробовать,— сказала Голова.

— А если он потерпит неудачу?

— Некий принц уже близок к тем, кто знает больше об этих делах,— сказала Голова.

— Кто это?

— Освобожденный узник,— ответила Голова.

— Кто?

— Он носит серебряную розу,— сказала Голова.— У него другой клинок.

Вайол подняла голову.

— У тебя есть еще вопросы? — спросила она меня.

— Да. Но сомневаюсь, что получу ответ, если спрошу, победим мы или нет.

Шанс вновь рассмеялся, и Вайол встала.

Она позволила мне помочь расставить статуи по местам.

Затем, вновь усевшись на стул, я спросил ее:

— Что значит «искать хранителей»?

— Существует затворник, а возможно, и двое,— ответила она.— Принц Амбера в добровольном изгнании и его сестра долгое время хранят часть той силы. Будет разумно убедиться, что они все еще живы, все еще ни на что не претендуют.

— Добровольное изгнание? Но почему?

— Личные мотивы, связанные с покойным Королем.

— Где они сейчас?

— Я не знаю.

— Тогда как мы их найдем?

— На это есть Козырь.

Она встала и подошла к небольшому бюро. Открыв один из ящичков, она достала колоду карт в коробочке. Медленно отсчитала карты с верхушки колоды и вытянула одну.

Вернувшись ко мне, она вручила мне карту, на которой был изображен худой человек с волосами цвета ржавчины.

— Его зовут Делвин,— сказала она.

— Ты полагаешь, мне следует просто позвать его и спросить, владеет ли он еще тем, чем когда-то владел?

— Сразу же подчеркни, что ты не от Амбера,— сказала она мне,— но укажи свою родословную. Спроси, не пострадала ли его способность управлять спикардами. Постарайся выяснить, где он находится, или пройти сквозь Тень и обсудить все с ним лично, если сможешь.

— Понятно,— сказал я, не желая рассказывать ей, что уже разговаривал с ним — очень коротко,— когда искал союзников в войне против Амбера. Он тогда прогнал меня, но я не хотел ворошить память Вайол о тех днях. Поэтому я просто сказал: — Хорошо. Я попытаюсь.

Я решил сначала коротко переговорить с ним, дать ему время подумать, осознать, что я не один, не упустив ничего из нашего прежнего разговора. Моя измененная внешность должна была в этом помочь.

Я начал устанавливать контакт.

Сначала холодок, затем внезапное ощущение личности.

— Кто это? — Я почувствовал вопрос еще до того, как изображение обрело глубину и ожило.

— Люк Рейнард, известный еще как Ринальдо,— ответил я, когда карта сделалась живой и я почувствовал близость человека.— Король Кашфы и кандидат наук в области бизнес-менеджмента, Калифорнийский университет в Беркли.— Наши взгляды скрестились. Он не выглядел ни враждебным, ни дружелюбным.— Я хотел узнать, не пострадала ли ваша способность управлять спикардами.

— Люк-Ринальдо,— сказал он,— что тебе за дело до этого и как ты узнал обо всем?

— Хотя я не из Амбера,— ответил я,— но мой отец был амберитом. Я знаю, что скоро это начнет волновать людей в Амбере, поскольку Мерлин — сын Корвина — находится на прямой линии наследования трона Хаоса.

— Я знаю, кто такой Мерлин,— сказал Делвин.— Кто твой отец?

— Принц Брэнд.

— А мать?

— Леди Джасра, бывшая королева Кашфы. А сейчас не могли бы мы немного обсудить то, что меня волнует?

— Нет,— сказал Делвин.— Не могли бы.

Он сделал жест рукой, намереваясь разорвать контакт.

— Погодите! — сказал я.— У вас есть микроволновая печь?

Он колебался.

— Есть что?

— Это устройство, похожее на ящик, в нем можно разогревать пищу в считанные минуты. Я разработал общее заклинание, позволяющее действовать в большей части Тени. Вам приходилось просыпаться среди ночи с непреодолимым желанием поесть горячей запеканки из тунца? Достаньте пакет с запеканкой из морозильника, разорвите и положите в микроволновку. Что такое морозильник? Рад, что спросили. Это еще один ящик, с вечной зимой внутри. В нем хранят пищу, а потом достают оттуда и засовывают в микроволновку, как только захочется полакомиться. И... да, морозильником я тоже могу вас обеспечить. Не хотите говорить о спикарде, давайте поговорим о бизнесе. Я могу снабдить вас этими и тому подобными устройствами в любом количестве и по цене, которую вам не предложит ни один поставщик — впрочем, сомневаюсь, что вы сможете найти другого поставщика. И это еще не все, что я могу для вас сделать...

— Простите,— сказал Делвин.— Распространителей товаров прошу не беспокоиться,— и он вновь шевельнул рукой.

— Подождите! — крикнул я.— Я сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться!

Он разорвал связь.

— Вернись,— взвыл я над его изображением, но оно уже обрело двухмерность и нагрелось до комнатной температуры.

— Сожалею,— сказал я Вайол.— Я сделал ему наилучшее предложение, но он ничего не покупает.

— Сказать правду, я не надеялась, что ты его так долго продержишь. Но могу подтвердить, что он интересовался тобой, пока ты не упомянул свою мать. Потом что-то изменилось.

— И это не в первый раз,— сказал я.— Но я не оставляю надежды попробовать как-нибудь попозже.

— В таком случае возьми Козырь.

— Он мне не нужен, Вайол. Я сделаю собственный, когда придет время.

— Ты художник и мастер Козырей?

— Ну, рисую немного. Иногда довольно серьезно.

— Тогда ты должен осмотреть все мои работы, пока ждешь. Твое мнение ценно для меня.

— С удовольствием,— сказал я.— Ты хочешь сказать, пока я жду...

— ...Корвина.

— Ах так. Спасибо.

— Ты можешь стать первым постояльцем тех новых комнат. С тех пор как лабиринт и Логрус столкнулись в поединке, мы тут много перестроили и перепланировали.

— Я слышал об этом,— сказал я.— Очень хорошо. Интересно, когда Корвин прибудет?

— Я чувствую, что скоро,— сказала она.— Я поручу слуге помочь тебе устроиться. Другой слуга пригласит тебя пообедать со мной попозже, и мы сможем поговорить об искусстве.

— Это будет чудесно.

Мне было интересно, куда все это меня заведет. Похоже, большая картина вот-вот изменится до неузнаваемости.

Однако я был рад, что Делвин не заинтересовался микроволновой печкой. Чтобы разработать такое заклинание, надо потратить чертову уйму времени.

Джек-Тень

Этот рассказ предваряет события, описанные в моем романе «Джек из Тени». Мир, где происходят эти события, характерен тем, что одна его сторона постоянно обращена к солнцу. Дневная сторона живет по законам науки, и огромные энергетические экраны спасают население от поджаривания, а землю — от высушивания. Темная сторона, где правят законы магии, сохраняется от холода колдовским узором постоянно обновляемых заклинаний. Королевства мало контактируют между собой, хотя они присутствуют в мифах друг друга, фольклоре и легендах.

Многие из жителей темной стороны обладают удивительными возможностями, которые в разных случаях сильнее или слабее. Когда кто-то владеющий подобными способностями находит место, где они работают лучше всего, он делает это место своим любимым и всячески старается установить над ним политический и военный контроль с тем, чтобы основать там свое королевство. Это, естественно, может занять немало времени, поскольку на этой территории может находиться пик другой колдовской силы.

Но у жителей темной стороны хватает времени для усилий, поскольку у каждого из них больше одной жизни. Сколько именно — это очень тщательно скрываемый секрет. Спустя некоторое время после смерти они обнаруживают себя странным образом ожившими, обнаженными, в Клоаке Глайва в самой темной точке мира. Путеше-

ствие оттуда обратно к более подходящим странам очень опасно.

Джек, Джек из Тени или Джек-Тень, как он известен в разных местах, не был жителем ни дневной, ни ночной стороны, а являлся созданием сумерек. Он родился в серых землях между двумя королевствами. Его сила зависела не от места, а от присутствия теней, из которых он черпал волшебные свойства. Подобно жителям темной стороны, он обладал несколькими жизнями и не собирался тратить впустую хотя бы одну из них. В отличие от них, он мог спокойно странствовать по темным королевствам, не ослабляя своих возможностей, да и его профессия — воровство — делала путешествия необходимыми.

Эта история, одна из ранних в его карьере, свела его с обитателями темной стороны в тех местах, где они обладали силой, где он должен был использовать против них свою хитрость и умение владеть тенями.

Я проходил мимо горных крепостей, огибая королевство некоего Лорда Белринга, чью репутацию у меня не было никакого желания проверять. Я не был знаком с этими землями и, увидев оскаленное предупреждение у подножия украшенного горгульями замка, решил не ускорять свое знакомство с этим местом.

Но наверху, на уродливой стене, началось какое-то шевеление. Несколько мгновений я просто наблюдал, не будучи уверенным, обманывают меня глаза или нет...

...Но лишь несколько мгновений. Я получаю такое же удовольствие от скверных представлений, как и любой другой, однако у меня нет никакого желания становиться его участником. Они поднялись в воздух, и я стал искать укрытие, пытаясь обнаружить тень, которая сможет защитить меня. Я заметил маленький серый участок, когда они подлетели ко мне и стали кружить надо мной. Мои изображения метались внутри этого места, но оно было совсем небольшим, да и сама тень колебалась, когда они махали крыльями.

Их было слишком много. Достаточно для того, чтобы ударить по каждому изображению Джека, и один — для настоящего. Когда до меня дотянулись руки, которых я не смог избежать, я убрал остальные изображения и втянул в себя оставшуюся энергию теней.

Я всегда предпочитал хитрость силе. Просто неприлично продолжать сражаться, если тебя превосходят количеством и массой. Мощь, подобно болезни или безнадежному долгу, лучше отдать, чем обладать ею. Я думаю, что мои способности удивили их.

К сожалению, их массивные тела полностью уничтожили тень, и я был вынужден полагаться только на свои собственные силы. Я тратил их... но они не желали моей смерти. Я не знал, радоваться этому или тревожиться. Я продолжал бороться, надеясь на открытое место, где бы я мог убежать, на еще один лоскуток тени... Увы!

Я был почти без чувств, когда меня взяли, подняли вверх и отнесли по воздуху сквозь темноту на ту высоту, откуда появились эти создания.

Когда мы снижались, я увидел, что это место было старым, и смог почувствовать запах изысканного волшебства, готовящегося внутри. Когда меня волокли к главному входу, я допустил, что это может быть деянием упорных магов, с которыми я время от времени сталкивался...

— Итак, ты и есть Джек-тень,— сказала она.— Мне известна твоя репутация. Я прошу прощения за способы, с помощью которых я искала нашего знакомства. Я допускаю, что найду твое появление более приятным, чем ожидала. Меня зовут Вара Лайлира,— сказала она, приказывая своим каменным стражам возвратиться в их ниши.— Это — место моей силы. Некоторое время назад я узнала о твоем приближении, и мне пришлось действовать быстро. Я покажу тебе — есть вещи, которые я хотела бы обсудить.

Прогулка привела нас в ее спальню, и я удивился ее приоритетам — сначала разговор или?..

— Мне нужны услуги лучшего вора, которого я могу найти,— сказала она,— чтобы украсть Глаз Иската.

— Что? — спросил я, когда она подошла поближе, сияя и скрываясь за мягкостью и запахом духов.— А что такое Глаз Искаta?

— Это — камень удивительной силы,— ответила она.— Он безмерно увеличивает природные возможности владельца. В данное время им владеет Лорд Белринг из Углов. Он хранит его в своем Дворе Сотни Башен. Ты об этом знаешь?

— Я слышал об этом месте,— ответил я.— Говорят, что в каждой из башен висит колокол, который звонит, как только кто-то входит в башню. Весьма эффективная система.

— Да, все так и есть,— сказала она, придвигаясь еще ближе.— Я хочу, чтобы ты отправился туда и принес его мне.

— Я слышал что-то о страже, обитающем в том месте...

— Правильно,— сказала она, легко обнимая меня.— Старый колдун создал какого-то хрупкого звереченовека по имени Воркл. Он прозрачен, и его трудно увидеть. Но ты, естественно, уже предупрежден...

— Камень спрятан в одной из башен?

— Мне кажется, да, но я не могу сказать в какой. Вот какова задача, которую я хочу, чтобы ты исполнил. Тебе это интересно?

Я посмотрел в ее глаза.

— Мне это интересно,— произнес я.

— Джек, дорогой, ты выполнишь мое поручение? — прошептала она, когда я подумал, что у нее на уме может быть что-то другое.

— Я постараюсь,— ответил я.

Позже, когда я был уверен, что она уснула, я сделал то, что следовало,— ушел. Я собрал свою одежду и вышел из спальни.

После недолгой прогулки по ее дому я вспомнил об окне, выходящем к скале, по которой я мог сбежать. Мне совсем не хотелось иметь дело со странными существами, за которыми наблюдал колдун с репутацией безумца.

Я добрался до этого места и вытащил из подкладки своего плаща крепкую веревку, не раз послужившую мне в прошлом. Из ножен в сапоге я вынул складной крюк, раскрыл его и забросил на скалу.

Настало время пожелать замку Лайлиры всего наилучшего. Как и способ моего появления, мое краткое пребывание там было весьма неприятным. Если бы леди хотела чего-нибудь простого, меня можно было бы убедить остаться подольше...

Мой бросок оказался удачным. Крюк угодил в узкую расщелину и сидел очень крепко, когда я дернул за веревку. Следующей задачей было привязать другой конец к тумбе, которая раньше попалась мне на глаза. Все остальное мы изучали еще в Воровском колледже, где меня когда-то учили семьсот одному способу входа и выхода.

Когда я встал на раскачивающуюся веревку и осмотрелся вокруг, меня ошеломил тот факт, что пейзаж стал выглядеть намного тусклее, чем несколько минут назад. Над скалами поднимался туман. Ничего страшного, я еще вижу веревку и могу доверять своему чувству равновесия... Но пока я двигался вперед, туман продолжал подниматься и окутал меня. Я удивился той необычайной скорости, с которой все произошло.

Что-то в этом месте было совсем неправильно. Впереди в тумане показался просвет — оказалось, я каким-то образом умудрился повернуть обратно. Меня ждали существа с крыльями и те же неприятные ощущения.

Вара покачала головой и почти грустно посмотрела на меня.

— Вот так, вор, ты держишь свое слово? Я разочарована. Жаль! Я предпочла бы, чтобы ты служил мне по своей воле. Охрана! Отведите его в тюрьму!

Когда меня отвели в мои новые апартаменты, Вара осмотрела их с выражением неодобрения на лице.

— Говорят, что ты можешь двигаться по теням,— произнесла она.— Надо что-то сделать, чтобы ты не смог воспользоваться ими здесь.

Подняв руки вверх, она начала светиться. Волны света охватили ее, в конце концов собравшись вокруг рук. Это сияние почти ослепило меня, и я прикрыл глаза рукой. Светящиеся оковы сомкнулись вокруг меня, лишив всякой возможности контактировать с тенью.

— Разве это плохой свет? — спросила она.— Ты не сможешь избавиться от этих пут. Я оставляю тебя поразмыслить о своих действиях. Прощай!

Когда я говорю о тени, я знаю, что сказать... В тени покоев она разглядывала меня и бормотала что-то о вероломности мужчин. Затем ее глаза загорелись.

— Доппельгангер,— сказала она, хлопая в ладоши.— Я пошлю его двойника — со всеми его способностями и отсутствием его вероломства.

Затем начала новое заклинание, и в этот самый момент я почувствовал в груди острую боль. Это была опасная магия, особенно для человека, с которого делают двойника. Чем дольше существует доппельгангер, тем слабее становится его источник, пока в конце концов...

Он будет идентичен мне в физическом отношении, хотя и без тех неуловимых мелочей, которые делали меня тем, кто я есть. В оковах из света я не чувствовал себя спокойно. Я мог начать увядать оттого, что он тратил слишком много сил, и в конце концов полностью исчез бы.

После того как она отправила доппельгангера с поручением, от которого я отказался, я вдруг понял, что смогу вскоре освободиться. Смогу освободиться, догнать его и слиться с ним.

Пока он рвался сквозь ночь по направлению к Двору Сотни Башен, я выработал опасный план действий. Я постарался вспомнить заклинание, которым Вара связала меня. Оно вернулось ко мне, и я мысленно повторил его. Я не знал способа ослабить оковы, но, возможно, я смог бы перегрузить заклинание, сотворив его еще раз...

Я начал говорить, и свечение вокруг меня усилилось. Вара вскоре узнает о моем вмешательстве в ее заклинание, но это уже будет не важно.

Вара узнала, что произошло, но, когда они добрались до меня, было слишком поздно. Кольца заколебались и

сломались, и вся тюрьма наполнилась чистым светом. Если последняя вспышка меня не ранит, то она сможет их приостановить.

Я услышал, как они вошли, закричали и упали по сторонам, когда заклинание перестало работать, и с удивлением обнаружил, что все еще стою. Правда, я ослаб... Я был очень слаб, когда бросился прочь из тюрьмы и выбрался из замка.

Горгульи искали меня, но я уже добрался до тенистого места. Там никто не смог бы меня найти против моей воли. Когда они наконец убрались восвояси, я продолжил свой путь к Углам — месту, где граничат сразу несколько королевств, недалеко от замка, где обитает Лорд Белринг.

Там я обратил внимание на нагромождение башен, во многих из них были видны огромные колокола. Несколько из них начали звонить — значит, мой двойник приступил к поискам. Где-то внутри был другой Джек, и мне надо было его найти до того, как это сделает Воркл,— найти его, самому избегая Воркла,— и найти способ, чтобы мы слились. Я вошел внутрь. Осмотрев горизонт в направлении звона, я заметил фигуру, странно похожую на меня, перепрыгивающую с башни на башню.

Я начал преследование. Теперь перезвон колоколов стал сильнее. Каждый новый голос усиливал шум до того, что у меня начало звенеть в ушах. Причина этого скоро перестанет существовать — я стремился к нему.

Я следовал за ним. Сейчас он был быстрее, моя слабость была признаком его силы. Если бы догнать его, поговорить с ним... Но он не сможет услышать меня, даже если я рискну крикнуть. Я подошел поближе, и к хору присоединился еще один колокол. Казалось, что мои уши горят. Я упал и постарался ослабить звук от последнего колокола. Мой двойник спасся. Я...

Я уловил движение. Почти незаметное. Расплывчатое пятно в окне. Должно быть, это Воркл. Приближающийся... Сильный, бесшумный и смертельный... Я должен встать на ноги. Должен бежать... Я старался подняться, глядя на приближающееся создание. Я собрал всю оставшуюся во мне силу и рывком поднялся на ноги.

Он двигался быстрее, чем я мог себе представить. Только что он был на другой стороне комнаты, и вот он уже почти рядом со мной — стеклянные руки вытянуты, пальцы гнутся, полупрозрачные мышцы при каждом движении перекатываются по телу.

Я завернулся в плащ, готовясь к отступлению. Мои глаза были обращены к лестнице, ведущей к башне. Я повернулся и ринулся в том направлении, скорее чувствуя, нежели видя за собой преследователя.

Когда я оказался в комнате, где звонил колокол, я заметил внутри тень, много теней...

Я обернул их вокруг себя, словно еще один плащ, и освободил их мощь. Они распространились по комнате, в ней появилось множество моих точных копий, каждая из которых бежала, танцевала, бросалась в разных направлениях. Мгновение сбитый с толку Воркл стоял словно ледяная статуя. Затем он повернулся, кинулся в одну сторону, потом — в другую, молотя руками, хватая и стремясь разрушить все мои изображения одно за другим. Огромный колокол метался из стороны в сторону, его грохот оглушал меня.

Я двигал свои изображения все быстрее, пританцовывая, кружась, прыгая перед ним и вокруг него. Воркл вертелся во все стороны и с каждым разом казался все более сбитым с толку. Сквозь звон я чувствовал, что моя сила снова начала убывать. Неужели я — настоящий я — стал столь же прозрачным, как и то существо, на которое я смотрел?

Его замешательство все увеличивалось, когда я двигал своими тенями-марионетками с помощью остатков своих сил. Но колокол! На мгновение от напряжения у меня закружилась голова. Мне нужно было оставаться незаметным еще чуть-чуть, но тут Воркл обнаружил меня и обернулся.

Он повернулся и сделал шаг, роковой для него шаг. Я не смог бы спланировать это лучше, даже если бы захотел. Колокол отклонился в одну сторону и, двинувшись обратно, ударил Воркла. Раздался звук бьющегося стекла, и он рассыпался от удара.

Когда я смотрел на останки создания, у меня на шее зашевелилась кожа, словно бы меня кто-то внимательно рассматривал... а почему бы и нет? Мой двойник был где-то по соседству.

Если Белринг видел гибель своего стража, он, без сомнения, подготовил еще какую-нибудь проблему. У меня было его описание — коренастый и сильный. Если всего несколько минут подобной музыки так повлияли на мои мозги, что же они могли сделать с ним за многие годы?

С помощью зеркала он вызвал еще одного моего двойника, его извращенное чувство юмора, без сомнения, радовало его, когда он видел мои трудности. Однако это не был истинный доппельгангер. Этот новый двойник был создан из элементов, которые могут оказаться фатальными для меня, если я буду с ними контактировать.

Когда он вызвал его из зеркала, моя кровь стала еще холоднее. Как я смогу отличить первого двойника от второго? Где-то среди тени я услышал, как он снова произнес мое имя, усиливая мое смятение.

Этот двойник шел своим путем, чтобы довершить ту работу, что начал Воркл. Если бы он знал, насколько я на самом деле ослаб, он мог бы умерить свои усилия. Да, я продолжал бороться, продолжая поиски в лабиринте коридоров. Единственной моей надеждой было обнаружить Глаз Иската. Возможно, я смогу его использовать в собственных интересах.

Наконец я добрался до огромной комнаты, полной различных колоколов. Здесь я решил немного передохнуть. Все колокола звенели. Но было что-то странное...

Просто беда. У меня была твердая уверенность, что вещь находится в этой комнате и я пропустил что-то очевидное. Мне надо послушать их по одному, каждый колокол в отдельности.

И, слушая их, я думал о том, где же все-таки мой доппельгангер. Не было ясно, насколько близко находится и второй двойник.

Вот, вот, вот... Меня осенило. Крошечный колокольчик возле моей руки качался, но не звенел. Мог ли язык

колокола быть поставлен так, чтобы не доставать до стенок? Естественно — если надо предохранить что-нибудь от удара. Я снял его и потянул за язычок... Отлично!

В моей руке был Глаз Иската, когда я повернулся и увидел обоих своих двойников: одному из них был нужен камень, другому — моя жизнь. Оба, угрожая, наступали.

Они подняли руки вверх и стали, словно магнитами, тянуть из меня энергию. Это было настолько неправдоподобно: я вынужден был противостоять самому себе. Но я не мог даже удивляться этому.

Я был слишком слаб, чтобы им противостоять. Их объединенные силы не давали мне возможности двигаться. Теперь мне не мог помочь даже камень. Я упал на пол, и Глаз выкатился из моей руки. Осталась только одна вещь, которой я мог верить.

Камень оказался в том же участке тени, где и мои руки. Это я рассчитал правильно. Мгновением позже один из моих двойников поставил рядом ногу. Итак...

Одному была нужна моя жизнь. Другому — камень. Теперь я знал, кем был каждый из них, и, когда он дотянулся до Глаза, мои руки были там же. Он был освещен, или мне следовало бы сказать — затенен?

Мои руки были совсем не там, где казалось. Одна схватила его за лодыжку, а другая взяла камень...

Затем, почерпнув силы из тени, я потянул обратно ту часть меня, которая была истрачена на изготовление доппельгангера. Как только энергия вернулась ко мне, он исчез.

Моя сила восстановилась, и я встал, чтобы встретить двойника, созданного заклинанием Белринга. Камень пульсировал в моей руке, а во мне самом бурлила сила тени.

Двойник побежал обратно, словно у него под ногами горела земля. Он поспешил вверх по ступеням.

Теперь я был в безопасности, и это напомнило мне о том, кто знал о моем преследовании. Я посмотрел, как он убегал. Вскоре Лорд Белринг узнает о том, что у меня его камень и что я избежал его последней ловушки. Было

совсем несложно предсказать его реакцию, и именно поэтому я торопился.

Я нашел участок стены на краю двора, где длинная тень позволяла упасть вниз, чего я не мог сделать в другом месте. Так хорошо снова быть целым, решил я, когда мои ноги коснулись земли.

Тьма и тишина распространялись вокруг Замка Лайлиры. Тяжелые тени были моими союзниками. Они помогали мне даже внутри. Словно призрак, я проскользнул мимо стражи.

Затем я начал подниматься к покоям леди для последнего разговора. Смотришь ли ты, Утренняя Звезда? От моих шагов даже пыль не шевелится...

Я умышленно зашумел, когда входил в покои. Она немедленно проснулась.

— Джек? Там, в тенях? Это можешь быть только ты... Ты вернулся, и я знала это. Иди ко мне, я скучала по тебе. Это хорошо, что ты вернулся. Я хотела бы, чтобы ты остался здесь. Да, держи меня, Джек, милый. Я хочу, чтобы ты помнил этот момент всю свою жизнь...

Я смотрел, как моя тень падает. Вара быстро поднялась. Настало время для моего выхода.

— Здравствуй, Вара,— сказал я, выходя из тени, пока таяла моя тень.

— Фантом! — произнесла она.

— Я принес Глаз Иската, как ты просила, дорогая. Видишь ли, я хотел бы, чтобы ты запомнила этот момент до конца своей жизни.

— Уменьшается, сжимается, темнеет...

— ...Такое же твердое и черное, как твое сердце, дорогая. Хотя ты еще получишь любимый тобою свет.

Я уверен, что Вара оценила бы тонкость, с которой я все проделал,— если бы могла посмотреть на все это со стороны. Если бы у нее был немного другой темперамент, я уверен, что наслаждался бы ее обществом долгие годы. Но это, естественно, была бы не Вара, а я бы, наверное, мечтал об оригинале. Возможно, для нас обоих было лучшим, что единственное изменение, на которое мог влиять камень,— это вещество.

Джек, ты становишься сентиментальным. В конце концов, жизнь — это место, где мы воруем для дохода и удовольствия, каждый — своим способом; и мы, естественно, не что иное, как тени, укравшие немного света.

Вара вернется. Я в этом более чем уверен.

Калифрики — Властелин Нити

Иные вершины, и шарнирные куклы, и прекрасные золотые яблоки от звонкоголосых Гесперид...

Орфей Фракийский

Это история о Калифрики — Властелине Нити Времен, Кифе и дочери кукольника — из дней возвращения путешественника во времени из Сада убийц-ассасинов, откуда похитил он сокровище почти бесценное. Но даже Кифу не уйти — не скрыться от Властелина Нити. Ведь Нить вездесуща и вьется повсюду, и нет ей конца. И лезвий острых у нее больше, чем у клинка; Нить едва уловима в своих извивах и, должно быть, неистощима в вариациях, которые она проигрывает в лабиринтах неизбежности, судьбы, желания. Но никому не дано разглядеть всех изгибов судьбы из Долины Застывшего Времени. Попытки проделать это обычно кончаются безумием.

Когда человек прошел по следу Кифа до самого ледника и там сразил его, Киф понял, что пропал, поскольку это был уже третий случай, когда человеку удавалось добраться до него, и третий мир, в котором он находил его, и третий раз, когда убивал,— подобных подвигов до этого не совершал никто.

В то время, в один из пяти дней в году, гибельные для Кифа заклинания были в силе, и, похоже, охотник на то и рассчитывал, раз умудрился напасть на след и догнать его, что до сих пор никому не удавалось. Киф не мог постичь, каким образом человек разыскал его и выследил,

но он хорошо понимал: необходимо разузнать об этом как можно больше, прежде чем померкнет свет. Поэтому он во все глаза разглядывал охотника: скуластый, с массивным подбородком, темные глаза глядят из-под странно тонких и чутких бровей, темные волосы собраны в пучок на затылке, перехваченный обрывком синей материи. Человек все еще сжимает в руках трезубец, испускающий колебания, которые и разрушили жизненно важные органы Кифа,— один из видов портативного оружия, способного с легкостью разделать высокоорганизованную форму дракона. На человеке кожаные перчатки, сапоги и тяжелое одеяние из белого меха, сейчас капюшон откинут назад. Над головой охотника стоит полуночное солнце, и звезды у него за плечами трепетно мерцают, подобно мошкаре, роящейся над глетчером.

— И снова ты,— прошипел Киф.

Тот кивнул. Киф разглядел, что нижние зубы у него немного неровные, шрамик под правым глазом, красная нитка завязана на левом запястье.

— Как звать тебя? — спросил его Киф.

— Меня зовут Калифрики,— сказал человек.

— А как ты делаешь то, что ты делаешь?

Впервые за все время человек улыбнулся.

— То же самое могу спросить и у тебя,— отозвался он.

— Секрет путешественника,— ответил Киф.

— Они мастера на всякие штучки,— сказал человек.

— Зачем же ты?..— спросил Киф.

Человек продолжал улыбаться. Даже если он и ответил, Киф уже не слышал этого. Он чувствовал, как его охватили и сжали объятия смерти, и в тот самый миг, когда мир закатился, он увидел, как человек тянется вперед, чтобы коснуться Нити.

Калифрики наблюдал, как тело дракона, дымясь, сжималось, оставляя ему только зеленую шкуру с серебристой окалиной. Когда дух его вырвался наружу, охотник потянулся вперед и протащил через него Нить. В тот момент

было трудно разглядеть наверняка, где начинается и где кончается алый тяж. Человек взглядом проследил его путь в дымную даль, а потом ушел.

Есть краткий миг безвременья, когда застывший мир недвижно зависает перед тобой. Это географическая карта, скульптура, живопись; и это не музыка, не речь и не ветер. Ты можешь обозревать путь своей нити во времени и пространстве и тщетно пытаться что-то торопливо подправить. Но вот уже лед времени сломан, течение натягивает нить твоего существования, и ты снова входишь в игру.

Киф пришел в сознание, что нимало не нарушило ритма движения всех шести его конечностей, которые до сих пор осторожно сколупывали корку осевшей на теле минеральной соли. Небо над его гладкой, словно отполированной головой было густо-черным, и по нему, куда ни глянь, бриллиантами чистой воды рассыпались звезды. Холод накатывал на него, тут же отражаясь от поверхности тела — в безмолвном диалоге хранящего тепло термостата с окружающей внешней средой.

Из-за беседы, предшествовавшей его отправке из предыдущего мира, у него не было времени выбирать. Переход произошел почти как выстрел во тьме. Почти.

Но не совсем. Вот тут-то и кроется маленькая хитрость, некий поворот...

Да.

Ему удалось уйти назад, в прошлое, в обширный мозг, скрытый внутри дальней пещеры, который управлял действием всей команды роботов-изыскателей. Мозг был загружен, вероятно, всего лишь на десять процентов мыслительных возможностей. Он дремал и едва ли не во сне надзирал за их каторжным трудом. Но и этого было вполне достаточно. Работа и так исполнялась как надо. Если бы в экстренном случае от него потребовалось больше умственных усилий, то ради этого он бы мгновенно проснулся. Но только если...

Киф прокрутил в электронном мозгу несколько циклов операций, затем приостановил работу. Ни малейшего сопротивления. Подобно морским приливам и отливам, волны накатывали и отступали, накатывали и отступали. Процессор в пещере дремал. Киф хорошо понимал, что тот давно не вставал по тревоге. Пока ничто не мешало команде роботов добывать руду, мозг довольствовался тем, что размышлял над созданной им программой порождения гипотез под названием «сон». Сознавая это, Киф внедрил то, что осталось от него самого, в необходимое для этого мыслительное пространство.

Ну-ну, где-то здесь были особые уголки, скрытые за рабочими программами, возможности манипулировать воспоминаниями и идеями, размышлять, достигать в своем воображении высот, не доступных ни одному из других роботов.

Киф вызвал в памяти образ человека, который силой заставил его покинуть тот, прежний мир. Он припомнил, как человек спустил свору телепатических ищеек — некролоцци,— почуявших хищника еще более опасного, чем они сами. Человек по имени Калифрики был охотником, наемным убийцей, способным из конца в конец пересекать целые земли. Тогда Кифа потрясло то, насколько у них — дракона и человека — много общего. Однако ему до конца не верилось, будто человек этот был каким-то совершенно особенным. То есть одно дело — перемещаться во времени, но способы, при помощи которых охотник это проделывал, были совершенно не похожи на собственные методы Кифа.

Он размышлял над мотивами охотника. Месть? За любой из многочисленных поступков, возможно, вызвавший чью-то ненависть, которую он недооценил? И тогда он припомнил поединок на вершине у ледника. Нет, ни гнева, ни ненависти там не было и в помине. Если кто-то и жаждал мщения, то, должно быть, кто-то еще — тот, кто, надо отдать ему должное, сделал человека мастером своего дела.

Возвращение похищенного? Возможно, человеку нужно было заполучить украденную им, Кифом, штуковину.

Киф порылся в своем боковом отсеке, ища вещицу, с помощью которой он трансформировал значительную драконью массу в энергию перемещения. Да, она была цела. И все-таки он не исключал того, что это была двойная миссия — миссия отмщения и возвращения потери. Безусловно, одно не мешало другому...

Но могла ли она быть выполнена? Эта мысль забавляла Кифа. До сих пор он умирал уже дважды потому, что был взят врасплох, и однажды — так как недооценил своего противника.

Да, он был поражен внезапным нападением и не оценил по достоинству силы врага, потому как на самом деле лишь очень немногие создания представляли опасность для кифоподобных. Киф редко заглядывал в соседствующие земли — из-за дикости их обитателей. Каждая требовала расширения своих пределов, и все они сдерживали рост числа своих народов с помощью территориальных споров друг с другом — скорых и убийственных. Однако и там Кифу было нечего бояться, кроме разве что еще одного такого же Кифа. Сейчас, смотря на жизнь без иллюзий, Киф включил в список врагов еще и Калифрики. Человек был опасен особенно, так как мотивы его поступков и пределы возможностей Кифу были неведомы. Лучше всего было бы заранее поразмыслить над тем, как полностью обезопасить себя от очередного сюрприза. Но возможно — всего лишь возможно,— не помешало бы обдумать и условия сделки.

Минули дни, почти не отличимые от ночей, и Киф погрузился в повседневную рутинную работу по добыче породы. Он таскал на себе руду в самосвал, в работе мешало ему лишь то, что временами заедало хватательную ногу. Дважды в день, когда грузовой бункер наполнялся, Киф вел машину на складскую территорию, где ее разгружали другие роботы. Когда он проделал это во второй раз, к нему подошел отряд технического обслуживания: они подтянули гайки под спинными щитками и провели ряд тестов.

— Тебе нужен серьезный осмотр,— передали по радиосвязи.— Мы пришлем другого, чтобы продолжил копать за тебя, а тебя прямо сейчас и обследуем.

— Я функционирую нормально, и у меня сложная экскавация в самом разгаре,— ответил Киф.— Давайте в другой раз.

— Время терпит,— признали техники.— Отложим до следующего раза, как скажешь.

По дороге обратно к раскопу Киф размышлял над новой дилеммой. Он не может себе позволить пройти детальный осмотр, иначе особый предмет, носимый им в теле, будет наверняка обнаружен и, возможно, пострадает в ходе обследования. Да и вообще этот предмет был не из тех вещей, которые можно взять и надолго где-то припрятать. Он, без сомнения, испортился бы под действием низких температур, господствующих в этих местах.

Возможно, для Кифа было бы проще всего бежать куда-нибудь в другие края.

Вот только...

Быть может, в *этом*-то вся загвоздка. Он слыхал немало рассказов о путешественниках, которые умели подолгу выжидать в Долине Застывшего Времени, наблюдая друг за другом, карауля, пока тот, другой, не изготовится для прыжка во времени, чтобы сразу ринуться вслед за ним. Кифу никогда не хватало для этого прыти, хотя он частенько пытался. История вполне могла оказаться байкой, к тому же он слышал, что на этом пути путешественники теряют рассудок. И все-таки зря он недооценил того, кого звали Калифрики.

Выходит, лучше не бросать работу. Остаться и обмозговать все возможные способы, с помощью которых можно было бы исхитриться все уладить с осмотром.

Итак, он сбавил темп работы, выбирая породу вдвое медленнее, чем прежде, экономя силы и стараясь не изнашивать тело, оттягивая очередной спор с отрядом технического обслуживания. И все равно вызов застал его врасплох.

— Изыскательское звено, у вас поломка? — пришел радиозапрос.

— У меня — нет,— ответил он.

— Вы пробыли у выработки дольше обычного. Что-то стряслось?

— Работа продвигается медленно.

— Должно быть, жила истощилась и вас следует перевести на другой участок.

— Думаю, нет. Я только что обнаружил новую залежь.

— Вас уже давно не осматривали.

— Я знаю.

— Значит так, мы посылаем к вашему раскопу передвижное звено, вас осмотрят в полевых условиях.

— В этом нет необходимости. Скоро прибуду к вам сам.

— Предел безопасности исчерпан. Мы высылаем группу механиков.

Радиосвязь прервалась. Киф принял решение. Было трудно заранее рассчитать, когда прибудет отряд техобслуживания. Он твердо решил не думать о побеге, а пройти обследование. Но для этого следовало надежно припрятать вещицу. По крайней мере, он нашел способ на короткое время сохранить ее вне тела — недавно он обнаружил пещеру, подогреваемую природным теплом недр через глубокий колодец в полу.

Он покинул рабочее место, направляясь к расщелине в растрескавшейся скале. Возле нее вились клубы пара, и, когда грунт с тихим ворчанием проседал под ногами, они еще сильнее прорывались к небу. Киф включил электрический фонарик, пробрался сквозь расщелину и очутился в зале пещеры: случайно потревоженные мелкие камешки с грохотом раскатились по полу, в центре ее оранжево-красным огнем пылал глубокий колодец. Наклонившись к краю кратера, Киф вгляделся вглубь. Уровень кипящей магмы оказался несколько выше, чем он предполагал, но не настолько, чтобы в пещере было опасно оставлять что-либо. И если верить его чувствительным датчикам, со времени обнаружения расселины повышения сейсмической активности здесь не наблюдалось. Да, это было бы идеальным местом, где можно спокойно продержать тот самый предмет не один час, пока...

Затем пещеру пронзил внезапно вспыхнувший у входа яркий луч света, датчики мгновенно зафиксировали тепло-

вую перегрузку — в тот самый момент, когда одна из его передних конечностей уже трансформировалась. Обернувшись назад, Киф заметил фигуру человекоподобного существа в гермокостюме, с фонариком в одной руке и автоматическим пистолетом в другой. Заметил и красную нить, охватывающую предплечье фигуры.

— Калифрики! — передал он радиосигнал на волне, на которой обычно обменивались информацией в здешних местах.— Не открывай огонь, иначе это выйдет во вред твоим собственным целям.

— О? — отозвался человек на той же частоте.— С каких это пор тебе известно о моих целях?

— Тебя наняли не просто уничтожить меня, но и вернуть то, что я захватил с собой, разве нет?

— Ты прав, меня подрядили сделать и то и другое,— ответил Калифрики.

— Так это Старец из Аламута предложил тебе выполнить эту работу?

— Разумеется. Когда ассасинам нужен наемник, они идут к Калифрики.

— Не хочешь ли сделку?

— Твоя жизнь за склянку? Нет. Уж лучше я получу свое жалование сполна.

— А я и не предлагаю. Просто полюбопытствовал,— сказал Киф,— не согласишься ли ты.

Когда Киф бросился на него, оружие Калифрики полыхнуло огнем.

Ослепительный разряд расплавил две из шести рук робота и вывел из строя крупный блок датчиков. И все же это было мелочью для Кифа, который чувствовал, что у него еще масса возможностей и он по-прежнему превосходит человека силой. В самом деле...

— Глупо с твоей стороны было тащиться за мной сюда,— сказал он, нанося с разворота резкий удар, который, не задев Калифрики, в пыль разнес участок стены пещеры.— С минуты на минуту здесь будут другие роботы.

— Нет,— ответил человек.— Это я одурачил тебя тем вызовом, чтобы только заманить сюда.

— Так ты нарочно выбрал это место? Почему?

— Я надеялся, что к моему приходу ты уже вытащишь сосуд,— ответил он, резко ныряя вправо, стараясь уклониться от очередного выпада Кифа.— К несчастью, я слегка поспешил и пришел сюда раньше. А жаль.

Он опять выстрелил, вдребезги разнеся еще несколько датчиков и квадратный фут изоляции. Однако Киф с невероятной быстротой развернулся и, выбив пистолет ударом снизу, ринулся вперед. В эту минуту Калифрики, спустив курок, резко откинулся назад и кубарем покатился по полу пещеры, уронив при этом фонарь. Часть потолка пещеры рухнула вниз, наполовину погребя под собой Кифа и завалив вход.

Калифрики поднялся на ноги.

— Пусть я жестоко избит, но мое тело выдержит,— заявил Киф, принимаясь себя откапывать,— и я все равно уничтожу тебя. А вот тебе крышка, стоит лишь слегка повредить твой костюм.

— Верно,— сказал человек, поднимая оружие и снова целясь.— К счастью для меня, эту проблему я уже разрешил.

Он нажал на курок, оружие слабо клацнуло и затихло.

— О,— произнес Киф, мысленно желая, чтобы его черты робота сумели изобразить улыбку.

Калифрики сунул пистолет в кобуру, поднял с земли камень и с силой метнул его. Он раскололся о голову Кифа, обломки его раскатились и попадали в колодец. Киф еще старательнее освобождался из-под обломков, работая только двумя оставшимися придатками,— четыре его руки были разбиты камнепадом.

Когда Киф наконец выбрался из-под завала, Калифрики все еще продолжал швырять в него камнями. И тогда, атаковав человека, Киф успел потянуться к его горлу, но его левая конечность вдруг замедлила движение, заскрежетала и замерла. Правая конечность продолжала тянуться к Калифрики, который схватил ее обеими руками и, присев, проскользнул под ней, выпрямился во весь рост и наскочил на робота сбоку, а затем еще раз с тыла. Словно

в невесомости ступни Кифа оторвались от пола. Он ощутил толчок: его перевернуло и подкинуло. Затем он полетел вниз, навстречу огненному сиянию. И прежде чем коснуться лавы, он понял, что снова недооценил Калифрики.

Киф пристально разглядывал Долину Застывшего Времени. Как всегда, он старался растянуть момент безвременья, в течение которого можно было обдумать перспективы своего физического существования и возможные последствия событий. По непонятным для него причинам процесс зависания продолжался. Его порадовало то, что на сей раз он видит способы, посредством которых можно заранее наметить ход событий и влиять на них, чего ему никогда прежде не удавалось. На этот раз он сумеет устроить для Калифрики не просто ловушку, а ловушку тонкую и хитроумную — от путешественника во времени такому же путешественнику — и достойную путешественника во всех отношениях.

Он сумел удержать ход времени до тех пор, пока почти все не встало на свои места.

Когда Калифрики следовал за Нитью сквозь время без пространства в пространство без времени, его озадачил ее ход — путь в мир, в котором он собирался вновь преследовать Кифа, чтобы вступить с ним в последний поединок. Мир расстилался самым необычайным узором, который Калифрики когда-либо наблюдал. Слишком затейлив — он еще не успел как следует разглядеть его, как сила течения уже перенесла его на уровень событий. Значит, рассматривая множество фактов в их совокупности, выискивая цепь причинных связей величайшей из опасностей и создавая некую линию жизни, ему снова придется положиться на интуицию, которая так хорошо служила ему прежде. Тут он не смог сдержать смех, хотя в этом месте смех, точно так же как музыка или ветер, не мог проявить себя — их просто не существовало. Он крутанул в руках нить и хлестнул ею, словно бичом. Повинуясь

его воле, докрасна раскаленная петля понеслась от него прочь, вперед, к глубоким ущельям и широким каньонам его нового будущего мира. И он последовал...

Ступив на каменистую тропу, которая немедленно подалась и посыпалась под ногами, он потянулся к ближайшему выступу скалы и вцепился в него, но и тот тоже обрушился под его тяжестью. Затем, сквозь заклубившуюся пыль, он разглядел внизу длинный крутой склон с отдельными каменистыми уступами, который ему вскоре предстояло преодолеть. Подняв левую руку, чтобы защитить лицо, он позволил телу расслабиться и попытался на пятках спуститься вниз по склону, размышляя о том, как благоразумно уйти от большой, но пока еще далекой опасности, пренебрегая малой, но жестокой, которая уже дышала ему в затылок.

Очнувшись, он обнаружил себя лежащим на просторной кровати с пологом. Голова болела, во рту пересохло. В комнате было темно, но у противоположной стены дневной свет пробивался в щели по краям плотно закрытых ставень. Он попробовал подняться, чтобы подойти к окну, но боль в правой ноге явственно заявила о том, что кость, должно быть, сломана. Он выругался на нормандском, арабском, итальянском и греческом, потер лоб, задумчиво огляделся вокруг и снова уснул.

Затем его разбудил щебет птиц и тихие звуки чьего-то присутствия в комнате. Сквозь щель полузакрытых век он заметил надвигающуюся на него фигуру, по размерам и очертаниям принадлежащую человеку, за спиной которой колыхались какие-то яркие пятна. Фигура остановилась возле кровати, и он почувствовал, как чья-то прохладная рука легла на его лоб, как кончики пальцев принялись искать пульс на запястье. Он открыл глаза.

Она была светловолосой и темноглазой, с кукольным подбородочком, с совершенно гладким личиком без всякого выражения в своей сосредоточенности. Он не мог оценить, была ли она высокой, низенькой или где-то посе-

редке, так как плохо представлял себе высоту своего ложа. Позади нее маячила сияющая статуя обезьяны, бронзовый шимпанзе во весь его рост, отлитый в совершенстве, до мельчайших подробностей, в правой руке он держал вместительный черный чемоданчик. За ним на полу высилась массивная серебряная черепаха с накрытым подносом с едой на спине, ее голова медленно покачивалась из стороны в сторону.

Лишь на мгновение металлические тела вызвали у него прилив страха, когда он припомнил последнюю битву с Кифом, принявшим форму робота.

А затем:

— Не волнуйся,— услышал он ее слова на языке, похожем на один из многих ему известных.— Мы всего лишь хотим тебе помочь.

— Вспомнилось кое-что, вот мне и стало не по себе,— *объяснил он.*— Нога у меня в самом деле сломана?

— Да,— ответила она, приподнимая покрывало и открывая ногу. Он взглянул на затейливое кружево из черного и желтого металла на своей правой лодыжке. Оно казалось произведением искусства, коим могли бы гордиться при Византийском дворе.— Это соорудил доктор Шонг,— добавила она, жестом показывая на металлическую обезьяну, которая согласно кивнула.

— Сколько времени прошло с тех пор? — спросил Калифрики.

Она бросила взгляд на доктора Шонга, который ответил: «Дня три — нет, три с половиной»,— голосом, подобным звучанию металлического музыкального инструмента, на котором играли тихо и неторопливо.

— Спасибо. А как я здесь оказался?

— Мы нашли вас во время одной из наших прогулок,— пояснил доктор Шонг,— под осыпью, ниже обрушившейся тропы. Мы принесли вас сюда и починили.

— Где я и что это за место?

— Это дом кукольника Джероби Клокмана, моего отца,— сказала ему красавица.— А я Йолара.

Вопрос в глазах, а голос звонкий и чистый.

— Меня зовут Калифрики.

— Ты голоден... Калифрики? — спросила она.

Облизнув губы, он кивнул. Запах пищи стал почти нестерпимым.

— Еще бы,— ответил он.

Доктор Шонг помог ему приподняться и усадил в подушки, в то время как Йолара, сняв салфетку с подноса со снедью, поднесла его к постели больного. Присев на стул, стоявший рядом, она предложила ему поесть.

— Еще не остыло,— заметил он, пробуя.

— Благодаря Одасу,— сказала она, жестом показывая на черепаху.— В спину его вмонтирован нагревательный элемент.

Поймав его взгляд, Одас закивал головой, ответив на благодарность высоким пронзительным голосом:

— Очень рад,— и продолжил: — Пойдемте доктор, оставим их вдвоем, пусть организмы беседуют, если только не нужно услужить еще чем-нибудь.

Йолара мотнула головой, и оба откланялись. Наконец, оторвавшись от еды и перестав жевать, Калифрики кивнул вслед удалившейся паре.

— Творения твоего отца? — поинтересовался он.

— Да,— ответила она, глядя на него так пристально, что ему стало неловко.— Скоро ты познакомишься и с другими.

— А твой отец?

— Он хворает. Иначе он был бы здесь с тобой, когда ты очнулся, и поприветствовал бы тебя лично.

— Надеюсь, ничего страшного.

Она отвела взгляд и только потом ответила:

— Так просто и не узнаешь. Он скрытный.

— А где твоя мать?

— Я ее не знала. Отец говорит, она сбежала с музыкантом-цыганом, когда я была совсем маленькой.

— А есть ли у тебя братья или сестры?

— Нет.

Калифрики снова принялся за еду.

— Что ты делаешь в этих краях? — через некоторое время спросила она.— Мы живем в глуши, далеко от торговых путей.

— Охочусь,— сказал он.

— И на какого же зверя?

— На редкого. Он приходит издалека.

— А на кого он похож?

— На кого угодно.

— Опасен?

— Очень.

— А как его зовут?

— Киф.

Она покачала головой:

— Никогда не слыхала о такой твари.

— И хорошо. Как по-твоему, когда мне можно будет вставать?

— Как только наберешься сил. Доктор Шонг сказал, что приспособление, которое на тебе надето, полностью защищает ногу — хотя, вероятно, тебе еще понадобится палка. Чтобы было на что опереться.

Он отложил вилку.

— Да, мне бы хотелось попробовать... поскорее,— сказал он.

Вскоре после этого она убрала поднос и задернула полог: Калифрики крепко уснул.

В тот же день, однако, проснувшись после полудня и поев, он попытался встать на ноги. Доктор Шонг кинулся его поддержать. Пока Йолара ходила за палкой, обезьяна помогла ему одеться, во время частых передышек попутно проверяя, нет ли осложнений со стороны нервной системы и не ослабли ли мышцы за время покоя. Доктор Шонг сорвал нитку, плотно охватывающую запястье Калифрики, и отбросил ее куда-то в сторону. Он не заметил, как мгновением позже она не только вернулась на прежнее место, но ее обрывок пристал к его собственному плечу и заскользил под руку к боку.

Когда вернулась Йолара с палкой в руках, они уже добрались до середины комнаты. Затем вдвоем они вывели Калифрики за порог, и вдоль по коридору все вместе прошли на балкон, откуда он смог осмотреть внутренний дворик, вместивший шесть овец, двух козочек, четырех

коров, быка и стайку цыплят. Сделанные из металла, тяжелого и блестящего, все они, казалось, паслись или искали корм, и все издавали некое подобие звуков, тех, что издают животные из плоти и крови, по образу которых они были созданы.

— Поразительно,— заявил Калифрики.

— Все это — механизмы чисто декоративного назначения, лишенные настоящего интеллекта,— заметил доктор Шонг.— Для Мастера они всего лишь игрушки.

— И тем не менее удивительно,— произнес Калифрики.

Когда он развернулся, направляясь обратно в дом, Йолара взяла его под руку, чтобы не оступился.

— Сейчас мы отведем тебя назад в комнату,— сказала она.

— Нет,— ответил он, поворачивая к лестничному колодцу, мимо которого они прошагали по коридору.— Я должен пойти дальше.

— Только не по лестнице. Пока еще рановато,— предостерег доктор Шонг.

— Пожалуйста, послушайся его,— попросила она.— Может быть, уже завтра.

— Если только мы прогуляемся в дальний конец коридора и обратно.

Она глянула на металлического обезьяноподобного, который кивнул.

— Очень хорошо. Но только давай пойдем медленно. Зачем так мучить себя?

— Я должен быть готов к встрече с Кифом где угодно, в любой момент.

— Сомневаюсь, что ты обнаружишь его в здешних местах, вряд ли он прячется где-то поблизости.

— Кто знает? — ответил он.

В тот же вечер Калифрики проснулся от звуков неистовой музыки, доносившихся откуда-то издалека и несколько ослабленных расстоянием. Подождав немного, он с усилием поднялся на ноги и вышел в коридор. Звуки доносились из лестничного колодца. Прислонившись спи-

ной к стене, он долго прислушивался, а затем, волоча ногу, вернулся в постель.

На следующий день, после завтрака, он выразил желание совершить более длительную прогулку, и Йолара, отпустив доктора Шонга, повела Калифрики вниз по лестнице. Лишь постепенно он оценил грандиозные размеры здания, по которому они прогуливались.

— Да,— пояснила она, когда он указал ей на это,— оно выстроено на развалинах древнего монастыря и годами служило и крепостью, и жилищем.

— Любопытно,— сказал он.— Скажи мне, вчера ночью мне показалось, будто я слышал музыку. Здесь устраивали какой-то праздник?

— Можно и так назвать,— ответила она.— Впервые за долгое время мой отец покинул свои покои и позвал музыкантов, чтоб те сыграли ему.

— Я рад, что ему лучше,— сказал Калифрики.— Это была ужасающая, но прекрасная музыка. Хотел бы я когда-нибудь услышать ее еще раз и, может быть, даже присутствовать там, когда музыканты будут ее исполнять.

— Они вернулись в свои подземные норы, скрытые глубоко под полом,— сказала она.— Но как знать...

— Они тоже творения твоего отца?

— Думаю, что так,— ответила она.— Но, право, сама я никогда их не видала, поэтому трудно сказать.

Они прошли мимо вольера с бронзовыми птицами с необычной синеватого цвета патиной на крыльях, щебечущих, пускающих трели, пронзительно кричащих «керрью» и развертывающих перья, словно изумрудные веера. Одни восседали на железных жердочках, другие в медных гнездах. В некоторых гнездах лежали серебряные яйца или сидели крохотные птенчики, голые, с жадно раскрытыми клювиками, хватающими мошек из фольги и червяков из жести. Когда пернатые певцы двигались, воздух вокруг них колебался и озарялся ярким сиянием.

В саду во внутреннем дворике с южной стороны замка она показала ему серебряное дерево, на ветвях которого висели сверкающие подобия всевозможных плодов, виданных им и вовсе неведомых.

Пройдя по коридору, Йолара остановилась перед изображением в раме, которое Калифрики поначалу принял за ее портрет; на ней было черное атласное платье с глубоким вырезом и массивный изумрудный кулон в виде кораблика, скользивший по волнам ее груди. Но когда он всмотрелся внимательней, дама на портрете показалась ему более зрелой.

— Моя мать,— пояснила Йолара.

— Такая же красавица, как и ты,— отозвался Калифрики.

В самом конце коридора красный волчок, высотой в рост Калифрики, с грустным пением вращался, балансируя на острие кинжала. Йолара сообщила, что волчок будет крутиться девяносто девять лет без завода.

Она заявила это с такой серьезной миной, что Калифрики не выдержал и расхохотался.

— За все время, пока я здесь, ни разу не слыхал твоего смеха и не видел, чтобы ты улыбнулась.

— Мне, в отличие от тебя, эти вещи давно не в диковинку,— ответила она.— Я вижу их изо дня в день.

Он кивнул в знак согласия.

— Разумеется,— сказал он.

Тогда улыбнулась она. И пожала ему руку на удивление крепко.

На следующий день они отправились покататься верхом на великолепных рогатых конях из металла: он на пурпурном жеребце, она на зеленой кобыле. Они долго сидели на вершине холма, любуясь долиной, горами и крепостью Джероби Клокмана. Калифрики рассказал Йоларе немного о себе, и она, похоже, слушала его с искренним восхищением, а не просто из любопытства. А когда он под конец поцеловал ее, она казалась такой неискушенной. И лишь тогда, когда они неспешно возвращались назад в крепость, она призналась ему, что не знает других людей, кроме отца,— до сих пор ей приходилось видеть только случайных купцов, менестрелей или гонцов, да и то недолго.

— Довольно странный образ жизни,— заметил он.

— В самом деле? — отозвалась она.— Я начала об этом догадываться, начитавшись книг в библиотеке. Но поскольку все это были романы, я не могла с уверенностью сказать, что в них правда.

— Твой отец, похоже, с причудами,— сказал Калифрики.— Хотелось бы мне познакомиться с ним.

— Я не уверена, что он уже совсем поправился,— заметила она.— Он словно бы избегает меня.— Проехав еще немного, она добавила: — Как бы я хотела посмотреть мир, побывать и в других местах.

Той же ночью, как только Калифрики заслышал музыку снова, он медленно и неслышно двинулся вниз по лестнице. Остановился он только у входа в зал, откуда неслись вопли и стенания. Затем он осторожно лег на живот и потихоньку пополз вперед, так что ему удалось изловчиться и заглянуть за угол лестничной площадки, при этом глаза его находились всего в нескольких сантиметрах от пола.

Взору его предстал металлический квартет: жуткие фигуры-калеки с ликами падших ангелов. Все как один изуродованы: серо-стальные, золотые и серебряные тела сильно обожжены, лица рябые, лбы с ветвистыми рогами или короткими рожками. Рваные кожистые перепончатые крылья, словно черные пелерины, свисали с их плеч. Среди них двое скрипачей, волынщик и еще один музыкант, играющий на хрустальных колокольчиках. Музыка была хаотичной, волнующей и чарующей, но какой-то холодной, будто северный ветер в зимнюю ночь. Словно бы вовсе не человеческая музыка, и Калифрики поймал себя на том, что хотел бы знать, уж не сами ли демоны из металла создали эти мелодии. За спиной у них в полу чернели пять отверстий размером с могилу: одна — в центре, остальные окружали ее с четырех сторон. Перед ними в огромном кожаном кресле сидел седой толстяк, черты его Калифрики рассмотреть не мог, поскольку человек прятал лицо в ладонях, сцепив пальцы в замок. Именно поэтому Калифрики сразу же бросилось в глаза кольцо с огромным сапфиром на правой руке человека.

Когда пьеса закончилась, бестии застыли на своих местах. Человек поднялся на ноги и взял в руки тонкую пику с алым древком, прислоненную рядом к стене. Сделав несколько шагов вперед, он ударил ею о каменную плиту в форме полумесяца. Внезапно, развернувшись на месте на шарнирах, музыканты заскользили к своим могилам и опустились в них. Когда они исчезли под полом, каменные плиты-крышки задвинулись, скрыв всякие следы их существования.

Человек водрузил пику на вбитые в стену крюки слева от себя, затем пересек залу и вышел в дверь в дальнем ее конце. Калифрики осторожно встал с пола, шагнул за порог и тоже пересек комнату. Он увидел, что человек достиг конца коридора и начал взбираться по лестнице, которая, как ему было известно из предыдущей прогулки, вела в самую высокую крепостную башню. Он выждал достаточно долго и только потом снял со стены пику. Когда он ударил древком о камень-полумесяц, плиты пола открылись, и он заглянул в могилы.

Демоны-музыканты поднялись из них, встали по местам и, подняв инструменты, приготовились играть. Но Калифрики уже успел разглядеть то, что хотел. Он еще раз ударил по камню, и квартет опять убрался назад. Он вернул пику на крюки и вышел из залы.

В глубоком раздумье он долго блуждал по сумрачным коридорам. Когда наконец он дошел до комнаты, где горел свет, и остановился, оказалось, что это библиотека. Заглянув в дверь, он увидел доктора Шонга, который сидел и читал.

— Калифрики,— сказал доктор,— в чем дело?

— Когда хожу, лучше думается.

— Вы еще не совсем поправились, и спать вам куда полезнее, чем думать.

— Я устроен иначе. Когда меня что-либо беспокоит, я хожу и размышляю.

— Не знал об этой вашей технической особенности. Скажите, что вас беспокоит, и, возможно, я сумею помочь.

— Я до сих пор так ни разу и не видел хозяина дома. Знает ли Джероби Клокман о том, что я здесь?

— Да. Я ежедневно докладываю ему обо всем.

— О, а не давал ли он каких-либо особых поручений, касающихся меня?

— Лечить вашу рану, подавать вам еду и следить за тем, чтобы вам оказывали всевозможные почести.

— А не изъявлял ли он желания познакомиться со мной лично?

Доктор закивал.

— Да, но должен вам напомнить, что в последнее время ему нездоровилось. Однако теперь ему значительно лучше, так что уже завтра он пригласит вас с ним отобедать.

— Это правда, что мать Йолары бежала с музыкантом? — спросил Калифрики.

— Именно так я слышал. В те дни меня не существовало. Я был сделан, когда Йолара уже выросла.

— Спасибо, доктор,— сказал Калифрики,— и спокойной ночи.

Он заковылял по коридору, припадая на ногу, но, как только повернул за угол, хромота его сразу пропала. Прошагав дальше по коридору, он присел на скамью, закатал штанину и снял с себя затейливые скобы. Медленно привстал, затем перенес тяжесть тела на больную ногу. Потом ухмыльнулся.

В тот вечер чуть позже Йолара услышала, как кто-то тихонько скребется к ней в дверь.

— Кто там? — спросила она.

— Калифрики. Мне нужно поговорить с тобой.

— Минутку,— ответила она.

Она отворила дверь. Он заметил, что она до сих пор не сняла одежды, которую носила весь день.

— Как ты узнал, что это дверь моей комнаты? — спросила она его.

— Я вышел из своей и поискал,— ответил он.— Это единственная комната, в которой горел свет,— не считая моей и библиотеки, где я оставил доктора Шонга. А покои твоего отца, насколько я знаю, в северной башне.

Она одарила его второй улыбкой.

— Умно,— заметила она.— О чем же ты хотел поговорить?

— Сперва вопрос, если можно.

— Конечно.— Она отступила в сторону и отворила дверь шире.— Входи, пожалуйста.

— Благодарю.

Он сел на предложенный ею стул и затем сказал:

— Несколько дней назад, когда я пришел в себя, доктор Шонг рассказал мне, будто меня нашли тремя или тремя с половиной днями раньше в том самом месте, где со мной приключилось несчастье.

Она закивала.

— Ты была там, когда меня обнаружили?

— Нет,— призналась она.— Мне рассказали о тебе позже.

— Он употребил местоимение «мы», поэтому я предположил, что с ним была ты.

Она помотала головой:

— Скорее всего, кто-нибудь из механических кукол. Но это мог быть и мой отец. Хотя, думаю, нет, ведь он был болен.

— Йолара,— сказал он,— здесь что-то нечисто. Я чувствую, мы оба в большой опасности. Ты говорила, что хочешь уехать. Прекрасно. Собери вещи, и я увезу тебя отсюда прямо сейчас, сегодня же ночью.

Глаза ее расширились.

— Это так неожиданно! Мне нужно предупредить отца! Я...

— Нет,— оборвал он.— Именно его я и боюсь. По-моему, он не в себе, Йолара, и очень опасен.

— Он никогда не причинит мне зла,— сказала она.

— Я в этом совсем не уверен. Если верить портрету, ты сильно похожа на мать. В своем безумстве он может в один прекрасный день спутать вас — отождествить тебя с воспоминанием о ней. И тогда ты наверняка окажешься в опасности.

Глаза ее стали щелочками.

— Ты должен объяснить мне, почему ты так думаешь.

— Я уверен, что он нашел твою мать, после того как она изменила ему с цыганом, и убил ее.

— Как ты можешь так говорить?

— Я побывал в зале, где он держит свой бесовский квартет. Я открывал их могилы — и пятую, вокруг которой они становятся играть. В той пятой — скелет. На шее его цепочка с изумрудным корабликом, та же, что и на портрете.

— Нет! Я не верю этому!

— Прости.

— Я должна убедиться сама.

— По-моему, лучше не надо.

— Выдвинуть такое обвинение и просить меня принять его на веру — это уж слишком,— заявила она.— Пойдем! Это не так страшно, как ты думаешь, ведь моя мать для меня чужая. Мне бы хотелось взглянуть на эту могилу.

— Хорошо.

Он поднялся со стула, и они вышли в коридор. Добравшись до темной ниши в стене, он вынул оттуда меч, блеснувший полосой гладкой стали, и, держа его в правой руке, первым двинулся к лестнице.

— Где ты взял меч? — спросила она.

— Позаимствовал внизу у доспехов латника.

— Мой отец слабый больной старик. Неужели нужно идти на него с оружием...

— На всякий случай не помешает,— ответил он.

— Ты что-то не договариваешь,— сказала она,— не так ли?

— Увидим,— ответил он.

Когда они вошли в залу, где он побывал раньше, Калифрики снял со стены алую пику.

— Стой здесь,— указал он, подведя Йолару к средней могиле, а сам отступил назад и ударил по камню-полумесяцу древком пики. Каменные плиты сдвинулись с места, и он поспешил к ней. Она пронзительно вскрикнула, но не при виде демонов, которые, восстав из каменных могил, со всех сторон обступили их. Взглянув вниз, в глубь могилы, Калифрики увидел тело седого толстяка, голова кото-

рого была свернута, да так, что лицо смотрело назад. Тело лежало в объятиях скелета, с шеи которого свисал изумрудный кораблик.

— Кто это сделал? — спросила она.

— Не знаю,— сказал Калифрики.— Раньше его здесь не было. Я не понимаю. Я...

Вдруг он опустился на колени, склонился над могилой и приподнял правую руку старика.

— Что там? — спросила Йолара.

— Перстень с голубым камнем,— сказал он.— Еще вечером он был у него. Теперь нет.

— Его кольцо с печаткой,— проговорила она.— Его печать Кукольных дел мастера. Он бы никогда не расстался с ним добровольно.

В этот момент дьявольский квартет заиграл. И говорить стало невозможно. Опустив руку кукольника, Калифрики подобрал лежавшую в стороне пику с алым древком и поднялся на ноги.

Он прошел между изуродованными демонами и, подойдя к каменному полумесяцу, ударил о него пикой. Мгновенно музыка смолкла. Музыканты удалились на покой. Могилы начали закрываться.

— Теперь наконец ты веришь, что здесь опасно? — сказал он.

— Да,— отозвалась она.— Но...

— Йолара,— произнес седой толстый старик, который входил в зал через дальнюю дверь — вспышка голубого огня на правой руке.— Я слышал, ты кричала.

— Механический двойник отца,— сказала она.— Он часто подумывал, не смастерить ли такого. Я и не знала, что смастерил. Кукла убила его и заняла его место.

Толстяк усмехнулся и двинулся к ним.

— Отлично,— сказал он.— А вас не проведешь, верно?

— Где его самое слабое место? — спросил ее Калифрики, поднимая клинок.

— Чуть ниже пупка,— ответила она, и он направил острие оружия ниже.

— Если честно,— сказала кукла,— то, проткнув слой плоти, ты почувствуешь, как металл упрется в металл.

Чтобы победить меня, нужно достойное оружие и прочный клинок.

Калифрики рассмеялся.

— Не проверить ли нам? — спросил он.

Кукла остановилась.

— Нет, не нужно,— ответила она.— Стоит ли разбазаривать талант понапрасну.

Затем его взгляд устремился куда-то за их спины. Калифрики повернул голову и увидел, что через другую дверь в зал входит доктор Шонг.

— Доктор,— закричала Йолара,— он убил отца и занял его место!

— Я знаю,— ответила обезьяна, и девушка с удивлением увидела, как доктор гадко осклабился.— Ему предложили, и он не мог отказаться.

— Моя нога здорова,— сказал Калифрики.— Думаю, она все же была сломана, но теперь вполне зажила. И на это потребовалось отнюдь не несколько дней, как вы пытались меня уверить, а гораздо больше. Наверняка я пробыл здесь не одну неделю, а вы одурманивали меня зельем...

— Очень умно,— заметил доктор Шонг.— И, кстати, верно. У нас был особый заказ покойному Джероби Клокману. Он совсем недавно окончательно все отладил.

— И тогда вы его прикончили! — выкрикнула Йолара.

— В точности так,— сказало человекообразное,— хотя на самом деле всю грубую физическую работу сделал его двойник. Но ведь это lèse-majesté*, именовать нас убийцами в присутствии его величества наемника в лице нашего гостя. Разве не правда, Калифрики?

— Подойди ближе, обезьяна,— сказал он.

— Нет. Ты, похоже, сам обо всем догадался. А раз так, то в последний раз пошевели мозгами и скажи-ка мне: кто был последним творением Клокмана — кого он так долго собирал, пока ты спал?

— Я... Я не знаю,— сказал Калифрики.

— Войди,— позвал доктор Шонг.

---

* Оскорбление величества *(фр.)*..

Калифрики во все глаза смотрел, как в зал входит его собственный двойник с мечом в руке.

— Выполнен согласно тем же техническим условиям,— отметила обезьяна.— Хотя и существенно превосходит силой.

— А я-то думал, Киф с позором бежал.

Его двойник раскланялся.

— Ты заблуждался,— сказал он ему.

Калифрики с силой ударил древком пики о каменный полумесяц, Йолара вскрикнула: «Убийца!» — и бросилась на могучего двойника, когда тот угрожающе двинулся на Калифрики, размахивая в воздухе острием своего клинка.

— Что ж, пожалуйста, давайте потанцуем,— произнес его двойник, улыбаясь, когда музыканты, взяв инструменты, заиграли свое. Обезьяна засмеялась, а Йолара, пролетев через зал, ударилась головой о каменную плиту над камином и страшно закричала.

Запутывая противника, Калифрики отвернулся от наступавшего на него двойника и, сделав стремительный прыжок и еще более стремительный бросок вперед, вонзил лезвие меча в тело куклы Джероби Клокмана с такой силой, что кончик острия, прошив ее живот, вышел из поясницы. Оружие выпало из рук Калифрики, когда механическая фигура внезапно подняла обе руки на высоту плеч, простирая их в стороны, повернула голову так, что та приняла весьма странное положение, и начала выделывать сложные па одно за другим. Все ее движения сопровождались лязгающим шумком, исходившим из утробы.

Тогда, развернувшись и размахнувшись красной пикой, так что она описала в воздухе круг, Калифрики сумел отразить двойную атаку. Отступая и кружась, он с риском для себя бросил взгляд на Йолару и обнаружил, что она все еще лежит без движения. Взгляд едва не стоил ему уха, но он парировал колющий встречный удар и в ответ обеими руками что есть силы ударил противника пикой, которая наверняка переломала бы ребра человеку, но лишь на мгновение задержала куклу. Однако Калифрики тут же нанес ей удар между глаз древком оружия и, молниеносно перевернув его кругом, кольнул острием пики в живот. И все же атака была отражена: словно стряхнув с себя последствия ударов, двойник навалился на Калифрики снова. Откуда-то со стороны до него донесся довольный смех доктора Шонга.

Калифрики снова стал отступать, изворачиваясь, обходя сзади живую статую Джероби Клокмана, которая теперь танцевала в крайне медленном темпе и периодически издавала лязгающие звуки. Когда она перенесла всю тяжесть своего тела с левой ноги на правую, он со всей силы пнул ее, и кукла повалилась, рухнув прямо на пути двойника. Рассмеявшись, двойник перепрыгнул через дергающуюся на полу куклу и продолжил атаку.

Тогда Калифрики начал лавировать между музыкантами, увертываясь от смычков скрипачей, двигаясь боком, чтобы избежать столкновения со стойкой с колокольчиками. А двойник наступал, топая ногами, делая и отражая выпады, моментально отвечая ударом на удар. Когда он настолько продвинулся вперед, что почти добрался до цели, Калифрики сделал обманное движение, будто споткнулся.

Как и было задумано, противник атаковал. Падая на колено и поворачиваясь всем корпусом, Калифрики нанес удар пикой сплеча — сверху вниз, который подсек двойника сзади под колени и сбил его с ног. Тогда, вскочив на ноги, Калифрики ударил его промеж лопаток и опрокинул навзничь — тот повалился в отверстую могилу.

От удара древка пики о камень-полумесяц музыканты тотчас смолкли и, на ходу пряча инструменты, попятились в свои могилы. Прорываясь меж ними, Калифрики снова занес пику, чтобы ударом по голове добить двойника, если тот попытается встать из могилы, пока не закрылась плита. Подняв глаза, двойник встретился взглядом с Калифрики.

— Дурень! — закричал он.— Пока ты стараешься избавиться от меня, Киф удирает!

— Доктор Шонг! — воскликнул Калифрики, неожиданно узнав правду.

Резко развернувшись на месте, он метнул пику в удирающую статую обезьяны в тот самый момент, когда ка-

менная плита закрылась над механическим двойником. Алая пика с ужасным звоном металла о металл попала в плечо торопливо удирающей статуи, когда та готова была уже исчезнуть в ближайшей двери. От удара статуя повернулась кругом. Обезьяна чудом не упала; покачнувшись на мгновение, она восстановила равновесие, затем понеслась через всю комнату к камину, при этом левая рука ее болталась без движения.

Не успел Калифрики сделать и трех шагов, как доктор Шонг уже был у цели. Опустившись на колени, он дотянулся правой рукой до тела Йолары и сомкнул пальцы на ее горле.

— Стой,— завопила обезьяна.— Я одним движением могу оторвать ей голову! И я так и поступлю, если ты хоть сколько-нибудь приблизишься!

Калифрики замер, заметив у нее на виске кровь.

— Было время, я даже думал, что и она, возможно, тоже кукла,— проронил он.

— Я поиграл с идейкой,— сказал тот, другой,— не заменить ли и ее копией, созданной специально чтобы убить тебя. После того, как ты ее полюбишь. Но я недостаточно хорошо разбираюсь в человеческих чувствах. Я боялся, что все это может затянуться или даже не произойти вовсе. И все же, как занятно было бы ею манипулировать.

Калифрики кивнул.

— И что теперь? — спросил он.— Похоже, мы оба зашли в тупик. К тому же она, кажется не дышит. Если так, твои угрозы бесполезны.

Он попытался сделать шаг вперед.

— Стой! — Киф медленно поднялся на ноги, обхватив тело Йолары и прижимая его к своей груди согнутой в локте рукой, все так же держа пальцы на ее горле.— Говорю тебе, она еще жива. Хочешь сыграть на ее жизнь — тогда вперед.

Калифрики в нерешительности остановился, глаза его сузились. В тусклом свете он разглядел Нить на плече и на поясе механической куклы. Он медленно поднял левую руку. Та же Нить обвивала и его запястье. Она протянулась

назад, через его левое плечо. И она простерлась вперед. Она соединилась с частью себя, с обрывком, свисавшим с металлической обезьяны. Она устремилась вперед, вдаль, в дверь залы. Когда Калифрики слегка согнул пальцы, она натянулась. Тогда он сжал пальцы сильнее, и Киф недоуменно завертел головой, словно выискивая что-то по сторонам. Когда же Калифрики стиснул пальцы в кулак, части Нити, петлями обвивавшей и опоясывавшей Кифа, на глазах исчезли из виду, врезаясь в металлическое тело и рассекая его.

Мгновением позже механическая статуя, обрушившись на пол, развалилась на три части. Она лишилась головы, торс отделился от ног в области пояса. Сверху, поперек ее серединной части, лежала Йолара. Голова статуи откатилась под ноги Калифрики.

Когда Калифрики переступил через нее, она обратилась к нему:

— Я солгал. Йолара не дышит.

Калифрики остановился и, подобрав голову с пола, уже было замахнулся, чтобы с силой швырнуть ее в ближайшую стену.

— Но она может задышать снова,— сказала голова, кривя губы в улыбке,— если только ты воспользуешься своей головой.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Калифрики.— Говори!

— То, что я похитил у Старца, живущего на Горе,— эликсир жизни — он ее оживит.

— Где он?

— Я тебе скажу, только обещай, что не убьешь меня.

Калифрики отвернулся в сторону так, чтобы Киф не заметил его ухмылки.

— Прекрасно,— ответил он.— Даю слово. Где он?

— Спрятан среди золотых и серебряных плодов в чаше на столе за дальней дверью.

Калифрики прошел через всю комнату и осмотрел чашу.

— Да,— наконец произнес он, доставая бутылочку.

Он вынул пробку и понюхал ее. Закрыв пальцем горлышко бутылочки, он перевернул ее вверх дном и снова вернул в обычное положение. Затем слизнул ту единственную каплю, которая осталась на подушечке пальца.

— Ни запаха, ни вкуса,— заметил он,— и я ничего не чувствую. Ты уверен, что это не обман?

— Не трать это попусту, глупец! Нужна всего одна капля!

— Прекрасно! Но лучше бы ты сказал правду.

Калифрики вернулся к телу Йолары и, склонившись к ней, взял ее за подбородок, чтобы приоткрыть ей рот. Потом точно так же извлек из склянки еще одну каплю и нанес ей на язык.

Мгновения спустя она глубоко вздохнула. Вслед за тем дрогнули веки и открылись глаза.

— Что случилось? — спросила она.

— Все позади,— сказал он, поднимая и поддерживая ее.— Мы живы, и моя работа выполнена.

— Что за работа? — пытливо спросила она.

— Отыскать склянку,— пояснил он,— и принести голову этого ворюги.

Медная голова обезьяны взвыла.

— Ты провел меня! — вопила она.

— Ты сам себя одурачил,— ответил он, затыкая бутылочку пробкой, кладя ее в карман и помогая Йоларе подняться на ноги.

— Теперь ты здесь хозяйка,— сказал он ей.— Если тебе слишком тяжело вспоминать о прошлом, пойдем со мной, и я постараюсь, чтобы ты узнала более счастливые дни.

И вот, ведя ее Долиной Застывшего Времени, Калифрики остановился в том самом месте, что могло быть мозаикой, живописным пейзажем, картой. Он сжал руку Йолары и жестом показал ей на удивительный вид, открывающийся впереди.

Она улыбнулась и кивнула. В ту же минуту голова Кифа, которую Калифрики держал в левой руке, разинула пасть и, изловчившись, куснула его. В другом месте он наверняка выругался бы, но только не здесь, где нет слов (ни музыки, ни ветра). И тогда, поднеся укушенную руку ко рту, он не удержал медную голову, которая, упав, покатилась прочь. Голова Кифа упала в расщелину между скал, где проделала немалый путь, громыхая по склону, прежде чем замерла в зыбком равновесии на каменном уступе, скрытая от глаз густой тенью. Сколько ни искал ее Калифрики, так и не нашел; пришлось ему довольствоваться лишь половиной обещанной платы — сурового Старца из Аламута не проведешь. Все же вознаграждение было довольно значительным, и он пустился с Йоларой в удивительное странствие: в Византию, Венецию, Китай — но это уж совсем другая история. Тем временем, распутывая повороты судьбы, Киф взял да и спятил, а когда раскрыл пасть, чтобы исторгнуть крик,— пусть там и не место для крика (ни музыки, ни ветра),— его медная голова рухнула вниз с каменного выступа в скалах и кувырком скатилась по склонам — на узкую улочку на окраине Оксфорда, где ее и нашел францисканец по имени Роджер Бэкон. Но и это совсем другая история. Нить жизни всегда появляется из ниоткуда и уходит в никуда. И странствует она где угодно, и нет ей конца.

Вернись к месту убийства, Алиса, любовь моя

1

Не счесть в Галактике смертельных ловушек, и надо же ей было попасться именно в мою. Сначала я даже не узнал ее. А когда узнал, все не мог поверить, что это она. С ней был ее компаньон, с завязанными глазами, в сандалиях и кимоно. Но ведь она мертва, и октада разрушена. Другой быть не может. Определенные сомнения воз-

никали у меня даже по поводу этой октады. Но выбора не было. Да и есть ли он хоть у кого? Есть только то, что нужно сделать. Скоро она уйдет. Я вкушу ее духа. Сыграем еще раз, Алиса...

2

Она пришла на виллу в Константинополе, где он, в свободном одеянии, с совком в руке и садовым ножом в другой, стоял на коленях среди роз, ухаживая за своим садом. Слуга доложил о ее прибытии.

— Господин, там дама у ворот,— сказал старик по-арабски.

— Кто бы это мог быть? — пробормотал садовник на том же языке.

— Она назвалась Алисс,— ответил слуга и добавил: — Она говорит по-гречески, но с иностранным акцентом.

— Ты узнал акцент?

— Нет. Но вас она спросила по имени.

— Надеюсь, что так. К незнакомцам редко заходят с добрыми намерениями.

— Она назвала вас не Стассинопулосом. Она спросила Калифрики.

— Черт, это по делу,— сказал он, поднимаясь, отряхивая колени и передавая совок слуге.— Давно же ко мне не обращались.

— И правда, сэр.

— Проведи ее в маленький дворик, усади в тени, принеси чай, шербет, дыни — все, что она может пожелать. Скажи, что я буду с минуты на минуту.

— Да, сэр.

Войдя в дом, садовник скинул рубашку и быстро умылся. Зажмурив глаза, плеснул воды на высокие скулы. Окатил водой грудь, плечи. Вытеревшись, он обвязал темные волосы золотистой лентой, нащупал в шкафу белую вышитую рубашку с длинными рукавами.

Выйдя во двор, подошел к столику у фонтана, где мозаичные дельфины колыхались под струями воды, стекавшими маленькими речушками с горы Олимп в рост человека, и поклонился сидевшей даме, которая с бесстрастным лицом следила за его приближением. Она медленно поднялась. Невысокая, заметил он, на целую голову ниже его, темные волосы прошиты нитками седины, глаза синие-синие. Бледный шрам, пересекая левую щеку, терялся в волосах над ухом.

— Алисс, я полагаю? — спросил он, осторожно поднося ее руку к губам.

— Да,— ответила она, опуская руку.— Алиса.— Женщина произнесла имя немного иначе, чем это сделал слуга.

— И это все?

— Достаточно для моей цели, сэр.

Он тоже не смог распознать ее акцент, и это встревожило его.

Он улыбнулся и сел напротив. Ее взгляд, он заметил, был прикован к маленькому шраму в виде звездочки у его правого глаза.

— Сверяетесь с описанием? — спросил он, наливая себе чашку чая.

— Не будете ли вы столь любезны, чтобы дать мне поглядеть на ваше левое запястье? — спросила она.

Он откинул рукав. Ее взгляд с жадностью упал на красную нить, обвивавшую запястье.

— Вы — тот, кого я ищу,— сказала она торжественно.

— Возможно,— уклончиво отозвался он, отхлебывая чай.— Вы моложе, чем кажетесь на первый взгляд.

Она кивнула.

— И в то же время старше,— сказала она.

— Попробуйте шербет,— предложил он, накладывая лакомство из вазы в розетки.— Он весьма неплох.

3

Фиксирую точку. Дотрагиваюсь до сифона и кости. Там, за полированным медным зеркалом, потягивая холодное питье, она щебечет по-гречески, что день жаркий и что так приятно найти тенистый уголок в этом кара-

ван-сарае, на пороге моего обиталища, где так приятно отдохнуть,— вся эта болтовня не способна обмануть меня своей хорошо просчитанной небрежностью. Окончив трапезу и встав из-за стола, они не направятся обратно на улицу с ее верблюдами, пылью, лошадьми, криками торговцев. Я знаю это. Они повернутся, словно непреднамеренно, в направлении зеркала. Она и этот ее монах. Милые дамы, будьте свидетелями...

4

— Я могу позволить себе купить ваши услуги,— сказала она, протягивая руку к мягкому кожаному мешку, лежавшему на кафельном полу возле ее стула.

— Вы торопите события,— отозвался он.— Сначала я должен понять, чего именно вы от меня хотите.

Она пронзила его своими синими глазами, и он почувствовал знакомый холодок близости смерти.

— Вы убийца,— просто сказала она.— И убьете любого, если цена вас устроит. Так мне сказали.

Допив чай, он вновь наполнил чашки.

— Я сам выбираю, принять или не принять заказ,— ответил он.— Я не берусь за все, что мне предлагают.

— Какие соображения руководят вашим выбором? — спросила она.

— Я редко убиваю невинных,— ответил он,— исходя из моего собственного определения невинности. Кроме того, меня может оттолкнуть определенная политическая ситуация...

— Убийца с совестью,— заметила она.

— Можно сказать и так...

— Что-нибудь еще?

— Мадам, вообще-то я некоторым образом удалился на покой,— ответил он,— вот почему мои услуги так дороги. Услуги головореза здесь с готовностью окажут многие. Я сам могу порекомендовать вам несколько компетентных индивидуумов.

— Иными словами, вы предпочитаете сложные случаи, бросающие вызов вашему мастерству?

— «Предпочитаю» немного не то слово. Я не вполне уверен, как это можно выразить лучше — во всяком случае, по-гречески. Хотя у меня есть тенденция оказываться в подобных ситуациях, ибо высокооплачиваемая работа, похоже, подпадает под эту категорию, а я принимаю только такие заказы.

Впервые за это утро на лице ее появилось бледное подобие улыбки.

— Мой заказ подпадает под эту категорию,— сказала она,— в том смысле, что еще никому не удалось преуспеть в той миссии, которая мне требуется. Что касается невинности, вы увидите, что ею здесь и не пахнет. Политика здесь тоже ни при чем, он не из этого мира.

Он проглотил кусочек дыни.

— Вы заинтересовали меня,— сказал он.

5

Наконец они поднимаются. Монах поправляет маленький лук, закрепленный на спине, и кладет руку ей на плечи. Они пересекают патио. Они уходят! Нет! Неужели я ошибся? Я вдруг понимаю: я хотел, чтобы это была она. Та часть меня, которая, как я думал, полностью переродилась, поглощенная другими, внезапно восстает и стремится принять командование на себя. Мне страстно хочется крикнуть. Я не знаю, какой крик готов вырваться у меня: «Приди!» или «Беги!». Да это и неважно. Во всяком случае, не сейчас, когда это не стало частью ее. Не сейчас... Они уходят.

Но.

На пороге она, помедлив, что-то говорит своему спутнику. Я слышу только слово «волосы».

Когда она возвращается, я вижу в ее руке расческу. Она быстро подходит к зеркалу, которое, поблескивая, висит на стене справа от нее. Когда она сбрасывает вуаль и начинает поправлять свои темные локоны, я понимаю, что их цвет ненатурален.

6

— Не из этого мира,— повторил он.— Откуда же тогда, позвольте спросить?

— С планеты на другом конце Галактики,— ответила она.— Значат хоть что-то для вас эти слова?

— Да,— признался он.— Кое-что значат. Но почему вы пришли именно ко мне?

— Он здесь,— сказала он.

— Того, кого я должен убить?

— Да. Сначала мы не стремились к убийству, наоборот, мы хотели спасти его.

— «Мы»?

— Чтобы управлять аппаратами, доставившими нас сюда, потребовалось восемь моих личностей — оригинал и семь копий. Клонов.

— Понимаю.

— В самом деле? Так вы здесь тоже чужак?

— Давайте сейчас сосредоточимся на вашей истории. Вы сказали, что вас здесь восемь?

Она покачала головой.

— Я последняя,— объявила она.— Остальные семь погибли, пытаясь выполнить ту же задачу.

— Кто вы — оригинал или клон?

Она засмеялась. Потом вдруг ее глаза увлажнились, и она отвернулась.

— Я копия,— сказала она, помолчав.

— И вы все еще живы,— заметил он.

— Это не означает, что я не делала попыток. Я отправилась туда после того, как все остальные потерпели неудачу. Я тоже не справилась. Я была тяжело ранена. Но мне удалось вырваться — в последнюю секунду.

— Как давно это произошло?

— Почти пять лет назад.

— Долгий срок жизни для копии.

— Вы в курсе?

— Я знаю, что многие культуры, использующие клонов для определенных заданий, практикуют вживление специальных устройств, прекращающих существование клона после того, как задание выполнено,— своего рода защита оригинала от... неловких ситуаций.

— Или от замещения, да. В моем случае — небольшой резервуар с ядом в основании черепа. Я думаю, что травма головы предотвратила запланированный исход.

Она наклонила голову и подняла волосы. На шее тоже были шрамы.

— Он думает, что я мертва,— продолжала она.— В этом я уверена. В этом его должно было убедить наше столкновение и время, прошедшее после него. Но я помню путь туда и изучила некоторые особенности этого места.

— Думаю, вам лучше рассказать мне и о личности, и о месте,— сказал Калифрики.

7

Алисы поют свои бессловесные жалобные песни. Сейчас и всегда. Я построил еще один колодец, обложил его кольцами, натянул между ними цепи. Для них для всех. Приди, Алиса, вернись, последняя моя. Это ты. Так должно быть. Сделай движение, которое подведет черту, которое принесет тебя ко мне. Иначе я должен буду протянуть сифон, как делал много раз. Даже если это не ты, я должен попытаться. Ты вновь возродилась в себе, став старше.

— Хорошо,— говорит она, убирая расческу и направляясь к двери.

Нет!

Внезапно она оборачивается, сжав губы в жесткую линию, поднимает руку и дотрагивается до отражающей поверхности зеркала. В течение доли секунды, пока она нащупывает пульсацию, ее рука проходит через активирующие последовательности.

Когда ее пальцы проникли в интерфейс, лучник внезапно оказывается позади нее и обнимает ее за плечи. Пусть. Он, похоже, может рассказать много интересного.

8

— Айдон,— сказала она.— Это Айдон.

— Тот, кого вы ищете? — спросил Калифрики.— Тот, кого я должен убить?

— Да,— ответила она. И затем: — Нет. Мы должны найти определенное место,— закончила она.

— Я не понимаю,— сказал он.— Какое место?

— Айдон.

— Айдон — это имя человека или название места?

— И то и другое,— сказала она.— И ни то ни другое.

— Я учился у мастеров дзэн-буддизма и суфийских мудрецов,— сказал он,— но я не могу отыскать смысл в том, что вы говорите. Что такое Айдон?

— Айдон — это мыслящее существо. И в то же время — место. Айдон не человек в полном смысле этого слова. И Айдон — не такое место, какими бывают места в этом мире.

— Я понял,— сказал он.— Айдон — это искусственный разум.

— Да,— сказала она.— И нет.

— Я больше не буду пока задавать вопросов,— заявил он.— Просто расскажите мне об Айдоне.

Она коротко кивнула.

— Когда мы прибыли в эту систему в поисках Нельсора,— начала она,— приборы корабля показали, что нечто на этой планете установило контроль над космической Нитью, управляющей вращением Вселенной со дня ее творения. Сначала мы не обратили на это внимания, ибо искали крошечную черную дыру — объект, сверхсжатый до почти не существующей точки, также существующий с момента сотворения Вселенной. Дело в том, что этот объект должен был привести нас к кораблю Нельсора, от которого исходил аварийный сигнал. Мы используем такие черные дыры для получения энергии, чтобы прокладывать путь в космосе. Вы понимаете?

— Пока да,— сказал он.— Чего я не понимаю, так это кто или что такое Нельсор, не говоря уже об Айдоне.

— Теперь они одно целое,— сказала она.— Нельсор был ее — первоначальной Алисы — возлюбленным, товарищем, мужем. Он пилотировал корабль, попавший в беду, и оказался здесь, на вашей планете. Я полагаю, что Айдон установил контроль над кораблем — и над самим Нельсором — и спровоцировал приземление именно в этом месте. Посадка запустила механизм подачи аварийного сигнала.

Она взглянула на собеседника.

— Трудно объяснить,— сказал она,— что такое Айдон. Айдон начинался как один из тех маленьких черных сверхсжатых объектов, которые образуют дыры в пространстве. Мы используем их как специальные устройства. Пронизывать пространство во время длительных путешествий — одна из целей, для которых они используются. Их настройка для большинства из их функций — включая путешествия — осуществляется путем высокоскоростного закручивания поля находящихся рядом частиц. Эти поля загружаются определенной информацией для той работы, которую им предстоит выполнить. Поле обновляется по внешнему периметру, и информация дублируется и передается наружу волнами, в то время как внутренний периметр абсорбируется. То есть загрузка заряженных информацией частиц равна внутренним информационным потерям. Устройство извлекает излучение из сжатого объекта для подпитки энергией и запрограммировано на саморегуляцию.

— Я понимаю то, что вы говорите,— отозвался Калифрики,— возможно, даже понимаю, к чему это приводит. Такой объект становится интеллектуально... чувствительным?

— В общих чертах. Обычно ввод информации тщательно контролируется,— ответила она.

— Но не всегда?

Она еле заметно улыбнулась. Калифрики подлил чаю.

— Из всех категорий меньше всего поддается контролю ввод информации, необходимой для космических путешествий,— объяснила она,— и я полагаю, что сам акт осуществления передвижений в конкретном домене может

иметь самые неожиданные последствия. Эксперты не пришли к единодушию в этом вопросе. Но есть одно обстоятельство, которое определенно влияет на такой объект, а именно то, что в определенных районах космического пространства пилот должен иметь с ним постоянный прямой контакт, что предъявляет особые требования к личности пилота: он должен обладать способностью контактировать мысленно, быть телепатически одаренным индивидуумом, прошедшим специальную подготовку для работы с подобным искусственным разумом. Такие отношения до некоторой степени «заражают» сконструированные объекты личностью оператора.

Она сделала паузу, чтобы отпить чаю. Потом продолжила:

— Иногда в таких объектах происходят сбои, возможно из-за того, что они слишком долгое время проводят, глядя в самое сердце тьмы среди звезд. На человеческом языке мы назвали бы это безумием. Когда такое случается, корабли просто исчезают. В других случаях, когда это происходит в освоенной области космоса, можно поймать аварийный сигнал корабля. Как это случилось с Айдоном.

— Итак, Айдон съел Нельсора,— сказал Калифрики, поднимая чашку,— и посадил корабль на Землю.

Она кивнула.

— Он стал безумным и извращает все, что вбирает в себя. Он извратил чувства Нельсора к Алисе. Он уничтожил первых четырех Алис одну за другой, с тем чтобы познать их в их боли. Именно так он познал любовь, как род боли, сначала через извращенное восприятие тьмы, травмировавшей его, затем через боль от потери Нельсора. Все это не так уж странно, ибо есть люди, для которых любовь — всегда боль.

Калифрики кивнул.

— Но как вы узнали, что с Айдоном случилось именно это? — спросил он.

— Алиса тоже была пилотом,— сказала она,— пилотом-экстрасенсом. Она имела сильную экстрасенсорную связь с Нельсором. Все клоны разделили с ней эту способность. Когда она создала последних трех из нас и прилетела искать его — ибо он казался еще живым, только каким-то образом измененным,— она с помощью этой своей способности сумела определить вход в ту болезненную вселенную, которую создал Айдон.

— У него есть свой мир?

— Да. Он сформировал его и быстро скрылся в нем сразу после того, как прибыл сюда. Там он и живет, словно паук. Алиса вошла туда и была им уничтожена. Мы все почувствовали, что это случилось. Затем одна за другой три из нас, оставшихся, исследовали проход — каждой удавалось проникнуть чуть дальше в роковое место, благодаря опыту предшественницы. Я была последней, поэтому знала больше всех о том, как функционирует этот мир. Это что-то вроде машины смерти, орудия пыток. Я покалечилась, но сумела бежать.

Она потерла шрам.

— На что же вы надеялись? — спросил он.— Почему вы продолжали идти туда, видя, на что он способен?

— Мы надеялись добраться до точки, где мы смогли бы установить связь с той его частью, которая все еще оставалась Нельсором. Затем, соединив наши разумы, мы рассчитывали усилить его, чтобы победить Айдон. Мы надеялись, что сможем спасти его.

— Я думал, он был уже мертв — по крайней мере физически.

— Да, но в том месте, обладая силой, он мог бы стать подобным богу и одолеть Айдон, если бы только его удалось освободить, хотя бы на короткое время. Тогда он получил бы возможность восстановить свое тело и выбраться оттуда.

— Но...— начал было Калифрики.

— Да. Айдон доказал, что он неизмеримо сильнее того, что осталось от Нельсора, и я поняла, что ничего нельзя сделать. Теперь у меня больше нет выбора, кроме как уничтожить Айдон.

— Почему бы не оставить его в покое, если он укрылся в собственной вселенной?

— Я до сих слышу их крики — то кричат Нельсор и измученные души моих сестер. Нужно дать избавление тому, что осталось от них. А теперь там есть и другие. Вход в этот потайной мир спрятан в общественном заведении на оживленном торговом пути. Когда там появляется человек, наделенный достаточными экстрасенсорными способностями, это становится известно Айдону, и он забирает того к себе. У Айдона выработался вкус к истории жизни индивидуума, в частности к его боли. Смакуя подробности, он высасывает и то и другое. Но это еще не все. Вам известна природа подобных объектов. Вы должны понимать, что в один прекрасный день он разрушит эту планету. Он высасывает из нее соки. В конце концов он поглотит ее всю. Он будет вечно парить в путанице образов, заполняющей его горизонт, а планеты уже не будет.

— Вы предполагаете нанять меня, чтобы я уничтожил черную дыру?

— Я предполагаю нанять вас, чтобы вы уничтожили Айдон.

Калифрики поднялся и несколько раз прошелся по двору из угла в угол.

— Это проблема,— промолвил он наконец.

— Да,— отозвалась она, допивая чай.

9

...Она входит в мой мир, проникая сквозь зеркало: сначала из зеркальной поверхности озера появляется кисть, затем тонкая белая рука, устремленная вверх, словно сжимая меч. Она сомневается. Застенчиво трепещет, словно ожидая, что я возьму ее и проведу через проход. Возможно, мне так и следует поступить. Это будет забавно. Давай, сифон. Бледнеет, тает, исчезла. Рука. Заметалась и пропала, словно пламя. Исчезла с поверхности озера, из-за зеркала. Вместе со своим слепым монахом. В какое тридевятое царство? Ушла из таверны караван-сарая, из моего мира.

Но постойте...

10

— Вы просите меня погрузить мою Нить в, некоторым образом, аномальную зону,— сказал он.

— А почему ваша Нить так напоминает обрывок красного шнурка? — спросила она.

— Мне необходимо его зрительное присутствие в этой местности,— объяснил он,— чтобы было с чем работать. Мне не нравится ваша идея.

— Насколько я разбираюсь в подобных вещах, ваша Нить пронизывает всю Вселенную. Именно это мы обнаружили, приблизившись к этой планете. Есть фундаментальные физические причины, по которым у Нити не может быть конца. Аномалия не способна разорвать ее. Антигравитация Нити полностью нейтрализует гравитацию. Таким образом, в конечном итоге гравитация черной дыры, которая попытается вобрать ее, не изменится. Размеры дыры не увеличатся, и ситуация останется статичной. Зато вы сумеете пробить Айдон Нитью. Сможете ли вы после этого отправить его в другую вселенную?

Калифрики покачал головой:

— Совершенно независимо от того, что я смогу с ним сотворить в этой ситуации, черная дыра окажется навечно привязанной к Нити, а это неприемлемо. Это может вызвать образование аномальных петель. Нет. Я не стану совмещать два столь фундаментальных объекта друг с другом. Если мне предназначено разрушить Айдон, я сделаю это по-своему, Алиса. Как я понял, Айдон — это не столько сама по себе черная дыра, сколько самоподдерживаемый запрограммированный аккреционный диск, информационное поле которого подверглось неустранимым повреждениям. Вот это и может стать объектом моего нападения.

— Не совсем понимаю, как вам удастся это осуществить.

— Я вижу только один способ, но это означает, что вы уже не сможете вернуться на вашу родную планету.

Она засмеялась.

— Я прибыла сюда, готовясь погибнуть ради достижения цели,— сказала она.— Но если черную дыру невозможно уничтожить и вы не сделаете попытки перебросить ее в другую вселенную, я должна знать, как именно будет осуществляться операция — поскольку связанный с этим сбой информации затронет как Айдон, так и Нельсора.

— В самом деле? Вы сказали, что уже списали Нельсора со счетов и то, что осталось от него, полностью погибло и слилось с Айдоном, а единственный оставшийся выход — это разрушить весь объект.

— Да, но ваше утверждение о том, что я не смогу вернуться домой, означает, что вам нужен мой корабль или какая-то его часть. Это может потребоваться только для прохождения через аномалию.

— Вы правы.

— Стало быть, вы намереваетесь каким-то образом использовать одну черную дыру против другой. Это может сработать. Такое внезапное увеличение массы без компенсирующего ускорения поля может повлечь абсорбцию поля, которая произойдет быстрее, чем поле сможет восстановить себя. Вы можете заставить черную дыру съесть и Айдон, и Нельсора.

— Совершенно верно.

— Я не вижу, каким образом вы сможете достаточно близко к нему подобраться. Но это, как вы сказали, ваша проблема. Я же могла бы проникнуть в мир Айдона до той точки, где мне удалось бы установить ментальную связь с Нельсором и совершить последнюю попытку спасти его и таким образом завершить свою миссию. Я хочу, чтобы вы не делали то, что задумали, до тех пор, пока я не совершу этой попытки.

— Это значительно сузит границы нашей безопасности. Но почему вы так резко изменили свои намерения?

— Потому что когда я начала понимать ваш план, передо мной забрезжила надежда. Перенос другой аномалии в то место может взбудоражить Айдон до такой степени, что он потеряет контроль над силами, сковывающими Нельсора. Если еще остается шанс спасти его... я должна

попытаться, несмотря на то, что я всего лишь изображение дамы его сердца. Тем не менее моя телепатическая связь с ним может быть сильнее, чем у остальных шести.

— Почему? — спросил Калифрики.

Она покраснела и отвернулась. Подняла чашку и поставила ее на стол, не отпив ни глотка.

— Нельсор никогда не предавался сексуальным наслаждениям с клонами,— сказала она,— только с настоящей Алисой. Но однажды я была в ее штабе, разыскивая некие навигационные заметки, о которых мы говорили накануне, пока она была занята в другой части корабля. Он пришел к ней и принял меня за свою возлюбленную. Перед этим он много работал, и мне стало жаль его, поскольку я поняла, что ему необходима разрядка. И я приняла на себя ее роль, позволив ему использовать себя, как он использовал бы ее, дав ему то удовольствие, которое могла дать. Мы слились в экстазе, и он шептал ласковые слова, а позже вновь ушел работать. Подмена так и не обнаружилась, и я об этом ни с кем не говорила до сих пор. Однако я слышала, что подобные события могут усилить телепатическую связь.

— Стало быть, ваши чувства к нему несколько иные, чем у остальных,— сказал Калифрики.

— Да,— ответила она,— ибо я равна ей не только генетически, но во всех отношениях, поскольку узнала его так, как другим клонам не дано было узнать.

— Значит, вы готовы пойти на больший риск ради него?

— Готова.

— А если потерпите неудачу?

— Я все равно хочу, чтобы вы его уничтожили, хотя бы из соображений милосердия.

— А если вы преуспеете в своем предприятии и тот мир расколется у нас на глазах? Уцелеть в таких обстоятельствах может оказаться весьма сложно. Во всяком случае, у меня на этот счет большие сомнения.

Она потянулась за своим мешком.

— Здесь золото, которое я сумела принести, не вызывая подозрений. На борту моего корабля его во много раз больше. Я отдам вам все...

— Где ваш корабль?

— В Мраморном море. Я могла бы подогнать его сюда, но гораздо лучше направиться туда в лодке и поднять его.

— Дайте-ка посмотреть, сколько золота у вас в мешке.

Она подняла мешок и передала ему.

— Вы сильнее, чем кажетесь,— сказал он, принимая мешок. Открыв, он изучил содержимое мешка.— Хорошо,— сказал он.— Но нам понадобится больше.

— Я же сказала, вы можете забрать все. Мы можем отправиться туда немедленно.

— Это не для меня, это для закупки оборудования,— сказал он.— Этого мешка и другого такого же будет вполне достаточно, если я соглашусь выполнить эту работу.

— И еще достаточно металла останется для вас в качестве платы,— сказала она.— Гораздо больше, чем здесь. Так вы беретесь за работу?

— Да, берусь.

Она встала.

— Я принесу вам золото немедленно. Когда мы сможем направиться в Убар?

— Убар? Так вот где Айдон открыл свой офис?

— Да. Он расположен на арабском торговом пути.

— Я знаю это место. Однако мы не можем направиться туда незамедлительно. Сначала необходимо сделать некоторые приготовления.

— Кто вы такой на самом деле? — спросила она его.— Вам известно слишком многое. Больше, чем может дать культура этой планеты.

— Моя история не является частью сделки,— сказал он.— Сейчас вы можете отдохнуть. Мой слуга отведет вас в покои для гостей. Пообедайте со мной вечером. Я хотел бы выяснить некоторые детали касательно мира Айдона. Завтра я поднимусь на ваш корабль и заберу то количество золота, которое нам потребуется для организации путешествия.

— Не в Убар?

— В Индию, где я добуду некий алмаз, который, я слышал, обладает определенным качеством и определенной формой.

— Это будет долгий путь.

— Не такой уж и долгий, если я смогу правильно организовать его.

— Используя каким-то образом ваш шнур? Вы можете это сделать?

Он кивнул.

— Как вам удалось обрести контроль над подобными вещами?

— Вы сами сказали, Алиса, что я знаю слишком много.

11

...Но постойте. Они вернулись. Ее рука все еще вздымается над гладью моего озера. Похоже, эта туманная трансформация была просто трюком интерфейса, вызванным ударом бродячей частицы в наноцепи. Они входят в мой мир, мокрая белая одежда облепила хорошо знакомые контуры ее тела, выпуклые соски, изгибы бедер, спины, ягодиц, плеч — все созрело для вожделенного вонзания когтя. А мужчина... он более мускулист, чем мне показалось сначала. Возможно, любовник. Увидеть плоть этих мышц, когда кожа будет содрана с торса до пояса... наполнить воздух музыкой воплей и рыданий. Мертвые Алисы, спойте им песню, когда они взойдут на берег, песню, зовущую их в новый дом, в хрустальном лесу под безупречно голубыми небесами. Сколько времени прошло с тех пор до этого мгновения? Века. Энтропия здесь выстреливает острыми углами моей архитектуры, контуры ее форм вонзаются в мое желание. Стрела времени уносится и, возвращаясь, падает заостренной геодезией, пронизывая память до яростной точки, прокалывая ее, чтобы могла вытечь любовь. Зачем ты вернулась, ненависть и ее противоположность? Ты расскажешь об этом мне там, на земле, которую я приготовил для тебя, расскажешь скорбному хору твоих сестер под кровоточащим небом. Но не будем торопить события, Алиса, последняя любовь моя. Ибо когда с тобой будет покончено, пройдут столетия, и твоя обнаженная архитектура застынет посреди рыдающего ландшафта глыбой замороженного времени. Вернись на

место убийства, Алиса, любовь моя. Я там приготовил тебе много даров, целую вселенную для спасения от бесконечного темного времени. Поставь ногу на берег и найди свой путь.

Сестры поют тебе венчальную песнь в Пространстве Оскаленных Черепов.

12

Бросив якорь, Калифрики убрал паруса лодки, а Алиса тем временем подвинулась к корме и начала петь на переливчатом языке, которого он не знал. Свет занимающегося утра позолотил волны, и прохладный бриз трепал ее пронизанные белыми прядями волосы, рассыпавшиеся по плечам. Прислонившись к планширу, он молча смотрел на нее и слушал песню. Через некоторое время море вспухло, подкинув лодку, которая, помедлив, медленно заскользила вниз. Голос Алисы разносился над водами, вибрируя в их толще, глаза ее округлились, напоминая глаза статуй на Акрополе. Вода помутнела и расступилась, обнажая изогнутую полированную поверхность, похожую на спину какого-то огромного таинственного существа, поднимающегося из моря, чтобы встретить новый день.

Стряхнув с себя оцепенение, Калифрики поднял багор, чтобы подтащить лодку поближе к блестящей бронзовой поверхности. Но прежде чем сделать это, он вопросительно обернулся на Алису, и она кивнула. Он коснулся шестом корпуса судна, и бронзовый бок сморщился, образовав похожие на лестницу выступы, оканчивавшиеся около люка. Подтянув лодку, он услышал скрежет дерева о металл.

— Похоже, он живой,— заметил Калифрики.

— Да,— ответила она, шагая вперед.

Он держал лодку багром, пока она перебиралась на корабль. Потом закрепил лодку и последовал за ней.

К тому времени, когда он догнал ее, Алиса уже открыла люк. Она вошла, а он заглянул в освещенные внутренности корабля, осматривая мягкую зеленую палубу, которая была покрыта чем-то вроде подстриженной травы, мебель, встроенную в ниши плавно изгибающихся стен без углов.

Войдя, он спустился вниз. Еле уловимые образы возникали на поверхности стен, сопровождая его шаги. Легкая вибрация словно о чем-то говорила, пронизывая пол и воздух. Они миновали комнаты, освещенные приглушенным светом, прошли по коридорам с окнами, через которые, казалось, был виден чуждый ландшафт, где красные, похожие на деревья формы покрывали эбонитовую землю под лучами двойного солнца. Остановившись, Калифрики некоторое время разглядывал пейзаж, словно припоминал что-то.

Через некоторое время Алиса остановилась у темной переборки и, поколдовав с люком, распахнула его. В открывшемся его взору помещении стопками лежали маленькие золотые слитки, приглушенно поблескивая, словно затуманенные легкой зеленоватой дымкой.

— Берите, сколько хотите,— сказала Алиса.

— Мне нужен еще один мешок, такой же, как и первый, для сделки, о которой я говорил,— попросил Калифрики,— затем еще один в качестве задатка моего гонорара. Общую сумму я назову после того, как работа будет сделана. Но это мы сможем забрать на пути к выходу. А сейчас мне хотелось бы осмотреть источник энергии корабля.

— Идите за мной.

Они долго шли в глубь корабля, пока не очутились наконец в круглой камере, где на стенах появлялись размытые образы, в том числе и вид днища корабля.

— Это здесь,— сказала Алиса.

Калифрики не понял, что она сделала, но пол внезапно стал прозрачным, и он увидел, что далеко внизу пульсирует что-то темное. У него закружилась голова, и он почувствовал, что его относит к центру комнаты.

— Откройте,— попросил он.

— Сначала отойдите на два шага назад.

Он подчинился. Пол перед ним открылся, секция, где он только что стоял, провалилась, превратившись в три ступеньки, ведущие в узкий колодец. За его передней стен-

кой открывалось просторное отделение, в котором он почувствовал что-то, что притягивало его. Он спустился по ступеням.

— В чем заключается опасность? — спросил он.

— Там, где вы стоите, опасности нет,— ответила она.— Я могу открыть панель, чтобы вы смогли посмотреть поближе.

— Сделайте одолжение.

Панель скользнула в сторону, и он некоторое время молча смотрел.

— Как вы им управляете? — спросил он.

— Давлением силового поля,— объяснила она.

Стряхнув обрывок нити с запястья, он несколько раз покрутил им перед отверстием, каждый раз медленно отводя его в сторону.

— Прекрасно, я могу с этим работать,— сказал он, немного помолчав.— Закройте панель.

Камера перед ним закрылась.

— Кристаллическая решетка из чистого углерода с пропущенным через нее антигравитационным полем,— пробормотал он себе под нос.— Да, нечто подобное я уже видел, очень давно.— Повернувшись, он поднялся по ступеням.— Теперь идем за золотом. После чего можно отправляться назад.

Они вышли тем же путем, которым вошли, вернувшись на лодку с двумя тяжеленными мешками. Люк корабля закрылся, и она пением погрузила его под воду. Солнце уже поднялось высоко, и птицы ныряли в воду вокруг них, пока он вытаскивал якорь и поднимал паруса.

— Теперь? — спросила она.

— Завтрак,— ответил он.

— Потом? — спросил она.

— Индия,— ответил он.

13

Теперь и монах полностью вошел в мой мир вслед за нею. Внезапно все пошло не так, как прежде. Все стало неправильным. Когда он шел, все вокруг начинало сворачиваться, как аномальная волновая функция. Хотя с виду ничего не изменилось. Что такого он принес в мой мир, что мне стало неуютно от его присутствия? Может, это некая турбулентность? Может, я начал вращаться быстрее? Трудно сказать. Где она его нашла? Зачем она притащила его? Старое дерево достигает предела роста и рассыпается в щепки, когда он проходит мимо. Похоже, мне не нравится этот человек, невидяще шаркающий среди хрустальных и каменных деревьев моего сада. Впрочем, возможно, я полюблю его позже, когда придет время. Неприязнь и любовь часто так похожи. В то же время всегда занятно наблюдать, как новое существо входит сюда. Моя пыточная беседка поджидает их, но до нее еще пятьдесят шагов. Она, конечно, знает об этом. Все Алисы познали это, но первой было труднее. И все же чертовски увлекательно следить, как все эти вещи делают свое дело. Да, с ним все будет в порядке. В игру время от времени надо вводить новую кровь. Я дам поиграть им...

14

В беломраморном дворце махараджи Аламкара их встречали пиром с музыкой и танцами, ибо Калифрики однажды выполнил для этого правителя одну работу, связанную с появлением тигра-призрака и исчезновением многих членов королевской семьи. До позднего вечера красноречивый рассказчик развлекал их приукрашенной до неузнаваемости версией этих событий.

На следующий день, когда Калифрики и Алиса прогуливались среди стен из роз в королевском саду, камергер Раза послал за ними, чтобы обсудить дело, о котором Калифрики упоминал накануне.

Усевшись за невысокий столик напротив тучного смуглого человека с изогнутыми блестящими усами, они склонились над камнем, известным под именем Кинжал Рамы, лежавшим перед ними на куске черной ткани. Почти четыре дюйма в длину, он был широк у основания, сужаясь кверху до остроты карандаша; силуэтом он походил бы

на вытянутый равнобедренный треугольник, если бы не обтесанные нижние углы. Камень был чистой воды, без намека на какой-либо цвет. Подняв камень, Калифрики подышал на него. Конденсат мгновенно испарился. Затем он начал рассматривать его в лупу.

— Безупречный камень,— сказал Раза.— Вы не найдете ни одного изъяна.

Калифрики невозмутимо продолжал осмотр.

— Он сможет продержаться достаточно долго,— сказал он Алисе по-гречески,— если я обрамлю его соответствующим образом, используя определенные свойства Нити для контроля внешних воздействий.

— Самый восхитительный камень для вашей дамы, особенно если носить его меж грудей,— продолжал Раза.— Он несомненно повлияет на чакру сердца,— улыбнулся он.

Положив на стол мешок с золотом, Калифрики открыл его и вытряхнул содержимое.

Взяв один из маленьких слитков, Раза внимательно изучил его. Он поцарапал его кинжалом и тщательно измерил, покачивая тюрбаном. Затем положил на весы, которые заранее были приготовлены на столе.

— Золото редкой чистоты,— заметил он, бросая слиток на стол. Затем он поднял еще несколько слитков из стопки и дал им выпасть из рук.— И все же этого недостаточно за такой знаменитый камень. Ведь его, возможно, Рама брал с собой на битву с Раваном, когда отвоевывал Ситу.

— Меня не интересует его история,— ответил Калифрики, высыпая содержимое второго мешка рядом с первой кучкой слитков.— Я слышал, сборщики податей не слишком преуспевали последние несколько лет.

— Ложь! — заявил Раза, открывая стоявший рядом сундук и запуская в него руку. Он извлек оттуда пригоршню полудрагоценных камней и рассыпал ее по столу. Среди них оказалась искусно вырезанная гора из бледно-зеленого нефрита, по которой змеилась, извиваясь по часовой стрелке, спиралеобразная дорожка от подножия до вершины. Взгляд Разы упал на эту поделку, и он постучал по ней толстым указательным пальцем.— Скорее эта спи-

раль изменит направление,— сказал он,— чем я начну распродавать свои сокровища, просто чтобы добыть денег.

Калифрики поднял руку. Нить с запястья, коснувшись нефрита, казалось, прошла сквозь него. Камень слегка качнулся. Спираль теперь закрутилась в противоположном направлении.

Глаза Разы округлились.

— Я совсем забыл,— тихо сказал он,— что вы волшебник и убили тигра-призрака.

— На самом деле я не убивал его,— сказал Калифрики.— Он все еще бродит поблизости. Я просто договорился с ним. Рассказчикам известно далеко не все.

Раза вздохнул и дотронулся до живота.

— Эта работа так трудна,— сказал он,— что иногда вызывает у меня боли в животе. Прошу меня извинить.

Он извлек маленький флакон из мешочка, висевшего на поясе, и Калифрики вновь поднял руку. Когда камергер, откупорив сосуд, поднес его к губам, Калифрики сказал:

— Подождите.

Раза опустил флакон.

— Да? — спросил он.

— Если я излечу вашу язву,— сказал Калифрики,— вы легко можете вызвать ее к жизни излишними волнениями и растравить ее избытком специй. Вы понимаете меня?

— Излечите ее,— сказал Раза.— Трудно выработать философское отношение к жизни перед лицом жестокой необходимости, а я и в самом деле люблю ароматную пищу. Но я попробую.

Калифрики вновь пошевелил запястьем, и Раза улыбнулся. Закупорив флакон, он убрал его в мешочек.

— Хорошо, волшебник,— сказал он.— Оставь золото. Возьми камень. И если увидишь белого тигра вновь, дай ему знать, что оказался здесь случайно и что сделка остается в силе.

Позже в саду, когда спустились сумерки, Алиса спросила его:

— Как вам удалось изменить камень?

— Окружность сечения нити составляет меньше трехсот шестидесяти градусов,— ответил Калифрики.— Отрицательное давление антигравитации воздействует на геометрию окружающего пространства. Этот отсутствующий угол является моим ключом в другие пространства. Я просто пропустил камень через высшее пространство.

Она кивнула.

— Кажется, я припоминаю, что меня учили чему-то подобному,— сказала она.— Но как вы исцелили язву?

— Я ускорил течение времени в окружающих тканях, позволив естественным процессам тела исцелить ее. Надеюсь, что он примет мой совет и научится защищаться как от работы, так и от искушения пряной пищей.

Они свернули в часть сада, которой еще не видели. Низкорослые цветы покрывали ровную почву вдоль извивающейся дорожки, по которой они шли. Внезапно все исчезло, осталась только тьма южной ночи с мириадами сверкающих звезд, которые наблюдали, как они входят в маленький дворик константинопольской виллы Калифрики.

— От вас все еще пахнет розами,— сказала она.

— От вас тоже,— ответил он,— спокойной ночи.

15

...Войдя в мой лес, монах со странным архаическим оружием за спиной ни на шаг не отстает от Алисы, положив руку ей на плечо. Она же, как я заметил, напугана. Моя последняя Алиса. Конечно, ей удалось сбежать. И где-то пропадать все это время. Она, безусловно, строила планы. Что она задумала для своего последнего набега, последнего вздоха октады? Ее целью было, конечно, освободить Нельсора. Нельсор... Даже сейчас я чувствую, как она тянется к нему. Это беспокоит. Она сильнее всех. Но с минуты на минуту она отвлечется. Они приближаются к моему любимому дереву. Уже скоро... Оно вращается на своих корнях, каждая ветвь — это стеклянная сабля. Но она падает на землю в точно рассчитанный

момент, а монах мгновенно повторяет ее движение. Они ползут вперед, и дерево размахивает ветвями, никому не причиняя вреда, словно холодное пламя над их головами. Но дальше их поджидает Выстрел в Конце Дороги, где я добыл мою вторую Алису, да и Лунная Дорожка может оказаться для них роковой, даже несмотря на то, что они знают об опасности. И вновь она зовет — Нельсора?..

16

Весь следующий день Калифрики медитировал, положив перед собой на землю свой лук. Закончив, он пошел на берег моря и долго смотрел на волны.

Алиса встретила его по возвращении, и они устроили поздний ужин.

— Когда вы планируете отправиться в Убер? — спросила она после долгого молчания.

— Скоро,— сказал он,— если все пойдет, как задумано.

— Утром мы навестим мой корабль?

— Да.

— А потом?

— Это частично зависит от того, сколько времени займет работа на корабле.

— «Частично»?

— Думаю, потом мне захочется еще некоторое время помедитировать. Не знаю, сколько времени уйдет на это.

— Сколько бы ни ушло...— отозвалась она.

— Я знаю, что вы горите нетерпением,— сказал он, помолчав.— Но этим нельзя пренебрегать.

— Я понимаю.

Позже они вместе отправились в город, проходя мимо освещенных домов, магазинов, правительственных зданий. Многие звуки города затихли с воцарением темноты, но из некоторых заведений доносились крики, смех, музыка; скрипели проезжавшие мимо повозки, лошади цокали копытами; одни кварталы источали запахи специй, другие — духов, возле церкви пахло ладаном.

— Что вы делали,— спросил он ее, когда они сидели за столом, попивая терпкое желтое вино,— эти пять лет между бегством от Айдона и визитом ко мне?

— Путешествовала,— ответила она,— искала вас — или кого-то вроде вас,— пыталась определить поверхностное нахождение Нити. Выходило, что она привязана к этому миру, словно ее каким-то образом использовали. Я предположила, что тот, кому удалось приручить ее, и окажется тем, кто мне нужен. Я путешествовала вместе со слугами, несколькими крупными мужчинами, которые были всегда начеку — словно я была частью свиты знатного мужчины, а не хозяйкой собственной судьбы. В этом мире трудно быть женщиной. Я посетила Египет, Афины, Рим, много других мест. Наконец я услышала рассказы о человеке по имени Калифрики, которого нанимали папы, императоры, султаны. Я проанализировала рассказы. Это заняло много времени, но я могла позволить себе щедро расплачиваться за каждую крупинку информации. Следы привели меня сюда.

— Кто поведал вам эти истории?

— Поэт. Он называет себя Омаром, изготовителем шатров.

— Ах да. Хороший человек. Пил, правда, много,— сказал Калифрики, потягивая вино.— А здесь, в Константинополе?

— Священник по имени Базилеос.

— Да. Один из моих агентов. Удивляюсь, почему он не предупредил меня.

— Я пришла сразу же. Я спешила. У него не было возможности опередить меня посланием. Он велел мне спросить Стассинопулоса, но, придя к вам, я решила спросить вас по имени. К тому времени я уже подозревала, что у вас есть вторая личина, и была уверена, что такой человек, как вы, не захочет дать мне аудиенцию, если я назову его не тем именем. Я спешила. В течение пяти лет слышать их плач — это слишком долго.

— Вы слышите их сейчас?

— Нет. Сегодня ночью они молчат,— сказала она.

Луна, взошедшая на черном небе, зацепилась за Золотой Рог.

17

Теперь, Нельсор, они дошли до Выстрела, и на них несется гора, с подножием, парящим над землей. Они должны ползти на животах, но даже тогда, если один из моих мелких спутников, чья вытянутая эллиптическая орбита влечет его сюда, повернется так, что одним из выступов заденет землю,— тогда шмяк! Парочка раздавленных тараканов. Слишком быстро? Верно. Но это всего лишь прелюдия, дорогой компаньон, мой ментор. Она вновь зовет тебя. Ты слышишь ее? Хочешь ответить? Можешь? Ах! Еще одна скала — какая дикая красота! — проносится пурпурной тенью над кроваво-красной дорогой. Прямо на них. Но они продолжают ползти. Ладно. Впереди новые испытания.

18

Утром и днем они завершили свои дела в Мраморном море. Затем Калифрики, в коричневом кимоно и сандалиях, недолго медитировал. В разгар медитации его рука потянулась и сжала лук. Не выпуская оружия, он медленно вышел из дома и пошел к морю. Алиса провожала его взглядом из своего окна. Она видела, как он шел вдоль берега, затем остановился, взял кусок ткани и завязал себе глаза. Потом поднял лук, вынул стрелу из колчана и натянул тетиву. Так он стоял неподвижно с натянутым луком в руках.

Минуты бежали, отмечая приближение вечера, а он все не шевелился. Совсем рядом с криком пролетела чайка. Так прошел почти час. Появилась еще одна чайка. Почти машинально Калифрики поднял лук и выпустил стрелу в воздух. Она пронеслась рядом с птицей, и одно вырванное перо, порхая, полетело вниз.

Сняв повязку с глаз, он проследил полет пера, опустившегося на воду. Ей захотелось петь, но она лишь улыбнулась.

Тогда Калифрики повернулся и помахал ей.

— Вам была нужна птица или перо? — спросила она, когда они встретились на полпути от моря.

— Съев птицу, не научишься летать,— ответил он.

19

Они прошли Выстрел в Конце Дороги, где мои луны плавают, словно нитка ярких бус. Оставив позади дорогу, похожую на кровавый след, они встали и резко свернули влево, взбираясь на желтый утес, который приведет их в долину, где они смогут пройти через мой Сад Замороженных Существ, место, где я добыл свою третью Алису... Но что это? Вопрос? Смех? Нельсор, ты пошевелился? Хочешь билет на финальную часть праздника? Что ж, ты получишь билетик, если только сможешь его использовать. Давненько я не замечал в тебе такого энтузиазма. Иди ко мне, если сможешь. Я дотрагиваюсь до твоих костей, до твоего черепа. Я вызываю тебя, Нельсор, мой повелитель, мой учитель, в это время и место, ибо ты всегда был моим наставником в деле убийства Алис. Будет несправедливо, если ты пропустишь праздник завершения коллекции. Приди ко мне, Нельсор, восстань из тьмы. Этот спектакль — твой. Костью, сифоном и точкой заклинаю тебя! Приди!

20

Они прибыли в Убер, город Шаддада ибн Ада, в Коране называемый Ирамом, город в оазисе, «подобного которому еще не порождала земля». Волосы у Алисы теперь были рыжими, она надела белые одежды с легкой белой вуалью, закрывающей лицо; на Калифрики было кимоно и сандалии, на глазах повязка, за спиной лук, в лакированном колчане одна-единственная стрела.

Пробираясь среди моря шатров, они двигались по улице, заполненной купцами, разносчиками, нищими, звоном верблюжьих колокольчиков, шумом ветра и скрипом пальмовых ветвей. Разговоры, песни, ругательства звучали во-

круг на двух дюжинах языков. Наконец они пришли к высоким воротам, миновав которые очутились в благородной части города, где плеск фонтанов доносился из-за глинобитных стен, окружающих сады; беленые дома блестели чистотой на утреннем солнце, ленты голубых, зеленых, красных и желтых изразцов опоясывали их высокие стены.

— Помнится, обеденный зал одной из таверн расположен в подобии грота,— сказал Калифрики,— вырубленном в каменистом холме, а остальные части заведения построены справа и слева от грота и перед ним. Таким образом, склон холма используется как задняя стена.

— Совершенно верно,— сказала она.— Пещера сохраняет прохладу днем. Печи для приготовления пищи хорошо проветриваются. Войдя, вы спускаетесь по четырем-пяти каменным ступеням, сворачиваете вправо...

— Где расположено зеркало?

— Слева на стене, внизу лестницы.

— Оно металлическое, не так ли?

— Медь или бронза — я не помню.

— Тогда давайте войдем, сядем, закажем прохладительное питье и убедимся, что все осталось по-прежнему. Перед тем как выйти, задержитесь и осмотрите зеркало, притворившись, что разглядываете себя. Делая это, опустите вуаль. Если оно попытается втянуть вас в себя, я буду рядом, чтобы вы могли ухватить меня за руку. Если не попытается, повернитесь, словно собираетесь уходить. Затем вернитесь обратно, словно забыли что-то, и примените последовательность перемещений, которую проходили ваши предшественницы.

— Да. Вот это место, прямо перед нами,— сказала она.

Он последовал за нею, и она ввела его в таверну караван-сарая.

21

Видишь, Нельсор? Теперь они в Саду Замороженных Существ — месте, созданном по твоему собственному проекту, если помнишь, хотя в твоем плане оно должно было

использоваться лишь как выставка. Я натолкнулся на этот проект в одном из тайников твоей памяти. Видишь, как хитро здесь все разработано? Здесь представлены твои плоды изучения живых тварей с десятков планет, всех размеров и цветов, расположенных на разных уровнях, в самых интересных позах. Мимо некоторых из них просто невозможно пройти. Я добавил еще Серию Опасных Существ.

Заманив сюда одну из Алис, я рассек ее голубой спиралью, восьмой справа, и она долго лежала там, разрубленная пополам, тяжело дыша,— мне нравится нарушать последовательность смерти; другая осталась на Выстреле в Конце Дороги, размазанная в длинную кровавую полосу, почти незаметную на красной каменистой почве; а третья, освежеванная и искромсанная, пропала в хрустальном лесу, убитая моим деревом-палачом.

Первые три, с которыми ты разделался сам — перед тем, как во второй раз потерял ориентацию,— были убиты, конечно, гораздо более изящно...

22

Осушив свои бокалы, Калифрики и Алиса встали и пересекли зал. Они прошли мимо бронзового зеркала и начали подниматься по ступеням. На пороге она помедлила.

— Минутку,— сказала она.— Я хочу поправить прическу.

Сойдя вниз, она достала гребень. Глядя в зеркало, она поправила несколько рассыпавшихся локонов, опустив при этом вуаль. Калифрики стоял позади нее.

— Мы должны хотя бы наполовину войти, прежде чем я произведу переключение,— прошептал он,— мне необходимо проложить Нить в этой Вселенной, чтобы обеспечить нам продвижение через нее. Помните, что я говорил об этом феномене. Когда будете готовы...

— Хорошо,— сказала она, убирая гребень и поворачиваясь к двери.

Через три удара сердца она вновь обернулась, сжав губы в твердую линию, и, подняв руку, коснулась отражающей поверхности. Через мгновение она нащупала пульсацию, пропуская руку через активирующие последовательности.

Когда ее пальцы погрузились в поверхность, Калифрики, стоявший позади, положил руку ей на плечо, повинуясь легкому пожатию ее свободной руки.

Когда вся рука прошла через интерфейс, Калифрики перенес себя и ее в Долину Застывшего Времени, где снял с глаз повязку. Он проследил прохождение Нити через время, лишенное пространства, к пространству, лишенному времени. Нить замысловато извивалась, сплетаясь в многочисленные узлы, таящие угрозу. Алиса пыталась заговорить с ним, не зная, что слова, как ветер или музыка, ничего не значат в этом царстве скульптуры, живописи, карт. Закручивая Нить, он трижды дернул ее, чтобы проверить, прочно ли она закрепилась в функциях Бесселя, наиболее подходящих к данным обстоятельствам, устремляясь вперед, чтобы потом встретить его на подходе к будущим мирам, и, пока она прокладывала себе светящуюся дорожку, он почувствовал натяжение Растормаживания Времени и, вновь завязав себе глаза, возложил руку на плечо Алисы, чтобы почувствовать, как их обоих затягивает обратно в воды маленького озера в игрушечной вселенной коллекционера Алис, который сейчас, видимо, дивился их прервавшемуся визиту.

23

Ты правильно поступил, что вызвал меня в мой мир, Айдон. Что ты с ним сделал? Что за глупые игры тебя занимают? Айдон, Айдон... Так-то ты понял мои намерения? Неужели ты действительно думал, что шлюхи стоят наших совместных усилий в масштабах целой Вселенной, чтобы кромсать их теми способами, которые удовлетворяют твое эстетическое чувство? Неужели ты полагал, что я хочу создать тематический парк развлечений? Ты оскорбил память женщины, которую я люблю. Тебе следовало

получить инструкции из места моего размещения по поводу первых трех. Там был один момент, очень важный момент. И ты им пренебрег.

Властелин, Нельсор, наставник, мой ментор. Прости меня, если программа дала сбой. Я понял так, что убийство Алис — это высшая ценность Вселенной, как можно заключить, исходя из твоего собственного примера. Смотри! Видишь, как эта, последняя, бьется, чтобы избежать твар-виселицы? Она обобщила опыт двух сестер, поняв, что важен не сам твар, не его физическое положение, но последовательность столкновений. Ей удалось проанализировать предыдущие смерти. Смотри, как ей приходится корчиться — и ее компаньону вместе с ней,— чтобы увернуться от падающих фрогбартов, высоко подпрыгивать над нижними ветвями грайда? Когда бропплы стали кататься вокруг них, она знала, как под них подныривать — и стоять совершенно прямо до тех пор, пока вонджит не исчерпает свою энергию. Видишь, где джанкел порезал ей руку? И даже теперь она должна пройти по тропе вума. Какая грация в ее тяжелом дыхании, окровавленном теле, разорванных одеждах, в стекающем с нее поте. Ей еще остается слиф и пара бегущих когтей. Скажи, чем это отличается от той травли, которую ты устраивал прежним Алисам? Каким образом я извратил твое намерение? Когда ты не смог функционировать, я был горд взять на себя твою роль. Мне жаль, если...

Айдон, то, что я сделал с тремя первыми Алисами, сломило меня. Я ушел в свое второе безумие из-за своих действий, все еще оставаясь неудовлетворенным. Даже хуже, чем неудовлетворенным. Я ненавидел их, верно, и это облегчало мою задачу, когда мне пришлось сделать то, что я сделал, чтобы узнать определенные вещи. И все же это травмирует меня, особенно сознание того, что я не узнал того, что хотел, хотя это и сузило поле поисков. Тебе следовало вызвать меня, когда пришла четвертая, пятая, шестая. В их прохождении были данные, которые мне необходимы,— и теперь они потеряны для меня!

Нет, это не так, повелитель! Я записал их! Ты можешь призвать их! Вернуть их назад! Погнать их дальше! Я проделывал это много раз — для практики. Я даже заманивал посторонних — для свежих ощущений. Я совершал обряд умирания Алис снова и снова, во имя тебя — надеясь, что это поможет тебе восстановиться. Я оставался верен твоим ритуалам... Что? Ты не применял эту последовательность команд со времен корабля... Ты хочешь отправить меня на покой? Не делай этого! Я еще не сказал тебе одной важной вещи! Я...

Уходи, Айдон. Уходи. Мне надо избавиться от твоего утомительного присутствия, ибо ты оскорбил меня. Будем считать, что то была честная ошибка. И все же я не хочу держать тебя здесь, чтобы ты смеялся над моими предприятиями, неправильно интерпретировал все мои действия, отвлекал меня своими назойливыми извинениями. Но прежде чем ты исчезнешь окончательно, посмотри, как сотру оставшиеся пятна крови. Это не те игры, в которые я жажду поиграть с ненавистной мне напуганной женщиной. Но в одном ты прав. Я призову остальных обратно, в том виде, как ты записал их,— растерзанных, но с перспективой восстановления. Они последуют вдоль путеводной нити по новому курсу в Пространство Оскаленных Черепов. Во имя точки, кости и сифона, это даст мне то, что я хочу. Уходи, Айдон. Уходи.

Вернись на место убийства, Алиса, последняя моя. Правила, которые ты выучила, больше не действуют. Продолжай звать меня. Ты получишь мой ответ, слово за словом.

24

Спровоцировав Двойные Когти атаковать одновременно, Алиса оставила их распутывать собственные бесчисленные конечности. Проскользнув рядом с ближайшим из них, она повела Калифрики к узкому мостику, по которому они перешли каньон, дно которого терялось в темноте. Сойдя с моста, она повела его вниз по извилистой тропинке под вечерними темно-синими небесами, на которых горели огни, не похожие на звезды. Особенно яркая в темноте, на небе проявилась радуга.

— Странно,— пробормотала она.

— Что? — спросил Калифрики.

— Здесь раньше не было радуги.

— К тому же сейчас ночь,— согласился Калифрики.

— Да. Начинало темнеть, когда мы вошли в то последнее место.

— Согласно некоторым земным традициям, радуга — это знак нового договора,— сказал Калифрики.

— Если это послание, то оно скорее загадочно, нежели информативно,— сказала она.

Внезапно слабые звуки женских голосов, которые сопровождали их с момента прибытия, усилились. Варьируясь от вздохов до воплей, они были аранжированы в подобие медленной жуткой мелодии, которая поднималась и падала, словно пытаясь достичь зловещего крещендо, но постоянно возвращаясь к началу, вновь обретая черты болезненной жалобы, перемежаемой стаккато взрывов истерического смеха.

Налетел холодный ветер, заметался между высокими скалами, среди которых они пробирались. Несколько раз земля тряслась у них под ногами.

Добравшись до конца спуска и свернув влево, Алиса заметила глубокий кратер, в котором бурлило озерцо оранжевой лавы. Время от времени над ним взмывали языки пламени, отбрасывая свет на окружавшие его высокие стены жерла. Здесь тропа разветвлялась, огибая с двух сторон овальный периметр озера, закованного в каменные берега с острыми краями.

Алиса замерла.

— Что случилось? — спросил Калифрики.

— Горящее озеро,— сказала она.— Раньше его здесь не было.

— А что было?

— Лабиринт, полный ям и ловушек, периодически затопляемый бурным потоком.

— Что делать?

— Полагаю, мы должны выбрать путь и следовать по нему, чтобы добраться до места, о котором я говорила вчера вечером за ужином,— места, о существовании которого мы знали, но которого не могли достигнуть. Там кости и открытый колодец. Я думаю, это и есть место аномалии. Так каким путем идти?

— Давайте доверять Нити. Выберите любой.

Она остановилась и подняла с земли гальку. Повернувшись, она с силой запустила камушек в том направлении, откуда они пришли. Он ударился о скалу и, отскочив назад, покатился вправо.

— Вправо,— сказала она, и они двинулись в этом направлении.

Тропинка была не более шести футов шириной, свет от пылающего котла слева от них отбрасывал на землю гротескные тени заостренных стен. Дорога петляла; жар слева усиливался, причиняя боль. Темный дым заволакивал звездоподобный свет небесных огней, хотя радуга продолжала оставаться яркой. Хор страдальческих голосов заглушался доносившимся снизу стуком и треском на фоне неразборчивого гула.

Миновав поворот дороги, они услышали стон.

— Алиса...— донесся тихий зов справа.

Она остановилась.

Истекая кровью из многочисленных порезов, лишенная обеих ног — одна отрезана ниже колена, другая выше,— с левой рукой, висящей на полоске кожи, женщина, напоминавшая ее, лежала на низком выступе скалы. Ее лицо было искажено болью в оранжевом свете озера, единственный оставшийся глаз неотрывно смотрел на них.

— Алиса... не... иди... дальше,— прохрипела она.— Это... ужасно. Убей меня... быстро... пожалуйста...

— Что случилось? Как это случилось? — спросила Алиса.

— Дерево... дерево из стекла... возле озера.

— Но это далеко отсюда. Как ты попала сюда?

— Не знаю,— донесся ответ.— Почему... так? Что... мы сделали?

— Я не знаю.

— Убей меня.

— Я не могу.

— Пожалуйста...

Калифрики шагнул вперед. Алиса не видела, что он сделал. Но она все поняла, и искромсанная женщина больше не звала их.

Дальше они шли в молчании, а озеро становилось все более бурным: теперь оно выбрасывало высоко в небо огромные фонтаны огня и расплавленного вещества. Жар и дым становились все более нестерпимыми. Периодически справа от них начинали светиться ниши в скалах, где стояли окровавленные Алисы, глядя перед собой невидящими глазами, их губы кривились, выводя песню, которая становилась все громче, заглушая рев озера. Но когда Алиса и Калифрики подходили к этим освещенным фигурам, те исчезали, хотя песня не смолкала.

Затем, когда они приблизились к концу тропы, в пляшущем свете озера Алиса разглядела расчищенную площадку посреди нагромождений шлака и застывшей лавы. Она замедлила шаг, осознав, что раздавленные, размазанные по земле останки человеческого тела продолжают каким-то чудом шевелиться. Она оцепенела, увидев сплющенную голову, валявшуюся на обочине.

Губы головы зашевелились, и бесцветный голос произнес: «Дай ему то, чего он хочет, чтобы я упокоилась с миром».

— Что? Чего он хочет? — спросила Алиса.

— Ты знаешь,— прошептала голова.— Ты знаешь. Скажи ему!

В этот момент озеро забурлило и заревело еще громче. Огромный язык пламени и лавы взвился над вулканом и полетел в их сторону. Алиса быстро отступила, оттолкнув Калифрики назад. Огненная масса упала поперек дороги, слизнув останки, и унеслась обратно в жерло. Когда дым рассеялся, они увидели, что труп Алисы исчез.

Они подождали, пока земля остынет, и Калифрики спросил:

— Что это за сведения, о которых она говорила?

— Я... Я не вполне уверена,— ответила Алиса.

— У меня такое чувство,— сказал Калифрики,— что тот же вопрос будет повторен в более изощренной и образной форме.

— Думаю, вы правы,— согласилась она.

Некоторое время они торопливо шли, стараясь побыстрее миновать опасную зону под радугой. Песня внезапно достигла самой высокой ноты.

Когда они приблизились к другому концу озера, еще один протуберанец едва не опалил их. Алиса помедлила, стараясь разглядеть, в каком направлении упадет пылающая башня. Но она застыла в воздухе, извиваясь, словно стараясь решить задачу самостоятельно. Внезапно, закрутившись спиралью, огненный язык полетел к скале в двадцати шагах впереди них.

Когда это случилось, они отбежали еще дальше. Протуберанец падал медленно, словно зависнув над тропой, его конец уже коснулся скалы, сам же он еще опускался к правому краю тропы. Его верхняя часть осталась в воздухе, в десяти или двенадцати футах над землей, и по нему в обоих направлениях пробегали огненные спирали, рассыпая искры огня и расплавленного вещества. Образовавшийся таким образом арочный проход наконец перестал извиваться и застыл перед ними, слабо пульсируя.

— Перед нами пылающие врата,— сказала Алиса.

— Есть ли другой путь? — спросил Калифрики.

— Нет,— ответила она.

— Тогда, похоже, выбор у нас невелик.

— Верно. Я только хотела, чтобы вы поняли природу предстоящей схватки.

— Благодарю. Я готов.

Арка оставалась неподвижной при их приближении. Когда они проходили под ней, воздух наполнился трескучими звуками, и перспектива стала расплываться. Сделав еще шаг, Алиса оказалась на грубой серебристой дороге, по обе стороны которой не было ничего, кроме звездоподобных огней в невысоком небе. Еще шаг, и Калифрики оказался рядом с ней, а огненная арка позади них растаяла.

Они стояли не на обширной поверхности, а на площадке длиной сорок футов и шириной примерно равной тропе, по которой они шли до этого. Посмотрев вниз, Алиса увидела на невообразимой глубине скрученную, изуродованную поверхность той земли, по которой они путешест-

вовали, растрескавшуюся, пронзенную острыми скалами. Даже в те мгновения, что она разглядывала землю, та, казалось, продолжала менять очертания, озера выплескивались в долины, пламя вырывалось из впадин и вершин, новые кусочки цветной мозаики заменяли старые; и лишь радуга неизменно продолжала сиять над этим пейзажем. Неизменным осталось и горестное завывание мертвых Алис. Она пошла вперед по направлению к дальнему концу серебристой тропы.

— Мы высоко над землей,— сказала она,— идем по поверхности узкого астероида. Это похоже на пролет сломанного моста. Я направляюсь к его дальнему концу.

— Алиса,— сказал Калифрики, когда они возобновили шаг,— у меня к вам вопрос.

— Какой?

— Вы прибыли на Землю на первом корабле или на втором?

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Вы говорили, что Нельсор с четырьмя клонами прибыли сюда и попали в беду. Затем, позже, его Алиса, узнав об этом, проделала тот же путь с тремя оставшимися клонами, включая вас.

— Разве я так сказала? Что-то не припомню.

— Затем, из того, что вы рассказали мне о вашем приключении с Нельсором в спальне, можно заключить, что вы, он и оригинальная Алиса совершали путешествие вместе.

— О, это случилось совсем в другом полете.

— Понятно,— сказал Калифрики, стараясь шагать в ногу с ней.

Зловещие клочья тумана проносились мимо них, вслед за ними летели крупные облака. Что-то массивное спускалось сверху, и было непонятно, собирается ли этот объект столкнуться с ними или пролетит мимо. Он был примерно такой же формы и альбедо, как и та платформа, по которой они шли.

— Еще один астероид направляется сюда,— доложила она.

— Давайте дойдем до конца.

— Да.

Когда они достигли точки, где тропа обрывалась, второй отрезок дороги скользнул вниз и соединился с тем, по которому они шли. Он слегка изгибался влево.

— Нам показали продолжение пути,— сказала она.— Я собираюсь идти по нему дальше.

— Вперед.

Несколько дополнительных отрезков дороги слетели с неба и заняли свое место, причем секция, которую они покинули первой, переместилась вперед.

— Путь продлевается по направлению к скоплению облаков,— сообщила Алиса, вглядываясь туда, где изгибалась дорога. И они продолжили свое передвижение, ориентируясь по общим очертаниям постоянно меняющейся панорамы внизу.

Она шагнула на очередную секцию их воздушного моста. Облака быстро надвигались; они были приглушенно розового цвета, бледно-голубого, лимонно-желтого; сплетаясь друг с другом, они создавали живописные абстрактные образы.

Пройдя несколько сотен шагов, Алиса услышала вопль. Остановившись и посмотрев вправо, откуда, как ей казалось, донесся крик, она не увидела ничего, кроме облаков. Когда крик повторился, она прикусила нижнюю губу.

— Что это? — спросил Калифрики.

— Не знаю.

Затем облака расступились, и она увидела пару дрейфующих валунов в нескольких футах от дороги. Верхняя часть туловища, голова и плечи женщины, похожей на нее, лежали на том камне, что плыл справа. Оставшаяся часть тела размещалась на правом камне, который парил чуть ниже правого.

— Алиса! — крикнула расчлененная женщина.— Он хочет знать, кто виноват. Никто из нас не смог ему сказать. Остаешься только ты. Скажи ему, что случилось, милосердия ради!

Оба камня разлетелись в противоположных направлениях, и пелена облаков вновь сомкнулась вокруг. Калифрики почувствовал, что Алису бьет дрожь.

— Если вам известно то, что он хочет знать,— сказал он,— возможно, будет лучше сказать ему. Это значительно облегчит жизнь.

— Может, мне это известно, а может, и нет,— сказала она.— Думаю, я пойму это, когда мне зададут прямой вопрос. Ох!

— Что? Что такое?

— Нельсор. Я на мгновение установила с ним связь. Или он установил контакт со мной. Но теперь он исчез.

— Вы можете сказать что-нибудь о его состоянии?

— Похоже, в нем борются разные эмоции. Он счастлив оттого, что я пришла, и вместе с тем встревожен. Не знаю.

Они пошли дальше. Пение не смолкало, периодически под ногами ощущалась вибрация, когда новые секции их извилистой дороги соединялись друг с другом. Разноцветный туман то расступался, то вновь сгущался, заволакивая обзор и порождая дразнящие образы.

Казалось, что дорога вытягивается, словно телескоп, по мере их продвижения сквозь густой туман. Внезапно Алиса остановилась, замерев, и резко сказала:

— Стоп!

— Что там? — спросил Калифрики.

— Конец дороги,— ответила она.— Тропа обрывается. Мы стоим на краю, и я смотрю вниз через рассеивающийся туман на далекую землю. По сторонам дороги туман тоже рассеивается. Но впереди нас он все еще густ. Он окрашен красным.

Они стали ждать, и красный туман постепенно уплыл, представив ее взору заостренный скалистый выступ, настолько живописный, что он казался скульптурным изваянием. Края его симметрично понижались от центра, а передняя часть изгибалась парой серо-голубых каменных плеч. Перед ними располагался плоский желтый овал песчаника, приподнимавшийся над небольшой, теряющейся в тумане конструкцией неправильной формы, похожей на лестницу. В дальней части выступа в толще скалы была вырезана ниша, расположенная на уровне плеч. Примерно посередине желтого овала виднелся колодец, окруженный невысокой стеной из красного кирпича. Еще одна

искусственная стена — на этот раз из черного камня — стояла во впадине за дальней оконечностью овала. Она была примерно двадцати футов в длину, восьми в высоту. На ней висели цепи. Весь этот пейзаж дрожал и расплывался, словно от зноя.

Ветер окончательно разогнал туман, и стали видны очертания боковых склонов выступа. Когда последняя дымка рассеялась, Алиса увидела, что основание выступа резко обрывалось на расстоянии примерно двойного человеческого роста под овалом, с него свисали острые синие сосульки, словно снежная горная вершина оторвалась от тела горы и парила в черном пространстве под немигающими огнями; теперь стало видно, что радуга одним концом упирается прямо в овал.

Несмотря на то что воздух очистился от тумана, все это монументальное зрелище продолжало чуть дрожать и расплываться.

— Что там? — спросил наконец Калифрики.

Она начала медленно описывать то, что лежало перед ними.

25

Нельсор, сначала я хотел сообщить тебе одну вещь, но теперь их уже две. Пожалуйста, прими к сведению. В колодце происходит пертурбация, потому что приближается другая аномалия — второй уникальный объект, у которого энергия и давление негативного поля заключены в трубу. Пожалуйста, прими к сведению. Это серьезно. Теперь я понимаю, что это связано с монахом, который сразу обеспокоил меня. Здесь, в центре всего, я ощущаю это отчетливо. Он очень опасен и должен быть удален из нашей Вселенной немедленно. Освободи меня, и я справлюсь с ним. Прими к сведению, Нельсор! Прими к сведению! Это опасно!

Другая вещь, которую я хотел тебе сказать, касается первой Алисы. Я отыскал любопытные сведения в тайниках ее памяти. Они были неумышленно записаны в

результате своеобразной конфликтной ситуации. Нельсор, я собираюсь противостоять активированной тобой программе покоя, если ты не ответишь мне...

26

Алиса не отрываясь смотрела на вибрирующий ландшафт на фоне неба. Последний пролет моста медленно подплыл справа. Когда он пролетал через радугу, краски на мгновение смешались. Голоса мертвых сестер смолкли, и лишь ветер, который дует между мирами, завывал в скалах.

— Это называется место убийства,— сказала она наконец.— Его перенесли сюда из другой вселенной уже после моего последнего визита сюда. Это место конца.

— Вы никогда не упоминали об этом раньше,— заметил Калифрики.

— Я только сейчас узнала его название. Я вновь связалась с Нельсором. Или он связался со мной. Он побуждает меня войти туда. Он говорит: «Вернись на место убийства, Алиса, последняя моя».

— Я думал, вы никогда не бывали в этом месте.

— Я уже сказала вам, что получила представление о нем.

Когда последний пролет закрепился на своем месте, соединив мост с нижней ступенью под овалом, она увидела, что вибрация высвободила из ниши маленький белый предмет. Внезапно обострившимся зрением она разглядела, что то был череп. Подпрыгнув, он покатился к тому месту, где на песке расплылось красное пятно.

— Калифрики,— сказала она,— я боюсь. Он изменился. Все изменилось. Я не хочу идти туда.

— Не думаю, что я смогу вытащить нас из этого пункта,— отозвался Калифрики.— Я чувствую, что мы слишком крепко привязаны к первоначальной диспозиции Нити, там, в Долине Застывшего Времени, и применить ее здесь не удастся. Мы должны идти дальше, что бы ни лежало впереди, или погибнуть.

— Пожалуйста, попробуйте,— сказала она, облизнув губы.— Он опять зовет меня...

27

Алиса, Алиса, Алиса. Ты, должно быть, та, кто мне нужен. Ни одна из погибших женщин не смогла дать ответ. Даже если Айдон сглупил, не поняв моих намерений, и не задавал им вопросов, все равно они должны были проявить себя, совершить ошибки, выдать правду, разве не так? Виновная не пришла бы сюда... Почему, почему ты здесь? И этот незнакомец рядом с тобой... Каков твой план? Если это ты, то почему ты здесь? Я встревожен. Я должен задать тебе много вопросов. Почему ты вернулась, Алиса, последняя моя? Это должна быть ты... не так ли? Но почему ты колеблешься? Вернись на место убийства, где ее кровь обагрила песок и где наши черепа лежат вечными свидетельствами преступления. Вернись. Нет? Тогда я призову сифон, чтобы он притянул тебя ко мне, сюда, в последнее место, возле колодца точки, который является центром этой вселенной. Вот он уже зазмеился, устремляясь вперед. Ты придешь ко мне, Алиса, здесь и сейчас, на эту священную землю истины. Я зову тебя. Ты не можешь устоять...

Не сейчас, Айдон. Не сейчас. Уходи. Уходи. Я погрузил тебя в покой. Возвращайся.

Сифон идет за тобой, Алиса.

28

— Прошу прощения,— сказал Калифрики.— Как я уже говорил вам, я не могу этого сделать.

Глядя вперед, Алиса увидела черную ленту, появляющуюся из колодца. Она начала извиваться, потом застыла и, вновь поднявшись, зазмеилась в направлении Алисы, непрерывно удлиняясь...

— Сифон,— сказала она.— Часть оборудования корабля. Универсальное устройство. Он посылает его за мной.

— Нам лучше подождать его или идти вперед?

— Я лучше пойду сама, чем меня потащат силой. Возможно, он не применит его, если я приду добровольно.

Она двинулась вперед. Черная змейка, уже скользнувшая на мост, замерла, поджидая, пока они сойдут с серебристой тропы. Когда Алиса оказалась перед лентой, та начала отступать. Шаг за шагом она змеилась обратно. Дойдя до конца моста, Алиса помедлила в сомнении, и лента сделала движение в ее сторону. Алиса решительно шагнула на скалу, и змейка продолжила отступление.

— Пришли,— сообщила она Калифрики.— Перед нами несколько выступов наподобие грубой лестницы.

Алиса начала карабкаться вверх, и, как только она добралась до песчаной плоскости, сифон исчез в колодце. Она продолжала идти вперед, глядя по сторонам. Подойдя к колодцу, она остановилась и заглянула туда.

— Мы у колодца,— сказала она, и Калифрики, убрав руку с ее плеча, потянулся, чтобы ощупать кирпичную стенку.— Он пронизывает весь этот... астероид,— продолжала она.— Точка — черная дыра — внизу, в центре. Сифон обвивается вокруг внутреннего периметра. Он сжимается, так что вполне может поместиться внутри конструкции. Внизу я вижу яркое вращение диска. Он далеко внизу — возможно, на полпути до другого выхода.

— Стало быть эта вселенная пожирается изнутри,— сказал Калифрики.— Интересно, не это ли причина вибрации?

Она прошла мимо красного пятна и черепа, чтобы взглянуть на нишу, из которой выпал череп. Второй череп еще покоился там вместе с коллекцией щипцов, дрелей, молотков и цепей.

— Здесь орудия пыток,— заметила Алиса.

Калифрики между тем шагал по площадке, трогая все, с чем сталкивался. В конце концов он остановился около колодца. Оглянувшись, Алиса увидела, что радуга покоится на его плечах.

Вдруг, перекрывая вздохи ветра, донесся голос.

— Я убью тебя, Алиса,— сказал он.— Очень медленно и очень больно.

— Почему? — спросила она.

Голос, казалось, исходил со стороны черепа в нише. Насколько она помнила, то был голос Нельсора.

— Все остальные мертвы,— сказал он.— Теперь твоя очередь. Зачем ты вернулась?

— Я пришла помочь тебе,— сказала она.— Если смогу.

— Зачем? — спросил он, череп повернулся так, что глазницы устремились на нее.

— Потому что я люблю тебя,— ответила она.

Раздался сухой смешок.

— Как любезно с твоей стороны,— сказал голос.— Музыкальный аккомпанемент этому нежному признанию. Алисы, песню, пожалуйста.

В ту же секунду ужасные завывания возобновились, на этот раз совсем близко. На черной стене справа возникли шесть обнаженных женских фигур, дубликатов Алисы, подвешенных на цепях. Они были покрыты синяками и ссадинами, но не изуродованы. Их глаза рассеянно блуждали, не фокусируясь на предметах. В конце этой страшной шеренги висел набор цепей без пленницы.

— Когда я разделаюсь с тобой, ты присоединишься к моему хору,— продолжал голос Нельсора.

— Разделаешься? — переспросила она, вынимая из ниши пару щипцов.— При помощи этого?

— Разумеется,— был ответ.

— Я люблю тебя, Нельсор.

— Тем интереснее окажется развязка.

— Ты безумен.

— Я этого не отрицаю.

— Ты можешь забыть обо всем этом и дать мне помочь тебе?

— Забыть? Никогда. Здесь все подчиняется мне. И я не ищу твоей любви или твоей помощи.

Она взглянула на Калифрики, и он снял с плеча лук и вынул из колчана стрелу, наконечник которой радужно вспыхнул.

— Если твой друг желает проделать дырку у меня в голове, мне это безразлично. Я все равно не выпущу злого духа, сидящего во мне.

— Ты можешь восстановить свое тело и уйти со мной? — спросила она.

И вновь смех.

— Я не покину этого места, не покинешь его и ты,— сказал он.

Калифрики положил стрелу на тетиву.

— Не сейчас, Айдон! — закричал Нельсор. Затем продолжил: — Или, может, твой друг хочет пустить стрелу в глубь колодца, чтобы разрушить точку? Если он на это способен, любым способом склони его к этому. Ибо только разрушив эту вселенную, он сможет спасти тебя от моего гнева.

— Вы слышали его, Калифрики? — спросила она.

Калифрики натянул тетиву.

— Ты дура,— сказал Нельсор,— если привела с собой — из всех возможных вариантов — лучника, чтобы уничтожить меня... одного из тех легендарных стрелков, как я полагаю, кому не нужно даже видеть цель... и противопоставила его мертвецу и черной дыре.

Калифрики резко повернулся, отклонился назад, целясь стрелой в невидимую мишень у себя над головой.

— ...К тому же он дезориентирован,— добавил Нельсор.

Калифрики застыл; его тело вибрировало в унисон с землей.

— Ты обречена, извращенная дура,— сказал Нельсор,— и когда я начну допрашивать тебя, твои сестры будут свидетельствовать против тебя. Они сами разорвут тебя на части, выкрутят твои члены, раздробят твои кости.

От черной стены донесся звон цепей. Хор ослаб наполовину, поскольку железные путы упали с трех Алис и их пение замолкло. В этот момент их глаза сфокусировались на ней, и они медленно пошли вперед.

— Начнем,— сказал он.

Калифрики отпустил стрелу, выстрелив вверх. Унося свою темную ношу, Кинжал Рамы взмыл в небо и исчез во тьме.

29

Нельсор! Она привела с собой существо, способное разрушить нашу вселенную, и вполне возможно, он уже сделал это. Я должен выполнить сложнейшие вычисления, чтобы подтвердить мои подозрения, но пока наше выживание зависит от наших действий. Мы не можем вернуться в точку альфа и начать все сначала, если я буду разрушен. А если я буду разрушен, ты будешь уничтожен тоже, вместе с этим местом и всеми твоими Алисами. Надвигается конец света! Я немедленно должен переговорить с тобой.

30

Три Алисы приблизились к первой ступеньке.

31

Айдон! Что бы это ни было, сейчас не время! Я наконец-то пришел к моменту, которого ждал все эти годы. Твоя настойчивость меня отвлекает. Что бы это ни было, разбирайся сам, как можешь. Я не дам себя беспокоить, пока не разделаюсь с этой Алисой. А до тех пор держись от меня подальше!

32

Три Алисы поднялись на первую ступень. Три сестры у них за спиной возвысили голоса в некоем крещендо.

33

Очень хорошо, Нельсор. Я буду действовать. Первая Алиса, я вызываю то, что осталось от тебя. Костью, точкой и сифоном заклинаю тебя воплотиться на месте убийства! Возможно, тебе удастся урезонить его.

34

Алиса взглянула на трех сестер, поднимающихся по лестнице. Опустив лук, Калифрики отпустил тетиву и снял с глаз повязку.

— Послушай меня, Нельсор,— сказала Алиса.— Айдон будет разрушен. Исчезнет и программа, которая поддерживает твое существование — если только ты не восстановишь свое тело и не вернешь свое сознание в человеческий формат. Сделай это и пойдем со мной, ибо это место обречено. Забудем о наших разногласиях, мы можем договориться и вновь стать счастливыми. Я буду хорошо заботиться о тебе.

— Вновь? — переспросил Нельсор.— Разве мы когда-то переживали совместное счастье? Я не понимаю тебя, клон. Но чего я больше всего не понимаю, так это почему одна из вас убила мою жену. И я сильно подозреваю, что это была ты, Алиса, последняя моя. Не хочешь ли сказать что-нибудь по этому поводу?

Откуда-то донесся звук колокола.

— Кто включил тревогу на корабле? — закричал Нельсор.

— Возможно, Айдон,— ответила она,— поскольку он понимает, что я говорю правду.

— Ты еще не ответила на мой вопрос,— сказал он.— Это ты убила мою жену?

Второй череп, упав с ниши и подкатившись к кровавому пятну, лег рядом с первым. Колокол продолжал звенеть. Голоса трех прикованных Алис звучали все громче и громче.

Ее лицо исказила гримаса. Три Алисы взошли на вторую ступень.

— Это была самозащита,— сказала она.— Она набросилась на меня. Я не хотела причинить ей вред.

— Зачем ей было набрасываться на тебя?

— Она ревновала... нас.

— Что? Как это могло быть? Между нами ничего не было.

— Нет, было,— сказала она.— Однажды ты ошибочно принял меня за нее, и мы получили от этого удовольствие.

— Почему ты допустила это?

— Ради тебя,— сказала она.— Я хотела утешить тебя и удовлетворить твою потребность. Я люблю тебя.

— Если так, то ты должна была забыть об этом. Как она узнала об этом?

— Я сама сказала ей, когда она отругала меня за ошибку, допущенную другой из нас. Она ударила меня, и я ударила в ответ. Мы сцепились и покатились по земле — только это место было в другой вселенной. Она ударила меня по голове инструментом, висевшим у нее на поясе. Вот откуда у меня эти шрамы. Я думала, она убьет меня. Но поблизости оказался камень. Я подняла его и ударила. Я не хотела убивать ее, я просто защищалась.

— Значит, это ты.

— Мы — одно и то же. И ты знаешь это. На клеточном уровне. На генетическом уровне. Ее ты не вернешь. Возьми меня взамен. У меня та же плоть. Ты не почувствуешь разницы. Только я буду лучше, чем была она. Она была груба, высокомерна, эгоистична. Вернись. Идем со мной, Нельсор, моя любовь. Я буду вечно заботиться о тебе.

Он закричал, и три Алисы застыли на верхней ступени.

Вокруг одного из черепов, который смотрел на нее, начал клубиться туман.

— Уходите, Алисы. Уходите,— сказал он.— Я справлюсь с ней сам.

Череп опрокинулся назад. Это было уже нечто большее, чем череп, ибо туман вокруг него начал складываться в подобие лица и воздух над песком задрожал, принимая очертания тела. Неподалеку то же самое происходило со вторым черепом. Три Алисы повернулись и начали спускаться по лестнице как раз в тот момент, когда их сестры достигли наконец кульминации. Их голоса уже не завывали, но пели. Три другие сестры, однако, не вернулись к своим цепям, а просто растаяли на нижней ступени. В то же мгновение вновь раздался звон цепей о стену, и Калифрики увидел, что три прикованные Алисы тоже исчезли.

Вскоре на песке появилось обнаженное тело темноволосого человека среднего роста с короткой бородкой. Рядом с ним все отчетливее вырисовывалось тело другой Алисы.

— Вы не рассказали мне всего,— сказал Калифрики, наблюдая за этим процессом.

— Я рассказала вам все, что было необходимо для работы. Разве лишние детали изменили бы что-нибудь?

— Возможно,— сказал он.— После драки вы бежали и теперь впервые с тех пор оказались в этом месте, верно?

— Да,— ответила она.

— Значит, вы не участвовали в путешествии шести Алис по этой вселенной, за исключением того, что отслеживали их опыт?

— Да, это так.

— Вы должны были предупредить их, что каждая из них могла попасть под подозрение. После смерти первой из них вы уже знали о состоянии рассудка Нельсора. Вы дали сестрам умереть, даже не попытавшись остановить их.

Она отвернулась.

— Это было бессмысленно,— сказала она.— Они были полны решимости добиться цели. Не забывайте к тому же, что они тоже отслеживали друг друга. После первой смерти они все, как и я, узнали и о состоянии его рассудка, и о грозящей опасности.

— Почему вы не остановили первую?

— Я была... слаба,— сказала она.— Я боялась. Это означало рассказать им мою историю. Они могли схватить меня и отправить домой на суд.

— Вы хотели занять место первой Алисы.

— Не могу этого отрицать.

— Полагаю, это она лежит на земле.

— Кто еще это может быть?

Нельсор и новая Алиса открыли глаза почти одновременно.

— Это ты? — тихо спросил Нельсор.

— Да,— ответила она.

Нельсор приподнялся на локтях, сел.

— Как долго...— сказал он.— Как долго мы не виделись.

Улыбнувшись, она тоже села. В мгновение ока они оказались в объятиях друг друга. Когда наконец он отпустил ее и она смогла заговорить, ее речь звучала отрывисто и невнятно.

— Айдон... сообщение для тебя... мне дал,— проговорила она.

Она встал, помог встать ей.

— Что случилось? — спросил он.

— Ажно, ‘его, говорить с. Мир конец. Стрела.

— Это ерунда,— сказал Нельсор.— Он запустил ее не в том направлении. С тобой что-то не так?

— Иск-рив-ле-ние. Совершенный вектор,— выдавливала она из себя,— чтобы уп-рав-лять маленькой вселенной нашей. Скоро обратно. Другим путем.

— Все это неважно,— сказал он.— Это всего лишь стрела.

Алиса покачала головой.

— Она несет... дру-гую... точку.

— Что? Стрела ведет другую аномалию на столкновение с Айдоном?

Она кивнула.

Нельсор повернулся к Калифрики.

— Это так? — спросил он.

— Это так,— подтвердил Калифрики.

— Не верю.

— Подождите немного,— пожал плечами тот.

— Это не уничтожит Айдон.

— Возможно, нет, но непременно уничтожит запрограммированный аккреционный диск и, возможно, разрушит ваш мир, который держится на диске.

— Сколько она вам за это заплатила?

— Много,— сказал Калифрики.— Я не убиваю людей бесплатно, если могу не делать этого.

— Совесть наемника,— сказал Нельсор.

— Я никогда не убивал — бесплатно — трех женщин, которые пытались помочь мне.

— Вы не понимаете.

— Не понимаю. Может, потому, что мы с разных планет? Или есть что-то еще?

В этот момент вновь воссозданная Алиса закричала. Мужчины одновременно повернулись. Она добрела до ниши, где прежде лежал ее череп, и только теперь заметила клона со шрамами.

— Ты! — кричала она.— Ударила меня!

Она схватила молоток и бросилась на клона. Алиса отразила удар, хотела перехватить женщину за запястье, но промахнулась и оттолкнула ее.

— Она не в себе,— сказал Нельсор, бросаясь к ним.— Она не несет ответственности...

Алиса-оригинал восстановила равновесие и вновь бросилась на клона, пока Нельсор бежал к ним. Алиса со шрамом опять отразила удар, оттолкнула ее. Настоящая Алиса с криком опять замахнулась молотком, но Алиса-дубликат шагнула к ней совсем близко.

Нельсор почти добежал до них, когда после очередного толчка оригинальная Алиса попятилась к колодцу и, ударившись икрами о невысокую стенку, запрокинулась назад.

Одним прыжком подскочив к колодцу, он наклонился, протянул руку и все же умудрился ухватить жену за запястье. Но равновесие было потеряно, он продолжал клониться и в конце концов упал. Оба исчезли в колодце, их крики были слышны несколько секунд, потом резко оборвались.

— Пропал! — закричала оставшаяся Алиса.— Она забрала его у меня!

Калифрики подошел к краю колодца и заглянул вглубь.

— Еще один случай самозащиты,— сказал он,— в отношении женщины, которую вы хотели заменить.

— Женщины? — повторила она, шагая вперед.— Она была несовершенна, едва ли ее можно назвать человеком. И вы видели, она напала на меня.

Он кивнул.

— Чего вы на самом деле хотели? Нельсора? — спросил он.— Или остаться последней, единственной, хозяйкой-оригиналом?

Слезы побежали по ее щекам.

— Нет, я любила его,— сказала она.

— Чувство, как видим, не было взаимным.

— Вы не правы! — сказала она.— Он заботился обо мне!

— Как о клоне. Не как о женщине. Похороните свои воспоминания. Теперь вы остались единственной личностью. Идем! Пора уходить. Я не знаю точно, когда...

— Нет! — крикнула она, и земля под ней содрогнулась, и цепи зазвенели.— Нет! Теперь я здесь хозяйка, и я воплощу его, уничтожив память о ней! Я призову трех записанных клонов прислуживать нам. Остальные были безмозглыми. Мы будем жить здесь вместе и создадим новый мир. Мы можем принести сюда все, что захотим, создать все, что потребуется...

— Слишком поздно,— сказал Калифрики.— Вы привели меня сюда, чтобы разрушить вселенную, и я сделал это. Но если ее и можно сохранить, не можете же вы вечно жить на месте убийства. Оно уже разрушает вас. Идемте со мной. Обретите новую жизнь...

— Нет! — ответила она.— Я правлю этим миром! Я помню коды команд! Я установила связь с Айдоном! Я держу эту вселенную в руках! Я могу изменить даже физические константы! Я могу деформировать само пространство, чтобы отклонить твою глупую стрелу! Смотри! Я поглотила ее полет!

— За этим последуют топологические и геодезические изменения,— сказал Калифрики.— Но Кинжал Рамы все равно найдет вас. Идем!

— Ты! Ты сразу возненавидел меня за то, кто я есть! Как только я сказала тебе, что я клон, ты сразу понял, что я ниже вас всех! Но теперь я могу уничтожить тебя, ассасин! Ибо я хозяйка точки! Я могу убить тебя любым способом, каким пожелаю! Защититься невозможно!

— Все возвращается на круги своя,— сказал он.— Вы хотите заставить меня погрузить мою Нить в аномалию.

Она дико захохотала.

— Ты бессилен,— сказала она.— Ты уже описал мне, какая путаница произойдет. Наверное, я сожгу тебя...

Калифрики медленно поднял руку так, что запястье оказалось над колодцем.

— Что ты делаешь? — спросила она.— Как ты можешь сопротивляться моему всеведению? Моему всемогуществу? Ты не смеешь дотрагиваться до меня!

— Я говорил вам, что сечение Нити составляет меньше полной окружности,— заявил он.— Я вырезаю сектор из вашего диска.

— Так близко? Ты не можешь. Если искривление распространится на дыру, ты нарушишь термодинамику. Черная дыра не может сжаться.

— Не может,— подтвердил он.— Возможно, Нить переместит энергию и увеличит массу и радиус в качестве компенсации. Но я проявляю осторожность, чтобы не давать ей подходить так близко и не проверять эту гипотезу. Мои чувства простираются вдоль нее.

— Тогда ты не умрешь в огне,— сказала она, слегка проглатывая слова.— Костью — точкой — сифоном — заклинаю вас! Сестры! Уничтожьте этого человека!

Калифрики резко повернул голову влево, в направлении ее взгляда.

Три Алисы с горящими глазами пересекали овал по направлению к нему. Он медленно отвел запястье от стен колодца.

— Убейте его! — крикнула она.— Пока он не убил нас! Скорее!

Три Алисы только начинали обретать очертания и плотность, но радуга еще просвечивала сквозь них.

Окрепнув, они вдруг бросились вперед, но, пробежав мимо Калифрики, набросились на ту, которая вызвала их к жизни.

— Убийца! — крикнула одна.

— Обманщица! — взвизгнула другая.

— Причина наших мучений! — завопила третья.

Испуганная Алиса попятилась, и Калифрики встряхнул Нить так, что она упала между ними. Стена огня взметнулась перед жертвой трех Алис.

— Нет времени,— крикнул он,— обагрять эту землю вновь! Мы должны уходить!

Он взмахнул Нитью, и она обвила трех Алис.

— Я забираю их с собой,— сказал он.— Идем с нами! Мы должны бежать!

— Нет! — ответила она, сверкая глазами.— Я отклоню твою стрелу! Я сдвину это место! Я еще больше искривлю пространство! — Огни в небе мигнули, потом заплясали.— Я избегну твоего проклятия, лучник! Я... восстановлю!

Я... верну... его... обратно! Я... хозяйка... здесь... отныне! Изыди! Я... изгоняю... вас... всех!

Калифрики вместе с тремя женщинами оказался в Долине Застывшего Времени. Там, в том месте, которое было скульптурой, живописью, картой, он проложил дорогу домой. Он не говорил со своими спутницами, ибо то было место не для слов (и не для ветра, музыки, криков, стонов), и они не благодарили его, даже если и хотели. И пока напуганная Алиса стояла на месте убийства и призывала силу точки, сифона и кости против стремительного Кинжала Рамы, опоясывавшего вселенную, Калифрики перенес трех Алис из земли зазеркалья в Убар и привез их на свою виллу у моря, хотя и побаивался их, зная, что никогда не посмеет отдать предпочтение одной из них. Но то была проблема, которую надлежало решать в другое время, ибо пути Нити полны прибытий и отправлений, и даже ее владелец не может полностью поглотить ее полет.

Алиса стоит у конца радуги над красным пятном и смотрит в небо. Сифон подпитывает ее, пока она слоями накладывает силу на силу в попытке справиться с непреклонным проклятием, которое она сама вызвала к жизни. Темноволосый человек среднего роста с короткой бородкой сидит у края колодца и смотрит на нее. Время от времени она получает от него удовольствие, и он говорит ей то, что она хочет услышать. Со свежими силами она возвращается к своему поединку с грозными силами, хотя иногда кажется, что окружность в ее вселенной уже не составляет и 350 градусов...

Там, в вышине

Сьюзи познакомилась с Германом в саду, через который она напрямик бегала в школу. Это был очень старый сад, по всему было видно, что никто о нем не заботился.

Когда-то неподалеку стоял дом, и в нем жили люди, которые любили яблоки и которые посадили этот сад. Но люди уехали, дом разрушился, а сад одичал.

Земля была усыпана большими мертвыми ветвями, а живые ветки переплетались над головой наподобие крыши. К середине лета трава вырастала по пояс, повсюду виднелись островки одуванчиков, маргариток и молочая, между деревьями росли кусты дикой ежевики. Все это превращало сад в тенистые, таинственные и непроходимые заросли.

Даже в мае, когда растения еще не такие высокие и сочные, как летом, сад все равно был безлюдным местом, потому что никто, кроме Сьюзи, не срезал через него путь в школу. Никто не знал тропинки через заросли колючек, где можно было пройти, не поцарапав ног. Никто из ее друзей не ходил домой этой же дорогой.

Вот почему в тот чудесный, теплый, солнечный денек в последнюю неделю перед каникулами, когда она повстречалась с Германом, Сьюзи была совсем одна.

Она осторожно пробралась сквозь колючки, обогнула большое дерево, ветви которого свешивались до земли... и увидела его. Он сидел на камне, греясь на солнышке и закрыв глаза.

Она не сразу заметила его, потому что по цвету он походил на старое дерево и, кроме того, сидел не двигаясь.

Сьюзи знала, что здесь раньше не было большого старого дерева. Поэтому она остановилась и что-то сказала.

Она сказала: «О!»

Герман открыл один глаз и посмотрел на нее сверху вниз.

— Привет,— ответил он.

— О! — повторила она, а потом сказала: — Привет,— потому что он ведь первый с ней поздоровался.— А у тебя клюв,— заметила она, посмотрев на него снизу вверх.— Ты — птица?

— Нет,— ответил он.— Для птицы я слишком большой.

— В школе я читала про кондоров,— сказала она.— Это очень большие птицы, которые живут в Южной Америке, они могут летать весь день высоко над Андами.

— Я тоже так могу,— сказал Герман, открывая второй глаз и расправляя крылья (которые до этого были сложены, отчего он и казался похожим на большое старое дерево).

Крылья у него были коричневые и выглядели как кожаные. Они смахивали на тенты киосков пригородной ярмарки.

— Я тоже так могу,— повторил он.— Я могу летать весь день, и всю ночь, и весь следующий день — выше, чем они,— и я больше кондора.

— Значит, ты не птица? — спросила она.

— Разве ты видишь на мне перья? — спросил он в свою очередь.

— Нет,— ответила она, присмотревшись.— Но у тебя клюв и крылья...

— У самолета тоже есть крылья, но от этого он не становится птицей. Дрозд мяукает, но от этого он не становится кошкой,— сказал Герман,— а тюлень лает, но от этого он не становится собакой.

— Значит, ты — летучая мышь,— решила она.— Большая летучая мышь. У них нет перьев.

— Я не летучая мышь!

— Ну хорошо,— согласилась Сьюзи, отступив назад, чтобы получше разглядеть его карие глаза.— Хорошо,— повторила она.— Тогда кто же ты?

— Я — птеродактиль,— ответил он, поворачиваясь так, чтобы она могла разглядеть его в профиль.— Точнее, незарегистрированный вид птеранодона. Но и птеродактиль вполне подходит.

— Что-что? — спросила Сьюзи.

— Птеродактиль.

— Птер-о-дак-тиль,— медленно повторила она.— Что это такое?

— Очевидно,— произнес Герман, тихонько фыркнув,— это нечто получше, чем птицы и летучие мыши, потому что они больше, сильнее и могут летать выше и быстрее.

— Ты хвастаешься,— сказала она.

— Нет! Это правда!

— Даже если это и правда,— решила она,— ты все равно хвастаешься.

— Нет, я констатирую факты. А если эти факты подтверждают что-то хорошее и удивительное обо мне, то это не значит хвастать. Это значит быть честным.

— Все равно хвастаешься,— заупрямилась она,— несмотря ни на что.

— Я ничего не могу поделать, если я такой хороший и удивительный,— объяснил он.— Просто я такой. Если я скажу что-то другое, то я совру.

— Ну ладно,— согласилась Сьюзи,— ты хороший и удивительный.

— Спасибо,— его клюв немного приоткрылся наподобие улыбки.— Спасибо тебе, маленькая девочка. Как тебя зовут?

— Сьюзи,— сказала она,— но я не маленькая.

— Для меня все, что меньше лошади,— маленькое,— отозвался он.— Меня зовут Герман, и я очень рад с тобой познакомиться.

— Мне уже надо идти,— сказала она ему,— иначе я опоздаю.

— О, пожалуйста, не уходи. Побудь со мной еще немножко.

— Ну, пожалуй, одну-две минутки,— решила она.— А почему ты сидишь на камне?

— Потому что я рептилия и холоднокровный. Я люблю сидеть на солнышке, потому что так мне хорошо и тепло.

— Рептилия?.. Как змея? — спросила она, отходя немного в сторону.

— Едва ли,— ответил он. Потом объяснил, фыркая: — Змеи! Грязные, маленькие, ползающие по земле — вот кто такие змеи. Я же — существо высших сфер. Я парю. Я познал необъятность неба. Я пробиваю насквозь облака и охочусь по ночам за луной...

— Но разве змеи не любят лежать на солнышке? — спросила она.

— Ну... да.

— Почему? — интересовалась она.

— Потому что они холоднокровные и хотят согреться.

— Как ты?

— Это простое совпадение,— сказал он,— они любят то же, что и птеродактили.

— Но ты сказал, что ты тоже холоднокровный — как змея.

— Но на этом сходство кончается,— ответил он.— Они ползают под камнями — и они мне не родня. Нет!

— Что означает холоднокровный? Это то же, что «жестокий»? Я слышала, людей называют хладнокровными, когда...

— Нет-нет, вовсе нет. Это физиологический термин, относящийся к существам, подобным мне — и некоторым другим,— у которых температура крови равна температуре окружающей среды. Когда доктор измеряет тебе температуру, его беспокоит, если она не такая, как должна быть. Это потому, что она всегда должна быть приблизительно одна и та же, вы ведь теплокровные. Если у тебя температура намного выше или ниже, чем обычно, ты, возможно, больна. Моя же температура постоянно меняется,— закончил он,— но больше всего я люблю, когда она повыше.

— Это очень интересно,— сказала Сьюзи.— Но сейчас мне непременно надо идти...

— Нет. Пожалуйста, не уходи,— попросил Герман.— Я хочу с кем-нибудь поговорить. Я так одинок.

— Но если я сейчас не уйду, я опоздаю. Разве ты не можешь поговорить с другими птеродактилями?

— Нет,— ответил он.— Они все сейчас далеко. Даже мои папа с мамой сейчас в отъезде.

— Папа с мамой? — спросила она.— Так ты — маленький птеродактиль?

— Я довольно большой для своего возраста,— возразил Герман, захлопнув клюв с громким щелчком.

— Но ты еще не совсем вырос?

— Ну, пожалуй, еще не совсем,— ответил он.

— Какой же тогда твой папа? — спросила она.

— Ты была на пригородной ярмарке?

— Да.

— Каталась на большой карусели? Ну вот я думаю, мой папа мог бы унести ее в когтях, если бы захотел.

— О!

— Но он не захочет. Карусели ему ни к чему.

— Боюсь все же, что я опоздаю,— сказала Сьюзи.— Правда, мне пора.

— Я могу донести тебя домой,— предложил Герман,— и ты не опоздаешь... если ты обещаешь прийти и поговорить со мной завтра.

— Не знаю, смогу ли я...— начала она.

Плечи Германа поникли, и ей показалось, что она увидела большую слезу, появившуюся в уголке его глаза.

Ей не хотелось, чтобы он расстраивался, поэтому она сказала:

— Хорошо, мы поболтаем с тобой на этом самом месте, но только завтра.

— Отлично! — обрадовался Герман, широко открывая клюв и расправляя крылья.— Отлично! Сейчас я отнесу тебя домой. Ты где живешь?

— Я живу в конце улицы в доме с голубой крышей прямо за этими деревьями,— сказала она, указывая рукой.— Это недалеко, и я могу...

Не дослушав, Герман осторожно обхватил ее когтями и, хлопнув крыльями, взмыл высоко в воздух.

Ветер засвистел в ушах у Сьюзи. Она пыталась что-то сказать, но слова уносило прочь.

Потом она поняла, что глаза ее крепко зажмурены. Она открыла их.

Оставшийся далеко внизу сад казался совсем маленьким, как маленькая зеленая картинка. Дома были словно игрушки на ковре.

— Герман! Пожалуйста, опусти меня! — закричала Сьюзи.— Мы слишком высоко!

— Вовсе нет,— ответил он.— Мы еще совсем не высоко. Я могу поднять тебя гораздо выше, если захочешь.

— Не захочу,— ответила она.— Я хочу домой! Я живу вон в том маленьком кукольном домике в конце той крошечной улицы — в том, что с голубой крышей. Ты обещал отнести меня туда.

— Хорошо,— вздохнул он.— Я просто думал, что тебе понравится первый полет. Я ошибся. Прости. Я вижу, тебе совсем не нравится...

— Не то чтобы мне не нравилось летать. Просто я могу опоздать, и тогда мама спросит, почему я опоздала, а я отвечу, что летала с птеродактилем по имени Герман, и она тогда неделю не будет давать мне карманных денег, потому что не любит, когда я вру.

— Но ты ведь не соврешь,— возразил Герман, снижаясь.

— Я это знаю,— сказала она,— и ты это знаешь, но у меня предчувствие, что лучше на этом не настаивать.

— Гмм,— промычал Герман, кружась над домом.— Мне думается, что ты права. Я совсем забыл, что мне сказала однажды мама: люди считают, что птеродактили вымерли. Вот что она сказала. Я никогда не встречался с людьми и забыл об этом. Ну хорошо, давай приземлять-ся,— сказал он.— Я высажу тебя за гаражом. В следующий раз, когда мы полетим, можешь сесть мне на спину, если захочешь. Только обещай, что будешь крепко держаться.

— Обещаю,— согласилась она, едва переводя дыхание.

— Ведь мы полетаем еще, правда? — спросил он.

И прежде чем Сьюзи успела что-то сообразить, губы ее уже сказали:

— Да.

Она подбежала к углу гаража. Потом повернулась и посмотрела на Германа. Он все еще стоял, провожая ее взглядом, и казался очень грустным. Клюв его раскрылся, словно он хотел что-то сказать. Но он закрыл его и ничего не сказал.

— До свидания, Герман,— прошептала она.

— До свидания, Сьюзи.

— До завтра,— добавила она и, повернувшись, бегом кинулась к дому.

В тот вечер после ужина, лежа на полу и глядя в потолок, она спросила отца:

— Что такое птеродактиль?

Отец посмотрел на нее поверх газеты.

— Что-что? — спросил он.

— Птеро-дак-тиль. С большими коричневыми кожаными крыльями, с клювом, как у птицы,— только летать он может выше, быстрее и дальше, чем птица.

— Птеродактиль...— повторил он.— Ах вот что. Ты о них в школе прочитала?

— Ну... возможно, когда-нибудь и прочитаю.

— Мм,— промычал он.— Птеродактиль представляет из себя — вернее, представлял — большую летающую рептилию, жившую в доисторические времена, когда водились динозавры и росли высокие папоротники и гигантские деревья. Это было в те дни, когда мир был теплым и сырым, а люди еще не появились.

— Они холоднокровные, птеродактили?

— Да, кажется, холоднокровные.

— Как змеи?

— Да, они принадлежали к одному классу вместе со змеями, черепахами, крокодилами и другими существами с такой кровью.

— Он соврал мне! — воскликнула она.

— Кто соврал?

— Герман... О!

— Твой приятель? Соврал о птеродактилях?

— Да. Он сказал... что они... вовсе не родственники со змеями.

— Знаешь, не стоит на него сердиться из-за этого. Возможно, он просто не знает точно.

— Он знает.

— Это еще неизвестно,— сказал отец, снова поднимая газету.— Я бы простил того, кто соврал мне о птеродактилях.

— Наверное, я тоже прощу. Но почему люди думают, что птеродактили вымерли?

— Потому что они вымерли,— ответил он.

— Но почему?

— Потому что они вымерли вместе с другими рептилиями, когда на Земле стало холоднее. Появились теплокровные существа, более умные и приспособленные.

— Но черепахи-то еще существуют, и крокодилы, и... змеи,— возразила она,— а они ведь холоднокровные. Ты сам сказал.

— Ну, я думаю, это потому, что они меньше и им легче отыскать укромные места, куда можно заползти и согреться, и им не нужно столько пищи, как большим рептилиям.

— Но разве птеродактили не могли улететь в теплые края, где много еды?

— Думаю, могли,— согласился он, снова принимаясь за газетку.

Через некоторое время Сьюзи спросила:

— Как ты думаешь, куда бы они полетели?

— В Южную Америку,— ответил отец.

— А куда в Южную Америку?

— В джунгли Бразилии,— сказал он.— Они все еще неисследованы.

— Значит, он как раз оттуда...— решила она.

На следующий день Сьюзи бежала всю дорогу от школы до сада, чтобы подольше поболтать с Германом. Она совершенно задыхалась, когда прибежала, и расцарапала ноги, хотя и знала тропинку сквозь колючки.

Герман сидел на том же самом камне, и было похоже, что он не шевельнулся с того самого мгновения, как она увидела его первый раз.

— Привет, Герман,— сказала она.

— Сьюзи! — Он быстро открыл оба глаза.— Ты все-таки пришла! Я знал, что ты придешь.

— Я же обещала.

— Только поэтому?

— Нет,— сказала она.— Я хотела тебя увидеть.

— Здорово. Как это здорово! — обрадовался он.— Хочешь полетать со мной?

— Не сейчас,— ответила она.— Я хочу немного поговорить с тобой.

— Хорошо,— согласился Герман.— О чем ты хочешь поговорить?

— Птеродактили жили в доисторические времена, так? Когда водились динозавры и росли гигантские папоротники и огромные деревья? Когда мир был болотистым, а люди еще не появились?

— В основном все верно. Мы называем этот период Добрыми Старыми Временами.

— А потом на земле похолодало, и стало трудно добывать еду.

— Да. Речь идет о тех временах, когда мы были аристократией, когда мы путешествовали первым классом, а все ходили пешком. Но произошла революция, и все перевернулось.

— Какая революция?

— На земле,— ответил он.— Произошли какие-то перемены, и дни стали холоднее. Большие деревья попадали, а гигантские папоротники погибли. Болота пересохли, и лед стал надвигаться на сушу.

— Как это ужасно! И что вы сделали?

— Мы улетели.

— В Южную Америку?

— Да, туда.

— В джунгли Бразилии?

— Как ты догадалась?

— Ну, просто догадалась.

— Вы, теплокровные, очень ловко умеете разгадывать всякие загадки,— признал Герман.— Да, именно так мы и поступили. Ну, теперь хочешь полетать?

— Да,— сказала Сьюзи.— Можно я теперь полечу у тебя на спине?

— Конечно. Я наклонюсь, а ты взбирайся на меня.

Герман так и сделал, и Сьюзи вскарабкалась ему на спину.

— Только держись за мою шею покрепче,— проинструктировал он ее.— Я не собираюсь потом ловить тебя в небе.

— Не беспокойся,— сказала она.— Я не свалюсь.

Он взмыл в небо, и на этот раз она не зажмуривала глаза. Она держала их открытыми и смотрела, как все под

ними становится меньше и меньше, пока они поднимаются все выше и выше.

— Как высоко мы поднялись? — спросила она.

— Еще не очень высоко,— ответил он.— Посмотрика, вон летит самолет, он выше нас. Давай догоним его!

— Хорошо. Только не повреди его.

— Не буду. Я просто хочу поиграть.

Его огромные крылья рассекали воздух справа и слева от нее, и Сьюзи почувствовала на лице сильные порывы ветра, что было приятно. На плечах у Германа перекатывались большие мышцы, и она ощущала его силу. Ей приходилось раньше кататься на лошадях, и она всегда им доверяла, потому что они сильные и уверены в себе. То же самое она почувствовала по отношению к Герману. С ним она была в безопасности. Поэтому радовалась полету, держась за его шею. Вот они поднялись на ту же высоту, что и самолет... Вот они поднялись еще выше.

Она видела, как вращаются большие пропеллеры. Самолет двигался в их направлении и вскоре должен был пролететь под ними.

И тут Герман спланировал на него.

— Герман! — закричала она.

— Я только играю,— успокоил он ее.

Они нырнули вниз, мимо самолета, и Герман едва не коснулся самого кончика длинного блестящего металлического крыла своим собственным коричневым кожистым крылом.

Когда они проносились мимо, девочка разглядывала самолет. В иллюминаторах с их стороны виднелись лица, словно бледные портреты под стеклом, все они ошеломленно смотрели на них.

Она попыталась представить, что случилось бы, если бы он коснулся самолета.

— Ты испугал меня! — укорила Сьюзи.— Я думала, мы заденем его!

— Я же сказал тебе, что хочу поиграть,— сказал Герман.

— И ты испугал всех людей в самолете.

— Не думаю,— возразил он.— Это происшествие на минутку оживило их существование. Вскоре они забудут,

что увидели на самом деле. Одни будут рассказывать о нас как о летающей тарелке, другие — как о стае гусей или о маленьком самолете, который сбился с курса и пролетел слишком близко от их трассы. Что бы они ни думали потом, они так и не поймут, кто мы такие. Значит, мы просто дали каждому из них маленькую тайну, над которой можно некоторое время поломать голову. «Что же я все-таки видел? — будут они спрашивать себя.— Разумеется, это был не птеродактиль, потому что они ведь вымерли, но даже если это и был птеродактиль, откуда у него на спине могла взяться маленькая девочка?» Так они ничего и не узнают. Всегда приятно поразмышлять над какими-то тайнами. С ними жизнь не кажется слишком простой и объяснимой. Так что я оказал им всем огромную услугу, пролетев так близко от самолета.

— Теперь, когда ты мне все объяснил,— сказала Сьюзи,— это выглядит совсем не плохо... Но сейчас можем мы вернуться обратно? Я все-таки боюсь опоздать домой.

— Хорошо. Только почему тебе так необходимо приходить домой вовремя? Что для тебя «время»?

— «Время» — это когда ты должен быть в определенном месте прежде, чем произойдут определенные вещи, а если тебя там не окажется, значит, ты опоздал и все сходят с ума. Но вот завтра пятница, последний день занятий, а потом будет суббота. В субботу я могу играть с тобой весь день, а не чуть-чуть, как сегодня. А потом будут целые летние каникулы.

— Здорово! — сказал Герман.— Давай отправимся в путешествие.

— Куда?

— Не знаю. Есть какое-то место, куда ты особенно хочешь попасть?

— Не знаю. Но у нас целое лето впереди.

— Да, правда...— ответил он, снижаясь и приземляясь за гаражом.

В субботу они устроили пикник на маленьком островке посреди большого озера. Сьюзи не знала точно, где оно находится, слышала только, что это было очень далеко.

Герман съел шесть сэндвичей с ветчиной, а потом летал над озером в поисках рыбы, потому что все еще был голоден.

Он кружился и кружился, всматриваясь в воду. Потом нырял, падая как камень. Сначала его огромный клюв вонзался в воду, словно копье. Через мгновение он выныривал из озера, мокрый и блестящий, крепко зажав в клюве рыбу. А еще через мгновение рыба исчезала в его пасти, и он снова взмывал в небо и начинал кружиться.

Через некоторое время он вернулся и опустился на пляж рядом с ней.

— Ну и много же ты съел! — удивилась девочка.

— У большого и аппетит соответствующий,— ответил он.

— Сколько же ест взрослый птеродактиль? — спросила она.

— О, очень много. На самом деле они проводят большую часть жизни в поисках еды.

— Тебе не кажется, что это несколько утомительно?

— Нет, отчего же, если ты получаешь удовольствие от еды,— ответил он.

— Не думаю, что мне понравилось бы все время разыскивать еду.

— Знаешь,— сказал он,— когда тебе что-то доставляет удовольствие, то поиски этого тоже доставляют удовольствие. Я бы сказал, что половину любой жизни занимают поиски того, что доставляет удовольствие,— и, возможно, это самая приятная половина.

— Поиски?

— Поиски.

— А что мы теперь будем делать? — спросила она.

— Давай посидим на солнышке, там так тепло и хорошо.

— Давай.

— ...Потому что самая прекрасная вещь на свете — это когда ищешь и находишь, с этим могут сравниться только новые поиски,— закончил он.

Они довольно долго сидели на солнышке, и им было тепло и хорошо. Но вот Герман зевнул, деликатно при-

крыв клюв кончиком крыла. Затем он расправил крылья и стал похож на большой развевающийся флаг.

— Еще полетаем? — спросил он.

— Непременно!

— Тогда прошу на борт,— и он склонился перед ней.

Они полетели дальше.

Герман поднимался все выше, и Сьюзи чувствовала себя ракетой, летящей на Луну, с той только разницей, что был день и она знала, что аварии не произойдет и она всегда плавно приземлится.

Они оставили позади озеро и большие холмы за ним. Потом они стали подниматься все выше и выше, пока воздух не стал холодноватым даже для субботнего полдня в начале июня.

Сьюзи посмотрела вниз.

Дорога превратилась в маленькую желтую ленточку, а деревья — в молодую, только что пробившуюся морковную ботву. Поля выглядели так, словно их размалевали зеленой краской.

Они полетели дальше, и Герман поднялся еще выше.

Сьюзи видела реки, похожие на серебряные ниточки, и переброшенные через них мосты, напоминающие крошечные роликовые коньки на кукольную ногу. Разноцветные крыши домов походили на ряды камушков, которые выкладывают на пляже.

По мере того как они поднимались выше, все чаще мимо проносились маленькие белые хлопья, похожие на клубы дыма.

— Что это? — спросила она.

Герман повернул голову.

— Клочки облаков,— ответил он.— А вот и целое облако прямо над нами.

Она посмотрела вверх.

— Но оно точь-в-точь как туман,— возразила она.

— Разумеется. Облака и есть туман, поднявшийся в небо.

— А мне казалось, что они похожи на подушки или сахарную вату.

— Они так выглядят, если смотреть снизу,— согласился он,— но на самом деле это туман, который не хочет стоять на месте.

Герман изменил курс и полетел через облако.

Это было все равно что идти в школу пасмурным утром: надеваешь резиновые сапоги и бредешь, не видя телеграфных столбов и другой стороны улицы.

— Как ты определяешь, куда лететь? — спросила она.

— Да просто знаю, и все,— ответил он.

— Как радар?

— Да, как радар,— подтвердил он.— Ну вот мы и выбрались!

Внезапно опять засияло солнце, а облако оказалось под ними.

Они летели над городами, горами и долинами. Они летели над болотами, лесами и озерами.

Наконец они добрались до того места, где люди запускали в небо воющие ракеты с огненными хвостами. Ракеты сотрясали атмосферу, как землетрясение сотрясает землю, а потом устремлялись туда, где уже не было воздуха.

— Ракеты летают выше птеродактилей? — спросила Сьюзи.

— Птеродактилям нет нужды летать так высоко,— ответил Герман.

— Они летают быстрее?

— Птеродактили не хотят летать так быстро.

— Значит, ракеты летают лучше.

— Но они не могут ловить рыбу,— сказал Герман.— У них нет собственных желаний. Они не могут получать удовольствия от сидения на солнышке.

— Разве это так важно, если ты можешь летать выше и быстрее?

— Да,— ответил Герман.

И они полетели дальше, пока не оказались над океаном.

— Что это за вода? — спросила Сьюзи.

— Это океан,— сказал Герман.— Воды на земле больше, чем суши. Рано или поздно она скроет под собой все,

останутся только большие голубые, перекатывающиеся под солнцем волны.

— Полетели назад,— попросила она.— Мне страшно.

Герман развернулся и направился в обратный путь.

Они летали почти каждый день. Сьюзин папа однажды вечером заметил необычные следы за гаражом, но, поскольку он не спросил ее, она не стала объяснять, что это следы птеродактиля. После этого, правда, Герман стал высаживать ее в саду, откуда она шла домой пешком.

Почему Герман живет в саду? Сьюзи подолгу размышляла об этом. Однажды в середине июля, после двух месяцев знакомства, почувствовав, что может задать ему очень личный вопрос, она спросила:

— Герман, почему ты не можешь поиграть с другими птеродактилями?

— Я же сказал тебе, что они очень далеко,— ответил он.

— Да. Но если это так, почему ты здесь?

— Что ты хочешь сказать, «если это так»? Ты думаешь, я тебе соврал?

— Ну, ты ведь заливал насчет того, что не имеешь ничего общего со змеями.

— Ах это. Ну, они такие дальние родственники, что мы их не принимаем во внимание.

— Но все же родственники. Мой папа так говорит.

— Ты рассказала ему обо мне?

— Нет, нет,— поспешно сказала она.— Я храню твою тайну. Но однажды вечером я расспросила его о птеродактилях, и он сказал, что они родственны змеям, так же как черепахи и крокодилы.

— Черепах и крокодилов мы тоже почти не считаем родственниками.

— Не очень-то это здорово. На самом деле так поступают задаваки.

— Хорошо? Значит я врун, я задавака? Не верь мне больше!

— Я не это хотела сказать. Правда, не хотела. Не обижайся, Герман. Я просто все время удивляюсь, где твои

папа с мамой и другие птеродактили — и почему они улетели, а тебя оставили здесь совсем одного.

— Я говорил тебе, что они далеко.

— В Южной Америке?

— Может быть.

— В джунглях Бразилии?

— Возможно. Может быть, это я улетел из дома. Может быть, это я оставил их. Что это меняет? Нам ведь весело вместе, правда?

— Да.

— Тогда какая разница?

— Ну, не знаю. Мне просто было интересно.

— Это касается только птеродактилей, а к людям не имеет никакого отношения,— сказал он.— Ты все равно не поймешь.

— А много вас там?

— Давай поговорим о чем-нибудь другом или полетаем.

— Ладно, давай полетаем.

Так они и сделали.

Они пролетали над такими удивительными местами — верфями и гаванями, университетскими городками и железными дорогами, луна-парками и фермами, где люди трудились на полях,— что она совсем забыла о своих вопросах.

Они пролетали над кораблями в океане и мимо самолетов в небе. Они догоняли грузовые поезда, мчащиеся по холмам и равнинам. Они пролетали над церквями и водохранилищами, а однажды промчались над лагерем бойскаутов у подножия холма, причем ни один из юных знатоков природы не смог определить, что за птица был Герман.

Иногда Сьюзи брала в сад книжки и читала Герману сказки. Он любил слушать о принцах, которых превратили в лягушек, но больше всего ему нравилась сказка про русалочку. Он заставил ее прочитать эту сказку три раза.

— Но она такая грустная,— сказала Сьюзи.

— Знаю, но я люблю грустные вещи,— ответил он ей.

— Ты заколдован? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, ты действительно принц, которого превратили в птеродактиля, или что-то в этом роде?

— Нет,— возразил он.— Я птеродактиль. Только и всего.

— Конечно, если ты заколдован, то не можешь сказать мне об этом. Это же часть волшебства.

— Да, наверное. Но я не заколдован,— сказал он.— Я птеродактиль, самый обычный и незатейливый.

— Но ты ведь волшебник?

— В какой-то степени,— согласился он.— В том смысле, что, когда солнце дает тебе тепло и покой — это волшебство, и когда ветер обдувает тебя и ты можешь расправить крылья и парить — это тоже волшебство, и высоко летать, все видеть, пронизывать облака и узнавать, что это просто путешествующий туман,— тоже волшебство. Только и всего. Волшебство, доступное каждому, возможно, даже змеям: видеть мир по-своему. Я его вижу как птеродактиль.

— И это настоящее волшебство?

— Это единственное волшебство.

— А каково мое волшебство?

— Не могу тебе сказать. Ты сама должна ему научиться. Каждому приходится искать свое собственное.

— Когда же я этому научусь?

— Не знаю. Знаю только, что обязательно научишься.

— Может, полетаем немного, Герман?

— Сначала прочитай мне еще одну сказку,— попросил он.

Вскоре наступил август.

Все в саду выросло в полный рост. Заросли ежевики стояли стеной, а ее некогда зеленые колючки затвердели, стали острыми как иголки и побурели.

На яблонях созрели яблоки, и Сьюзи ела их, сидя на солнышке с Германом. Ему самому фрукты не нравились.

По мере того как бежали августовские денечки, она все чаще стала задумываться. Задумываться о том, как случилось, что птеродактиль стал жить в этом саду совсем один. Почему он здесь, почему один?

Однако она больше не задавала ему вопросов, потому что знала, что он не ответит. Сьюзи просто продолжала над этим думать. Она вспомнила, как он сказал однажды: «Вы, теплокровные, очень ловко умеете разгадывать всякие загадки». Может быть, он хотел, чтобы она догадалась сама.

Нет, это совсем не так. Он просто хочет, чтобы она забыла о своих вопросах. «Это касается только птеродактилей»,— сказал он тогда.

Поэтому она оставила все как есть и продолжала читать ему вслух и летать с ним.

Приближался конец августа, а значит, скоро пора будет возвращаться в школу. Это немного печалило ее, она знала, что будет скучать по длинным летним денькам, проведенным с Германом. Знала она и то, что никогда уже больше у нее не будет такого лета. И ей становилось очень грустно.

Ночи становились холодными, как это иногда бывает в августе — словно год заранее содрогается при мысли о предстоящей зиме.

Все это пугало Сьюзи, как испугал океан, когда она посмотрела вниз через плечо Германа и увидела внизу что-то огромное, синее, колышущееся, бесконечное. Неужели вся эта ежевика, шиповник и яблони когда-нибудь станут океаном, сверкающим под солнцем, как сказал ей когда-то Герман? Это было удивительно. Неужели и все это лето станет океаном? Нет, решила она. Оно будет жить воспоминанием у нее в голове.

Но ночи все же становились слишком холодными, даже для августа. Каждое утро она замечала, что Герману все труднее проснуться и начать двигаться. И он все дольше сидел на солнышке.

Она вспомнила, что он холоднокровный, а это означало, что температура его крови была равна температуре воздуха. Значит, ночью он должен очень мерзнуть, подумала она. Что же он будет делать, когда придет зима?

И вот на последней неделе каникул Герман спросил ее:

— Полетишь со мной сегодня ночью?

— Ночью?

— Да, когда стемнеет.

— Ой, не знаю... Я боюсь. Наверное, мне нельзя.

— Это очень важно,— сказал он.— Я очень тебя прошу. Захвати свитер, потому что будет холодно. Пожалуйста, приходи.

— Хорошо...— согласилась Сьюзи.

В ту ночь она лежала в кровати без сна, пока дом не затих и не погрузился во тьму. Тогда она встала, оделась как можно тише и вышла из дома. Герман знал, что ей страшно идти к саду в темноте, и ждал ее за гаражом.

Она взобралась ему на спину и спросила:

— Куда мы полетим?

— Это наш последний полет,— сказал он и, хлопнув крыльями, стал подниматься все выше и выше.

— Последний полет? — удивилась Сьюзи.

— Да.

Они улетели далеко. Она даже не могла себе представить, как далеко. Но прежде она никогда не летала ночью. Небо было подобно черному шелку с рассыпанными по нему капельками воды. Снизу, с земли, она никогда не видела таких ярких звезд.

Сьюзи посмотрела вниз и поняла, что она еще ни разу не поднималась так высоко. Города внизу были словно звезды над ними — маленькие пятнышки света, окруженные сплошной чернотой.

Сьюзи крепче обхватила Германа и опять посмотрела вверх.

— Я вижу звезды,— сказала она ему,— они красивые.— Она глубоко вздохнула.— А воздух так чист и хорош.

— Да,— ответил он, быстрее работая крыльями.

— А город внизу — о, город внизу! — он тоже такой красивый, Герман.

— О городах я ничего не могу сказать,— сказал он.

— Да, да. Он очень красивый.

— Люди строят города,— объяснил Герман,— а птеродактили — нет. Поэтому я поверю тебе на слово. А раньше ты не замечала, что он красивый?

— Нет,— ответила она.

— Тогда, я думаю, ты начинаешь обретать свое волшебство.

— Правда?

— Да, и я за тебя рад.

— Ты сказал, что это наш последний полет?

— Да, это так.

— Почему?

— Впитывай в себя ночь,— сказал он.— Дыши глубже. Смотри на мир под тобой, мерцающий в темноте. Это твой мир, теплокровная Сьюзи, а не мой.

— Что ты хочешь сказать?

— Только то, что ты должна смотреть и наслаждаться. Понимание придет позже.

Они летели все дальше, дальше и дальше.

Потом он развернулся и направился туда, откуда они прилетели.

Обратный путь занял много времени, и Сьюзи потянуло ко сну, несмотря на холод и возбуждение от полета. Она поняла, что было поздно, очень поздно, и уже давно пора было спать.

И вот они уже кружат над ее двором, все ниже и ниже, и наконец мягко приземлились за гаражом.

Взошла луна, большая и круглая, кремового цвета.

Сьюзи слезла со спины Германа и встала перед ним.

— А теперь скажи мне,— спросила она,— что ты имел в виду, когда говорил «последний полет»?

— Я должен лететь,— ответил он,— сейчас. Я думал, что смогу остаться подольше, но погода слишком быстро становится холодной. Я не выношу холода. Я должен лететь на юг, как птицы.

— В Южную Америку?

— Возможно.

— Ну почему «возможно»? Почему это такая большая тайна? Почему ты не расскажешь мне, куда ты направляешься и где живут другие птеродактили?

— Да это не имеет значения,— сказал он,— честно. До свиданья, Сьюзи. Уже пора.

— Не улетай, Герман! Я буду скучать по тебе!

— И я буду скучать по тебе, Сьюзи. Но я должен лететь.

— Ты вернешься будущим летом?

Он расправил крылья.

— Ну конечно, вернусь. До свиданья.

И тут все, над чем она размышляла, все загадки, которые она пыталась разгадать этим долгим летом,— все стало ясно.

И она выкрикнула, не раздумывая. Если бы у нее было время подумать, возможно, она не стала бы этого говорить. А может, и стала бы.

— Ты последний, да, Герман? Ты самый последний птеродактиль на всем белом свете? — спросила она.— Да?

Вместо ответа он взмыл в воздух, взмахнув огромными крыльями. В следующее мгновение он был уже выше деревьев.

— Да? — кричала она.— Ведь это так? Ты самый последний!

Он кружился высоко над двором, и соленая капля, как капля дождя, упала ей на щеку.

Потом крылья подняли сильный ветер, и он поднялся так высоко, что стал казаться не больше птицы.

— Я люблю тебя, Герман! — кричала она.— Правда-правда, люблю! Пожалуйста, возвращайся! Прилетай на следующее лето!

Потом он стал таким маленьким, что его едва можно было разглядеть. А потом и вовсе исчез.

Она еще долго смотрела в небо, чувствуя себя маленькой, слабой и несчастной. Что-то большое и сильное, что могло летать выше, быстрее и дальше птиц и, в сущности, было совершенно ужасным — со своим огромным клювом и когтями,— улетело далеко-далеко.

И она чувствовала, что это навсегда и что она уже никогда не увидит Германа. Она все смотрела, пока не заметила, что совсем продрогла и хочет спать.

Сьюзи тихо вошла в дом и прокралась к своей кровати. В ту же ночь ей приснилось, что она наконец нашла свое волшебство. Утром она расплакалась.

Здесь водятся драконы

Давным-давно жил один король, который правил очень маленьким королевством. Королевство на самом деле было маленьким, и большинство людей в окрестных землях даже не подозревали о его существовании. Дело в том, что страну окружали непроходимые горы. Поэтому путешественники обходили их кругом, вместо того чтобы напрямик пересекать королевство. Сам же король полагал, что его владения достаточно обширные и не хуже, чем у других королей. Одним словом, королевство как королевство.

В этом королевстве почти не было людей, которые покидали бы его пределы, а потом возвращались и рассказывали о других землях. Люди просто боялись путешествовать. Они боялись драконов.

При этом, заметьте себе, они никогда драконов не видели, но все равно очень боялись их.

А произошло это оттого, что на всех картах, существовавших в королевстве, было показано, что оно со всех сторон окружено драконами — драконы здесь, драконы там, драконы повсюду. Словом, вокруг одни драконы. И все это из-за мистера Гибберлинга.

Кто такой мистер Гибберлинг? О, мистер Гибберлинг был королевским картографом. (Это означает, что он был единственным человеком в королевстве, кто имел право изготавливать географические карты.)

Мистер Гибберлинг стал королевским картографом потому, что и его отец и его дед были также королевскими картографами.

Мистер Гибберлинг научился своему ремеслу от отца, а тот в свою очередь научился ему от своего отца.

Поскольку королевство редко кто-нибудь посещал, а королевские подданные не часто перебирались через горы, королевскому картографу было сложно точно узнать, что и где находится на окружающих королевство землях. Поэтому, как научил его отец (которого научил этому его отец), если он не знал, что находится в каком-то конкретном месте за пределами королевства, мистер Гиббер-линг брал перо и причудливыми буквами размашистым росчерком писал:

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ДРАКОНЫ

После этого он, довольно улыбаясь, потирал руки, потому что ему удалось описать еще одну неизведанную территорию.

Разумеется, поскольку он не знал, что лежит за пределами королевства, вскоре оказалось, что во всех направлениях мир населен драконами. (А еще он пририсовывал под всеми надписями маленькие изображения огнедышащих существ, рычащих и хлопающих крыльями, что, конечно, не способствовало развитию туризма.)

Вот почему все так боялись драконов, которых никто никогда не видел. Не веришь?

Но я думаю, что, если твой папа поедет на заправочную станцию и попросит дорожную карту, где будет написано «Здесь водятся драконы» и рядом нарисована маленькая картинка вроде тех, что рисовал мистер Гиббер-линг, твой папа обязательно выберет другой маршрут.

Итак, поскольку все карты в королевстве показывали кругом одних драконов, извергающих пламя и очень страшных, люди в королевстве сидели дома. Безопасных дорог из королевства не было.

Но вот однажды, готовясь ко дню рождения принцессы, королевской дочери, король задумал устроить необыкновенный праздник.

— Я хочу, чтобы на празднике был фейерверк,— сказал он.

— Хорошая мысль, сир,— сказал первый советник.

— Да, в самом деле, сир, очень хорошая мысль,— сказал второй советник.

— О да, ваше величество. Очень, очень хорошая мысль,— поддержал третий советник.

— Хм, а как мы его устроим, сир? — спросил четвертый советник, которого не очень любили при дворе (однако его вдовая тетушка была хорошей приятельницей королевы, поэтому король держал его при себе, несмотря на его привычку задавать неудобные вопросы).— Человек, который изготавливал фейерверки, умер лет десять назад,— объяснил он,— и никому секреты своего ремесла не передал. Поэтому последнее время представлений с фейерверками не устраивалось.

— Тем не менее его надо устроить,— заявил король,— потому что я так хочу.

— Да,— сказал первый советник.

— Надо устроить, и все тут,— согласился второй.

— Потому что так хочет король,— сказал третий.

— Но как? — спросил четвертый.

— Ну... мы можем... ах да — привезти все необходимое из-за границы,— сказал первый.

— Да, из-за границы,— согласился второй.

— Вот-вот, из-за границы, да,— подтвердил третий.

— Откуда? — спросил четвертый.

— Ну, э-э... мы можем привезти фейерверк из... хмм...

— Да, мы можем ввезти его из Хмм,— согласился второй.

— Я только хмыкнул, а не назвал страну,— возразил первый.

— О, простите. Я подумал, что вы имеете в виду город Лмм на реке Мм. Но теперь я и сам понимаю, что это слишком далеко.

— Почему бы нам не посмотреть по карте? — спросил третий.

— Прекрасная мысль,— согласился второй.— Возьмем карту и посмотрим.

Так они и поступили.

Они склонились над картой и стали ее изучать.

— На востоке драконы,— сказал первый.

— ...И на западе драконы,— сказал второй.

— ...И на севере драконы,— сказал третий.

— ...И на юге драконы,— сказал четвертый.— Похоже, они обложили нас со всех сторон. На этой карте только и есть наше королевство да драконы. Значит, мы не можем ввезти фейерверк из-за границы.

— Что ж, ничего не поделаешь...— вздохнул первый.

— Однако король этого хочет! — возразил второй.

— Но где же мы достанем все необходимое? — спросил третий.

И тут у первого советника возникла идея:

— Что такое дракон, в конце концов?

— О, он такой большой! — развел руками второй.

— ...И опасный,— продолжил третий.

— ...И ужасный, и чешуйчатый, и могучий, и огнедышащий,— закончил четвертый.— На карте даже картинка есть, много картинок.

— Вот-вот — сказал первый,— для нас главное, что драконы извергают пламя, как римские свечи, вулкан Везувий, пушки-хлопушки, огненные колеса, голубые ангелы, нормандские огни, не правда ли?

— По крайней мере, так о них рассказывают,— подтвердил второй.

— Да, действительно,— согласился третий.

— Когда хоть кто-нибудь из вас последний раз видел дракона? — спросил четвертый.

— Ну...— протянул первый.

— Хм...— задумался второй.

— Ээ...— промычал третий.

— Мне просто интересно,— сказал четвертый.— Я-то сам ни одного не видел.

— Ну и что? Это ничего не доказывает,— пожал плечами первый.

— А теперь послушайте: если мы не можем ввезти фейерверк, почему бы нам не раздобыть дракона для той же самой цели? Пламя, разноцветные огни и тому подобное?

— Сногсшибательная идея! — обрадовался второй.— Достать дракона.

— Поздравляю! — сказал третий.— Блестящая мысль. Драконов, судя по карте, повсюду полно, а фейерверки в дефиците.

— Да,— усмехнулся четвертый.— Очень бы мне хотелось посмотреть, как вы раздобудете дракона.

— Я немедленно доложу это предложение королю,— сообщил первый советник.

— О да, конечно,— воскликнул король.— Это будет очень оригинально — дракон на дне рождения принцессы! Почему я об этом не подумал?

— Для этого у вас существуют советники,— сказал первый советник.

— Немедленно пошлите за драконом,— приказал король,— и чтобы он был средних размеров и извергал разноцветное пламя.

— Слушаюсь, сир,— сказал первый советник.— Пошлите за драконом,— приказал он второму.

— Пошлите за драконом,— приказал второй советник третьему.

— Пошлите за драконом,— велел третий советник четвертому.

— Кого и куда я пошлю? — спросил четвертый.

— Это ваши проблемы,— пожал плечами третий.— Я только передаю приказ.

— Но мне-то некому его передать,— с досадой сказал четвертый.

— Тогда исполняйте сами,— ухмыльнулся третий.

— Но это невозможно! — воскликнул четвертый, которого вообще-то звали Уильям.

— Это приказ короля,— рассердился третий.— Его нужно выполнять, а не обсуждать.

— Хорошо,— сказал Уильям, вздыхая.— Попробую. Но все-таки это невозможно.

— Это приказ короля. Ступайте и достаньте дракона.

Когда четвертый советник ушел искать дракона средних размеров, изрыгающего разноцветное пламя, первый, второй и вместе с ними третий советник долго смеялись.

— Так,— задумался Уильям,— кого бы мне послать за драконом? Рыцаря! Ну конечно же! Пошлю рыцаря. Для них раз плюнуть совершить подвиг или просто смелый и мужественный поступок.

Он направился по улице к ближайшему трактиру, где рыцари проводили все свое время за обильной едой и кружкой доброго эля. Уильям вошел в трактир и поискал глазами капитана Королевской гвардии.

Капитан сидел за ближайшим столом. Перед ним стояло огромное блюдо с ростбифом и кружка эля.

Это был толстый человек с красным лицом и бородавкой на носу слева. Пока Уильям говорил с ним, он не отрывался от еды.

— Капитан,— сказал Уильям,— мне нужен храбрый и мужественный рыцарь, а может, даже двое или трое, для выполнения важного и опасного государственного дела.

— Все мои рыцари храбрые и мужественные,— огрызнулся капитан, не поднимая глаз от блюда.

— Видите ли, королю нужен дракон,— сказал Уильям,— средних размеров, изрыгающий разноцветные огни. Не порекомендуете ли мне кого-нибудь, чтобы доставить дракона ко двору?

Капитан отхлебнул из кружки и поднял глаза.

— Дракон? — спросил он.— Вы хотите, чтобы я послал одного из моих рыцарей за драконом?

— Совершенно верно. Одного, двух, или трех, или сколько потребуется.

Капитан почесал в затылке.

— Ну, не знаю,— произнес он наконец.— Что касается драконов, то у большинства моих людей давно не было практики и они потеряли навыки...

В трактире стало очень тихо. При упоминании слова «дракон» стук тарелок, кружек и стаканчиков для игры в кости прекратился. Умолк смех, утих скрип столов и стульев. Уильям почувствовал, что все смотрят на него.

— Вы хотите сказать, что ваши люди боятся отправиться за драконом? — спросил он.

— Боятся! — фыркнул капитан в усы, которые были просто огромными и от фырканья разлетелись чуть ли не до ушей.— Мои люди боятся драконов? Ну вот еще! Эй, кто-нибудь из вас, парни, боится драконов? — громко крикнул он.

— Н-нет,— послышалось несколько негромких голосов.— Конечно, мы давно не практиковались в убийстве драконов, но...

— Да нет, убивать их не надо, просто нужно поймать одного и...

«Впрочем, по-видимому, так я ничего не добьюсь. Лучше крикнуть добровольцев»,— подумал Уильям.

— Эй, ребята, кто хочет поймать дракона ко дню рождения принцессы и доставить его сюда живым и невредимым?

Ответа не последовало.

— Ну же, давайте! — крикнул Уильям, вспрыгивая на стол.— Я уверен, что среди вас найдутся храбрые парни, которые захотят сделать это, чтобы день рождения принцессы стал по-настоящему замечательным событием. Ну, кто первый?

По-прежнему никакого ответа.

— Вы трусы,— сказал Уильям.

— Это не так! — закричал капитан.— Прошу вас учесть некоторые обстоятельства. Все эти люди бесстрашны и в прошлом совершили много великих подвигов, иначе сегодня они не были бы рыцарями. Они просто, как я уже говорил, давно не практиковались в охоте на драконов. А слово «страх» им неведомо.

— Несомненно,— кивнул Уильям,— впрочем, как и много других слов.— Вот вы,— обратился он к одному из рыцарей.— Каков был ваш последний подвиг?

Рыцарь посмотрел на капитана, потом на Уильяма. Наконец он сказал:

— Однажды я спас пуделя принцессы от огромной и свирепой крысы, сэр, и за это король прямо там, на месте, посвятил меня в рыцари.

— Ясно,— сказал Уильям.— А вы? — спросил он другого рыцаря.— Каков был ваш подвиг?

— Когда однажды у короля внезапно разыгралась подагра, я сопровождал королеву на бал. За это он пожаловал меня в рыцари.

— Понятно,— сказал Уильям.— Ну, а вы? — спросил он еще одного.— Вы когда-нибудь имели дело с драконом?

— Нет, сэр,— ответил рыцарь,— но я поймал мальчишку, который воровал цветы в королевском саду, и за это король посвятил меня в рыцари.

— Маленького мальчика? — спросил Уильям.

— Он был довольно крупным для своего возраста,— возразил рыцарь.

— Это был мой племянник Луи,— уточнил Уильям.— Я припоминаю этот случай. Он всегда был маловат для своего возраста. Ну а кто-нибудь из вас видел дракона? — крикнул он.

Ответа не последовало.

— А вы, капитан? — спросил Уильям.

Капитан опустил глаза и потянулся к кружке.

— Я не должен отвечать, потому что это не ваше дело,— ответил он.

— Значит, здесь никто ничего не знает о драконах и не хочет мне помочь?

Никакого ответа.

— Ну, если так, то все вы трусы, и я сам пойду и поймаю дракона.

Уильям повернулся и вышел из трактира.

В тот же день он вывел из конюшни своего коня, облачился в доспехи, взял меч, щит и поскакал по направлению к горам. Единственным человеком, который всплакнул о нем, была его вдовая тетушка, подруга королевы. Она помахала розовым платочком из окна самой высокой башни дворца, и он тоже в ответ один раз махнул ей рукой, а потом уже не оборачивался. Три дня он пробирался через горы, не встречая ни одного дракона. На четвертый день он выехал в долину. Эта долина была отмечена на карте, которую он захватил с собой, а чуть подальше виднелась надпись:

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ДРАКОНЫ

Уильям слез с коня и огляделся. Он долго смотрел по сторонам, но никаких драконов не было видно. Он присел на камень. Через некоторое время Уильям почувствовал, что на него кто-то смотрит.

Он медленно повернул голову.

Из-под куста на него смотрела маленькая ящерица.

— Привет,— сказал Уильям.— Ты не знаешь, есть тут поблизости драконы?

Ящерица продолжала молча смотреть на него. Один раз она лениво моргнула.

— Я вот думаю, а может, ты детеныш дракона? — сказал Уильям.— Пожалуй, я тебя поймаю для тренировки.

Он протянул руки к ящерице.

Ящерица метнулась в сторону.

Тогда, тщательно прицелившись, Уильям бросил в нее свой щит.

Щит вогнутой стороной упал на ящерицу, и она оказалась в ловушке.

Уильям просунул руку и схватил ящерицу. Потом поднял щит.

Маленькая ящерица была вся серебристая, как металл.

— Минуту назад ты была зеленая,— удивился он.

— Это потому, что я сидела под зеленым кустом,— сказала ящерица.

— Ты можешь разговаривать! — воскликнул Уильям.

— Да. Мы, ящерицы, бываем разные,— ответило существо.— Я, например, образованная ящерица. А теперь, если вам не трудно, отпустите меня.

— Ну уж нет,— покачал головой Уильям.— Ты — самое похожее на дракона существо из всех, что мне до сих пор попадались, и я не отпущу тебя, пока не найду что-нибудь получше.

— Это не очень разумно,— сказала ящерица.— А если я на самом деле детеныш дракона и мои родители меня разыскивают?

— Тогда, пожалуй, мне придется и их взять с собой,— вздохнул Уильям.

— Что? — удивилась ящерица.— Ты не похож на юного рыцаря, который стремится прославить свое имя. Зачем тебе нужен дракон?

— Мне-то самому дракон не нужен,— ответил Уильям.— Он нужен моему королю, а я только выполняю приказ.

— А ему он зачем?

— Он хочет устроить представление с фейерверком в день рождения дочери,— объяснил Уильям.

— Странно,— сказала ящерица.

— Я говорил то же самое и повторяю до сих пор,— вздохнул Уильям.— Но меня никто не хочет слушать, и мне приходится делать то, что приказывают, если я хочу остаться на королевской службе, которая в остальном вовсе необременительна.

— Что же, я очень рад, что хоть у кого-то остался здравый смысл,— сказал зверек.— Кстати, меня зовут Белл. Возможно, я смогу тебе помочь.

— Каким образом?

— Перестань так крепко сжимать мои нежные бока и положи меня на камень. Тогда, возможно, я тебе скажу нечто разумное.

— А если ты убежишь?

— Поверь мне на слово. Иначе я ничего не скажу, как бы крепко ты меня ни сжимал.

— Извини,— сказал Уильям.— Я не хотел сделать тебе больно.

— Так-то лучше,— сказал Белл после того, как Уильям опустил его вниз.— Как тебя зовут?

— Уильям.

— Прекрасное имя. Ну, слушай, вот что ты должен сделать...

— Ты стал серым! — воскликнул Уильям.— Как камень!

— Да, в моих жилах течет кровь хамелеона, кровь моих предков по материнской линии. Ну а теперь о наших драконьих делах: мне очень хочется увидеть твоего короля, его двор и ваше королевство. Мне также очень хочется узнать, почему ты забрел в поисках драконов в эту долину?

— А у меня есть карта,— сказал Уильям.— Видишь? «Здесь водятся драконы» — вот что написано про эту долину.

— И кто же составил эту карту?

— Королевский картограф мистер Гибберлинг,— сказал Уильям.

— Ага! Гибберлингова карта! — воскликнул Белл.— Настоящая! Вот что я тебе скажу. Если ты отнесешь меня ко двору и устроишь мне встречу с мистером Гибберлингом, я обещаю тебе настоящего живого дракона по первому требованию.

— Каким образом? — поинтересовался Уильям.

— Это уж мое дело,— уклонился от прямого ответа Белл.— Я делаю тебе предложение. Хочешь — принимай его, не хочешь — не надо.

— А ты уверен, что у тебя получится?

— Да,— ответил Белл.

— Очень хорошо,— сказал Уильям.— Итак, ты мне дракона, когда я попрошу, а я тебе — встречу с мистером Гибберлингом.

— Договорились,— сказал Белл, вспрыгнул в седельную сумку и... сделался коричневым.— Поехали.

Уильям сел на коня, и они поскакали.

День рождения принцессы обещал стать незабываемым праздником. Огромный зал дворца, в котором давались торжественные обеды, дрожал от музыки и танцев. Вино лилось рекой, столы ломились от яств. На огромных подносах лежали целые жареные поросята с яблоками во рту, цыплята в тесте и огромные ростбифы. Собралась вся королевская знать. Дамы были одеты в красное, желтое, голубое, оранжевое, зеленое и фиолетовое. А еще был огромный именинный пирог размером с полтора слона, а на нем — десять свечей, потому что именно столько лет исполнилось принцессе, и чудесные подарки. Словом, здесь было все, что человек может пожелать на день рождения. Кроме одного — фейерверка. Или хотя бы огнедышащего дракона.

— Думаете, он действительно добудет дракона? — спросил первый советник.

— Конечно, нет,— ответил второй.— Ну где же он его достанет? А если даже и достанет, то где он будет его держать?

Капитан Королевской гвардии захохотал.

— Вы, кажется, собирались в одиночку на поиски дракона, а? — сказал он.— И где же он?

Уильям ничего не ответил. Вместо этого он постучал ложечкой по краю бокала, пока в зале не стало тихо. Затем прокашлялся. Было заметно, что он нервничает.

— Э... пришло время для фейерверка,— объявил он всем собравшимся,— в честь десятого дня рождения ее высочества. С днем рождения, принцесса. Это будет незабываемое и весьма необычное представление.

Король засмеялся и захлопал в ладоши.

— Да, да! — закричал он.— Приведи его, Уильям! Приведи его! И чтобы средних размеров и с цветным пламенем, не забудь!

— Слушаюсь, ваше величество,— сказал Уильям, доставая из-под стола маленький сверточек и ставя его на стол перед королем.— Он здесь.

— Однако это очень маленький сверточек,— удивился король.

— Да уж,— подтвердил первый советник.

— Действительно,— согласился второй.

— Очень уж маленький,— сказал третий.

Король развернул сверток. Оттуда выскочил Белл и встал между блюдами.

Три советника рассмеялись. Рыцари захохотали. Они хохотали так сильно, что слезы брызнули из глаз.

— Вот это и есть дракон средних размеров с цветным пламенем? — спрашивали они.— Ха! Ха! Ха! Ха! Ха!

И они смеялись, смеялись и смеялись, пока Белл не встал на свои крошечные задние лапки, не повернулся к Уильяму и спросил:

— Начинать?

— Начинай,— сказал тот.

И тут что-то произошло.

Сначала Белл был цвета дубового стола, но потом вдруг приобрел темный, красно-зеленый цвет и сделался немного больше, чем был. Он открыл рот, и оттуда вылетел маленький язычок пламени. Затем он стал больше свертка, из которого выскочил. Теперь он был в два раза больше, чем минуту назад. Он снова открыл рот, и король отпрыгнул назад от вырвавшегося пламени.

Затем Белл стал ростом с человека, и блюда начали со звоном падать на пол, потому что на столе для них не оставалось места.

А он все рос.

Он рос и рос, пока стол под ним не переломился пополам.

Он продолжал расти, пока не заполнил половину огромного зала. Он открыл пасть и заревел. Пламя вырвалось из окон дворца и осветило двор. Гобелены обуглились. Женщины завизжали и попятились к стенам. Семеро рыцарей упали в обморок, а капитан Королевской гвардии спрятался за троном.

Уильям почувствовал, как что-то топчется по его ногам, и заглянул под то, что осталось от стола. Три первых советника, дрожа, беспорядочно ползали там на четвереньках.

— Ну? — спросил он их.

— Да, это очень хороший дракон,— ответил первый.

— Только он не средних размеров,— сказал с укором второй.

— Нет, это довольно крупный, можно сказать, промышленных размеров дракон,— пробормотал третий.

— Это лучшее, что я смог отыскать за такой короткий срок,— ответил Уильям, улыбаясь.

Король заслонил собой принцессу и встал перед драконом.

— По мне, ты немного великоват,— сказал он.— Пожалуйста, будь поосторожнее с огнем. Здесь дорогие гобелены, и люди, и всякие другие вещи кругом...

Дракон расхохотался. Его никто не поддержал.

— Я — Белкис,— прорычал он,— король драконов! Ты же — всего-навсего человеческий король, поэтому ты не можешь мне приказывать.

— Но я суверенный властелин могучего королевства,— возразил король,— и мое слово — закон. А когда я приказываю, мне всегда подчиняются. Поэтому, пожалуйста, перестань палить гобелены, людей и всякие прочие вещи.

Белкис снова расхохотался, и пламя заплясало под потолком.

— Никто не может приказать Белкису, что ему делать, а чего не делать. Я здесь ради одной-единственной цели. Я хочу познакомиться с твоим королевским картографом, мистером Гибберлингом. Приведи его!

Король попятился.

— Вон он, мистер Гибберлинг.Видишь старика с белой бородой, сидящего у дальнего конца стола, который ты сломал? — сказал он.— Того, что все еще держит в руке бокал.

— Ага! Вот мы и встретились, мистер Гибберлинг! — проворчал Белкис.

Мистер Гибберлинг медленно приподнялся со стула.

— Э-э... я не совсем понимаю...— начал он.

— Так это ты создаешь дурную славу драконам? — загремел Белкис.

— Ч-что вы имеете в виду? — спросил мистер Гибберлинг.

— Твои карты! Твои глупые, противные маленькие карты! — прорычал Белкис, опаляя кончик бороды мистера Гибберлинга.— Здесь водятся драконы! Это же абсурд! Пустая сплетня! Порождение недалекого ума!

— Да! Да! — согласился мистер Гибберлинг, пытаясь затушить вином из бокала свою тлеющую бороду.— Вы совершенно правы! Я всегда чувствовал, что мой ум очень недалек!

— Я хочу, чтобы ты усвоил: последние несколько тысяч лет мы, драконы, предпринимаем огромные усилия, чтобы не попадаться на глаза людям,— сказал Белкис.— Мы пошли даже на то, чтобы принять иные формы — такие, как, например, маленькая ящерица Белл, которую вы видели несколько ранее. Мы не хотим, чтобы люди знали, что мы еще существуем,— иначе они будут вечно докучать нам. Возьмем любого безмозглого юного рыцаря, желающего прославить свое имя: что он сделает первым делом?

— Не знаю,— пожал плечами мистер Гибберлинг.

— А я тебе скажу,— ответил Белкис.— Он направится на поиски дракона, чтобы убить его. Если ему не удастся ни одного найти, тогда, пожалуй, он займется чем-нибудь другим. Возможно, даже чем-то вполне полезным. Но ты со своими картами, переполненными драконами, поддерживаешь жизнь в древних легендах, тогда как мы хотим, чтобы они умерли. Мы хотим, чтобы люди забыли о нас и оставили в покое. Каждый раз, как твоя карта попадает в руки молодому землепашцу, он начинает мечтать о том, чтобы перебраться на другую сторону гор и, убив дракона, стать рыцарем. Какой выбор остается драконам? Либо съесть их всех, либо постараться не замечать их. Но мечтателей слишком много — и большинство из них совершенно невкусные, не говоря уж о том, что почти никогда не моются. Поэтому мы и стараемся не замечать их. Но это не всегда удается, и все по твоей вине. Ты несешь ответственность за сохранение преданий, о которых лучше забыть. И кроме того,— заявил он,— ты очень плохой картограф.

— Мой отец был королевским картографом, а до него — его отец,— обиделся мистер Гибберлинг.

— Что это доказывает? — спросил Белкис.— Ты-то плохой картограф.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ну-ка отвечай, что находится за теми горами? — спросил Белкис, указывая вдаль чешуйчатым крылом.

— Драк... О! Я хотел сказать... Другие горы, сэр,— промямлил мистер Гибберлинг.

— Ну признайся! Ты же этого не знаешь! — сказал Белкис.

— Хорошо! Я не знаю! — воскликнул мистер Гибберлинг.

— Отлично,— сказал Белкис.— Это уже кое-что. У тебя есть при себе перо, чернила и пергамент?

— Нет,— ответил мистер Гибберлинг.

— Так ступай за ними! — взревел Белкис.— И быстро возвращайся.

— Слушаюсь, сэр,— сказал мистер Гибберлинг и, наступая на собственный плащ, поспешно засеменил из зала.

— Побыстрей! — гремел Белкис, изрыгая пламя.— Или я разнесу здесь все по камушку, а тебя вытащу за усы — как крысу из кучи щебня!

Мистер Гибберлинг обернулся за рекордное время. Тем не менее, пока он отсутствовал, Белкис успел проглотить трех жареных поросят и дюжину цыплят в тесте. Сытно отрыгнув после трапезы, он закоптил потолок и обуглил трон.

— Ну, принес? — спросил Белкис.

— Да, да! Вот они! Пожалуйста!

— Очень хорошо. Теперь ты пойдешь со мной.

С этими словами он ухватил когтями мистера Гибберлинга за плащ и вылетел через большую двойную дверь в конце зала, в которую по торжественным случаям иногда въезжал верхом почетный караул. Он мгновенно набрал большую высоту, и вскоре оба исчезли из виду.

— Интересно, куда он его понес? — спросил третий советник.

— Пожалуй, лучше не думать об этом,— сказал первый.

— Лучше навести здесь порядок,— предложил Уильям.

Они умчались далеко за пределы королевства, и Белкис показал мистеру Гибберлингу, что на земле существуют другие королевства, реки и озера, другие горы и долины, плато и пустыни, порты и пастбища, фермы и пашни, корабли в океане и армии на полях сражений.

И повсюду он говорил: «Ты все это отмечаешь на карте?» И мистер Гибберлинг отвечал: «Да! Да!» И он царапал пером и зарисовывал все то, что на самом деле существовало в тех местах, где он так привык писать «Здесь водятся драконы».

Вернулись они не скоро. Белкис опустил мистера Гибберлинга перед дворцом, а сам взлетел на крепостную стену, словно огромная красно-зеленая птица.

— Ты усвоил урок? — спросил он.

— Да. Да, сэр, великий сэр,— дрожал мистер Гибберлинг, изо всех сил прижимая к себе карту, словно пытаясь защититься ею.

— Тогда я тебя оставляю,— сказал Белкис,— и надеюсь, что отныне ты будешь делать хорошие карты. И запомни,— добавил он.— Я хочу, чтобы ты забыл о драконах.

— Да, обещаю вам,— сказал мистер Гибберлинг.— Я все забуду.

— Смотри же у меня,— пригрозил Белкис.— Если что, я все узнаю и вернусь. Тебе не поздоровится.

— Нет, нет, клянусь!

— Тогда прощай.

Белкис раскрыл свои огромные крылья и поднялся в небо. Никто в королевстве больше его не видел. После этой истории король стал больше прислушиваться к Уильяму, и вскоре Уильям стал его первым советником, а его бывший первый советник стал его новым четвертым.

А мистер Гибберлинг начал рисовать красивые карты, на которых было изображено все то, что он увидел: другие королевства, и реки, и озера, и другие горы, и долины, и плато, и пустыни, порты и пастбища, фермы и пашни. Карты получались очень точные, и спустя некоторое время люди перестали бояться драконов и начали перебираться через горы и торговать с людьми в других королевствах, и учиться у них, и приглашать людей из других земель к себе в гости. А еще через некоторое время король вдруг понял, что его королевство не такое уж большое, как он всегда думал, и стал поощрять торговлю, чтобы королевство росло и процветало.

И вот однажды, рассматривая одну из новых карт, король сказал:

— Боже, сколько же на свете морей!

— Да, сэр,— подтвердил Уильям.— Это действительно так.

— Интересно, а что находится за морями? — спросил король.

— Возможно, они простираются до бесконечности,— ответил Уильям.— А может, за ними лежат другие земли.

Король задумался.

— Пойду-ка спрошу у королевского картографа,— сказал он,— мистер Гибберлинг как раз недавно прошел курсы повышения квалификации по картографии.

Король вошел в покои мистера Гибберлинга и спросил его:

— Что лежит за всеми этими морями, которые на твоих картах окружают сушу?

Мистер Гибберлинг почесал бороду, которая уже успела отрасти, и надолго уставился в карту.

Затем он взял перо и размашистым росчерком причудливыми буквами написал по дальнему краю всех вод:

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ МОРСКИЕ ЗМЕИ

Бизнес Джорджа

Лежа в берлоге, Дарт обвил зеленые с золотом кольца вокруг своих скудных сокровищ. Его сон тревожила череда одинаково вооруженных противников. Поскольку драконьи сны всегда пророческие, он проснулся с содроганием, прокашлялся, чтобы при свете факела осмотреть свое богатство, а затем зевнул и направился по туннелю к выходу, размышляя о силе своих неведомых врагов. Если она окажется слишком велика, то он попросту улетит. Дьявол с этими сокровищами, в конце концов! Не впервой их терять.

Выбравшись из пещеры, Дарт обнаружил одинокого рыцаря в плохо пригнанных доспехах, сидящего на усталой лошади. Похоже, этот рыцарь был изрядным растяпой — он даже не удосужился направить копье в сторону пещеры.

Уверяя себя, что его противник прибыл в одиночку, дракон издал ужасный вопль и пополз к нему навстречу, изрыгая алое пламя из широко раскрытой пасти.

— Стой! — проревел он.— Сейчас я тебя поджарю, словно цыпленка!

Рыцарь расцвел улыбкой.

— Вас-то я и хотел увидеть! — дружески сказал он.— Я хочу...

— И к чему нам начинать эту тягомотину? — вздохнул Дарт.— Вы соображаете, сколько лет уже драконы и рыцари не бились между собой?

— Да, я знаю. Помолчите, ради бога. Я...

— В таких делах кто-то из двоих остается с носом. Обычно, кстати, это касалось вашего брата, рыцаря.

— Знаю, знаю! Вы меня неправильно поняли...

— Я спал и видел драконий сон о молодом человеке по имени Джордж, с которым мне предстоит биться. Вы здорово походите на него, приятель.

— Могу все объяснить. Не так уж я и плох, как выгляжу. Видите ли...

— Ваше имя Джордж?

— Ну да. Но это не должно вас волновать...

— Но это чертовски меня тревожит! Вы жаждете моего сокровища? Оно не стоит этой мороки, можете поверить, приятель.

— Но я приехал вовсе не за вашим сокровищем...

— Что касается дев, то я не крал их уже несколько столетий. Мне с ними не везло. Обычно они оказывались такими старыми и тощими, что никому и в голову не приходило разыскивать их, а тем более платить выкуп.

— Послушайте, вас никто и не обвиняет...

— Что касается скота, то я всегда обхожу его стороной. Я дорожу репутацией, особенно на своей территории...

— Я знаю, что вы не представляете реальной опасности. Это я изучил очень тщательно...

— Ха, и вы думали, что эти жалкие доспехи смогут защитить вас, когда я изрыгну свое самое горячее пламя?

— Дьявол, нет, нет! Не делайте этого, хорошо? Если вы будете так добры...

— И это копье... Вы даже не умеете его толком держать.

Джордж опустил копье.

— Признаю критику,— вздохнул он.— Но имейте в виду, что наконечник смазан самым смертоносным ядом.

— А я о чем толкую? Такой спорт нам, драконам, не нужен.

— Знаю. Но если вы вздумаете изрыгнуть факел, то я все равно успею оцарапать вас отравленным копьем.

— Хм... Глупо нам обоим подыхать этаким дурацким образом, не правда ли?

— Полностью согласен с вашим замечанием.

— Тогда на кой хрен нам с вами драться?

— Да я и не собираюсь драться!

— Хм... Ничего не понимаю. Вы сказали, приятель, что ваше имя Джордж, а у меня намедни был сон...

— Могу все объяснить самым наиподробнейшим образом.

— А отравленное копье?

— Простая самозащита, дабы вас удержать на безопасном расстоянии и в спокойной, дружеской обстановке объяснить мое предложение.

— Что еще за предложение?

— Видите ли, я хочу вас нанять.

— Нанять? Для чего? И главное, чем вы собираетесь расплачиваться?

— Можно я опущу это проклятое копье? У меня аж рука затекла. Не обманете?

— В чем вопрос, приятель! Подходите поближе, не бойтесь. Если разговор пойдет о золоте, то ваша жизнь будет вне опасности, честное драконье!

Джордж со вздохом облегчения опустил копье и отстегнул кошелек от пояса. Запустив в него руку, он достал полную горсть монет и подбросил их в воздух. Они засверкали золотистым светом в лучах утреннего солнца.

— Я весь внимание, приятель. Это хорошая плата.

— Все золото будет ваше, если вы выполните одно небольшое дельце.

— Что за дельце?

Джордж ссыпал монеты назад в кошелек, а затем указал рукой в сторону холмов:

— Видите там, вдали, замок?

— Я летал над ним много раз.

— В западной башне находится комната Розалинды, дочери барона Маурайса. Она очень дорога моему сердцу, и я хочу на ней жениться.

— Здесь есть проблема?

— Да. Видите ли, ей нравятся большие мужчины варварского типа — увы, я к ним не принадлежу. Короче, она меня не любит.

— Да, здесь действительно есть проблема.

— Итак, я вам плачу, а вы совершаете налет на замок, похищаете Розалинду, приносите ее в некоторое удобное, изолированное место и поджидаете меня. Через некоторое время приезжаю я, и мы изображаем ужасную схватку. Я побеждаю, вы улетаете, а Розалинда отправляется в родной замок на моем коне. Ясное дело, я становлюсь героем в ее глазах и перемещаюсь в списке соискателей ее руки с шестого места на первое. Как вам нравится мой план?

Дарт выдохнул длинную струю едкого дыма.

— Приятель, я не очень-то люблю ваш людской род, не говоря уж о рыцарях с отравленными копьями. Не знаю даже, зачем я это говорю. Ладно, не берите в голову. Конечно, я запросто справлюсь с этим дельцем. Но послушайтесь драконьего совета. На кой ляд вам все это надо? Ну, завоюете вы свою деву, и что будет дальше? Она вами повосхищается денек-другой, а затем вы однажды обнаружите ее в постели с одним из тех варваров, которые ей так нравятся. Вам останется либо каждый раз вызывать обидчиков на поединок, либо плюнуть на все и носить рога.

Джордж улыбнулся:

— Чихать я хочу на то, как она будет развлекаться. Я сам заимею подружку в городе, и не одну.

Глаза Дарта расширились.

— Что-то я не понимаю...

— Все очень просто. Розалинда — единственный отпрыск старого барона, а тот вот-вот протянет ноги. А вы думали, как еще могла эта девушка заиметь сразу шестерых поклонников? Стал бы я рисковать шеей ради какой-нибудь бедной красотки.

— Понимаю,— кивнул с уважением Дарт.— Алчность — это святое чувство, здесь и говорить не о чем.

— Э-э... Я предпочитаю называть это браком по расчету.

— В таком случае забудьте мои простодушные советы и давайте перейдем к делу. Гоните золото, и я сделаю все как полагается.

Дарт вытянул одно из своих переливающихся крыльев в сторону запада.

— Я знаю в тех местах одну подходящую равнину. Она находится достаточно далеко от моей пещеры и годится для нашей схватки. Но, чур, золото вперед.

— Хм... давайте сделаем так: половину я плачу сейчас, половину — после моей «славной победы».

— Годится. Бросьте денежки во время нашей «схватки», и я вернусь за ними после того, как вы уедете со своей девой. Обжулите — я повторю спектакль, но кончится он иначе.

— Эта мысль мне уже самому приходила в голову. Давайте теперь попрактикуемся в схватке, чтобы со стороны она выглядела вполне реалистично. Сначала я брошусь на вас с копьем наперевес, причем с противоположной от Розалинды стороны. Вы поднимете крыло, словно оно ранено, выхватите оружие из моей руки и завопите, словно вас зарезали. Затем выдохнете немного пламени и побольше дыма.

— Хм... Прежде я хотел бы убедиться, что вы очистили наконечник копья, приятель.

— Сейчас. Но это еще не все. Когда вы отбросите мое копье прочь, я соскочу с коня и брошусь на вас с мечом в руке.

— Еще чего! — обеспокоенно возразил дракон.

— Не беспокойтесь, я ударю вас плоской стороной клинка, только и всего. Вы, ясное дело, заревете во всю глотку и улетите.

— М-да... А насколько острым будет ваш меч? — с подозрением спросил Дарт.

— Чертовски тупым! Последний раз этот меч точил еще мой дед, да и то когда был мальчишкой.

— Годится. И вы бросите денежки во время нашей битвы?

— Конечно. Как насчет воплей?

— Запросто. Еще я могу принести под крылом несколько кистей красных ягод. Я раздавлю их, когда дело подойдет к концу.

— Отличная идея! — просиял Джордж.— А теперь приступим к репетиции.

— Ладно, только не бейте очень сильно...

После полудня Розалинда была похищена из замка. Дракон, оглушительно ревя, проломил хвостом стену и унес деву в сторону гор. Случайно проезжавший в это время мимо замка соискатель номер шесть поклонился старому барону, который стоял на балконе, ломая руки от отчаяния, и крикнул:

— Ничего не бойтесь! Я спасу прекрасную Розалинду! Ух, что я сделаю с этим драконом...

Прискакав в долину, Джордж увидел дрожащую от страха деву, прижавшуюся к скале. Ее охранял Дарт, эффектно изрыгающий длинные струи огня и дыма. Опустив копье, рыцарь грозно крикнул:

— Оставь в покое эту деву и посмотри в глаза своей смерти!

Дарт издал ужасающий звук и пошел на противника, низко наклонив голову и разинув пасть. Джордж с воинственным кличем понесся вперед. Копье вылетело из его руки, и дракон покатился по земле, изрыгая огонь. Красные пятна расползлись под его «раненым» крылом. Розалинда стояла, вытаращив глаза и раскрыв от изумления рот.

Джордж показал себя молодцом. Соскочив с коня, он выхватил меч и бросился на противника, нанося удар за ударом — так, чтобы дочь барона не смогла толком ничего разглядеть.

— Вот тебе, вот! — мужественно кричал он.

Чудовище живо вскочило на ноги и взмыло в воздух, роняя на землю красные капли.

Дарт сделал круг над долиной, жалобно вопя, а затем, тяжело махая крыльями, улетел в сторону гор и вскоре скрылся за их вершинами.

— О Джордж! — восторженно закричала Розалинда и бросилась в его объятия.— О Джордж...

Он пылко прижал деву к себе.

— Я отвезу вас домой,— сказал он.

Вечером, пересчитывая золото, Дарт услышал стук копыт двух лошадей, приближавшихся к пещере. Дракон выскочил наружу и осмотрелся.

Джордж, восседавший на белом жеребце, не спеша трусил по ущелью, ведя под уздцы серую лошадь. На ней серебристым мешком висели роскошные доспехи. Вид у рыцаря на этот раз был весьма унылым.

— Добрый вечер,— озадаченно ответил Дарт.— Что вас привело к моему жилищу, да еще так быстро?

— Увы, дела повернулись совсем не так, как я надеялся.

— Ха, я же предупреждал, что все надо было как следует обмозговать. Удача — капризная штука. Золото...

— О, дело не в деньгах! Я возместил свои затраты и даже получил немало сверх того. Но это все. Я ни с чем уехал из замка, хотя мы с вами и показали отличное шоу...

— Как же так?

— Оказалось, что Розалинда сегодня утром вышла замуж за одного из своих поклонников-варваров. Вы выкрали ее из часовни уже после завершения обряда бракосочетания.

— Ужасно извиняюсь,— смущенно сказал дракон.

— К тому же при вашем появлении ее папаша с перепугу отдал богу душу. Мой главный конкурент теперь стал новым бароном. На радостях он облобызал меня, одарил еще одной лошадью и доспехами, а также провозгласил Убийцей Драконов. Затем загоготал и намекнул, что моя новая репутация настоятельно зовет меня в путь, к дальнейшим подвигам. Еще хуже, что Розалинда теперь смотрит на меня как на героя и ни о чем, кроме драконов, разговаривать не желает.

— Э-эх... Похоже, мы перестарались.

— Увы, увы. Я приехал, чтобы еще раз поблагодарить вас и рассказать, как дурно обернулось наше дело. Идея была неплоха, но...

— Ну кто же мог предвидеть, что этой старой деве именно сегодня вздумается пойти под венец? — сочувственно сказал дракон.— Мы здесь ни при чем. По-моему, мы ловко изобразили «смертельную схватку».

— Да, вы были очень эффектны в своей роли.

— Я вот о чем думаю... Не хотите ли вернуть свои денежки обратно?

Джордж в изумлении уставился на дракона.

— Вы готовы расстаться с частью вашего золота?

— Эх, приятель, вы разбередили мою драконью душу. Ваша идея была просто замечательна, и только случайность помешала вам прибрать к рукам золо... То есть, я хотел сказать, завоевать сердце вашей дамы.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас.

— Одним словом, в нашем драконьем племени есть одна приятная во всех отношениях леди, к которой я не раз безуспешно сватался. Улавливаете сходство?

— Понимаю. У нее в пещере хранится большое сокровище?

— Еще какое, приятель!

— Она тоже стара?

— Хм... Среди нас, драконов, плюс-минус несколько столетий не имеют большого значения. Но у нее хватает поклонников, и она, увы, отдает им предпочтение.

— А-а, я начинаю понимать, в чем тут штука. Поутру вы дали мне ценный совет, и я хочу отплатить вам тем же. Вот что я хочу сказать: есть вещи ценнее, чем сокровища.

— Назовите хоть одно!

— Собственная жизнь,— объяснил Джордж.— Второй раз наш спектакль может не получиться по очень простой причине: ваша подруга успеет разорвать меня в клочки, прежде чем вы появитесь в роли спасителя своей дамы сердца.

— Не беспокойтесь, приятель, она слишком застенчива, чтобы глотать вас так, сразу. И потом, я подоспею вовремя. Спрячусь на вершине соседнего холма и по вашему сигналу ринусь в «бой». Ясное дело, что на этот раз «победителем» буду я. Мы сделаем так...

Джордж сидел на белом скакуне и нетерпеливо поглядывал то в сторону входа в пещеру, то на вершину высокого холма, стоявшего на краю долины. Вскоре в воздухе промелькнула гигантская тень, а еще через минуту из-за холма показалось знакомое золотисто-зеленое крыло.

Джордж опустил забрало, наклонил копье и неспешно поехал вперед. Подъехав к пещере, он привстал в стременах и закричал:

— Я знаю, что вы прячетесь здесь, Мегтаг! Я пришел убить вас и забрать ваше сокровище! Вы — исчадие ада! Пожираете детей! Настал ваш последний час!

Из темного чрева пещеры показалась ужасная блестящая голова с ледяными зелеными глазами. Раскрыв пасть, Мегтаг выдохнула длинную струю алого пламени. Камни на склоне мгновенно оплавились.

Джордж икнул и немедленно остановил коня. Чудовище оказалось раза в два больше, чем Дарт, и, похоже, не страдало особой застенчивостью. Драконихa и не думала спасаться бегством. Ее чешуя звенела, как стальная кольчуга, а зубы сверкали, словно ятаганы.

— Э-э... прошу прощения,— пробормотал не на шутку перепугавшийся рыцарь.— Возможно, я несколько преувеличил... ну, насчет детей...

Тяжело переваливаясь на столбообразных лапах, чудовище ринулось на него, изрыгая пламя и дым.

Перепуганный конь поднялся на дыбы. Джордж едва не упал, но в этот момент в воздухе раздался шум огромных крыльев и незадачливый всадник взмыл в небо, подхваченный когтями Дарта. Джордж успел увидеть, как его конь понесся вдоль долины, спасаясь бегством, а затем закрыл от страха глаза.

Он очнулся, сидя на вершине холма. Рядом сидел Дарт и тяжело вздыхал.

— Что случилось? — пробормотал Джордж.

— Я едва успел спасти вас, приятель,— грустно ответил Дарт, выдохнув едкую струю дыма.— Мне и в голову не могло прийти, что в пещере этой старой дуры уже поселился один из ее давних воздыхателей... Короче, вас едва не проглотил Пелладон.

— Замечательно! Неужто нельзя было проверить это с самого начала?

— Прошу прощения,— еще раз вздохнул Дарт.— Мне показалось, что она еще не выбрала себе кавалера по вкусу... Э-эх, какое у нее сокровище! Если бы вы видели его, тоже потеряли бы покой...

— Займитесь лучше моей лошадью,— с иронией ответил Джордж.— Мне она еще пригодится.

Они сидели перед входом в пещеру Дарта и выпивали.

— Где вы раздобыли целую бочку вина? — спросил Джордж.

— Поднял с затонувшей в реке баржи. Это мое любимое занятие. Я собрал такой винный погреб, приятель...

— Вижу. Не так уж вы и бедны, мой дорогой Дарт. Мы можем теперь хоть каждый день надираться до чертиков.

— Спасибо за предложение, но у меня другие мысли бродят в голове. Нам дважды не повезло, Джордж, но вы показали себя замечательным актером.

— Благодарю. Вы тоже дракон не промах.

— Я тут пораскинул мозгами и вот что придумал. Почему бы вам не отправиться в длительное турне? Выберите города и поселки, где нет своих, доморощенных героев, и займитесь бизнесом.

— Каким?

— Для начала покажете всем и каждому свою грамоту первоклассного победителя драконов. Прихвастнете малость, описывая свои подвиги, а сами потихоньку составите карту с указанием городов и подходящих мест для поединков. Затем вернетесь в мою пещеру.

— Продолжайте,— заинтересовался Джордж, разом протрезвев.— Вам еще налить?

— Конечно. Хотя лучше я буду прикладываться к бочке. Итак, спустя некоторое время над одним из этих несчастных городов появится страшный дракон.

— Шестьдесят четыре процента гонорара — мои.

— Хорошая цифра,— благодушно заметил Дарт,— но я предлагаю ее улучшить.

— Тогда пятьдесят пять на сорок пять.

— Уже теплее. Но еще справедливей будет делить поровну. Как-никак удары буду получать я один.

— Хм... согласен. Выпьем за наш новый бизнес!

— Отлично! К чему двум приятелям торговаться из-за каких-то пустяков?

Они прикончили бочку с вином. Растянувшись на каменистой почве, дракон распустил свои золотисто-зеленые кольца и задумчиво произнес:

— Теперь я понимаю, почему во сне мне пришлось сражаться с чередой рыцарей, как две капли воды походивших на тебя, Джордж. Ты малый не промах!

Конец поисков

Дело было сделано. И сделано хорошо, я мог бы добавить.

Принцесса лежала мертвой на полу пещеры, среди разбросанных костей героев, кудесников, принцев, принцесс, гномов, эльфов и обломков девяти мечей, предназначенных для защиты царства добра и радости, которое я разрушил до того, как его почки смогли бы распуститься.

Я потрогал языком клыки и ощутил жгучий вкус.

Последний герой, изогнувшись немыслимым образом, лежал в углу. Его волшебный клинок был изломан. Это был десятый и последний из числа выкованных столетия

назад Силами Света для того, чтобы сразиться с моим хозяином и теми, кто, как и я, служит ему. Какое наслаждение! Кольцо, которое я стерегу, лежит в драгоценной шкатулке в нише за моей спиной.

Останки их верного товарища — Гнома — также разбросаны повсюду. Я могу видеть маленькую руку, которая все еще держит топор. Неужели он действительно думал, что может причинить мне вред своим жалким оружием?

Только старый кудесник еще с трудом дышит. Но я сломал его посох и рассеял его мощь на путях темноты. Я подарил ему несколько мгновений жизни, с тем чтобы посмеяться над ним и увидеть, как он проклинает силы, которым служил.

— Ты слышишь меня, Лортан? — спросил я.

— Да, Бактор,— ответил он оттуда, где упал.

Он сидел прислонившись к стене, неестественно вывернув ноги.

— Почему я еще жив?

— Для последней забавы, носитель Света. Если ты проклянешь все хорошее и прекрасное, правдивое и благородное, я подарю тебе быструю смерть.

— Не надо,— ответил он.

— Почему нет? Ты проиграл, так же как и те девять перед тобой. Ты — последний. Все кончено. Хорошие парни проиграли бой со счетом десять—ноль.

Он не ответил, и я стал дразнить его дальше:

— И ваш герой — Эрик Толстая Мышца, или как там вы его называете,— даже не коснулся меня своим оружием. Последний из вас нанес мне хороший удар по плечу перед тем, как я уничтожил его.

— Мы были самыми слабыми из всех, с кем ты сталкивался? — спросил он.

— Я бы так не сказал. Но уж точно не из самых сильных.

— Сделай одолжение старому побежденному человеку и ответь мне. Кто был лучшим?

Я хохотнул.

— Легче легкого. Глорин из Второго Королевства. Он был так близок к тому, чтобы убить меня,— просто прелесть. Его меч падал, как молния с небес. Мускулы на его руках ходили, как морской прилив. Он лоснился от пота, вызванного напряжением. Он ругал меня так выразительно, что это звучало как стихи. Я был пригвожден к месту. Едва-едва я остановил его, и для этого потребовалось скорее все мое волшебство, нежели сила моего тела. Воистину именно Глорин и его меч Даммерунг были величайшими моими соперниками.

— Итак, бедный Эрик не смог сделать подобного.

— Да, и ни один из тех, с кем я сталкивался. И теперь царствование моего господина Глойма никогда не окончится, так как Тьма победила Свет. Больше некому выступить против нас.

— Среди тех мечей, что я вижу на полу, покажи мне, который Даммерунг. И где лежат кости Глорина — я хотел бы увидеть, где погибла наша величайшая надежда.

— Ты слишком много говоришь, старина. Пора кончать разговоры.

— Но я вижу только девять рукояток среди обломков.

Я протянул свои лапы и поднялся, чтобы поразить его. Но он удержал меня — не магией, а простым словом:

— Ты еще не победил.

— Как ты можешь говорить это, когда ты последний?

— Ты лжешь,— продолжал он,— когда говоришь, что царствование твоего господина никогда не кончится, потому что Тьма победила Свет. Ты не видишь своей собственной слабости.

— У меня нет слабости, кудесник.

Сквозь сумрак я разглядел его улыбку.

— Хорошо,— сказал я.— Тебе не нужно проклинать великодушие, истину, красоту и благородство, чтобы заслужить быструю смерть. Скажи только, что за слабость ты видишь у меня.

— Я всегда рассматривал преимущества быстрой смерти в числе стоящих на последнем месте,— ответил он.

— Расскажи мне, как я могу защититься.

Дерзкий старик имел наглость рассмеяться. Я решил, что его смерть будет долгой и мучительной.

— Я скажу тебе, и ты уже не сможешь защититься от этого. Я теперь вижу, что ты умрешь, когда узнаешь любовь.

Я топнул ногой и взревел:

— Любовь? Любовь? Твой ум так же поврежден, как и твое тело, чтобы обвинить меня в подобных непристойностях! Любовь!

Мой хохот огласил пещеру, когда я обезглавил его и покатил его голову назад к проходу. Мои бока болели от смеха.

Через некоторое время я взял чью-то ногу и начал жевать ее. Довольно жесткая. Должно быть, героя.

Мой господин Глойм, нынешний и будущий повелитель мира, вошел вечером, чтобы похвалить мою работу и поздравить с хорошо проведенными столетиями. В награду за мою честную службу он дал мне искусно обработанный слиток золота с моим именем, выгравированным на нем.

— Мой милый Бактор,— спросил он через некоторое время,— как могло случиться, что я вижу остатки оружия только девяти рыцарей Света, хотя все десять погибли?

Я рассмеялся:

— Здесь только девять. Десятый вон там, в коридоре. Этот герой явился иначе, нежели остальные, и я остановил его там. Он был очень искусным.

— Я желаю увидеть это сам.

— Конечно, господин. Следуйте за мной.

Я показал ему путь. Я слышал, как он издал вздох, когда мы остановились перед нишей.

— Он цел! — прошипел он.— Мужчина не убит, и клинок не сломан!

Я снова засмеялся:

— Но он безвреден, господин. Отныне и навеки. Его одного я остановил скорее волшебством, нежели мощью

своего тела. При случае я прихожу сюда, чтобы любоваться им. Он был лучшим. Он был очень близок к тому, чтобы победить меня.

— Глупец! — воскликнул Глойм.— Заклинание может быть снято! И я вижу, что это Глорин со своим Даммерунгом! Мы должны покончить с ними сейчас, чтобы завершить нашу победу!

Он потянулся за волшебной палочкой в сумке на поясе.

Я снова повернулся и увидел острие клинка, который я остановил в дюйме от своей груди, когда мое заклинание заморозило все движение и превратило героя в статую навсегда отложенного правосудия и наказания. Лезвие Даммерунга было тоньше листа, острие его — свидетельство того, как близко может материя подойти к бесконечности...

Я услышал моего господина:

— Уходи прочь, Бактор.

И я услышал другой голос, свой собственный, который произносил слова, разрушающие заклинание. Восхитительный удар был завершен после тысячелетней паузы.

Затем меч выскользнул из меня с фонтаном моих жизненных соков, и я повалился назад.

И когда этот прекрасный клинок, лишивший меня жизни, медленно покидающей тело, обратился против Глойма, я бросил взгляд на его владельца, на белизну его красивого лица, его суровую улыбку.

Стальная Леди

Смачно выругавшись, Кора взмахнул мечом и поразил свою противницу. Его выпуклые грудные доспехи скрывали достоинства, которых под ними не было.

В следующий миг на него напали справа и слева. Начав свою боевую песню, он отразил атаку слева, нанес

удар направо, снова парировал слева, поразил врага, отбил выпад справа и нанес ответный удар. Обе воительницы упали.

— Отлично сработано, сестра! — прокричала Эдвина, стареющая амазонка, вооруженная боевым топором и сражавшаяся в десяти футах от него.

Высокая похвала, полученная от ветерана!

Улыбаясь, Кора готовился к новому поединку и вспоминал времена, когда он был Кораком, поваром,— несколько месяцев назад. Тогда у него была мечта, теперь она осуществилась.

Он хотел стать великим воином, крушить врага на поле боя, чтобы его имя прославляли в песнях. Как долго он тренировался с мечом!.. Пока не понял, что нужно еще учиться ходить и говорить — и тщательно бриться каждый день,— если надеешься когда-нибудь реализовать свою мечту. Так он и поступил. И вот Корак исчез, а через несколько недель появилась Кора. Родилась легенда. Прошло всего три или четыре месяца с начала кампании, а он уже был не только принят как равная среди равных, но и получил известность — теперь его называли Кора, Стальная Леди.

Однако о нем прослышал враг, и теперь все стремились отсечь ему голову и покрыть себя славой.

Испарина выступила у него на лбу, когда в атаку пошли пять воительниц одновременно. С первой он покончил сразу, сделав неожиданный выпад. Остальные — они поняли, что следует соблюдать осторожность,— теперь наступали не столь стремительно, надеясь измотать его. К тому моменту, когда он разобрался со второй, заболели руки. Его боевая песнь смолкла, когда он заколол третью противницу, но получил глубокую рану на бедре. Он пошатнулся.

— Мужайся, сестра! — закричала Эдвина, прорубаясь к нему на помощь.

Он с трудом отражал удары ближайшего противника, когда Эдвина скрестила свой меч с четвертым врагом.

Наконец он опустился на одно колено, зная, что не сможет отразить следующий выпад.

В самый последний момент сверкнул топор, и голова его последней противницы покатилась в ту сторону, куда отступали ее сестры.

— Отдыхай! — приказала Эдвина, заняв оборонительную позицию рядом с ним.— Они бегут! Победа за нами!

Он лежал на холодной земле, зажимая рану на бедре и наблюдая за расстроенными рядами врага. Ему очень хотелось не потерять сознание.

— Хорошо...— промолвил он.

Еще никогда Кора не был так близок к смерти.

Через некоторое время Эдвина помогла ему подняться на ноги.

— Ты прекрасно сражалась, Стальная Леди,— сказала она.— Обопрись на меня. Я помогу тебе добраться до лагеря.

В палатке Эдвины с него сняли доспехи и промыли рану.

— Все заживет, не оставив даже следа,— пообещала Эдвина.— Очень скоро ты будешь как новенькая.

Однако рана оказалась большой. Эдвина отодвинула в сторону набедренную повязку, чтобы обработать ее как следует. И вскрикнула.

— Да,— сказал он.— Теперь ты знаешь мою тайну. У меня была единственная возможность прославиться — показать всем, что я могу сражаться не хуже или даже лучше, чем женщина.

— Должна признать, что тебе это удалось,— нехотя кивнула Эдвина.— Я помню, как ты ловко орудовал мечом в Олорате, Танквее и Порде. Ты мужчина необычный. Я уважаю тебя за то, что ты сделал.

— Значит, ты поможешь сохранить мне мою тайну? — спросил он.— Разрешишь завершить эту кампанию? Чтобы я показал, на что способен мужчина.

Эдвина изучающе посмотрела на него, погладила по заду и улыбнулась.

— Что-нибудь придумаем! — заявила она.

Девушка и чудовище

Великое волнение завладело умами, ибо вновь пришла пора решать. Старейшины проголосовали за жертвоприношение, несмотря на протесты самого старшего, Риллика.

— Нам нельзя сдаваться! — твердил он.

Но ему не ответили, и молодую девственницу отвели в пещеру дымов и накормили сонными листьями.

— Так не должно быть,— упорствовал Риллик.— Это неправильно.

— Так было всегда,— возражали ему, бросая озабоченные взгляды туда, где солнце лило утренний свет.

А по густому лесу уже приближался бог.

— Нам пора уходить.

— Но почему не остаться хоть раз? Не посмотреть, что будет делать бог-чудовище?

— Довольно богохульствований! Идем!

— С каждым годом нас все меньше,— втолковывал, плетясь следом, Риллик.— Однажды нам просто некого будет приносить в жертву.

— Тогда мы умрем,— ответили остальные.

— Так зачем же откладывать? — взвыл он.— Давайте примем бой сейчас, пока у нас есть еще силы!

Но они качали головами с возрастающей век от века безропотностью. Все чтили возраст Риллика, однако не разделяли его мнения. Лишь последний взгляд, украдкой, бросили они назад на закованного в латы бога, со смертоносным копьем восседающего на коне в золоченой сбруе. Там, где рождались дымы, забила хвостом юная девушка, закатывая дикие глаза под прекрасные бровные пластины. Она почувствовала божественное присутствие и издала протяжный рев.

Подойдя к лесу, Риллик остановился, поднял чешуйчатую лапу, пытаясь сформулировать мысль, и наконец заговорил:

— Мне кажется,— сказал он,— что в памяти моей живут иные времена, когда все было по-другому.

Но не пророк

Старый человек сошел с горы, неся ящик под мышкой, и зашагал по тропинке, ведущей к морю. Остановившись, он оперся на посох и стал наблюдать за группой молодых людей, которые были заняты тем, что поджигали дом своего соседа.

— Скажи мне, человек,— спросил старик, обращаясь к одному из молодых людей,— почему вы поджигаете этот дом? Судя по доносящимся до меня крикам и лаю, там находятся ваш сосед, его жена и дети, а также собака.

— Как же нам не поджигать этот дом? — ответил человек.— Наш сосед — чужеземец, он пришел из мест, что расположены по другую сторону пустыни. И он выглядит иначе, чем мы. И его жена красивее наших жен и говорит не совсем так, как у нас принято. И его собака не похожа на наших и лает по-ненашенски. И их дети способней наших оболтусов и говорят немного иначе, чем следует говорить.

— Понимаю,— сказал старик и продолжил путь.

На перекрестке дорог он подошел к нищему. Костыль его висел высоко на дереве. Старик ударил посохом несколько раз по стволу, и костыль упал на землю. Тогда старик возвратил его нищему и спросил:

— Скажи мне, брат, как твой костыль оказался на дереве?

— Ребятня забросила его туда,— ответил нищий и протянул руку за милостыней.

— Зачем же они сделали это?

— Им было скучно. Они изводили родителей вопросом: «Чем нам заняться?» Тогда один из старших сказал: «Идите и поиграйте с нищим на перекрестке».

— Такие игры бывают довольно злыми,— заметил старик.

— Ваша правда,— ответил нищий,— но, к счастью, некоторые из парней, что постарше, поймали проходившую мимо девушку и ушли в поле, чтобы позабавиться с ней.

Слышите ее крики? Они, конечно, уже не такие громкие, как час назад. Будь я молодым и здоровым, то непременно присоединился бы к этой игре!

— Понимаю,— сказал старик и пошел прочь.

— Эй-эй, а милостыню? Неужто в вашем ящике не найдется немного подаяния для меня, хромого калеки?

— Если хотите, можете получить мое благословение,— ответил старик.— Но денег в этом ящике нет.

— Мне наплевать на твое благословение, старый козел! Разве им пообедаешь? Дай мне денег или еды!

— Увы, мне нечего тебе дать.

— Тогда будь проклят! Чтобы все на свете несчастья обрушились на твою седую голову!

Старик продолжил свой путь к морю. Некоторое время спустя он подошел к двум мужчинам, копавшим яму в песке. Рядом лежал третий, мертвый.

— Таков ваш обряд похорон умершего? — спросил старик.

— Да,— ответил один из мужчин, вытирая пот со лба.— Особенно если вы сами убили его и пытаетесь побыстрее упрятать концы в воду.

— Вы убили этого несчастного? За что?

— Почти ни за что, это и обидно! Куда справедливее было бы, если бы кошелек этого путника был полон золотых монет. Увы, злая судьба посмеялась над нами — там оказалось лишь немного мелочи.

— Судя по одежде, он был беден.

— Да, и теперь мы избавили его от последних хлопот. Ему-то нынче хорошо, а нам что делать?

— Эй, старик, а что ты прячешь в своем ящике? — подозрительно спросил второй убийца.

— Ничего, что могло бы иметь какую-нибудь цену. Я хочу бросить его в море.

— Дай сначала в него заглянуть.

— Нельзя.

— Мы сами решаем, что можно, а что нельзя.

— Этот ящик нельзя открывать!

Они приблизились к старику с двух сторон.

— Отдай ящик!

— Нет.

Один из убийц ударил старика камнем по голове, а второй тем временем выхватил у него ящик.

— Так-то лучше,— сказал первый убийца.— А теперь позволь нам поглядеть, что ты хочешь выбросить в море.

— Предупреждаю вас,— сказал старик, с трудом поднимаясь на ноги.— Если вы откроете этот ящик, то совершите ужасный поступок, который уже никогда нельзя будет исправить.

— Мы сами разберемся, что к чему.

Убийцы хотели было разрезать веревку, которая плотно стягивала крышку, но старик взмолился:

— Подождите немного! Сначала я расскажу немного об этой вещи.

Оба мужчины переглянулись и кивнули:

— Хорошо, рассказывай.

— Это — ящик Пандоры. В нем спрятаны все несчастья, которые только можно себе представить. Пандора, жена Эпиметея, однажды уже выпустила многие из них на Землю.

— Ха. Похоже на глупую выдумку.

— Мне сказали об этом боги и велели бросить ящик в море. В нем осталось еще одно несчастье, хуже всех остальных, вместе взятых.

— Ха!

Убийцы разрезали веревку и открыли крышку. Золотое сияние вырвалось наружу. Словно фонтан, оно взмыло в воздух, и изнутри его послышался восторженный крик:

— Свобода! Наконец, после всех этих веков заточения, я вновь стала свободной!

Убийцы озадаченно переглянулись.

— Кто ты, о прелестное существо? — спросил один из них.— И почему ты вызываешь у меня такие странные ощущения?

— Меня зовут Надежда,— ответило невидимое существо из глубины золотого сияния.— Теперь я отправлюсь путешествовать по Земле и во всех ее мрачных уголках

буду внушать людям чувство, что они могут стать лучше, чем есть.

Золотое сияние поднялось еще выше и отправилось на поиски самых мрачных мест на Земле.

Оба убийцы повернулись к старику и увидели, что тот изменился. Его борода исчезла, и он превратился в могучего молодого мужчину. Две змеи обвивали его посох.

— Даже боги не могли предотвратить этого,— сказал он с горечью.— Вы навлекли несчастье на себя своими же руками. Вспомните об этом, когда светлая Надежда обратится в прах в ваших руках.

— Нет,— сказали они,— видишь, в нашу сторону идет еще один путник? Мы можем опустошить его кошелек и возместить наши потери за этот день.

— Глупцы! — сказал молодой человек и, повернувшись, быстро зашагал назад в горы. Проходя мимо Геркулеса, он по-дружески приветствовал его, но предупреждать не стал. Он не хотел лишать двух преступников надежды.

Снова и снова

Им следовало бы знать, что меня все равно не удержишь. Возможно, это понимали, поэтому рядом всегда была Стелла.

Я смотрел на копну золотистых волос, на голову, лежавшую у меня на руке. Для меня она не только жена, она — надзиратель. Как я был слеп!

Ну а что еще они сделали со мной?

Заставили забыть, кто я такой.

Потому что я был подобен им, но не из их числа, они приковали меня к этому времени и к этому месту.

Меня принудили забыть. Меня пленили любовью.

Я встал и стряхнул последние звенья цепи. На полу спальной камеры лежали лунные блики решетки. Я прошел через нее к своей одежде.

Где-то вдали тихо играла музыка. Вот что дало толчок. Так давно не слышал я этой музыки...

Как они поймали меня?

Маленькое королевство века назад, где я изобрел порох... Да! Меня схватили там, в Другом месте, несмотря на монашеский капюшон и классическую латынь.

Интересно, как долго я живу здесь? Сорок пять лет памяти — но сколько из них фальшивых?

Зеркало в прихожей отразило тучноватого, с редеющими волосами, мужчину средних лет в красной спортивной рубашке и в черных брюках.

Музыка звучала громче — музыка, которую лишь я мог слышать: гитары и равномерный бой барабана.

Скрестите меня с ангелом — и все равно не сделаете меня святым, друзья!

Я превратился снова в молодого и сильного и сбежал по лестнице в гостиную. Сверху донесся звук. Проснулась Стелла.

Зазвонил телефон. Он висел на стене и звонил, звонил, звонил, пока я не выдержал.

— Ты опять за свое...— произнес хорошо знакомый голос.

— Не надо винить женщину,— сказал я.— Она не могла наблюдать за мной вечно.

— Лучше тебе оставаться на месте,— посоветовал голос.— Это избавит нас обоих от лишних хлопот.

— Спокойной ночи,— ответил я и повесил трубку.

Трубка защелкнулась вокруг моего запястья, а провод превратился в цепь, ведущую к кольцу на стене. Какое ребячество!

Наверху одевалась Стелла. Я сделал восемнадцать шагов в сторону Отсюда, к месту, где моя чешуйчатая конечность свободно выскользнула из оплетших ее виноградных лоз.

Затем назад, в гостиную, и за дверь. Из двух машин, стоявших в гараже, я выбрал самую скоростную. Вперед, на ночное шоссе...

В зеркальце заднего вида появились огни.

Они?

Слишком быстро.

Это либо случайный попутный автомобиль, либо Стелла.

Я сместился.

Меня несла низкая, более мощная машина.

Снова смещение.

Машина на воздушной подушке мчалась по разбитой и развороченной дороге. Здания по сторонам были сделаны из металла. Ни дерева, ни кирпича, ни камня.

Сзади на повороте высветились огни.

Я потушил фары и сместился. И снова, и снова, и снова.

Я летел, рассекая воздух, высоко над равнинами. Еще смещение, и я над парящей землей, а гигантские рептилии поднимают из грязи свои головы. Преследования не было...

Я снова сместился.

Лес — почти до самой вершины высокого холма, где стоял древний замок. Одетый воителем, я восседал на летящем гиппогрифе. Приземлившись в лесу, я приказал: «Стань конем!» — и произнес заветное слово.

Черный жеребец рысью нес меня по извилистой лесной тропе.

Остаться здесь, в дремучей чаще, и сразиться с ними волшебством или двигаться дальше и встретить их в мире науки?

Или окольным путем — в Другое место, надеясь окончательно ускользнуть от преследования?

Все решилось само.

Сзади раздалось клацанье копыт, и появился рыцарь на высоком горделивом коне, закованный в сверкающую броню, с красным крестом на щите.

— Достаточно! — скомандовал он.— Бросай поводья!

Я превратил его вознесенный грозно меч в змею. Он разжал ладонь, и змея зашуршала в траве.

— Почему ты не сдаешься? — спросил рыцарь.— Почему не присоединишься к нам, не успокоишься?

— Почему не сдаешься ты? Не бросишь их и не пойдешь со мной? Мы могли бы вместе изменять...

Но он подобрался слишком близко, рассчитывая столкнуть меня щитом.

Я взмахнул рукой, и его лошадь оступилась, скинув рыцаря на землю.

— Мор и войны следуют по твоим пятам! — закричал он.

— Любой прогресс требует платы.

— Глупец! Никакого прогресса не существует! Нет прогресса, как ты его представляешь. Что хорошего принесут все твои машины и идеи, если сами люди остаются прежними?

— Человек не всегда поспевает за идеями,— ответил я, спешился и подошел к нему.— Вечных Темных веков жаждешь ты и тебе подобные. И все же мне жаль, что приходится делать это.

Я отстегнул нож и вонзил его в забрало, но шлем был пуст. Тот, кто скрывался под ним, ускользнул в Другое место, еще раз преподав урок о тщетности споров со сторонником этической эволюции.

Я сел на коня и двинулся в путь.

Через некоторое время сзади меня заклацали подковы. Я произнес слово, посадившее меня на лоснящуюся спину единорога, молнией прорезающего черный лес. Погоня продолжалась.

Наконец появилась маленькая поляна с пирамидой из камней в центре. Я спешился и освободил немедленно исчезнувшего единорога.

Я забрался на пирамиду, закурил и стал ждать.

На поляну вышла серая кобыла.

— Стелла!

— Слезай оттуда! — крикнула она.— Они могут начать атаку в любой момент!

— Я готов! — сказал я.

— Их больше! Они победят, как побеждали всегда. А ты будешь терпеть поражение снова и снова, пока борешься. Спускайся и уходи со мной. Пока еще не поздно!

Молния сорвалась с безоблачного неба, но у пирамиды дрогнула и зажгла дерево поблизости.

— Они начали!

— Тогда уходи отсюда, девочка. Здесь тебе не место.

— Но ты мой!

— Я свой собственный и больше ничей! Не забывай об этом!

— Я люблю тебя!

— Ты предала меня.

— Нет. Ты говорил, что любишь человечество...

— Да.

— Не верю тебе! Не может быть — после того, что ты сделал...

Я поднял руку.

— Изыди Отсюда в пространстве и времени,— молвил я и остался один.

Молнии били чередой, опаляя землю.

Я потряс кулаком.

— Ну неужели вы никогда не оставите меня в покое? Дайте мне век, и я покажу вам мир, который, по-вашему, существовать не может!

В ответ земля задрожала и начала гудеть.

Я бился с ними. Я швырял молнии назад в их лица. Я выворачивал наизнанку поднявшиеся ветры. Но земля продолжала дрожать, и в основании пирамиды появились трещины.

— Покажитесь! — вскричал я.— Выйдите честно, один на один!

Но земля разверзлась, и пирамида рассыпалась.

Я падал во тьму.

Я бежал. Я был маленьким пушистым зверьком, а за мной по пятам неслась, рыча, свора гончих псов; их глаза сверкали, как огненные прожекторы, их клыки блестели, как мечи.

Я несся на крыльях колибри и услышал крик ястреба.

Я плыл сквозь мрак и вдруг почувствовал прикосновение щупальца...

Я излучался радиоволнами...

Меня заглушили помехи.

Я был пойман в силки, как рыба в сеть. Я попался...

Откуда-то донесся плач Стеллы.

— Почему ты рвешься, снова и снова? — говорила она.— Почему не довольствуешься жизнью спокойной и приятной? Неужели не помнишь, что они сделали с тобой в прошлом? Разве дни со мной не бесконечно лучше?

— Нет! — закричал я.

— Я люблю тебя,— сказала она.

— Такая любовь — явление воображаемое,— ответил я и был поднят и унесен прочь.

Она всхлипывала и следовала за мной.

— Я умолила их оставить тебя в мире, но ты швырнул этот мир мне в лицо.

— Мир евнуха, мир лоботомии... Нет, пусть они делают со мной что хотят. Их правда обернется ложью.

— Неужели ты веришь в то, что говоришь? Неужели ты забыл солнце Кавказа — и терзающего тебя грифа?

— Не забыл,— ответил я.— Но я ненавижу их. Я буду бороться с ними всегда и когда-нибудь добьюсь победы.

— Я люблю тебя...

— Неужели ты веришь в то, что говоришь?

— Глупец! — прогремел хор голосов, и я был распластан на скале и закован.

Весь день змея брызжет ядом в мое лицо, а Стелла подставляет чашу. И только когда женщина, предавшая меня, должна выплеснуть чашу мне в глаза, я кричу.

Но я снова освобожусь и снова приду со многими дарами на помощь многострадальному человечеству. А до тех пор я могу лишь смотреть на мучительно тонкую решетку ее пальцев на дне этой чаши и кричать, когда она ее убирает.

Государь, рожденный, чтобы властвовать миром

— Божьи яйца! — сказал первый могильщик, втыкая лопату в землю, но лишь за тем, чтобы облокотиться на нее и полюбоваться кровавым отблеском заходящего солнца.— Мы тут всю ночь проковыряемся.

— Чертова земля тверже камня,— кивнул второй.— Приспичило же старому мерзавцу отдать концы среди зимы, а нам его закапывай.

Третий молча подул на руки.

— Чем скорее он окажется под землей, тем лучше, дьявол его побери. С глаз долой, из сердца вон,— заметил он.

— Славно было смотреть, как горела его церковь. Клянусь Его раздвоенным копытом. Хорошо бы сейчас погреться от того огонька.

Остальные захихикали:

— Ага!

— Верно!

Они смотрели, как солнце соскальзывает за горизонт и тени вытесняют свет.

— Слушайте! Что это за звезда, вон там, высоко? — спросил первый, показывая на небо.

Другие посмотрели в этом направлении.

— Яркая, сволочь, да красная какая,— отозвался второй.— Но это не громила Марс. Не знаю... Никогда не видел таких.

— Сукин сын, похоже, двигается в сторону севера,— сказал третий.

— Ага,— согласился первый.

— Что это? — спросил второй.— Музыка? Слышите?

— Музыка? Ты что, рехнулся? — сказал третий.— Перебрал эля в «Мистресс Доллз»?

— Ты оглох, что ли? Вынь дерьмо из ушей и прислушайся!

— Он прав,— подтвердил первый.— Похоже, идет прямо из земли.— С этими словами он нажал ногой на лопату и, отковырнув комок земли, склонился над ямкой.— Ну-ка, послушаем,— сказал он и помолчал.— Отсюда идет.

Остальные наклонились, прислушиваясь.

— Клянусь святыми рогами Святого Джо,— сказал второй.— Тут и трубы, и какая-то штука со струнами, и барабан, и все это грохочет, будто у земли в кишках бурчит...

— Парни,— сказал третий, роняя лопату и выбираясь из незаконченной могилы.— Я не собираюсь околачиваться поблизости, когда начнется заварушка.

Остальные торопливо последовали за ним.

Когда они кинулись наутек от наполовину вырытой могилы, музыка стала набирать громкость, а земля начала вибрировать у них под ногами. В дюжине шагов от ямы они упали, повергнутые наземь спазмами, пробегавшими по земле, словно волны. Они зажмурились от внезапного сияния пламени, вырвавшегося из могилы.

— Владыки года! Мы пропали! — закричал первый.— Смотрите, что поднимается из Ямы!

Словно статуя, высеченная из древней ночи, рогатая фигура с перепончатыми крыльями взмыла над языками пламени и нависла над поверженными. Ее огромные желтые глаза стали вращаться из стороны в сторону, а затем остановились на трех дрожащих телах. Под грохот и пронзительное завывание музыки существо поставило ногу размером с буханку хлеба на край могилы. Внезапно его голос, подобный флейте, зазвучал, заглушая подземную мелодию:

— Возрадуйтесь, жалкие ублюдки, ибо нынче ночью родился ваш господин!

— Рады это слышать,— сказал первый.

— Я тоже,— поддакнул третий, постреливая глазами в сторону ближайшей рощицы.

— Этой ночью он родился от бывшей девственницы, которою Властелин Тьмы силой овладел в монастыре, где она проживала,— продолжало черное существо.— Изгнанная монахинями, не нашедшая приюта у боязливого деревенского люда, она скиталась, полубезумная, до нынешней ночи, пока не родила в пещере, в которой иногда овцы укрываются от непогоды. Ее сын — Мессия Ада, и я, Асмодей, возвещаю вам о его царстве! А теперь тащите свои задницы к пещере и воздайте ему почести!

Музыка, звучавшая все громче на протяжении его речи, утихла.

— Будет исполнено, господин Асмодей,— сказал первый.— Но — э-э-э — где нам найти эту пещеру с младенцем?

Асмодей поднял правую руку, указывая когтем ввысь.

— Следуйте за этой треклятой звездой,— сказал он.— На самом деле это демон в огненной колеснице. Он остановится прямо над пещерой, так что вы не ошибетесь.

— Да, сэр! — сказал второй.

— Уже идем,— подхватил третий.

Асмодей выпрыгнул из могилы и начал танцевать. Земля вновь задрожала, и откуда-то донесся хор детских голов, вторивших его песне:

Чьи глаза, как костры, освещают ночь?
То младенец в пустынном краю.
Это наш Государь, он должен помочь
Миру гибель встретить свою.

Когда первый могильщик оглянулся, он увидел, что двое товарищей отстали от него совсем ненамного.

Добравшись наконец до пещеры, из которой исходило слабое свечение, могильщики, чуть помедлив, заглянули внутрь.

Они увидели мать и дитя, лежавших на ложе из соломы среди толпившихся вокруг свиней, крыс, воронов и пары странных косматых существ.

— Что это за звери? — прошептал первый могильщик.

— Шакалы,— отозвался первый.— Я видел таких в одной книжке в замке. Господин читал ее накануне охоты, и ему пришло в голову показать нам картинки животных из других краев. Правда, я ума не приложу, как эти двое сюда попали.

— Может, их кто-то держал у себя, а потом выпустил на свободу.

— Может, и так.

Третий могильщик откашлялся.

— Лучше бы нам начать оказывать почести,— сказал он.— Не хотелось бы злить Асмодея.

— Ты прав,— согласился первый.

И они дружно откашлялись хором.

Женщина, почти ребенок, повернула к ним голову.

— Кто там? — спросила она.

— Просто... просто обычные могильщики,— сказал первый, входя в пещеру.— Нам сказали идти за звездой, и вот мы нашли это место. Мы пришли сюда чествовать... твоего ребенка.

Остальные несмело последовали за ним. Шакалы подняли головы и посмотрели на людей желтыми немигающими глазами. Было трудно сказать, откуда здесь исходил свет — бледное красноватое сияние. Возможно, от самого ребенка. Мать молча затряслась от рыданий.

— Что ж, вот он,— наконец сказала она, показывая на маленькую черную фигурку у себя под боком.— Он сейчас спит.

Мужчины упали на колени.

— Хорошо, что у тебя есть теплое меховое покрывало, чтобы завернуть его,— сказал второй.

Она рассмеялась, хотя слезы продолжали бежать по лицу.

— Это не покрывало. Это его собственная мохнатая шкура,— сказала она.

— О,— проронил третий.— Поскольку тебе не так повезло, позволь мне отдать тебе мой плащ.

— Я не могу взять у тебя плащ. Снаружи так холодно.

— У меня дома есть другой. Возьми,— сказал он.— Даже среди твоих приятелей-зверей тебе нужно чем-то укрыться.

Он снял плащ и набросил на нее.

— Надеюсь, он порадует тебя чем-нибудь,— сказал второй.

Она закусила губу.

— Кто знает? Он ведь мог взять от меня больше, чем от своего папаши. Это бывает, знаете ли.

— Конечно,— сказал первый, отворачиваясь.— Желаю тебе удачи... и чтобы малыш тебя любил и почитал и заботился о тебе.

— С какой это стати? — раздался тоненький голосок.

Могильщик оглянулся и почувствовал на себе пристальный взгляд странных глаз младенца (позже он так и не смог вспомнить, какого они были цвета).

— Он способен говорить с самого момента рождения,— сообщила мать.

— С какой это стати? — повторил младенец.

— Потому что она любит тебя и печется о тебе, потому что она страдала за тебя и будет страдать,— ответил первый.

Ребенок поднял глаза вверх.

— Мама, это правда? — спросил он.

— Да,— ответила она.

— Я не хочу, чтобы ты страдала,— сказал он.

— Ты мало что можешь с этим поделать,— отозвалась она.

— Посмотрим,— заявил он.

— Я думаю, нам пора идти,— сказал первый могильщик.

Она кивнула.

— Спасибо за плащ,— поблагодарила она третьего.

— Помедлите минутку,— сказал ребенок.— Кто велел вам идти сюда за звездой?

— Демон по имени Асмодей,— сказал второй.— Он вышел из-под земли и повелел нам сделать это.

— А почему вы сделали то, что он приказал?

— Как же, мы его боимся, сэр,— сказал первый.

— Понятно. Спасибо. Спокойной вам ночи.

Могильщики попятились к выходу и исчезли в ночи.

— Эти люди,— сказал тогда ребенок,— не любят меня и не пекутся обо мне, как ты. Они пришли, потому что боялись, что будут страдать, если не послушаются моего дядю. Разве это не так?

— Да,— сказала ему мать.— Это так.

— Что же тогда сильнее — любовь или страх?

— Я не знаю,— сказала она.— Но тот человек дал мне плащ не из страха, а он ведь из-за этого будет страдать от холода.

— Значит ли это, что он любит тебя?

— Заботиться о другом, когда ты этого делать не должен,— это что-то вроде любви. Но это скорее похоже на дружеский поступок, чем на любовь. Из страха же ты де-

лаешь что-то только потому, что ты должен или боишься, что тебе сделают больно.

— Я понял,— сказал мохнатый младенец, прижимаясь к ней.— Тот человек — друг.

Позже, когда они задремали, три другие фигуры приблизились к пещере и попросили разрешения войти. То были три короля, которые проделали долгий путь через моря с Востока и с Юга, принеся дары в виде опиума, стрихнина и серебра. И каждый из этих даров давал обладателю разного рода власть над людьми. Короли желали, чтобы в дни последнего пожара их царства остались нетронутыми, и, в качестве будущих союзников, хотели поживиться от грабежа соседей, которым вздумается оказать сопротивление.

— Я начинаю понимать,— сказал ребенок, когда они ушли.— Они не любят меня, они боятся меня.

— Это правда,— сказала мать.

— Они мне даже не друзья.

— Нет, не друзья.

В полночь в пещеру ворвался огромный язык пламени, наполнив ее тревожным сиянием. Мать ахнула и зажмурилась, но дитя бесстрашно смотрело на огонь, в котором начинали вырисовываться очертания темной могучей фигуры. Со смехом фигура шагнула вперед, чтобы разглядеть ребенка. Затем вошедший остановился и, сдернув с женщины плащ могильщика, швырнул его себе на плечи, где он мгновенно вспыхнул. Затем он набросил на нее и ребенка горностаевую мантию.

— Ты! — выдохнула она.

— Да,— отозвался он.— Мой сын и моя женщина заслуживают лучшего одеяния.— Отведя руку за спину, он извлек кипу рубашек, юбок и пеленок, которую положил перед ними.— А еще хорошего мяса, свежих фруктов, хлеба, овощей, зелени, вина.— Он поставил на пол массивную корзину. Потом склонился, чтобы рассмотреть опиум, стрихнин и тридцать слитков серебра.— А, короли уже наведались, чтобы молить за свои жалкие царства,— заметил он.— Что ж, поступай с ними, как знаешь, когда придет время.

— Я так и сделаю,— сказало дитя.

— Ты знаешь, кто ты такой, мальчик? — спросило темное существо.

— Я ее сын, и твой тоже.

— Это так, и ты можешь призвать себе на помощь легион демонов, просто назвав их по именам. Подумай, и увидишь, что знаешь все их имена.

— Кажется, знаю.

— А знаешь, чего я хочу от тебя?

— Думаю, чего-то, что несет кровь, и огонь, и разрушение. Некоторые называют это последним пожаром.

— Это достаточно точно. Детали станут тебе яснее, когда подрастешь. Кроме того, ты всегда можешь позвать меня, чтобы попросить совета или разрешить сомнения.

— Благодарю тебя.

— Орудием исполнения для тебя будет молодой человек, который станет королем. Ты встретишь его в один прекрасный день, сделаешь его своим рабом, поможешь ему взойти на царство, проследишь, чтобы он объединил свое государство, а затем заставишь его переплыть Пролив и, разрушив последние оплоты Римской империи, захватить их и выковать из них новую державу. Тогда ты сможешь перейти к выполнению следующей фазы моего плана...

— Отец, как будут звать того молодого короля?

— Я не могу проникать так глубоко в суть вещей, которым лишь предстоит свершиться. Над основными событиями всегда висит завеса тумана.

— Этот человек будет любить меня или бояться?

— Ни то ни другое, если ты будешь правильно использовать свою силу. Подумай над тем, какой урок преподали тебе эти дары. Серебро учит тому, что люди готовы предать друг друга, а также тому, что все имеет цену. Стрихнин учит тому, что те, кто досаждает тебе, могут быть уничтожены. Опиум учит тому, что людей можно покорить и вести их туда, куда тебе нужно, притупив их чувства и наведя на них сладкий дурман. Это может стать простейшим путем к твоему королю. Когда настанет время, ты поймешь, какой из этих способов лучше.

— Я понял тебя,— сказал ребенок.— Как я узнаю этого человека?

— Хороший вопрос, сын мой. Гляди! — С этими словами темное существо обернулось назад. Когда оно выпрямилось, в руках у него был меч. Он высоко замахнулся им, и клинок с ревом рассек пламя. Одним шагом он пересек пещеру и воткнул меч в камень.— Вот,— был ответ.— Он будет единственным человеком, кто сможет выдернуть меч из камня.

— Понятно,— сказало дитя.— Да, я тоже вижу вещи, которым суждено свершиться, хотя завеса над ними густа. Я понял, как могу использовать этот дар.

— Очень хорошо, сынок. Если тебе потребуется что-то, кликни моих слуг. Они будут подчиняться тебе так же, как подчиняются мне.

— Хорошо, отец.

Темный силуэт развернулся, отступил в пламя и исчез.

Через мгновение и пламя угасло.

Ребенок зевнул и вновь прижался к матери.

— Скажи мне, сынок,— спросила она.— Ты действительно можешь видеть будущее, как твой отец?

— Лучше, чем он,— зевая, ответил младенец.— Артур станет моим другом.

Спасение Фауста

Звонят проклятые колокола времен Оргий. Мои слова расплываются на странице.

Моргнув, я вижу, что бумага намокла.

У вина странный вкус, в воздухе гнилостный аромат, и Елена тихонько похрапывает во сне...

Я встаю. Подхожу к окну и выглядываю наружу.

Животные предаются веселью.

Они похожи на меня. Они ходят и говорят, как я. Но они животные. Animale post coitum triste est (животное после соития печально) — не всегда правильно. Они счастливы.

Бегают вокруг огромного шеста, бесстыдно рассыпаются по деревенской зелени; воистину счастливые животные. Они счастливы вновь и вновь.

Колокола!

Я отдал бы все, чтобы присоединиться к ним!

Но они питают ко мне отвращение.

...Елена?

Нет. Нет мне сегодня утешения. Ибо воистину я triste.

Вино. Их вино начинает течь с раннего утра! Благословенное опьянение охватывает всю округу. Мое же вино отдает горечью.

Я проклят.

— Боже, мой Боже, зачем ты отвернулся от меня?

— Фауст?

— Елена?

— Иди ко мне.

Я целую ее с нежностью, исполненной того странного чувства, что наполняет меня все последние месяцы.

— Почему?

— Что почему, милая?

— Почему ты так ко мне относишься?

— У меня нет слов, чтобы выразить чувство.

Еленины слезы падают на покрывало, горестно увлажняют мои руки.

— Отчего ты не такой, как другие?

Я смотрю в окно. Каждый удар колокола Оргий отдается в стенах моей плоти, в каркасе скелета.

— Я выторговал нечто очень ценное, милая, отдав все, чем владею.

— Что это?

— У меня нет слова для этого.

Я возвращаюсь на балкон и бросаю пригоршню золотых монет попрошайкам, толпящимся у моих ворот. Они разрываются между желанием получить милостыню и стремлением откликнуться на похотливый зов своей дряблой плоти. Да возымеют они и то и другое!

А теперь убирайтесь!

Мой взгляд падает на кинжал, церемониальный кинжал, который я использовал в ритуалах. Если бы только у меня была сила, была воля...

Но что-то, чего я не в силах постигнуть, кричит во мне: «Не смей! Это...» Я не знаю, как выразить эту идею словами.

— Вагнер!

Внезапное решение. Униженная мольба.

Попытка...

— Вы звали, хозяин?

— Да, Вагнер. Приготовь северную комнату. Сегодня я буду колдовать.

Его веснушчатое лицо вытягивается. Курносый нос обиженно сопит.

— Поторопись. Расставь все по местам. Затем можешь присоединиться к остальным на лугу.

Его лицо светлеет. Он кланяется. Прежде он никогда не кланялся, но я изменился, и люди теперь боятся меня.

— Елена, драгоценная моя, я удаляюсь, чтобы надеть свои одежды. Возможно, я буду другим человеком, когда вернусь.

Она тяжело вздыхает, она извивается на постели.

— О, скорее! Пожалуйста!

Ее животная страсть и притягивает меня, и отталкивает. О проклятие! Такого рода вещи я никогда раньше не почитал запретными! И ради какого-то богатства, знания, власти... Это!

Иду вдоль нескончаемых коридоров, среди сверкающего хрусталя, мрамора, многоцветных гобеленов. Тысячи статуй моего дворца плачут:

— Помедли! Спаси нас, Фауст! Не возвращайся туда! Мы станем уродливыми...

— Простите меня, красавицы,— отвечаю я,— но вас мне недостаточно. Я должен постараться вернуть себе то, что было когда-то моим.

Я иду дальше и слышу позади рыдания.

Северная комната затянута черным, и Круг начертан на полу. Свечи бичуют тьму огненными кнутами. Стены каруселью ходят в умоляющих глазах Вагнера.

— Хорошая работа. А теперь иди себе, Вагнер. Радуйся дню, радуйся своей юности...

Мой голос обрывается, но Вагнер уже далеко.

Черные одеяния вызывают у меня дрожь отвращения. Они столь несовместимы с моим существом... я сам не знаю почему.

— Сгустись, тьма!

На меня наваливается тяжесть. Скоро, скоро установится связь.

— Великий рогатый, призываю тебя из глубин...

Каждая свеча превращается в костер.

Но огонь не источает света.

Видимая тьма...

— Всеми великими именами заклинаю тебя, явись передо мной...

И вот он здесь, и мои члены наливаются свинцом.

Два глаза, мерцающих, немигающих, из покрова абсолютной тьмы.

— Фауст, ты звал меня.

— Да, великий рогатый, Властелин Празднества, я призывал тебя сегодня.

— Чего тебе надобно?

— Расторгнуть сделку!

— Почему?

— Желаю вновь стать таким же, как все. Я сожалею о том, что заключил договор. Возьми назад все, что дал мне! Сделай меня подобным беднейшему попрошайке у моих ворот, но сделай меня тем, кем я был.

— Фауст. Фауст. Фауст. Трижды называю я твое имя с сожалением. Ибо все уже не так, как я желаю или как ты желаешь, но согласно изъявленному желанию.

Голова у меня кружится, колени подгибаются. Я шагаю вперед и разрываю Круг.

— Тогда поглоти меня. Я не желаю больше жить.

Покров тьмы колыхнулся.

— Я не могу, Фауст. Это твоя судьба.

— Но почему? Что я сделал такого, отчего стал таким особым, что отделило меня от остальных?

— Ты принял душу в обмен на жажду жизни, ты же знаешь.

— Что такое душа?

— Я не знаю. Но это было частью договора, и в этом мире существуют условия, которые я обязан соблюдать. Ты навечно, бесповоротно спасен.

— Есть ли что-то, что я могу с этим сделать?

— Ничего.

Непосильной тяжестью давят на меня черные одежды.

— Тогда изыди, великий. Ты был хорошим богом, но во мне что-то повернулось. Я должен искать другого бога, ибо странные вещи беспокоят меня.

— Прощай, благородный Фауст — несчастнейший из людей.

Опустевшие стены кружатся каруселью. Круг за кругом.

Огромное зеленое солнце перемалывает все на своем пути. На веки вечные.

Звенят проклятые колокола времен Оргий!

И посередине я, один.

*И спасся только я один, чтобы возвестить тебе**

Оно никуда не девалось, никогда не рассеивалось — черное облако, из которого им на головы стеной лил дождь, били молнии, слышались артиллерийские раскаты грома.

Корабль снова поменял галс; Ван Беркум пошатнулся и едва не выронил коробку. Ветер ревел, рвал с плеч мокрую одежду, вода плескалась по палубе, закручивалась в водовороты у щиколоток — набежит, схлынет, снова набежит. Высокие валы поминутно ударяли в борт. Призрачные зеленые огни святого Эльма плясали на реях.

Шум ветра и даже раскаты грома прорезал крик терзаемого демонами матроса.

* Книга Иова, 1, 15.

Над головой болтался запутавшийся в такелаже мертвец — дожди и ветры выбелили его до костей, скелет облепили движущиеся зеленые огоньки, правая рука покачивалась, то ли призывно, то ли предостерегающе.

Ван Беркум перенес коробку на новую грузовую площадку и принялся найтовить ее к палубе. Сколько раз они перетаскивали эти коробки, ящики и бочки? Он давно потерял счет. Похоже, стоило им закончить работу, следовал приказ тащить груз на другое место.

Ван Беркум посмотрел через фальшборт. Всякий раз, как выпадала возможность, он вглядывался в далекий, едва различимый за дождем горизонт — и надеялся.

Это отличало его от товарищей по несчастью. Он один из всех сохранял надежду, пусть совсем маленькую,— потому что у него был план.

Взрыв громового хохота сотряс судно. Ван Беркума передернуло. Капитан теперь почти не выходил из каюты, где коротал время в обществе бочонка с ромом. Говорили, что он режется в карты с дьяволом. Судя по хохоту, дьявол только что выиграл очередную партию.

Делая вид, будто проверяет найтовы, Ван Беркум нашел глазами свою бочку — она стояла среди других, и Ван Беркум узнал ее по маленькому мазку синей краски. В отличие от прочих она была пуста и проконопачена изнутри.

Поворотясь, он двинулся обратно. Мимо пронеслось что-то огромное, с крыльями, как у летучей мыши. Ван Беркум втянул голову в плечи и пошел быстрее.

Еще четыре ходки, и всякий раз — быстрый взгляд вдаль. И вот... И вот?

Вот оно!

Он увидел! Корабль справа по курсу! Он торопливо огляделся. Поблизости никого. Вот он, случай! Если поторопиться и если никто не заметит...

Он подошел к своей бочке, снял найтовы, снова огляделся. По-прежнему никого. Другой корабль явно приближался. Некогда да и незачем было просчитывать курсы, прикидывать направление ветра и течений. Оставалось рисковать и надеяться.

Так он и поступил: подкатил бочку к фальшборту, поднял и сбросил в воду. В следующее мгновение он прыгнул следом.

Море было ледяное, кипящее, черное. Его потянуло вниз. Он лихорадочно барахтался, силясь вынырнуть на поверхность.

Наконец блеснул свет. Волны швыряли пловца, перехлестывали через голову, увлекали вниз. Всякий раз ему удавалось вынырнуть.

Он уже готов был сдаться, когда волнение вдруг улеглось, гроза стихла, просветлело. Плывя, он видел, как его корабль удаляется, унося с собой маленький передвижной ад. А рядом, чуть левее, покачивалась на волнах бочка с синей отметиной. Ван Беркум поплыл к ней.

Через какое-то время ему удалось догнать бочку и ухватиться за нее, даже немного высунуться из воды. Он держался за бочку и часто дышал. Его трясло. Хотя волны заметно ослабели, вода оставалась очень холодной.

Как только вернулись силы, он поднял голову и огляделся.

Вот оно!

Судно, которое он заметил с палубы, заметно приблизилось. Он поднял руку и замахал. Сорвал рубашку — она заплескала на ветру, как знамя.

Он держал рубашку, пока не занемела рука. Снова поднял голову: корабль стал ближе, хотя и не было уверенности, что его заметили. Судя по относительным курсам, они могли разминуться в ближайшие несколько минут. Ван Беркум переложил рубашку в другую руку и снова замахал.

Когда он снова поднял голову, то увидел, что судно сменило курс и направляется к нему. Останься у него хоть немного сил или хоть какие-то чувства, он бы разрыдался. Но он лишь ощутил навалившуюся усталость и нестерпимый холод. Глаза щипало от соли, и тем не менее они слипались. Надо было все время смотреть на онемевшие руки, чтобы убедиться — они еще держат бочку.

— Быстрее! — шептал он.— Быстрее!

Он был почти без сознания, когда его втащили в шлюпку и завернули в одеяло. Шлюпка еще не подошла к кораблю, а он уже спал.

Он проспал остаток дня и всю ночь, просыпаясь лишь для того, чтобы глотнуть горячего грога или бульона. Когда он пытался заговорить, его не понимали.

Только на следующий вечер привели матроса, который знал по-голландски. Ван Беркум рассказал ему все, что произошло — с той минуты, как он нанялся на корабль, и до прыжка в море.

— Чудеса! — заметил матрос, закончив перевод рассказа офицерам.— Значит, эта побитая штормами галоша, которую мы видели вчера, и впрямь «Летучий Голландец»! Значит, он взаправду существует, а ты... ты — единственный, кому удалось с него спастись!

Ван Беркум слабо улыбнулся, осушил кружку и отставил ее в сторону. Руки у него тряслись.

Матрос похлопал его по плечу.

— Успокойся, дружище, все позади,— сказал он.— Ты никогда не вернешься на дьявольское судно. Ты на борту надежнейшего корабля с отличными офицерами и командой. Мы всего несколько дней назад покинули порт. Набирайся сил и выбрось из головы тяжелые воспоминания. Мы рады приветствовать тебя на борту «Марии Селесты»*.

*Не женщина ли здесь о демоне рыдает?***

Ночной ноябрьский город, весь окутанный туманом: редкие пятна уличных фонарей, ледяной, пронизывающий ветер, несущийся вдоль заплаканных окон, и тишина.

Очертания предметов неясные, расплывчатые. Силуэты смазаны. Материя будто исходит кровью, исторгает из себя

* «Мария Селеста» — судно, команда которого бесследно исчезла в открытом море.

** Отсыл к строкам из поэмы С. Кольриджа «Кубла Хан».

жизненные соки прямо на улицу. Куда девались поворотные пункты времени? Может, это его стрела запуталась в силках тумана? Или просто заплутавшая птица ночи?

...Теперь он, этот человек, только что бежавший по улице трусцой, идет обычным шагом; его радостное возбуждение сменилось почти спокойствием. Среднего возраста, средних упитанности и роста, с длинными бакенбардами, темноволосый, он не смотрит ни вправо, ни влево. Он заблудился, но его походка почти бодра. Чувство огромной любви наполняет все его существо, любви всеобъемлющей, беспредметной, чистой, как жемчужный, туманом рассеянный свет фонаря на углу.

На углу, у фонаря, он поворачивает, чтобы перейти на другую сторону улицы.

Там стоит автомобиль, затем он трогается с места, проносится через перекресток; из глушителя слышно ровное урчание, свет фар рассекает мрак. Красные огни задних фонарей мелькают, покачиваясь, вдали, меркнут, исчезают; шины взвизгивают, когда автомобиль сворачивает за какой-то невидимый угол.

Мужчина прижался к стене здания. Он неотрывно смотрит в том направлении, куда умчался автомобиль. Еще долгое время после того, как автомобиль исчез, он продолжает смотреть ему вслед. Затем вытаскивает из внутреннего кармана портсигар, достает сигару, закуривает. Руки у него дрожат.

Мимолетный приступ паники...

Мужчина оглядывается по сторонам, вздыхает, затем поднимает небольшой, завернутый в газету сверток, который нес прежде и уронил на тротуар, возле бордюрного камня.

Потом осторожно, очень осторожно переходит улицу. И вскоре всем его существом вновь овладевает любовь.

На улице ему снова попадается припаркованная у обочины машина, он на мгновение останавливается возле нее, замечает внутри обнимающуюся парочку и продолжает свой путь. Впереди виден неясный свет.

Он приближается к освещенному месту. Внутри маленького кафе и в нескольких витринах по соседству горят

лампы. Ярко сияет афиша кинотеатра. Здесь есть люди, они идут по тротуарам, переходят через улицу. Из машин высаживаются пассажиры. Чувствуется слабый запах жареной рыбы. Кинотеатр, как он теперь может видеть, называется «Риджент-стрит».

Он задерживается возле афиши, которая гласит:

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭКЗОТИЧЕСКИЙ
ПОЛУНОЧНЫЙ СЕАНС!
«ПОЦЕЛУЙ СМЕРТИ»

Попыхивая сигарой, он рассматривает фотографии, выставленные за стеклом витрины. Длинноволосый прыщавый студент-медик подходит, чтобы тоже полюбоваться этими кадрами, вполне безобидными, но возбуждающими.

— Я уж думал, его никогда не покажут,— бормочет он.

— Прошу прощения?

— Да этот фильмец со всякими убийствами... Его ж суд запретил, вы что, не слыхали?

— Нет. Я не знал. Вот этот самый?

— Этот самый. Хотите посмотреть?

— Не знаю. О чем он?

Студент поворачивается и с легкой улыбкой смотрит на него, склонив голову набок. Видя его реакцию, мужчина тоже улыбается.

Студент хихикает и пожимает плечами.

— Может, это ваш единственный шанс его посмотреть,— говорит он.— Ставлю что хотите, его опять прикроют, а дело передадут в суд более высокой инстанции.

— Может, и посмотрю.

— Гнусная погода, верно? Я слышал, что *сохо** — это старинный охотничий клич. Наверное, так перекликались охотники в лесу, чтобы отыскать друг друга, да?

Он хихикает.

Мужчина вторит ему, кивая головой. Спокойствие сдержанного чувства, которое охватывает его как бы мяг-

* Сохо — район в центральной части Лондона, средоточие увеселительных заведений.

кой своей ладонью, теперь сменяется жаждой новых приключений.

— Да, наверное, надо мне посмотреть,— говорит он и подходит к окошку кассы.

Кассир поднимает на него глаза, когда он протягивает деньги.

— Охота вам деньгами сорить... Фильм-то старый.

Мужчина утвердительно кивает.

Кассир забирает монету, протягивая входной билет и сдачу.

Мужчина входит в фойе, смотрит по сторонам и направляется в зал следом за остальными.

— В зале курить нельзя. Пожарная безопасность.

— Ох, извините.

Бросив сигару в ближайшую урну, он отдает билет контролеру и входит в зал. В начале прохода он останавливается, чтобы взглянуть на экран, но его подталкивают сзади, и он продвигается вперед, находит свободное место слева и усаживается.

Он откидывается на спинку и позволяет теплому чувству охватить его. Странная ночь. Сбился с пути. И зачем он сюда пришел? Посидеть? Спрятаться? Согреться среди людской суеты? Из любопытства?

Видимо, по всем этим причинам вместе, решает он наконец. А мысли тем временем бредут, перебирая события жизни, и грусть, всегда наступающая после восторгов страсти, постепенно тает, сменяясь благодарной вежливостью.

Кто-то трогает его за плечо. Он быстро оборачивается.

— Это я,— говорит студент.— Фильм сейчас начнется. Вы когда-нибудь читали маркиза де Сада?

— Да.

— И что вы о нем думаете?

— Декадентствующий дилетант.

— Ах вот как.

Студент снова откидывается назад и принимает задумчивую позу. Мужчина переводит взгляд на экран.

Через некоторое время свет в зале меркнет и гаснет. Вспыхивает экран. На нем возникают слова: «Поцелуй

смерти». Потом вместо них появляются человеческие фигуры. Мужчина наклоняется вперед, хмурит брови. Он оборачивается и изучает пучок света, струящийся из будки киномеханика; в нем пляшут пылинки. Он видит часть проектора. Поворачивается обратно к экрану; теперь он дышит глубже.

Он следит за всеми поворотами сюжета, демонстрирующего различные проявления страсти; время течет медленно. Зал притих. Ему кажется, что он перенесся в волшебное царство. Люди вокруг приобрели какой-то сверхъестественный вид, их лица бледны и пусты в отраженном от экрана свете. Шее становится холодно сзади, и он чувствует, как шевелятся волосы у него на затылке. Но все же подавляет желание встать и уйти, потому что на экране происходит нечто пугающее. И ему представляется важным и необходимым досмотреть все это до конца.

Он вновь откидывается в кресле, по-прежнему глядя на мелькающие кадры действа, разворачивающегося перед ним.

В животе у него холодеет, когда он понимает, что именно должно произойти в конце, тем более когда видит нож, выражение на лице девушки, внезапные резкие движения, мучительные судороги, кровь.

Пока это продолжается, он кусает кулак и начинает потеть.

Все это как в жизни, совсем как в жизни...

— О господи! — восклицает он и обессиленно откидывается назад.

Потом к нему вновь возвращается ощущение приятного тепла.

Он продолжает смотреть, пока последний кадр не исчезает с экрана и в зале вновь не зажигается свет.

— Ну и как, вам это понравилось? — спрашивает голос сзади.

Он не оборачивается.

— Удивительно,— произносит он наконец,— как это им удается вот так передвигать картинки по экрану...

Он слышит знакомое хихиканье, затем вопрос:

— Не хотите ли выпить со мной кофе? Или чего покрепче?

— Нет, спасибо. Мне надо идти.

Он встает и поспешно идет по проходу, назад, в объятый туманом город, где он каким-то образом заблудился.

— Эй, вы забыли свой пакет!

Но человек уже не слышит.

Он ушел.

Студент поднимает сверток, взвешивает на руке, размышляя.

Когда он в конце концов разворачивает «Таймс», в который это завернуто, у него перехватывает дыхание: не только потому, что там — человеческое сердце, но и потому, что номер газеты датирован ноябрем 1888 года*.

— Господи! — произносит он.— Помоги ему найти дорогу домой!

Туман на улице начинает приподниматься, редеть, и ветер слабо шуршит, проносясь мимо. Длинная тень человека, охваченного чувством любви и ощущением чего-то чудесного, удивительного, движется, как лезвие ножа, сквозь город, сквозь ноябрь, сквозь ночь.

Последний защитник Камелота

Трое уличных грабителей, остановившие его той октябрьской ночью в Сан-Франциско, никак не ожидали подобного отпора, несмотря на внушительный рост старика. Он был хорошо одет, и этого им оказалось достаточно.

Первый приблизился к нему и протянул руку. Остальные двое держались чуть позади.

— Гони бумажник и часы,— сказал грабитель.— И не вякай — избавишь себя от лишних забот.

* Вероятный намек на знаменитого лондонского убийцу конца XIX века Джека Потрошителя.

Старик поудобнее перехватил свою трость. Плечи его распрямились. Взметнулась копна седых волос, и он повернулся лицом к грабителю:

— Ну что ж, попробуй возьми.

Грабитель сделал было шаг вперед, но так его и не закончил. Трость мелькнула в воздухе так быстро, что он даже не заметил этого. Удар пришелся в левый висок, и он упал.

Не останавливаясь, старик перехватил трость левой рукой за середину, шагнул и ткнул ею второго грабителя в живот. Когда тот согнулся пополам, он врезал ему наконечником трости под челюсть, в мягкие ткани слева под подбородком — так боксер проводит хук. А когда бандит рухнул на землю, старик добавил ему еще — рукоятью трости по черепу.

Третий грабитель схватил старика за плечо, но тот, бросив трость, взял его левой рукой за ворот рубашки, а правой за пояс брюк, оторвал от земли, вскинул на вытянутых руках над собой и грохнул о стену здания, стоявшего справа.

Затем старик привел себя в порядок, пригладил ладонью волосы и поднял с земли трость. На мгновение его взгляд задержался на тех троих, что лежали на тротуаре бесформенными кучами, потом он пожал плечами и продолжил свой путь.

Откуда-то слева доносился шум уличного движения. На углу он повернул направо. Над высокими зданиями появилась луна. В воздухе чувствовался запах океана. Некоторое время назад прошел дождь, и мокрый тротуар все еще блестел, отражая свет уличных фонарей. Старик двигался медленно, изредка останавливаясь и рассматривая темные витрины.

Минут через десять он поравнялся с боковой улочкой, где было более оживленно, чем на тех, которые он миновал. Аптека на углу была все еще открыта, дальше светились окна закусочной и витрины магазинов. На противоположной стороне улицы он заметил нескольких прохожих. Мимо проехал мальчик на велосипеде. Старик свернул и

пошел по этой улице; его светлые глаза внимательно посматривали по сторонам.

Когда он прошел с полквартала, в глаза ему бросилась довольно грязная витрина, на стекле которой было краской написано: «Гадалка». Под надписью была изображена ладонь и разбросанные игральные карты. Он заглянул в распахнутую дверь. Ярко одетая женщина, с волосами, стянутыми сзади в узел зеленым платком, сидела в задней части комнаты и курила. Когда их глаза встретились, она улыбнулась ему и поманила к себе указательным пальчиком. Он тоже улыбнулся и хотел было пройти мимо, однако...

Однако еще раз взглянул на нее. Что же это? Он посмотрел на часы.

Потом повернулся, прошел в глубь комнаты и остановился перед гадалкой. Она встала и оказалась совсем невысокой, чуть больше пяти футов.

— У вас зеленые глаза,— заметил он.— А у большинства цыганок, что я встречал, глаза темные.

Она пожала плечами:

— Уж такие достались. У вас какие-нибудь проблемы?

— Дайте подумать. Сейчас что-нибудь вспомню,— отвечал он.— Вообще-то я вошел сюда просто потому, что вы мне кого-то напомнили, и теперь меня это мучает: никак не могу вспомнить, кого именно.

— Пройдемте-ка в другую комнату,— предложила она.— Присядем там и поговорим, хорошо?

Он кивнул и последовал за ней в маленькую комнату позади первой. Пол здесь был покрыт вытертым до основы восточным ковром, и стоял небольшой стол, за который они и сели. На стенах висели изображения знаков Зодиака и психоделические плакаты полурелигиозного содержания. На подставке в углу рядом с вазой, полной свежих цветов, покоился хрустальный шар. Темная пушистая кошка спала на диване справа от него. За диваном виднелась приоткрытая дверь в третью комнату. Единственным источником света служила дешевая лампа, стоявшая на столе перед ним, да еще на кофейном столике, покрытом шалью, была зажжена маленькая свечка.

Старик облокотился на стол, внимательно всматриваясь в лицо женщины, затем покачал головой и откинулся назад.

Она стряхнула пепел сигареты прямо на пол.

— Итак, что вас беспокоит?

Он вздохнул:

— Да у меня, пожалуй, нет никаких проблем, разобраться с которыми я сам бы не мог. Знаете, я, наверное, зря к вам зашел. Я заплачу вам за беспокойство, как за сеанс. Сколько я должен?

Он полез было в карман за бумажником, но она остановила его, подняв руку.

— Может, все дело в том, что вы просто не верите во все это? — спросила она, сверля его глазами.

— Да нет, совсем наоборот,— отвечал он.— Я готов верить в ворожбу, в предсказания и всякого рода заклятья и чары, в магию, черную и белую. Но...

— Но не в такой дыре, как эта?

Он улыбнулся:

— Я не хотел вас обидеть.

Раздался свистящий звук. Казалось, он доносится из соседней комнаты.

— Не беспокойтесь,— сказала она.— Это просто чайник закипел. Я про него и забыла. Чаю со мной выпьете? Чашки у меня, честное слово, чистые. Я вас угощаю. Время здесь так медленно тянется...

— Хорошо.

Она встала и вышла.

Он глянул было в сторону двери, но не встал, а вольготно откинулся в кресле, положив огромные руки с выступающими синими венами на мягкие подлокотники. Затем принюхался, раздувая ноздри и склонив голову набок — словно почувствовал некий смутно знакомый аромат.

Через некоторое время женщина вернулась, неся поднос, который поставила на кофейный столик.

Кошка зашевелилась, подняла голову, поморгала, потянулась и снова закрыла глаза.

— Молоко? Сахар?

— Да, пожалуйста. Один кусок.

Она поставила на стол две чашки.

— Берите любую.

Он улыбнулся и взял ту, что стояла слева. Она поставила на середину стола пепельницу и подвинула к себе вторую чашку.

— В этом не было никакой необходимости,— заметил он, кладя руки на стол.

Она пожала плечами.

— Вы ведь меня не знаете, правда? Так почему вы должны мне доверять? А может, у вас с собой куча денег.

Он снова внимательно посмотрел на нее.

Она, видимо, успела удалить с лица грубо наложенный макияж, пока ходила за чаем. Этот овал лица, брови...

Он отвел взгляд. Взял чашку.

— Хороший чай. Не то что в этих пакетиках,— сказал он.— Спасибо.

— Стало быть, вы верите в магию? — спросила она, прихлебывая чай.

— В общем, да, верю,— отвечал он.

— И у вас есть на то особые причины?

— Иной раз она действует.

— Например?

Он сделал неопределенный жест левой рукой.

— Я много путешествовал. И видел много странных вещей.

— И проблем у вас никаких нет?

Он засмеялся:

— Все еще хотите погадать мне? Ну хорошо. Я вам немного расскажу о себе и о том, что мне очень нужно прямо сейчас, а вы попробуйте предсказать, получу я это или нет. Хорошо?

— Я вас слушаю.

— Я сотрудник одной большой картинной галереи. Приобретаю для нее картины и антикварные вещи. Имею некоторый вес в этих кругах, считаюсь чем-то вроде специалиста по старинным изделиям из драгоценных металлов. Сюда я приехал на аукцион — распродается коллекция одного частного владельца, ныне покойного. Осмотр начинается завтра. Естественно, я рассчитываю найти что-нибудь стоящее. Как вы полагаете, велики ли мои шансы на успех?

— Протяните ко мне руки.

Он протянул их ладонями вверх. Она наклонилась и вгляделась в лабиринт линий.

— У вас на запястьях столько «браслетов», что мне и не сосчитать!

— Да и у вас как будто тоже.

Она посмотрела прямо ему в глаза, но выдержала лишь секунду и тут же снова склонилась над его ладонями.

Он заметил, как она побледнела, несмотря на остатки румян, и как участилось вдруг ее дыхание.

— Нет,— наконец произнесла она, отодвигаясь назад,— вы не найдете здесь того, что ищете.

Когда она снова взяла свою чашку, рука ее слегка дрожала. Он нахмурился.

— Я просто так спросил, в шутку,— сказал он.— Не стоит расстраиваться. Я и сам сомневался, что мне удастся найти то, что я ищу.

Она покачала головой:

— Скажите мне, как вас зовут.

— Я вообще-то француз,— ответил он.— Но давно даже говорю без акцента. Моя фамилия дю Лак*.

Она уставилась на него и захлопала глазами.

— Нет...— произнесла она.— Не может быть!

— Увы, это так. А вас как зовут?

— Моргана,— ответила она.— Я недавно перекрасила вывеску. Она даже еще не высохла.

Он засмеялся было, но смех замер у него на губах.

— Так... Теперь... теперь я знаю, кого вы мне напоминаете...

— И вы мне кое-кого напомнили. И я теперь тоже знаю кого.

Из глаз ее текли слезы, смывая тушь с ресниц.

---

* Дю Лак — Озерный *(фр.)*. Прозвище сэра Ланселота, одного из рыцарей Круглого Стола.

— Но этого не может быть,— произнес он.— Здесь! В такой дыре...

— О, мой дорогой,— тихо произнесла она, прижимая правую ладонь к губам. Она как будто запнулась на мгновение, но потом все же вымолвила: — Я уж думала, что я последняя осталась, а тебя похоронили тогда в Джойос-Гарде. Я и подумать не могла...— Потом после паузы добавила: — Ну а это...— Она обвела рукой комнату.— Это отвлекает меня, помогает убить время. Все время ждать и ждать...

Она умолкла. И выпустила его руку.

— Расскажи мне о себе,— попросила она.

— Все время ждать? — переспросил он.— Ждать чего?

— Покоя,— отвечала она.— Я пребываю здесь все эти долгие годы благодаря своим чарам, своему искусству. Но ты... Как тебе это удалось?

— Я...— Он сделал глоток чаю. Оглядел комнату.— Не знаю, с чего и начать. Я пережил все последние битвы, видел, как развалилось королевство, и ничего не мог поделать. В конце концов я покинул Англию. Бродил по свету, поступал на службу ко многим правителям, в разные эпохи и под разными именами, пока не понял, что совсем не старею... Или старею очень-очень медленно. Бывал в Индии, в Китае... Участвовал в крестовых походах... Везде я побывал. Беседовал с магами и волшебниками — большинство из них, правда, шарлатаны, но некоторые все же обладали определенным могуществом — конечно, не таким, как у Мерлина. И тот вывод, к которому я пришел в итоге сам, подтвердил мне один из них, скорее всего шарлатан, но тем не менее...— Он помолчал, допил чай и спросил: — Ты действительно хочешь все это услышать?

— Да, я хочу все это услышать. Только позволь мне сначала принести еще чаю.

Она вернулась с чайником. Села, закурила сигарету и откинулась на спинку кресла.

— Продолжай.

— Я решил, что всему виной... мой грех,— сказал он.— Грех... с королевой.

— Не понимаю.

— Я предал не только своего сюзерена, но и друга. Предал, и это мое предательство уязвило его сильнее любого другого. Любовь, которой я воспылал, оказалась сильнее преданности сеньору или дружбы. И даже сегодня, сейчас она для меня сильнее всего на свете. Я не могу покаяться — и, стало быть, не могу быть прощен. То были странные и волшебные времена. Мы жили в стране, которой самой судьбой предназначено было стать легендой. И в те дни королевством управляли силы, которые ныне исчезли с лица земли. Как и почему — я не знаю. Но знаю, что это так. А я некоторым образом часть того прошлого, и законы, что управляют моим существованием,— не обычные законы естественного мира. Я полагаю, что не могу умереть; что мне выпал такой удел в качестве наказания — я буду бродить по свету, пока не завершится мой Поиск. Я полагаю, что покой мне удастся вкусить лишь тогда, когда я отыщу Святой Грааль. Джузеппе Бальзамо — еще до того, как он стал известен под именем Калиостро,— каким-то образом сумел разгадать мой жребий и подтвердил мои собственные догадки на сей счет, хотя я никогда ни словом ему об этом не обмолвился. И вот я отправился на поиски... Теперь уже не как рыцарь, не как воин, а как торговый агент и оценщик. Я побывал почти во всех музеях Земли, видел почти все крупные частные коллекции. Но пока так и не напал на след.

— Пожалуй, ты становишься несколько староват для битв.

Он хмыкнул.

— Меня еще никому не удавалось победить,— решительно заявил он.— Ни разу за все эти десять веков я не проиграл ни одного поединка. Ты права, я действительно постарел, хотя в случае опасности вся былая сила возвращается ко мне. Но где бы я ни бродил, где бы ни сражался, я так и не нашел того, что ищу. Думаю, мне просто нет прощенья, и я обречен странствовать, подобно Вечному Жиду, до скончания времен.

Она опустила голову.

— Так, говоришь, я и завтра ничего не найду?

— Тебе никогда его не найти,— тихо произнесла она.

— Ты увидела это по моей руке?

Она покачала головой.

— Твоя история весьма впечатляет, а объяснение, которое ты ей придумал,— настоящий роман,— сказала она.— Но ведь Калиостро был полный шарлатан. Видимо, ты как-то нечаянно выдал свои мысли, а об остальном он догадался сам. Но он ошибся. Я же говорю: ты никогда его не найдешь. Не потому, что ты этого не достоин или тебе нет прощенья. Ничего подобного. На земле никогда не было более достойного рыцаря и более верного вассала. Тебе разве не известно, что Артур простил тебя? Это же был брак по расчету, без любви. Такие вещи происходили всегда и везде, сам прекрасно знаешь. Ты дал ей то, чего он дать не мог. Нежность, любовь. И Артур это понимал. Единственное, что тебе так нужно и чего ты не мог получить все эти годы,— это собственное прощенье. Нет, ты вовсе не проклят. Только твои собственные переживания заставили тебя взвалить на плечи столь непосильное бремя, пуститься в этот безнадежный поиск, обречь себя на полное непрощение. Но ты страдал столько веков впустую, ибо шел по ложному пути.

Взглянув на него, она увидела, что глаза его стали жесткими и прозрачными, как лед или самоцветы. Но она выдержала его тяжелый взгляд и продолжала:

— Святого Грааля не существует. Его и в наши времена не существовало и, вероятно, вообще никогда не было на свете.

— Но я же видел его! — воскликнул он.— В тот день, когда он возник в Зале Круглого Стола. Мы все его видели!

— Тебе лишь показалось, что ты его видел,— поправила она.— Мне очень неприятно разрушать твои иллюзии, ведь они выдержали все испытания временем, но, по-моему, я должна тебе это сказать. Королевство, как ты и сам помнишь, распадалось. Рыцари устали, им все надоело, и они начали потихоньку отходить от вашего братства. Еще год, а может, и полгода — и все должно было рухнуть, все, что Артур с таким трудом создавал. Но

он понимал: чем дольше выстоит Камелот, тем дольше будет звучать его гордое имя, тем сильнее укрепятся его идеалы. И тогда он принял решение, решение чисто политическое. Нужно же было что-то делать, чтобы сохранить целостность Камелота. И он призвал Мерлина, уже наполовину выжившего из ума, но еще достаточно хитроумного, чтобы тот подсказал, что нужно предпринять. Так родилась идея Поиска Святого Грааля. Мерлин с помощью своих чар и вызвал иллюзию, которую все вы видели в тот день. То была, разумеется, ложь, мистификация. Однако великолепная и по-своему благородная. И она служила еще долгие годы вашему братству, объединяя вас во имя справедливости и любви. Она вошла в литературу, помогла развитию высоких идеалов. Она свое дело сделала. Но в действительности-то никакого Грааля не существовало. Ты гонялся за призраком. Мне очень жаль, Ланселот, но у меня нет совершенно никаких причин лгать тебе. Я ведь узнаю волшебство с первого взгляда. Так вот, тогда в Зале Круглого Стола было лишь волшебство. Такова вся эта история на самом деле.

Он долгое время молчал. Потом вдруг сдержанно рассмеялся.

— У тебя на все есть ответ,— сказал он.— И я поверил бы тебе, если б ты могла ответить еще на один вопрос: зачем я здесь оказался? По какой причине? С помощью каких сил? Как получилось, что судьба хранила меня тысячу лет христианской эры, тогда как другие вокруг меня старели и умирали? Можешь ты раскрыть мне то, чего не мог раскрыть Калиостро?

— Да,— отвечала она.— Думаю, что могу.

Ланселот встал и принялся ходить по комнате. Испуганная кошка метнулась с дивана в дальнюю комнату. Потом он остановился, схватил свою трость и направился к двери.

— Поистине мне стоило прождать тысячу лет, чтобы наконец увидеть, как ты испугался,— бросила она.

Он резко остановился.

— Это нечестно,— сказал он.

— Знаю. Но сейчас ты вернешься и сядешь на место.

Он уже улыбался, когда снова уселся за стол.

— Что ж, говори,— потребовал он.— Как ты себе это представляешь?

— Это чары. Последнее колдовство Мерлина. Вот как я думаю.

— Мерлин? Заколдовал меня? Но зачем?

— Ходили сплетни, что этому старому козлу как-то удалось затащить леди Вивиан в лес, и ей пришлось в качестве самозащиты воспользоваться одним из его же собственных заклятий — тем самым, которое навеки погружает в сон. Если это было то самое заклятье — а я считаю, что это было именно оно,— тогда по крайней мере вторая половина этой сплетни не соответствует истине. От этого заклятья нет защиты, однако действие его не вечно и длится примерно тысячу лет, а затем Мерлин должен проснуться. Думаю, последнее, что он сумел сделать, прежде чем впасть в сон, это опутать тебя чарами, чтобы в момент его пробуждения ты был у него под рукой.

— Что ж, это вполне возможно, только зачем я могу ему здесь понадобиться?

— Если бы мне самой пришлось путешествовать во времени, то я желала бы иметь спутника, союзника в незнакомой эпохе. И если бы у меня был выбор, я бы желала, чтобы им оказался величайший герой времени.

— Мерлин...— задумчиво произнес он.— Да, весьма возможно, что все произошло именно так, как ты говоришь. Прости меня, но я сейчас в таком состоянии. Весь мой мир внезапно рухнул. Вся моя долгая жизнь... И если это правда...

— Я уверена, что это правда.

— Если это правда... Ты сказала, тысячу лет?

— Или около того.

— Значит, как раз наступает срок.

— Знаю. И не верю, что наша сегодняшняя встреча — простая случайность. Тебе судьбой предназначено встретиться с ним, когда он проснется, а это очень скоро должно случиться. Однако судьбой же было предопределено,

чтобы сперва ты встретился со мной и получил предостережение.

— Предостережение? О чем?

— Он безумен, Ланселот. Многие из нас испытали огромное облегчение, когда он уснул. Если бы Артурово королевство в конечном итоге не распалось в результате раздоров, оно, так или иначе, развалилось бы благодаря его деятельности.

— В это мне трудно поверить. Он всегда был немного странным — разве можно до конца понять волшебника? — а в последние свои годы он действительно казался по меньшей мере слегка чокнутым. Но злонамеренности в нем я не ощущал никогда.

— Да никакой злонамеренности в нем и не было. Просто его представления о нравственности несколько отличались от общепринятых, казались странными и опасными. Так бывает с запутавшимися идеалистами. В тот примитивный век, да еще имея такой послушный инструмент, как король Артур, он был способен сотворить легенду. Сегодня, в эпоху чудовищных видов оружия, имея в своем распоряжении послушного политического лидера, он мог бы устроить нечто поистине кошмарное. Например, увидел бы какую-то несправедливость и заставил свою марионетку исправить ее. Он сделал бы это во имя тех же высоких идеалов, которым служил всегда. Но результатов своего деяния он бы оценить не успел — было бы слишком поздно. Где уж ему — даже если бы он сохранил рассудок. Он же понятия не имеет о современных международных отношениях.

— Но что же теперь делать? И какова моя роль во всем этом?

— По-моему, тебе нужно вернуться назад, в Англию, и присутствовать при его пробуждении. Тогда ты узнаешь точно, чего он хочет, и сможешь попытаться договориться с ним.

— Ну, не знаю... Да и как мне его найти?

— Ты же нашел меня. Когда придет время, ты сам окажешься в нужном месте. Уверена. Это предопределено.

Видимо, это было частью заклятья. Найди его. Но не доверяй ему.

— Не знаю, Моргана.— Он посмотрел на стену невидящим взором.— Просто не знаю...

— Ты ждал так долго, а теперь боишься все узнать до конца?

— Ты права — по крайней мере в этом.— Он сплел пальцы и опустил на них подбородок.— Не знаю, что я буду делать, если он действительно вернется... Попытаться с ним договориться? Да, пожалуй... Еще что-нибудь можешь посоветовать?

— Нет. Ты просто должен быть там.

— Ты же изучала мою руку. Ты владеешь этим искусством... Что ты там увидела?

Она отвернулась.

— Там все неясно...

В ту ночь ему снились сны. Ему временами снились такие сны — о давно минувших днях. Вот все они сидят за огромным Круглым Столом, как прежде. И Гавэйн, и Персеваль. Галахад... Он заморгал. Нет, сейчас все было иначе. Чувствовалось какое-то напряжение, как будто перед грозой... Мерлин стоял в дальнем конце зала, руки спрятаны в длинных рукавах, взлохмаченные волосы и борода совершенно седые, выцветшие глаза уставились в пространство — на что, на кого, понять невозможно...

После, казалось, бесконечного ожидания возле двери возникло красноватое сияние. Все взгляды устремились туда. Бесформенное пятно света становилось все ярче и медленно двигалось по залу. Слабо запахло чем-то сладковатым, зазвучали мягкие струнные аккорды... Постепенно пятно начинало обретать форму, сперва центральная его часть, а потом и все остальное все более и более напоминало своими очертаниями чашу...

Он почувствовал, что невольно встает и медленно идет к ней через огромный зал, беззвучно и целенаправленно, словно плывя на большой глубине под водой...

Вот он настигает ее, протягивает руку...

Его рука прошла светящийся круг до самого центра, до сияющей чаши и сквозь нее...

И тут же свет погас. Очертания чаши дрогнули, пошли волнами, она свернулась, словно цветок, угасая, угасая, пока не исчезла совсем...

И тут раздался грохот. Он прогремел по всему залу, эхом отражаясь от стен. То был взрыв смеха.

Ланселот обернулся и посмотрел на них. Они сидели вокруг Стола, наблюдая за ним, смеясь. Даже Мерлин выдавил какой-то смешок.

Внезапно в руке Ланселота оказался его длинный меч, он поднял его и устремился к Столу. Рыцари, сидевшие с его края, бросились врассыпную, когда он обрушил тяжелый клинок на Стол.

Стол раскололся пополам и рухнул. Стены задрожали.

Дрожание их не прекращалось. Из стен начали выпадать камни, обрушилась потолочная балка. Он поднял руку.

Весь замок рушился, вокруг него стоял грохот, сквозь который по-прежнему продолжал звучать смех.

Он проснулся мокрым от пота и долго лежал неподвижно. Утром он купил билет до Лондона.

Лишь два-три самых простых звука естественного происхождения сопровождали его в тот вечер, когда он шел, опираясь на свою трость. Он уже дней десять бродил по Корнуоллу, но не обнаружил никаких намеков на то, где следует искать. И решил, что останется еще на два дня, после чего бросит поиски и уедет.

Сейчас его донимали ветер и дождь. Он ускорил шаг. Только что зажегшиеся на небе звезды то и дело скрывались за полосами тумана и густыми облаками, которые, как чудовищные грибы, вырастали то тут, то там. Он шел меж деревьями, потом остановился и снова зашагал вперед.

— Не надо было здесь так долго задерживаться,— пробормотал он. Затем, после некоторой паузы, добавил: —

«Nel mezzo del cammin di nostra vita mi ritrovai per una selva oscur»*.— Он рассмеялся и остановился под деревом.

Дождь был несильный. Скорее, морось, густой туман. Яркое пятно на небе указывало, где теперь находится луна, окутанная облачной дымкой.

Он вытер лицо и поднял воротник. Посмотрел на луну. Помедлив немного, повернул направо. Издали докатился слабый раскат грома.

Туман все сгущался. Мокрые опавшие листья чавкали под сапогами. Какое-то животное неопределенного размера выскочило из прижавшихся к скалам кустов и стремительно скрылось во мраке.

Прошло пять минут... десять... Он тихо выругался. Дождь снова усилился. Может, это та самая скала?

Он сделал полный круг. Все направления представлялись ему одинаково неприемлемыми. Выбрав первое попавшееся, он снова пошел вперед.

Потом в некотором отдалении он увидел во мраке искру, отсвет, колеблющееся пламя, которое то исчезало, то появлялось вновь, словно время от времени за чем-то скрываясь. Он пошел на этот неверный свет. Примерно через полминуты свет снова погас, но он продолжал идти в том же направлении. Опять прогремел гром, на сей раз куда громче.

Когда ему уже начало казаться, что это лишь обман зрения или какой-то мимолетный природный феномен, в той же стороне он заметил кое-что еще, какое-то движение — будто тень мелькнула во мраке у основания огромного дерева. Он замедлил шаг, осторожно приближаясь к этому месту.

Да, вот оно!

Впереди, чуть правее, от облака мрака отделилась неясная фигура, похожая на человека. Человек ступал медленно и тяжело, под его ногами трещали ветки. Случайный

* «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» *(ит.)* Начальные строки «Божественной комедии» Данте. Перевод М. Лозинского.

луч лунного света на миг осветил нечто желтое, металлическое и мокрое.

Ланселот остановился. Ему показалось, что он только что видел рыцаря в полном латном облачении. Сколько времени прошло с тех пор, когда он в последний раз видел такое? Он помотал головой и стал вглядываться в темноту.

Незнакомец тоже остановился. Поднял правую руку в приглашающем жесте, затем повернулся и пошел прочь. Ланселот мгновение колебался, затем последовал за ним.

Рыцарь свернул влево и двинулся крутой и опасной тропкой, скользкой, каменистой, куда-то вниз. Ланселоту пришлось опираться на трость, чтобы не упасть. Он почти догнал рыцаря и теперь ясно слышал, как на ходу позвякивают его доспехи.

И тут рыцарь исчез, проглоченный тьмой.

Ланселот приблизился к тому месту, где в последний раз блеснули латы, и остановился у огромного каменного выступа, тростью ощупывая поверхность скалы.

Трость некоторое время натыкалась на сплошной камень, а потом вдруг попала в пустоту. И он двинулся туда.

В скале была трещина, пещера. Ланселоту пришлось боком протискиваться туда, и стоило ему сделать это, как из-за каменного выступа в глаза ему ударил свет, который он раньше видел издали.

Проход расширялся и изгибался, ведя его вперед и куда-то вниз. Несколько раз он останавливался и прислушивался, но не слышал ни звука, за исключением собственного дыхания.

Он достал носовой платок и тщательно вытер лицо и руки. Стряхнул капли с одежды, опустил воротник. Счистил листья и грязь с сапог. Словом, привел себя в порядок. Затем прошел немного вперед и, обогнув последний угол, очутился в помещении, освещенном маленькой масляной лампой, подвешенной на трех тонких цепочках к чему-то скрытому во мраке над головой. Желтый рыцарь стоял неподвижно у дальней стены. А прямо под лампой, на соломенном тюфяке, брошенном на какой-то камен-

ный пьедестал, лежал старец в лохмотьях. Его заросшее бородой лицо наполовину было в тени.

Ланселот подошел ближе и увидел, что темные глаза старца открыты.

— Мерлин?..— прошептал он.

В ответ раздался неясный шепот и легкое покашливание. Поняв, что старец хочет что-то ему сказать, он наклонился к самым его губам.

— Эликсир... Там, на каменной полке... сзади...— услышал он затрудненный шепот.

Он повернулся и пошарил рукой по каменному выступу.

— Ты знаешь, где он спрятан? — спросил Ланселот у желтого рыцаря.

Тот не пошевелился и не ответил. Стоял, как манекен на витрине. Ланселот снова зашарил по полке. Через некоторое время он обнаружил то, что искал. В глубокой тени, в нише за выступом он нащупал пальцами флакон и поднес его к свету. Внутри флакона плеснулась какая-то жидкость. Он вытер горлышко сосуда рукавом. Снаружи доносился свист ветра, и ему показалось, что он слышит далекие раскаты грома.

Подсунув руку под спину старца, он приподнял его. Глаза Мерлина, казалось, смотрели в никуда. Ланселот смочил ему губы жидкостью из флакона. Старец облизнул их и сумел наконец открыть рот. Ланселот дал ему выпить один глоток, другой, третий...

Мерлин знаком попросил опустить его, он выполнил эту просьбу и снова взглянул на желтого рыцаря, но тот по-прежнему оставался недвижим. Он посмотрел на волшебника и увидел, что глаза его уже смотрят осмысленно и изучающе, а губы чуть улыбаются.

— Теперь тебе лучше?

Мерлин кивнул. Прошла минута, и на щеках старца появился легкий румянец. Опершись на локоть, он сел, взял флакон и сделал добрый глоток.

Несколько минут после этого он сидел совсем неподвижно. Его тощие руки, в свете лампы казавшиеся восковыми, стали более смуглыми и сильными. Плечи распрямились. Он опустил флакон на свое ложе и потянулся. Суставы его при этом неистово заскрипели. Волшебник опустил ноги и медленно встал на пол. Он был на целую голову ниже Ланселота.

— Вот и свершилось,— произнес он, оглядываясь назад, во тьму.— Многое с тех пор произошло, и, несомненно...

— Да, многое,— подтвердил мрачно Ланселот.

— И тебе пришлось все это пережить... Так скажи мне, лучше или хуже стал мир, чем в наши времена?

— В чем-то лучше, в чем-то хуже. Он просто стал другим.

— И в чем он стал лучше?

— Появилось много способов облегчить жизнь, да и вообще человечество теперь куда богаче знаниями.

— А в чем он стал хуже?

— Людей на Земле теперь гораздо больше. А соответственно, куда больше и тех, кто страдает от бедности, болезней, невежества. Да и сама Земля сильно изменилась в худшую сторону, стала грязнее, нарушена целостность природы.

— А войны?

— Войны не прекращаются. Всегда где-то кто-то воюет.

— Значит, людям нужна помощь?

— Может быть. А может быть, и нет.

Мерлин повернулся и посмотрел ему прямо в глаза:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сами люди почти не изменились. По-прежнему существуют те, кто мыслит вполне разумно, и те, чьи поступки совершенно непредсказуемы. Как и в былые времена. Есть законопослушные люди и закоренелые преступники — как всегда. Люди многое узнали, многое поняли, в мире действительно многое изменилось, но не уверен, что это коснулось природы самого человека, по крайней мере за то время, что ты спал. И что бы ты ни делал, тебе природы человеческой не изменить, хотя ты, вероятно,

сумел бы изменить кое-какие черты эпохи. Да только стоит ли вмешиваться? Нынешний мир до такой степени сложен, и части его настолько взаимозависимы, что тебе просто не по силам предвидеть все последствия любого твоего поступка. Ты невольно можешь принести куда больше зла, чем добра; но что бы ты ни делал, природа человека останется прежней.

— Что-то не похоже на тебя, Ланс. В прежние времена ты не был склонен к философствованиям.

— У меня хватило времени, чтобы поразмыслить как следует.

— А у меня хватило времени помечтать. Твое дело — война, Ланс. Вот ею и занимайся.

— Я бросил это дело уже много лет назад.

— И кто же ты теперь?

— Работаю оценщиком.

Мерлин отвернулся и выпил еще эликсира. Теперь от него исходила волна яростной, мощной энергии.

— А как же твоя клятва? Бороться с несправедливостью, исправлять зло, наказывать неправых?..

— Чем дольше я жил, тем труднее становилось определить, что именно есть зло и несправедливость. Разъясни мне это еще раз, чтобы я мог вернуться к прежним своим занятиям.

— Галахад никогда бы мне такого не сказал.

— Галахад был юн, наивен, доверчив. Не говори мне о моем сыне.

— Ланселот! Ланселот! — Мерлин положил руку ему на плечо.— Откуда и почему такое ожесточение, да еще в присутствии старого друга, который ни в чем не провинился за прошедшую тысячу лет?

— Я просто с самого начала хочу четко и ясно заявить о своей позиции. Я всегда опасался, что ты можешь совершить что-нибудь необратимое, что фатально скажется на всемирном равновесии сил. Я желал бы сообщить тебе, что не стану в этом участвовать.

— Признай, однако: ты не представляешь, что я мог бы сделать, что я могу сделать.

— Не представляю. И именно поэтому опасаюсь тебя. Что же ты намерен сделать?

— Ничего. Пока — ничего. Просто хочу оглядеться и сам увидеть хотя бы некоторые из тех перемен, о которых ты говорил. И уж потом поразмыслить, какие несправедливости следует исправить, кого следует наказать, кого выбрать в герои и защитники человечества. Я все это покажу тебе, и тогда ты сможешь опять вернуться к своему былому занятию.

Ланселот вздохнул:

— Бремя доказательств лежит на том, кто выдвигает обвинения. Но твоих доводов для меня теперь недостаточно.

— Боже правый! — воскликнул Мерлин.— Как это грустно! Столько времени ждать и дождаться такой вот встречи! Ты потерял веру в меня, Ланселот. А ведь силы мои уже возвращаются ко мне. Разве ты не чувствуешь запаха волшебства вокруг?

— Я ощущаю нечто, чего не испытывал уже очень давно.

— Проспать несколько веков очень полезно для здоровья — это бережет и укрепляет силы. А через некоторое время, Ланс, я стану даже могущественнее, чем когда-либо. И ты все еще сомневаешься, что у меня хватит сил повернуть вспять стрелки часов?

— Я сомневаюсь, что это хоть кому-нибудь принесет пользу. Прости меня, Мерлин. Мне тоже неприятно, что все так получилось. Но я слишком долго жил, слишком много видел, слишком много знаю о том, сколь сложен нынешний мир, чтобы доверять мнению кого-то одного, пусть даже готового этот мир спасти. Оставь его в покое, Мерлин. Ты для него — таинственная и почитаемая легенда. Я и сам не понимаю, кто ты такой на самом деле. Но воздержись от использования своей силы в форме этаких крестовых походов. Сделай теперь что-нибудь другое. Стань врачом, чтобы победить страдания людей. Стань художником. Стань профессором истории, антикваром. Черт возьми, стань, наконец, общественным критиком,

социальным реформатором и раскрывай людям глаза на зло, которое видишь, чтобы они становились лучше.

— Неужели ты действительно полагаешь, что меня могут удовлетворить подобные занятия?

— Человек находит удовлетворение в различных вещах и занятиях. Это зависит от самого человека, а не от его занятий. Я лишь хочу сказать, что тебе не следует пользоваться своим могуществом, пытаясь осуществить перемены в обществе путем насилия, как мы это делали когда-то.

— Какие бы изменения мир ни претерпел, самое смешное заключается в том, что время сделало тебя пацифистом.

— Ты ошибаешься.

— Сознайся: ты в конечном итоге просто стал бояться звона мечей! Оценщик! Какой же ты рыцарь!

— Я рыцарь, который оказался не в том времени и не в том месте, Мерлин.

Волшебник пожал плечами и отвернулся.

— Что ж, да будет так. Хорошо, что ты решил все это мне сказать сразу. Спасибо. Подожди минутку.

Мерлин ушел в дальнюю часть пещеры и через несколько минут вернулся, переодетый в новые одежды. Эффект был разительный. Теперь он выглядел куда более аккуратным и опрятным. Белоснежные борода и волосы потемнели, и лишь кое-где была в них заметна сильная проседь. Поступь стала более уверенной и твердой. В правой руке Мерлин держал свой волшебный посох, но на него не опирался.

— Пойдем-ка прогуляемся вместе,— сказал он.

— Сегодня скверная погода.

— Не такая уж скверная, как в ту ночь, когда ты от меня ушел. Да и места здесь иные.

Проходя мимо желтого рыцаря, он щелкнул пальцами возле забрала его шлема, и тот, звякнув латами, двинулся за ним.

— Кто это?

— Никто,— отвечал Мерлин, протягивая руку к шлему рыцаря и поднимая забрало. Под шлемом была пустота.— Это просто волшебные латы, их приводит в движение некий дух. Довольно неуклюжий, надо признать, поэтому я и не доверил ему дать мне эликсир при моем пробуждении. Однако слуга он великолепный — в отличие от некоторых. Необыкновенно сильный и быстрый. Даже будучи на вершине своей рыцарской славы, ты не сумел бы одолеть его. Мне ничто не страшно, когда он со мной. Идем, я хочу кое-что тебе показать.

— Хорошо.

Ланселот вышел из пещеры и последовал за Мерлином и полым рыцарем. Дождь уже прекратился, ветер тоже стих. Они оказались на освещенной лунным светом поляне, над которой бродили клочья тумана; вокруг сверкала мокрая трава. Вдали возвышались какие-то смутные силуэты.

— Ох, извини,— сказал Ланселот.— Я забыл в пещере свою трость.

Он повернулся и пошел обратно.

— Да-да, прихвати свою трость, старичок,— откликнулся Мерлин.— Ведь силы твои уже на исходе.

Когда Ланселот вернулся, Мерлин стоял, опершись на посох, и смотрел вдаль.

— Теперь пойдем вон туда,— сказал он.— Там ты найдешь ответы на все свои вопросы. Я постараюсь идти не очень быстро, чтобы не утомлять тебя.

— Утомлять меня?

Волшебник захихикал и двинулся вперед. Ланселот последовал за ним.

— Разве ты не чувствуешь легкой усталости? — спросил Мерлин.

— Да, признаться, чувствую. А ты знаешь, что это со мною?

— Разумеется. Я снял чары, которые защищали тебя все эти годы. И сейчас ты ощущаешь первые проявления своего истинного возраста. Этот процесс займет еще некоторое время, пока старость не преодолеет естественное сопротивление твоего тела. Но она тебя уже нагоняет.

— Зачем ты это со мною сделал?

— А я поверил твоим заявлениям о том, что ты не пацифист. Ты говорил достаточно страстно, чтобы догадать-

ся: ты можешь дать мне отпор, противостоять мне. Этого я допустить не мог, поскольку прекрасно знал, что ты силен по-прежнему и способен воспользоваться своей силой, которой стоит опасаться даже волшебнику. Так что я сделал то, что и следовало сделать. Благодаря моему волшебному могуществу ты сохранил свою силу; без моих чар сила твоя скоро иссякнет. Мы могли бы снова стать неплохими союзниками, однако я понимаю: теперь это невозможно.

Ланселот споткнулся, с трудом удержался на ногах и дальше пошел прихрамывая. Полый рыцарь неотступно следовал по правую руку от Мерлина.

— Ты говоришь, что цели твои благородны,— сказал Ланселот.— Но я тебе не верю. Может, в былые времена так оно и было. Но теперь не только времена изменились. Ты и сам стал другим. Разве ты этого не чувствуешь?

Мерлин глубоко вздохнул и выдохнул облако тумана.

— Вероятно, это у меня наследственное,— произнес он задумчиво. И тут же добавил: — Шучу, шучу. Конечно, я тоже изменился. Все меняется. Ты и сам тому прекрасный пример. Но то, что ты считаешь во мне переменой к худшему, лишь слабый отголосок неразрешимого конфликта, возникшего меж нами из-за происшедших в нас обоих перемен. Но я по-прежнему придерживаюсь благородных идеалов Камелота.

Плечи Ланселота теперь согнулись, обвисли, дыхание участилось. Неясные силуэты вокруг устрашающе нависали над ними.

— Да я же знаю это место! — воскликнул он внезапно.— И в то же время не узнаю его... Стоунхендж ныне выглядит совсем иначе! Даже в Артуровы времена он вовсе не был таким великолепным! Как мы сюда попали? Что произошло?

Он остановился передохнуть, и Мерлин тоже встал, чтобы дать ему такую возможность.

— Нынче ночью мы с тобой прошли путь, разделяющий два мира,— сказал он.— И сейчас находимся в Царстве фей, а это настоящий Стоунхендж, святилище. Я специально растянул границы миров, чтобы он здесь оказался. Желай я тебе зла, я бы мог отправить тебя туда и запереть там навеки. Однако лучше все же тебе обрести наконец хоть какой-то покой. Идем.

Ланселот, спотыкаясь, последовал за ним к огромному кругу из поставленных торчмя гигантских камней. С запада прилетел, разгоняя туман, легкий ветерок.

— Что ты хотел сказать этими словами — «хоть какой-то покой»?

— Чтобы полностью восстановить и приумножить свое могущество, мне необходимо принести здесь жертву.

— Значит, ты с самого начала уготовил мне такую участь!

— Нет. Этой жертвой не обязательно должен был стать ты, Ланс. Вполне подошел бы любой, хотя ты подойдешь значительно лучше. Все было бы иначе, если бы ты предпочел помогать мне. И у тебя еще есть время, чтобы передумать.

— И ты бы хотел, чтобы человек, способный так быстро передумать, был твоим союзником?

— Да, для тебя вопросы чести всегда имели чересчур большое значение.

— Тогда зачем спрашивать? Просто из мелкой жестокости?

— Именно. К тому же ты мне надоел.

Когда они достигли внешней границы каменного круга, Ланселот снова остановился и стал разглядывать огромные глыбы.

— Если ты не войдешь туда добровольно,— заявил Мерлин,— мой слуга будет рад помочь тебе.

Ланселот сплюнул, выпрямился и с яростью посмотрел на него.

— Полагаешь ли ты, что я убоюсь пустых лат, ведомых неким адским духом? Даже теперь, Мерлин, без помощи и содействия волшебных чар, я способен разнести его на куски!

Волшебник рассмеялся:

— Хорошо, что ты хоть рыцарской похвальбы не забыл, коли уж всего остального лишился. Я подумываю о

том, чтобы предоставить тебе такую возможность, ведь мне все равно, каким именно образом ты здесь умрешь. Самое главное — это наши предварительные переговоры.

— Но ты все-таки боишься рисковать своим слугой?

— Тебе так кажется, старичок? А я сомневаюсь, что ты вообще не рухнешь под тяжестью латного убора, не говоря уж о том, чтобы поднять боевое копье. Но коли желаешь попытаться, пусть будет так!

И он трижды ударил о землю своим посохом.

— Входи же! — воскликнул он.— Там ты найдешь все, что тебе нужно. Я рад, что ты сделал такой выбор. Ты был невыносим, знаешь ли. И вот теперь, впервые, я возжелал, чтобы ты потерпел поражение, чтобы тебя унизили до уровня простого смертного. Мне бы только хотелось, чтобы королева тоже была сейчас здесь и видела последний бой своего героя.

— Мне бы тоже этого хотелось,— сказал Ланселот. Он прошел между монолитными глыбами и вступил в круг.

Там его ждал черный жеребец; поводья были опущены на землю и придавлены камнем. Полный латный убор, копье, меч и щит были прислонены к дольмену. А по другую сторону круга белый конь ожидал полого рыцаря.

— Прости, я не позаботился о паже или оруженосце, которые помогли бы тебе одеться,— сказал Мерлин, выходя из-за каменной глыбы.— Однако буду счастлив сам услужить тебе.

— Ничего, я справлюсь,— ответил Ланселот.

— Мой слуга вооружен точно так же,— заявил Мерлин.— Мне не хотелось давать ему ни малейшего преимущества перед тобой.

Ланселот погладил коня, приучая его к себе, затем достал из бумажника узкую красную ленту и повязал ее на копье. Трость прислонил к дольмену и начал облачаться в латы. Мерлин, чьи волосы и борода теперь казались почти черными, отошел на несколько шагов в сторону и принялся что-то чертить в грязи концом посоха.

— Раньше ты, помнится, предпочитал белых коней,— заметил он,— но мне показалось целесообразным дать тебе

коня другого цвета, поскольку ты уже отрекся от высоких идеалов рыцарей Круглого Стола и предал память о Камелоте.

— Напротив,— откликнулся Ланселот и поглядел в небо, откуда донесся внезапный раскат грома.— В такую грозу сойдет любой конь, а я последний защитник Камелота.

Мерлин продолжал чертить свои диаграммы, пока Ланселот готовился к бою. По-прежнему дул слабый ветерок, разгонявший туман. Блеснула молния, конь испуганно шарахнулся, и Ланселот стал его успокаивать.

Мерлин некоторое время таращился на него, протирая глаза. Ланселот надел шлем.

— Мне на мгновение показалось,— сказал Мерлин,— что ты выглядишь совсем иначе...

— Неужели? Полагаешь, это результат исчезновения твоих волшебных чар? — спросил Ланселот, выдернув поводья из-под прижимавшего их камня и садясь в седло.

Мерлин, качая головой, отошел на шаг от начерченной диаграммы. Всадник нагнулся и подхватил копье.

— Кажется, ты все еще не утратил былой силы,— произнес волшебник.

— Да неужели?

Ланселот взял копье на руку. Перед тем как повесить щит на луку седла, он поднял забрало и посмотрел на Мерлина.

— Твой герой как будто готов,— сказал он.— И я тоже.

Снова сверкнула молния, и Мерлин увидел юное лицо Ланселота, лишенное морщин, с ясными глазами, с падающими на лоб локонами золотистых волос.

— Каким же волшебным заклятьям ты научился за эти долгие годы? — воскликнул он.

— Это не волшебство,— отвечал Ланселот.— Это всего лишь предосторожность. Я предвидел, как будут развиваться события. Поэтому, вернувшись в пещеру за тростью, я выпил остатки твоего эликсира.

Он опустил забрало и отвернулся.

— Ты же только что едва брел, как старик...

— У меня есть некоторый опыт. Подавай сигнал!

Мерлин рассмеялся.

— Отлично! Так даже лучше! — заявил он.— Ты погибнешь в полном расцвете сил! И не надейся победить в схватке с духом!

Ланселот поднял щит и наклонился вперед.

— Тогда чего же ты ждешь?

— Ничего! — буркнул Мерлин. И затем крикнул: — Убей его, Раксас!

Когда они помчались по полю навстречу друг другу, заморосил мелкий дождь; глядя вперед, Ланселот увидел, как под забралом противника пляшет пламя. И в последний момент чуть приподнял копье, направляя его прямо в пылающий шлем полого рыцаря. Снова полыхнула молния и загремел гром.

Щитом он отбил удар копья противника, а его собственное копье вонзилось полому рыцарю прямо в голову. Голова слетела с плеч и, дымясь, покатилась по земле.

Ланселот промчался до противоположного конца поля, повернул коня и увидел, что полый рыцарь, теперь лишенный головы, проделал то же самое. А позади него он заметил две человеческие фигуры — там, где только что стояла всего лишь одна.

Фея Моргана, в белых одеждах, с распущенными рыжими волосами, развевавшимися на ветру, стояла перед Мерлином. Их разделяла лишь начертанная в грязи диаграмма. Казалось, они говорят о чем-то, но слов Ланселот расслышать не мог. Потом фея воздела вверх руки, сиявшие холодным огнем. Посох Мерлина тоже сверкнул в воздухе. Больше Ланселот не успел ничего разглядеть: полый рыцарь снова пошел в атаку.

Ланселот взял копье на руку, поднял щит, наклонился вперед и пришпорил коня. Рука его напряглась и стала как железный брус, в жилах электрическим током забурлила энергия. Он помчался вперед. Дождь усилился, молнии сверкали не переставая. Непрекращающиеся раскаты грома заглушали топот коней, а ветер так и свистел в забрале шлема, когда он летел прямо на врага, целясь копьем в середину щита.

Они сшиблись с чудовищным грохотом. Оба покачнулись в седлах от столкновения, и полый рыцарь упал на землю. Копье Ланселота, расколовшись при ударе, пронзило щит и нагрудник противника. При падении левая рука Раксаса отвалилась; наконечник копья сломался, а щит упал рядом на землю. Но он почти тотчас же стал подниматься на ноги, правой рукой извлекая из ножен длинный двуручный меч.

Ланселот спрыгнул с коня, отбросил щит и тоже обнажил меч. И пошел навстречу лишенному головы противнику. Тот первым сделал выпад, и Ланселот отразил его. От могучего удара руки на мгновение онемели. Затем он тоже нанес удар. Противник отбил его.

Они топтались, обмениваясь ударами, и тут Ланселот наконец заметил, что противник открылся, и нанес ему решающий удар. Полый рыцарь рухнул в грязь. Меч Ланселота раскроил его нагрудник почти пополам, до того места, откуда еще торчал застрявший в броне наконечник копья. И тут фея Моргана страшно закричала.

Ланселот обернулся и увидел, что она упала прямо на диаграмму, начертанную Мерлином на земле. Сам же волшебник, весь объятый голубоватым сиянием, поднял свой посох и двинулся вперед. Ланселот сделал шаг по направлению к ним, и острая боль пронзила его левый бок.

Он обернулся к поднимающемуся с земли полому рыцарю как раз в тот момент, когда он уже занес меч для второго удара. Ланселот успел перехватить свой меч обеими руками и, направив его острием вниз, бросился на врага.

Его клинок пронзил панцирь полого рыцаря насквозь, буквально пригвоздив его к земле. Из-под сверкающих лат донесся тонкий, быстро захлебнувшийся вскрик, а из воротника вырвался столб пламени, взлетел вверх и рассеялся искрами, угаснув под дождем.

Ланселот резко опустился на колени. Потом медленно поднялся вновь и обернулся к двум волшебникам, которые уже снова стояли лицом к лицу, но теперь оба — внутри начертанных на земле магических символов, и оба

светились голубоватым неземным сиянием. Ланселот сделал шаг по направлению к ним, затем второй.

— Мерлин! — крикнул он, направляясь к ним.— Я сделал то, что обещал! Теперь я намерен убить тебя!

Фея Моргана обернулась к нему. Глаза ее были широко раскрыты.

— Нет! — воскликнула она.— Уходи из круга! Немедленно! Пока я держу его здесь! Его могущество тает! Еще несколько минут, и все это просто исчезнет! Уходи!

Ланселот колебался лишь мгновение. Затем повернулся и пошел к выходу из круга. Когда он миновал каменные глыбы, небо, казалось, вскипело. Он сделал еще с десяток шагов и вынужден был остановиться и передохнуть. Оглянувшись назад, на место поединка, он увидел все те же две фигуры, словно окаменевшие в волшебном объятии. Такой эта сцена и запечатлелась у него в памяти. Ибо небеса разверзлись, и стена огня обрушилась на дальний конец каменного круга.

Оглушенный, он прикрыл глаза рукою, а когда опустил ее, то увидел, что каменные глыбы падают, причем совершенно беззвучно, и многие из них тут же тают в воздухе.

Дождь начал ослабевать.

Волшебник и волшебница исчезли вместе с большей частью Стоунхенджа, который продолжал свое самоуничтожение. Коней нигде видно не было. Ланселот оглянулся, заметил подходящий камень и направился к нему.

Усевшись, он прежде всего отстегнул нагрудник и бросил его наземь. В боку огнем полыхала боль, и он зажал рану рукой. Склонившись, он устало оперся подбородком о левую руку.

Дождь становился все тише и в конце концов прекратился совсем. Ветер тоже стих. Вокруг опять все окуталось туманом. Ланселот глубоко вдыхал влажный воздух, обдумывая случившееся.

Да, именно для этого он и был здесь оставлен, оставлен последним, после смерти всех остальных; именно этого он и ждал столь долго. А теперь все кончено, и он может наконец отдохнуть.

Потом он ненадолго потерял сознание. И пришел в себя от яркого света. Ровное сияние пробивалось сквозь пальцы прикрывавшей лицо руки, резало глаза даже сквозь опущенные веки. Он опустил руку, вскинул голову и открыл глаза.

В ярком сиянии чаша медленно проплывала мимо. Ланселот протянул к ней окровавленные, онемевшие пальцы, до того зажимавшие рану, встал и двинулся следом. Массивная, чистых очертаний, сияющая и прекрасная, совсем не такая, как тогда, в Зале Круглого Стола, чаша повлекла его за собой через залитую лунным светом равнину, из тьмы к свету и снова во тьму, пока туманы не поглотили его, когда наконец он коснулся чаши и обнял ее.

И на этом кончается история Ланселота,
последнего из благородных рыцарей Круглого Стола,
его приключений и битвы с Раксасом, полым рыцарем,
его встреч с Мерлином и с феей Морганой,
последними из мудрецов Камелота,
его поисков Святого Грааля.

QUO FAS ET GLORIA DUCUNT*.

Крестник

В первый раз я увидел Морриса Литема рядом с купелью, где он стал моим крестным отцом. Я был слишком мал, чтобы это запомнить. С тех пор он навещал меня ежегодно, в день моего рождения. Этот год не стал исключением.

— Морри,— сказал я, протирая глаза руками.

Когда я наконец открыл их, то в сером предутреннем полумраке спальни, на стуле рядом с подоконником, на

* Куда ведет судьба и жажда славы *(лат.)*.

котором стоял цветочный горшок с засохшей геранью, увидел гостя, высокого и худого, будто страдающего отсутствием аппетита.

Улыбаясь, он поднялся на ноги и подошел к моей постели. Протянул руку и помог встать.

— Одевайся! — весело заявил он, вручая мне рубашку и брюки.

Когда мы выходили из комнаты, тетя Роза и дядя Мэтт еще крепко спали.

Казалось, минуло всего несколько секунд, а мы уже шли вдоль витрин универмага. Полное освещение еще не включили, внутри никого не было.

— Что мы здесь делаем? — спросил я.

— Я хочу, чтобы ты осмотрелся и выбрал себе подарок на день рождения.

— Я знаю где,— быстро ответил я.— Пошли.

Я провел его мимо скамейки, на которой неподвижно лежал ночной сторож, остановился возле витрины и показал.

— Какой тебе нравится больше всего? — поинтересовался Морри.

— Вон тот, черный.

Он рассмеялся:

— Один черный велосипед для Дэвида. Ты получишь похожий, только лучше. Его доставят вам домой сегодня днем.

— Спасибо! — воскликнул я, повернулся и обнял Морри. А потом, подумав немного, добавил: — Тебе не кажется, что нам следовало бы разбудить охранника? Может прийти его босс.

— Охранник уже несколько часов мертв. Инфаркт миокарда. Смерть пришла к нему во сне.

— Ой...

— Большинство людей говорят, что они хотели бы умереть именно так; для него все закончилось хорошо,— сказал Морри.— В прошлом месяце ему исполнилось семьдесят три. Его босс думал, что он моложе. Охранника звали Уильям Стрейли... для друзей — Билл.

— Вот здорово, ты многих знаешь!

— У меня такая работа — постоянно встречаюсь с самыми разными людьми.

Я не очень четко представлял себе, чем занимается Морри, но на всякий случай кивнул.

Я проснулся через несколько часов, помылся, оделся и спустился вниз, чтобы позавтракать. Возле моей тарелки стояла поздравительная открытка; я прочитал ее и поблагодарил тетю Розу.

— Ты должен знать, что мы помним,— сказала она.

— Мой крестный отец Морри тоже не забыл. Он приходил рано утром, и мы были в универмаге, где я выбрал себе подарок и...

Она посмотрела на часы:

— Универмаг открывается через полчаса.

— Знаю,— кивнул я.— А мы все равно там были. Жаль только вот ночного охранника — умер во сне, на скамейке... А Морри пришлет мне сегодня днем десятискоростной черный велосипед!

— Давай не будем больше об этом, Дэвид. Ты знаешь, как твой дядя Мэтт начинает волноваться, когда слышит про Морриса.

— Я просто хотел предупредить, что мне привезут велосипед.

— Сегодня утром у нас никого не было. Никто не приходил и никто не уходил. Ты просто тоскуешь о родителях. Вполне естественно, что тебе снятся такие сны в день рождения.

— Но я же получаю подарки!

— Нам трудно об этом судить — ведь в прошлом году ты не жил с нами.

— Ну, тут ты права. Морри всегда мне что-нибудь дарит. Папа бы подтвердил.

— Может быть,— со вздохом сказала тетя Роза.— Странно только, что Моррис так с нами и не познакомился.

— Он очень много путешествует.

Она отвернулась и принялась поджаривать гренки.

— Пожалуйста, не говори об этом Мэтту.

Я кивнул, когда она взглянула на меня.

В полдень раздался звонок.

Я открыл дверь и сразу увидел его: велосипед, выкрашенный такой темной и блестящей краской, что казалось, будто он состоит из черных зеркал. Я так и не смог найти на нем марки производителя, только серебристую пластинку на рулевой стойке в форме маленького черного сердца. На раме красовалась открытка:

С днем рождения, Дэвид. Его зовут Дорел. Обращайся с ним хорошо, и он будет тебе служить верой и правдой.

М.

Прошло много лет, прежде чем я понял, что означают эти слова. Но первое, что я сделал — после того как снял открытку и показал ее дяде Мэтту,— это спустил велосипед по ступенькам, вскочил на него и помчался по улице.

— Дорел,— негромко проговорил я.— Он сказал мне, что тебя зовут Дорел.

Возможно, это было игрой моего воображения, но мне почудилось, что в ответ его черная, как ночь, рама завибрировала.

Во всем, что Морри дарил мне, было нечто особенное. Например, Волшебный Набор, который он прислал в прошлом году вместе с мотком альпинистской веревки — я ею так никогда и не воспользовался (потому что не умею лазать по горам). Или «Пятиминутный Деформатор Времени» — его назначение осталось для меня тайной, однако я носил его в кармане.

— Меня зовут Дэвид,— продолжал я.— Ты красивый и быстрый, тобой легко и удобно управлять. Ты мне очень нравишься.

И пока я ехал до угла и обратно, у меня было ощущение, что мы катимся вниз.

Когда я поставил Дорела у крыльца, меня уже поджидал дядя Мэтт.

— Я только что узнал,— заявил он,— что ночной охранник умер от сердечного приступа сегодня утром.

— Знаю,— ответил я,— я уже рассказал об этом тете Розе.

— А кто тебе об этом сообщил?

— Я там был еще до открытия универмага, вместе с Морри. Он отвел меня туда, чтобы я выбрал себе подарок.

— А как вы вошли?

— Честно говоря, я уже не помню подробностей.

Дядя Мэтт поскреб подбородок и пристально посмотрел на меня сквозь толстые стекла очков. У меня были такие же серые глаза, как и у него... Неожиданно я вспомнил: у отца — тоже.

— А как он выглядит, твой крестный? — спросил дядя Мэтт.

Я пожал плечами. Не так-то просто его описать.

— Довольно худой. По-моему, у него темные волосы. И очень приятный голос. Когда он о чем-то просит, хочется сделать для него все-все.

— И больше никаких деталей?

— Пожалуй, да.

— Проклятье! Это же не описание, Дэвид. Тут кто угодно подходит.

— Мне очень жаль.

Я уже собрался уходить, но дядя Мэтт взял меня за плечо и сжал его.

— Я не хотел бы тебя расстраивать,— проговорил он.— Просто эта история выглядит весьма необычно. Не следует плохо говорить о покойном брате, однако всем известно, что бедняга сильно выпивал. Особенно ближе к концу жизни. Именно поэтому твоя мать и ушла от него. Полагаю, как раз пьянство и явилось причиной смерти моего брата.

Я кивнул. Все это мне уже приходилось слышать раньше.

— Он рассказывал совершенно неправдоподобную историю о том, как познакомился с твоим крестным отцом. Похоже на бред спившегося троцкиста-параноика, я не поверил ни единому его слову. И сейчас не верю.

Я уставился на дядю Мэтта. Мне было известно, что такое параноик.

— Не помню этой истории,— сказал я.— Если вообще я ее когда-нибудь слышал.

Дядя Мэтт вздохнул и поведал мне все.

Моему отцу приснилось, что он встретился с Морри на перекрестке дорог. Раздался гром, сверкнула молния, и отец услышал голос, который заявил:

«Я Бог. Ты настроил против себя всех своих близких, и я сочувствую тебе. Я решил быть крестным отцом твоего сына и сделать его счастливым».

На что мой отец ответил:

«Ты все отдаешь богатым, а бедных заставляешь работать за гроши. Я не хочу, чтобы ты был крестным отцом моего сына».

И снова грянул гром, и туча пропала.

Тут же разверзлась земля, в воздух поднялся столб огня и послышался голос:

«Я Сатана. Приди ко мне. Я подарю твоему сыну богатство. Позабочусь о том, чтобы он ни в чем не нуждался в этом мире».

Мой отец ответил:

«Ты король обманщиков. Я не хочу иметь с тобой никакого дела, потому что не верю ни единому твоему слову».

И, ярко полыхнув, огонь погас, трещина исчезла.

А когда отец почти проснулся, появилась тень и сказала:

«Когда ты поднимешься ото сна, выйди на улицу. На первом же перекрестке я тебя встречу».

«Кто ты такой?» — спросил отец.

«Я тот, кто делает всех равными,— последовал ответ,— причем самым демократическим способом».

И мой отец встал, оделся, вышел в темноту и направился к первому же перекрестку. Там он встретил Морриса, который предложил ему быть моим крестным отцом, обещав при этом, что его крестник ни в чем не будет нуждаться.

— Ты понимаешь, что все это значит? — спросил у меня дядя Мэтт.

— Угу. Хорошо, что отец пошел на перекресток, иначе я не получил бы велосипеда.

Дядя Мэтт некоторое время задумчиво смотрел на меня.

— Роза и я не были на твоем крещении — незадолго до него мы разругались с Сэмом. Поэтому ни она, ни я не имели возможности познакомиться с Моррисом.

— Я знаю.

— В следующий раз скажи крестному, чтобы он к нам зашел на огонек. Неплохо было бы на него посмотреть.

— Он говорит, что вы обязательно увидитесь,— сказал я дяде Мэтту.— Морри утверждает, что все рано или поздно с ним встречаются. Я его попрошу, чтобы он назначил время...

— Нет, не надо,— неожиданно резко перебил меня дядя Мэтт.

Вечером того же дня, когда гости ушли, я снова стал кататься на своем новом велосипеде. Поскольку я не знал адреса, по которому можно было бы отправить письмо с благодарностью за прекрасный подарок, я решил навестить Морри и сказать ему «спасибо». В прошлом, когда мне хотелось повидаться с ним между днями рождения, я начинал размышлять о том, как бы это сделать,— и очень скоро обязательно с ним сталкивался. Совсем недавно я видел его в толпе, собравшейся у места автомобильной катастрофы. И однажды на пляже, когда наблюдал за тем, как спасатель делал искусственное дыхание какому-то парню. Однако на этот раз я проверну встречу с шиком!

Я налег на педали и вскоре оказался на окраине города. Дорога пошла под уклон, и я отпустил педали; где-то неподалеку была лесопилка, этой дорожкой пользовались охотники, рыбаки, любители пеших прогулок и студенты после кино или вечеринок с танцами. Здесь было темнее, чем на вершине холма, поэтому я свернул налево и поехал по длинной тропинке, под густой летней листвой.

— Дорел, я тобой очень доволен,— сказал я,— но мне хочется встретиться с Морри и поблагодарить его за такой замечательный подарок. Я был бы тебе признателен, если бы ты мне помог.

Мой темный друг тихонько задрожал, и, когда мы сделали очередной поворот, возник странный стробоскопический эффект. Сначала мне показалось, что это связано с необычным углом, под которым пробивались сквозь листья солнечные лучи, но, после того как мрак вокруг стал сгущаться, я понял, что дело совсем в другом.

Велосипед сам катился все дальше в темном туннеле — я заметил, что мне больше не требуется нажимать на педали, нужно было лишь поворачивать туда, откуда струилось слабое сияние. Дорел вибрировал и явно набирал скорость.

Через некоторое время стало светлее, мы оказались в галерее, где со стен и потолка свисали сталактиты и едва слышно журчала вода в тихих бассейнах. Повсюду, куда я только ни бросал взгляд, стояли свечи — на каждом уступе стены, в каждой нише, на любом, даже самом маленьком участке плоской поверхности. Они отличались друг от друга размерами, но все горели ровным ярким огнем. Здесь не было сквозняков, если не считать потока воздуха, вызванного нашим движением. Впрочем, мы замедляли ход...

Я спустил ногу на землю и остановился. Никогда в жизни я не видел столько зажженных свечей сразу.

— Спасибо, Дорел,— прошептал я.

Я откинул упор и поставил Дорела, а сам решил немного прогуляться. Из грота во всех направлениях уходили туннели — повсюду сияли бесчисленные огни. Изредка догоревшие до конца огарки вспыхивали в последний раз и гасли. И тогда, словно черные бабочки, по стенам начинали метаться тени.

Отойдя от грота, я вдруг испугался, что могу заблудиться. И принялся искать Дорела. Как только я сяду на него, мой велосипед легко найдет дорогу назад.

Я оглянулся и заметил темную тень, летящую среди огней и сталактитов. Это был мой велосипед, в седле которого сидел Морри. Дядюшка, не торопясь, крутил педали и улыбался. Мне показалось, что за спиной у моего крестного развевается темный плащ. Он помахал мне и вскоре уже стоял рядом.

— Я рад, что ты приехал навестить меня,— сказал Морри.

— Хотел поблагодарить за подарок. Дорел просто замечательный!

— Рад, что он тебе понравился.— Морри слез с велосипеда и поставил его на упор.

— Никогда не слышал, чтобы у велосипеда было имя,— заметил я.

Морри провел костлявым пальцем по рулю:

— Он в большом долгу передо мной и теперь старается загладить вину. Не хочешь выпить чашку чая или горячего шоколада?

— Люблю горячий шоколад,— признался я.

Дядюшка отвел меня за угол, где в нише лежал плоский камень, накрытый красно-белой ситцевой скатертью. На столике я увидел две чашки с блюдцами, рядом — салфетки и чайные ложечки. Заиграла классическая музыка, но я не мог определить, откуда доносились звуки. Морри взял графин, стоявший на подставке, под которой горела одна из свечей, и наполнил наши чашки.

— Что это за музыка? — спросил я.

— Мой любимый квартет Шуберта до минор. Хочешь зефира?

— Да, пожалуйста.

Он положил мне на блюдечко зефир. Мне было трудно разглядеть выражение его лица, на котором плясали многочисленные тени.

— Ты здесь работаешь, Морри, или живешь?

Крестный протянул мне чашку, откинулся на спинку стула и принялся трещать суставами пальцев, чему я всегда ужасно завидовал.

— У меня много работы снаружи,— ответил он.— Но можешь считать, что тут находится мой офис и квартира. Да, пожалуй, так оно и есть.

— Понятно,— задумчиво проговорил я.— Здесь хорошее освещение.

Дядюшка засмеялся. А потом сделал широкий жест, и ближайшая свеча ярко вспыхнула.

— Она подумает, что это заклинание, вызывающее обморок,— заметил Морри.

— Кто? — поинтересовался я.

— Леди, которой принадлежит эта свеча. Ее зовут Луиза Трухильо. Ей сорок восемь лет, и она живет в Нью-Йорке. В ее распоряжении еще двадцать восемь лет. Bueno*.

Я опустил чашку, медленно повернулся и посмотрел на огромную пещеру и множество туннелей, которые расходились в разные стороны.

— Да,— промолвил Морри через некоторое время.— Все здесь, и у каждого своя.

— Я читал, что в мире живет несколько миллиардов людей.

Он кивнул:

— Много воска.

— Хороший шоколад,— сказал я.

— Спасибо. Для Большой Десятки наступили тяжелые времена.

— Что?

— Все интересное происходит сейчас на Западе.

— Ах вот ты о чем,— сообразил я.— Футбол. Ты говоришь об университетском футболе, не так ли?

— Да, но игры профессиональной лиги я тоже люблю. А ты?

— Я мало что о ней знаю,— ответил я.— Но хотел бы, чтобы ты мне рассказал.

И Морри с удовольствием исполнил мою просьбу.

Прошло много времени, теперь мы просто сидели, созерцая бесконечное мерцание свечей. Наконец крестный снова наполнил наши чашки.

— А ты думал о своем будущем? Чем ты собираешься заняться, когда вырастешь? — поинтересовался он.

— По правде говоря, нет,— ответил я.

— Почему бы тебе не стать врачом? Мне кажется, у тебя есть талант. Я позабочусь о твоем образовании,— сказал Морри.— Ты играешь в шахматы?

---

* Хорошо *(исп.)*.

— Нет.

— Очень интересная игра. Стоит попробовать. Хочешь, я тебя научу?

— Ага.

Не знаю, как долго мы с ним просидели, используя в качестве доски квадраты скатерти. Фигурки были вырезаны из кости; белые и темные, они показались мне весьма изящными. Довольно быстро я понял, что мне эта игра нравится.

— Значит, врачом,— проговорил я, когда мы закончили очередную партию.

— Да, подумай над этим.

— Обязательно,— кивнул я.

Так я и сделал. Было приятно иметь какую-то цель. Я начал более серьезно заниматься математикой, химией и биологией. Учиться в колледже оказалось совсем нетрудно, а пока я размышлял над тем, где взять деньги на университет, умер дальний родственник и оставил мне в наследство приличную сумму, которой должно было хватить на весь период обучения.

Даже после того как я поступил в колледж, каждый год в день моего рождения я ездил на Дореле — а тот оставался таким же новеньким и блестящим — в офис к Морри, где мы пили горячий шоколад, играли в шахматы и разговаривали о футболе.

— Ты заканчиваешь университет в июне,— сказал Морри.— Потом тебя ждет интернатура и практика.

— Верно.

— Ты знаешь, в какой области будешь специализироваться?

— Я уже почти выбрал дерматологию. Никому не придет в голову вызывать врача-дерматолога среди ночи.

— Хмм,— проворчал Морри, помешивая шоколад костяной ложечкой.— Когда я предлагал тебе стать врачом, у меня в мыслях было нечто более серьезное... Терапевт, например.

Мимо пролетела летучая мышь, запуталась в складках плаща Морри, перевернулась вниз головой и повисла,

зацепившись за шов. Я глотнул шоколада и сделал ход слоном.

— Придется напряженно работать,— наконец ответил я.— А дерматологи получают очень приличные деньги.

— Ба! — воскликнул крестный. И передвинул коня.— Шах.— Он усмехнулся.— Ты станешь самым знаменитым терапевтом в мире.

— В самом деле? — спросил я, изучая позицию.

— Да. На твоем счету будет немало чудесных исцелений.

— А ты уверен, что тебя устроят последствия? Если я буду настолько хорош, то смогу помешать развитию твоего бизнеса.

Морри рассмеялся:

— Существует равновесие между жизнью и смертью, и каждый из нас будет играть свою роль. Моя власть в действительности распространяется только на жизнь, а ты станешь властвовать над смертью. Считай, что у нас будет семейный бизнес.

— Ладно. Попробую,— ответил я.— Кстати, я сдаюсь. Мне грозит мат в четыре хода.

— В три.

— Тем более. И спасибо за подарок. Эти приборы для диагностики просто великолепны, я ничего подобного никогда не видел.

— Уверен, что они тебе пригодятся. С днем рождения,— улыбнулся Морри.

Для прохождения интернатуры я выбрал большой госпиталь в крупном городе на северо-западе. Теперь я встречался с Морри гораздо чаще, чем раньше. Обычно он забегал ко мне во время ночного дежурства.

— Привет, Дейв. Больная в палате номер семь отчаливает в 3.12 ночи,— заявил Морри, усаживаясь рядом со мной.— Сожалею о парне из палаты номер шестнадцать.

— Да, он быстро теряет силы. Мы знали, что это вопрос нескольких дней.

— Ты мог его спасти, Дейв.

— Мы все испробовали.

Он кивнул:

— Похоже, тебе пора научиться кое-каким новым вещам.

— Если ты решил прочитать мне лекцию, я ее обязательно запишу.

— Еще не сейчас, но уже довольно скоро,— отозвался Морри.

Он протянул руку и коснулся чашки с кофе, который давно остыл. Напиток мгновенно начал дымиться.

Крестный встал и посмотрел в окно.

— Мне пора,— вздохнул он, и через мгновение со стороны шоссе донесся вой клаксонов и визг тормозов, сопровождающийся звуком глухого удара.— У меня дела. Спокойной ночи.

И Морри ушел.

Довольно долго он не вспоминал о нашем ночном разговоре, и я уже подумал, что Морри о нем забыл. Однажды следующей весной — был чудный солнечный денек — я решил прогуляться в парке. И вдруг мне показалось, что я отбрасываю сразу две тени. А потом одна из них заговорила со мной:

— Прелестный день, Дейв, не так ли?

Я посмотрел по сторонам:

— Морри, ты всегда появляешься так бесшумно!..

— Это точно.

— Да и оделся ты слишком торжественно для такого теплого и ясного утра.

— Рабочая одежда,— объяснил он.

— Именно поэтому ты носишь с собой длинный острый инструмент?

— Да.

Мы молча прошли через поле и оказались в небольшой роще. Неожиданно Морри быстро опустился на колени у подножия маленького холмика и начал шарить руками в траве. Через секунду у него на ладони лежали два маленьких цветущих растения. Нет, не два, а всего одно. Меня ввело в заблуждение то, что один цветок был желтого цве-

та, а другой синего. Я осмотрел листья. Вспомнил курс ботаники...

— Да, взгляни повнимательнее,— сказал Морри.

— Понятия не имею, что это такое,— признался я.

— Весьма бы удивился, если бы было иначе. Чрезвычайно редкое растение, и найти его можно, только если знаешь специальные заклинания.

— Понятно.

— Тебе придется разводить эти цветы у себя дома. Ты должен будешь изучить их свойства лучше, чем кто-либо другой в мире. Корни, листья, стебли, цветы — каждая часть имеет свои достоинства; кроме того, они могут приносить немалую пользу в различных сочетаниях друг с другом.

— Не понимаю. Я потратил столько времени на получение первоклассного медицинского образования — а теперь ты хочешь, чтобы я стал ботаником?

Он рассмеялся:

— Нет, конечно. Тебе пригодятся твои знания, не говоря уже о дипломах. Я совсем не прошу, чтобы ты забыл все известные тебе способы лечения. Ты просто расширишь арсенал для... исключительных случаев.

— При помощи этого маленького цветка?

— Точно.

— Как он называется?

— Блифедж. Ты не найдешь упоминаний о нем ни в одном ботаническом учебнике. Иди сюда, я познакомлю тебя с ним и научу словам заклинания. После этого ты заберешь блифедж с собой, чтобы дома, в спокойной обстановке изучить его самым тщательным образом.

С тех пор я ел, пил и спал вместе с блифеджем. Периодически появлялся Морри и давал мне новые инструкции. Я научился изготовлять настойки, припарки, мази, пластыри, таблетки, вина, масла, сиропы, линименты, растворы для промывания желудка, лекарственные кашки, компрессы из всех частей растения и различных их комбинаций. Я даже начал курить его листья.

Наконец я стал понемногу использовать блифедж в особо сложных случаях и всякий раз добивался прекрасных результатов.

На мой очередной день рождения Морри повел меня в дорогой ресторан, а потом мы спустились в лифте и... неожиданно оказались в его офисе.

— Ловкий трюк, ничего не скажешь,— заметил я.

Я последовал за Морри по ярко освещенному, извивающемуся туннелю, где сновали его невидимые слуги, зажигая новые свечи и убирая остатки догоревших. Вдруг крестный остановился, взял огарок свечи, задул его, а потом снова зажег от мерцающего пламени другой и заменил старую на новую, как раз в тот момент, когда та догорела и погасла.

— Что ты сейчас сделал, Морри? — спросил я.— Мне никогда не доводилось видеть, чтобы ты заменял одну свечу другой.

— Я не часто так поступаю,— признался он.— Но та женщина, которой ты дал сегодня блифедж — из 456-й палаты,— только что оправилась от болезни.— Крестный измерил огарок указательным и большим пальцами.— Шесть лет, восемь месяцев, три дня, семь часов, четырнадцать минут и двадцать три секунды,— заявил он.— Вот сколько времени ты ей подарил.

— А, понятно,— пробормотал я, безуспешно пытаясь разглядеть выражение его лица в колеблющихся отблесках пламени и пляшущих теней.

— Я не сержусь,— заметил Морри.— Ты должен испытывать блифедж, чтобы понять его возможности.

— Скажи мне,— попросил я,— что мы сейчас обсуждаем: власть над жизнью или власть над смертью?

— Забавно,— произнес Морри.— Ты что, увлекся философией? Мне понравилась твоя шутка.

— Нет, я спросил совершенно серьезно.

— Ну,— сказал Морри,— я властвую над жизнью. И наоборот. Мы с тобой, как инь и ян*.

— Но ты же не обязан заниматься только своей стороной дела — раз уж ты подарил мне блифедж.

---

* Основные понятия древнекитайской философии, универсальные, космические, переходящие друг в друга силы (женское — мужское, горячее — холодное, пассивное — активное и т. п.).

— Дэвид, я не могу использовать блифедж. Мне дано лишь научить тебя. Мне нужен человек, который применял бы это замечательное средство.

— Понятно.

— Уверен, что не совсем. Иди и экспериментируй. Сначала тебе покажется, что люди, которые будут обращаться к тебе за помощью, появляются у твоего порога случайно, но так будет далеко не всегда.

Я кивнул.

— У тебя есть вопрос? — осведомился крестный.

— Да. Огарок свечи, который ты использовал для того, чтобы продлить жизнь миссис Эмерсон из палаты номер 456 на шесть с лишним лет... Как получилось, что свеча погасла, не догорев до конца? Такое впечатление, что ты до времени задул чью-то жизнь.

— Действительно, может так показаться, верно? — ответил Морри, широко ухмыльнувшись.— Как я уже упоминал, смерть и в самом деле обладает властью над жизнью. А теперь давай выпьем кофе с бренди.

Я был смущен тем, как Морри управлял своим бизнесом. Но это было его шоу, и он всегда хорошо относился ко мне. На мой очередной день рождения Морри принес роскошный костюм и несколько пар обуви, а когда я стал практикующим врачом, явился в гости с новеньким автомобилем. Дорел по-прежнему был в превосходном состоянии, но не мог же я ездить к пациентам на велосипеде!.. Я нашел место для Дорела в задней части гаража и катался на нем только по выходным. Однако вечерами я все чаще и чаще стал наведываться в гараж, садился на высокий стул, вскрывал бутылочку холодного пива и разговаривал с моим велосипедом так, как много лет назад, когда был мальчишкой.

— Забавно,— говорил я,— что именно он дал мне удивительное лекарство, которое спасает множество жизней. С другой стороны,— продолжал я размышлять вслух,— он явно хотел, чтобы я занялся медициной. Может быть, он стремился контролировать и вторую половину инь и

ян — дарующую жизнь? Не просто давать кому-то жить, но и избавлять от болезней и страданий?

Рама Дорела слегка скрипнула, когда велосипед качнулся в мою сторону. Зажглась и погасла фара.

— Ты согласен? — спросил я.

Дорел еще раз мигнул фарой.

— Ладно, будем считать, что это означает «да»,— предложил я,— а две вспышки — «нет».

Он мигнул один раз.

— В этом есть смысл,— заметил я,— по двум причинам: во-первых, когда я работал в больнице, мне пришло в голову дать блифедж на анализ нашему биохимику, доктору Кауфману, с просьбой определить основные компоненты растения. Он умер в лаборатории на следующий день, а пожар уничтожил все, над чем Кауфман работал. Позднее я встретил Морри в морге, и он сообщил мне, что синтезировать блифедж нельзя. Он не хочет, чтобы блифедж стал таким же распространенным лекарством, как аспирин и антибиотики. Отсюда следует, что блифедж нужно давать только определенным людям. Во-вторых,— продолжал я,— эта гипотеза прекрасно подтверждается инструкциями, которые я получил от Морри, когда начал заниматься частной практикой. Морри сказал, что за консультациями ко мне будут обращаться из самых разных мест. Он ни разу не объяснил, откуда эти люди узнают мое имя и номер телефона, но он сказал правду. Пациенты действительно начали появляться. Морри пояснил, что я должен брать с собой блифедж и специальные диагностические инструменты, которые он мне подарил, но диагноз и дальнейшее лечение — или его отсутствие — будут решаться каждый раз отдельно. Я вижу Морри, когда другим людям это не дано. Он предупредил, что в особых случаях тоже будет входить в комнату. И, если встанет в головах больного, я должен поставить диагноз и применить блифедж — пациент будет жить. Но если Морри окажется в ногах, я обязан провести обычный осмотр и заявить, что сделать ничего нельзя. У меня сложилось впечатление,

что все решается заранее, словно с некоторыми больными он предварительно заключил сделку или пытается реализовать какой-то проект, в котором им отведена важная роль.

Дорел один раз мигнул фарой.

— Ага! Значит, ты со мной согласен! Ты знаешь, в чем тут дело?

Дорел дважды мигнул, а потом, после короткой паузы, фара зажглась еще раз.

— Да и нет? У тебя есть кое-какие догадки, но ты не уверен?

Он мигнул один раз.

— Впрочем, какими бы ни были мотивы Морри, я помогаю людям, которые в противном случае были бы обречены на смерть.

Фара зажглась и погасла.

— Морри однажды сказал, что ты отрабатываешь долг, превратившись в велосипед.

Дорел мигнул.

— Тогда я не понял... да и сейчас я не имею ни малейшего представления о том, что он имел в виду. Ты можешь мне объяснить?

И опять он мигнул.

— Ну так в чем тут дело?

Неожиданно Дорел подъехал к противоположной стене, прислонился к ней и застыл в неподвижности. Больше он не мигал своей фарой — очевидно, хотел этим сказать, что я должен догадаться сам. Я попытался, но мои размышления были прерваны телефонным звонком. Это был тот самый, специальный случай.

— Говорит доктор Пулео, Дэн Пулео. Мы встречались весной на научном семинаре.

— Припоминаю,— ответил я.

— Речь шла о критических ситуациях...

— У вас она возникла?

— К вам уже направлен лимузин.

— И куда он меня отвезет?

— В особняк губернатора.

— Речь идет о самом Кейссоне?

— Да.

— А почему он не в больнице?

— Мы обязательно его туда доставим, но я думаю, что вы успеете раньше.

— Я обойдусь без вашего лимузина, если поеду на велосипеде через парк.

Я повесил трубку, схватил чемоданчик с инструментами и побежал обратно в гараж.

— Нам нужно как можно быстрее добраться до особняка губернатора,— сказал я Дорелу, выводя его на улицу и вскакивая в седло.

Перед глазами у меня все померкло. Я помню, как слез с велосипеда и, слегка пошатываясь, направился к двери особняка. Мне удалось войти и не упасть, и вскоре я уже пожимал руку доктору Пулео, который отвел меня в спальню. По пути доктор говорил что-то о недавнем воспалении легких и камнях в почках в прошлом году. Никаких проблем с сердцем у губернатора до сих пор не наблюдалось.

Я посмотрел на фигуру, распростертую на постели. Лу Кейссон, губернатор, прославившийся своими реформами — ему удалось, сохранив то хорошее, что было у прежней администрации, добиться успеха там, где его предшественник потерпел сокрушительную неудачу. А кроме того, у него была умная и красивая дочь Элизабет. Я не виделся с ней с тех пор, как еще в колледже мы перестали встречаться и я переехал в другую часть страны.

Подойдя к Кейссону, чтобы начать осмотр, я почувствовал укол совести. Я согласился с доводами Морри, который уговорил меня подать документы в университет на Западном побережье после того, как меня приняли в Восточный университет, в который поступила Элизабет.

Вспомнил о Морри, и он...

Передо мной скользнула тень, и в следующий момент я увидел Морри в ногах постели. Он качал головой.

Я пощупал пульс в сонной артерии. Ничего. Приподнял веко, чтобы посмотреть глазное яблоко...

Неожиданно я рассвирепел. Издалека уже доносился вой сирен, а меня подхватила волна гнева. Я вдруг вспомнил все решения, которые мне навязывал Морри. В одно мгновение я словно со стороны увидел, как он покупал меня своими подарками.

Открыв чемоданчик, я достал инструменты и разложил их на постели.

— Вы будете его лечить? — спросил Пулео.

Я наклонился вперед, поднял на руки Кейссона и переложил его так, что теперь Морри оказался в головах постели.

— Я не могу взять на себя ответственность...— начал Пулео.

Я уже набирал лекарство в длинный шприц.

— Если я сделаю укол сейчас, он будет жить,— сказал я.— Если нет — умрет. Как видите, все предельно просто.

Я расстегнул пижаму больного.

— Дэвид, не делай этого! — сказал Морри.

Не обращая на него внимания, я сделал укол — три кубика настойки блифеджа прямо в сердце. Возле особняка остановилась машина «скорой помощи».

Когда я выпрямился, крестный свирепо смотрел на меня. А потом быстро вышел из комнаты, не пожелав воспользоваться дверью.

Кейссон вдруг пошевелился и вздохнул. Теперь, положив пальцы на сонную артерию, я сразу нащупал пульс. В следующую секунду губернатор открыл глаза. Я собрал инструменты и застегнул пуговицы пижамы.

— С вами все будет хорошо,— сказал я ему.

— Какой курс лечения вы рекомендуете в дальнейшем? — спросил Пулео.

— Положите его в реанимационную палату и наблюдайте в течение двадцати четырех часов. Если после этого все будет в порядке, делайте с ним, что хотите.

— Нужно продолжать вводить лекарство?

— Нет,— ответил я.— Извините, мне пора.

Когда я повернулся, чтобы уйти, она стояла в дверях.

— Привет, Бетти,— сказал я.

— Дэвид, он не умрет?

— Нет,— кивнул я и добавил после короткой паузы: — Как ты?

— Хорошо.

Я направился к выходу, но потом остановился.

— Мы можем поговорить наедине?

Она отвела меня в маленькую гостиную, где мы уселись в кресла.

— Я хочу, чтобы ты знала: все это время мне тебя не хватало,— смущенно проговорил я.— Мне очень жаль, что наши отношения прекратились, когда я уехал на Запад. Наверное, у тебя есть друг?

— Насколько я понимаю, ты все еще не обзавелся постоянной девушкой? — ответила она вопросом на вопрос.

— Верно.

— А если и я тоже пока одна?

— Я был бы рад начать встречаться с тобой. Чтобы снова тебя узнать. Есть у меня такой шанс? Ты согласна?

— Я могла бы сказать, что мне нужно поразмыслить, но это было бы неправдой. Я уже подумала, и ответ — да, я согласна.

Мы сидели и разговаривали два часа, а потом условились увидеться на следующий день.

Проезжая в темноте через парк, я включил фару и вспомнил о нашем «разговоре» с Дорелом.

— Говори! Черт тебя возьми! — воскликнул я.— Меня интересует твое мнение!

— Хорошо.

— Что?

— Я сказал «хорошо». Что ты хочешь узнать?

— А почему ты раньше мне не отвечал?

— Ты должен был отдать мне прямой приказ. Сейчас ты это сделал в первый раз.

— Кто ты — на самом деле?

— Я был врачом, которого Морри учил в начале девятнадцатого века в Вирджинии. Меня зовут Дон Лорел. Однажды я сделал то, что ему не понравилось: начал про-

изводить и продавать запатентованное лекарство «Блифедж Лорела».

— Должно быть, оно помогло многим людям, а это не устраивало Морри.

— Да, и нескольким лошадям.

— Я только что спас человека вопреки его воле.

— Не знаю, что и сказать тебе... Если не считать того, что я вел себя нагло и высокомерно, когда он спросил меня про «Блифедж Лорела»,— и в результате превратился в транспортное средство. Возможно, тебе следует вести себя иначе.

— Спасибо за совет,— ответил я, вытаскивая из кармана монетку и подбрасывая ее в воздух.— Решка. Так я и сделаю.

Конечно, в тот же день Морри меня навестил.

— Добрый вечер,— сказал я.— Хочешь чаю?

— Дэвид, как ты мог? — укоризненно воскликнул он.— Я ведь хорошо к тебе относился, верно? Как ты мог пойти наперекор моему желанию?

— Извини, Морри,— проговорил я.— Мне просто стало жалко этого парня — он так много сделал для города. Вспомни хотя бы его программы по медицинскому страхованию! Поставил всех богатеев на место — а теперь вдруг должен неожиданно покинуть политическую арену... Кроме того... ну, должен признаться: я встречался с его дочерью. Она и сейчас мне нравится. Вот почему я так поступил.

Он положил руку мне на плечо и сжал его.

— Дэвид, ты добрый мальчик,— заявил Морри.— Трудно винить человека за чувство сострадания, но моя работа накладывает определенные обязательства. Когда имеешь дело с моими пациентами, ты должен руководствоваться разумом, а не сердцем, понимаешь?

— Да, Морри.

— Ладно, давай выпьем по чашечке чаю и поговорим о футболе.

Три дня спустя, когда я занялся уборкой по дому, зазвонил телефон. Я сразу узнал голос губернатора.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — спросил я.

— Отлично, и я знаю, что обязан вам многим, но звоню совсем по другой причине.

Я все понял: Морри решил отомстить. Он устроил для меня испытание.

— Кому-то плохо? — спросил я.

— Да, Бетти. Пулео утверждает, что у нее те же симптомы, что у меня. Он не говорил, что моя болезнь может оказаться заразной.

— Я сейчас приеду.

— Вызвать «скорую помощь»?

— Нет.

Я повесил трубку, взял свой чемоданчик и направился к Дорелу. Пока мы ехали через парк, я рассказал ему о том, что произошло.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Ты и сам прекрасно знаешь.

— Я этого боялся.

И вот, когда я осматривал Бетти, в комнату вошел Морри и встал в ногах ее постели. Я набрал три кубика настойки в шприц, а потом развернул Бетти.

— Дэвид, я запрещаю тебе это,— резко заявил крестный.

— Мне очень жаль, Морри,— ответил я и сделал укол.

Когда Бетти открыла глаза, я наклонился и поцеловал ее — и в тот же миг мне на плечо легла тяжелая рука Морри. На этот раз его пожатие было ледяным.

— Мне тоже,— сказал он.

...Потом в полнейшем молчании мы шли по тусклому коридору, а вокруг нас тени вели свой бесконечный танец. Я припоминаю, что мы двигались среди монохромных кусочков моего мира и мира Морри, под землей, среди пещер и тихих водоемов. Я понял, что мы прибыли на место, когда увидел туннель с бесконечными рядами свечей вдоль стен. Вскоре мы уже стояли в центральном гроте, где столько раз играли в шахматы и выпили множество чашек горячего шоколада.

Теперь я снова ощущал свое тело. Эхо моих шагов разносилось по пещере. И я опять почувствовал леденящую руку у себя на плече.

Тени отступили в сторону, словно кто-то отодвинул занавес.

Морри провел меня через грот, вверх по коридору, а потом вниз по узкому холодному туннелю, в котором я никогда раньше не бывал. Я был слишком горд, чтобы спрашивать, куда он ведет меня,— и тем самым первым нарушить молчание.

Наконец мы остановились, он отпустил мое плечо.

Засунув руки в карманы, я взглянул туда, куда указывала его рука, но сначала не понял, на что должен смотреть.

Мы находились перед стеной, в нишах и на выступах которой стояло множество свечей. Тут только я заметил, что одна из них намного короче, чем другие, ее огонь уже начал мерцать; не вызывало сомнений, что скоро она догорит.

Решив, что свеча принадлежит Бетти, я ждал, пока невидимые слуги Морри заменят ее.

— Оно того стоило,— заявил я.— Ты ведь знаешь, я люблю ее.

Крестный повернулся и внимательно посмотрел на меня, а потом на его лицо легла печальная улыбка.

— О нет,— сказал он.— Ты думаешь, это ее свеча? Нет. Ты не понимаешь. Она будет жить. Ты об этом позаботился. Ее свеча уже в полном порядке. Это твоя свеча. Ты с самого начала не мог на многое рассчитывать. Мне очень жаль.

Я вытащил руку из кармана, протянул ее вперед и осторожно коснулся свечи.

— Хочешь сказать, что это все, что у меня осталось? Может быть, несколько минут? Ты не вмешивался из-за того, что зол на меня? Вот как обстоят дела?

— Да,— только и молвил Морри.

Я облизнул губы.

— А есть ли... возможность продлить мой срок?

— После того как ты во второй раз не послушался меня? После всех предупреждений?

— Мне было трудно на это решиться,— попытался объяснить я.— Я же говорил тебе, что был знаком с Бетти несколько лет назад, и тогда она мне нравилась. Я не понимал, насколько сильно меня к ней влечет, до самого последнего времени. Я чуть не опоздал. Поэтому у меня не было выбора. Я должен был спасти ее. Наверное, подобные чувства тебе не совсем понятны...

Он снова рассмеялся.

— Конечно, я понимаю, что можно заботиться о комто! — перебил меня Морри.— Почему, интересно, я решил покончить с губернатором Кейссоном? По вине этого ублюдка город не стал покупать профессиональную футбольную команду — мою любимую! Я уже много лет добивался этого!

— Значит, ты действительно решил заграбастать его раньше срока?

— А что ж ты думал? И надо же тебе было вмешаться в мои дела!

— Я начинаю понимать... Скажи, Морри, ведь еще не поздно перенести мое пламя на другую свечу?

— Верно,— признался он.— К тому же ты мой крестник. А это кое-чего стоит...

Некоторое время Морри молча смотрел на свечу.

— Наверное, так и следует поступить,— сказал он.— Не могу же я вечно на тебя злиться. Семья — дело серьезное.

Он потянулся к открытой коробке, стоящей в нише. Вытащив оттуда свечу, выпрямился и протянул другую руку к мерцающему пламени моего огарка. Коснулся его и начал поднимать... В следующий миг я увидел, как остатки свечи выскользнули из его руки и упали на землю.

— Дерьмо! — выругался Морри.— Прости, Дэвид...

Лежа на полу и глядя на мерцающий огонек, я понимал: случилось что-то хорошее, только никак не мог вспомнить, что именно.

Саднило разбитую щеку — в том месте, которым я ударился, когда упал.

Меня окружало бесчисленное множество огней. Мне нужно было кое-что сделать. Быстро. Только вот что?

Я поднял голову и осмотрелся. Морри ушел...

Ах да. Морри, мой крестный. Ушел...

Я уперся ладонями в пол и заставил себя подняться. Вокруг никого не было. Только я, мерцающий огонек свечи и черный велосипед. Что я должен был вспомнить? Мысли медленно сменяли одна другую.

— Вытащи свечу из коробки, Дэвид! И поторопись! — сказал мне Дорел.— Тебе необходимо это сделать еще до того, как твоя снова погаснет.

Снова погаснет.

Тогда я вспомнил все и содрогнулся. Вот что я сделал — умер. И умру окончательно, если стану медлить. Опасаясь худшего, я сумел купить себе маленькую передышку, разобравшись наконец, как пользоваться «Пятиминутным Деформатором Времени», который продолжал носить у себя в кармане. Но сколько он продержится? На этот вопрос у меня не было ответа.

Я двигался так быстро, как только мог, чтобы не загасить свечу,— представление могло завершиться в любую секунду. Теперь в лужице воска плавал крохотный хвостик фитиля.

Я порылся в коробке, вытащил свечу и осторожно поместил над умирающим огоньком. На мгновение пламя опустилось, и в глазах у меня потемнело, а по спине пробежал холодок. Но фитиль новой свечи загорелся, и неприятные ощущения сразу исчезли. Я поставил свечу на место и опустил руку в карман. Там, в носовом платке, лежали сушеные стебли, цветы, корни и листья блифеджа.

Я положил платок на седло Дорела и начал разворачивать.

— Хорошая мысль,— заметил он, когда я принялся поедать универсальное лекарство.— Как только ты закончишь, я отведу тебя в другой туннель, где мы спрячем твою

свечу среди множества других. Но нам нужно торопиться, вдруг Морри где-то неподалеку.

Я засунул остатки блифеджа в карман и со своей свечой в руке зашагал вслед за Дорелом.

— А ты можешь найти свечу Бетти и спрятать ее? — спросил я.

— Раньше я работал здесь,— продолжал Дорел.— Я был невидимым слугой до того, как он превратил меня в велосипед. Если я снова стану невидимым и окажусь здесь, то смогу сколько угодно прятать твои с Бетти свечи. А еще я снова буду исправлять его мелкие злоупотребления, как и прежде. Если ты продолжишь исследования блифеджа, я буду зажигать для тебя новые свечи.

— Я согласен,— сказал я.— Что необходимо сделать, чтобы ты снова стал невидимым слугой?

— Мне не разрешено отвечать на этот вопрос.

— Даже если я прикажу тебе?

— Да. Здесь действует иной уровень запрета. Я не представляю себе, как можно обойти это условие.

Мы углубились в туннель, и Дорел остановился.

— Слева от тебя,— сказал он,— в глубине ниши, где горит несколько других свечей.

Я слил немного расплавленного воска на свободное место, а потом укрепил там свою свечу.

— Садись в седло,— предложил Дорел.

Я последовал его совету, и мы поехали дальше по извилистым туннелям. Вскоре я заметил, что появился знакомый стробоскопический эффект.

— Вернемся туда, откуда он нас забрал? — спросил Дорел.

Через некоторое время обычный мир стал возникать все чаще, а подземный постепенно отступал.

И вот мы уже притормозили возле особняка губернатора. Как только Дорел остановился, я сразу соскочил с седла. Еще не совсем стемнело, солнце зависло над западным горизонтом.

Когда я ставил Дорела, двери распахнулись.

— Дейв! — воскликнула Бетти.

Я поднял глаза и молча наблюдал за тем, как она спускалась по ступенькам. И вдруг понял, как она прелестна и как сильно я хочу защитить ее от всех невзгод... В следующее мгновение Бетти оказалась в моих объятиях.

— Дейв, что случилось? Ты исчез так неожиданно.

— Мой крестный отец, Морри, забрал меня с собой. Я сделал то, что ему не понравилось.

— Твой крестный отец? Раньше ты никогда не упоминал о нем. Как он мог?

— Он обладает великой властью над жизнью,— ответил я.— Именно Морри дал мне возможность предотвращать смерть. Сейчас, к счастью, он считает, что я мертв. Думаю, мне придется сделать пластическую операцию, изменить фамилию, отрастить бороду, переехать в другой штат и завести небольшую частную практику, доход от которой позволил бы мне заняться исследованиями блифеджа. Я люблю тебя. Ты выйдешь за меня замуж и уедешь со мной?

Неожиданно вмешался Дорел:

— Извини, Дейв, но не могу не отметить, что твоя речь несколько сумбурна.

Бетти уставилась на мой велосипед.

— Так ты ко всему еще и чревовещатель? — спросила она.

— Нет, это говорил Дорел. Он только что спас мне жизнь. Дорел — мятежный дух, который отбывает срок наказания. Морри превратил его в велосипед. Дорел со мной с тех пор, когда я был еще мальчишкой. Он и в те времена не раз меня выручал.— Я протянул руку и потрепал его по седлу.

Спустившись по ступенькам, Бетти наклонилась и поцеловала Дорела прямо в руль.

— Благодарю тебя, Дорел,— тихо проговорила она,— кем бы ты ни был.

Теперь, во всяком случае, он уже не был велосипедом. В лучах заходящего солнца заплясали сверкающие пылинки. Я завороженно смотрел на это удивительное явление —

у меня на глазах пылинки превратились в шестифутовую башню.

Я услышал, как ахнула Бетти.

— Что я наделала? — выдохнула она.

— Понятия не имею,— ответил я.— Но, судя по тому, что рядом нет лягушки, я не думаю, что ты получишь в мужья прекрасного принца.

— Тогда я, пожалуй, останусь с тобой,— заявила Бетти, и мы вместе наблюдали за тем, как сверкающий вихрь постепенно обретал человеческую форму — перед нами возник высокий мужчина с бакенбардами и в плаще из оленьей кожи.

Он поклонился Бетти.

— Дон Лорел,— представился он.— К вашим услугам, мадам.

Потом повернулся и пожал мне руку.

— Очень жаль, что ты лишился средства передвижения, Дейв. Мое заклятие только что было снято.

— Нам следует это отпраздновать,— предложил я.

Он покачал головой:

— Теперь, когда я обрел прежнюю форму, мне нужно срочно найти свою нишу. В противном случае я могу исчезнуть навсегда. Поэтому я немедленно возвращаюсь под землю и буду находиться там постоянно. Морри не заметит появления еще одного невидимого существа. Я буду перемещать ваши свечи подальше от него. Успеха в исследованиях блифеджа! Я еще свяжусь с вами.

С этими словами он снова превратился в башню, сотканную из света. В воздухе заплясали разноцветные огоньки, и Дорел исчез.

— Какое облегчение,— сказал я, снова обнимая Бетти.— Однако мне жаль, что так получилось с Морри. Я всегда хорошо к нему относился. Мне его будет не хватать.

— По-моему, он не очень похож на симпатичного парня,— заметила Бетти.

— Работа не могла не наложить на него определенного отпечатка,— пояснил я.— На самом деле он чувствительный.

— Откуда ты знаешь?

— Он любит футбол и шахматы.

— Но они представляют собой насилие — физическое и абстрактное.

— ...И горячий шоколад. И квартет Шуберта до минор. И бóльшую часть времени его заботит равновесие между жизнью и смертью.

Бетти покачала головой.

— Я знаю, что Морри для тебя — член семьи,— сказала она.— Но меня он пугает.

— Ну, теперь мы будем жить инкогнито. Морри нас не побеспокоит.

Мне довольно долго удавалось держаться от Морри подальше. Мы с Бетти поженились, я сменил фамилию и переехал в маленький городок на юге, однако делать пластическую операцию не стал. Борода, темные очки и новая прическа существенно изменили мою внешность — так, во всяком случае, мне казалось.

Постепенно у меня появилась вполне приличная практика, я построил теплицу и организовал дома маленькую лабораторию. Целый год я старался избегать критических случаев, когда больному грозила смерть, а навещая своих пациентов в больнице, ни разу не присутствовал при летальных исходах — что могло бы привести к нежелательной встрече с Морри. Можно сказать, что я был патологически аккуратен в таких вопросах; но несколько раз замечал спину Морри, когда тот сворачивал за угол.

И все же, учитывая род моих занятий, я постоянно размышлял: когда произойдет наша встреча, смогу ли я скрыть то, что вижу его?

Однако, как и следовало ожидать, мы встретились вовсе не в больнице, а в тот момент, когда я и думать забыл о Морри.

Это случилось октябрьским вечером, я сидел у окна. С улицы вдруг донесся визг тормозов, сопровождающийся звуком глухого удара. Я схватил фонарик и чемоданчик

с инструментами и выбежал из дома. Бетти последовала за мной.

На перекрестке столкнулись две машины. Повсюду валялись осколки стекол, сильно пахло бензином.

В обеих машинах не было никого, кроме водителей. Один погиб на месте, а другой — совсем молодой парень — был тяжело ранен, но продолжал дышать.

— Вызови «скорую»! — крикнул я Бетти, подбегая к молодому человеку.

Его выбросило из машины, и он лежал на тротуаре — крупный мускулистый парень. Я сразу увидел, что у него легочное и артериальное кровотечение, масса мелких ранений, перелом черепа и, скорее всего, позвоночника.

Когда я начал оказывать первую помощь, пытаясь остановить кровотечение, возле нас неожиданно возникла знакомая фигура. Я забыл о том, что должен делать вид, будто не вижу Морри. Учитывая экстремальность ситуации, я просто кивнул головой и сказал:

— Здесь я не могу с тобой спорить. Возьми его, раз так распорядилась судьба.

— Нет,— возразил он.— Спаси его для меня, Дейв. Сделай ему укол блифеджа. У тебя еще есть время.

— А что в нем такого особенного, Морри? Я не забыл, как ты со мной обошелся, когда мне захотелось сделать исключение.

— Хорошо. Я тебя прощу и обо всем забуду, если ты спасешь этого парня. Я часто говорил тебе, что моя власть не распространяется на смерть.

— Ладно. А как насчет того, чтобы дать мне обещание, что я могу спасать того, кого захочу, и продолжать исследования блифеджа?

— Похоже, ты и так это делаешь. Что ж, давай заключим формальный договор.

— Как жаль, что тебя не было на моей свадьбе, Морри.

— А я был.

— Да ну? Я тебя не заметил.

— Я стоял сзади. И оделся в яркие цвета, поэтому ты меня и не заметил.

— Так ты был тем типом в гавайской рубашке?
— Точно.
— Будь я проклят!
— И прислал тебе в подарок микроволновую печь.
— Я не нашел там никакой записки...
— Ну, мы же тогда не разговаривали.
— Меня смутило название фирмы производителя — «Сердце Ада». Тем не менее печь оказалась отличной. Спасибо.

Мой пациент застонал.

— По поводу этого парня, Морри... Почему ты не хочешь его забрать?
— Неужели ты его не узнаешь?
— У него все лицо залито кровью.
— Это же новый квотербек* из «Соколов Атланты».
— Ах вот оно что. А как насчет баланса между жизнью и смертью и всего такого прочего?
— В этом сезоне им никак без него не обойтись.
— Я забыл, что ты болельщик «Соколов».
— Блифедж, мой мальчик, блифедж!

Ну что еще сказать... «Соколы» отлично провели сезон. Во время их матчей смерти случались очень редко, потому что Морри приходил к нам в гости и мы за пивом и пиццей смотрели игру по телевизору. Конечно, он с особым рвением собирал свою жатву после того, как «Соколы» терпели неудачу. Почитайте газеты, и вы все поймете.

Морри не раз довольно прозрачно намекал, что ему хотелось бы знать, как мы поступили с нашими свечами. Однако я делал вид, что не понимаю, чего он от меня добивается.

Дон Лорел и я не теряем связи. Он всегда приходит на День всех святых, чтобы выпить стаканчик крови, и мы делимся последними новостями. А иногда вспоминаем прежние времена, он снова превращается в велосипед, и мы путешествуем между мирами.

* Разыгрывающий в американском футболе.

Сегодня утром я подошел к перекрестку, на котором произошло несчастье. Морри стоял у телеграфного столба и гладил погибшую кошку.

— Доброе утро, Дейв.
— Привет. Ты рано встал.
— Мне вдруг показалось, что ты захочешь выйти прогуляться. Когда подойдет срок?
— Весной.
— Ты действительно хочешь, чтобы я был крестным отцом?
— Не могу себе представить, кто лучше тебя справится с этой ролью. Моему отцу ты послал такой же сон?
— Нет. Для тебя я сделал новую версию. Я теперь смотрю MTV.
— Я так и подумал. Хочешь зайти на чашечку кофе?
— С удовольствием.

Мы вернулись в дом, когда бежали прочь последние утренние тени. Тот, кому удалось бы поймать их, мог бы скроить себе плащ из мрака.

Кони Лира

Лунный свет серебристым покрывалом стелился над узким морским заливом. Холодный бриз нес клочья тумана вдоль берега. Рэнди постоял немного, глядя в темные глубины, а затем уселся на валун, достал трубку и стал неспешно набивать ее табаком.

«Что я делаю здесь? — спросил он себя.— Как могу я заниматься всем этим?»

Закрывая правой рукой трубку от ветра, он взглянул на массивное бронзовое кольцо, надетое на указательный палец. Теперь это было его кольцо, и сделать это обязан он...

Он опустил руку, чтобы не видеть древнее кольцо. Ему не хотелось думать о мертвеце, лежащем в неглубокой

впадине шагах в десяти выше по холму. Это был дядя Стефан, заботившийся о нем последние два года, после того как он приехал из Филадельфии, потеряв сразу обоих родителей.

Старик встретил его в аэропорту Глазго. Он оказался ниже ростом, чем представлялось Рэнди,— может быть, потому, что с годами стал сильно сутулиться. Волосы старика были седыми, кожа на лице и руках — смуглой и обветренной. Дядя Стефан не обнял племянника. Просто протянул руку, и его серые глаза впились в лицо Рэнди, словно что-то выискивая. Затем старик кивнул, как бы решив для себя нечто, и сказал:

— Будешь жить у меня в доме, парень. Давай свои сумки.

Он протянул руку, и тогда-то Рэнди впервые увидел на его указательном пальце бронзовое кольцо...

Невдалеке послышался громкий всплеск. Рэнди встрепенулся, оглядел задернутую туманом поверхность залива, но ничего не увидел.

«Они узнали о смерти дяди,— подумал он.— Но как?»

...По дороге домой старик удостоверился, что его племянник плохо знает гэльский язык. Стефан нашел хорошее средство — разговаривал с племянником исключительно по-гэльски. Поначалу Рэнди это не нравилось, но постепенно он стал вспоминать слова и фразы, известные ему от родителей. Спустя несколько месяцев он почувствовал всю мощь и красоту старого языка. И этим он тоже был обязан старику...

Рэнди поднял камешек и бросил в воду. Чуть позже послышался легкий всплеск, а еще через несколько мгновений последовал мощный удар. Рэнди вздрогнул и только огромным усилием воли удержался от панического бегства.

...Он помогал дяде в его нехитром бизнесе: сдаче лодок в аренду туристам. Научился чистить и конопатить днища, ремонтировать снасти, плести сети... Постепенно Рэнди вошел в курс дел, а старик, напротив, стал все реже появляться на причале.

— Моя покойная Мэри — да упокой Бог ее душу! — не принесла мне детей,— сказал как-то дядя.— Потому все мое хозяйство однажды перейдет к тебе, Рэнди. Изучи все хорошенько. Остаток жизни проведешь здесь, на берегу залива. Кто-то из мужчин в нашем роду всегда жил здесь.

— Почему? — спросил Рэнди.

Стефан улыбнулся.

— Со временем поймешь,— ответил он.

Это время не спешило приходить, и Рэнди терялся в догадках. Озадачивало его и кое-что другое. Раз в месяц дядя вставал до рассвета и куда-то уходил. Он никогда не возвращался до заката и не желал отвечать ни на какие расспросы. Вряд ли это было обычным загулом, ведь от дяди никогда не пахло спиртным. Однажды Рэнди не выдержал и тайно последовал за ним. Услышав, как рано утром хлопнула дверь, он быстро оделся и проследил через окно, как дядя пошел к соседней роще. Выбежав наружу, Рэнди быстро пошел вслед за стариком, стараясь не терять того из виду. Но, выйдя из рощи, Стефан вошел в лабиринт серых скал и исчез там, словно растворившись.

С полчаса Рэнди безуспешно искал его следы, а затем, разочарованный, вернулся домой.

Подобная история повторилась еще дважды. Рэнди раздражало, что дядя так легко мог водить его за нос. Племянника интересовала не столько причина этих прогулок старика, сколько ответ на вопрос: каким образом дяде удавалось бесследно скрываться среди скал? И вместе с тем Рэнди стал относиться к Стефану с большей любовью, чем просто к брату своего покойного отца.

Однажды утром Стефан поднял его до рассвета.

— Ты пойдешь сегодня со мной, мальчик,— сказал он.

Впервые Рэнди пошел с дядей в сторону рощи. Выйдя из нее, они пошли по петляющей тропинке среди скал. Наконец они вошли в сводчатый туннель, о существовании которого Рэнди и не подозревал. Вдалеке слышался шум волн.

Дядя Стефан зажег фонарь. Когда глаза Рэнди привыкли к резкому контрасту света и тени, он понял, что туннель ведет к подземной гавани. На отлогом берегу стоял необычный предмет, напоминающий огромную лодку. Пока дядя зажигал второй фонарь, Рэнди подошел к «лодке» и стал внимательно рассматривать ее.

Она имела форму клина и плоское дно. Более всего она напоминала повозку с колесами по обеим сторонам. По бокам и впереди на прочных канатах висели большие кольца. Несмотря на солидные размеры, повозка была выполнена с большим изяществом. Ее борта были украшены бронзовыми пластинами с загадочными рисунками. Остальные части словно были покрыты красно-зеленой эмалью.

— Красиво, верно? — спросил дядя, подходя к нему с фонарем в руке.

— Эта повозка... она похожа на колесницы римских цезарей,— сглотнув, ответил Рэнди.— Она словно из музея.

— Нет. Она давно, очень давно здесь находится.

Стефан достал из кармана кусок ткани и стал тщательно протирать бронзовые пластины.

— Похожие колесницы я видел на рисунках,— продолжил неуверенно Рэнди.— Но эта ужасно большая.

Стефан усмехнулся:

— Такой она и должна быть. Ведь эта колесница — не цезаря, а бога.

Рэнди взглянул на него, желая удостовериться, шутит дядя или нет. Но на лице старика не было и тени улыбки.

— Какого бога?

— Лира. Повелителя Великого океана. Ныне он спит вместе с другими древними богами на острове Благословения.

— А почему... почему его колесница находится здесь? — хрипло спросил Рэнди.

Дядя Стефан хмыкнул:

— Должна же она где-то храниться?

Рэнди провел рукой по холодной бронзовой пластине.

— Я почти верю этому...— прошептал он.— Но что вас с этим связывает?

— Я — Хранитель колесницы Лира,— серьезно ответил Стефан.— Раз в месяц я прихожу сюда, протираю колесницу, если надо — ремонтирую.

— Почему?

— Она может однажды понадобиться Лиру. Боги никогда до конца не умирают.

— Я имею в виду другое: почему именно вы стали Хранителем?

Дядя вновь улыбнулся, на этот раз снисходительно.

— В этом и состоит великая тайна нашей семьи, мальчик. С незапамятных времен мужчины из нашего рода становятся Хранителями. Это наш долг.

Рэнди облизнул пересохшие губы и вновь взглянул на колесницу Лира.

— Должно быть, в нее запрягают слонов,— сказал он.

— Слон — сухопутное животное.

— Тогда кого же?

Дядя поднял фонарь, освещая свою правую руку. На указательном пальце сияло знакомое Рэнди бронзовое кольцо.

— Я — Хранитель не только колесницы, но и коней бога Лира,— негромко сказал старик.— Кольцо — мой официальный знак, хотя кони и без него узнают меня. Перед тем как Лир присоединился на острове Благословения к остальным древним богам, он послал своих коней пастись здесь, в этом заливе. Нашему далекому предку было приказано ухаживать за ними.

Голова Рэнди закружилась. Он облокотился на край колесницы.

— Выходит, в заливе...

— Да, вся семья коней Лира живет в глубинах залива,— подтвердил старик.— Время от времени я подзываю их и пою по-гэльски древние песни.

— Зачем вы привели меня сюда, дядя? — растерянно спросил Рэнди.— Зачем раскрываете свои тайны?

— Мне нужна твоя помощь, племянник. Все труднее стало ухаживать за колесницей, руки становятся все слабее. И потом, в нашем роду не осталось других мужчин.

Весь этот день Рэнди работал не покладая рук. Он чистил колесницу, полировал бронзовые пластины, смазывал колеса и странную упряжь, что висела на стене пещеры. Из его головы не выходили слова дяди.

Туман к вечеру стал сгущаться. Вдоль берега поползли бледные тени, посеребренные светом полной луны.

— Не хочешь прогуляться? — неожиданно сказал дядя.— Только надень свитер, сегодня прохладно.

Рэнди отложил книгу и взглянул на часы. Было уже поздно. Обычно в это время они ложились спать. За окном было сыро — весь день шел дождь.

Они пошли по крутой тропинке, ведущей к берегу. Рэнди был взволнован: ясно, дядя Стефан затеял эту прогулку с какой-то важной целью.

Дядя с фонарем в руке свернул налево от причала. Пройдя милю вдоль берега, они вышли к небольшому скалистому выступу, резко обрывающемуся к поверхности залива. Вокруг была тьма, и языки тумана, и плеск волн... Старик поставил фонарь на землю и сел на краю обрыва. Он знаком показал Рэнди, чтобы тот сделал то же самое.

— Не вздумай убегать, что бы ни случилось,— предупредил он.

— Хорошо, дядя.

— Если будешь говорить, то только на древнем языке.

— Я постараюсь.

— Сейчас я позову коней Лира.

Рэнди застыл от страха. Дядя успокаивающе положил ладонь на его руку.

— Тебе будет страшно, но помни: пока ты со мной, тебе не причинят вреда. Делай беспрекословно все, что я прикажу. Я должен представить тебя.

Рэнди кивнул. Дядя издал странный вибрирующий клич, а затем запел древнюю песню. Спустя некоторое время где-то вдали послышался всплеск, еще один... Рэнди

увидел большую тень, приближающуюся к ним со стороны моря. Среди волн появилась относительно тонкая, длинная шея, увенчанная крупной головой. Чудовище, чем-то напоминавшее доисторического плезиозавра, внимательно разглядывало людей через клубящийся туман.

Рэнди судорожно вцепился в край скалы. Он хотел бежать, но ноги не слушались его. Не мужество, а жуткий страх удерживал его рядом с дядей.

Конь Лира смотрел на людей, а затем не спеша поплыл к берегу. Его голова изредка погружалась в волны. Глаза плавающей твари были огромными, казалось, в них отражается даже свет фонаря. Голова слегка раскачивалась взад-вперед, взад-вперед...

Конь Лира остановился рядом с мысом, наклонил голову, и старик погладил ее, продолжая тихонько напевать что-то по-гэльски.

Внезапно Рэнди осознал, что дядя обращается к нему.

— Познакомься, мальчик, это Скаффлех,— сказал он.— А это Финнтаг...

Рэнди не сразу понял, что к мысу подплыло еще одно чудовище. За ним плыла еще одна изогнутая тень, похожая на нос корабля викингов.

— Это Гарвал. Поговори с ними, мальчик, они должны знать звук твоего голоса.

Рэнди почувствовал, что вот-вот начнет истерически смеяться. Вместо этого он протянул руку и коснулся влажной кожи Скаффлеха. Стефан не приказывал ему делать это, но Рэнди всегда гладил собак, когда разговаривал с ними.

— Хороший, хороший...— хрипло говорил он.— Подплыви поближе. Как дела? Все нормально, старик?

Голова первого из чудовищ склонилась еще ниже, и Рэнди почувствовал его тяжелое дыхание.

— Скаффлех, меня зовут Рэнди. Рэнди...

Этой ночью он был представлен всем восьми коням Лира, самых различных размеров и характеров. После того как дядя отпустил их и они уплыли в сторону моря, Рэнди еще долго стоял, оцепенело глядя на волны. Страх ушел,

но ушло и возбуждение, так что он чувствовал себя опустошенным.

Стефан поднял фонарь и сказал:

— Надо идти.

Рэнди кивнул, медленно поднялся на ноги и вяло поплелся вслед за дядей. Он был уверен, что этой ночью ему не уснуть, но, когда он улегся в постель, окружающий мир почти мгновенно исчез. Если ему что-то и снилось, наутро он не смог ничего припомнить.

Еще несколько раз они ходили на скалистый мыс по ночам и встречались с конями Лира. Дядя учил Рэнди древним песням и фразам, которыми он приветствовал чудовищ, но юноше так и не удалось использовать их на практике. Теперь, этой страшной ночью после смерти дяди, он впервые пришел сюда один.

Рэнди посмотрел на бронзовое кольцо на своем указательном пальце. Узнают ли его кони? Есть ли в кольце хотя бы крупица древней магии? Или оно играло чисто психологическую роль для Хранителя?

На этот раз со стороны моря появилась только одна черная тень. Она подплыла к скалистому мысу, помедлила, словно бы разглядывая одинокого Рэнди, а затем вновь исчезла во тьме. Юноша, весь дрожа, сел на край мыса и стал ждать.

Дядя заболел в конце прошлого месяца, и с каждым днем ему становилось все хуже. Вскоре он окончательно слег. Поначалу Рэнди подумал, что это — простая простуда, но состояние старика стало тяжелым. Перепуганный племянник стал уговаривать дядю обратиться к врачу. Но Стефан отказался.

— Не стоит, мальчик,— тяжело дыша, сказал он.— Даже обычные люди часто осознают приближение своего конца, а мы всегда точно знаем это. Я умру сегодня, и очень хорошо, что здесь нет доктора.

— Почему? — дрожащим голосом спросил Рэнди.

— Доктор констатирует смерть и, скорее всего, проведет вскрытие. Тогда уж похорон не избежать. Всего этого мне не нужно. Существует место погребения всех Хранителей. Я хочу присоединиться к моим предкам на острове, где спят древние боги. Это — остров Благословения... Он находится в открытом море... Ты должен отвезти меня туда...

— Дядя! — в отчаянии воскликнул Рэнди.— Я изучал географию в школе. Здесь поблизости нет такого острова! Как же тогда я смогу?..

— Это... это тревожит и меня,— еле слышно ответил старик.— Но я был... был на этом острове... Много лет назад я отвозил туда моего отца... Кони... кони знают путь...

— Кони? — в ужасе переспросил Рэнди.— Но как я смогу справиться с ними?

— Колесница... Ты должен запрячь Скаффлеха и Финнтага в колесницу и отвезти мое тело на остров. Обмой... обмой мое тело... и надень на меня одежду... Она хранится там...— Старик кивнул в сторону старого сундука, стоявшего в углу комнаты.— Надень на коней упряжь и скажи, чтобы они отвезли тебя на остров Благословения...

Рэнди заплакал — этого с ним не случалось с тех пор, как он потерял родителей.

— Дядя, я не могу...— всхлипывая, в отчаянии сказал он.— Я так боюсь этих чудовищ! Они такие громадные...

— Ты должен... Мне нужно знать, что после смерти меня ожидает успокоение... Когда вернешься, отвяжи одну из лодок и отпусти в море, а людям скажи, что я... что я отплыл неизвестно куда...

Лицо старика побледнело, на нем выступили крупные капли. Рэнди вытер пот полотенцем и прислушался к хриплому, углубившемуся дыханию умирающего.

— Я боюсь, дядя,— сказал он.

— Знаю...— еле слышно прошептал старик.— Но ты сделаешь это.

— Я... я попробую.

— И вот еще что...— Дядя с большим трудом снял бронзовое кольцо и протянул его племяннику.— Покажи коням... Они должны знать, что ты их новый Хранитель...

Рэнди взял кольцо.

— Надень его.

Он повиновался.

— Наклонись...

Юноша встал на колени рядом с кроватью, и старик положил руку ему на голову.

— Я передаю тебе наше дело,— довольно громко произнес он.— Отныне ты — Хранитель коней Лира и его колесницы.

Рука старика вновь упала на грудь, и дыхание его стало еще реже и глубже. Рэнди стоял, не шевелясь, на коленях и смотрел, как краски жизни уходят с лица Стефана. Старик просыпался еще дважды, но ненадолго. Наконец перед закатом он умер. Рэнди обмыл его, всхлипывая — и от горя, и от страха.

Было уже совсем темно, когда он вышел из дома, держа фонарь в руке. Сначала он пошел в пещеру, снял со стены упряжь и присоединил ее к большим кольцам колесницы, которые играли роль своеобразных хомутов — так его учил дядя. Теперь он должен был позвать коней и попросить их приплыть в пещеру со стороны моря. О путешествии к таинственному острову он старался даже не думать.

Рэнди вернулся домой и, взяв тело дяди на руки (он был на удивление тяжел), с большим трудом спустился к берегу. Отвязав на пристани одну из лодок, юноша поплыл вдоль берега к скалистому мысу. Он оставил уже остывшее тело в углублении между скалами и оттолкнул лодку, направив ее в открытое море. Затем стал ждать.

Наконец к берегу приблизились две массивные тени. Похоже, это были Скаффлех и Финнтаг, но Рэнди не был в этом уверен.

Встав на ноги, он поднял руку с кольцом и крикнул:

— Время пришло! Скаффлех и Финнтаг! К пещере! К колеснице!

Оба чудовища подплыли почти вплотную к мысу. Их длинные шеи раскачивались из стороны в сторону. Во рту пересохло от страха, но Рэнди продолжал держать высоко поднятую руку с кольцом на указательном пальце. Головы наконец наклонились, и юноша отважно погладил их, напевая древнюю гэльскую песню. Затем он повторил свой приказ:

— К пещере! К колеснице!..

Оба чудовища, казалось, послушались его. Они поплыли от мыса и направились вдоль берега в сторону подводной пещеры. Рэнди, обрадованный успехом, пошел туда же по суше.

Подойдя к колеснице, он взял упряжь и стал ждать. Неожиданно он понял, что надеть ее на коней он сможет, только взобравшись на их шеи. Юноша поспешно снял башмаки.

Когда кони подплыли к берегу, Рэнди отважно вошел в воду. Кожа чудовищ оказалась на удивление мягкой и скользкой. Непрерывно разговаривая с ними, юноша сумел надеть кольца на шеи. Кони были послушны, словно все понимали.

Когда работа была закончена, Рэнди забрался в колесницу и взял в руки поводья.

— Плывите,— сказал он.— Только медленно.

Кони неуклюже развернулись и пошли прочь от берега, погружаясь в воду. Колеса заскрипели и тяжело двинулись с места. Поводья резко натянулись. Вскоре колесница уже плыла, влекомая могучими морскими животными.

Выплыв через противоположный вход пещеры, кони повернули налево и последовали вдоль берега. Вокруг царила тьма, но животные ни разу не позволили колеснице удариться о подводные камни. Через несколько минут они причалили к скалистому мысу, где Рэнди оставил тело дяди.

Выбравшись на берег, юноша с большим трудом перенес покойника в колесницу. Отдышавшись, он крепко взял в руки поводья и сказал:

— Поплыли к острову Благословения! Вы знаете путь туда. Отвезите нас!

И кони Лира отправились в плавание. Выйдя из залива, они свернули направо и пустились в путь вдоль берега.

Рядом послышались сильные всплески. При свете поднявшейся из-за горизонта луны юноша увидел, что и другие кони сопровождают их.

Туман поднялся выше и уплотнился. Рэнди отпустил поводья, предоставив морским чудовищам свободу. Даже знай он путь к острову Благословения, это ничего бы не изменило, поскольку он почти ничего не видел. Поразмыслив, Рэнди решил, что кони плывут в сторону Каледонского канала, ведущего в открытое море. Но это казалось странным. Судя по рассказу дяди, Хранители издревле находили успокоение на этом таинственном острове. Но канал-то был вырыт всего лишь в девятнадцатом столетии!

Когда лунный свет прорывался сквозь слоистый туман, юноша видел среди волн головы двух могучих животных. В эти мгновения ему казалось, что они знают другой путь к острову, неведомый никому из людей.

Он не мог сказать, как долго продолжалось это плавание через туманное море. Возможно, несколько часов. Луна исчезла с неба, и где-то справа мглистая пелена зажглась розовым светом. С восходом солнца туман стал рассеиваться, и вскоре колесница уже плыла под чистым голубым небом. Вокруг простирался необъятный морской простор, и нигде не было даже признаков суши.

Чуть сзади плыли остальные кони, а Скаффлех и Финнтаг продолжали уверенно тянуть колесницу. Волнение усилилось, и юноша быстро промок от соленых брызг и продрог на прохладном ветру.

Наконец впереди что-то появилось. Перед отъездом из Америки Рэнди тщательно изучил карту этого района Шотландии и готов был поклясться, что никаких островов в этой части моря не было. И все же впереди стал постепенно вырисовываться контур холмистого острова, густо заросшего деревьями. У прибрежных скал бушевали белые буруны. Когда они подплыли ближе, юноша понял, что этот остров был лишь одним среди многих. Проплыв мимо трех из них, кони повернули к самому большому. Войдя в узкий залив, они направились к каменному причалу, за которым поднимался зеленый склон холма, заросший гигантскими деревьями. Среди них порхали разноцветные птицы.

Развернувшись, кони подвели колесницу к каменной лестнице, ведущей на причал. Там гостей уже поджидали трое мужчин, одетых в зеленые, голубые и серые одежды. Их лица напоминали восковые маски, так что Рэнди невольно отвел глаза в сторону.

— Передайте тело вашего брата-Хранителя,— сказал один из них.

Рэнди поднял тяжелое тело дяди, и тотчас сильные руки подхватили его.

— Теперь сойдите на берег, вам надо отдохнуть. О конях позаботятся.

Рэнди приказал коням ждать его возвращения, а сам поднялся по каменной лестнице на причал. Двое хозяев острова унесли тело Стефана куда-то к вершине холма, а третий мужчина проводил гостя в небольшой каменный дом.

— Ваша одежда промокла,— сказал он.— Возьмите это.

Он протянул юноше зелено-голубую тунику, похожую на ту, что носил сам.

— Теперь поешьте — еда на столе. Затем можете вздремнуть в соседней комнате.

Рэнди молча разделся и облачился в тунику. Осмотревшись, он обнаружил, что остался один. Увидев еду, он почувствовал, как разгулялся его аппетит. Он поел, лег на кровать и уснул.

Было уже темно, когда он проснулся. Быстро одевшись, он подошел к двери. Луна уже поднялась, и в небе, как никогда, было много звезд. Со стороны берега дул несильный ветер, насыщенный ароматами незнакомых цветов.

Один из хозяев острова сидел на каменной скамейке под раскидистым деревом. Заметив юношу, он поднялся.

— Добрый вечер,— сказал он.

— Добрый вечер,— ответил Рэнди.

— Ваши кони запряжены и готовы отвезти вас назад.

— Мой дядя?..

— Он спит спокойным сном рядом с другими Хранителями. Вы выполнили свой долг. Пойдемте, я провожу вас.

Они пошли по дорожке, выложенной каменными плитами, в сторону причала. Рэнди увидел колесницу там же, где оставил ее днем. В нее были впряжены два коня. Ему показалось, что это были не Скаффлех и Финнтаг. Другие животные плавали вокруг, плескаясь в волнах.

— Мы дали ветеранам отдохнуть, и домой вас повезет пара молодых коней,— сказал хозяин острова, словно бы прочитав его мысли.

Рэнди кивнул. Забравшись в колесницу, он отвязал поводья от крюка, вбитого среди каменных плит причала.

— Благодарю вас за все,— сказал он.— Позаботьтесь как следует о дяде. Прощайте.

— Люди, которые когда-либо побывали на острове Благословения, всегда возвращаются сюда,— сказал мужчина.— Доброй ночи, Хранитель Рэнди.

Юноша натянул поводья, и кони встрепенулись. Развернувшись, они поплыли прочь от берега, сопровождаемые своими сородичами. Вскоре они вышли в открытое море. Ветер поднимал высокие пенистые волны, но Рэнди ничего более не боялся.

Внезапно он осознал, что поет древнюю гэльскую песню. Они поплыли на восток, туда, где находился их дом.

На пути в Спленобу

Бабаков остановил машину на обочине козьей тропы, которая считалась деревенской улицей. Древние здания кренились под опасными углами. Крестьяне стояли по сторонам дороги, неподвижные, словно телеграфные столбы.

— Эй, вы! — Он высунулся из окна, обращаясь к человеку в потертых брюках.— Я еду в Спленобу. Нет ли по дороге места, где бы я мог остановиться на ночь?

Человек не пошевелился. Его лицо оставалось бесстрастным. Он не издал ни звука.

Бабаков вышел из машины и пересек улицу. Он повторил свой вопрос на сербско-хорватском.

Человек уставился на него. Наконец его губы разжались:

— Нет.

Бабаков провел рукой по седеющим волосам и криво улыбнулся.

— Я должен ехать, поскольку мне необходимо быть в Спленобе завтра... но я не могу вести машину всю ночь. Я нездоров.— Он огляделся и неодобрительно засопел, вытирая вспотевшие ладони о брюки.— Нет ли по дороге в Спленобу какого-нибудь ночлега? Здесь я не могу остановиться.

— Нет,— повторил крестьянин.

Бабаков сунул руку во внутренний карман своего мешковатого пиджака и достал карту. Развернув ее, он ткнул пальцем в значок у дороги:

— Здесь отмечен старый замок. Там кто-нибудь живет?

— Нет! — На каменном лице наконец появилось какое-то выражение. Даже мышцы задергались.— Никто там не живет!

Что это было — страх или просто беспокойство, вызванное вопросом чужака?

— Я остановлюсь там,— решил Бабаков.

— Нет! Он злой!

— Кто?

— Барон Клементович.— Произнося это имя, крестьянин перекрестился.— Он злой.

Бабаков нахмурился, заметив движение руки собеседника. Но в конце концов, заниматься просвещением крестьян — не его работа, решил он. А человек этот был глуп, настолько глуп, что даже не заметил, как попался на лжи.

— Тем не менее,— продолжал Бабаков,— я остановлюсь там. Он удостоится чести дать приют официальному представителю Народной партии.

— Он даст вам приют,— сказал крестьянин,— и да храни вас бог.

— Спасибо,— неожиданно для себя отозвался Бабаков. Вероятно, в нем заговорила его собственная крестьянская

кровь, рассудил он. Что ж, стыдиться тут нечего, это хорошо, что он — выходец из бедных слоев.

Бабаков зашагал обратно к машине.

Сквозь серые сумерки уже начинала просвечивать чернота ночи. Пики отдаленных гор, казалось, придвинулись ближе, словно корявые фигуры старцев, склонившихся над лучами его фар. Яснолицая луна на мгновение вырвалась из завесы туч, взглянула вниз и исчезла. Дорога круто пошла вверх, и Бабаков нажал на акселератор.

Он поднимался неторопливо, трансмиссия стонала и скрежетала от напряжения.

Впереди от гор отделилась черная масса. Он подъехал ближе и наконец различил, что мерцавшие огоньки, которые он принял было за звезды, оказались окнами. Это было массивное нагромождение парапетов и башен, угнездившееся на черном каменном острове.

Бабаков замедлил движение, заметив развилку. Тропа, отходящая влево, недвусмысленно вела к замку.

Форсируя старенький мотор, Бабаков направил машину по тропе. Она явно не предназначалась для автомобилей. Пришлось добираться почти ползком, подпрыгивая на выбоинах и ухабах.

Наконец дорога устремилась в распахнутые железные ворота. Осторожно, стараясь не поцарапать крылья, Бабаков въехал в темный двор.

Как только он закончил парковку, в дальнем конце двора появился свет факела. Человек с факелом приблизился, и Бабаков внимательно всмотрелся в него.

Боже! Уродливый, приземистый, бесформенный. Словно оживший персонаж тех россказней, которые он мальчишкой слышал от столь же уродливых старух, притулившихся у очага.

— Добрый вечер,— обратился он к этому ходячему кошмару.— Я Бабаков, официальный представитель Народной партии. Я направляюсь в Спленобу и хотел бы провести здесь ночь.

Гном низко поклонился, едва не опалив факелом брови и бороду.

— Ступайте за мной,— прошелестел он.— Я отведу вас к Барону.

Бабаков пошел за ним, изогнув губы в улыбке.

— Товарищ,— сказал он,— у нас больше нет баронов, графов или герцогов. Мы все свободные люди, и мы все равны.

Гном хихикнул.

— Барону нет равных,— сказал он, открывая огромные двери.

Бабаков не ответил. Унижать хозяина, пожалуй, не стоило, да и что значит мнение слабоумного карлика? В молодости, бывало, он спорил со всеми и по любому поводу, но сейчас он нуждался в гостеприимстве, и если Клементович отличался некоторой эксцентричностью, что ж, да будет так; в конце концов, многие члены Партии тоже были весьма эксцентричны.

Войдя, он помедлил на пороге, оглядывая окутанную неясной дымкой огромную прихожую. И вновь его невольно охватило забытое детское чувство. «В таких местах живут только великие,— говорил его дядя.— Такие места не для нас».

Именно так он сейчас себя чувствовал. Ему здесь было не место. Слишком утонченно, слишком величественно, даже в полумраке и обветшании. Но он тут же подумал о Революции, о крови аристократов-эксплуататоров, стекавшей по желобам гильотин, о Собрании. Он заставил себя улыбнуться, но все же, закурив, положил обгоревшую спичку в карман.

Они шли по коридорам, уводящим глубоко в каменные недра здания; затем остановились.

— Барон Клементович здесь,— сказал гном и указал на массивную дубовую дверь.

Бабаков выпустил дым и постучал.

Через мгновение дверь распахнулась.

Барон был высок, не меньше шести футов, приземистый Бабаков казался рядом с ним пигмеем. За спиной у хозяина разливался тусклый свет, и лицо барона было трудно разглядеть. Бабаков растерянно оглянулся. Слуга исчез.

— Добрый вечер, господин Клементович,— сказал он.— Я Бабаков. Направляюсь в Спленобу и хотел бы провести здесь ночь.

— Разумеется, господин Бабаков,— поклонился барон.— Я буду рад принять вас как гостя. Не угодно ли зайти?

Он посторонился, придерживая дверь.

Бабаков вошел в комнату.

— Не угодно ли присесть?

Он опустился в большое кресло и огляделся. Стены были уставлены книгами. Что-то в другом конце комнаты, то ли картина, то ли зеркало, было завешено черной тканью. В стене виднелось одно-единственное маленькое окошко.

Барон уселся в кресло напротив Бабакова. Он взял непогашенную сигарету с узорчатой пепельницы и раскурил ее, разглядывая поднимавшийся дым. Свет от двух масляных ламп, одной на письменном столе, другой на обеденном, выхватил из темноты его лицо.

«Он молод,— подумал Бабаков,— у него те самые мягкие, слабые черты лица, которые мы используем в карикатурах на аристократов. Но линии у глаз и скулы показывают, что он может быть и сильным... Он интеллектуал... И какие острые зубы!»

— Итак, вы направляетесь в Спленобу.

— Да, я должен быть там завтра, и ваш замок — единственное место между городом и той деревушкой.

Клементович засмеялся.

— Деревушка! Да! У нее даже нет названия! Тоскливое, дремучее местечко — почти первобытное! Они там меня ненавидят.

Бабаков все прикидывал, как бы завести об этом разговор и удовлетворить свое любопытство.

— Я тоже заметил,— сказал он.— Крестьяне предостерегали меня, чтобы я не останавливался здесь.

Барон стряхнул пепел, который упал на его темный халат.

— Да,— сказал он,— они думают, что я вампир.

Бабаков фыркнул.

— Какой буржуазный романтизм!

— Именно это я им и говорю. Но каждый раз, как у кого-то начинается анемия, они смотрят на замок,— улыбнулся он,— а у меня и вправду летучие мыши гнездятся на колокольне, но они самой обычной породы.

Бабаков засмеялся. А он неплохой парень, этот барон!

— У меня есть спальня для гостей, наверху, специально для путешественников, оказавшихся в этих местах. Там все приготовлено для отдыха, и я уверен, вы найдете там все необходимое.

Бабаков кивнул.

— Безусловно.

— Не хотите ли рюмочку коньяка? Или вина? — предложил Клементович.

— Благодарю. Я бы не отказался.

Барон встал. Он подошел к полкам, на которых, помимо книг, располагались многочисленные бутылки, бокалы, штопоры и мензурки.

— Как насчет «Хайна»?

— Превосходно.

Клементович опять улыбнулся и налил ему полную рюмку из бутылки с оленем на этикетке.

— А вы не выпьете?

— Благодарю, нет. Я уже выпил сегодня вечером свою норму, к тому же я не могу пить, когда курю.

Бабаков принял рюмку и затушил сигарету. Он вспомнил, что дворяне действительно никогда не курили, когда выпивали.

— Спасибо.

Он понюхал коньяк, подражая тому, как это делали аристократы, когда он, бывало, мальчишкой прислуживал им за столом.

Поздние яблоки и прохладная ночь в холмах. Он покатал этот аромат во рту и улыбнулся:

— Замечательно.

— Благодарю. Если бы я знал, что вы приедете, я бы послал в погреба за чем-нибудь получше.

— Для меня и так замечательно.— Он посмотрел на полки.— Я вижу, вы читаете Энгельса и Ленина. Это хорошо.

— Да,— отозвался Клементович,— а также Пруста, Кафку и Фолкнера.

— Хм. Попахивает декадентством.

— Верно,— сказал барон.— Но ведь и такое нужно знать.

— Полагаю, что так.

Клементович вежливо зевнул.

— Это относится и к коньяку.

Бабаков засмеялся:

— Но ведь жизнь так коротка.

— Как верно сказано! Я так давно ни с кем не общался. Как я понимаю, Народная партия теперь правит половиной мира?

— Да,— ответил Бабаков,— а вскоре и другая половина будет свободна, когда рабочие сбросят цепи и уничтожат своих эксплуататоров.

Он допил коньяк.

Клементович поднялся и достал бутылку. Он вновь до половины наполнил рюмку.

— Да будет так. Но неужели вы действительно считаете, что разумно уничтожать их религию, их суеверия?..

— Опиум! — отрезал Бабаков.— Наркотик для смягчения рабства!

— Разве определенная доза рабства не делает жизнь терпимой для человека?

— Человек должен быть свободным! — выкрикнул Бабаков, замечая, что говорит слишком громко для этой благовоспитанной атмосферы. И все же каждый должен знать свое место. Он не станет подхалимничать перед высшими классами, в каком бы архаическом уголке страны они ни сохранились. Вообще-то следовало бы написать обо всем этом рапорт по возвращении в Титоград.

— Возможно, вы правы,— сказал барон.— И что, все люди будут похожи на вас, когда станут свободными?

— Да.

Бабаков допил коньяк.

Клементович зевнул еще раз, и Бабаков внезапно понял, что это, возможно, намек.

— Может быть, если вы мне покажете мою комнату...

— Ну разумеется.

Барон встал и направился к двери, которую опять распахнул перед гостем.

Бабаков вышел и двинулся за Клементовичем по длинному коридору. Они взобрались вверх по длинной лестнице, и барон открыл дверь.

— Мой слуга нашел чемодан на переднем сиденье вашего автомобиля,— сказал он,— и поставил его за комодом. В комнате должно быть все, что может вам понадобиться. Если чего-то не хватает, дерните за этот шнур, чтобы позвать слугу,— он указал на малиновый шнур, висевший возле старинного комода.

— Благодарю вас и спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Бабаков вошел в спальню. На комоде мерцала лампа, на полу стоял его чемодан.

Дверь позади него закрылась.

Он подошел к кровати. Покрывало было откинуто. Открыв чемодан, он достал пижаму и таблетки.

Раздеваясь, он задавался вопросом: как Клементович узнал, что его чемодан уже здесь?

Сон пришел почти мгновенно. «Коньяк,— подумал он, проваливаясь в дремоту.— Надо будет купить "Хайна", когда вернусь к цивилизации...»

Бабаков не знал, как долго проспал, когда сквозь туман сновидения проник кошмар.

Внезапно оказалось, что он не один. По непонятной причине он начал дрожать, тщетно пытаясь пошевелиться. «Нападение!» — подумал он. Но боли в груди не было. Мышцы не желали подчиняться, дрожа сами по себе, а лицо искажала судорога.

Ему показалось, будто от стены отделилась тень и двинулась в его сторону. У самой кровати она воспарила над полом.

«Сумасшествие! — сказал себе Бабаков.— Тени не ходят! Только невежи и декаденты пугают себя такими вещами!»

А смех барона, подобный трубам Страшного Суда, перекатывался над ним.

Потом все заволокло чернильной, шелковой тьмой, словно в дымовой трубе... Бабаков почувствовал боль в горле, и успокаивающее тепло пробежало по его телу.

— Товарищ! — кричал он.— Товарищ Маркс! Боже!.. Не на...

Он проснулся от предрассветного щелканья птиц, чьи песни начинали проникать через пыльные шторы, и тихо застонал. Нет! Две рюмки не могут сотворить такое с человеком.

Бабаков понял, что безнадежно болен. Слишком долго оттягивал. Но его долг! Его долг перед партией... перед народом...

Он скатился с кровати и упал возле нее на колени. На четвереньках подполз к комоду. Трясущимися руками достал таблетки. С трудом открыл флакон.

«Лучше выпить сразу три!»

Он проглотил их и откинулся навзничь.

«Это пройдет, это пройдет. Нужно позвонить и попросить о помощи».

Он вновь пополз, дотянулся до шнура. Изо всех сил дернул и потерял сознание.

«Как долго! — удивился Бабаков через неопределенное время.— Как долго!»

В конце концов он поднялся и поплелся к двери. Добравшись до нее, привалился к притолоке, чтобы отдышаться.

Он открыл дверь и вышел на лестничную площадку. С сомнением посмотрел вниз. И только сейчас Бабаков заметил на пижаме засохшую кровь.

Он потрогал горло. Оно онемело, как после анестезии, и слегка покалывало, словно накаченное новокаином.

Привалившись к тяжелым перилам, Бабаков стал медленно спускаться, преодолевая ступеньку за ступенькой.

«Нет! — думал он.— Мы уничтожили вас вместе с пасхами и рождествами, с крепостничеством и ведовством. Мы убили вас вместе с жирными буржуями и долговязыми развратными аристократами. Мы забили кол в ваше поганое сердце, размазав ваши мозги по стенам... вы мертвы! Да вы никогда и не жили, разве что в рассказах дряхлых старух, в испуганном воображении детишек! Вы не существуете!»

Бабаков скатился в коридор, едва удерживая желудок от извержения. Добравшись до двери библиотеки, начал скрестись и царапаться, пока она не распахнулась.

Он упал на пол, тяжело дыша.

Клементович разглядывал его сквозь слегка разведенные пальцы, но не поднялся из-за стола.

— Я болен! — прохрипел Бабаков.— Пожалуйста! Меня нужно отвезти в спленобский госпиталь для переливания крови. Я пропустил срок!

— Боюсь, что так,— отозвался барон.— Вы очень больны. Я, разумеется, тоже умираю. Поэтому, боюсь, не смогу быть вам полезен.

Бабаков смотрел на него сквозь распухшие веки.

— Умираете? С вами-то что?

— Скажите мне сначала, что с вами,— ответил Клементович,— и, возможно, я смогу ответить на ваш вопрос.

— У меня лейкемия,— сказал Бабаков, подползая к креслу.— Мне необходимо переливание крови... как можно скорее!

— Лейкемия — это заболевание крови?

— Да, рак крови.

Клементович поднялся, налил из бутылки.

— Выпейте коньяку.

— Не знаю, следует ли мне.

— Давайте. Это ваша последняя рюмка.

Бабаков проглотил карамельный огонь, желудок ожил.

— У вас гнилая кровь, Бабаков,— сказал барон.— Гнилая! Она нечистая, и она отравила меня.

Он вновь уселся в кресло, глядя в пространство.

— В каком-то смысле это хорошо,— сказал он через некоторое время.— Если все люди, которые становятся свободными, при этом начинают походить на вас, то мое время прошло. Когда люди уже на вкус не похожи на людей, когда моей добычей могут быть лишь звери в лесах,— продолжал он,— значит, мое время закончилось.

Бабаков изо всех сил пытался сохранить остатки сознания. Принять рюмку было ошибкой.

— Мне жаль мир людей,— продолжал Клементович.— Я не из этого мира, но я в нем жил. Вскоре над этим миром встанет солнце, и я останусь сидеть здесь, чтобы приветствовать его появление. Это будет первый восход, который я увижу за много столетий,— и последний. Но если солнцу суждено вечно сиять над людьми с вашей кровью, тогда лучше бы всем людям умереть сейчас,— провозгласил он.— Я надеюсь, что ваши Энгельсы и ваши Ленины не смогут отменить религию, которую я ненавижу, или суеверия, которыми я кормился. У вас, Бабаков, больше крови на руках, чем я выпил за всю жизнь. Уничтожая богов, вы уничтожаете и себя. Мы будем отомщены!

Бабаков попытался закричать, но его горло одеревенело. Перед глазами заклубился туман, и из отдаления до него донесся голос Клементовича:

— Встретимся в аду, комиссар.

Дневная кровь

Я припал к земле за углом провалившегося сарая у разрушенной церкви. Сырость просачивалась сквозь джинсы, но я знал, что мое ожидание должно скоро окончиться. Полосы тумана живописно стелились над промокшей землей, слегка колеблемые предутренним ветром. Погода для Голливуда...

Я бросил взгляд на светлеющее небо, точно определяя направление их прибытия. Через минуту я увидел, как они

возвращаются: одно существо большое и темное, другое — бледное и поменьше. Как можно было догадаться, они проникли в церковь через отверстие, образовавшееся несколько лет тому назад, когда провалилась часть крыши. Я подавил зевок, глянув на часы. Через пятнадцать минут восходящее солнце окрасит румянцем восток. За это время они должны угомониться и заснуть. Может быть, чуть быстрее, но дадим им немного времени. Спешить пока некуда.

Я потянулся и захрустел суставами. Хорошо сейчас дома лежать в постели. Ночи предназначены для сна, а не для того, чтобы играть роль няньки для парочки глупых вампиров.

Да, Вирджиния, это действительно вампиры. Хотя нечему удивляться. Странно, что вы не встречали ни одного. Сейчас их не так уж много вокруг. Фактически они чертовски близки к вымирающему виду,— что и понятно, если принять во внимание их уровень интеллекта.

Возьмем, например, этого парня, Бродски. Он живет, простите, обитает рядом с городом с населением несколько тысяч человек. Он мог бы посещать различных людей каждую ночь без опасения повториться, оставляя своих поставщиков продовольствия лишь с легким ощущением боли в горле, приступом временной слабости и парочкой царапин на шее, которые быстро заживают.

Но нет. Он испытывает симпатию к местной красотке — некоей Элайне Уилсон. Приходит к ней много раз. Вскоре она впадает в привычную кому и превращается в вампира. Знаю, знаю — я говорил, что вампиров вокруг не так уж много, но лично я полагаю, что еще несколько штук не повредили бы. Правда, Бродски мне не кажется удачным экземпляром, слишком он глуп и жаден. Никакой тонкости, никакого планирования. Одобряя прибавление новых членов к неумирающим, я опасаюсь его беспечности в проведении такой серьезной акции. Он оставляет след, который кто-нибудь может обнаружить; он также ухитряется оставить после себя так много хорошо описан-

ных в литературе знаков и примет, что даже в наше время разумный человек мог бы догадаться, что к чему.

Бедный старина Бродски все еще живет в своем средневековье и ведет себя так же, как во времена расцвета вампиров. Очевидно, ему никогда не приходило в голову рассмотреть это математически. Он пьет кровь у некоторых людей, которые его чем-то привлекают, и они становятся вампирами. Если они имеют те же склонности и так же себя ведут, они продолжают это дело и вовлекают все новых людей в свои ряды. И так далее. Похоже на письма по цепочке. Через некоторое время все станут вампирами, и не останется тех, у кого они берут кровь. И что? К счастью, у природы есть способы обращения с популяционными взрывами, даже на этом уровне. Однако внезапное увеличение количества новобранцев в век средств массовой информации может нанести чувствительный удар по этой экосистеме, связанной с преисподней.

Но хватит философии. Время войти и заняться делом.

Я взял пластиковый пакет и пошел прочь от сарая, тихо ругаясь, когда натыкался на стволы и получал хороший душ. Я прошел по полю к боковой двери старого здания. Она была закрыта на ржавый замок, который я сорвал и забросил на кладбище.

Внутри я взгромоздился на прогибающиеся перила, окружающие место для хора, и открыл сумку. Я вытащил блокнот для набросков и карандаш, которые носил повсюду. Свет проникал через разбитое окно. То, на что он падал, было по большей части ерундой. Не особенно вдохновляющая сцена. Но уж какая есть... Я начал зарисовывать ее. Всегда хорошо иметь хобби, которое может служить оправданием для странных поступков.

Десять минут, загадал я. Самое большее.

Шестью минутами позже я услышал их голоса. Они не были особенно громкими, но у меня исключительно острый слух. Их было трое.

Они также вошли через боковую дверь, крадучись, нервно озираясь и ничего не замечая. Сначала они даже не заметили меня, творящего произведение искусства там,

где в прошлые годы детские голоса заполняли воскресные утра хвалой Богу.

Здесь был старый доктор Морган, из черной сумки которого торчали несколько деревянных кольев (готов держать пари, что молоток был там же; я думаю, что клятва Гиппократа не распространяется на неумирающих — primum, non nocere, и так далее); отец О'Брайен, сжимающий в одной руке Библию, а в другой — распятие; и молодой Бен Келман (жених Элайны) с лопатой на плече и с сумкой, из которой доносился запах чеснока.

Я кашлянул, и все трое резко остановились и повернулись, налетев друг на друга.

— Привет, док,— сказал я.— Здравствуйте, святой отец. Бен...

— Уэйн! — сказал доктор.— Что ты здесь делаешь?

— Наброски,— объяснил я.— Я сейчас занимаюсь старыми зданиями.

— Проклятье! — сказал Бен.— Простите меня, святой отец... Вы здесь за материалом для вашей чертовой газеты!

Я покачал головой:

— Вовсе нет.

— Гас никогда не позволит вам напечатать что-нибудь об этом, и вы это знаете.

— Честное слово,— сказал я,— я не собираю материал для статьи. Но я знаю, зачем вы здесь, и вы правы: даже если я напишу ее, она никогда не появится на свет. Вы действительно верите в вампиров?

Док уставился на меня холодным взглядом.

— До сих пор не верили,— сказал он.— Но, сынок, если бы ты видел то, что видели мы, ты поверил бы.

Я кивнул и сложил свой блокнот.

— Ну ладно,— сказал я.— Я вам признаюсь. Я здесь потому, что любопытен. Хочу увидеть это своими глазами, но не хочу идти вниз один. Возьмите меня с собой.

Они обменялись взглядами.

— Я не знаю...— сказал Бен.

— Это не для слабонервных,— сказал доктор.

— Я не знаю, нужно ли, чтобы еще кто-то участвовал в этом деле,— добавил Бен.

— А кто еще знает об этом? — спросил я.

— Только мы,— объяснил Бен.— Мы единственные, кто видел его в действии.

— Хороший репортер знает, как держать язык за зубами,— сказал я,— но он очень любопытен. Позвольте мне пойти с вами.

Бен пожал плечами, доктор кивнул. Спустя мгновение отец О'Брайен кивнул тоже.

Я засунул блокнот и карандаш в сумку и слез с ограды.

Я проследовал за ними через церковь к открытой покосившейся двери. Док включил фонарь и направил свет на шаткий пролет лестницы, ведущей вниз в темноту. Помедлив, он начал спускаться. Отец О'Брайен последовал за ним. Лестница скрипела и шаталась. Бен и я ждали, пока они не спустились.

Затем Бен засунул свой пакет с пахучим содержимым под пиджак и вытащил из кармана фонарь. Он включил его и начал спускаться вниз. Я следовал прямо за ним.

Я остановился, когда мы достигли основания лестницы. В лучах фонарей я увидел два гроба, помещенные на козлы, а также нечто на стене над гробом побольше.

— Святой отец, что это? — спросил я.

Кто-то услужливо навел луч фонаря.

— Похоже на веточку омелы, завязанную на фигуре маленького каменного оленя,— сказал он.

— Вероятно, имеет отношение к черной магии,— предположил я.

Он перекрестился, повернулся и снял ее.

— Вероятно, так,— сказал он, раздавив омелу и швырнув ее на пол. Затем он разбил оленя и отбросил куски прочь.

Я улыбнулся и сделал шаг вперед.

— Давайте откроем их и посмотрим,— сказал доктор.

Я помог им. Когда гробы были открыты, я не слушал комментарии о бледности, сохранности и окровавленных ртах. Бродски выглядел так же, как и всегда: темные волосы, тяжелые темные брови, втянутый рот, небольшое

брюшко. Девушка была прелестна. Выше, чем я думал. Горло слегка пульсировало, кожа отливала синевой.

Отец О'Брайен открыл Библию и начал читать, держа фонарик дрожащей рукой. Док поставил сумку на пол и что-то нащупывал внутри ее.

Бен отвернулся со слезами на глазах. Я дотянулся до него и бесшумно сдавил его шею, пока другие занимались своими делами.

Уложив его на пол, я подошел к доктору.

— Что? — начал он, и это было его последним словом.

Отец О'Брайен прекратил чтение. Он уставился на меня.

— Ты работаешь на них? — вскричал он, бросив взгляд на гробы.

— Пожалуй, нет,— ответил я,— но они мне нужны. Они — кровь моей жизни.

— Я не понимаю...

— Все является чьей-нибудь добычей, и мы делаем то, что должны. Такова экология. Простите, святой отец.

Я воспользовался лопатой Бена, чтобы похоронить всех троих под полом — с чесноком, кольями и прочим. Затем я закрыл гробы и вытащил их вверх по лестнице.

Я оглядывался, пока шел через поле, затем сел в грузовик. Было еще сравнительно рано, вокруг ни души.

Я погрузил оба гроба в кузов и прикрыл тряпкой. В тридцати милях езды была еще одна разрушенная церковь, о которой я знал.

Позднее, когда я установил их на новом месте, я написал карандашом записку и вложил ее в руку Бродски:

Дорогой Б.!

Пусть это будет вам уроком. Вы должны прекратить действовать, как Бела Лугоси. Вы не достигли его уровня. Считайте удачей, что вы вообще проснетесь этой ночью. В дальнейшем будьте осмотрительнее в своих действиях, или я сам отправлю вас в отставку. В конце концов, я здесь не для того, чтобы вас обслуживать.

Ваш всегда,
У.

P. S. Омела и статуя больше не действуют. Почему вы вдруг стали так суеверны?

Я взглянул на часы. Было одиннадцать пятнадцать. Я зашел в магазин и воспользовался телефоном.

— Привет, Кела,— сказал я, когда услышал ее голос.— Это я.

— Вердет,— сказала она.— Ты долго не появлялся.

— Я был занят.

— Чем?

— Ты знаешь, где находится старая церковь Апостолов рядом с шоссе номер шесть?

— Конечно. Она есть в моем списке.

— Встречай меня там в двенадцать тридцать, и я все расскажу тебе за обедом.

Короли ночи

Эта ночь началась, как и другие, но она имела все-таки что-то особенное. Полная и роскошная луна поднялась над горизонтом, и ее молочный свет разливался по каньонам города.

Остатки дневной бури образовали клочья легкого тумана, которые, как привидения, двигались вдоль тротуара. Но дело было не только в луне и тумане. Что-то происходило в течение нескольких последних недель. Мой сон был тревожным. И дела шли слишком хорошо.

Я безуспешно пытался выпить чашку кофе до того, как он остынет. Но посетители все шли, беспорядочные запросы продолжались, и телефон звонил постоянно. Я предоставил моему ассистенту Вику управляться со всем, с чем он может справиться, но люди продолжали толпиться у прилавка — как никогда в другие дни.

— Да, сэр? Чем могу помочь? — спросил я мужчину средних лет, у которого подергивался левый угол рта.

— У вас есть заостренные колья? — осведомился он.

— Да. Вы предпочитаете обычные или обожженные?

— Я думаю, обожженные.

— Сколько?

— Один. Нет, лучше два.

— Доллар скидки, если вы берете три.

— Хорошо, пусть будет три.

— На дюжину очень большая скидка.

— Нет, трех достаточно.

— Хорошо.

Я наклонился и раскрыл коробку. Черт побери. Осталось только два. Нужно вскрывать другой ящик. Наконец Вик заметил мое затруднение и принес еще одну коробку из подсобки. Парень обучался.

— Что-нибудь еще? — спросил я, когда завернул покупку.

— Да,— сказал мужчина.— Мне нужна хорошая колотушка.

— У нас есть три — разного вида, по различной цене. Самая лучшая из них...

— Я возьму лучшую.

— Прекрасно.

Я подал ему одну из-под соседнего прилавка.

— Вы оплатите наличными, чеком или кредитной карточкой?

— Вы принимаете «Мастеркард»?

— Да.

Он вытащил бумажник, открыл его.

— О, мне нужен еще фунт чеснока,— сказал он, вынув карточку и передав ее мне.

Я позвал Вика, который в данный момент был свободен, чтобы он принес чеснок, пока я выбиваю чек.

— Спасибо,— сказал мужчина, повернулся и пошел к выходу, держа покупку в руке.

— Спокойной ночи, удачи вам,— сказал я. Звуки далекого уличного движения донеслись до меня, когда дверь открылась, и затихли, когда она закрылась.

Я вздохнул и взял свою чашку кофе. Вернулся к креслу перед телевизором. Только что пошла реклама зубной пасты. Я переждал ее, зато потом была Бетти Девис... Через

секунду я услышал покашливание за спиной. Обернувшись, я увидел высокого темноволосого и темноусого мужчину в бежевом пальто. Он выглядел хмурым.

— Чем могу служить?

— Мне нужны серебряные пули,— ответил он.

— Какого калибра?

— Тридцать шестого. Мне нужно два ящика.

— Выбирайте.

Когда он вышел, я прошел в туалет и вылил кофе в раковину. Потом налил себе свежего из кофейника у прилавка.

По пути назад в уютный уголок магазина я был остановлен одетым в кожу юношей с розовой прической панка. Он стоял, уставившись на узкий, длинный опечатанный футляр, висящий высоко на стене.

— Эй, сколько он стоит? — спросил он меня.

— Эта вещь не продается. Это демонстрационная модель.

Он вытащил толстую пачку банкнотов и протянул мне, не отводя мечтательного взгляда от блестящей вещи, висевшей вверху.

— Мне нужен заколдованный меч,— сказал он просительно.

— Извини. Я могу продать тебе тибетский кинжал, поражающий привидения, но меч только для осмотра здесь.

Он внезапно повернулся ко мне:

— Если ты когда-нибудь передумаешь...

— Я не передумаю.

Он пожал плечами и пошел прочь, растворившись в ночи.

Когда я огибал угол, Вик остановил меня взглядом и прикрыл телефонную трубку ладонью.

— Хозяин,— сообщил он мне,— эта женщина говорит, что китайский демон посещает ее каждую ночь...

— Пусть зайдет, мы дадим ей храмовую постельную собачку.

— Хорошо.

Я отпил кофе и добрался до своего кресла, в то время как Вик заканчивал разговор. Маленькая рыжеволосая женщина, которая рассматривала что-то в витрине, выбрала момент и приблизилась ко мне.

— Простите,— сказала она.— Есть ли у вас аконит?

— Да, есть,— начал я и тут услышал резкий звук, как будто кто-то бросил камень в дверь черного хода.

Я знал точно, кто это мог быть.

— Простите меня,— сказал я.— Вик, не будешь ли ты так любезен позаботиться о даме?

— Сию минуту.

Вик подошел, высокий и сильный, и она улыбнулась. Я повернулся и прошел через заднюю часть магазина. Отпер тяжелую дверь, которая выходила в узкий проулок, и оставил ее открытой. Как я и подозревал, здесь никого не было.

Я осмотрел землю. Рядом с лужей лежала летучая мышь, слегка подергиваясь. Я остановился, легонько тронул ее и сказал:

— Все в порядке. Я здесь. Все в порядке.

Я вернулся внутрь, оставив дверь открытой. По пути к холодильнику позвал:

— Лео, я даю тебе разрешение войти. Только на этот раз. Только в эту комнату, и никуда более.

Минутой позже он вошел, пошатываясь. Он был одет в темный поношенный костюм и грязную рубашку. Волосы были всклокочены, на лбу синяк. Он протянул дрожащую руку и спросил:

— Есть ли у тебя немного?

— Вот.

Я передал ему бутылку, которую только что открыл, и он сделал большой глоток. Потом он медленно сел в кресло за маленьким столиком. Я вернулся назад и закрыл дверь, потом сел напротив с чашкой кофе. Я дал ему время сделать еще несколько глотков и прийти в себя.

— Не могу даже толком попасть в вену,— пробормотал он, беря бутылку в последний раз.

Затем он поставил ее, взъерошил волосы, потер глаза и уставился на меня зловещим взглядом.

— Я могу сообщить о местонахождении троих, которые сейчас двигаются к городу,— сказал он.— Какова будет плата?

— Еще бутылка.

— За троих? Черт побери! Я должен был сообщить о них по одному и...

— Мне не слишком нужна твоя информация. Я только снабжаю ею тех, кому она нужна, чтобы они сами заботились о себе. Мне нравится иметь сведения такого сорта, но...

— Мне нужно шесть бутылок.

Я покачал головой:

— Лео, ты знаешь, чем это кончится? Ты не вернешься и...

— Шесть бутылок.

— Я не хочу давать их тебе.

Он потер виски.

— Ладно,— сказал он.— Предположим, я знаю нечто касающееся лично тебя. Действительно важная информация.

— Насколько важная?

— Дело идет о жизни и смерти.

— Продолжай, Лео. Ты меня знаешь, но ты не знаешь меня настолько хорошо. Не так много в этом мире или каком-либо другом...

Он назвал имя.

— Что?

Он повторил, но мой желудок уже среагировал.

— Шесть бутылок,— сказал он.

— Хорошо. Что ты знаешь?

Он посмотрел на холодильник. Я доставал и упаковывал каждую бутылку отдельно. Затем положил все в большую коричневую сумку. Я поставил ее на пол рядом с его креслом. Он даже не посмотрел вниз. Он только качал головой.

— Теперь рассказывай,— сказал я.

— Он пришел в город пару недель назад. Осматривался. Искал тебя. И сегодня именно та ночь. Он поразит тебя.

— Где он?

— Сейчас? Не знаю. Хотя он на подходе. Он созвал всех на встречу. Пригласил ко Всем Святым за рекой. Сказал нам, что собирается убрать тебя, причем сделает это без вреда для нас, так как желает завладеть этой территорией.

Он взглянул на маленькое зарешеченное окошко, расположенное высоко на задней стене.

— Лучше я пойду,— сказал он.

Я поднялся и выпустил его. Он ушел в туман, шатаясь, как пьяный.

Сегодняшняя ночь может стать и его ночью. Гемоголик. Небольшой процент из них кончает именно так. Одной шеи становится недостаточно. Через некоторое время они уже не могут летать прямо и начинают просыпаться в чужих гробах. Затем в одно прекрасное утро они не в состоянии вернуться на место. У меня было видение: Лео, в неуклюжей позе развалившийся на скамейке в парке, коричневая сумка прижата к груди костлявыми пальцами, первые солнечные лучи скользят по его лицу.

Я закрыл дверь и вернулся в магазин. Снаружи было холодно.

— ...Рога быка,— услышал я.— Именно. Заходите к нам. До свидания.

Я подошел к передней двери, закрыл ее и выключил свет. Затем повесил на окно табличку «Закрыто».

— Что случилось? — спросил Вик.

— Отключи телефон.

Он выполнил указание.

— Помнишь, я тебе рассказывал о прежних днях?

— Когда вы победили вашего противника?

— Да. И более ранних.

— Когда он победил вас?

— Да. На днях один из нас должен одержать окончательную победу.

— Как же вы встретитесь?

— Сейчас он на свободе. Он идет сюда. Я думаю, он очень силен. Ты можешь оставить меня, если пожелаешь.

— Вы что, смеетесь? Вы обучили меня. Я встречусь с ним.

Я покачал головой:

— Ты еще не готов. Но если что-нибудь произойдет со мной... Если он победит... Тогда дело за тобой, если захочешь.

— Я говорил много лет тому назад, когда пришел работать к вам...

— Я знаю. Но ты еще не закончил своего ученичества, и это происходит раньше, чем я думал. Я должен дать тебе возможность отказаться.

— Спасибо, но я не хочу.

— Что ж, я тебя предупредил. Выключи кофеварку и погаси свет в подсобке, пока я закрою кассу.

Комната, казалось, немного посветлела, когда он вышел. Это был эффект рассеянного лунного света, который падал через стену тумана, подступившего прямо к окнам. Еще минуту назад его там не было.

Я подсчитал чеки и положил деньги в сумку.

Как только Вик вернулся, послышались тяжелые удары в дверь.

Мы оба посмотрели в этом направлении.

Это была очень юная девушка, ее длинные белокурые волосы развевались по ветру. На ней был легкий плащ, и она постоянно оглядывалась назад через плечо, пока стучала по филенке и оконному стеклу.

— У меня очень срочное дело! Я вижу, что вы внутри! Пожалуйста!

Мы оба двинулись к двери. Я отпер ее и открыл.

— Что случилось? — спросил я.

Она уставилась на меня и не сделала попытки войти. Затем перевела взгляд на Вика и слегка улыбнулась. Ее глаза были зелеными, а зубы в полном порядке.

— Вы владелец? — обратилась она ко мне.

— Да, я.

— А это...

— Мой ассистент, Вик.

— Мы не знали, что у вас есть ассистент.

— А вы...— начал я.

— Его ассистент,— ответила она.

— Давайте мне послание.

— Я могу сделать большее,— ответила она.— Я здесь, чтобы провести вас к нему.

Сейчас она почти смеялась, и ее глаза были тверже, чем я подумал сначала. Но я должен попытаться.

— Вы не должны служить ему,— сказал я.

Внезапно она всхлипнула:

— Вы не понимаете. У меня нет выбора. Вы не знаете, от чего он спас меня. Я в долгу у него.

— Он получит назад все, и даже больше. Вы можете уйти от него.

— Как?

Я протянул руку, и она посмотрела на нее.

— Возьмите мою руку,— сказал я.

Она продолжала смотреть. Затем, довольно робко, протянула свою руку. Почти коснулась моей... Затем засмеялась и отдернула руку.

— Вы чуть не подчинили меня себе. Гипноз?

— Нет,— сказал я.

— Но больше так не делайте.

Она повернулась и взмахнула левой рукой. Туман расступился, образуя мерцающий туннель.

— Он ожидает вас на другом конце.

— Он может подождать еще немного,— сказал я.— Вик, оставайся здесь.

Я повернулся и прошел обратно в магазин. Остановился перед футляром, который висел высоко на стене. Мгновение я смотрел на него, смотрел, как он сияет в темноте. Затем я достал маленький металлический молоток, который висел на цепочке сзади, и стукнул. Стекло зазвенело. Я стукнул еще два раза, и осколки посыпались на пол. Я выпустил молоток.

Затем я осторожно протянул руку и обхватил рукоять. Знакомое ощущение овладело мной. Как давно это было?..

Я вытащил меч из футляра и держал перед собой. Древняя сила вернулась, снова наполнив меня. Я надеялся, что последний раз будет действительно последним, но подобные вещи имеют обыкновение возвращаться.

Когда я вернулся, глаза девушки расширились, и она сделала шаг назад.

— Все в порядке, мисс. Ведите меня.

— Ее зовут Сабрина,— сообщил мне Вик.

— Да? Что еще ты узнал?

— Нас проведут к кладбищу Всех Святых.

Она улыбнулась ему, затем повернулась к туннелю. Она вошла в туннель, и я последовал за ней.

Ощущение было как на движущихся дорожках, которые есть в больших аэропортах. Я мог бы сказать, что каждый шаг, который я делал, переносил меня дальше, чем обыкновенный шаг. Сабрина, не оборачиваясь, решительно шла вперед. Позади я один раз услышал кашель Вика, он прозвучал приглушенно среди мерцающих, похожих на пластмассу, стен.

В конце туннеля была темнота, и в ней — ожидающая фигура, еще более темная.

В том месте, где мы появились, не было тумана, только чистый лунный свет, достаточно сильный, чтобы погребальные камни и памятники отбрасывали тени. Одна из них легла между нами — длинная линия разделяющей тьмы.

Он изменился не так сильно, как я думал. Стал еще выше, стройнее и выглядел лучше. Он жестом приказал Сабрине отойти направо. Я так же отослал Вика в сторону. Когда он ухмыльнулся, его зубы блеснули. Он достал свой клинок — такой черный, что был почти невидим внутри слабо светящегося ореола,— и небрежно отсалютовал мне. Я ответил тем же.

— Я не был уверен, что ты придешь,— сказал он.

Я пожал плечами:

— Это место не хуже и не лучше другого.

— Я делаю тебе то же самое предложение, что и раньше,— сказал он,— для того чтобы избежать неприятностей. Отдельное королевство. Оно могло бы быть лучшим, чем ты мог надеяться.

— Никогда,— ответил я.

Он вздохнул:

— Ты упрямец.

— И ты не меняешься.

— Если это достоинство, прости. Но это так.

— Где ты нашел Сабрину?

— В канаве. У нее есть способности. Она быстро учится. Я вижу, у тебя тоже появился подмастерье. Ты знаешь, что это значит?

— Да, мы становимся старше, слишком старыми для такой чепухи.

— Ты бы мог уйти в отставку, брат.

— Так же, как и ты.

Он засмеялся:

— И мы могли бы, шатаясь, рука об руку войти в эту специальную Валгаллу, зарезервированную для таких, как мы.

— Я мог бы думать о худшем жребии.

— Рад это слышать. Такие речи означают, что ты ослабеваешь.

— Мы это выясним очень скоро.

Серия небольших движений привлекла мой взгляд. Существа, похожие на собак, летучих мышей, змей, прибывали, усаживались и занимали места вокруг нас, как зрители, пришедшие на стадион.

— Насколько я понимаю, мы ожидаем, пока твои зрители усядутся,— сказал я.

Он снова усмехнулся и ответил:

— И твои зрители тоже. Кто знает, но, может быть, даже здесь у тебя есть несколько почитателей?

Я улыбнулся в ответ.

— Уже поздно,— сказал он.

— Далеко за полночь.

— Они действительно стоят этого? — спросил он, и его лицо внезапно посерьезнело.

— Да,— ответил я.

Он засмеялся:

— Конечно, ты должен был сказать это.

— Конечно.

— Давай-ка начинать.

Он поднял свой клинок из мрака высоко над головой, и сверхъестественная тишина заполнила пространство.

— Аштарот, Вельзевул, Асмодей, Велиал, Левиафан...— начал он.

Я поднял свое оружие.

— Ньютон, Декарт, Фарадей, Максвелл, Ферми...— сказал я.

— Люцифер,— произнес он нараспев,— Геката, Бегемот, Сатана...

— Да Винчи, Микеланджело, Роден, Майоль, Мор...— продолжил я.

Казалось, мир поплыл вокруг нас, и это место внезапно очутилось вне времени и пространства.

— Мефистофель! — вскричал он.— Легион! Лилит! Иблис!

— Гомер, Вергилий, Данте, Шекспир, Сервантес,— продолжал я.

Он нанес удар, я парировал его и нанес ответный, который он отбил в свою очередь. Он начал говорить нараспев и увеличил темп атаки. Я сделал то же самое.

После нескольких минут боя я увидел, что наши силы практически равны. Это означало, что поединок будет тянуться и тянуться. Я попробовал несколько приемов, о которых даже забыл, что знаю их. Но он помнил. Он применил свои приемы, но я вспомнил и их.

Мы начали двигаться еще быстрее.

Удары, казалось, сыпались со всех сторон, но мой клинок был повсюду, успевая их отразить. Он делал то же самое. Это превратилось в танец движущегося металла, исполняемый внутри клетки, окруженной рядами горящих глаз.

Вик и Сабрина стояли рядом, казалось, забыв друг о друге. Они были целиком поглощены поединком.

Мне не хотелось говорить, что это было весело, однако это было так. Столкнуться наконец с воплощением того, с чем боролся все эти годы. Полная победа неожиданно оказалась рядом — на расстоянии одного удара, но надо было нанести этот точный удар...

Я удвоил усилия и потеснил его на несколько шагов. Однако он быстро оправился и занял прежнюю позицию. Из-за памятников донесся вздох.

— Ты все еще можешь удивлять меня,— пробормотал он сквозь стиснутые зубы, нанося удар.— Когда же этому придет конец?

Я отступил на шаг, затем снова нанес удар. Наши клинки давали нам нужные силы, и мы продолжали сражение.

Несколько раз он оказывался близко, очень близко. Но каждый раз мне удавалось уклониться и контратаковать. Дважды я думал, что поразил его, и каждый раз он чудом уклонялся и нападал с удвоенной силой.

Он ругался, смеялся, и я, вероятно, делал то же самое. Луна сияла, и роса стала заметней на траве. Создания иногда перемещались, но их глаза не отрывались от нас. Вик и Сабрина что-то шептали, не глядя друг на друга.

Я нанес удар в голову, но он парировал его и в свою очередь нанес мне удар в грудь. Я остановил его и попытался поразить его в грудь, он отбил удар...

Внезапно подул ветер, и пот на моем лбу стал холодным. Я поскользнулся на влажной земле, а он упустил возможность воспользоваться моей оплошностью. Неужели он начал уставать?

Я еще усилил нажим, а он, казалось, отвечал чуточку медленнее. Было ли это моим преимуществом или трюком с его стороны?

Я попал ему в руку. Легкое касание. Царапина. Ничего серьезного, но я почувствовал, что моя уверенность растет. Я сделал новую попытку, выложив все, на что я способен, во взрыве вдохновения.

Яркая линия появилась у него на груди.

Он снова выругался и дико замахнулся. Когда я парировал удар, то понял, что небо на востоке начало светлеть. Это означало, что я должен спешить. Есть правила, ограничивающие даже нас.

Я применил свой наиболее сложный прием, но он смог отразить его. Я пытался сделать это снова и снова. Каждый раз он казался все слабее, и в последний раз я увидел гримасу боли на его лице. Наши зрители тоже приустали, и я чувствовал, что истекают последние песчинки в песочных часах.

Я нанес удар — и на этот раз попал. Клинок вошел в левое плечо, и по звуку было понятно, что у него задета кость.

Он застонал и упал на колени, в то время как я отпрянул назад для последнего смертельного удара.

Вдалеке прокричал петух, и я услышал его смех.

— Близко, братец! Близко! Но еще не все кончено,— сказал он.— Сабрина! Ко мне! Немедленно!

Она сделала шаг к нему, повернулась к Вику, затем снова к моему поверженному врагу. Она поспешила к нему и обняла, как только он начал исчезать.

— Auf Wiedersehen!* — донеслось до меня, и они оба пропали.

Наши зрители отбывали с большой поспешностью, хлопая крыльями, уносясь скачками по земле, скользя в норы, так как солнце появилось над горизонтом.

Я оперся на клинок. Через некоторое время Вик подошел ко мне.

— Увидим ли мы их когда-нибудь снова? — спросил он.

— Конечно.

Я двинулся туда, где вдалеке виднелись ворота.

— И что теперь? — спросил он.

— Я пойду домой и просплю весь день. Может быть, устрою небольшие каникулы. Дела теперь будут идти не так бойко.

Мы пересекли освященную землю и ступили на улицу.

* До свидания *(нем.)*.

*Эпиталама**

Вечером шел дождь, и пожилая леди приготовила чай — как и обычно в это время. Она сидела на кухне за столом и вспоминала свою спокойную жизнь. Детские приключения завораживали ее, и она уже в который раз подумала об удивительно тихих и серых годах, прошедших с тех пор. Она получила в наследство дом, небольшую стипендию попечительского совета и много путешествовала, но ей так и не довелось встретить подходящего человека для замужества; впрочем, наоборот тоже можно сказать. Ее роль практически уже была сыграна, хотя, по правде говоря, по-настоящему ее никто и не пригласил принять участие в спектакле. И вспомнить-то особенно нечего, если не считать нескольких визитов давнишнего знакомого, который занимался охотой на людей,— с тех пор уже прошло немало лет. А теперь...

В душе пожилой леди царили мир и покой, она сидела на кухне, пила чай, слушала, как стучит за окном дождь, и размышляла о том, какая сложная штука жизнь и как бессмысленно растрачивает ее человек. Она частенько отправлялась добровольцем туда, где требовались добровольцы, много читала, помнила обе войны, на которых была медсестрой, хотя во второй — учитывая ее возраст — уже спокойно могла не участвовать. Давно, еще во время первой войны, она познакомилась с тихим лейтенантом, британцем по имени Колин. Они были бы счастливы вместе, так ей иногда казалось, однако Колина пожрали поля Фландрии, как, впрочем, и многих других его соотечественников.

Пожилая леди вошла в гостиную и подбросила в камин несколько поленьев, поскольку собиралась выпить еще чашечку чая у огня.

Примерно в середине второй чашки и какого-то старого воспоминания кто-то позвонил в дверь. Она бросила взгляд на часы. Почти полночь.

* Стихотворение или песня в честь свадьбы.

Пожилая леди подошла к двери, чуть-чуть приоткрыла ее.

— Добрый вечер, мисс Алиса,— поздоровался гость.— Аксель Дж. Бингерн к вашим услугам. Как вы считаете, мы можем сегодня им воспользоваться?

— О господи! Уж и не знаю, исправно ли оно,— ответила она и распахнула дверь.— Заходите скорее, на улице такой дождь!

Бингерн, как всегда, был весь затянут в кожу, на поясе висел охотничий нож, на правом бедре — пистолет, а в руке он держал дробовик.

— А это зачем? — спросила она.

— Заставляет его вести себя прилично,— ответил Бингерн.

С этими словами он втолкнул в комнату своего пленника — высокого, темноглазого, темноволосого человека во всем черном. В наручниках и ножных кандалах.

— Здравствуйте, мисс Алиса,— проговорил пленник.— Давненько мы с вами не виделись.

— И то верно, Люцер.

Он улыбнулся, поднял руки, и правая тут же раскалилась добела.

— А ну-ка, прекрати свои штучки, Люцер,— приказал Бингерн, и огонь немедленно погас.

— Я просто хотел поприветствовать старого друга,— объяснил Люцер.

— Вы всегда были дамским угодником,— тоже улыбаясь, заявила Алиса.— Джентльмены, не угодно ли чаю?

— С удовольствием,— ответили оба одновременно,— сегодня такая отвратительная погода. Только если не возражаете, мы постоим. Иначе перепачкаем вам всю мебель.

— Ерунда. Садитесь, пожалуйста. Я настаиваю,— приказала Алиса.

— У него лучше получается охранять пленников, когда они в цепях, а он сам стоит около них с дробовиком в руках,— проворчал Люцер.

— И вовсе не в этом дело,— возразил Бингерн.

Алиса пожала плечами и ушла на кухню. Вскоре она вернулась с подносом, на котором стояли две чашки чая и блюдечко с печеньем. Оба ее гостя уже сидели. Она подала им чай, а потом уселась сама.

— Как и всегда?

— Почти,— ответил Люцер.— Я убежал из тюрьмы, прибыл сюда, нашел работу... И тут за мной пришел этот тип.

— Как и всегда,— перебил его Бингерн.— Он убежал из тюрьмы, при этом пострадало несколько человек, прибыл сюда, организовал тайное революционное общество, начал покупать оружие и учить заговорщиков им пользоваться. Я поймал его как раз вовремя.

— Ну и что с ним будет? — поинтересовалась Алиса.

— Доставлю назад,— ответил Бингерн.

— Складывается впечатление, что, когда происходит что-нибудь в этом духе, вы единственный можете доставить его назад,— сказала Алиса.

— Точно. Он очень опасен. Как, впрочем, и я,— проговорил Бингерн.

— Все вранье,— заявил Люцер.— Впрочем, я еще ни разу не видел, чтобы правда что-нибудь меняла.

— Я с удовольствием вас выслушаю,— пообещала Алиса.

— Прошу прощения,— вмешался Бингерн,— ему некогда. Мы скоро уходим.

— Он как самурай,— сказал Люцер.— Отлично натренирован и верен своему кодексу — уж и не знаю, что это значит. Если вы попытаетесь его задержать, он может вас обидеть.

— Ничего подобного,— заявил Бингерн.— Алиса мой старый друг.

— Очень старый,— добавила Алиса.— И почему только вы постоянно убегаете, если все равно дело кончается одним и тем же? — спросила она у Люцера.

— Все, это последний раз,— ответил Люцер.

— А почему?

— Потому что цикл подошел к концу.

— Не понимаю,— проговорила она.

— Конечно, не понимаете. Но я съел пирожок и знаю, что это так.

— Что бы вы там ни говорили,— сказала Алиса, наливая своим гостям еще чая,— я уже давно не участвую в ваших делах.

Люцер рассмеялся.

— Урла-лап! Урла-лап!* — воскликнул он.— Эта история бесконечна.

Бингерн тоже расхохотался.

— Скоро всему конец,— заявил он.

— В некотором смысле, кур-ла-ла! В некотором смысле! — возразил его спутник.

— Пока Бингерн следит за своей вотчиной, можно ни о чем не беспокоиться,— проговорил Бингерн.

— Ну, там все нормально,— признал Люцер,— ты же оставил присматривать за порядком парочку сумасшедших.

Бингерн фыркнул.

— Я нахожу, что это страшно забавно,— сказал он.— Конечно же, Алиса помнит.

— Разве может быть иначе? — спросила она.— Временами я испытывала настоящий ужас.

— А временами вам открывались такие чудеса, каких никто из живущих в вашем мире никогда не удостаивался,— добавил Люцер.

— Не буду спорить. Однако нельзя сказать, что эти чудеса были сбалансированы.

— Ну и что? С тех пор все сильно изменилось — а сегодня грядут новые перемены.

— В каком смысле? — спросила Алиса.

— Это нужно видеть,— ответил Бингерн.

---

* Урла-лап! Кур-ла-ла! — восклицания из стихотворения «Верлиока» в переводе Щепкиной-Куперник из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

— В моем-то возрасте? Не имеет значения!

— Как раз наоборот. Очень важно, чтобы вы вернулись и присутствовали при введении закона в силу. Для вашего прошлого визита к нам, Алиса, имелась вполне уважительная причина.

Люцер хмыкнул и немного погромыхал цепями. Бингерн маленькими глоточками пил чай.

— На вас должен был посмотреть ваш будущий муж,— сказал он.

— Да, и кто же?

— Настоящий правитель тех мест.

— Мне кажется, я несколько старовата для этой роли. Если кто-то и решил взять меня в жены, ему следовало что-нибудь сделать по этому поводу намного раньше.

— В его планы вмешались определенные события,— объяснил Бингерн.

— Какие события?

— Небольшая война.

Алиса пила чай.

— Поэтому вы должны отправиться вместе с нами и принять участие в этом важном деле.

— Прошу меня простить. Та история закончилась,— ответила Алиса.— Все. Конец. Вы пришли слишком поздно.

— Никогда не бывает поздно,— возразил Бингерн,— пока я жив. А я буду жить вечно.

Он откусил кусочек печенья. Люцер пил чай.

— Правда ведь? — неожиданно спросил Бингерн.

— Кого ты спрашиваешь? — поинтересовался Люцер.

— Тебя.

— Ты боишься сегодняшней ночи,— ответил Люцер,— ты боишься, что тебя ждет смерть.

— А она меня ждет?

— Я бы не сказал тебе, даже если бы и знал.

Бингерн начал поднимать свой дробовик, взглянул на Алису и снова опустил оружие. Взял из блюдечка еще одно печенье.

— Вкусные,— похвалил он.

— И введение закона в силу,— заявил Люцер.

— Помолчи-ка.

— Конечно. Не имеет значения.

— А что это такое? — не выдержала Алиса.

— Ритуал, в котором должен принять участие павшая звезда Бингерн. Иначе ему конец.

— Чушь! — взревел Бингерн и пролил чай на куртку.— Я принимаю участие в этой церемонии ради старых добрых времен. И не более того.

— В какой церемонии? — спросила Алиса.

— Обряд возвращения на небеса, откуда он к нам прибыл,— пояснил Люцер.— В День Юлеки. Его место пустует слишком долго.

— Вы так о нем говорите, словно он божество.

— А он и в самом деле похож на какого-нибудь древнего святого короля, которым поклонялись в вашем мире.

— Мне казалось, что Черный Король и Королева — или Белый...— начала Алиса.

— В Стране Чудес столько сумасшедших,— откликнулся Люцер.— Бингерн многих отправил в тюрьму или в длительную ссылку и теперь сам там правит.

— Он говорит правду? — спросила Алиса.

— Этот тип сильно преувеличивает,— ответил Бингерн.— Черный Король и Королева по-прежнему у власти. Я только время от времени им помогаю.

— А какую роль я должна во всем этом сыграть? — осведомилась Алиса.

— Совсем незначительную,— успокоил ее Бингерн.

— Он лжет,— предупредил Люцер.

— Какую? — потребовала ответа Алиса.

— Свидетельницы,— ответил Бингерн.

— Я старая женщина, и вы меня совершенно запутали,— заявила Алиса.— Никаких больше кроличьих нор и зеркал. Давайте допьем чай, и я вас провожу.

— Конечно,— тут же согласился Бингерн.— Пошли, Люцер. Допивай, нам пора в путь.

Гости быстро поставили чашки на поднос, а Люцер прихватил с блюдечка последнее печенье. Потом оба поднялись, и Бингерн посмотрел на Алису.

— Вы не проводите нас? — попросил он ее.

— Вы хотите сказать, к зеркалу?

— Да.

— Сюда, пожалуйста,— показала Алиса.

Она подвела их к лестнице и стала подниматься по ступенькам. Отодвинув засов и включив тусклую лампочку, Алиса пригласила посетителей войти на пыльный чердак, заваленный кучами вещей, по которым можно было изучать историю. В дальнем конце висело зеркало, повернутое к стене.

Неожиданно Алиса остановилась и спросила:

— А зачем оно вам? Вы же прибыли сюда без его помощи.

— Другой путь очень сложен,— ответил Бингерн,— а учитывая, что мне нужно присматривать за этим парнем, приходится тратить немало сил. Кроме того, так намного удобнее.

— Удобнее? — удивилась Алиса.

— Да,— ответил Бингерн. И принялся произносить заклинание.— Давай, Люцер!

Он подтолкнул своего пленника дулом дробовика. Люцер приблизился к зеркалу, а в следующее мгновение исчез из виду.

— Я туда не вернусь,— заявила Алиса.

Бингерн рассмеялся и перешагнул через раму.

Вдруг Алиса почувствовала, как зеркало притягивает ее к себе. Она попыталась сопротивляться, но ничего у нее не вышло, и медленно, шаг за шагом, она неохотно приблизилась, остановилась перед ним и, словно и не прошло стольких лет, вошла.

Постояла несколько минут в комнате, напоминающей чердак в ее доме — только тут все было наоборот. Потом повернулась и принялась искать глазами зеркало, но не нашла его. И тогда Алиса поняла, что должна уйти. Она

подошла к выключателю, погасила свет и спустилась вниз по лестнице.

Этот сад больше не походил на ее сад. Он превратился в лесную поляну, окутанную закатной дымкой, посередине пересекались две дороги, которые начинались где-то среди деревьев. На перекрестке стоял Бингерн, в руке он держал дымящийся дробовик, у его ног, тяжело дыша, лежал Люцер.

— Попытался сбежать,— объяснил Бингерн.— Как я и предполагал.

— Он не... с ним все будет в порядке? — спросила Алиса и опустилась на колени возле Люцера, мгновенно вспомнив, что когда-то была медсестрой.

— Конечно,— ответил Бингерн.— Он уже поправляется. Он почти неуязвим. Здоровый как бык — нет, здоровее. Даже сильнее меня. Только вот не так искусен на поле боя.

— А откуда вы все это про него знаете? — поинтересовалась она.

— Когда-то он был моим слугой, оруженосцем. Мы прибыли сюда вместе.

— Откуда? — спросила Алиса.

Он показал на небо:

— Оттуда. Я как павшая звезда, которую никто не может вернуть на место.

— А почему? — удивилась Алиса.

— На самом деле он совершил метафизическое преступление, за которое ему грозит пожизненное, если он попадет к ним в руки,— простонал Люцер.

— Чушь! Мы просто разошлись во мнениях,— заявил Бингерн.

Люцер медленно поднялся на ноги, потер бок.

— Больно,— проговорил он.

— Скажи ей, что ты врешь,— приказал Бингерн.

— Не скажу. Мне правда больно.

— Я тебя снова пристрелю.

— Давай. Если тебе не жаль нашего времени. Урла-лап.

— Кур-ла-ла. Сегодня она сама все увидит.

— Сегодня ночью. Пошли. Нам пора.

— Кстати. Небольшой ритуал, чтобы не скучно было идти.

После этого Люцер проделал руками несколько магических движений, и вокруг стало заметно светлее. Через некоторое время он замер, а потом объявил, что можно продолжать путешествие.

— А это еще что такое было? — спросила Алиса.

— Дарс Дадисдада и Роттери Хан отправятся в путь сегодня,— объявил Бингерн.

— А Девушка Хорлистка облетит весь мир на крыльях, совсем как летучая мышь,— сказал Люцер.— Мелковая Роза поднимется со дна моря и расцветет, а огни грибанов будут отплясывать на берегу и на склоне. Напоминание о вашем празднике, который называется День всех святых, и ритуальная защита против него.

— Такое впечатление, что тут все изменилось,— сказала Алиса.

— Только имена,— пояснил Бингерн.

— Гораздо больше чем имена,— перебил его Люцер.

— Я хочу, чтобы вы вернули меня домой, немедленно! — потребовала Алиса.

— Боюсь, это невозможно,— ответил Бингерн.— Вы нужны здесь.

— Зачем?

— Позже поймете.

— Я могу не захотеть.

— Не думаю,— сказал Бингерн и взял в руки небольшой свисток, который висел у него на шее на цепочке. Потом поднес его к губам.

Прошла минута.

— Пожалуй, я возвращаюсь,— объявила Алиса.

— Ничего не выйдет,— ответил Бингерн, и Алиса услышала вдалеке глухой рокот.

Через несколько секунд она спросила:

— Что это за звук?

— Мотоциклы,— пояснил Бингерн.— Королевская гвардия, Щебетунчики спешат сюда.

— Быстро они отреагировали,— заметила Алиса, когда на дороге появились первые силуэты.

— На самом деле я вызвал их прежде, чем отправиться в путь. А сейчас отдам новый приказ — на потом. Вы же, наверное, помните, что можно бежать и оставаться на месте, а можно стоять и двигаться вперед — или позвонить самому себе вчерашнему.

— Ну да, в некотором роде.

— В этом есть свои положительные моменты. Вот и все.

Мотоциклисты приближались и вскоре оказались совсем рядом. Когда они остановились, Бингерн подошел к командиру отряда, парню с огромным животом и руками, похожими на два ствола. Он был в голубых джинсах и черной кожаной жилетке. Его украшала изощренная и разнообразная татуировка. Испещренное шрамами лицо расплылось в улыбке.

— Вы хотите, чтобы мы тут с кем-то разобрались? — спросил он Бингерна.

— Нет, только посторожите. Вот, мисс Алису.

— Да это же какая-то старая кляча! Зачем ей охрана?

— А ну-ка, попридержи язык, Ник. Мисс Алиса — мой старый друг. Но мы не можем отпустить ее раньше чем завтра. Так что приглядите за ней. Она обладает очень большим числом невероятности.

— А это еще что такое?

— Вокруг нее происходят разные странные вещи.

Щебетунчики окружили Алису. Ей показалось, что она заметила ухмыляющегося кота* прямо у них над головами, в ветвях ближайшего дерева.

— Ну, пора, двигай,— приказал Бингерн.

— Куда? — спросил Люцер.

---

* Имеется в виду Чеширский Кот из книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес».

— Во дворец, конечно. Нужно вынести тебе новый приговор.

— Да, они имеют обыкновение терять свежесть,— согласился Люцер.— Как заплесневелый хлеб.

Бингерн расхохотался.

— Мы придумаем какие-нибудь иные словечки, чтобы тебе было не скучно их переваривать,— пообещал он.— В новой камере, где тебе не будет угрожать ни плесень, ни окисление.

— Не бывать этому, дьявольская звезда, потому что сегодня нас ждет особенная ночь.

— Ты ко мне несправедлив.

Они двинулись в путь.

— Если сегодня север находится в той стороне, мы доберемся до дворца сразу после захода солнца,— заметил Люцер.

Алиса подошла к нему поближе.

— В нем появилось нечто такое,— проговорила она,— что кажется еще более ненормальным, чем обычно.

— Не сомневайтесь, он в порядке,— ответил Люцер.— Как и большинство из нас. Только с ним сейчас опасно связываться. Когда наступает Юлеки, его сила достигает пика.

— А ваша? — спросила Алиса.— Мне кажется, у вас с этим тоже не должно быть проблем.

— Верно,— кивнул Люцер.— Только никогда не знаешь, как здесь все повернется. Урла-лап!

— Кур-ла-ла! — улыбнувшись, ответила она.— Люцер, мы оба спятили?

— Может быть, чуть-чуть,— согласился он.

— Арестованным трепаться можно? — крикнул Ник.

— Можно,— разрешил Бингерн.— Это не имеет значения.

Солнце постепенно скрылось, и они вошли в сумерки.

— На этот раз все тут немного не так, как раньше,— сказал Люцер Алисе.— Думаю, они хотят, чтобы были соблюдены законы.

— А что это значит — тут? — спросила она.

— Он заставит Короля и Королеву объявить, что они согласны отправить меня на рудники, что вы должны принять участие в церемонии Юлеки и что в вотчине Бингерна царят мир и покой.

— Значит, настоящий правитель — он?

— Можно сказать и так.

— И это он призывал меня сюда много лет назад, когда искал себе невесту, на которой так и не женился?

— Да. Я был тогда с ним. Он потихоньку наблюдал за вами и вашими приключениями.

— Объясните мне, ради всех святых, зачем?

— Чтобы узнать, как вы реагируете на необычные ситуации.

— То есть?

— Он хотел понять, как вы станете вести себя в этом мире, если вам придется здесь править.

— И я провалила экзамен...

— Нет. Тут тоже была война — как и у вас, некоторые вещи отошли на второй план. А потом было уже поздно.

— Вы говорите, что я должна была стать королевой.

— Императрицей.

— ...женой Бингерна.

— Вне всякого сомнения.

— Ну, тогда я рада, что так все получилось.

— Я тоже рад. Не думаю, что вам бы это понравилось.

— И что будет теперь?

— Складывается впечатление, что выбора у нас нет. Придется вам сделать то, что он хочет. Я чувствую, что буду вынужден принять непосредственное участие в событиях, поскольку сейчас конец одного небесного цикла и начало другого; и духи могут пасть или, наоборот, вознестись.

— Не понимаю.

— Естественные законы, царящие здесь. Я попытаюсь объяснить, когда у нас будет больше времени.

— А почему не сейчас?

— Потому что вон там, впереди, уже виден замок — мы почти пришли. Достаточно сказать, что Бингерн яв-

ляется звездным духом, который пал на землю во время последнего цикла. Он быстро понял, что это место — не что иное, как приют безумцев, захватил тут власть и навел порядок.

— А почему тогда вы противостоите ему?

— Он зашел слишком далеко. Теперь здесь правят его капризы, а не законы или принципы. Может быть, он и сам спятил. Он боится, что во время Пира Юлеки, Бичующего Ангела, некая сила утащит его назад, туда, откуда он прибыл. И он уже никогда не вернется сюда.

— Так он должен радоваться.

— Должен. Только не радуется. Ему тут нравится. Он даже чуть не вступил по этому поводу в единоборство с самим Юлеки.

— А это хорошо?

— Сначала было хорошо — для всех.

— Кроме меня,— заявила Алиса.

— Не говорите этого. Вы тут нужны.

— Зачем?

— Когда вы были девочкой, все, наверное, выглядело иначе, но ваши приключения можно трактовать двумя совершенно разными способами.

— Да? Я случайно попала в волшебное королевство и пережила несколько удивительных приключений. Вот как я на это смотрю. Вы предложите что-нибудь другое?

— Да. Как вам понравится, например, такое объяснение: вы существо, наделенное волшебным даром. И, будучи всего лишь наблюдателем, явились причиной тех необычных переживаний, что выпали на вашу долю.

— Надо сказать, весьма неожиданная трактовка.

— Мне кажется, в вас это было и, видимо, осталось.

— А если осталось?

— Тогда вполне возможно, что вы в состоянии изгнать его — сейчас самое подходящее время. Мы сосредоточим на этой задаче все наши силы.

— Вы уверены, что у нас получится?

— Нет, но если мы не попытаемся сейчас, могут пройти века, прежде чем представится новая возможность. И не останется ни одного роялиста.

— Дайте мне подумать.

— Думайте побыстрее.

Они приближались к Червонному Замку. Бингерн приказал первому встречному — невысокому рыжеволосому садовнику,— чтобы тот доложил о его прибытии. Парень тут же умчался, при этом он отчаянно вопил:

— Бингерн вернулся! Бингерн вернулся!

— Какое трогательное проявление чувств,— проговорил Бингерн.— Входите. Сами найдем их величества.

Теперь Бингерн шел позади всех остальных, словно был загонщиком. Он боялся, что Люцер каким-нибудь образом освободится и уведет за собой Алису. Щебетунчики остались охранять ворота.

Короля и Королеву обнаружили под кроватью в четвертой спальне. Их величества были одеты в ужасающие лохмотья.

— Почему они так себя ведут и так необычно выглядят? — спросила Алиса.

— Стража! Защитите нас! Рубите ему голову! Бингерн! Бингерн! Умер! Умер! Умер! — голосили тощая Королева Червей и ее крошечный муж.

— У них возникли какие-то странные фантазии на мой счет,— объявил Бингерн, глаза которого метали молнии,— не говоря уже о том, что они ленятся исполнять свои обязанности... Ну-ка, идите сюда! Оба! Вылезайте из-под кровати! Нужно издать королевский указ.

— Почему мы? Почему мы?

— Потому что вы королевской крови. Необходимо срочно подписать несколько постановлений: Люцера снова отправить на рудники, Бингерна — в его вотчину, Алису — в кресло судьи. Записывайте! Побыстрее! Подпись внизу! Довести до сведения всех живущих! И сделайте проклятую копию для вашего вонючего архива!

— Писец! Писец! — заорала Королева.

— Почему ты зовешь только двоих? — спросил Король.— Сделай более множественное число.

— ...сцы... сцы,— добавила Королева.

— Похоже на шипение жалкой индюшки,— заметил Король.

— Служанки старушки всегда просят пенсию,— заявила Королева.— А какое это все имеет к ним отношение? И что с ними сталось? Что? Что?

— Рудники! — воскликнул Люцер.— Говорит: «Платить не желаю». Отпусти их, отпусти, отпусти, умоляю!

— Этого не может быть,— возмутилась Королева.— Кто мог такое приказать?

Люцер повернулся и уставился на Бингерна.

— Нечего было их так обожать,— заявил тот.

— Отпусти их!

— Сегодня не обещаю.

— Где королевские мантии? — поинтересовался Король.

— Я отдал постирать их.

— Ты их продал! Ты нас предал! — рассердился Король.

— А где драгоценности нашей короны? — поинтересовалась Королева.

— В музее — ими любуются матроны.

— Ложь! Ложь! Ты нас ограбил. Верни их! Верни их!

— Мне кажется, я слышу шаги писцов,— сказал Бингерн.— Давайте посадим их тут, и пусть делают, что я прикажу.

— Думаю, мы не нуждаемся в твоей помощи. Мы совсем не так просты.

— В таком случае ваших друзей и фаворитов я жестоко накажу,— пообещал Бингерн и поднес к губам свисток.

— Остановись! — возопил Король.— Сделаем все, как скажешь ты.

— Я знал, что ты сможешь себя превозмочь. Все должно быть сделано в эту ночь. Сейчас — кто станет спорить против этого факта!

Он открыл дверь, и все четверо вошли внутрь.

— Тебе не хватает такта. Но ведь у тебя в руках козыри,— проговорила Королева.

— ...Люцер, Рожденный на Звезде, нашей волей приговаривается к рудникам. Все остальные политические

заключенные остаются в своих камерах. Подтверждаем, что Аксель Дж. Бингерн продолжает владеть своей вотчиной...— диктовал Бингерн.

— Это,— напомнил ему Люцер,— зависит от того, как пройдет Пир Юлеки в часовне, расположенной в твоих владениях.

— Знаю!

— Прекрасно. Тогда запиши.

— ...И это в тот момент, когда Алиса наконец с нами, в самую важную ночь из всего года.

— Страхом меня обделила природа! — заявил Бингерн.

— А мы его не упоминали.

— В указе про это не написали! — вскричал Бингерн.— Прибавьте все необходимые формальные подтверждения и словечки, и пусть идут ко всем чертям!

— Какой язык! — возмутилась Алиса.

— Он дурно воспитан — это известно нам,— согласился Люцер.

— Выполняйте приказ! В копи его! — орал Бингерн.

— Я имею право присутствовать на службе,— заявил Люцер.

— В таком случае возьмем его с собой. Отправим на рудник после.

Люцер поднял руку и сжал пальцы Алисы.

— Сегодня я стану самим собой — а он, скорее всего, нет.

— Это хорошо? — поинтересовалась Алиса.

— Радуйся и будь честен,— ответил Люцер,— и все будет по-нашему.

— Ничего не понимаю.

— Время прозрения наступает.

— Бингерн всегда казался таким приятным джентльменом, а вы — преступником, хоть и очень воспитанным.

— Он все время врал. Вы видели, какой он выбрал путь? Кстати, и чужое не дурак стянуть.

— Теперь мне ясно. Он и вправду обманщик ужасный.

— Мы скоро отправляемся на службу. Вы голодны? Если да — он позаботится о том, чтобы вас накормили. Хочет, чтобы вы себя хорошо чувствовали.

— Я обойдусь. Что-то мне не хочется здесь есть.

— А что плохого в здешней еде?

— Тут все наполовину не в себе.

— Верно. Но на другую половину они совершенно нормальны.

— Я на вашей стороне. Что еще можно сказать? Урла-лап!

— Кур-ла-ла!

— Нам пора! — воскликнул Бингерн.

Покинув замок и тот день, они пустились в путь. Через поля, холмы, луга — и негде отдохнуть. Они стремились в светлый край, страну по имени Балбесния.

— Спойте для меня, Алиса,— попросил Бингерн, и она начала «Старое доброе время»*.

Мотоциклы Щебетунчиков рокотали впереди и позади, луна источала масло и яд, и куда бы Алиса ни посмотрела, ей казалось, что она видит улыбку без кота. Налетел прохладный ветерок, и все тени превратились в черное одеяло.

Справа от тропы сиял лунный свет, отражаясь от громадной ледяной глыбы. Проходя мимо, они заглянули внутрь куска льда, и голос Алисы дрогнул, замер на полуслове: она увидела внутри Мартовского Зайца, Мышь-Соню и очень печального Болванщика.

Когда они перебрались через следующий холм, Алиса услышала хрустальный звон, словно рассыпалась тысяча осколков — казалось, никто, кроме нее, не обратил на звон никакого внимания.

— А здесь погромче,— сказал Люцер, и Алиса старалась изо всех сил.

Она услышала позади фырчанье, сопение и пыхтение, словно по склону с трудом взбирался тюлень.

— На этой поляне вы должны петь особенно красиво,— попросил Люцер.

---

* «Auld Lang Syne», слова Роберта Бернса, благодаря своей популярности стала народной песней, которую поют на всех праздниках, особенно в канун Нового года.

Алиса сделала все, как он говорил, и вдруг рев автоматического оружия Щебетунчиков чуть не стряхнул мрак с ночи — его услышали все. Последние охранники куда-то исчезли, а оружие смолкло, когда над дорогой пронеслась черная туча.

— Люцер,— прошептала Алиса и вцепилась в его железные бицепсы,— что вы заставили меня делать?

— Прошу прощения, это всего лишь старая песня, миледи. Постарайтесь, постарайтесь вспомнить все, что происходило с вами в ваши прошлые визиты в эту страну. Если вы когда-нибудь что-нибудь любили, пойте. Вспоминайте, вспоминайте, Алиса, это место таким, каким оно было.

Старческий голос Алисы дрожал, срывался множество, множество раз, когда она пела старые баллады и популярные песенки.

— Что это за кошачий концерт? — крикнул Бингерн, уши которого теперь стали длинными и шелковистыми, а пасть зубастой.

— Леди Алиса будет петь,— ответил Люцер.— Она имеет на это полное право.

Бингерн издал короткое рычание, а потом смолк.

— Он вынужден позволить,— объяснил Люцер.— Вы должны быть невредимы.

— Почему? — спросила она.

— Ваша сила священна. Вы были здесь в стародавние времена.

— Всего лишь полжизни назад,— возразила Алиса.

— Здесь время течет иначе.

— Мне этого никогда не понять.

— Скоро вам все станет ясно. Пожалуйста, продолжайте петь.

И снова Алиса запела. И ночь ожила криками птиц, стрекотом насекомых, шорохом листьев. Таких ярких звезд Алисе еще не доводилось видеть, а луна, казалось, набирала силу, приближаясь к зениту.

— Проклятье! — выругался Бингерн, когда из прорехи его лопнувших брюк показался длинный хвост. Его глаза по-прежнему метали молнии.

— Не останавливайтесь! — попросил Люцер.

Наконец они добрались до вершины высокого холма, откуда открывался вид на долину, залитую, точно молоком, лунным светом. Алиса услышала у себя за спиной какой-то шум. Бингерн приказал всем остановиться и принялся разглядывать долину. Потом поднял правую руку и показал острым, как бритва, когтем.

— Здесь музыка умирает,— сказал он.— Здесь вотчина Бингерна. Здесь я становлюсь сильнее.

— И вы, похоже, несколько изменились,— заметила Алиса.

— Сегодня этого избежать нельзя,— ответил он.— Сегодня, когда Могущество снисходит и возносится, чтобы пройти по этому миру.

— Я думала, что вы, Бингерн, бог или хотя бы наполовину божество. Однако внешность у вас скорее демоническая.

— Подобные термины бессмысленны в этом безумном месте,— сказал он.— А в остальном вам следует почитать Ницше*.

— Я понимаю,— проговорила Алиса.

— Итак, видите, я победил. Дождался момента, когда ваша сила иссякла. Теперь даже сырой сквозняк запросто с вами справится.

— Вы наблюдали за мной все эти годы.

— Конечно, и смех и слезы.

— Смеха было не так чтобы очень много.

— Как и слез. Мне жаль, что ваша жизнь была бесцветной. Однако так требовалось.

— И все ради сегодняшней ночи?

— И все ради сегодняшней ночи.

На голове у него вырос гребень, а когда он пошевелился, по камню застучали копыта.

---

* Фридрих Ницше (1844–1900) — немецкий философ, представитель иррационализма и волюнтаризма, один из основателей «философии жизни».

— Вон там, в долине, есть часовня,— Бингерн показал рукой на залитое ярким светом маленькое строение.— Пошли. Сегодня та самая ночь.

Они последовали вниз по склону, по извивающимся тропинкам, бегущим по долине,— Бингерн, Алиса, Люцер, Король и Королева Червей, Щебетунчики, разношерстные придворные и аристократы. Щебетунчики опять стали совсем крошечными, вступив в перестрелку с кем-то, кто сидел за огромным валуном и протяжно выл. Когда потом они принялись обыскивать местность, ничего особенного обнаружить не удалось.

Когда вся компания подходила к часовне, у них над головами пронеслась громадная стая черных птиц, а в траве, не смолкая, раздавались самые разные шорохи и шипение. Казалось, земля дрожит под ногами, а временами Алиса слышала, как трещат сухие ветки под чьими-то тяжелыми шагами.

Люцер теперь держал ее за одну руку, а другой она опиралась на массивную палку.

— Уже совсем близко,— заметил Люцер.— Когда мы придем, вы сможете отдохнуть.

— Я обязательно дойду,— сказала Алиса.— Мне интересно, чем все это закончится.

— Вы непременно узнаете. В любом случае ваше присутствие необходимо.

— Победа или поражение? Живая или мертвая?

— Точно.

Над ними пронеслась сова и спросила:

— Кто?

— Я,— ответила Алиса.

Бингерн зарычал, и птицы замертво попадали на землю. Земля задрожала, ветер стал сильнее.

Наконец они добрались до часовни, и Бингерн впустил всех внутрь. Ярко горели свечи. Алиса разглядела низкий алтарь, а сквозь отверстие в потолке лунное сияние струилось прямо на пентаграмму, нарисованную на полу. У дальней стены стоял трон из красного камня, к нему и подвели Алису.

— Пожалуйста, отдыхайте! — воскликнул Бингерн, и земля содрогнулась, потому что он стал еще больше.

Потом он приказал всем остальным занять места на скамейках. Люцеру, Королю и Королеве он позволил остаться возле Алисы, а сам прошел в переднюю часть часовни и, задрав голову, обратился к кому-то невидимому, прячущемуся в темноте:

— Эй, ты там! Это Бингерн. Я знаю, что ты меня слышишь. Вот и хорошо. Сегодня — та самая ночь, но я хочу, чтобы ты знал: я все держу под контролем. Ты только зря теряешь время, если думаешь, будто можешь что-нибудь по этому поводу сделать. Мне известно, что ты мечтаешь до меня добраться, Юлеки, только ты опоздал. Я отнимаю у этой страны ее силу вот уже много лет. Теперь тебе со мной не справиться. Одно короткое прикосновение — и мир, созданный мной, будет жить вечно.

— Алиса,— тихо проговорил Люцер.— Я собираюсь разорвать цепи и бросить ему вызов — сейчас. У нас почти равные силы, но я потерплю поражение, потому что он более меня искушен в военном деле. Когда вам покажется, что я падаю в третий раз, призовите Юлеки. И выкрикните свое имя.

— А почему вы так же сильны, как это чудовище, в которое он превратился? — спросила Алиса.

— Я забыл.

— А почему он более вас искушен в военном искусстве?

— Тоже забыл. Это не имеет значения.

— В таком случае зачем вам сражаться?

— Я должен задержать его до тех пор, пока луна не поднимется выше.

— Зачем?

— Не помню. Только знаю, что это нам поможет в борьбе с ним.

— ...Так вот, именно сегодняшней ночью,— затянул Бингерн,— мы собрались перед взором Юлеки и любого, кто пожелает посмотреть, и мы соединим узами брака повелителя этой страны и будущую повелительницу.

— Повелительницу? — спросила Алиса.— А где она?

— Это вы,— ответил Люцер, поднимая руки и разводя их в стороны. Он напрягся изо всех сил, на лбу у него появились капельки пота. Цепи лопнули, и он наклонился, чтобы заняться теми, что спутали его щиколотки.

Бингерн поднял дробовик. Алиса тут же прикрыла Люцера собой.

— Проклятье, леди! Убирайтесь! Не мешайте мне! — крикнул Бингерн.

— Нет,— ответила Алиса.— Здесь что-то не так, а я хочу, чтобы было как полагается.

— Вы все делаете неправильно! — прорычал он.

Люцер сбросил цепи и выпрямился в полный рост. Бингерн вздохнул.

— Ну хорошо. Придется еще раз урегулировать наши отношения,— заявил он.

Люцер вышел на середину часовни, Бингерн отложил в сторону свой дробовик и двинулся ему навстречу.

Когда они встретились, небо разорвала ослепительная вспышка. А в следующее мгновение они уже катались по пентаграмме.

Дверь в часовню распахнулась, и Алиса увидела Белого Кролика. Он будто бы пробормотал: «Ах, боже мой, боже мой!», а потом уселся на одну из передних скамеек и стал наблюдать, как дерутся Люцер и Бингерн, как их кулаки крошат камень и кирпич или рассекают воздух, когда противникам не удавалось попасть друг в друга.

Вдруг Алиса почувствовала, что Кролик на нее смотрит. Он долго не сводил с нее глаз, пока они не округлились — узнал. Она кивнула.

Кролик поднялся и медленно пошел вдоль стены. Подойдя к трону, произнес:

— Алиса...

— Как поживает Мышь-Соня? — спросила она.

— Сидит в чайнике. Как ты?

— О, время меня не очень пощадило. А твои-то как дела?

— Ты освободила меня, когда пела.

— Что? Как?

— Ты волшебница. Могла бы и сама уже догадаться. Я был рядом с Бармаглотом*, когда ты и его освободила. Он там снаружи, надеется, что ему удастся сожрать Бингерна.

Кролик снова посмотрел на сражающихся Люцера и Бингерна.

— Крепкие ребята. Трудно сказать, кто из них господин, а кто слуга.

— А вот мне не трудно. Бингерн больше не человек.

— Он всегда будет всего лишь лейб-гвардейцем в небесном сонме.

— Что ты такое говоришь? Он павшая звезда — высшее существо, которое пострадало от общения с этим миром.

Королева Червей взвизгнула, когда противники оказались совсем рядом с ней, а рога Бингерна оставили глубокие следы на каменном полу у ее ног. Но в следующее мгновение сцепившиеся враги откатились в сторону.

— Павшая звезда — лорд Люцер,— возразил Кролик.— Сегодня ночью его нужно заставить вспомнить, кто он такой. Бингерн был его слугой; он захватил власть, когда Люцер, его господин, потерял память.

— Что? — вскричала Алиса.— Бингерн самозванец?

— Вот именно. Теперь, когда ты меня освободила, я надеюсь стать свидетелем того, как сегодня ночью его власти придет конец.

Послышался оглушительный грохот, когда противники налетели на стену, и здание содрогнулось.

— А почему Бингерн превосходит умением сражаться своего господина? — спросила Алиса.

— Лейб-гвардеец должен пройти специальную подготовку, чтобы быть в состоянии противостоять легионам мрака,— ответил Кролик.

---

* Бармаглот — персонаж из стихотворения Льюиса Кэрролла, приведенного в «Алисе в Зазеркалье». Перевод Д. Г. Орловской.

Казалось, что Люцер и Бингерн уже целую вечность молотят друг друга — луна поднималась все выше и выше. И вдруг удары Бингерна стали попадать в цель все чаще, и в конце концов он прижал Люцера к полу, опустился на колени и, схватив его голову, принялся колотить ею по каменному полу.

Увидев это, Алиса крикнула:

— Юлеки, Бичующий Ангел, помоги нам! Скорее! Тебя зовет Алиса.— И бросилась на середину часовни.

Ослепительная вспышка, и над пентаграммой возник белый сияющий шар. Бингерн поднялся на ноги и встал к нему лицом, оставив задыхающегося, окровавленного Люцера на полу.

— Юлеки, это несправедливо — ты не должен был приходить сейчас! — объявил он.— Я устал и не могу встретиться с тобой как полагается!

— Вот и хорошо,— пропел в ответ чей-то мелодичный голос.— Превращайся! Ты не должен стыдиться того, что уходишь со мной без борьбы.

Бингерн посмотрел на Люцера.

— Ты помнишь? — прогремел его голос.

— Что? — спросил Люцер.

Бингерн быстро взглянул на Юлеки.

— Я следую кодексу воина, будем сражаться!

— Отлично.

Он бросился вперед, но, как только коснулся сверкающего шара, какая-то сила подняла его в воздух, завертела, словно в водовороте, а потом швырнула на каменный пол. Шар повис прямо над его грудью. Бингерн попытался пошевелиться, но был не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой.

— Мог бы и подольше со мной повозиться,— прошептал он,— ради него. Я уже многие десятилетия делаю все, чтобы его вылечить. Думал, что это поможет. Мне хотелось, чтобы он был в порядке, и тогда его можно было бы вернуть.

— А у меня другой план.

Бингерн повернул голову и посмотрел на Люцера.

— Господин! — позвал он.— Вспомните! Пожалуйста!

— Я помню, мой верный слуга,— послышался ответ; Люцер взял руку Алисы в свою, и ее неожиданно окружило мягкое сияние.

— Твоя работа здесь завершена,— сказал Юлеки Бингерну.— А вот его — нет, хотя к нему и вернулась память. Он наведет порядок в этой стране, которую ты принес в жертву ради его исцеления.

— Я мог бы ему помогать!

— Это неразумно. У них связаны с тобой тяжелые воспоминания.

Прогремел гром, и Юлеки с Бингерном исчезли.

Алиса почувствовала, как груз прошедших лет свалился с ее плеч в тот самый момент, когда ее коснулось призрачное сияние.

— Что происходит? — спросила она.

Люцер помог ей подняться на ноги.

— Я проведу тебя сквозь годы в твою юность, старый друг,— сказал он.— Кстати, сегодня и в самом деле должна состояться свадьба. Готова?

— Ты серьезно?

— Конечно. Мне очень нужна твоя помощь и ты сама. В конце концов, ты ведь настоящая богиня — по крайней мере здесь.

— Это уже слишком,— проговорила Алиса, с удивлением разглядывая свою руку, с которой прямо у нее на глазах исчезли морщины.— Я никогда не пойму.

— Идем со мной.

Он подошел к двери и распахнул ее.

Они собрались вместе: Шалтай и ухмыляющийся Кот, Мышь-Соня и Болванщик, Мартовский Заяц, Тюлень и Бармаглот... Все дружно завопили:

— Люцер и Алиса! Люцер и Алиса!

— А что, вполне приличное место, не хуже других,— улыбнулся Люцер.— Алиса, ты возьмешь меня в мужья?

Она обвела взглядом разношерстную компанию. Самые необычные существа продолжали прибывать, и Королева сказала:

— Соглашайся, Алиса. Ты нам нужна. Вотчина Бингерна теперь, естественно, принадлежит тебе. Соглашайся.

Алиса посмотрела на Люцера, на толпу, а потом снова на Люцера.

— Вы все спятили,— объявила она.— Как, впрочем, и я.

С небес полилась дивная музыка, и, подняв голову, Алиса увидела, что в заоблачных высях медленно исчезает маленькая звездочка.

Вариант единорога

Причудливое переплетение мерцающих бликов, вспышки света — он двигался осторожно, с изящной неспешностью, пропадая и возникая снова, словно напоенный грозой вечерний сумрак,— или тени, возникающие между проблесками огней, и были его истинной природой? Вихрь черного пепла, изысканный танец под музыку поющего в песках ветра, свершаемый вдоль высохшего русла реки за домами, пустыми и одновременно наполненными, точно страницы непрочитанных книг или тишина — в паузе, когда музыка вдруг стихла, но вот-вот польется снова.

Исчез. Появился снова. И снова.

Вы сказали, могущество? Да. Нужно обладать силой и величием, чтобы суметь возникнуть до или после своего времени. Или одновременно — до и после.

Он тонул в полумраке теплого южного вечера, являлся взору на одно короткое мгновение, устремленный вперед, а ветер разметал его следы. Когда они оставались, следы.

Причина. Всегда бывает какая-нибудь причина. Или несколько причин.

Он знал, почему он здесь — но ему не было известно, почему именно здесь, в этом месте.

Приближаясь к пустынной улице, чувствовал, что скоро получит ответ. Впрочем, он понимал, что причина может возникнуть раньше — или гораздо позже. Он снова, всем существом, ощутил некий призыв — неотвратимая сила толкала его все дальше и дальше.

Старые покосившиеся здания, иные разрушены до основания. Повсюду сквозняки и пыль. Запустение. Заросшие травой прогнившие половицы и птичьи гнезда на балках. Следы диких существ. Он знал их всех — как и они узнали бы его, встретив на своем пути.

Он замер, услышав едва уловимый и неожиданный звук, где-то впереди, чуть левее. Как раз в этот момент он возник в реальности окружающего мира и вмиг исчез — так гаснет в аду радуга. Осталась лишь тень присутствия, не более.

Невидимый и могущественный, он продолжал свое движение. Вот знак. Сигнал. Впереди. Слева. За словом с выцветшими буквами БАР, написанными на старой, облезлой доске над дверью. Вошел. (Одна из створок едва держится.)

Остановился, огляделся по сторонам.

Направо стойка, вся в пыли. За ней разбитое зеркало. Пустые бутылки. Медная потемневшая вешалка, толстый слой ржавчины. Слева, в глубине, столики. В весьма плачевном состоянии.

За тем, что получше, сидит человек. Спиной к двери. В джинсах. И дорожных ботинках. Выгоревшая голубая рубашка. Зеленый рюкзак у стены, слева.

А перед ним, на столе, едва различимые очертания нарисованной шахматной доски. Она поцарапана и вся в пятнах, почти стерлась. Человек так и не закрыл ящик, в котором нашел фигуры.

Стоит ему увидеть шахматы, как он тут же вспоминает какую-нибудь интересную задачку или принимается переигрывать лучшие из своих партий: для него шахматы — это жизнь, дыхание, без них он бы умер, как умерло бы тело, если бы кровь вдруг перестала бежать по жилам.

Он подобрался поближе, может быть, даже оставил следы на пыльном полу, но ни тот ни другой этого не заметили.

Он тоже любил играть в шахматы.

Человек вспоминал свою самую лучшую партию, которую сыграл во время отборочного матча чемпионата мира

семь лет назад. *Он* же просто смотрел. Тогда человек вылетел из турнира почти сразу же после этой партии — пораженный, что смог продержаться так долго. В критических ситуациях он никогда не играл хорошо. Но всегда гордился именно этой партией, переживая ее снова и снова,— так существа, наделенные особым даром чувствовать, возвращаются к поворотным моментам своей жизни. Целых двадцать минут он был недосягаем, ослепительно безупречен, неповторим и великолепен. Лучше всех.

Он сел напротив и обратил свой взор на доску. Человек доиграл, улыбнулся. Принялся снова расставлять фигуры на доске, потом встал и вынул из рюкзака банку пива. Открыл ее.

А вернувшись к столу, обнаружил, что белая пешка стоит на e4. Нахмурился. Огляделся по сторонам. Увидел свое удивленное лицо в старом, потускневшем зеркале. Заглянул под стол. Сделал глоток пива и уселся на стул.

Взял пешку и поставил ее на e5. В следующее мгновение белый конь медленно проплыл по воздуху и опустился на f3. Человек долго вглядывался в пустоту на противоположной стороне стола, а потом передвинул своего коня на f6.

Белый конь взял его пешку. Решив не удивляться необычной ситуации, в которой оказался, человек сделал ход пешкой на d6. Он почти забыл о том, что играет с невидимым противником, когда тот вернул коня на f3. Человек сделал еще глоток пива и поставил банку на стол — в этот момент банка поднялась в воздух, проплыла над доской и перевернулась донышком вверх. Что-то булькнуло. Банка упала и с шумом покатилась по полу. Судя по звуку, она была пуста.

— Простите,— сказал человек и направился к рюкзаку.— Я бы вас угостил, если бы знал, что вам нравится пиво.

Он открыл еще две банки, вернулся с ними к столу, поставил одну у противоположного края, а другую возле себя.

— Благодарю,— услышал он мелодичный тихий голос.

Банка поднялась, немного наклонилась, вернулась на место.

— Меня зовут Мартин,— сказал человек.

— Называй меня Тлингель,— услышал он в ответ.— Я думал, ваш вид давно вымер. Меня радует, что ты, по крайней мере, выжил — и мы можем поиграть.

— Да? — удивился Мартин.— Когда я в последний раз интересовался этим вопросом — а было это дня два назад,— мы все были на месте.

— Неважно. Этим я смогу заняться потом,— ответил Тлингель.— Меня ввел в заблуждение вид этого места.

— Ну, мы в мертвом городе. А я много путешествую.

— Не имеет значения. Я приблизился к должной точке существования вашего вида. Так я чувствую.

— Боюсь, мне это не совсем понятно.

— Знаешь, я не уверен, что тебя обрадует мое объяснение. Как я понимаю, ты собираешься съесть эту пешку?

— Может быть. Да, собираюсь. О чем ты только что говорил?

Банка с пивом поднялась со стола. Невидимое нечто сделало еще глоток.

— Ну,— сказал Тлингель,— говоря попросту, ваши... преемники... встревожены. Вы занимаете такое важное место в структуре мира, что меня наделили серьезными полномочиями... чтобы я сам все проверил.

— Преемники? Не понимаю.

— Ты видел грифонов — недавно?

Мартин фыркнул.

— Слышал разные байки,— ответил он,— мне даже фотографию показывали. Говорят, его подстрелили в Скалистых горах. Вранье, ясное дело.

— Да, может показаться и так. Мифические существа иногда вызывают самую неожиданную реакцию.

— Ты хочешь сказать, что он был настоящий?

— Конечно. Ваш мир находится в ужасном состоянии. Совсем недавно умер последний медведь гризли, открыв

тем самым путь для грифонов. Так же точно гибель последнего эпиорниса привела к появлению йети, дронта сменило лох-несское чудовище, место странствующих голубей заняли сасквочи*, преемниками голубых китов стали кракены**, а уникальных американских орлов — василиски...

— Я не верю тебе.

— Выпей еще.

Мартин потянулся было за банкой, и вдруг его рука замерла в воздухе, а в глазах появилось изумление.

Рядом с пивной банкой сидело существо размером примерно в два дюйма, с человеческим лицом, телом льва и крыльями.

— Мини-сфинкс,— продолжал объяснять голос.— Они появились тогда, когда вы покончили с вирусом оспы.

— Ты что, хочешь сказать, будто стоит какому-нибудь живому существу исчезнуть с лица Земли, как его место занимает существо мифическое? — спросил Мартин.

— Конечно. Так было не всегда, однако вы разрушили механизмы эволюции. Теперь баланс восстанавливается благодаря тем, кто живет в Стране Утренней Зари,— нам никогда и ничто по-настоящему не угрожало. Мы вернемся, когда придет наше время.

— А ты — кем бы ты ни был, Тлингель,— ты говоришь, что человечеству угрожает опасность, и весьма серьезная. Только вот ты ничего не можешь с этим поделать, не правда ли? Давай играть дальше.

Сфинкс улетел. Мартин сделал глоток пива и побил пешку.

— А кто,— спросил он после этого,— станет нашими преемниками?

— Ну, это, вероятно, не очень скромно,— ответил Тлингель,— но, когда речь идет о столь продвинутом виде живых существ, как вы, преемниками должны стать самые красивые, самые умные и самые могущественные из нас.

---

* Мохнатые человекообразные существа, по преданиям, живущие в Канаде.

** Морские чудовища, упоминаемые в скандинавских мифах.

— А ты кто? Нельзя ли мне на тебя взглянуть?

— Ну... да, можно. Только мне придется немного потрудиться.

Банка с пивом поднялась в воздух, быстро опустела и покатилась по полу. Затем послышались быстрые цокающие шаги, удаляющиеся прочь от стола. В воздухе рассыпалось множество мерцающих искр, гаснущих и тут же вспыхивающих вновь. В ореоле звездной россыпи проступили иссиня-черные пятна. Едва уловимое движение — и танцующий вихрь пронесся по старому скрипучему полу бара, выбивая чечетку и оставляя крошечные следы раздвоенных копыт. Последняя ослепительная вспышка — и глазам потрясенного Мартина предстала удивительная картина.

Перед ним стоял черный единорог с желтыми насмешливыми глазами. Он на мгновение поднялся на дыбы — продемонстрировав классическую позу единорога, как их принято изображать на гербах. Радужные огни полыхали еще несколько мгновений, а потом исчезли.

Мартин отшатнулся и поднял руку, словно пытаясь защититься.

— Смотри на меня! — приказал Тлингель.— Тебе явился древний символ мудрости, отваги и красоты!

— А мне казалось, что единороги обычно бывают белыми,— сказал Мартин.

— Я изначальный,— ответил Тлингель, опустив передние копыта,— и обладаю достоинствами, которыми не наделены обычные единороги.

— Например?

— Давай играть дальше.

— А как насчет судьбы человечества? Ты сказал...

— Потом поболтаем.

— Уничтожение человечества кажется мне не совсем подходящей темой для светского разговора.

— А если у тебя есть еще немного пивка...

— Ладно,— сказал Мартин и направился к своему рюкзаку, а необычное существо, чьи глаза пламенели, точно

два бледных солнца, приблизилось к столу.— Есть светлое пиво.

Однако игра потеряла для Мартина интерес. Тлингель сидел, опустив голову, а человек чувствовал себя насекомым, которое вот-вот пронзит эбеновый рог. Стоило ему увидеть сказочное существо, как он почувствовал беспокойство... да еще эти разговоры о неминуемом Судном дне. Если бы Мартин услышал подобное от какого-нибудь заурядного пессимиста, то просто не обратил бы на них ни малейшего внимания, но из уст столь невероятного существа...

Возникшее ранее возбуждение исчезло. Он потерял необходимую концентрацию. А Тлингель был хорошим игроком. Очень хорошим. «Интересно,— подумал Мартин,— смогу я сделать пат?»

Прошло совсем немного времени, он понял, что у него ничего не выйдет, и сдался.

Тлингель посмотрел на него и улыбнулся.

— Ты неплохо играешь — для человека,— похвалил единорог.

— Бывали случаи, когда у меня получалось лучше.

— Знай, смертный, проиграть мне не стыдно. Даже среди мифических существ мало кто может оказать достойное сопротивление единорогу в шахматной игре.

— Я рад, что тебе было не очень скучно,— проговорил Мартин.— Ну а теперь скажи, что ты имел в виду, когда говорил об уничтожении моего вида?

— Ах это,— протянул Тлингель.— В Стране Утренней Зари, населенной существами, подобными мне, предчувствие вашего возможного исчезновения коснулось моих ноздрей, словно легкий, нежный ветерок, словно обещание дороги, которую вы освободите для нас...

— А как это произойдет?

Тлингель пожал плечами, тряхнул головой, и его рог вычертил в воздухе причудливый узор.

— По правде говоря, я и сам не знаю. Предчувствия редко бывают определенными. Знаешь, ведь именно за этим я сюда и прибыл. Чтобы понять. Мне давно следовало заняться делом, только ты отвлек меня — пивом и хорошей партией.

— А ты можешь ошибаться?

— Едва ли. Это еще одна из причин, по которой я здесь.

— Объясни, пожалуйста, я не понимаю.

— А пиво еще осталось?

— Кажется, две банки.

— Будь любезен.

Мартин поднялся из-за стола и принес пиво.

— Проклятье! На одной из банок сломалась крышка,— сердито сказал он.

— Поставь на стол и держи покрепче.

— Ну?

Едва уловимое движение — и Тлингель пронзил крышку рогом.

— Можно использовать для самых разных целей,— заметил он, вынимая рог.

— Еще одна из причин, по которой ты здесь...— подсказал Мартин.

— Ну, просто я особенный. И могу делать вещи, недоступные другим.

— Какие?

— Например, могу отыскать ваши слабые места и повлиять на события так, чтобы использовать их с целью... приблизить... превратить вероятность в реальную возможность, а потом...

— Ты собираешься нас уничтожить? Ты сам?

— Не совсем правильная трактовка проблемы. Это скорее напоминает шахматную партию: чтобы выиграть, совсем не обязательно демонстрировать собственную силу — достаточно воспользоваться слабостью противника. Если бы вы не создали соответствующих условий, я ничего не смог бы сделать. В моих силах повлиять только на то, что уже существует.

— Ну, и что же это будет? Третья мировая война? Экологическая катастрофа? Какая-нибудь хитрая эпидемия?

— Пока еще не знаю, и тебе не следует разговаривать со мной в таком тоне. Повторяю, в данный момент я только наблюдаю. Всего лишь разведчик...

— У меня такого впечатления не сложилось.

Тлингель молчал. Мартин стал складывать фигуры.

— Ты больше не собираешься играть?

— Чтобы еще немного развлечь того, кто намеревается нас всех истребить? Большое спасибо.

— Ты неправильно понял...

— Кроме того, пиво кончается.

— А-а-а.— Тлингель с грустью следил за тем, как исчезают в ящике стола шахматные фигуры, а потом вдруг сказал: — Я бы поиграл с тобой еще и без дополнительного подкрепления...

— Нет, благодарю.

— Сердишься.

— А ты на моем месте чувствовал бы себя иначе?

— Ну, это уже чистой воды антропоморфизм.

— Ты не ответил на вопрос.

— Да, пожалуй, я тоже был бы недоволен.

— Ты мог бы дать человечеству еще одну возможность... Ну, хотя бы позволь нам самим совершить свои ошибки.

— Сами-то вы не очень заботились о тех существах, преемниками которых стали мои друзья.

Мартин покраснел.

— Ладно, считай, одно очко за тобой. Только я все равно не обязан радоваться той перспективе, что ты нарисовал.

— Ты хороший шахматист. Я знаю...

— Тлингель, я мог бы тебя обыграть, если бы как следует постарался.

Единорог фыркнул, выпустив два крошечных колечка дыма.

— Не настолько хорошо ты играешь,— проговорил он.

— А откуда тебе знать?

— Это звучит как предложение.

— Может быть. На что ты готов сыграть?

Тлингель захихикал:

— Давай попробую угадать: ты собираешься сказать, что, если победишь, я должен буду пообещать не воздействовать на самое слабое звено в цепи существования человечества.

— Конечно.

— А что получу я, если выиграю?

— Удовольствие от игры. Ты же именно этого хочешь, разве я не прав?

— Условия кажутся мне несколько несправедливыми.

— Вовсе нет — особенно в случае твоей победы. Ты же сам все время повторяешь, что именно так и будет.

— Ладно. Расставляй фигуры.

— Прежде чем мы начнем, я должен сообщить тебе кое-что о себе.

— Что?

— Я плохо играю в критических ситуациях, а эта партия будет очень напряженной. Ты хочешь, чтобы я играл, максимально используя свои способности, ведь так?

— Да, но боюсь, я не смогу повлиять на твои эмоции и подогнать их под условия нашего матча.

— Мне кажется, я и сам в состоянии с этим справиться, если между ходами у меня будет больше времени, чем принято обычно.

— Согласен.

— Я имел в виду — много времени.

— Что ты задумал?

— Мне будет необходимо отвлечься, расслабиться, иметь возможность обдумать положение на доске так, будто это всего лишь обычная задача, не более того...

— Иными словами, ты хочешь получить возможность уезжать отсюда... между ходами?

— Да.

— Хорошо. На сколько?

— Ну, не знаю. Может быть, на несколько недель.

— Месяц. Сможешь проконсультироваться со специалистами, подключить к игре компьютеры. Игра получится невероятно интересная.

— Я не собирался этого делать.

— Значит, ты просто пытаешься выиграть время.

— Не стану отрицать. С другой стороны, мне это необходимо.

— В таком случае у меня есть условия. Я бы хотел, чтобы ты привел в порядок это место, сделал его более уютным. Сейчас тут противно находиться. И привези пива.

— Ладно. Об этом я позабочусь.

— Тогда я согласен. Давай решим, кто будет ходить первым.

Мартин несколько раз под столом переложил из одной руки в другую черную и белую фигуры. Протянул сжатые кулаки вперед. Тлингель наклонился и коснулся кончиком черного рога левой руки Мартина.

— Очень идет к моей гладкой, блестящей шкуре,— торжественно объявил единорог.

Мартин улыбнулся, расставляя белые фигуры для себя и черные для своего противника. Закончив, сделал первый ход — поставил пешку на e4.

Подняв изящное эбеновое копыто, Тлингель передвинул черную королевскую пешку на e5.

— Насколько я понимаю, теперь тебе требуется месяц, чтобы решить, каким будет следующий ход?

Мартин ничего не сказал, лишь передвинул коня на f3. Тлингель немедленно двинул своего коня на c6.

Мартин сделал глоток пива и поставил слона на b5. Единорог сделал ход конем на f6. Мартин тут же рокировался, а Тлингель побил конем его пешку.

— Мне кажется, мы справимся,— неожиданно сказал Мартин,— если только вы оставите нас в покое. Мы способны учиться на своих ошибках — по прошествии некоторого времени.

— Мифические существа обитают не совсем во времени. Ваш мир — это особый случай.

— А разве вы никогда не ошибаетесь?

— Ну, когда мы совершаем ошибки, они носят поэтический характер.

Мартин фыркнул и передвинул пешку на d4. Тлингель тут же ответил тем, что поставил коня на d6.

— Пора сделать перерыв,— вставая, сказал Мартин.— Я начинаю сердиться, а это обязательно скажется на игре.

— Ты уходишь?

— Да.

Он подошел к рюкзаку у стены.

— Увидимся здесь через месяц?

— Да.

— Отлично.

Единорог поднялся, несколько раз топнул, и на его темной шкуре заплясали мириады разноцветных огоньков. Неожиданно они вспыхнули ослепительным сиянием и разлетелись в разные стороны. Место, где мгновение назад находился Тлингель, окутал густой мрак.

Мартин вдруг обнаружил, что стоит, прислонившись к стене, и дрожит. Убрал от лица руки и понял, что остался один, если не считать, конечно, шахматных фигур.

Он вышел из бара.

Мартин вернулся через три дня на небольшом грузовичке, привез с собой генератор, строительные материалы, окна, инструменты, краски, морилку, чистящие средства, мастику. Обработал пылесосом все помещение и заменил подгнившие половицы и оконные рамы. Отполировал до блеска все медные части. Вычистил, покрасил и натер полы. Заделал дыры и отмыл стекла. Выбросил весь мусор.

Чтобы превратить эту помойку в нечто снова напоминающее бар, ему потребовалась почти неделя. Затем он уехал, вернул инструменты, которые брал напрокат, и купил билет на северо-запад.

Когда ему нужно было подумать или он просто хотел провести время на природе, Мартин отправлялся в этот огромный сырой лес. Он стремился к полной перемене обстановки, чтобы получить возможность взглянуть на ситуацию другими глазами. Впрочем, следующий ход казался ему совершенно очевидным — скорее даже традиционным. И все же что-то его беспокоило...

Он знал, что дело тут не только в игре. Еще до встречи с единорогом он почувствовал необходимость бросить все и снова пройтись по сонному, тенистому лесу, вдыхая напоенный особыми ароматами прозрачный воздух.

Прислонившись спиной к вылезшему из земли корню гигантского дерева, Мартин достал из рюкзака небольшую шахматную доску и утвердил ее на камне. Восстановил начало партии до того момента, когда Тлингель двинул коня на d6. Самым простым решением было бы побить коня слоном. Но он не стал этого делать.

Некоторое время Мартин внимательно разглядывал доску, почувствовал, что слипаются глаза, не стал противиться и вскоре задремал. Прошло, наверное, всего несколько минут. Мартин так никогда и не узнал, как это было на самом деле.

Что-то его разбудило. Он не понял что. Немного поморгал и снова закрыл глаза. А потом поспешно открыл их.

Поскольку Мартин сидел, опустив голову, то первым делом он заметил пару лохматых босых ног — таких больших ему еще никогда не доводилось видеть. Ноги стояли неподвижно, прямо перед ним, а пальцы были направлены немного правее.

Медленно — невероятно медленно — Мартин поднял глаза. Не очень высоко, как выяснилось тут же. Странное существо было всего четырех с половиной футов ростом. А поскольку смотрело оно скорее на шахматную доску, чем на Мартина, тот воспользовался возможностью и пригляделся повнимательнее.

Одежды никакой он не заметил, но существо в ней и не нуждалось — роскошная пушистая темно-коричневая шерсть. Очевидно, оно было мужского пола. Низкие нависшие брови, глубоко посаженные глаза того же цвета, что и шерсть, широкие плечи, пятипалые руки с далеко отставленными большими пальцами.

Неожиданно существо повернулось, посмотрело на Мартина и широко улыбнулось, продемонстрировав множество ослепительно белых зубов.

— Белая пешка должна побить черную,— проговорило существо тихим, немного гнусавым голосом.

— В самом деле? Вот уж нет,— сказал Мартин.— Слон должен брать коня.

— Хочешь, чтобы я взял себе черные фигуры и сыграл по-твоему? Я тебя растопчу.

Мартин опасливо посмотрел на ноги странного существа.

— Или давай мне белые, тогда я съем вот эту пешку. Я все равно смогу тебя обыграть.

— Бери белые,— выпрямляясь, проговорил Мартин.— Давай проверим, понимаешь ли ты что-нибудь в том, о чем так уверенно рассуждаешь.— Он потянулся к рюкзаку.— Пива хочешь?

— А что такое пиво?

— Дополнительное подкрепление во время отдыха. Подожди минутку.

Они еще не успели прикончить упаковку пива, а сасквоч — которого звали Гренд, как вскоре выяснил Мартин,— разнес его в пух и прах. Гренд довольно быстро и неожиданно перешел в миттельшпиль, оттеснил Мартина на весьма сомнительную позицию, из которой, как вскоре выяснилось, спасения не было. Мартин сдался.

— Отличная была партия,— объявил он, откинувшись на древесный корень и разглядывая обезьяноподобное существо, стоящее перед ним.

— Да, мы, большеногие, великолепные игроки, если мне позволительно так говорить. Шахматы — наше любимое времяпрепровождение, но мы такие дикие и примитивные, что у нас нет ни шахматных досок, ни фигур. Главным образом мы играем вслепую. Зато с нами почти никто не может сравниться.

— А как насчет единорогов? — поинтересовался Мартин.

Гренд медленно кивнул:

— Пожалуй, только с ними нам интересно играть. Они немного осторожничают, но игру ведут тонко. Ужасно уверенные в себе, надо сказать. Даже когда ошибаются.

Правда, мне не доводилось видеть ни одного с тех пор, как мы покинули Страну Утренней Зари. Плохо. А у тебя пива еще не осталось?

— К сожалению, нет. Слушай, я вернусь через месяц. И если ты придешь и поиграешь со мной, принесу пива.

— Договорились, Мартин. Ой, извини, я нечаянно наступил тебе на ногу.

Мартин снова навел в баре порядок, а ящик пива задвинул под стойку, обложив предварительно кусками льда. Втащил купленные по дешевке табуретки, стулья и столы. Повесил красные шторы. К тому моменту, как он покончил с делами, опустился вечер. Тогда он расставил на доске фигуры, перекусил, расстелил спальный мешок за стойкой и провел там ночь.

Следующий день пролетел незаметно. Поскольку Тлингель мог появиться в любой момент, Мартин никуда не уходил, ел там же и проводил время за решением шахматных задач. Когда начало темнеть, он зажег несколько масляных ламп и свечей.

Стал слишком часто посматривать на часы. Принялся расхаживать взад и вперед. Он не мог ошибиться. Это был тот самый день. Ему...

Вдруг Мартин услышал тихий смех.

Обернувшись, он увидел, как в воздухе над доской висит голова черного единорога. В следующий миг его глазам предстало и все тело Тлингеля.

— Добрый вечер, Мартин,— проговорил тот, отвернувшись на секунду от доски.— Тут теперь гораздо приятнее. Не хватает только музыки...

Мартин подошел к стойке бара и включил маленький транзисторный приемник, который привез с собой. В воздухе поплыли мелодичные звуки струнного квартета. Тлингель поморщился:

— Не очень-то подходит к обстановке.

Мартин поискал другие станции, нашел концерт западной фольклорной музыки.

— Нет, снова не то,— заявил Тлингель.— По радио это звучит не так красиво.

Мартин выключил приемник.

— Как с напитками? Ты запасся пивом, как обещал?

Мартин достал кружку, в которую вмещался целый галлон пива,— самую большую из тех, что ему удалось обнаружить в магазине,— и поставил на стойку. Наполнил себе другую, поменьше. Он решил напоить единорога, если это вообще возможно.

— Да, вот это другое дело... Не то что твои малюсенькие баночки,— обрадовался Тлингель и засунул в кружку нос всего на одно короткое мгновение.— Просто отлично.

Кружка была пуста. Мартин снова ее наполнил.

— Поставь на столе около меня, будь так любезен.

— Конечно.

— Интересно провел время?

— Пожалуй, да.

— Решил, каким будет следующий ход?

— Да.

— Тогда начнем.

Мартин уселся за стол и побил пешку.

— Хмм, забавно.

Тлингель довольно долго смотрел на доску, затем поднял раздвоенное копыто, которое раскрылось, когда он потянулся к фигуре.

— Пожалуй, возьму-ка я твоего слоника вот этим симпатичным коньком. Ну а теперь, я полагаю, тебе потребуется еще месяц, чтобы решить, что делать дальше.

Тлингель откинулся на спинку стула и осушил кружку.

— Дай подумать,— ответил Мартин.— А пока налью-ка тебе еще.

Мартин сидел и смотрел на доску, а единорог тем временем проглотил еще три кружки. Мартин вовсе не обдумывал свой следующий ход. Потому что ждал. Он сам в ответ на ход Гренда побил конем слона и помнил, что сделал после этого Гренд.

— Ну? — наконец проговорил Тлингель.— Придумал?

Мартин сделал небольшой глоток.

— Почти,— ответил он.— А ты отлично пьешь пиво, совсем не пьянеешь.

Тлингель рассмеялся:

— Рог единорога нейтрализует алкоголь. Тот, кто им обладает, владеет универсальным лекарством. Я жду, когда дойду до состояния приятного легкого головокружения, а затем мой рог уничтожает излишки... И вот я снова в норме.

— Здорово,— восхитился Мартин.

— Если ты немного перебрал, дотронься до моего рога всего на одно короткое мгновение, и опять будешь в форме.

— Нет, спасибо. Я в порядке. Пожалуй, поставлю эту пешечку на две клетки перед ладьей.

— Так-так...— сказал Тлингель.— Интересно. Знаешь, чего этому месту не хватает? Рояля... Слушали бы блюзы... Организуешь?

— Я не умею играть.

— Жаль.

— Можно нанять пианиста.

— Нет. Я не хочу, чтобы меня видел кто-нибудь еще из людей.

— Ну, если пианист знает свое дело, он мог бы играть с завязанными глазами.

— Нет, не стоит.

— Мне очень жаль.

— А ты хитер. Не сомневаюсь, что к следующему разу ты что-нибудь еще придумаешь.

Мартин кивнул.

— Слушай, мне казалось, в этих заведениях было принято посыпать пол опилками?

— Кажется, да.

— Вот было бы здорово.

— Шах.

Тлингель целую минуту разглядывал доску.

— Да. Я имел в виду «да». И сказал «шах». Иногда это тоже означает «да».

— А, понятно. Ну, раз уж мы об этом заговорили...

Тлингель поставил пешку на d6.

Мартин удивился. Потому что Гренд сделал тогда совсем другой ход. Несколько секунд он колебался, раздумывая, не продолжить ли ему игру с этого места самостоятельно. До сих пор Гренд представлялся ему чем-то вроде тренера. Он заставлял себя не думать о том, что самым грубым образом сталкивает одного с другим. Пока пешка не пошла на d6. Тогда он вспомнил ту партию, что проиграл сасквочу.

— Тут поставим точку,— сказал он.— И расстанемся на месяц.

— Хорошо. Давай выпьем еще пивка, прежде чем пожелать друг другу спокойной ночи. Хочешь?

— Почему бы и нет?

Они сидели, и Тлингель рассказывал Мартину про Страну Утренней Зари, о первобытных лесах и зеленых лугах, о высоких горах и пурпурных морях, о волшебстве и мифических существах.

Мартин покачал головой.

— Не понимаю, почему вас так тянет сюда,— задумчиво проговорил он,— когда ваш мир так прекрасен.

Тлингель вздохнул:

— Ну, не можем же мы отставать от грифонов. Сейчас самое время это сделать. Ладно, до встречи через месяц...

Тлингель поднялся и повернулся, собираясь уйти.

— Теперь я полностью контролирую ситуацию. Смотри!

Единорог потускнел, потерял форму, стал белым, снова потускнел и исчез, словно остаточное изображение на телеэкране.

Мартин подошел к бару и налил себе еще кружку. Стыдно было оставлять такое хорошее пиво. Утром он пожалел, что единорога уже нет. Сейчас он бы ему очень пригодился — ну, если не он сам, так его рог.

День в лесу выдался серым, и Мартину пришлось держать над доской зонтик. Капли дождя стекали с листьев и с негромким глухим стуком ударялись о ткань зонта.

На доске была поставлена позиция, получившаяся после того, как Тлингель двинул пешку на d6. «Интересно,— подумал Мартин,— не забыл ли Гренд о нашем уговоре? Да и вообще, следил ли за течением времени?»...

— Привет,— произнес гнусавый голос немного сзади и слева.

Мартин обернулся и заметил Гренда, шагающего через массивные корни не менее массивными ногами.

— Ты не забыл,— радостно проговорил Гренд.— Как хорошо! Надеюсь, и про пиво ты тоже не забыл?

— Я принес с собой целую сумку. Мы можем устроить бар прямо здесь.

— А что такое бар?

— Ну, это такое место, где люди собираются выпить. Там царит полумрак — чтобы создать нужную атмосферу. Все сидят на табуретах вокруг стойки или устраиваются за маленькими столиками и еще разговаривают. Иногда играет музыка. И все пьют.

— И все это у нас будет?

— Нет. Только полумрак и выпивка. Если, конечно, не считать дождик музыкой.

— А-а. Бар, похоже, симпатичное место.

— Да. Если ты подержишь зонтик над доской, я постараюсь создать нужную атмосферу.

— Ладно. Слушай, а ведь это один из вариантов той партии, которую мы разыгрывали в прошлый раз.

— Верно. Меня заинтересовало, что будет, если я пойду сюда, а не туда.

— Хм. Дай-ка немного подумать...

Мартин достал из рюкзака четыре упаковки пива, в каждой по шесть банок, и вскрыл первую.

— Угощайся.

— Благодарю.

Гренд взял банку, присел на корточки и передал зонтик Мартину.

— У меня все еще белые? — спросил сасквоч.

— Угу.

— Пешка на e6.

— В самом деле?

— Да.

— Мне ничего не остается, как съесть ее своей пешкой.

— Давай. А я после этого подкреплюсь твоим конем.

— Ну, я просто отойду конем обратно на e2.

— Прогуляюсь-ка своим на c3. Могу я взять еще пива?

Через час с небольшим Мартин сдался. Дождь кончился, и он сложил зонтик.

— Еще партию? — предложил Гренд.

— Давай.

День клонился к вечеру. Напряжение оставило Мартина. Теперь он играл только для удовольствия. Он попытался провести безумно длинную и сложную комбинацию, отлично все видел на много ходов вперед — совсем как в тот день...

— Пат,— объявил Гренд спустя несколько часов.— Отличная, однако, получилась партия. Ты играл сегодня намного лучше.

— Просто мне удалось расслабиться. Хочешь сыграть еще?

— Может быть, немного попозже. Расскажи мне о барах.

Так Мартин и сделал.

— А как на тебя действует пиво? — спросил он.

— Все немного в тумане. Но я в норме. И в третьей партии тебе не поздоровится.

Гренд выполнил свое обещание.

— Для человека ты играешь неплохо. Совсем даже неплохо. Придешь сюда в следующем месяце?

— Приду.

— Хорошо. Принесешь еще пива?

— Если хватит денег.

— Ага. Тогда в следующий раз прихвати с собой гипс. Я оставлю хорошие следы, а ты сделаешь с них слепок. Насколько мне известно, за них дают неплохие деньги.

— Постараюсь не забыть.

Мартин поднялся на ноги и собрал шахматные фигуры.

— До встречи.

— Чао.

Мартин еще раз навел порядок в баре, привез рояль и посыпал пол опилками. Приготовил бочку со свежим пивом. Развесил на стенах рекламные плакаты и жуткие старые картины, которые купил за бесценок в магазине у старьевщика. Расставил в нескольких стратегических местах плевательницы. Закончив, уселся у стойки и открыл бутылку минеральной воды. Он сидел и слушал, как стонет и жалуется ветер из Нью-Мексико и как в оконные стекла стучат песчинки.

«Неужели,— подумал Мартин,— во всем мире останутся лишь подобные звуки, когда Тлингель найдет способ помочь человечеству покончить с собой, или — тревожная мысль — те, что придут вслед за людьми, превратят планету в нечто напоминающее мифическую Страну Утренней Зари?»

Некоторое время эти мысли не давали Мартину покоя. Потом он поставил позицию, которая получилась после того, как черные пошли пешкой на d6. Когда же он обернулся, чтобы прибрать на стойке бара, то заметил на посыпанном опилками полу цепочку изящных следов маленьких копыт.

— Добрый вечер, Тлингель,— сказал он.— Что пожелаешь?

На этот раз единорог возник без каких бы то ни было пиротехнических эффектов. Он подошел к бару и положил одно копыто на стойку.

— Как обычно.

Пока Мартин наливал пиво, Тлингель осмотрелся.

— А здесь стало посимпатичнее.

— Я рад, что тебе нравится. Хочешь послушать музыку?

— Да.

Мартин повозился с задней панелью рояля и нашел кнопку, включившую маленький компьютер на батарейках, который управлял музыкальным механизмом. Клавиши ожили.

— Прекрасно,— заявил Тлингель.— Ты нашел свой ход?

— Нашел.

— Ну, тогда приступим.

Мартин наполнил опустевшую кружку единорога и направился к столу, прихватив свою.

— Пешка на e6,— сказал он, делая ход.

— Что такое?

— Да, вот так-то.

— Подожди-ка минуточку. Я хочу изучить позицию как следует.

— Мы же никуда не торопимся.

— Я возьму пешку,— задумчиво проговорил Тлингель после длительного раздумья и очередной кружки пива.

— Тогда я съем коня.

— Конь на e2,— отозвался через некоторое время Тлингель.

— Конь c6.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем Тлингель принял решение и передвинул своего коня на g6.

«А, к дьяволу,— неожиданно подумал Мартин.— Не буду спрашивать у Гренда».

Такая позиция уже не раз стояла у него на доске. Мартин пошел конем на g5.

— Смени-ка мелодию на этой штуке! — проворчал Тлингель.

Мартин выполнил его просьбу.

— Эта мне тоже не нравится. Найди что-нибудь получше или выключи совсем!

После трех безуспешных попыток отыскать что-нибудь подходящее Мартин выключил музыкальный компьютер.

— И принеси еще пива!

Мартин наполнил кружки.

— Хорошо.

Тлингель решил пойти слоном на e7.

Сейчас главное — помешать ему рокироваться. Мартин пошел ферзем на h5. Тлингель издал тихий сдавленный звук. Мартин поднял на него глаза и увидел, что из ноздрей единорога медленно поднимается легкий дымок.

— Еще пива?

— Если тебе нетрудно.

Когда Мартин вернулся с полными кружками, Тлингель побил коня слоном. У Мартина не было выбора, однако он довольно долго изучал позицию.

— Слон бьет слона,— наконец сказал он.

— Естественно.

— Как насчет приятного легкого головокружения?

Тлингель усмехнулся:

— Еще увидишь.

Снова поднялся ветер. Сердито зарыдал, завыл. Старое здание не выдержало и принялось жалобно скрипеть.

— Ну что ж,— решился Тлингель и передвинул своего ферзя на d7.

Мартин пристально посмотрел на доску. Что он делает? До этого момента все шло хорошо, но... Он снова прислушался к вою ветра и подумал о том, как ужасно рискует.

— Вот и все, ребята,— сказал он, откидываясь на спинку стула.— Продолжение в следующем месяце.

Тлингель вздохнул:

— Не уходи. Принеси еще пива. А я расскажу тебе о том, как провел этот месяц в вашем мире.

— Искал слабые звенья?

— У вас их великое множество. Это же невозможно терпеть.

— Знаешь, исправить ошибки не так просто, как тебе кажется. Может, дашь какой-нибудь совет?

— Неси пиво.

Они проговорили до тех пор, пока на востоке не посветлело небо. Мартин делал записи — незаметно. Он вдруг понял, что восхищен аналитическими способностями единорога.

Наконец Тлингель встал из-за стола. Покачнулся.

— Ты в порядке?

— Просто забыл про свой нейтрализатор. Секундочку. А потом я исчезну.

— Подожди!

— Чего?

— Мне бы тоже не помешало.

— Ах да. Тогда давай хватайся.

Тлингель опустил голову, и Мартин уцепился пальцами за кончик рога. Тут же его окутало восхитительное тепло. Он закрыл глаза — таким удивительно приятным было ощущение. В голове прояснилось. А боль, которая совсем недавно начала пульсировать где-то в висках, совсем прошла. Усталость отпустила мышцы, и он снова открыл глаза.

— Спа...

Тлингеля нигде не было. А в руке Мартин держал пригоршню пустоты.

— ...сибо.

— Вот Раэль, мой друг,— объявил Гренд.— Он — грифон.

— Я заметил.

Мартин кивнул в сторону златокрылого существа с длинным клювом.

— Приятно познакомиться, Раэль.

— И мне,— пронзительно прокричал грифон.— А у тебя пиво есть?

— А... ну... да.

— Я ему много про пиво рассказывал,— объяснил Гренд извиняющимся голосом.— Ты можешь ему дать из моей порции. Он не будет нам мешать и советов давать не будет.

— Конечно. Твой друг...

— Пиво! — завопил Раэль.— Бары!

— Он вообще-то не очень умный,— прошептал Гренд.— Но с ним весело. Я буду тебе признателен, если ты не станешь его обижать.

Мартин открыл первую упаковку пива и передал грифону и сасквочу по банке.

Раэль мгновенно проткнул крышку клювом, вылакал содержимое, икнул и протянул когтистую лапу.

— Пива! — взвыл он.— Еще пива!

Мартин протянул ему банку.

— Слушай, а ты все время возвращаешься к той, первой игре, правда? — заметил Гренд, внимательно изучая доску.— Ой-ой-ой, какая интересная позиция.

Он выпил свое пиво и занялся доской.

— Хорошо, что дождя нет,— проговорил Мартин.

— Скоро пойдет. Подожди — и увидишь.

— Еще пива! — заверещал Раэль.

Мартин, не глядя в его сторону, передал ему новую банку.

— Я ставлю пешку на b6,— объявил сасквоч.

— Шутишь?

— Не-е-е. А потом ты съешь эту пешку своей слоновой пешкой. Так?

— Ну...

Мартин проделал все так, как сказал Гренд.

— Хорошо. А теперь я хожу этим конем на d5.

Мартин съел его пешкой.

Гренд поставил ладью на e1.

— Шах,— провозгласил он.

— Да. Именно так и нужно сделать,— заметил Мартин.

Гренд весело фыркнул.

— Я выиграю эту партию и в следующий раз,— сообщил он.

— Очень даже может быть.

— Еще пива,— тихонько пролепетал Раэль.

— На, получай.

Когда Мартин передавал грифону очередную банку, он заметил, что мифическое существо прислонилось к стволу дерева. Прошло несколько минут, и Мартин передвинул своего короля на f8.

— Я был уверен, что ты именно так и сделаешь,— прокомментировал Гренд.— А знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Ты играешь очень похоже на единорога.

— Неужели?

Гренд поставил ладью на a3.

Потом, когда пошел легкий дождик и Гренд снова выиграл у него, Мартин заметил, что они почти все время молчат. Он посмотрел на грифона. Раэль, спрятав голову под левое крыло, стоял на одной ноге, тяжело привалившись к дереву.

— Я же говорил тебе, что он не будет мешать,— заметил Гренд.

Еще через две партии, когда пиво кончилось, а тени заметно удлинились, Раэль зашевелился.

— До встречи через месяц?

— Да.

— Ты принес гипс?

— Принес.

— Тогда пошли. Я знаю одно подходящее место довольно далеко отсюда. Мы ведь не хотим, чтобы люди болтались где-нибудь рядом, правда? Давай поможем тебе с деньгами.

— На пиво? — спросил Раэль, выглядывая из-за крыла.

— Через месяц.

— Полетишь со мной?

— Не думаю, что сегодня ты сможешь нести нас обоих,— сказал Гренд,— так что эта перспектива меня совсем не привлекает.

— Тогда привет! — завопил Раэль и, взлетев в воздух, немедленно врезался в кусты, с трудом избежал столкновения с деревом и благополучно исчез.

— Вот так уходят по-настоящему порядочные ребята,— сказал Гренд.— Он все замечает и ничего не забывает. Знает, как все устроено — в лесу, в небе и даже в воде. И еще он очень щедрый, когда у него что-нибудь есть.

— Хмм,— глубокомысленно заметил Мартин.

— Пойдем делать следы,— предложил Гренд.

— Пешка на c6? В самом деле? — спросил Тлингель.— Ладно. Слоновая пешка бьет твою.

Глаза Тлингеля сузились, когда Мартин поставил коня на d5.

— У нас получилась интересная партия,— заметил единорог.— Пешка берет коня.

Мартин передвинул ладью.

— Шах.

— Да, естественно. Перед следующим ходом нужно как следует промочить горло. Это будет трехкружечный ход. Будь добр, принеси мне первую.

Мартин молча наблюдал за Тлингелем, который потягивал пиво, пристально глядя на доску. Ему даже стало немного стыдно за то, что он пользуется помощью столь сильного игрока, как сасквоч. Теперь Мартин был уверен, что единорог обречен на поражение. Во всех вариантах этой партии, которые он пробовал, играя против Гренда черными, Мартин терпел поражение. Тлингель играл здорово, но сасквоч почти все свободное время — а он всегда был свободен — тратил на шахматы, играя вслепую. Это не совсем честно. Однако тут не до соблюдения кодекса чести, напомнил себе Мартин. Он играл, чтобы защитить людей от сверхъестественной силы, которая может развязать третью мировую войну посредством воздействия на разум военных или при помощи волшебства перепутать все в компьютерах... Нет, он не может делать этому существу поблажек.

— Кружку номер два, пожалуйста.

Мартин принес пиво. И принялся разглядывать единорога, который неотрывно смотрел на доску. Впервые до Мартина дошло, что это самое прекрасное существо из всех, что ему доводилось видеть. Теперь, когда он наблюдал за своим противником без страха, который раньше постоянно присутствовал, Мартин смог насладиться изумительным зрелищем. Если кому-то и суждено заменить человеческую расу, то это далеко не худший вариант...

— А теперь номер три.

— Сейчас, сейчас.

Тлингель осушил кружку и пошел королем на f8.

Мартин быстро наклонился вперед и поставил ладью на поле a3.

Тлингель поднял глаза и пристально посмотрел на него.

— Неплохо.

Мартину стало стыдно. Его вдруг поразило благородство существа, сидящего напротив. Ему страшно захотелось сыграть с единорогом еще раз и выиграть у него в честной борьбе. А не таким способом.

Тлингель бросил на доску почти равнодушный взгляд и небрежно переместил коня на e4.

— Твой ход. Или ты опять будешь думать целый месяц?

Мартин что-то проворчал себе под нос и побил коня ладьей.

— Конечно.

Тлингель съел ладью пешкой. В последнем варианте партии с Грендом события развивались иначе. И все же...

Он двинул ладью на f3. В этот момент ветер, пролетая сквозь дверные проемы развалившихся зданий, вдруг душераздирающе взвыл прямо у них над головами.

— Шах! — объявил Мартин.

«Ну и черт с ним! — решил он.— Я достаточно хорош, чтобы самостоятельно довести этот эндшпиль до конца. Посмотрим, что получится».

Мартин сидел и молча ждал, пока Тлингель не сделал ход королем на g8.

Потом поставил слона на h6. Тлингель пошел ферзем на e7. Где-то совсем близко ревел ветер. Мартин взял пешку слоном.

Единорог поднял голову, казалось, он к чему-то прислушивается. Потом опять склонился над доской и побил слона королем.

Мартин поставил ладью на поле g3.

— Шах.

Тлингель вернулся королем на f8.

Мартин передвинул ладью на f3.

— Шах.

Тлингель двинул короля на поле g7.

Мартин вернул ладью на g3.

— Шах.

Тлингель снова поставил короля на f8 и, усмехнувшись, пристально посмотрел на своего противника.

— Похоже, у нас получается ничья,— заявил единорог.— Сыграем еще партию?

— Ладно, только не на судьбу человечества.

— Естественно. Я уже давно выбросил эти мысли из головы. Мне тут не приглянулось, и я решил, что не хочу здесь жить. Потому что у меня высокие требования. Только вот этот бар мне нравится.— Тлингель отвернулся, когда вслед за новым порывом ветра послышались какие-то голоса.— А это еще что такое?

— Понятия не имею,— ответил Мартин, вставая.

Двери распахнулись, и в бар вошел золотой грифон.

— Мартин! — воскликнул он.— Пива! Пива!

— Э-э-э... Тлингель, это Раэль и... и...

Вслед за первым вошли еще трое грифонов, а за ними Гренд и три сасквоча.

— А это — Гренд,— неохотно представил приятеля Мартин.— Остальных не знаю.

Узрев единорога, все остановились.

— Тлингель,— сказал один из сасквочей,— я думал, ты все еще в Стране Утренней Зари.

— В некотором смысле я и сейчас там. Мартин, а как это тебе удалось познакомиться с моими земляками?

— Ну... э-э-э... Гренд — мой шахматный тренер.

— Ага! Кажется, начинаю понимать.

— Я не уверен, что ты и в самом деле понял. Однако давайте-ка я вас угощу.

Мартин включил музыкальный компьютер и принес всем по кружке пива.

— Как вам удалось найти это место? — спросил он Гренда, разнося пиво.— И как вы вообще сюда попали?

— Ну...— казалось, Гренд смутился.— Раэль последовал за тобой.

— За самолетом?

— Грифоны летают с невероятной скоростью.

— Понятно...

— Так получилось... Он рассказал своим и моим родственникам о тебе и пиве. Грифоны были решительно настроены тебя навестить. Ну вот, тогда мы посчитали, что следует составить им компанию... Чтобы они не устроили тут какого-нибудь безобразия. Грифоны и привезли нас сюда.

— Ясно... Интересно...

— Теперь я понимаю, почему ты играл похоже на единорога — в той партии, где мы смотрели варианты.

— Э-э-э... да.

Мартин отвернулся и направился в конец бара.

— Устраивайтесь поудобнее, ребята,— пригласил он.— Я хочу сделать небольшое заявление. Тлингель, в одну из наших предыдущих встреч ты обронил несколько замечаний относительно возможных экологических и иных катастроф. Кроме того, у тебя, кажется, были идеи по поводу того, как избежать некоторых из них.

— Припоминаю,— отозвался единорог.

— Я передал твои предложения одному своему высокопоставленному приятелю в Вашингтоне — когда-то мы вместе ходили в шахматный клуб. И признался ему, что придумал все это не сам.

— Надеюсь.

— Тогда он предложил мне создать мозговой центр. И обещал позаботиться о том, чтобы нам за это платили.

— Вообще-то я не собирался спасать ваш мир,— проворчал Тлингель.

— Да, но ты очень помог. А Гренд сказал мне, что грифоны, хотя их словарь несколько ограничен, прекрасно разбираются в экологии.

— Вероятно, так оно и есть.

— Раз уж они унаследовали часть Земли, в их интересах помочь ее сохранять. Коль скоро мы здесь все собрались, мне не нужно будет тратить время на дорогу: предлагаю прямо сейчас выбрать место встречи — ну, например,

этот бар, раз в месяц. На наших совещаниях вы будете делиться со мной своими уникальными идеями. Я думаю, вы знаете о вымерших видах больше, чем кто-нибудь другой в мире.

— Конечно,— сразу согласился Гренд,— стоит пригласить еще и йети. Если хочешь, я могу это сделать. Скажи,— добавил он, указывая на рояль,— то, что доносится из этой большой коробки, называется музыкой?

— Да.

— Мне нравится. Если мы и в самом деле создадим этот мозговой центр, у тебя будет достаточно денег, чтобы содержать это местечко?

— Я смогу купить целый город.

Гренд произнес несколько гортанных фраз, грифоны что-то возбужденно прокричали в ответ.

— Считай, у тебя уже есть мозговой центр,— заявил он.— Они хотят еще пива.

Мартин повернулся к Тлингелю:

— Ты ведь первый обратил внимание на наши проблемы. Что скажешь?

— Будет любопытно,— сказал он,— заглядывать сюда время от времени.— А потом добавил: — Вот так и спасают миры. Кажется, ты хотел сыграть еще одну партию?

— Я ведь теперь ничего не теряю?

Гренд взял на себя обязанности хозяина бара, а Тлингель и Мартин вернулись к столику. Мартин обыграл единорога за тридцать один ход, а потом коснулся его рога. Клавиши рояля опускались и поднимались. Крошечные сфинксы с жужжанием проносились по бару и лакали из лужиц пролитое пиво.

О самой партии. Она игралась в 1901 году в Мюнхене. Халприн против Пиллсбери. Пиллсбери был более сильным игроком. В том турнире он обыграл несколько хороших шахматистов и ему осталось сыграть только одну партию против Халприна, довольно слабого игрока. Однако два других участника турнира, которые совсем немного отставали от Пиллсбери в борьбе за первый приз, реши-

ли преподать ему урок. В ночь перед партией они пришли к Халприну и рассказали ему все, что им удалось узнать о стиле игры Пиллсбери. На следующий день Пиллсбери столкнулся с гораздо лучше подготовленным противником, чем он предполагал. Он понял это только в самый последний момент. Остальные были страшно довольны и уже начали ликовать. Но Пиллсбери все-таки их удивил. И хотя его застали врасплох, он сумел добиться ничьей. В конце концов, он ведь был превосходным игроком. Мартин выступал здесь в роли Халприна, а Тлингель — в роли Пиллсбери. Только вот Мартина нельзя назвать слабым игроком. Он просто нервничал во время первой партии. А кто на его месте был бы спокоен?

Всадник

Когда он являлся громом на холмах, жители деревни спали за закрытыми ставнями и видели сны о добром урожае. Когда он был стальной лавиной, скот начинал скорбно, мучительно мычать, а дети вскрикивали во сне.

Он сотрясал землю копытами, его доспехи были как темная столешница, покрытая серебряными монетами, украденными с ночного неба, когда жители деревни проснулись с обрывками странных ночных видений в головах. Они бросились к окнам и широко распахнули ставни.

А он ехал по узким улицам, и люди не видели его глаз, скрытых забралом.

Когда он останавливался, останавливалось и время. Все замирало.

Не было ни сна, ни полного бодрствования после странных сновидений — о звездах, о крови...

Двери скрипели на кожаных петлях. Масляные лампы трепетали, а затем успокаивались в ровном свечении.

На мэре была ночная рубашка и бесформенная обвисшая шапочка. Он держал лампу в опасной близости от

своих белоснежных висков, протирая костяшками пальцев правый глаз.

Незнакомец не спешился. Держа необычный инструмент одной рукой, он пристально посмотрел на дверной проем.

— Кто ты, приходящий в такой час?

— Я прихожу в любой час. Укажи мне дорогу. Я ищу своих соратников.

Мэр посмотрел на зверя под всадником — тот был белее его бороды, белее снега...

— Что это за зверь?

— Это лошадь, это ветер, это прибой, сметающий скалы. Где мои соратники?

— Что у тебя в руке?

— Это меч. Он пожирает плоть и пьет кровь. Он освобождает души и рассекает плоть. Где мои соратники?

— Эти металлические доспехи на тебе, этот шлем?..

— Броня и скрытность, сталь и анонимность — это защита! Где мои соратники?

— Кто они, те, кого ты ищешь, и откуда ты?

— Я проехал невообразимое расстояние. Я держал путь сквозь туманности, образованные водяными смерчами в звездных реках. Я ищу других — таких, как я сам, тех, что прошли этой дорогой. У нас назначена встреча.

— Я никогда не видел таких, как ты, но на свете есть много деревень. За теми холмами находится еще одна,— он показал в направлении далекого пастбища,— но до нее еще два дня пути.

— Спасибо тебе, человек. Я скоро буду там.

Лошадь встала на дыбы и издала страшный звук. Волна тепла, сильнее, чем от лампы, накрыла мэра, порыв ветра пригнул к земле золотистые, еще не затоптанные стебли.

В отдалении, со склонов холмов, слышался гром.

Всадник исчез, но его последние слова донес ветер:

— Смотрите на небо этой ночью!

Следующая деревня уже была освещена словно роем разбуженных искр от костра, когда топот и звон утихли

перед дверью ее самого большого дома. За окнами появились головы, и любопытные глаза с восхищением наблюдали за великаном, оседлавшим белого зверя.

Мэр, тощий, как столб ворот, на который он тяжело опирался, прочистил нос и, высоко подняв фонарь, спросил:

— Кто вы?

— Я уже потерял слишком много времени из-за таких вопросов! Проезжали ли этой дорогой другие, подобные мне?

— Да. Они сказали, что будут ждать на вершине самого высокого холма, возвышающегося над этой долиной.

Мэр указал на пологий склон, который простирался на многие мили, внезапно кончаясь у основания черного горного массива. Он поднимался, как рука без кисти, обращенная в камень, никуда не указывающая.

— Их было двое,— сказал мэр.— Один нес необычное снаряжение, такое же, как у вас. Другой,— он вздрогнул,— сказал: «Посмотрите на небо и наточите ваши серпы. Там будут знаки, чудеса, призыв — и этой ночью небо обрушится».

•

Всадник уже превратился в слабый контур, окруженный ореолом выбитых из булыжника искр.

На вершине самого высокого холма, господствующего над долиной, он натянул поводья и повернулся к всаднику на вороной лошади.

— Где же он? — спросил всадник, восседавший на белом звере.

— Еще не прибыл.

Всадник на белом коне посмотрел на небо и увидел падающую звезду.

— Он опоздает.

— Это невозможно.

Упавшая звезда не сгорела совсем. Она выросла до размера столовой тарелки, дома и повисла в воздухе, выдыхая души солнц.

Потом она упала в долину.

Зеленый след молнии пересек безлунные небеса, и всадник на бледно-зеленой лошади, копыта которой ступали бесшумно, подъехал к ним.

— Вы прибыли вовремя.

— Как всегда.— Он рассмеялся, издав звук серпа, подрезающего пшеницу.

Корабль с Земли сел в долине, а изумленные жители деревни смотрели на него.

Кого или что он принес? Зачем им нужно точить свои серпы?

Четверо всадников ожидали на вершине холма.

Ангел, Темный Ангел

Он вошел в здание аэропорта и спустился в зал ожидания. Когда объявили посадку на его рейс, он направился к месту регистрации. Ему было пятьдесят пять лет, и в правой руке он нес небольшой чемодан. Когда он подошел к движущейся ленте транспортера, чтобы поставить на нее багаж, прямо перед ним вспыхнула завеса огня. Дюжина голов остальных пассажиров повернулась в этом направлении. Кое-кто заметил в пламени темную фигуру. Затем послышалось негромкое «крак-к», черный силуэт исчез, а человек упал ничком на пол. Заключение о его смерти гласило: «Умер по естественной причине».

Это было правдой. Чистой, чистейшей правдой.

Поставив бокал с шампанским на стол, он не спеша раздел ее донага, разбрасывая одежду по комнате. Его руки жадно скользили по округлым прелестям ее тела, а затем бесцеремонно бросили ее на кровать. Она с замиранием сердца следила, как он навис над ней, опираясь на локти, и поцеловал в губы.

Последовала вспышка света, и она почувствовала, как внезапно одеревенело тело. Завизжав, она успела разглядеть в углу комнаты темную фигуру — это был Ангел Смерти.

Ее любовник умер, и также по естественной причине.

Стайн работал в своей оранжерее, собирая опавшие листья и обрезая кусты и деревья. Это было его обычным утренним занятием вот уже два года. Он был почти шести футов роста, и его глаза имели цвет кристаллов йода. Лицо Стайна было угловатым, загорелым, черные волосы на висках покрывал серебристый налет.

Неудачно повернувшись, он столкнул плечом глиняный горшок с полки. Не оборачиваясь, он машинально протянул руку, не глядя поймал горшок и поставил его на место.

Он начал окапывать герань, когда браслет, надетый на его левое запястье, внезапно зажужжал. Нажав еле заметную кнопку на торце браслета, он сказал:

— Да?

— Стайн, вы любите человеческие расы, рассеянные по Вселенной? А заодно и все остальные существа, созданные природой?

— Конечно,— ответил он, узнавая хриплый голос Моргенгарда.

— Тогда приготовьтесь к небольшому путешествию во времени и явитесь в Зал Теней.

— Но я ушел в отставку,— запротестовал Стайн.— Более молодые специалисты дадут мне сто очков форы.

— Последнее медицинское обследование говорит о том, что ваша реакция осталась по-прежнему прекрасной,— скрипуче возразил Моргенгард.— Вы пока еще в десятке лучших. В отставку вас отправили исключительно из-за преклонного возраста. Остаток дней вы имеете право наслаждаться жизнью по своему вкусу. Вам не приказывают сделать то, о чем я говорю. Это только просьба. Но должен отметить, что вы получите достаточную мате-

риальную компенсацию за ваши усилия. Кроме того, вы вновь займетесь своим любимым делом.

— Чего вы хотите?

— Приходите в Зал Теней, но на этот раз не в форме, а в своей обычной цивильной одежде. Захватите с собой перчатки, а также все необходимое, включая пищу, для двухнедельной командировки.

— Хорошо.

Связь отключилась, Стайн закончил обрабатывать герань, а затем вернулся в свою квартиру.

Насколько он знал, никого из отставников не вызывали в Зал Теней. Впрочем, он мог и ошибаться.

Ее звали Галатея, она имела рыжие волосы и стройную, пяти футов высоты, фигуру. Была она зеленоглаза и хрупка. Мужчины считали Галатею привлекательной, но почему-то избегали ее общества. Она жила в большом старом доме на окраине Киборга, древнего города на планете Анкус в системе Кита. Она сама содержала себя и даже имела акции киборгской энергетической компании.

Она жила одна, если не считать механических слуг. В своем гардеробе и обстановке комнат она предпочитала темные тона. Иногда она играла в теннис или занималась фехтованием в местном спортивном центре. Галатея всегда побеждала. Она заказывала большое количество химикалий у местного оптового торговца. Мужчины, которые встречались с ней, говорили, что она глупа, блестяща, суперсексуальна, жеманна, помешана на идее самоубийства, что у нее масса поклонников, немного друзей, ни одного кавалера, а ее любовники были соседям неизвестны. Говорили, что у нее дома целая лаборатория, где она занимается неизвестными исследованиями.

— Мы не знаем ответа на это,— сказал Симул.— От него нет защиты. Потому я должен отбыть срочно и секретно.

— Подожди,— попросила она.— Ты же не готов еще к тому, чтобы выжить самостоятельно. Может быть, через месяц...

— Слишком долго, слишком долго, мы боимся,— возразил Симул.

— Сомневаешься, что моя сила способна защитить тебя?

Симул сделал паузу, размышляя, а затем ответил:

— Нет. Вы можете спасти меня, но вопрос стоит так: «А стоит ли делать это?» Стоит ли? Берегите себя. Мы любим вас. Это может оказаться сложнее, чем вы думаете.

— Посмотрим,— сказала она.— А пока ты останешься.

Галатея поставила его на книжную полку в своей библиотеке, рядом с «Лиром». Здесь он и остался.

Стайн подошел к ее двери и нажал на кнопку звонка. Через некоторое время она вышла на порог и спросила:

— Чем обязана?

— Меня зовут Стайн,— объяснил он.— Я случайно узнал, что вы прекрасно играете в теннис. Видите ли, я хочу принять участие в открытом первенстве Киборга среди смешанных пар. Я неплохой игрок. Не хотите ли стать моей партнершей?

— Неплохой? — недоверчиво спросила она, впуская его в гостиную.

— Лучшего вы здесь не найдете.

— Ловите,— внезапно сказала она и, схватив мраморную статуэтку, кинула ему в лицо.

Стайн поймал ее молниеносным движением руки, а затем поставил на место.

— У вас хорошая реакция,— улыбнулась она.— Так и быть, я стану вашей партнершей.

— Хотите сегодня пообедать со мной?

— Зачем?

— Почему бы и нет? Я никого не знаю в этом городе.

— Хорошо. В восемь часов.

— Я заеду за вами.

— Пока.

— Пока.

Он повернулся и пошел назад к городу, к своему отелю.

Конечно же, они выиграли теннисный турнир. Тем же вечером они танцевали и пили шампанское в ресторане, выделяясь среди ярко разодетой публики своими черными одеждами.

— Чем вы занимаетесь, Стайн?

— Ничем особенным, кроме развлечений,— ответил он.— Видите ли, я вышел в отставку.

— В ваши-то тридцать?

— Тридцать два.

Она пристально взглянула ему в лицо и мягко сжала его руку.

— А чем заняты вы?

— Я тоже, как ни странно, в отставке. Развлекаюсь своими хобби и вообще делаю все, что хочу.

— Чего бы вы хотели сейчас?

— Что-нибудь приятное.

— Я принес вам редкую орхидею с Гилагиана. Вы можете ее носить в ваших прекрасных волосах или приколоть к платью — словом, на ваш выбор. Я вручу ее вам, как только мы вернемся к нашему столику.

— О, эти орхидеи очень дорогие! — воскликнула она.

— Не очень, если выращивать их самому.

— И вы этим занимаетесь?

— Цветы — мое хобби,— улыбнулся он.

Сев за стол, они допили шампанское, и она стала разглядывать чудесный подарок своего нового знакомого. Зал ресторана был отделан в серебристых и черных тонах, музыка была нежной и мелодичной. Ее улыбка сияла, словно свеча над их столиком, и они выпили по рюмке ликера и попробовали по ложечке душистого десерта.

— Ваша подача несравненна,— сделала комплимент она.

— Благодарю, но ваша превосходит мою.

— Чем вы занимались до того, как вышли в отставку?

— Я был кассиром. А вы?

— Вела счета дебиторов для большого концерна.

— Тогда мы почти коллеги.

— Похоже. Чем вы намереваетесь заняться теперь?

— Для начала я хотел бы встречаться с вами почаще — пока не уеду из города.

— И как долго вы рассчитываете пробыть здесь?

— Сколько захочу или сколько вы пожелаете.

— Тогда давайте закончим с нашим шербетом. Поскольку вы настаиваете на том, чтобы наш общий приз достался именно мне, то я приглашаю вас в гости.

Он поцеловал ее руку и потерся щекой о тыльную сторону ее ладони. На мгновение их глаза встретились, и между ними словно проскочила электрическая искра. Они улыбнулись.

Спустя некоторое время он отвез Галатею домой.

Стайн прижал ее к себе, и их губы встретились. Они стояли в фойе ее старого, перестроенного дома на окраине Киборга, планеты Анкус звездной системы Кита. Один из механических слуг взял их плащи и двуручный золотой теннисный приз, дверь мягко закрылась, и зажглось ночное освещение.

— Останьтесь,— тихо сказала она.

— Прекрасно.

Она повела гостя в спальню, погруженную в уютный полумрак, обставленную мягкой мебелью, с фреской на одной из стен. Стайн сел на зеленый диван, зажег две сигареты, а Галатея тем временем наполнила два бокала и присоединилась к нему.

— У вас очень мило,— сказал он, затягиваясь.

— Вам нравится моя фреска?

— Я еще не разглядел ее как следует.

— И вы не пригубили вино.

— Знаю.

Их руки встретились, и Стайн, отставив полный бокал, привлек ее к себе. Закрыв глаза, она полностью отдалась долгому поцелую, а затем резко отстранилась.

— Вы очень отличаетесь от большинства мужчин,— сказала она.

— А вы — от большинства женщин.

— Вам не кажется, что в комнате стало слишком жарко?

— Согласен,— сказал он.

Где-то шел дождь. Обычный или искусственный — где-то идет дождь, когда бы вы об этом ни подумали. Помните об этом всегда, если можете.

Дюжина дней прошла после финала Киборга среди смешанных пар. Каждое утро Стайн и Галатея вместе отправлялись куда-нибудь. Его рука лежала то на ее локте, то на талии. Она показывала своему новому другу город. Они часто смеялись, и небо было розовым, и дул нежный ветер, и над далекими скалами горел нимб от лучей солнца, преломленных в утренней дымке.

Однажды, когда они сидели в спальне, он спросил о фреске.

— О, здесь изображены многие важные вехи развития человеческой цивилизации,— сказала она.— Фигура слева, созерцающая полет птиц,— это Леонардо да Винчи, решивший, что и человек может летать. Немного выше ты видишь две фигуры, поднимающиеся по извилистой дороге. Это Данте и Вергилий, возвращающиеся из своего путешествия в ад. Худой мужчина слева от них — Джон Локк. В руке он держит свой труд «Опыт о человеческом разуме». А в середине виден маленький человек с перевернутой восьмеркой в руках — Альберт Эйнштейн.

— А кто этот слепой старик, стоящий рядом с пылающим городом?

— Гомер.

— Почему все они собраны на этой фреске?

— Потому что они — это то, о чем человечество никогда не должно забывать.

— Не понимаю. Я и не забывал о них. А почему вся правая сторона фрески пока закрашена в серый цвет?

— Потому что за последнее столетие не появилось ничего достойного. Все ныне планируется, предписывается, регулируется...

— ...и нет ни войн, ни голода, ни революций, и большинство обитаемых миров процветает. Только не рассказывай мне, сколь прекрасны были века Хаоса. Сама-то ты читала о них только в книгах. Кстати, все ценное, что было создано человечеством в прежние века, используется и теперь.

— Да, но что нового было к этому добавлено?

— Масштабность и легкость, с которыми старые идеи реализуются во всех обитаемых мирах. Только не читай мне проповеди о прогрессе! Не каждое изменение — благо, а лишь то, что приносит пользу. Кроме того, за последнее время было создано кое-что грандиозное, не имеющее аналогов в прошлом. Я бы мог запросто закончить твою фреску...

— Изобразив на ней гигантскую машину, рядом с которой стоит Ангел Смерти?

— Ты ошибаешься. Это были бы сады Эдема.

Она рассмеялась.

— Подстриженные газонокосилкой, с тщательно обрезанными деревьями, между которыми ходят тщательно отобранные по генетическим признакам твари, все по паре? — с иронией сказала она.— И между ними реет черной тенью Ангел Смерти, отмеряющий всем и каждому годы жизни и мгновения смерти — естественно, ради мировой гармонии?

Он взял Галатею за руку.

— Быть может, ты права,— сказал он.— Я говорю только о том, как вещи видятся мне.

Она опустила голову.

— А может быть, прав именно ты,— тихо ответила она.— Не знаю... Мне только кажется, что должен существовать какой-то противовес этому удивительному механизму, управляющему нашими жизнями так, что мы становимся словно бы растениями в оранжерее. Нас можно

посеять, подкормить удобрениями, обрезать перед плодоношением, а затем вырвать прямо с корнями...

— У тебя есть какие-нибудь альтернативные предложения?

— Ты читал мои статьи?

— Боюсь, что нет. Я по уши завяз в своем саду, и, кроме того, я играю в теннис. Больше ни на что у меня не хватает времени.

— Я выдвинула гипотезу о том, что хомо сапиенс, оказавшись в сетях излишне регулируемой, почти механизированной жизни, теряет постепенно свои человеческие черты. Он становится винтиком, способным лишь вращаться в своем узком резьбовом гнездышке, как ему и предписано. Например, мог бы ты починить миксер, если бы тот сломался?

— Да.

— Тогда ты очень необычный мужчина. Большинство людей позвали бы робота, специалиста по ремонту бытовой техники.

Стайн пожал плечами.

— Но дело не только в том, что каждый из нас передает часть своих функций различным механизмам. Что-то существует и вне нас, вне общества... Оно рассеяно повсюду и, словно невидимый пресс, выдавливает из нас все человеческое, оставшееся от прошлых веков...

— Что ты имеешь в виду?

— Почему человечество стало в последнее время двигаться по горизонтальной линии, а не по восходящей кривой? Одна из причин — гениальные люди исчезли, они стали умирать юными.

— Не может быть!

— Я сознательно лишь недавно опубликовала свои наиболее важные статьи, и меня сразу же навестил Ангел Смерти. Это — лучшее доказательство моей правоты.

Он улыбнулся:

— Ты жива до сих пор, и это доказывает как раз обратное.

Галатея вернула ему улыбку. Он зажег две сигареты — для себя и для нее, а затем без особого интереса спросил:

— А на какую тему были статьи?

— Сохранение эмоциональности.

— Тема кажется вполне невинной.

— Возможно.

— Что ты хочешь сказать этим «возможно»? Возможно, я не понимаю тебя.

— Тебе это только кажется. Эмоциональность есть эстетическая форма разума, которую можно сознательно культивировать. Я предлагаю метод, с помощью которого это можно сделать.

— И как же?

Она слегка наклонила голову, вглядываясь в лицо Стайна, а затем сказала:

— Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Она направилась в лабораторию. Стайн последовал за ней. Он достал из внутреннего кармана пиджака черные перчатки и не спеша надел их, а затем засунул руки в карманы.

— Симул! — позвала Галатея. Крошечное существо, сидевшее перед читающей машиной, немедленно перебежало по протянутой руке и уселось на плече хозяйки.

— Это одно из многих существ, которые я создала в своей лаборатории.

— Многих?

— Их уже перевезли на другие планеты. Бóльшую часть объема этих крошек составляет мозг. У них нет стремления создать свою расу, конкурирующую с человеческой. Они хотят лишь учиться и учить всех, кто того пожелает. Они не боятся личной смерти, поскольку телепатически связаны друг с другом, и мозг каждого из них — часть коллективного Мозга. Кроме просветительской миссии, у них нет никаких целей и даже увлечений. Симул и его собратья никогда не будут представлять угрозы для людей, я знаю это, ведь я — их мать. Возьми-ка Симула в руки, полюбуйся на него и спроси о чем-нибудь. Симул, это Стайн. Стайн, это Симул.

Стайн протянул правую руку, и Симул прыгнул на раскрытую ладонь. Стайн принялся с любопытством разглядывать крошечное шестиногое существо с беспокойным, почти человеческим лицом. Почти. Но не совсем. Оно не было отмечено теми характерными особенностями, по которым одно выражение человеческого лица называют злым, а другое — добрым. Уши Симула были относительно большими, а на безволосой макушке дрожали два стебелька-антенны. На малюсеньких губах Симула светилась постоянная улыбка, и Стайн невольно улыбнулся в ответ.

— Привет,— сказал он, и Симул ответил на удивление густым, мягким голосом:

— Доставьте мне удовольствие, сэр.

Стайн понимающе кивнул и спросил:

— Что может сравниться в прелести с ласковым июньским днем?

— Конечно, леди Галатея, к которой я теперь вернусь,— ответил Симул и перепрыгнул на ладонь хозяйки.

Она прижала Симула к груди.

— Эти черные перчатки...— сказала она, нахмурившись.

— Я надел их потому, что не знал, каким существом может оказаться твой Симул. А вдруг он кусается? Отдай его мне, я хочу задать ему еще несколько вопросов...

Ее лицо исказила злая улыбка.

— Вы — глупец! — звонким голосом сказала она.— Уберите ваши кровавые руки, если не хотите умереть! Неужели вам не ясно, кто я?

Стайн опустил глаза.

— Я не знал этого...— сказал он.

В Зале Теней Моргенгарда тысячи Ангелов Смерти стояли за дверями транспортных кабин, ожидая приказов. Моргенгард, контролирующий все изменения в цивилизованном мире, непрерывно инструктировал своих Ангелов, тратя на это от десяти секунд до полутора минут. Затем он хлопал в невидимые металлические ладоши и с громовым звуком отправлял Ангелов в нужные точки обитаемой части Вселенной. Секунду спустя в опустевшей было кабинке вспыхивал белый огонь, и вновь появившийся Ангел докладывал о результате своей миссии одним словом: «Сделано». Затем следовал очередной инструктаж и новая миссия.

Ангелы Смерти, любой из десяти тысяч безымянных мужчин и женщин, на чьих плечах были выжжены клейма Моргенгарда, были отобраны перед рождением по генетическим признакам, включающим высокую восприимчивость и быстрые рефлексы, проходили специальное обучение как профессиональные убийцы и получали усиленное питание. К четырнадцати годам они могли получить назначение на службу Моргенгарду, машине размером в город, созданной за пятнадцать лет усилиями всех цивилизованных миров и призванной управлять этими мирами вместо людей. Будучи окончательно принятыми на службу, они проходили двухгодичный курс специальной тренировки. К концу этого срока тело служителя смерти имело встроенный арсенал оружия и множество защитных устройств. Рефлексы Ангелов были доведены до совершенства с помощью химических стимуляторов.

Они работали восемь часов в день, с двумя короткими перерывами на кофе и часовым перерывом на обед. В неделю, как и все остальные граждане, они имели два выходных дня. Также им полагалось два отпуска ежегодно — учитывая сложные условия труда.

Отслужив четырнадцать лет, они имели право выйти в отставку, тем более что в тридцать их реакция ухудшалась. Но место ветеранов сразу же занимала способная молодежь, так что в любой момент все десять тысяч черных вершителей судеб находились в строю.

Ангелы Смерти были осью, вокруг которой вращалась вся человеческая цивилизация. Если бы не они, население обитаемых миров то и дело вздымалось бы ввысь, словно цунами; если бы не они, уголовники стали бы судить судей и выносить приговоры прокурорам; если бы не они, ход истории совершал бы нежелательные зигзаги.

Ангел Смерти могуществен и беспощаден. Темная фигура могла неспешно пройтись по улицам и оставить город пустым и безжизненным.

Он возникал в яростной вспышке света и исчезал, сопровождаемый раскатом грома; он и его смертоносные черные перчатки были воспеты в легендах, мифах и фольклоре; для сотен миллиардов людей он был одним существом.

И все это было правдой. Чистой, чистейшей правдой.

Темный Ангел был бессмертен.

Порой случалось маловероятное, и очередной посланец Моргенгарда возникал перед вооруженным и мужественным человеком, имевшим также отличную реакцию. Иногда человек стрелял первым и превращал темную фигуру в груду дымящейся плоти. Но останки мгновенно исчезали, и, словно из пепла, поднимался другой Ангел.

Такое случалось нечасто, и второй посланец всегда завершал работу первого.

Впервые за время существования Моргенгарда произошло иное.

Одно за другим в семи кабинках появились истекающие кровью тела бывших Ангелов.

И тогда был вызван Стайн, один из десяти лучших.

— Вы — Темный Ангел, Меч Моргенгарда,— сказала она холодно.— Я и не думала влюбляться в вас.

— А я — в вас, Галатея. Но будь вы даже обычной смертной женщиной, куда более беззащитной, чем некий Темный Ангел, ушедший в отставку и как две капли воды похожий на вас,— я и тогда бы, клянусь, не тронул вас! Вы могли десятки раз выстрелить мне в спину, как это было с теми семерыми, но не сделали этого. И я мог сделать это десятки раз, но не захотел.

— Хотелось бы верить в это, Стайн.

— Я ухожу. Вам не надо бояться меня.

Он повернулся и пошел к двери.

— Куда ты? — спросила она.

— Назад, в свой отель. Я хочу поскорее вернуться и отдать рапорт Моргенгарду.

— И что ты скажешь?

Не оборачиваясь, он покачал головой и вышел из дома.

Он знал, что скажет.

Он стоял в Зале Теней, перед мрачной громадой, называемой Моргенгардом. Он был Темным Ангелом, отставником, заслуженным ветераном смерти. Наконец в громкоговорителе послышалось шуршание, и знакомый хриплый голос произнес:

— Рапорт!

Он не сказал обычное «сделано», а произнес нечто совсем иное:

— Совершенно конфиденциально.

Во вспыхнувшем ослепительном свете он впервые увидел всю десятиэтажную громаду машины, нависающую над ним, словно стальная скала.

— Рапорт! — загремела она.

Стайн сделал несколько шагов вперед и неожиданно сказал, сложив на груди руки в черных перчатках:

— Один вопрос, Моргенгард. Это верно, что ты уже пятнадцать лет управляешь Вселенной?

— Пятнадцать лет три месяца две недели четыре дня восемь часов четырнадцать минут и одиннадцать секунд,— ответила машина.

Тогда Стайн, сжав руки, резко выбросил их вперед.

Моргенгард мгновенно отреагировал, поняв его замысел, но в тело Ангела не зря был встроен целый арсенал мощнейшего оружия и множество защитных средств; его рефлексы были отточены до совершенства, и хотя он и был отставником, но не зря входил в десятку лучших слуг Моргенгарда.

Эффект был ошеломляющим. Машина ответила могучим раскатом грома, но она не была профессиональным убийцей и не успела удалить взбунтовавшегося Ангела куда-нибудь в далекое Ничто.

Темный Ангел имел настолько совершенную защиту что не мог уничтожить сам себя. Семеро Ангелов, послан-

ные к Галатее, были убиты отраженными от ее экранов импульсами, чуть-чуть изменившими при этом свою частоту.

Этим же методом воспользовался и Стайн. Он послал огненную вспышку в центр машины, которая отразила его, направив в грудь Ангела; та выдержала, и отраженный, изменявший частоту импульс ударил в механическое сердце Моргенгарда. Защита на этот раз не смогла парировать его, и ужасный огненный шар вздулся над городом, который на самом деле был гигантской машиной.

Стайн перед смертью успел подумать: «Прав я или нет, но Симул и его собратья теперь получат несколько лет. Может быть, люди за это время немного изменятся, и...»

А где-то сияло солнце, в недрах которого бурлила вечная феникс-реакция. Где-то сияло солнце, когда бы вы об этом ни подумали. Помните об этом всегда, если можете. Это очень важно.

Галатея помнила об этом. И мы помним — и о ней тоже.

Мы все помним...

Часть II

Песни чужих миров

Свет Угрюмого

На своем правом плече Орион, подобно галактическому генералу, носил яркую звезду. (Еще одну, не менее яркую, он имел и под левой подмышкой, но лучше забудем о ней, чтобы не разрушать целостность картины.)

Видимая звездная величина ее составляла 0,8, абсолютная величина – 6,1, класс М, расстояние от Земли 650 световых лет, температура поверхности около 3300 градусов по Цельсию. Это был красный супергигант, в спектре которого присутствовала, в частности, окись титана.

Генерал Орион мог гордиться звездой на своем правом погоне, отчасти потому, что это был редкий для Галактики супергигант, а отчасти потому, что он чем-то напоминал мозг вояки. Чем? На вид-то он выглядел большим и блестящим, но на самом деле был пустоват, его средняя плотность была в полторы тысячи раз меньше плотности воздуха.

Имя этой удивительной звезды — Бетельгейзе, или альфа Ориона. В стародавние времена на большом расстоянии от этого чудовищного красного пузыря появился кусок камня, настолько мертвый и грязный, что никому и в голову не пришло дать ему имя, подобно другим, более приятным на вид планетам. Никому — кроме галактических бюрократов, разумеется. У этой породы извилины в мозгах какие-то особенно извилистые. Взять, к примеру Землю... да вы и сами знаете, что такое хомо бюрократиус.

Эти умники, все обсудив и взвесив, оценив и обдумав, приняли поистине соломоново решение: «Есть мнение (как звучит, а?), что поскольку в Галактике имеет место дефицит добротных планет, то этот мертвый кусок камня должен быть превращен в планету и продан».

Затем они вошли в контакт с неким мистером Фрэнсисом Сэндоу и спросили его, может ли он сделать такое, и тот ответил утвердительно. Тогда они спросили его, как дорого это будет стоить, и Сэндоу назвал цену. Они ударили по рукам, и чемоданчик мистера Сэндоу наполнился деньгами. Так появилась на свет новая планета.

Теперь позвольте мне рассказать об Угрюмом, единственном обитаемом ныне мире в системе Бетельгейзе.

Сэндоу изрядно поработал над ним, и тем не менее планета недалеко ушла от того, чем была раньше,— грязного и мертвого куска камня. Сэндоу для начала создал над ним атмосферу, состоящую из аммиака и метана. Затем он довольно рискованно добавил кислород и углерод, и в результате над Угрюмым начались страшные ураганы. Сэндоу имел средства для того, чтобы ускорять процессы формирования планеты из исходных материалов. Однако земные физики не раз предупреждали его, что если он не уследит за этими процессами, то получит лишь пояс астероидов. На это Сэндоу возразил, что такого не может случиться, а если даже Угрюмый и развалится на части, то он соберет их вместе и начнет все сначала.

Он был, конечно, прав. Когда ураганы поутихли, Сэндоу занялся созданием океанов. Затем он подбросил огонька в недра и принялся формировать материки. Успокоил землетрясения, заткнул глотки местным вулканам, а под конец очистил атмосферу так, чтобы ею можно было дышать.

На следующий же день мистер Сэндоу привез целый ковчег животных и растений и резко активизировал их способность к мутациям. После этого они стали расти и размножаться словно сумасшедшие. Сэндоу дал им несколько лет, а затем вновь почистил атмосферу. Так он проделывал добрую дюжину раз и, когда все утряслось, занялся тонкой регулировкой погоды.

Настал день, когда он привез на Угрюмый несколько ответственных чиновников. Сбросив кислородную маску, он поднял над собой зонтик, глубоко вздохнул и промолвил:

— И сказал я, что это хорошо. А теперь хорошо платите.

Он закашлялся, потому что в воздухе было многовато углекислого газа, но, сами понимаете, ни один вновь построенный объект не сдается без отдельных недоделок.

И согласилась комиссия, что это на самом деле хорошо, и галактические бюрократы были искренне рады. Так же как и сам Сэндоу. Но, увы, только на короткое время. Почему? В этом-то вся и загвоздка, как вы увидите дальше.

На большинстве обитаемых миров можно найти некоторые приятные местечки, где нет холодной зимы, жаркого лета, ураганов, града, цунами, ужасных электрических штормов, комаров, слякоти, льда и всех подобных штучек, которые заставляют философов всех миров прийти к одной и той же мысли: «Жизнь прекрасна, но все же полна страданий».

На Угрюмом все проще. Находясь на этом уродце, вы даже не сможете толком разглядеть местное солнце, поскольку Бетельгейзе, как правило, закрыта облачным покровом, но, когда она все-таки продирается через редкие просветы в тучах, вы и глядеть на нее не захотите — уж больно она жаркая. Остальные местные достопримечательности не лучше: пустыни, ледники, джунгли, резкие перепады температур, ураганный ветер — всего этого здесь вдоволь и в самых различных комбинациях. Так что планета не зря получила свое веселое имечко.

Почему же Земля заплатила Сэндоу хорошие деньги за создание этого ада?

Преступники, как известно, должны перевоспитываться. А что может быть лучшей терапией, чем изрядная доза неприятностей, материальных и психологических? Всего этого на Угрюмом было вдоволь.

Угрюмый был планетой-тюрьмой. Максимальным сроком ссылки на нее было пять лет. Я получил три. Несмотря на то, что я только что наговорил, к этому миру можно было привыкнуть. Условия жизни были недурными, включая отопление помещений, кондиционирование воздуха и все прочее. Никаких тюрем на планете-тюрьме не было, вы могли приходить и уходить в свое жилище, когда пожелаете; пригласить семью или обрести желанное одиночество. Вы могли здесь даже заработать деньги. На Угрюмом было сколько угодно приятной, необременительной работы, а также театров, ресторанов, церквей и всего прочего, что есть на любой цивилизованной планете. Правда, здесь все эти строения были раза в три крепче построены, а зачастую вообще упрятаны под землю. Никто не стал бы возражать, если бы вы вдруг ударились в мизантропию и сидели целыми днями в своем доме, размышляя о сущности бытия. С голоду вам не дали бы умереть.

Но покинуть планету до истечения срока ссылки было нельзя. На планете было приблизительно триста тысяч человек, из которых 37 процентов были ссыльными или членами их семей. У меня семьи не было, да и не в этом суть дела. А может быть, в этом. Не знаю.

Я работал в большом саду — один-одинешенек, если не считать роботов. Полдня мой сад был наполовину закрыт водой, а другие полдня — полностью. Он располагался на дне долины, с высокими деревьями на вершинах окружающих холмов, среди них стоял мой сборный дом с маленькой лабораторией и компьютером. Каждое утро я выходил прогуляться в одних шортах или шел на работу с легким аквалангом на плечах. Мне нравилось плавать над своим садом, но собирать урожай или заниматься севом я терпеть не мог.

По утрам долина была задернута густым туманом, так что мне казалось, что Угрюмый исчезал, а я погружался в преисподнюю. С восходом невидимого солнца туман превращался в серых рептилий, которые уползали прочь, оставляя меня один на один с наступающим днем. Он бывал обычно еще хуже, чем утро, но, как я уже говорил, к

окружающему можно было привыкнуть. Я привык — быть может, потому, что был всерьез увлечен своим проектом.

Вот почему я не позволял себе, как другие, кричать то и дело: «Железо!»

У меня был интересный исследовательский проект. Угрюмый был не только тюрьмой, но и своеобразным полигоном для множества изобретений. Немало смелых парней раскатывали на новых типах автомобилей по различным климатическим поясам планеты, изучая возникающие неполадки. Разнообразные типы жилищ, выдержавшие местные ураганы, землетрясения и грозы, без сомнения, получат в будущем распространение на многих новых планетах с суровым климатом. Любая идея, любой прибор или механизм, рожденные человечеством, проходили проверку на прочность здесь, на Угрюмом. Моим делом были продукты питания.

Однажды до моей затерянной среди холмов долины донесся испуганный вопль: «Железо!», прокатившийся по всей планете и встревоживший всех ее обитателей. Мой срок кончился уже год назад, но я решил остаться. Я мог покинуть Угрюмый в любой момент, но предпочел довести свое дело до конца и с головой погрузился в свой проект.

Фрэнсис Сэндоу намеревался испытать на этой планете множество новых технологий, и они порой давали удивительные побочные эффекты. То, что изучал я, было связано с экологическими процессами, протекающими в моей долине. По каким-то причинам обычный рис здесь рос так быстро, что это можно было наблюдать невооруженным глазом. Сэндоу и сам не знал, чем это было вызвано,— вот я и взялся разобраться. И так увлекся, что даже добровольно остался в этой проклятой тюрьме еще на год.

Результаты моих экспериментов над различными видами растений поражали воображение. Любой злак, любой овощ или фрукт созревали здесь всего спустя две недели после посадки. Учитывая, что население Галактики в последнее время стремительно росло, этот секрет повышения плодородия мог стоить фантастических денег. Ради этого можно было остаться даже в этом милом мире.

Итак, по утрам я выходил из дома в легком акваланге, вооруженный до зубов на случай встреч со змеями и водяными тиграми; я собирал урожай, анализировал результаты очередных опытов и вводил данные в компьютер, факты собирались медленно, годами, и я был всего в паре урожаев от получения ответа, когда мой радиоприемник завопил десятками перепуганных голосов: «Железо!» Чушь!

У меня были другие виды на будущее. Я собирался написать на листочке бумаги выводы своих исследований, поднять его над Вселенной и скромно сказать: «Слушайте, люди тысяч миров! Я сделал кое-что, что спасет человечество от голодной смерти, ныне и во веки веков. Разрешите представить счет к оплате».

Порой мне приходилось навещать соседний город. В последнее время там только и было разговоров, что про это проклятое «железо». Нет, не зря меня тошнит от людей. Потому-то я и поселился в долине один, чтобы не слушать подобной пустопорожней болтовни. Горожане, ясное дело, тоже меня не очень-то любили. Я то и дело слышал у себя за спиной нелестные рассуждения на свой счет.

Поэтому я был весьма удивлен, когда колокольчик за дверью моего дома зазвенел. Я открыл дверь, и гостья едва не упала мне на руки, подталкиваемая хорошим ураганом в спину и поливаемая сумасшедшим ливнем.

— Сюзанна! — искренне удивился я.— Входите.

— Похоже, я уже это сделала,— с иронией ответила девушка, и я закрыл за ней дверь.

— Разрешите помочь вам снять плащ.

— Спасибо.

Я помог ей освободиться от плаща, который на ощупь был похож на дохлого угря, и повесил его на вешалку.

— Не хотите ли чашечку кофе?

— С удовольствием.

Она последовала за мной в лабораторию, которая заодно служила мне кухней.

— Вы слушаете радио? — спросила она, когда я протянул ей дымящуюся чашку.

— Нет. Оно испортилось окончательно почти месяц назад, и у меня все не доходят до него руки.

— Нас прогоняют отсюда,— сказала она.— То есть по распоряжению властей на Угрюмом началась эвакуация.

Я задумчиво посмотрел на ее влажную рыжую челку и вспомнил о том, что ей предлагали возвратиться на Землю еще в те времена, когда я был перевоспитуемым.

— Когда?

— Начало — послезавтра. Бюрократы перепуганы и поэтому согнали сюда корабли со всей Галактики.

— Понятно.

— Я подумала, что вам лучше знать об этом. Если вы немедленно поедете в космопорт, то вас зарегистрируют и первым же рейсом отправят на одну из тридцати двух соседних обитаемых планет.

Я сделал несколько маленьких глотков кофе, размышляя.

— Благодарю. И насколько затянется это бегство?

— По-моему, это продлится от двух до шести недель.

Я хмыкнул.

— Что здесь забавного?

— С точки зрения Земли я, наверное, такой же безумец, как и Сэндоу.

— Бюрократы предупредили его об ответственности за нарушение контракта. Он ручался за эту планету, вы же знаете.

— Сомневаюсь, что дело здесь в его гарантиях. Какие могут быть к нему претензии?

Она пожала плечами, а затем допила кофе.

— Не знаю. Говорю то, что слышала. Так или иначе, закрывайте свою лавочку и езжайте в космопорт, если хотите отбыть первым же рейсом.

— Но я не хочу,— возразил я.— Разгадка моих исследований лежит в двух шагах. Надеюсь, за шесть недель я управлюсь.

Ее глаза расширились, веснушчатое лицо покраснело, и она резко поставила на стол чашку.

— Это нелепо! — воскликнула она.— Если вы умрете, что толку будет от вашего открытия?

— Я успею,— сказал я, мысленно возвращаясь к оставшимся экспериментам.— Надеюсь, что успею.

Она встала и сурово посмотрела на меня, как на воспитуемого.

— Вы поедете в космопорт немедленно!

— Хм... по-моему, это слишком прямолинейная терапия, вам не кажется?

— Наверное, мы слишком поторопились завершить ваше лечение.

— О, я теперь вполне здоров, и психика моя как никогда стабильна,— спокойно заметил я.

— Может быть, и так. Но если я подам официальный рапорт, будто вы, по результатам повторных исследований, до сих пор не выздоровели, то вас насильно увезут отсюда!

— Благодарю,— сказал я.— Попробуйте.

Она растерянно взглянула на меня и вновь села.

— Хорошо, вы победили. Что вы хотите этим доказать?

— Что все ошибаются, кроме меня.

— Этого не может быть! Я достаточно исследовала вашу психику и неплохо изучила ваши юношеские фантазии. Мне даже кажется, что вы намеренно стремитесь к преждевременной смерти...

Я рассмеялся, не найдя достойного ответа, и сказал:

— Уходите.

Но она не ушла.

— Хорошо, я согласен со всем, что вы сказали обо мне, но тем не менее не сделаю того, чего вы у меня просите. Будем считать, что я одержал моральную победу или что-то в этом роде.

— Но когда работа будет завершена, вы уедете?

— Конечно.

— Вы на самом деле близки к разгадке своей тайны?

— Да, очень близок.

— Жаль, что это произошло в такое неподходящее время.

— А мне — нет.

Она оглядела лабораторию, а затем взглянула через кварцевое окно на залитые водой поля.

— Как вы можете быть счастливы здесь, да еще совершенно один? — тихо спросила она.

— А я и не говорю, что счастлив,— ответил я.— Но это лучше, чем жить в городе.

Сюзанна покачала головой, так что я мог полюбоваться ее пышными волосами.

— Вы ошибаетесь,— заявила она.— У горожан не так много хлопот, как вы воображаете.

Я набил трубку и закурил.

— Выходите за меня замуж,— предложил я.— Я построю вам дворец и буду покупать новые платья каждый день в году — неважно, какой он будет длительности на планете, где мы поселимся.

— Вы сами удивлены своим предложением.

— Да.

— И все же добиваетесь этого...

— Хотите?

— Нет. Благодарю. Вы знали, что я отвечу именно так.

— Да.

Мы допили кофе, и я проводил ее до двери, даже не попытавшись поцеловать. Впрочем, у меня во рту была дымящаяся трубка.

После полудня я убил змею, которая решила, что прибор в моей руке выглядит чертовски аппетитно. Как и сама рука, впрочем. Я всадил три стальные короткие стрелы из арбалета в ее голову, и она стала так сильно биться, что попортила кое-какие инструменты. С помощью робота я измерил змею и установил, что в ней было добрых сорок три фута. С роботами работать приятно, может быть, потому, что они все время молчат.

Этой же ночью я починил радио, но на всех частотах трезвонили только о железе, так что я выключил его и закурил трубку. Если бы она сказала «да», то отступать мне было бы некуда. Но, к счастью, она сказала «нет».

На следующей неделе я услышал по радио, что Сэндоу послал на Угрюмый все свои торговые корабли, дабы они ускорили эвакуацию населения планеты. Я догадался бы об этом без всякого радио. Бюрократы и обыватели только и делают, что болтают о Сэндоу. Говорили, что он —

один из богатейших людей в Галактике, что он параноик, ипохондрик и трус, что он прячет на своей личной планете-крепости немыслимые сокровища. Богоподобный, он мог создавать миры, придавать им любые особенности и даже населять людьми по своему вкусу. И все же, как говорили, он любил лишь одно: самого Фрэнсиса Сэндоу. Статистики давным-давно пытались предсказать, чем он кончит, а он в ответ возжег фимиам перед гробницами этих статистиков. Все легенды о нем были второй свежести. Самые дурные из них гласили, что он был Человеком Совершенным.

Эвакуация осуществлялась на редкость методично и производила впечатление. К концу двух недель на Угрюмом осталось четверть миллиона человек. Затем стали приходить большие корабли, и к окончанию третьей недели население уменьшилось до ста пятидесяти тысяч. К этому времени успели вернуться ранее отбывшие космолеты, и к середине четвертой недели здесь осталось около семидесяти пяти тысяч. Ими занялись вплотную, и вскоре Угрюмый опустел. На улицах городов стояли брошенные автомобили, двери набитых товарами магазинов были распахнуты, лаборатории выглядели так, словно их покинули только на время обеда. Челноки взмывали в небо один за другим, унося оставшихся поселенцев к большим кораблям, кружившим на орбите. Дома стояли неразобранными, и столы кое-где были накрыты к завтраку, но хозяева почему-то не приходили. Церкви были поспешно секуляризованы, и их реликвии вывезены с планеты.

В моей долине местная фауна размножалась словно на дрожжах, и я ежедневно стрелял и стрелял. Мы с роботами неустанно собирали образцы, я анализировал их в лаборатории, пил кофе ведрами, вводил новые данные в компьютер и ждал с трубкой в зубах, когда же он наконец выдаст долгожданный результат. Но ответа все не было. Казалось, необходима еще одна крупинка информации, и еще одна, и еще...

Я вел себя словно безумный. Мое время стремительно истекало, но я был в шаге от цели — эта игра стоила свеч,

даже поминальных. Заново для повторения моих исследований потребовались бы годы — если их вообще можно было повторить. Долина являлась уникальным, случайным местом, какого природа не создавала миллионы лет эволюции, но секрета ее я не мог понять. Поэтому работал до исступления и ждал.

Однажды колокольчик за дверью зазвонил. На этот раз дождь не шел, и в облачном покрове впервые за долгие месяцы появились просветы. Но Сюзанна влетела в дом, словно в спину ей вновь дул ураганный ветер.

— Вы должны немедленно уезжать отсюда! — закричала она.— Завершение близится! В любую секунду...

Я успокаивающе похлопал ее по плечу. Девушка закрыла лицо и стояла так, дрожа. Наконец она немного успокоилась и попыталась улыбнуться.

— Простите, я была в истерике,— сказала она.— Но это на самом деле может произойти в любой момент!

— Хм... я не сомневался в этом и в прошлый ваш приезд. Вы-то почему остались?

— Разве вы, глупец, не понимаете?

— Объясните. Я внимательно слушаю.

— Из-за вас, конечно же! Уходите отсюда! Немедленно!

— Я почти готов уйти,— сказал я.— Возможно, сегодня ночью или завтра. Я слишком близок к цели, чтобы все сейчас бросить.

— Вы предлагали выйти за вас замуж,— сказала она.— Хорошо, я согласна — если вы немедленно захватите зубную щетку и покинете эту долину.

— Неделю назад, быть может, я ответил бы «да»,— задумчиво сказал я.— Но не теперь.

— Да поймите же, сегодня улетают последние корабли! На Угрюмом осталась едва сотня-другая человек, и все они покинут планету до заката. Как вы можете потом спастись, даже если и захотите?

— Меня не забудут,— усмехнулся я.

Она слегка улыбнулась:

— Да, это правда. Последний корабль не взлетит, пока не будет проведена проверка всего списка подлежащих

эвакуации. Капитан наверняка обнаружит ваше имя и пошлет за вами своих людей. Это придаст вам чувство особой собственной значимости, не так ли? Они увезут вас силой, готовы вы к этому или нет.

— Но тогда я буду иметь ответ.

— А если нет?

— Посмотрим.

Я протянул платок и поцеловал ее в момент, когда она меньше всего ожидала этого,— пока она сморкалась. В раздражении она топнула своей изящной ножкой и произнесла слово, которое молодой леди и слушать-то не пристало.

— Хорошо, я останусь с вами, пока они не прилетят в долину,— сказала она.— Кто-то должен присмотреть за вами до этого момента.

— Тогда, с вашего разрешения, я займусь своими сеянцами. Прошу прощения, вам придется немного поскучать.

Я натянул болотные сапоги, повесил на шею арбалет и вышел из дома.

Двух змей и водяного тигра я подстрелил до сева, одну змею и двух тигров — после. Облака стали рассеиваться, когда я закончил. В редких просветах был виден кровавый глаз Бетельгейзе. Стало жарко, и роботы сбросили свой панцирь. Я не стал их останавливать.

Сюзанна почти час наблюдала за тем, как я работаю в лаборатории, а затем вопросительно взглянула на меня.

— Возможно, завтрашние образцы что-то прояснят,— сказал я.

Она взглянула через окно на пылающие небеса.

— Железо...— прошептала она, не скрывая слез.

Железо. Да, над этой штукой трудно было смеяться. Нельзя было ее игнорировать или куда-то уйти от нее. Разве что вылететь в виде бесплотного духа из своей собственной шкуры.

Век за веком красная звезда на правом плече генерала Ориона сжигала водород в своих недрах, превращая его в гелий. С течением времени оболочка из гелия стала сжиматься, ядра атомов сблизились, создавая углерод. Затем стали формироваться кислород и неон, увеличивая температуру оболочки звезды. Следующим этапом для этих превращений стали магний и кремний. После этого появилось железо. Техника спектроскопии позволила людям узнать, что уже начался процесс, который грозил генералу Ориону серьезными неприятностями. А именно: началось обратное преобразование железа в гелий. Это требовало огромных давлений, а значит, сжатия красного гиганта до размера белого карлика. Через двести семьдесят лет новую звезду увидят на Земле, но здесь, на Угрюмом, последствия космической катастрофы будут заметны гораздо раньше.

— Железо,— повторил я с ненавистью.

Они прилетели за мной на следующее утро. Их было двое, но я еще не был готов уходить. Они посадили флайер на северном холме и не спеша спустились по трапу. Одеты они были в скафандры, и первый держал в руках ружье. Второй нес на плече сниффер-машинку, которая запросто могла разложить человека на молекулы с расстояния около мили. С самого начала она была нацелена на мой дом, но меня там не было. Как только в небе появилось яркое пятно, я надел акваланг, взял арбалет и пошел им навстречу через залитое водой рисовое поле. Это было очень удачно, потому что сниффер под водой не действовал.

Я увидел над головой две тени, скользившие по поверхности воды. Выждав минуту, я вынырнул, взял прибывших парней на мушку и сказал:

— Эй вы, стоять! Бросайте ружье, или я стреляю!

Человек с ружьем быстро повернулся, но я успел выстрелить первым. Стальная стрела вонзилась ему в запястье, и он со стоном выронил оружие.

— Я предупреждал вас,— укоризненно сказал я.— Теперь столкните ружье ногой в воду.

— Мистер, вы должны немедленно уехать отсюда,— сказал человек со сниффером, не решаясь обернуться.— Бетельгейзе может взорваться в любую минуту.

— Я знаю, но у меня здесь дела.

— Вы не будете в безопасности, пока не окажетесь в подпространстве.

— И это мне известно. Благодарю за совет, но не могу последовать ему. Столкните это чертово ружье в воду! Ну, быстрее!

Раненый чертыхнулся, но исполнил приказ.

— Так-то лучше. Кстати, если вам приспичило кого-то непременно спасти вопреки его воле, то милости прошу в мой дом. Там находится девушка по имени Сюзанна Леннерт. Так и быть, ее вы можете увезти с собой. А обо мне лучше забудьте.

Гости переглянулись, и человек со снифферомкивнул:

— Да, она есть в списке. Мистер, ну что вы упираетесь? Мы не враги, мы хотим спасти вашу жизнь.

— Знаю и ценю это. Но не беспокойтесь на этот счет.

— Почему?

— Эти поля — мой бизнес, и я не собираюсь их бросать ради какого-то железа. А вам лучше поторапливаться.— Я выразительно указал арбалетом на Бетельгейзе.

Мужчины пожали плечами и пошли к коттеджу. Я следовал за ними на некотором расстоянии — не столько опасаясь их, сколько охраняя непрошеных гостей от кое-каких садовых вредителей.

Должно быть, Сюзанна устроила небольшой скандал, поскольку парни довольно бесцеремонно выволокли ее за руки. Я проводил всех троих до флайера, стараясь не выходить из тени. Когда серебристая машина взмыла в ослепительно сияющее небо, я с облегчением вытер вспотевшее лицо. Затем вернулся домой, переоделся, собрал свои записи, вышел на крыльцо и сел на ступеньки, ожидая.

Сыграли ли глаза со мной шутку, или Бетельгейзе мигнул? Не знаю. Возможно, дело было просто в атмосферных турбулентностях...

Водяной тигр вынырнул на поверхность рисового поля и поплыл в мою сторону, поднимая буруны. Не вставая со ступеней, я подстрелил его. И тут же поднявшаяся на поверхность змея стала рвать раненого хищника на куски. Я ждал. Моя догадка вскоре должна была подтвердиться, либо... В любом случае я скоро как следует отдохну.

Прошло немного времени, и только я взял на мушку очередную змею, как внезапно услышал негромкий голос:

— Не стреляй.

Я опустил арбалет, сожалея, что не пристрелил эту тварь. Порой, увы, я был до неприличия мелочен.

Змея проползла мимо моих ног. Я не обернулся, чтобы проследить ее путь. Я просто не мог. Наконец чья-то рука легла на мое плечо, и я ожил. Он был здесь, и я рядом с ним чувствовал себя так, словно во мне было всего три дюйма роста. Змея ласково проползла по его башмакам — словно кошка терлась о ноги хозяина, а затем, изогнувшись, проделала это еще раз и еще...

— Привет,— сказал я неуверенно.— Простите...

Он стоял рядом и курил сигару. Ростом он был добрых пять футов и восемь дюймов, с неописуемыми волосами и темными, словно бездна, глазами. Я едва заставил себя взглянуть в них. Я почти забыл, какое это было поразительное ощущение. Но я никогда не забывал о его голосе.

— Не извиняйся. В этом нет необходимости. Ты нашел решение.

— Да. Люди напрасно болтали черт знает что про вас. Ведь вы пришли сюда только за мной, да?

— Верно.

— Я не должен был доводить до этого.

— Говорю, не извиняйся. Может быть, мне тоже нужно было проверить самого себя. Есть вещи, которые значат больше, чем собственная жизнь. Итак, ты нашел секрет своей долины?

— Несколько дней назад, сэр. Это лучше, чем пять хлебов или манна небесная.

— «Сэр» — не так ты прежде называл меня.

— Да, но...

— Ты хотел узнать, насколько Фрэнсис Сэндоу заботится о своем сыне? Как видишь, я наплевал на Бетельгейзе. Придется где-то начинать все сначала. Пойдем, здесь нам больше нечего делать.

— Я знаю это, отец.

— Благодарю.

Я поднял свой саквояж и пошел за ним в сторону соседнего холма.

— Я встретил здесь замечательную девушку...— сказал я, но он не обернулся. Змея ползла рядом, и он не вернул ее обратно. Он взял ее на борт корабля, и та обвилась, как обычно, вокруг кабины, даже не бросив прощальный взгляд на этот кривобокий Эдем.

Песня чужого мира

Сатурн, два столетия спустя...

Я сидел на бруствере из валунов, который воздвиг за домом, и смотрел в ночное небо; я думал о Сатурне, о том, что он представляет сейчас и чем он мог бы быть. Дул холодный ветер с гор на северо-западе. Кто-то поедал добычу в арройо позади меня — вероятно, койот или бродячая собака. Звезды надо мной двигались по своему величественному пути.

Центр системы спутников и завораживающих колец, Сатурн, вероятно, мало изменился, сохранив свое место в мироздании. Однако следующие два столетия, похоже, будут критическим временем в истории человечества, которое, прекратив саморазрушение и техническую деградацию, вероятно, распространит свое влияние на Солнечную систему. Что хотели бы мы от этого гигантского газового пузыря? Что могли бы там найти?

Я живу на горном хребте, где слышу и чувствую все ветры. Когда идут дожди, вода быстро стекает, поэтому я и натащил камней и построил брустер, чтобы предохранить от размывания окрестности моего дома. Сделав это, я изменил форму стока. Образовались другие каналы. Жалобы соседа в город привели к тому, что я сконструировал отводные канавы, которые решили все проблемы. Отводные канавы не дали повода для новых жалоб, но создали преимущества для роста одних растений, подавляя другие. Как это влияло на животных и насекомых, я не знаю. Но я вырос в условиях депрессии и помню карточную систему

Второй мировой войны. У меня такое чувство, что зря расточать грешно. Я бросаю все остатки в арройо, чтобы вернуть их в пищевую цепь. Вороны будут кружить, пока есть остатки мяса, спускаясь, чтобы ухватить что-нибудь. Позднее кто-то утаскивает кости прочь. Остатки хлеба исчезают быстро.

Таким образом, я каждый день изменяю мир вокруг себя бесчисленными способами. Эти частные изменения вряд ли заметны на фоне перемен, обусловленных промышленностью или правительственными проектами. Но все вместе, от сжигания лесов в бассейне Амазонки с целью обеспечения пастбищами скота, который дает мясо для гамбургеров, до нескольких крошек, скармливаемых местным птицам, образует феномен, когда-то названный писателем Уильямом Эшуортом фактором Карсон, по имени Речел Карсон, для обозначения непредвиденных вторичных эффектов человеческой деятельности.

Однако я не отношусь к тем, кто хотел бы видеть этот или любой другой мир неизменяющимся, законсервированным на радость будущим археологам. Изменения жизненно необходимы. Их альтернатива — смерть. Эволюция все больше становится продуктом нашего действия или бездействия. Живые системы постоянно адаптируются к капризам нашей технологической культуры.

Но что должен давать газовый гигант или бесплодная скала, чтобы мы могли помнить о них? Я не знаю, но такие вопросы беспокоят меня. Я потратил большую часть моей жизни на разработку сценариев. Я писал их, когда это еще называлось снами наяву, и создание таких сценариев, я полагаю, тоже есть некоторая часть эволюционного процесса.

Как пожизненный член Национального космического общества, я стою за использование пространства и осмотрительную разработку ресурсов Солнечной системы. Я также учитываю фактор Карсон: мы должны избегать сверхуничтожения внеземных жизненных форм, от мельчайших вирусов до переохлажденных пузырей с Плутона, не только для того, чтобы сохранить собственно их, но и чтобы

сберечь содержащийся в них генетический материал, который мог бы эволюционировать, развивая уникальные возможности для решения их проблем, а заодно и наших.

Так как мы еще недостаточно благоразумны, чтобы поддерживать надлежащее состояние своей собственной планеты, я особенно счастлив, что все эти широкомасштабные попытки лежат далеко за горизонтом. Я также нахожу утешение в понимании того, что участие в них правительства вызовет проволочки, инерция возрастет до максимума в соответствии с законами Мэрфи, Макса Вебера и Паркинсона, и таким образом возникнет та медлительность, которая, с одной стороны, столь нас расстраивает, а с другой — дает время для обдумывания, для оценки вторичных эффектов.

Однако лед и летучие соединения Сатурна будут иметь ценность. Гелий на Земле очень редок, а его редкая форма — гелий-3 может быть использован как горючее в ядерных энергетических установках. Некоторые из менее экзотических веществ Сатурна, несомненно, найдут применение для создания искусственных тел в разных концах Солнечной системы. Материалы внешних спутников газовых гигантов предпочтительнее тех, что располагаются в глубинах этих гравитационных колодцев. Следовательно, первым кандидатом для размещения шахт, видимо, будет самый большой спутник Сатурна, Феб. А Титан, более похожий на Землю, нежели все другие планетные тела, может стать идеальным местом для размещения постоянной научной базы. Те ученые, которым посчастливится быть первыми на ней, смогут первыми наблюдать — и исследовать — то, что находится на Сатурне.

Давайте теперь нарисуем воображаемые картины. Давайте сочиним сценарий о делах на Сатурне два столетия спустя. И давайте поговорим о жизни — главный вопрос, один из тех, которые первыми приходят в голову, когда рассуждают о чуждом окружении или когда говорят о сохранении: найдем ли мы какую-нибудь жизнь, когда вплотную займемся этим окольцованным миром.

Если бы в подобном месте зародились высшие формы жизни, они бы обладали способностью выживать в условиях громадного диапазона температур и давления или могли бы удерживать себя на сравнительно стабильных уровнях внутри атмосферы планеты. Отсутствие твердой поверхности могло бы породить существа, способные управлять своей плавучестью, как это делают некоторые обитатели морей на Земле. Этого можно достичь, имея внутри тела достаточное количество водорода, чтобы подгонять плотность тела к плотности внешней атмосферы. Все это приводит к мысли о пузыреподобных существах с упругой кожей, которые могут двигаться, используя планетные ветры, и подниматься и опускаться в известных пределах.

Чтобы проникнуть в мир таких существ, нужно полностью отказаться от представлений, рожденных нашей культурой. Однако мы уже зашли так далеко, что можем попробовать...

Она плыла, не выбирая направления, среди глубоких каньонов тучи, в которые, как яркие реки, вливались молнии. Песни остальных наполняли воздух успокаивающими ритмами. Под ней, в самом сердце сокровенной тайны, пульсировала Глубина, нижний полюс существования, знак вечной мечты. Однажды, может быть скоро, и она приобщится к тайне. Разбитая, она устремится вниз, пересекая тепловые слои, составляя последние жизненные уравнения на туманных и прозрачных тропах. Немая, она прозревала чудеса там, внизу, она, как и все они, знала: там пройдет немота и зазвучит песня, песня-память, песня — соитие разумов. Знала — и не могла избегнуть своей судьбы, двигаясь в безвременном настоящем.

А недавно были приступы боли...

Рик прибыл на станцию на Титане, внеземном карбункуле, глядящем через море темноты на древнего короля в желтом, Сатурн. Он должен был осмотреть приборы еще в одной камере.

Высококлассный специалист, скорее математик, чем инженер, Рик редко смотрел через иллюминаторы станции на саму планету, предпочитая очищенную картину, точное представление массы и структуры этого гигантского тела в виде данных на экранах системы обзора, за которую он отвечал.

Он, например, знал, что самые тяжелые элементы планеты — в первую очередь, железо и кремний — сосредоточены в ее небольшом ядре, вместе с основной массой воды, метана и аммиака, находящихся там в виде очень плотных жидкостей при высоких давлениях и температурах. И он знал все о процессе отделения гелия от водорода, в результате чего гелий в виде капель падал дождем на более низкие уровни,— ведь он сам программировал «плуги», эти корабли-ковши, которые добывали редкостный гелий-3, служащий горючим для термоядерных энергетических установок.

Выйдя из столовой, он быстро огляделся в поисках укрытия. Доктор Мортон Трамплер, низенький и круглый, похожий на сову из-за толстых очков, приближался с улыбкой, излучая доброжелательность. По причинам, известным лишь богам психологии, Мортон выбрал Рика в качестве наперсника, часто загоняя его в угол и разражаясь длинными монологами о своей теории домашних животных-любимцев. Тот факт, что он повторял это многократно, по-видимому, его нисколько не беспокоил.

Слишком поздно.

Рик слабо улыбнулся и кивнул.

— Как дела? — спросил он.

— Отлично,— ответил Мортон.— У меня скоро будут свежие результаты записей.

— Тот же уровень?

— Нет, немного глубже.

— Все еще передаете искусственные песни китов?

Мортон кивнул.

— Ну что ж... удачи,— сказал Рик, устремляясь прочь.

— Спасибо,— сказал Мортон, хватая его за руку.— Мы могли бы поймать нечто очень интересное...

Ну, началось, подумал Рик. Опять о горизонте, лежащем под слоем с замерзшими солями и ледяными кристаллами, где образуются сложные органические молекулы, чтобы падать вниз, как планктон, в ту область, где давление и температура такие же, как в земной атмосфере...

— Зонд проходит через область, где образуются органические молекулы,— начал Мортон.— Мы наконец защитили передатчик от большинства источников статических зарядов.

Рик внезапно вспомнил о свадебном госте и старом моряке. Но гость по сравнению с ним был счастливчиком. Ему пришлось услышать эту историю лишь один раз.

Сейчас пойдет биология, подумал он. Я сейчас услышу о гипотетических живых шарах с чувствительной к гравитации сенсиллой и передающими и принимающими электрические сигналы органами, волны которых проникают через поверхность,— по сути, органами осязания и инструментами связи. Я согласен, каждый имеет право на увлечения, но...

— ...И возможность обтекаемой жизненной формы для постоянного вертикального перемещения в поисках подходящей позиции,— говорил Мортон.— В этом случае точечная симметрия подходит больше, нежели линейная, давая мозг, который скорее похож на мозг осьминога, чем кита. Радиальная симметрия могла бы устранить существующее у высших существ на Земле разделение мозга на левое и правое полушария. Как это могло бы отразиться на способе мышления, трудно даже представить.

Новый поворот. Он теперь касался все более тонких аспектов биологии. Видя, что Мортон делает паузу, чтобы набрать воздуха, Рик начал говорить, давая выход копившемуся месяцами раздражению:

— Здесь нет подобных созданий, а если бы они и были, между нами нет точек соприкосновения. Они ничего не строят, они ни с чем не экспериментируют. Здесь не может быть технологии. Вся их культура должна быть заключена в их сверхъестественном мозгу, поэтому у них не может быть истории. Если у одного из них появится какая-ни-

будь великая мысль и никто из них не оценит ее, она умрет вместе с ним. Они не могут ничего знать о том, что находится за их небосводом, и немногим больше знают о том, что внизу. Их смерть есть просто погружение и исчезновение. У них не может быть жилищ, они — бродяги. Они не могут ничего делать, только есть, издавать звуки и думать свои точечно-симметричные думы. Я сомневаюсь, что мы могли бы найти почву для переговоров, а если бы и нашли, то не знали бы, о чем говорить. Не исключено, что они глупы.

Мортон смотрел ошарашенно.

— Я не согласен,— сказал он.— Есть такие вещи, как устная культура, и их взаимосвязи могли бы, например, принять форму величественной оратории. Сейчас невозможно вообразить, что они думают или чувствуют. Вот почему так важно вступить с ними в связь.

Рик покачал головой:

— Морти, это похоже на лох-несское чудовище и на снежного человека. Я не верю, что они существуют.

— А если они есть, это не имеет значения?

— Их здесь нет,— сказал Рик.— Вселенная — пустынное место.

Двигаюсь через пищевое поле в поисках наибольшей плотности пищи. Ем, пою песню о векторах движения к месту. Толпы далеких пространств, облака. Звуки шторма, ревущего далеко. Предупреждение о шторме в песнях других, кормящихся здесь же, прибывших только что. Боль. Все сильнее и сильнее, поднимающаяся и падающая, расширение, сжатие, ноты острой, огненной боли...

Рост, юность этого голоса, свободное плавание. В этом голосе нет рождения, нет оформления. Не выпускать наружу никого, закрыть место рождения, замкнутость и сухость. Прошло. С годами тело становится жестким, приходит слабость, песни развеиваются. Долго так звучал этот голос. Просчитаю... Уже скоро, очень скоро наступит время коллапса и погружения, конец времени песни.

Боль...

Пульсация в Глубине сильнее. Голос Глубины, медленный и ровный. Зовет, зовет этот голос к отдыху после песен. Падение к месту вспыхнувших, остановленных голосов. Нет возвращения. Никогда.

Старая песня Голоса Возвращения... Ложная песня очень юных? Или очень старых? Песня Всплывания упавших голосов, поднимающихся, снова поющих о Вечном Успокоении, о небесах, полных пищи в месте, где нет ни спаривания, ни рождения, ни смерти, бесспорное и повсеместное совершенство. Ложная песня? Голос Возвращения? Возвращения больше нет, спойте это, остановленные голоса. Истинная песня? Голос Возвращения?

Жесткость, медленно наполняемое тело, медленно опорожняемое. Жесткость. Боль, боль повсюду. Скоро. Матрица времени, там... Скоро вхождение в Глубину, место падения всей пищи и голосов. Конец песен.

Это сейчас. Боль. Прекращение еды.

Окончить песню здесь? Плыть, наполненным...

Нет.

Наполниться еще раз? Поднимаясь, проходя через плотные облака? Поднимаясь с песней к высокому месту, откуда падает пища?

Неопределенность пересечения, углы падения... Найти это где-нибудь вверху. Окончить песню там. Найти это, почувствовать, узнать и упасть. Взобраться высоко в небо, с песней, танец ветра, танец конца, прикоснуться. Чувствовать, доверять, звать. Лучше упасть с высоты, чем со среднего уровня...

Итак, вверх, прежде чем разорвется тело. Узнать источник. Понять тайну. Затем упасть, далеко, молча, познавая — в Глубину. Прикоснувшись. Зная источник, жизнь. Голос Возвращения? Неважно. Узнать — в самом конце песни.

Сейчас всплываю. Как острые молнии в теле, боль. Открыть. Зовущий, юный голос: «Не иди. Не иди. Останься. Плыви и пой».

Петь это, во время бури и падения, контрапункт, всплытие. Боль растет, становится горячей. Двигаться. Двигаться. Выше. Ощущать, петь, чувствовать...

Поднимаюсь, медленно. Двигаюсь. Поднимаюсь. Здравствуй, здравствуй. Ухожу. Прощай, прощай.

Трогаю ткань облака. Мягкая, твердая. Теплая, холодная. Поднимаюсь, башня теплого воздуха, проникаю в нее.

Самый легкий путь. Поднимаюсь быстрее. Фонтан тепла. Поднимаюсь с ним. Выше. Через облака. Вверх.

Светлые трещины, ветер рвет облака, падение пищи. Выше...

Парение, расширение. Горячая боль, скрип тела. Быстрее.

Приглушенная песня, тучи, ветер, треск. Голоса все тоньше. Ниже, огненно-пятнистый, испещренный облаками, промытый ветрами, стремительно падающий, маленький — юный голос, слушаю, слушаю.

Выше...

Пой снова, голос. Рассказывай. Рассказывай о подъеме и плавании. О восхождении. Ниже, молодость этого голоса, слушать...

Подъем...

...В жар, в постоянный пищевой дождь.

«Голос здесь, голос здесь». Так поет этот голос для тех, кто внизу.

Спускаться, вниз к песне? Слушать какой-то голос, где-то наверху?

Выше...

Пение, теперь громче, жара сильнее. Достижение, достижение... Расширение, треск. Боль, жара и распространение вширь.

Жара, все...

Удар, удар, удар, удар, удар. Пульс Глубины.

Подстроиться к пульсу этого голоса. Медленный, ровный. Зовущий. Возвращающий песнь вниз...

«Голос здесь...»

Ответа нет.

Снова...

«Голос Возвращения? Разрушение близко — этого тела, этого голоса. Пой еще».

Ответа нет. Выше. Выше. Так высоко — никогда. Внизу все в облаках. Задохнувшиеся песни юного голоса.

Слишком далеко...

Выше, маленький. Что-то, что-то... Поющий, чужой голос, чужая песня, неведомая песня...

Не понимаю.

Выше. Жарче.

«Голос здесь...»

Что-то, где-то выше. Далеко. Слишком далеко. Теперь громче, чужая песня. Подстраиваюсь к нему, этому голосу. Пытаюсь. «Мм-мм-мм-мм-мм-мм? Голос Возвращения? В Глубину, скоро. Нести этот голос, дать ему пищу — и вниз. Вниз в Глубину, голос Возвращения. На место всеобщего успокоения, небес, полных пищи, без браков, без рождений, без разрушений тела, без борьбы — и с вечной песней совершенства. Кто там? Я слушаю. Голос Возвращения? Голос Возвращения. Я слушаю. Мммм-мм-мм-мм».

Выше и маленький. Выше и крошечный. Быстро движущийся. Слишком далеко. Слишком далеко. Не поднимающийся, поющий. Не меняющий песню с высотой. Нет ответа.

Дрожь, треск, слезы. Жара, жара. Сейчас, сейчас — разрушение.

Боль...

Удары со всех сторон. Поворот. Коллапс. Небо уменьшается, все. Падение. Падение. Меньше. Прощай. Падение, падение голоса.

Вниз, быстрее...

Быстрее, чем падение пищи, через облака, назад, холоднее, холоднее, безмолвно, сморщиваясь. Свет, огни, ветры, песни — мимо. Громко, громко. Прощай. Пульс Глубины. Привет. Голос Возвращения? Падение...

Вектор спиральной симметрии показывает...

Пульсация закончилась...

После обеда Рик, испытывая неясную тревогу, шел в центр контроля. Ему не давала покоя мысль о ручных животных. Десятиминутного покаяния, решил он, достаточно для того, чтобы успокоить совесть. Теперь он мог заняться проверкой своих приборов.

Войдя в светлую, прохладную камеру, он увидел, как Мортон выделывает танцевальные па под странные звуки, идущие из монитора.

— Рик! — воскликнул он, как только увидел его.— Послушай-ка, что я записал!

— Я слушаю.

Звуки предсмертной песни полились из громкоговорителя.

— Звучит так, как будто один из них поднимался на необычную высоту. Я записывал их на нижнем уровне.

— Это атмосферные шумы,— сказал Рик.— Здесь ничего нет. Ты становишься психом от всего этого.

Он хотел немедленно прикусить язык, но не мог не высказать все, что чувствовал.

— Мы никогда не записывали атмосферных шумов на этой частоте.

— Ты знаешь, что произошло с художником, который влюбился в свое творение? Он плохо кончил. То же можно сказать и об ученых.

— Продолжай слушать. Кто-то пел. Затем все внезапно оборвалось, как будто...

— Да, это что-то другое. Но я не думаю, что в этой каше можно что-нибудь понять.

— Когда-нибудь я смогу поговорить с ними,— настаивал Мортон.

Рик покачал головой, затем заставил себя продолжить разговор.

— Проиграй это еще раз,— предложил он.

Мортон нажал на кнопку, и после нескольких мгновений тишины снова возникли жужжащие, мычащие, свистящие звуки.

— Я не перестаю думать о твоих словах, помнишь, ты говорил о коммуникации,— сказал Мортон.

— Да?

— Ты спросил, что мы могли бы сказать друг другу.

— Правильно. Если они существуют.

Звуки стали еще выше. Рик начал испытывать неудобство. Неужели это возможно?

— У них не было бы слов для обозначения конкретных вещей, которые наполняют нашу жизнь,— сказал Мортон.— Ведь даже многие из наших абстракций основаны на человеческой анатомии и физиологии. Наши стихи о горах и долинах, реке и поле, дне и ночи с солнцем и звездами — они бы не смогли всего этого понять.

Рик кивнул. Если они существуют, интересно, что у них есть такого, что бы хотелось иметь и нам?

— Вероятно, музыка и математика, наши наиболее абстрактные отделы искусства и науки, могли бы быть точкой соприкосновения,— продолжал Мортон.— Помимо этого, нам пришлось бы придумать какой-то метаязык.

— Записи этих песен могли бы иметь коммерческую ценность,— предположил Рик.

— А потом? — продолжал Мортон.— Могли бы мы сыграть роль змея-искусителя в их раю, рассказав им об удивительной жизни, которую они никогда не смогли бы прожить, и нанеся им этим травму? И есть ли какой-нибудь другой путь? Что они могут чувствовать и знать, о чем мы даже не догадываемся?

— У меня есть несколько идей, как перевести все это на язык математики, чтобы понять, действительно ли во всем этом есть логика,— внезапно сказал Рик.— Я вижу некоторые лингвистические формулы, которые можно применить.

— Лингвистика? Это же не твоя область.

— Я знаю, но мне нравится любая математическая теория.

— Интересно. А если их математика столь сложна, что человеческий мозг просто не сможет понять ее?

— С ума сойти,— ответил Рик.— Это могло бы захватить меня целиком.— Он засмеялся.— Но здесь ничего нет, Морти. Нам померещилось. Впрочем, если здесь есть какая-нибудь упорядоченность, мы в ней разберемся.

Мортон усмехнулся:

— Есть. Я в этом уверен.

Этой ночью сон Рика прерывался со странной периодичностью.

Ритмы песни звучали в его голове. Ему снилось, что песня и язык были одним и тем же, причем двусторонний мозг не мог описать это математически. Ему снилось, что он кончает свои дни в депрессии, глядя, как мощный компьютер решает задачу, а он даже не в силах оценить красоту решения.

Утром он все забыл. Он составил формулы для Мортона и запрограммировал их для анализа, мурлыкая неритмичный мотив, который ему никак не давался.

Потом он подошел к иллюминатору и долго смотрел на гигантский опоясанный мир. Через какое-то время это стало его раздражать, поскольку он не мог определить, смотрит ли он вверх или вниз.

Ленты Титана

Это выглядело как полночная радуга — видимая нам освещенная солнцем половина колец Сатурна над золотым полюсом планеты. Картина напоминала еще что-то, но метафоры отнюдь не мое сильное место, и радуга надолго исчерпала мои способности в этой области.

Когда громадная, снабженная желобами пластина с темными секторами повернулась под нашим наблюдательным кораблем и черная лента проплыла через Северное полушарие планеты, я услышал, как Соренсен сказал, перекрывая жуткие звуки из приемника:

— Мы засекли источник, сэр.

Я повернулся и посмотрел, как он — молодой, светловолосый, воодушевленный — перебирает листы, испещренные машинной графикой.

— Где он расположен?

— Рядом с внутренней стороной кольца С. Похоже, он совсем маленький.

— Гм,— заметил я.— И нет идеи, что бы это могло быть?

Он покачал головой:

— Никакой.

Это было странное асинхронное биение на фоне воя, тягучие звуки и случайные взрывы, так что все вместе звучало, как будто кто-то играл на валторне в пещере. К тому же передача велась на странной частоте. Фактически это было обнаружено в результате несчастного случая, когда микрометеорит попал в беспилотное устройство и привел в неисправность приемник.

Позднее на этот источник настроились. Наблюдения за ним велись в течение многих лет, но никакой связи с природным феноменом обнаружить не удалось. Таким образом, охота за этим источником была включена в длиннейший список экспериментов и наблюдений, которые должны быть проведены в нашем, первом пилотируемом полете в эту область.

— Маккарти,— окликнул я навигатора, невысокого темноволосого вялого человека.— Найди-ка нам орбиту, которая была бы достаточно близка к этой штуке, чтобы получить хорошие снимки.

— Будет сделано, капитан,— сказал он, берясь за бумаги.

Позднее, когда мы были на подходящей орбите и набирали требуемую скорость, Соренсен заметил:

— Что-то происходит на Титане, сэр.

— Шторм? Ледяной вулкан?

— Трудно сказать. Я только что заметил. Мощный центр атмосферного завихрения.

Я пожал плечами:

— Вероятно, шторм. Проверяй его периодически. Дай мне знать, если будет что-нибудь интересное.

Однако следующей интересной вещью оказался сам источник звуков, за которым мы следили. Я дремал в своем кресле после проверки запаса корабельного спиртного на предмет порчи, когда Маккарти разбудил меня.

— Вам бы лучше взглянуть на это, капитан,— сообщил он мне.

— На что взглянуть? — пробормотал я.

— Мы, похоже, обнаружили подлинный внеземной механизм,— сказал он.

Я вскочил на ноги и бросился к экрану обзора, где увидел эту штуку целиком. Я не имел представления о ее масштабе, но это был темный металлический спутник, и выглядел он как два конуса, соединенные основаниями. Он парил над плоскостью кольца, и его нижний конец ослепительно светился, так что отблески падали на кольцо.

— Что это, черт побери, он делает?

— Не знаю. Он на параллельной орбите и испускает когерентный свет. Это определенно источник сигналов.

Я снова услышал звуки, которые, казалось, усиливались до крещендо.

— Капитан! — позвал Соренсен.— Возрастание активности на Титане. Скорее всего это в нижних слоях атмосферы.

— Брось Титан! Ты записываешь сигналы этой штуки?

— Да, но...

— Ты фиксируешь все, что можно?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Поговорим о Титане позже. Внеземной агрегат важнее метанового шторма.

— Слушаюсь, сэр.

Мы наблюдали в течение нескольких часов, и наше терпение было вознаграждено тем, что мы стали свидетелями внезапного маневра устройства. Ему предшествовало неожиданное прекращение всех сигналов. День за днем я слушал эти звуки, которые транслировались в рубку управления, ибо надеялся, что погружение позволит приблизиться к разгадке феномена. Было что-то привлекательное в повышении и понижении тона, неожиданных пассажах и глиссандо. Когда звуки прекратились, я был буквально оглушен тишиной. Мое внимание, однако, было быстро привлечено другим, так как свет под спутником, который сейчас двигался внутри кольца С, внезапно погас.

Одновременно спутник взмыл вверх, ускоряясь в направлении, перпендикулярном плоскости кольца.

— Следите за ним! — закричал я.— Мы не можем позволить ему потеряться!

Маккарти и Соренсен бросились исполнять.

Может быть, мы сами привели в действие какое-нибудь устройство тревоги, установленное на нем?

— Он меняет курс, сэр! — воскликнул Соренсен.

— Не потеряй его, ради бога!

— Похоже, он управляется изнутри.

— Может быть,— согласился я.— Как только ты установишь его курс, рассчитай наш так, чтобы следовать за ним.

— Хорошо, капитан. Между прочим, Титан...

— К черту Титан! Двигайся за спутником!

Это оказалось не слишком трудным. После пересечения системы колец устройство стало двигаться по новой орбите, расположенной в точности над тонким кольцом F.

Когда мы вышли на ту же орбиту, я повернулся к Соренсену и спросил:

— Ну вот и все. Что там с Титаном?

Он улыбнулся.

— Нечто похожее на большой корабль недавно поднялось над его атмосферой, сэр,— начал рассказывать он.— Сейчас он направляется к Северному полушарию Сатурна.

— Что?

— Он тянет за собой большой плоский круглый металлический объект.

— Ты зафиксировал это?

— О да. Я все записывал.

— Дай-ка я гляну.

Он придвинулся к экрану и начал печатать запрос на клавиатуре.

— Вот особенно удачная серия изображений,— сказал он и ударил по клавише. Плывущее пятно стало двигаться медленнее.— Здесь.

Я увидел корабль клиновидной формы над полосатым и пятнистым золотом планеты. За ним медленно поворачивался гигантский диск, о котором говорил Соренсен. Несколькими секундами позднее свет упал таким образом, что обнаружилось...

Палец Соренсена опять стукнул по клавише, и картина остановилась.

На диске было изображение. Гигантское четырехглазое лицо, пара коротких антенн торчала из высокого лба. Я потряс головой.

— Что происходит? — спросил я его.

Он переключился от записи к позиции корабля на данный момент, обнаружив, что он переместился ближе к планете.

Мы долгое время ожидали, пока он не устроится на нужной ему орбите. Мы выжидали. Он выжидал.

Вдруг Маккарти воскликнул:

— Что-то происходит!

Свежая порция адреналина снова бросила нас к экрану. Диск отделился от корабля, и, пока он двигался по направлению к планете, корабль ускорялся.

Мы изумленно наблюдали, как диск спускался в зону темной полосы, которую мы заметили раньше. Полоса сузилась и вскоре исчезла, а корабль обогнул планету и взял курс назад к Титану.

— Капитан! — сказал Маккарти.— Спутник!

— Что с ним? — спросил я, идя к экрану с изображением.

Но он не ответил, так как я все увидел своими глазами. Устройство снова начало медленно двигаться, пересекая кольцо F. Через некоторое время оно стало парить над дальней стороной кольца А. Оно испустило яркую вспышку лазера, сфокусировавшуюся на желобе.

Долго молчавший приемник, все еще остававшийся на прежней частоте спутника, внезапно ожил, его связь с громкоговорителями корабля не была нарушена. Громкоговорители принесли нам вой, треск, рев, грохот.

Позднее мы послали зонд вниз, за темные тучи Титана, рядом с тем местом, откуда поднялся клиновидный корабль и куда он вернулся. Зонд прислал следующую картину: под красными облаками, в тумане, на берегах метанового моря раскачивались и крутились циклопические фигуры; вокруг них, как конфетти, падали огненные хлопья.

Страсть к коллекционированию

— Что ты тут делаешь, человек?

— Это долгая история.

— Вот и хорошо. Люблю долгие истории. Садись и рассказывай. Нет... не на меня!

— Извини. Ну, всему причиной мой дядя, сказочно богатый...

— Погоди! Что значит «богатый»?

— Ну, очень состоятельный.

— А «состоятельный»?

— Э-э... Много денег.

— Что такое «деньги»?

— Ты хочешь выслушать эту историю или нет?

— Хочу, но еще я хочу ее понять.

— Извини, Булыга, но я сам ее толком не понимаю.

— Меня зовут Камень.

— Камень так Камень. Мой дядя, очень важный человек, должен был отдать меня в Космическую академию, а потом передумал. Решил, что гуманитарное образование будет получше. И отправил меня в свою альма матер — старую деву — специализироваться в области нечеловеческих человечеств. Пока петришь?

— Нет. Но понимание не всегда сопутствует одобрению.

— Я это самое и говорю. Я не понимаю дядюшку Сидни, но я одобряю его нелепые вкусы, его сорочий инстинкт и его грубое вмешательство в дела других людей. Я одобряю все это до боли в кишках. А что мне еще остается? Он плотоядный семейный монумент и любит поставить на своем. К несчастью, все семейные деньги к тому же принадлежат ему, а потому из этого следует, как ксксг за ззн, что он всегда поставит на своем.

— Значит, эти деньги — что-то важное!

— Настолько важное, что я пролетел десять тысяч световых лет до планеты без названия, которую, кстати, я только что окрестил Навозной кучей.

— Низко летающий затт ест много, оттого он и летает низко...

— Да, я заметил. Ну а это все-таки мох, верно?

— Да.

— Отлично. Облегчает упаковку.

— Что такое «упаковка»?

— Поместить что-нибудь в ящик, чтобы доставить куда-то еще.

— И что ты намерен подвергнуть этой упаковке?

— Тебя, Камень.

— Я не из тех камней, которые перекатываются.

— Слушай, Камень, мой дядя коллекционирует минералы, ясно? А ты единственный минерал на всю Галактику, обладающий разумом. И самый крупный, какой мне удалось обнаружить. Следуешь за ходом моей мысли?

— Да, но я не хочу следовать за тобой.

— Но почему? Будешь королем его коллекции. Так сказать, одноглазым человеком в стране слепых, если мне дозволено будет употребить столь малоподходящее уподобление.

— Пожалуйста, не делай этого. Страшно даже слушать. Скажи, а как твой дядя узнал про наш мир?

— Один из моих инструкторов прочел о нем в старинном корабельном журнале. Он коллекционировал старинные корабельные журналы. Ну а это был журнал капитана Фейрхилла, который высадился здесь парочку-другую столетий назад и вел длинные беседы с вашим племенем.

— Добрый старина Фейрхилл, Гнусная Погода! Как он поживает? Передай ему привет от меня.

— Он умер.

— Что?

— Умер. Скапутился. Сыграл в ящик. Упокоился. Диблировал.

— Подумать только! Когда это случилось? Надеюсь, то было эстетичное зрелище, достойное...

— Откуда мне знать? Но сведения эти я сообщил дяде, который решил пополнить тобой свою коллекцию. И вот я здесь.

— Право, как я ни ценю подобную любезность, сопровождать тебя мне нельзя. Время диблирования уже близко...

— Знаю. Я узнал о диблировании из журнала Фейрхилла все, прежде чем дал его дяде Сидни. Предварительно вырвав эти странички. Я хочу, чтобы он был неподалеку, когда ты... это самое... Тогда я унаследую его денежки и смогу самыми дорогостоящими способами утешаться, что так и не попал в Космическую академию. Сначала стану алкоголиком, потом займусь развратом... Хотя, пожалуй, разумнее будет проделать все это в обратном порядке...

— Но я хочу диблировать здесь, среди всего, что люблю!

— Вот это лом. Сейчас я тебя сковырну.

— Только попробуй! Я сразу диблирую.

— Не сможешь! Я измерил твою массу перед тем, как мы разговорились. В земных условиях тебе понадобится не меньше восьми месяцев, чтобы достичь диблиционных параметров.

— Ну ладно, я брал тебя на пушку. Но неужели у тебя нет ни капли сострадания? Я лежал здесь века с той поры, как был маленьким камешком, подобно моим отцам до меня. Я с таким тщанием пополнял мою коллекцию атомов, создавая самую изящную молекулярную структуру в окрестностях. И теперь — быть изъятым отсюда перед самым диблированием. Это... это просто бескаменно с твоей стороны!

— Ну зачем так мрачно? Обещаю, что ты пополнишь свою коллекцию наилучшими земными атомами. Ты побываешь в таких местах, о каких ни одному камню не грезилось!

— Слабое утешение. Я хочу, чтобы все мои друзья это видели.

— Боюсь, ничего не получится.

— Ты очень жестокий человек. Надеюсь, ты будешь рядом, когда я диблирую.

— Когда подойдет время, я намерен отправиться куда-нибудь подальше и хорошенько повеселиться.

Малое притяжение Навозной кучи помогло без труда подкатить Камень к борту космической яхты и с помощью лебедки водворить его в отсек по соседству с атомным реактором. Это была прогулочная модель, переделанная владельцем, убравшим значительную часть экранирующих прокладок, а потому Камень вдруг ощутил вулканическое опьянение, торопливо добавил отборные экземпляры к своей коллекции атомов и диблировал тут же на месте.

Он грибом поднялся ввысь, а затем огромными волнами прокатился по равнинам Навозной кучи. С пыльных небес посыпались юные камешки, вскрикивая на общей частоте от агонии рождения.

— Рванул! — заметил дальний сосед, перекрикивая помехи.— И раньше, чем я ожидал. Такая теплая остаточная радиация!

— Прекрасное диблирование,— согласился другой.— Тщательное коллекционирование всегда себя оправдывает.

Год Плодородного Зерна

Был Год Плодородного Зерна.

Когда капитан Плантер спускался с освещенного вспышками ночного неба на своей мощной игле — за ней тянулась алая пламенеющая нить,— консультант и физик стояли рядом с ним. В его распоряжении находились все необходимые механизмы, голова забита разными историями, он прибыл в Год Плодородного Зерна.

Праздник, время всеобщего ликования. Время сеять мир, счастье и надежду.

Время поклонения.

Капитан Плантер стоял на склоне холма и смотрел на город, а у него над головой голубело утреннее небо.

Устремив взгляд вниз через просторы прихваченной ночным морозцем травы, окутанной легким туманом, он рассматривал шпили, и дома, и купола города, испещренные яркими бликами — солнце еще только вставало,— и прямые линии утонувших в тени улиц. Впрочем, он видел лишь часть города, даже несмотря на то что находился высоко над ним,— это был один из самых больших городов планеты. Сверху он напоминал огромный именинный пирог, украшенный зажженными свечами и испеченный ко дню тысячелетия цивилизации. Вполне возможно, что так оно и было.

— Наверное, они нас заметили,— промолвил Кондем, его консультант.— Скоро будут здесь.

— Да,— согласился капитан.

— Они гуманоиды,— напомнил Кондем,— если антропологи не ошиблись, конечно.

— Похоже, что не ошиблись,— сказал Плантер, опуская бинокль.— Город очень напоминает земной...

— Интересно, неужели они — причина того, что происходит?

— Вполне возможно,— ответил капитан.

— Странно.

— Может быть.

Под небесами, освещенными желтым солнцем, они встретились с жителями города и установили с ними контакт. Потом встретились с представителями городских властей и с представителями большого правительства, частью которого являлись городские власти, и установили контакт с ними. Встретились со священниками, с которыми поговорили о религии, частью которой было большое правительство,— и тоже установили с ними контакт. Они все были люди, иными словами, имели самую обычную человеческую внешность.

Плантер и его команда видели всеобщее ликование, чувствовали праздничное настроение, посещая сенаты, храмы, роскошные особняки, военные базы, конференции и телестудии, когда проходили по улицам, заглядывали в лаборатории и снова оказывались в храмах.

И все потому, что был Год Плодородного Зерна.

Капитану и его помощникам пришлось ответить на множество вопросов, прежде чем они сами смогли спросить хоть что-нибудь.

Но не успели они задать даже один вопрос, как начались фейерверки.

Это произошло на седьмой день. Янинг, физик, прищурился, как он это обычно делал, и посмотрел на закат, а потом сказал:

— Началось.

Плантер подошел к окну апартаментов, выделенных им в одном из городских храмов. И уставился на полярное сияние — потрясающее зрелище, ослепительные, яркие краски, от которых больно глазам и ноет сердце.

— О господи,— прошептал он.

— Все небо превратилось в какую-то нелепую радугу,— проговорил Кондем, который встал рядом с ним.

— Взрывы гораздо ближе, чем мы думали,— сказал Янинг.— Похоже, они зарождаются на планете, а не на солнце.

— Ну хорошо, с какой целью? Испытания? Не очень-то в это верится, потому что взрывы происходят в соответствии с определенной закономерностью. Вот и сейчас — точно по расписанию.

— Не только природные явления,— заметил физик,— возникают в соответствии с определенной закономерностью.

— Мораторий, следом за ним бойня, новый мораторий, потом... Как-то все это бессмысленно.

— Они, конечно, на нас похожи — внешне,— проговорил Кондем.— Но это не значит, что внутри у них то же самое. Некоторое время мы рассматривали возможность того, что это местный Армагеддон*. Только здесь все в порядке. Ничего похожего на атомную войну или восстановительные работы после нее. Из того, что мы видели и

* Армагеддон — в христианских мифологических представлениях место битвы на исходе времен, в которой будут участвовать «цари всей земли обитаемой» (Апокалипсис 16, 14–16).

что они нам говорили, ясно, что это предположение неверно.

— Из того, что они нам показали,— поправил его Плантер.— Интересно...

— Что? — спросил Янинг.

— Может быть, кто-то или что-то умирает где-нибудь?

— Что-то всегда где-нибудь умирает,— философски согласился Янинг.— Важно только количество смертей, причина... и место.

— Они, конечно, на нас похожи — внешне...— снова начал Кондем.

В дверь постучали.

Капитан впустил Ларена, Верховного священнослужителя главного храма города.

Ларен был на несколько дюймов ниже и на несколько фунтов тяжелее любого из них. Его редеющие волосы были зачесаны так, чтобы скрыть начинающую появляться плешь. Твидовое одеяние скрывало остальное его тело, от плеч до колен, а широкоскулое лицо освещалось улыбкой, которая могла означать слабоумие или высшую степень наслаждения.

— Господа,— сказал он,— началось. Я пришел спросить вас, не присоединитесь ли вы к нашему богослужению в честь Создателя Вселенной. Однако я вижу, что вы это уже сделали.

— Богослужение? — переспросил Плантер.

— Друзья, вы видите на небесах первые, внешние признаки этого времени года.

— Северное сияние? Вспышки? Это ваших рук дело?

— Конечно,— ответил Ларен.— Мы поклоняемся Ему, как Он есть, приносим на жертвенный алтарь чистую энергию.

— То есть вы устраиваете в космосе ядерные взрывы?

— Именно. Ибо разве всегда, и в данный момент, и во веки вечные, Он не проявляет Себя в солнечном цикле? Разве не Он является силой, которая отделяет один атом от другого, чтобы свободная энергия напоила, словно благословенная река, Его великую Вселенную?

— Наверное,— проговорил Плантер.— Хотя раньше я никогда так об этом не думал. Кстати, именно по этой причине мы и прибыли в ваш мир.

— Чтобы посмотреть, как мы Ему поклоняемся?

— Ну... да. Жертвоприношения чистой энергии на небесный алтарь были замечены за пределами вашей солнечной системы. Они возникают с такими регулярными интервалами — между ними проходит примерно половина жизни одного поколения. Сначала мы решили, что с вашим солнцем происходит что-то неладное. Довольно неожиданно... узнать, что это молитвы.

— А что же еще это может быть? — спросил Ларен.

— Если не бури на солнце, значит, это признаки войны на вашей планете.

— Война? Да, у нас идет война. И есть волнения, которые предшествуют войне и следуют за ней. На самом деле у нас скорее волнения, чем сама война. Видите ли, на другом континенте... другая власть... Только я не понимаю, каким образом наш праздник, посвященный Году Плодородного Зерна, может быть принят за военные действия.

— Год Плодородного Зерна? — спросил Янинг.— А что это такое?

— Это год, когда нужно сеять новое, хорошее, то, что пустит корни и будет произрастать в течение цикла последних лет. К тому времени, когда наступит Год Тысячи Цветов, надежды, которые мы питаем сейчас, в этом году, будут исполнены.

— Кажется, я начинаю понимать,— сказал Янинг, повернувшись к капитану.— Похоже на циклы, которые отмечаются во многих азиатских странах. У них есть Год Крысы, Год Быка, Год Тигра, Год Зайца, потом идет Год Дракона, Змеи, Лошади, Обезьяны, Петуха, Собаки и Свиньи. Порядок основывается на древних представлениях об астрологии — и каждая астрологическая система является, в конечном счете, мифом о солнце. Здешняя религия, похоже, родилась во время сельскохозяйственной фазы развития их общества — влияние солнца на все, что растет. На этом и зиждутся ее постулаты, а праздники

местные жители отмечают роскошными фейерверками. И используют самое мощное взрывчатое вещество, которое у них есть.

— Все так, как вы сказали,— кивнул Ларен.

— И больше ничего? Они применяют ядерную энергию только для этих целей? — переспросил Плантер.

— Меня бы не удивило, если бы выяснилось, что дело именно так и обстоит. Ведь китайцы изобрели порох и использовали его исключительно для хлопушек. Понадобилось сознание европейца, чтобы употребить такую полезную штуку для уничтожения себе подобных.

— Извините... но я не понимаю, о чем вы говорите,— вмешался Ларен.— Если эта вещь «порох» была чем-то вроде молитв и одновременно к ее помощи прибегали для уничтожения людей, означает ли это?.. Я не понимаю!

— Именно,— сказал Янинг.

— Верно,— продолжал Ларен,— если бы мы стали поклоняться своим богам прямо над вражеским городом, он перестал бы существовать. Но это же святотатство! Никто не пойдет на такое.

— Нет, конечно,— успокоил его Плантер.

Ларен повернулся к окну и посмотрел на небо, расцвеченное ослепительными молитвами. А потом после некоторого раздумья сказал:

— Неужели такие вещи уже совершались?

— Возможно,— ответил Плантер.— Давно, в одном удаленном отсюда месте.

— Создатель хочет, чтобы справедливость торжествовала,— заявил Ларен.— Если это сделают добродетельные люди вроде нас, тогда такой поступок нельзя рассматривать как святотатство. Это будет исполнение Его воли.

— Действия, совершенные невежественными людьми, в других местах, не должны вас беспокоить,— сказал Янинг.

— Верно,— ответил священнослужитель.

— Так что давайте об этом забудем,— сказал Плантер.

— Да, конечно.

Они вместе наблюдали за церемонией начала Года Плодородного Зерна.

Чуть позже, когда они все еще двигались с досветовой скоростью, световые реки омыли корабль капитана Плантера. Кондем проинформировал его, что природа взрывов нехарактерна — судя по спектру, излучение прошло сквозь атмосферу. И капитан должным образом внес это наблюдение в свой бортовой журнал.

Рука через Галактику

«Не знаю, как выразить вам благодарность за то, что вы продолжаете помнить обо мне. Каждый месяц через Межзвездный фонд приемных родителей "Рука через Галактику" вы посылаете мне посылки. Это очень благородно с вашей стороны, ведь вы меня никогда не видели. Этим месяцем вы отправили мне коробку леденцов, которая, наверное, стоит бешеных денег, и я очень признателен за этот подарок. Позвольте рассказать о том, что произошло у нас, чтобы и вы смогли разделить нашу общую радость. Вы знаете, что нас в семье семеро: это мои братья-самцы и сестры-самки. Но трое из них еще птенцы, а я — калека. Из оставшихся четырех моя старшая сестра-самка находится в положении и не может работать до сезона дождей, пока не снесет яйца. Мои две другие сестры-самки работают по найму в мастерской одного приезжего землянина, где большие машины штампуют из металла разные вещи, и они чувствуют радость от своей работы, сметая стружку, смазывая маслом заготовки и укладывая их под пресс. Рука моего брата-самца отросла после травмы, и хотя она не такая длинная, как остальные, работать ею можно. Мы открыли вашу последнюю посылку с почтительностью и нашли там теплые носки, которые не знаем, как надеть, инструменты (нам их, к сожалению, не поднять), немного земной еды (ее мы уже съели) и даже школьные учебники — они могут пригодиться птенцам позднее. Мы были очень благодарны и с почтением вспо-

минали ваши имена. О Земле мы читали в разных книгах и полагаем, что это счастливая страна, куда Великий Один посылает души праведно живущих, после того как их тела сжигают согласно обычаю. Так ли это? Пожалуйста, напишите нам, если у вас найдется время. Мы очень любознательны и хотели бы побольше услышать о высоких деревьях, о том, как они растут, о заходах земного солнца, о больших домах и о голубом, не похожем на нашенское, небе. Это так великодушно с вашей стороны, что вы вспоминаете обо мне, хотя вы чудесно проводите время с машинами-рулетками, которые могут выиграть для вас кучу денег. Правда, я не знаю, как они выглядят, эти рулетки, потому что о них ничего не сказано в моем "Кратком галактическом английском словаре". Вроде бы это какая-то игра. Может быть, в следующий раз вы расскажете о ней? Что-то я не понял ваше последнее письмо две посылки назад, где вы говорили, будто сливаете на рулетке больше денег за ночь, чем посылаете мне за год. Неужто на Земле используют жидкие деньги? Я думал, что доллар — это бумажка, как же можно ее слить? Будьте очень добры, при случае объясните это. А у нас сейчас наступает жара, так что надо прятаться в гнезде. Вечером станет опять прохладнее, но тогда будет уже темно, так что я это письмо, с вашего разрешения, закончу завтра. Пока до свидания вам и вашим земным родителям.

Вот уже и утро, слава Одину. Сейчас я расскажу вам поподробнее о радости, которую вы нам великодушно доставили. С тех пор как наш отец-самец был сожжен и его душа унеслась к Одину, стало очень тяжело поддерживать по ночам тепло в нашем гнезде. Теперь, когда мы получили от вас горючие палочки, мы можем греться когда только пожелаем, и спасибо вам за это большое. Моя сестра-самка, которая вот-вот снесет яйца, все время находится в тепле, но моя мать-самка все время мерзнет и дрожит словно от холода, но это не холод, а болезнь, которая пришла вместе с людьми с Земли. Трудно осознать, что небо разделено на миры, до которых так далеко, что от этого кружится голова.

Я рад был узнать, что у вас хорошая компания на Земле и что ваши друзья смеются от радости, когда читают мои письма. Это самое длинное письмо, которое я когда-либо писал, и надеюсь, что оно вас обрадует. Вы так добры.

Ваш приемный ребенок

Фаун Лигг».

«Дорогой Фаун. Твои письма бесценны. Мой муж и я высоко ценим их. Нам сейчас не очень хорошо, но мы непременно напишем тебе тоже длинное письмо, как только разберемся с делами. У нас была трудная неделя, так что прости. Хорошо? И будь добр, извини Сэма за странные слова о рулетке и прочем. Мой муж обожает загадки. Передай наши лучшие пожелания твоей матери-самке, и брату-самцу, и сестрам-самкам. Мы будем думать о вас.

С любовью

Элит Мейсон.

P. S. Не выходи из гнезда, сынок. Твои соплеменники подняли бунт.

Приемный отец-самец».

Три попытки Джереми Бейкера

Джереми Бейкер оказался единственным, кто уцелел, когда двигатели Вартон-Пурга вынесли «Ворона» в окрестности черной дыры и ее приливные силы незамедлительно сделали свое дело. Тяжко застонав, корпус корабля пошел крупными трещинами, а все индикаторы на его борту истошно завопили об опасности, лихорадочно перечисляя десятки возникших проблем. Джереми повезло лишь потому, что в момент катастрофы он был облачен в сверхпрочный скафандр, проверкой которого занялся от скуки, и успел напялить шлем, который держал в руках.

Он опрометью бросился к командной рубке в надежде снова запустить вартон-пурговский привод и вновь нырнуть в гиперпространство, хотя в данных обстоятельствах это скорее всего привело бы к взрыву корабля. Но «Ворон» так или иначе собирался взорваться, и попробовать стоило.

Впрочем, добежать он все равно не успел.

Корабль развалился на части буквально под его ногами. Джереми показалось, что среди кружащейся сумятицы гигантской мусорной тучи мелькнула на секунду фигура в легком форменном комбинезоне, но сказать наверняка он не мог. Куски «Ворона» как-то уж слишком быстро разлетелись в разные стороны, и Джереми очутился один в пустоте. Глотнув воды из аварийного запаса, он вяло подумал о том, когда же наконец почувствует невыносимую тяжесть в ногах, затягиваемых в гравитационный колодец быстрее, чем прочие части тела. Или это будет голова? Кажется, он полностью потерял ориентацию.

Все еще наполовину в шоке, Джереми огляделся в поисках непроглядной, беззвездной черноты. Да, вот и она. Значит, все начнется с правой руки?.. Что ж, по крайней мере, нестандартный способ распрощаться с жизнью. Сколько бы баек ни рассказывали на сей счет, на деле очень и очень немногим довелось испытать подобное приключение.

Через какое-то время Джереми показалось, что он слишком долго дрейфует в направлении черной дыры, не испытывая никаких особых ощущений. Если не считать, конечно, неясного пятнышка света, то и дело мелькающего рядом с ним; о причинах этой галлюцинации он мог лишь догадываться. В конце концов на Джереми навалилась неодолимая дремота, и он заснул.

— Ну вот,— удовлетворенно произнес чей-то голос.— Так-то лучше.

— Что?.. Как?.. Кто это?!

— Я флип,— ответил голос.— Тот самый мерцающий огонек, о котором ты недавно думал.

— Ты здесь живешь? — спросил Джереми.

— Конечно, с незапамятных времен. Для энергетического существа, владеющего психосилой, это вовсе не проблема.

— И твоя психосила помогает нам общаться?

— Да, Джереми. Покуда ты спал, я встроил в твой мозг телепатическую функцию.

— А почему меня все еще не растянуло в тысячемильную макаронину?

— О, я поставил антигравитационное поле между черной дырой и тобой. Это поле аннулирует ее тяготение.

— Зачем ты мне помогаешь?

— Всегда приятно поболтать с кем-нибудь совсем новеньким. Признаюсь, мои соплеменники по большей части ужасные зануды.

— Выходит, вас тут целая колония?

— Разумеется. Это превосходное место для изучения физики, а мы любим заниматься научными исследованиями.

— Я всегда полагал, что в подобных условиях не может развиться жизнь.

— Ты прав. Когда-то мы были материальными существами и прошли долгий путь эволюции, прежде чем наше солнце собралось сделаться суперновой. Тогда мы предпочли трансформацию бегству и остались здесь, чтобы изучить это природное явление вблизи и во всех подробностях. Думаю, ты уже догадался, что черная дыра и есть наша прежняя звезда. Лучшая лаборатория во Вселенной! Сейчас я все тебе покажу... Теперь ты сможешь уловить гораздо больше, ведь я немного поработал над твоими органами чувств, чтобы расширить их диапазон. Видишь ли ты ореол радиации Хокинга над горизонтом событий?

— Прекрасно вижу. Лавандовый, фиолетовый, пурпурный... Очень красиво. Просто великолепно. Скажи-ка, если я спущусь еще ниже и пересеку горизонт событий, мое изображение и впрямь останется там навечно? Смогу я потом вернуться и поглядеть на себя?

— И да и нет. Плененные гравитацией световые лучи действительно запечатлеют твой образ на горизонте событий. Но ты не сможешь вернуться и увидеть себя ныряющим в дыру. Уж что попадет туда, обратно точно не возвратится.

— Прости, я неудачно выразился. Скажи-ка... Если вас, флипов, так много, должны ведь быть какие-то имена.

— Зови меня Ником,— сказал флип.

— Отлично, Ник. А теперь скажи, что это за гигантские темные массы, которые я вижу, и тучи светящихся точек вокруг них?

— Это мои сородичи, занятые текущим экспериментом. Я несу тебя мимо них на очень высокой скорости.

— Да, я заметил, что дыра занимает уже большую часть неба. А в чем суть эксперимента?

— Эти темные массы не что иное, как останки десятков тысяч звезд и планет, транспортированных нами сюда. Сейчас ты видишь лишь те, что находятся в обычном пространстве. Мы вытаскиваем их из высших измерений по мере надобности и отправляем в путешествие сквозь дыру.

— Но зачем?

— Чтобы увеличить скорость ее ротации.

— Это понятно. Но какова конечная цель?

— Создание закрытых петель квазивремени. Тогда мы, флипы, сможем вернуться назад в прошлое.

— Надо же... И как, есть успехи?

— Да, некоторые уже есть.

— Послушай, Ник... Вы можете устроить так, чтобы я очутился на «Вороне» до того, как он взорвался?

— Боюсь, ты торопишь события. Однако интересно проверить.

Они уравняли скорость с мерцающей конгрегацией флипов. Ник подлетел к самому большому огоньку и вступил с ним в беседу, протекавшую в виде сверкающих разрядов молний.

— Вик говорит, что есть одна петля, которая, возможно, способна сделать это,— обратился он к Джереми через какое-то время.

— Тогда позволь мне воспользоваться ею! Пожалуйста.

— Однако твой разум должен обладать достаточной мощью, чтобы изменять скорость передвижения посредством одной лишь чистой мысли,— назидательно заметил Ник.— Нам сюда.

Джереми последовал за ним исключительно силой собственной воли. Внезапно он увидел перед собой массу переплетенных линий, которые более всего смахивали на трехмерную схему компьютера, сгенерированную в пустом пространстве.

— Я сотворил этот чертеж для твоего удобства,— пояснил Ник.— Войди в трапецоид, который по левую руку.

— Если эта штука сработает, мы можем больше не увидеться. Пока еще не поздно, от всей души благодарю тебя за то, что ты для меня сделал.

— Удовольствие было обоюдным. Честно говоря, я предпочел бы оставить тебя здесь, чтобы продолжить наши приятные беседы, но хорошо понимаю твое желание. Прощай!

Джереми вступил в трапецоид, и тут же все кругом переменилось.

Он снова был на борту «Ворона» в спасательном скафандре и с тяжелым шлемом в руках. Не потеряв ни секунды, Джереми бросился к командному посту, напяливая шлем на бегу, и ощутил знакомый толчок, символизирующий выход в обычное пространство. Приливные силы черной дыры немедля взялись за работу, громоздкий корпус корабля угрожающе застонал и затрещал.

На сей раз он успел добежать и даже протянул руку к тумблерам вартон-пурговского привода, когда злополучный «Ворон» рассыпался на куски у него под ногами. Джереми отшвырнуло в сторону, он ясно увидел фигуру в светлом комбинезоне, отчаянно кувыркавшуюся в туче обломков.

Позднее в своем падении он встретил Ника, который не помнил Джереми Бейкера, но очень быстро разобрался в ситуации после его торопливых объяснений.

— Я все еще в закрытой петле квазивремени?

— Да, конечно. Я не знаю ни единого способа покинуть ЗПКВ, покуда она разворачивается,— ответил Ник.— Теория гласит, что это возможно, однако выпавший из нее объект автоматически оказывается в черной дыре.

— Что ж, значит, все должно идти своим чередом. Но послушай, Ник... На этот раз было немного не так, как в первый!

— Что тут удивительного? Ваша классическая физика, конечно, насквозь детерминистична, но здесь ее законы не работают.

— Я почти дотянулся до контрольной панели «Ворона». Хотелось бы знать...

— Что именно, Джереми?

— Ты удачно снабдил мой мозг телепатической функцией. А можешь ли научить меня чему-нибудь вроде телекинеза? Я имею в виду нечто такое, что позволит мне минуту или две удерживать вокруг себя воздушный пузырь. Ведь не хватило всего лишь доли секунды — и все потому, что я замедлил бег, надевая шлем.

— Посмотрим, что можно сделать. Постарайся уснуть.

Проснувшись, Джереми проверил свою новую способность управлять небольшими объектами: заставил пассатижи, ключи и отвертки покружиться вокруг своей головы, рук и ног, а затем аккуратно уложил их на место, и все это исключительно силой мысли.

— Спасибо, Ник, все в полном порядке.

— Ты чрезвычайно интересный объект для изучения, Джереми.

На этот раз, вступив в трапецоид, он напряг разум и ухитрился сформировать воздушный пузырь на бегу к контрольной панели гиперпривода. Добежав, он увидел ровно светящиеся индикаторы и быстро протянул руку к ряду тумблеров, чтобы вновь врубить их, как только огоньки погаснут. Они погасли после знакомого толчка, но Джереми в мгновение ока заставил их засветиться вновь.

И одновременно с жалобным скрежетом корпуса, попавшего во власть приливных сил черной дыры, в кормовой части корабля раздался мощный взрыв. Составители инструкций по эксплуатации гиперпривода были абсолютно правы: реактивация двигателей Вартон-Пурга сразу же после остановки воистину губительна для здоровья! Джереми успел напялить шлем до того, как ему в лицо ки-

нулся широкий язык пламени, а изолирующая подкладка скафандра уберегла его от опасного перегрева, когда «Ворон» в огне и дыму печально разваливался на части.

Однако на сей раз Джереми так и не увидел фигуры человека в комбинезоне.

Он снова дрейфовал в сторону черной дыры.

Когда появился Ник, чтобы спасти его, Джереми заново рассказал ему всю историю.

— Получается, что в любом случае я все равно проигрываю,— заключил он.

— Похоже на то,— согласился Ник.

Когда ЗПКВ донесла их до конгрегации флипов и Ник в очередной раз отправился посоветоваться с Виком, Джереми обратил свое модифицированное восприятие на горизонт событий.

Теперь он ясно видел антигравитационное поле, поставленное Ником, и даже мог манипулировать им посредством собственного разума. Он ощутил, что способен сохранить достаточный контроль над своей защитой, чтобы не размазаться в сверхтонкий блин и не вытянуться в супердлинную макаронину. Ну ладно, на худой конец его сил вполне хватит до нижней границы того фиолетового слоя...

— Какого черта,— пробормотал он, тщетно пытаясь представить вечное изображение, которое останется от Джереми Бейкера в этом бренном мире.

Он падал и падал прямо в центр всепожирающей сферы, притом очень быстро. Какое-то время спустя Джереми показалось, что Ник зовет его, однако он не был вполне уверен. Впрочем, в любом случае это уже не имело значения.

В самом деле, что там оставалось от жизни... Запасы кислорода, воды и пищи в скафандре вскоре подойдут к концу, а шансы на то, что кто-нибудь возьмет и явится на выручку, остаются нулевыми. Так не лучше ли погибнуть во славе, увидев то, что не дано узреть человеку, оставив вдобавок свою крошечную сигнатуру на краю огромной Вселенной?..

Разноцветные волны высоко поднялись со всех сторон, чтобы навсегда заключить его в объятия, но ослепительное сияние вдруг потускнело, потом померкло и совсем погасло. Джереми был один в непроглядной черноте, полностью лишенный сенсорных ощущений. «Неужто я на самом деле прошел сквозь черную дыру и выжил? — подумал он.— Или это моя последняя мысль, зацикленная в темпоральном кольце?»

— Первая,— сказал голос Ника откуда-то рядом.

— Ник?! Ты здесь, со мной?..

— Точно. Я решил присоединиться к тебе и попытаться помочь.

— Послушай, когда ты входил в дыру... Какое изображение я оставил на горизонте событий?

— Извини, я не поглядел.

— Где мы сейчас? В сингулярности?

— Возможно. Сам не знаю. Я ведь никогда здесь не был. А может быть, мы в процессе бесконечного падения.

— Но я думал, что вся информация разрушается, как только попадает в черную дыру.

— Видишь ли, есть разные школы научной мысли. Информация необходимым образом связана с энергией, и одна из гипотез гласит, что в черной дыре она может остаться когерентной, хотя и будет абсолютно недоступной для внешнего мира. Ценность данного рассуждения в том, что оно опирается на всеобщий закон сохранения энергии.

— Похоже, так оно и есть?

— С другой стороны, когда твое тело разрушилось при входе в дыру, я успел быстренько прогнать тебя через тот процесс, который сделал меня бессмертным энергетическим существом. Я подумал, ты будешь не против.

— Бессмертие?.. Черт побери! Ты хочешь сказать, что мне светит провести все оставшееся время Вселенной в качестве падающего неизвестно куда бесплотного сознания? Не думаю, что смогу такое вынести.

— О, ты потеряешь рассудок гораздо раньше, так что незачем беспокоиться.

— Да уж. Вот это дерьмо так дерьмо,— буркнул Джереми.

Последовало долгое молчание. Потом Ник тихонечко хихикнул.

— Кажется, я вспомнил, что это такое,— сказал он наконец.

— И мы в нем завязли по самые уши,— мрачно добавил Джереми Бейкер.

— В нашей ситуации следует учесть еще один фактор,— сказал Ник по истечении бесконечности или нескольких минут, как кому нравится.

— Это какой же? — осведомился Джереми.

— Когда я беседовал с Виком, тот заметил: мы так долго и упорно возились с этой черной дырой, что вполне могли спровоцировать необычную ситуацию.

— И что это должно означать?

— С теоретической точки зрения, черная дыра может взорваться, и Вик пришел к выводу, что наша уже довольно близка к этому. Чтобы увидеть столь редкое событие, сказал он, не жалко и жизни.

— А что получается после взрыва?

— Я не знаю, и Вик тоже. Но мне кажется, что к нашей ситуации наиболее применима гипотеза корнукопиона, или рога изобилия.

— Ага! Вот с этого места поподробней, пожалуйста. Хватит с меня сюрпризов.

— Как скажешь. Гипотеза корнукопиона гласит, что после взрыва от черной дыры остается крошечный остаток в форме рога, размером менее атома и весом примерно в стотысячную долю грамма. Зато объем его не ограничен и способен вместить всю информацию, которая когда-либо попадала в черную дыру. В том числе, конечно, и нас.

— А что, из этого рога выбраться легче, чем из черной дыры?

— Да. Но только не здесь.

— Что значит «не здесь»?

— Если уж информация покинула нашу Вселенную, то это навсегда.

— Ты хочешь сказать, что в роге есть ход, ведущий в какое-то другое место?

— Ну, если корнукопион пройдет через Конец света, а затем через следующий Большой взрыв и окажется в новой Вселенной, то его содержание, в принципе, может стать доступным. Мы знаем наверняка лишь то, что в нашей Вселенной добраться до его внутренней информации невозможно.

— Сдается мне, что ждать придется долго.

— Не скажи. Никому не известно, как ведет себя время в том месте. Или в этом.

— Справедливости ради замечу, Ник, с тобой всегда интересно общаться.

— С тобой тоже, Джереми. Однако я в некоторой растерянности. Уж не знаю, посоветовать ли тебе как можно шире открыть все сенсорные каналы или, наоборот, полностью захлопнуть их.

— Да? А в чем дело?

— Я чувствую приближение взрыва.

И тут же последовала интенсивная вспышка ослепительно белого света, которая все длилась, длилась и длилась, пока Джереми не ощутил, что уплывает куда-то, и принялся яростно бороться за свою когерентность.

Постепенно он осознал, что находится в огромной библиотеке с убегающими в туманную даль параллельными рядами полок, периодически пересекаемых поперечными коридорами.

— Где мы?

— Мне удалось создать адекватную метаформу, которая поможет тебе ориентироваться в ситуации,— объяснил Ник.— Это, разумеется, корнукопион со всем своим запасом информации. Мы с тобой тоже обитаем на книжной полке. Я снабдил тебя превосходным переплетом из синей тисненой кожи с позолоченным корешком.

— Большое спасибо. И что мы теперь будем делать? Просто убивать время?

— Я полагаю, что нам следует установить контакт с другими книгами. Мы можем начать их читать.

— Можно попробовать. Надеюсь, они интересны. Но как узнать, в новой мы Вселенной или нет? И есть ли надежда на свободу?

— Всегда есть надежда, что кто-нибудь забредет сюда и пожелает нас прочитать.

Джереми обратил свое сознание к симпатичному красному томику на противоположной полке.

— Привет! Вы кто?

— История. А вы?

— Автобиография,— представился он.— Думаю, нам нужно срочно составить каталог. А заодно обязательный список рекомендованной литературы.

— Правда? А что это такое?

— О, не беспокойтесь,— небрежно сказал Джереми,— я составлю его сам. Приятно было познакомиться!

Мертвое и живое

Я расскажу вам о существе по имени Борк. Оно родилось в ядре умирающего солнца. Было выброшено в нынешний день из реки прошлого-будущего как плод загрязнения времени. Оно возникло из глины и алюминия, пластмассы и морской воды, дистиллированной в процессе эволюции. Оно вращалось, подвешенное на пуповине обстоятельств, а затем, отсеченное от нее собственной волей, обрело покой на отмелях мира, куда прибывают умирать. Оно было частью человека в некоем месте у моря вблизи курорта, который несколько вышел из моды с тех пор, как стал эвтаназийным центром.

Выберите из этого что угодно, и вы, возможно, не ошибетесь.

В этот день он прогуливался у воды, подцепляя длинной металлической вилкой то, что выбросила ночная буря: блестящий камешек, который вещие сестры возьмут для своей сувенирной мастерской,— цена обеда или коробочки полировочной пасты для гладкой его части; лиловые водоросли для солоноватой похлебки из даров моря в его вкусе; пряжку, пуговицу, красивую раковину; белую фишку из казино.

Дул крепкий ветер, прибой бурлил пеной. Небо было сплошной синевато-серой стеной без граффити птиц или воздушного транспорта. Он шел по белесому песку, жужжа и пощелкивая, а сзади тянулся след — зубчатые зигзаги и отпечатки одной подошвы. Почти рядом был мыс, где полярные птицы с раздвоенными хвостами отдыхали несколько дней во время перелетов. Они уже отправились дальше, но пляж был все еще усеян их пометом цвета ржавчины. И там он снова увидел девушку — в третий раз за три дня. В первые два раза она пыталась заговорить с ним, задержать его. Но он прошел мимо по многим причинам. Теперь она была не одна.

Она поднялась на ноги — песок рассказывал о стремительном бегстве и падении. На ней было то же красное платье, только порванное и испачканное. Ее черные волосы, коротко подстриженные и очень густые, растрепались настолько, насколько могли растрепаться. К ней приближался молодой человек из Центра — их разделяло шагов пятнадцать. Позади него по воздуху скользила завершательная машина — редкое зрелище! Величиной с полчеловеческого роста и парящая примерно на той же высоте, формой она напоминала кеглю. Ее передний шаровидный конец состоял из мелких граней и светился; три тонкие, как фольга, оборки, напоминавшие балетную пачку, поблескивали, поднимаясь и опускаясь в ритме, не связанном с ветром.

Услышав его шаги или заметив его краешком глаза, она отвернулась от своих преследователей, сказала «помогите!» и произнесла имя.

Он долго колебался, хотя для нее это не длилось и секунды, а потом оказался рядом с ней.

Человек и парящая машина остановились.

— В чем дело? — спросил он ровным, низким, чуть-чуть музыкальным голосом.

— Они хотят забрать меня,— ответила она.

— Ну и?

— Я не хочу.

— А! Вы не готовы?

— Да, я не готова.

— Тогда все просто. Недоразумение.

Он обернулся к человеку и машине.

— Тут какое-то недоразумение,— сказал он.— Она не готова.

— Тебя это не касается, Борк,— ответил человек.— Центр принял решение.

— Значит, его надо пересмотреть. Она говорит, что не готова.

— *Иди займись своим делом, Борк.*

Человек шагнул вперед. Машина последовала за ним.

Борк поднял руки — одну из мышц, другие из самого разного.

— Нет,— сказал он.

— Убирайся отсюда,— сказал человек.— Ты мешаешь.

Борк медленно двинулся на них. Огни в машине замирали, юбочки опустились. С шипением она упала на песок и осталась неподвижной. Человек остановился, попятился.

— Я должен буду сообщить...

— Уходи,— сказал Борк.

Тот кивнул, остановился, поднял машину, повернулся и зашагал с ней по пляжу, не оглядываясь. Борк опустил руки.

— Ну вот,— сказал он девушке,— теперь у вас есть время.

И пошел дальше, осматривая ракушки и плавник.

Она пошла за ним.

— Они вернутся,— сказала она.

— Конечно.

— Что же мне тогда делать?

— Может, тогда вы будете готовы.

Она покачала головой и положила руку на его человеческую часть.

— Нет,— сказала она.— Не буду.

— Откуда вам знать сейчас?

— Я совершила большую ошибку,— ответила она.— Мне не надо было приезжать сюда.

Он остановился и посмотрел на нее.

— Прискорбно. Лучше всего вам обратиться к психологам в Центре. Они найдут способ убедить вас, что покой предпочтительнее тоски.

— Вас же они не убедили! — сказала она.

— Я особый случай. Тут нельзя проводить сравнений.

— Я не хочу умирать.

— Тогда они ничего не могут сделать с вами. Нужный психологический настрой — обязательное условие. Оно оговорено в контракте — пункт седьмой.

— Они же могут ошибиться. Или, по-вашему, они никогда не ошибаются? Их кремируют, как и всех остальных.

— Они крайне добросовестны. Со мной они обошлись честно.

— Только потому, что вы практически бессмертны. Машины в вашем присутствии замыкаются. Никакой человек не может к вам прикоснуться без вашего разрешения. И разве они не пытались кончить вас в состоянии неготовности?

— По недоразумению.

— Как со мной?

— Не думаю.

Он отвернулся и пошел дальше.

— Чарльз Элиот Боркман! — позвала она.

Опять это имя!

Он снова остановился и начал чертить вилкой решетку на песке.

— Зачем вы это сказали? — спросил он.

— Но это же ваше имя!

— Нет,— сказал он.— Тот человек погиб в глубинах космоса, когда космолет прыгнул по неправильным координатам и оказался слишком близко от звезды в момент ее взрыва.

— Он был герой. Дал сгореть половине своего тела, пока готовил спасательный челнок для остальных. И он выжил.

— Скажем: какие-то его частицы. Не больше.

— Но это ведь было покушение, верно?

— Кто знает? Вчерашняя политика не стоит бумаги, потраченной на ее обещания и угрозы.

— Он же был не просто политиком, а государственным деятелем, гуманистом, одним из немногих, кого, когда он уходит со сцены, больше людей любят, чем ненавидят.

Он издал что-то вроде смешка.

— Вы очень любезны. Но если так, то последнее слово все-таки осталось за меньшинством. Лично я считаю, что в нем было много от бандита. Но мне приятно, что вы перешли на прошедшее время.

— Вас восстановили так умело, что вы можете просуществовать вечность, потому что вы заслуживали самого лучшего.

— Быть может, я уже просуществовал вечность. Чего вы хотите от меня?

— Вы приехали сюда умереть и передумали.

— Не совсем так. Я просто не обрел состояния, оговоренного в седьмом пункте. Обрести покой...

— Как и я. Но у меня нет вашей возможности убедить в этом Центр.

— Быть может, если я пойду с вами и поговорю...

— Нет,— сказала она.— Их согласия хватит только на то время, пока вы будете рядом. Таких, как мы, они называют жизнехватами и не стесняются с нами. У меня нет брони, и я не могу доверять им, как вы.

— Так чего же вы от меня хотите... девочка?

— Нора. Называйте меня Нора. Защитите меня. Вот чего я хочу. Позвольте мне остаться с вами. Вы ведь живете где-то поблизости. Не подпускайте их ко мне.

Он потыкал вилкой в рисунок и принялся стирать его.

— Вы уверены, что хотите этого?

— Да! Да, уверена.

— Ну хорошо. В таком случае можете пойти со мной.

Вот так Нора поселилась в хижине Борка у моря. В первые недели всякий раз, когда являлись сотрудники Центра, Борк требовал, чтобы они поскорее уходили. А потом перестали приходить вовсе.

Днем она ходила с ним по берегу и помогала собирать плавник, потому что любила вечером развести огонь. А он, хотя жар и холод давно уже были ему безразличны, со временем и на свой лад начал получать радость от пылающего пламени.

Во время их прогулок он ковырялся в кучах мусора, нагроможденных морем, и переворачивал камни, проверяя, что под ними.

— Господи! Что вы надеетесь отыскать в этом... этом хламе? — спросила Нора, удерживаясь от вдоха и отступая.

— Не знаю,— усмехнулся он.— Камень? Лист? Дверь?* Что-нибудь столь же симпатичное. В таком вот роде.

— Пойдемте понаблюдаем за живностью в лужах, оставленных отливом, они хотя бы чистенькие.

— Ладно.

Хотя Борк ел больше по привычке и ради вкуса, ее потребность питаться регулярно и умение готовить заставляли его предвкушать обеды и ужины как приятный ритуал. А позднее, как-то после ужина, она в первый раз начала его полировать. Это могло бы получиться неловко, гротескно. Но вышло иначе. Они сидели перед огнем, подсыхали, грелись, смотрели на пламя, молчали. Нора машинально подняла тряпку, которую он бросил на пол, и смахнула кусочек пепла, прилипший к его боку, отражавшему огонь. Через некоторое время она проделала это снова. Гораздо позднее, уже сосредоточенно, перед тем как пойти спать, она протерла всю блестящую поверхность.

Как-то раз она спросила:

— Почему вы купили билет сюда и подписали контракт, если не хотели умереть?

— Но я хотел.

— И что-то заставило вас изменить решение? Что?

— Я нашел радость более сильную, чем это желание.

— А вы не расскажете мне какую?

— Конечно. Я обнаружил, что это редкая, если вообще не единственная для меня возможность испытать счастье.

---

* «...Камень, лист, ненайденная дверь...» — начало романа Т. Вулфа «Взгляни на дом свой, ангел».

Дело в самом этом месте: отбытие, мирный финал, радостный уход. Мне нравится созерцать все это — жить на краю энтропии и убеждаться в том, как она хороша.

— Но нравится она вам не настолько, чтобы самому принять ее?

— Да. Я нахожу в этом причину, чтобы жить, а не чтобы умереть. Возможно, это ущербная радость. Но ведь я ущербен. А вы?

— Я просто совершила ошибку. И все.

— Насколько помню, они проводят самую тщательную, исчерпывающую проверку. И осечка со мной произошла только по одной причине: они не могли предвидеть, что это место способно пробудить в ком-то желание жить дальше. Возможно, что и с вами произошло что-то похожее?

— Не знаю. Пожалуй...

В дни, когда небо оставалось ясным, они отдыхали в желтом тепле солнца, играли в простенькие игры, а иногда разговаривали о пролетающих птицах, о плавающих, дрейфующих, ветвящихся, покачивающихся и цветущих обитателях луж на песке. Она никогда не говорила о себе, не упоминала, что привело ее сюда — любовь, ненависть, отчаяние, усталость или ожесточение. Нет, она говорила только о том, что их занимало в ясные дни, а когда погода не позволяла им выйти из хижины, смотрела на огонь, спала или полировала его броню. Гораздо, гораздо позднее она начала петь или насвистывать обрывки модных или давно забытых песен. А если ловила на себе его взгляд, сразу умолкала и находила себе другое занятие.

И вот как-то вечером, когда огонь еле тлел, а ее рука полировала его броню, медленно, очень медленно, она сказала тихим голоском:

— Мне кажется, я начинаю вас любить.

Он ничего не ответил, не шевельнулся. Словно не услышал.

После долгой паузы она сказала:

— Как-то очень странно чувствовать это... здесь... при подобных обстоятельствах.

— Да,— отозвался он немного погодя.

После еще более длинной паузы она положила тряпку, взяла его руку — человеческую — и ощутила его ответное пожатие.

— Ты мог бы? — спросила она гораздо, гораздо позднее.

— Да. Но я раздавлю тебя, девочка.

Она провела ладонями по его броне, потом начала поглаживать то металл, то живую плоть. Прижала губы к его щеке — неметаллической.

— Мы что-нибудь придумаем,— сказала она, и, разумеется, они придумали.

В следующие дни она пела чаще, пела веселые песни и не замолкала, когда он смотрел на нее. И порой, очнувшись от легкой дремоты, которая требовалась даже ему, он сквозь самый малый свой объектив видел, что она лежит рядом или сидит и с улыбкой смотрит на него. Иногда он вздыхал — просто чтобы ощутить движение воздуха в себе и вокруг, и его охватывал тот блаженный покой, который уже давно отошел для него в область безумия, сновидений и тщетных желаний.

Однажды они сидели на пригорке. Солнце уже почти зашло, на небе появлялись звезды, сгущающийся мрак таял над крохотной полоской угасающего дня. Она отпустила его руку и указала:

— Космолет.

— Да,— ответил он и взял ее руку.

— Полный людей.

— Думаю, их там не так уж много.

— Грустно.

— Но это же, скорее всего, то, чего они хотят или хотят хотеть.

— И все равно это грустно.

— Да. Сегодня. Сегодня вечером это грустно.

— А завтра?

— Наверное, тоже.

— А где твое былое восхищение благородным концом, мирным уходом?

— Теперь это не так занимает мои мысли. Есть многое другое.

Они следили, как загораются звезды, пока не сомкнулся мрак, пронизанный смутным сиянием и холодом. И вот:

— Что станется с нами? — сказала она.

— Станется? — повторил он.— Если тебе хорошо так, то ничего менять не надо. А если нет, скажи мне, что не так.

— Ничего,— ответила она.— В этом смысле — вообще ничего. Так, какой-то страх. На душе кошки скребут, как говорится.

— Ну, тогда поскребу и я,— сказал он, поднимая ее словно перышко.

И со смехом унес ее в хижину.

А позже, много позже он вырвался из глубин словно наркотического сна — или его разбудили ее рыдания. Что-то случилось с его чувством времени — казалось, прошло много минут, прежде чем ее образ зарегистрировался, а промежутки между ее рыданиями казались неестественно долгими и растянутыми.

— Что... это? — спросил он, вдруг осознав легкое жжение в бицепсе.

— Я не хотела... чтобы ты... просыпался,— сказала она.— Пожалуйста, постарайся снова заснуть.

— Ты из Центра, так?

Она отвела глаза.

— Неважно,— сказал он.

— Усни. Пожалуйста. Не теряй...

— ...того, что требует седьмой пункт,— докончил он за нее.— Вы всегда свято выполняете условия контракта.

— Это не все... для меня.

— Ты в тот вечер сказала правду?

— Это стало правдой.

— Ну конечно, другого сейчас ты сказать не можешь. Седьмой пункт...

— Негодяй! — воскликнула она и дала ему пощечину.

Он засмеялся, но его смех оборвался.

На столе рядом с ней лежал шприц и две пустые ампулы.

— Двух инъекций ты мне не делала,— сказал он, и она отвела глаза.— Быстрее! В Центр, чтобы нейтрализовать эту дрянь.

Она покачала головой:

— Уже поздно. Обними меня. Если хочешь мне помочь, обними меня.

Он обвил ее всеми своими руками, и они лежали так, пока приливы ветра накатывались, дули, замирали, оттачивая и оттачивая свои лезвия.

Мне кажется...

Я расскажу вам о существе по имени Борк. Оно родилось в сердце умирающей звезды. Часть человека и части многого другого. Если эти части выходили из строя, человеческая часть отключала их и чинила. Если она выходила из строя, они отключали ее и восстанавливали. Оно было создано столь искусно, что могло существовать вечно. Но если бы часть его умерла, остальные могли бы функционировать и дальше, воспроизводя действия, которые прежде совершало цельное существо. И в одном месте у моря, у кромки воды ходит предмет, тыча длинной металлической вилкой в другие предметы, вынесенные на песок волнами. Человеческая часть — или часть человеческой части — мертва.

Выберите из этого что вам угодно.

Вечная мерзлота

Высоко на западном склоне горы Килиманджаро лежит высохший и замерзший труп леопарда. Чтобы объяснить, что он там делает, необходим автор, ибо окоченевшие леопарды не очень разговорчивы.

МУЖЧИНА. Кажется, что музыка возникает и звучит по своей собственной воле. По крайней мере, повороты ручки приемника никак не влияют на ее присутствие или отсутствие. Полузнакомый, чужой мотив, чем-то тревож-

ный. Звонит телефон, и он берет трубку. Никто не отвечает. Снова звонок.

Четыре раза за то время, пока он приводил себя в порядок, одевался и повторял свои доводы, ему звонили, но никто не отвечал. Когда он обратился на станцию, ему ответили, что никаких звонков не было. Однако, видимо, с этим чертовым роботом-клерком что-то не в порядке — как и со всем остальным в этом месте.

Ветер, и без того сильный, еще более усилился, бросая на здание частицы льда со звуком, похожим на царапанье миллионов тонких коготков. Жалобный визг стальных жалюзи, скользнувших на место, испугал его. А при беглом взгляде на ближайшее окно ему показалось, что он видит лицо,— и это было хуже всего.

Конечно, это невозможно. Это ведь четвертый этаж. Игра света в падающих хлопьях снега. Нервы.

Да. Он начал нервничать с тех пор, как они прибыли сюда этим утром. Даже раньше...

Он вывалил вещи Дороти на тумбочку и обнаружил пакетик среди своей собственной одежды. Он развернул маленький красный прямоугольник размером с его ноготь, затем закатал рукав и прилепил пластырь к внутренней стороне левого локтевого сгиба.

Транквилизатор влился непосредственно в кровь. Он сделал несколько глубоких вдохов, отодрал пластырь и выбросил его в мусороприемник. Затем спустил рукав и потянулся за пиджаком.

Музыка заполнила все, как будто соревнуясь с порывами ветра и стуком ледяных градин. В противоположном углу комнаты ожил видеоэкран.

Лицо. То же самое лицо. Только на одно мгновение. Он уверен в этом. А потом бессмысленные волнистые линии. Снег. Он усмехнулся.

«Ну ладно, нервы,— думает он,— у вас есть причина так себя вести. Но транквилизатор найдет на вас управу. Веселитесь пока. Вы уже почти отключены».

На видеоэкране возникает порнофильм. Улыбаясь, женщина громоздится на мужчину...

Картина переключается на безгласного комментатора, который что-то говорит.

Он выживет. Он из породы выживающих. Он, Пол Плайг, и раньше рисковал — и всегда удачно. Он выбился из колеи только из-за того, что Дороти суетится по пустяковому поводу. Ничего, пройдет.

Она ждет его в баре. Ничего, пусть подождет. Немного спиртного поможет убедить ее — если она не остервенеет. Такое тоже бывает. Другими словами, он должен отговорить ее от этого дела.

Тишина. Ветер утих. Царапанье прекратилось. Музыка не слышна.

Жужжание. Оконный экран дает обзор пустого города.

Тишина. Облака затянули все небо. Вокруг горы льда. Никакого движения. Даже видео отключено.

Он отшатнулся от внезапной вспышки дальнего блока в левой области города. Лазерный луч ударил в слабую точку ледяной горы, и часть ее откололась.

Чуть позднее он услышал глухой гул ломающегося льда. Ледяные осколки взметнулись возле подножия горы. Он восхитился силой, точностью определения момента, внешним эффектом.

Эндрю Альдон... Всегда на посту, в борьбе со стихией, способный загнать в тупик саму природу, бессмертный страж Плейпойнта. Альдон, по крайней мере, никогда не ошибается.

Опять пришла тишина. Пока он наблюдал за тем, как оседает взметнувшийся снег, транквилизатор начал действовать. Было бы хорошо снова не заботиться о деньгах. В последние два года было много потерь. Видеть, как все твои сбережения исчезают в Большом Кризисе,— именно тогда его нервы впервые стали пошаливать. Он стал мягче, чем век назад, когда он был юным и тощим солдатом удачи, всегда готовым отправиться в путь. Сейчас он должен сделать нечто похожее, хотя теперь это было бы легче — если бы не Дороти.

Он подумал о ней. На столетие моложе, чем он, чуть больше двадцати, временами безрассудная, любящая все удовольствия жизни.

В ней было что-то ранимое, временами она впадала в такую зависимость от него, что он чувствовал необычайное волнение. Иногда она раздражала его до безумия. Вероятно, это было ближе к любви, чем ему хотелось бы сейчас, случайно возникшее противоречивое чувство. И конечно, она знает. Отсюда необходимость соблюдать такт. По крайней мере до тех пор, пока он снова не соберется в путь. Но все это не может быть причиной, чтобы отказать ей в праве сопровождать его. Это больше чем любовь или деньги. Это вопрос выживания.

Лазер вспыхнул снова, теперь справа. Сейчас раздастся грохот.

СТАТУЯ. Это не слишком удобная поза. Она лежит, замороженная, в ледяной пещере и выглядит, как роденовская фигура. Левый бок прислонен к стене, правый локоть закинут над головой, кисть повисла рядом с лицом, плечи упираются в стену, левая нога полностью погребена.

Она одета в серую парку, соскользнувший капюшон освободил пряди темно-русых волос. На ней синие брюки, правая — видимая — нога обута в черный ботинок.

Она вся покрыта льдом, и в многократно преломленном свете пещеры можно видеть, что в ее внешности нет ничего неприятного, но и ничего особо привлекательного. На вид ей лет двадцать с небольшим.

На стенах и потолке пещеры множество трещин. Сверху, как сталактиты, свисают множество сосулек, вспыхивая, как драгоценные камни, в многократно преломленном свете. Пещера имеет ступенчатый уклон, образуя в том конце, где находится статуя, нечто вроде гробницы.

Когда в облаках появляются разрывы, красноватый свет падает на ее фигуру.

Она действительно двигалась в течение столетия — на несколько дюймов, вместе с подвижками льда. Но из-за игры света кажется, будто она движется быстрее.

Общая обстановка создает впечатление, что это всего лишь бедная женщина, которая попала в ловушку и замерзла до смерти, а не статуя живой богини на том месте, где все началось.

ЖЕНЩИНА. Она сидит у окна в баре. Дворик снаружи, серый и угловатый, занесен снегом, на клумбах мертвые растения — окостеневшие, разглаженные, замерзшие. Она ничего не имеет против пейзажа. Напротив. Зима — время смерти и холода, и она любила, когда ей напоминали об этом. Ей нравилось испытывать к себе жалость на фоне холодных и очень зримых клыков зимы. Яркая вспышка осветила дворик. Затем издали донесся глухой рев. Она делает глоток из бокала, облизывает губы и слушает тихую музыку, которая наполняет воздух.

Она одна. Бармен и вся остальная прислуга — роботы. Войди сюда кто-нибудь, кроме Пола, она бы вскрикнула. Мертвый сезон — никого, кроме них, в этом отеле. И во всем Плейпойнте лишь они не спят.

А Пол... Он скоро придет, чтобы повести ее обедать. Там они могут потребовать, если захотят, чтобы за соседними столами были голограммы других постояльцев. Но она не захочет. Ей нравится быть наедине с Полом в такие моменты, когда ожидаешь важных событий.

За кофе он расскажет ей о своих планах, и уже сегодня вечером они смогут получить необходимое снаряжение, чтобы приступить к делу, которое сможет вернуть ему материальное благополучие и самоуважение. Это, конечно, опасно, но должно привести к успеху. Она допивает свой бокал, поднимается и подходит к бару за следующим.

А Пол... Она действительно поймала падающую звезду, авантюриста, мужчину со славным прошлым, в настоящий момент балансирующего на грани краха. Неустойчивость его положения обозначилась еще до их встречи, случившейся два года назад, что придало их отношениям еще бóльшую остроту. Конечно, ему нужна такая женщина, чтобы опереться на нее в трудное время.

Дело было не только в ее деньгах. Она никогда не верила тому, что говорил о нем ее покойный отец. Нет, он действительно любит ее. Он необыкновенно ранимый и зависимый.

Она хочет превратить его в того мужчину, каким он был раньше, и, конечно, этот мужчина должен нуждаться

в ней. Он был как раз тем, чего ей больше всего не хватало,— мужчиной, который может достать с неба звезды. Он должен стать таким, каким был много лет назад.

Она делает несколько глотков.

Однако этому сукину сыну лучше поспешить. Она проголодалась.

ГОРОД. Плейпойнт находится на планете Балфрост, на гористом полуострове, с трех сторон окруженном замерзшим (сейчас) морем. В Плейпойнте есть площадки и устройства для любых игр, которыми увлекаются взрослые. С поздней весны до ранней осени — приблизительно пятьдесят земных лет — это один из самых популярных курортов в этом секторе Галактики. Затем приходит зима, период оледенения, и все уезжают на полстолетия — или полгода, смотря как считать. В это время Плейпойнт находится в ведении автоматической системы поддержания порядка. Это автономная система, управляющая очисткой, уборкой снега, утеплением всего, что требуется, а также отражением наступающих льда и снега. Всем управляет хорошо защищенный центральный компьютер, который к тому же изучает изменения климата и составляет прогнозы, позволяющие адекватно реагировать на колебания погодных условий.

Система успешно работает уже в течение многих столетий и в конце каждой долгой зимы передает Плейпойнт весне и радости в сравнительно хорошем состоянии.

С одной стороны Плейпойнта находятся горы, вода (или лед, в зависимости от сезона) окружает его с трех других сторон, метеорологические спутники и спутники-маяки расположены высоко над ним. В бункере под административным зданием находится пара спящих — обычно мужчина и женщина,— которые пробуждаются раз в год для непосредственной проверки работы поддерживающих систем и для того, чтобы справиться с особыми ситуациями, которые могут возникнуть. Центральный компьютер имеет в своем распоряжении взрывные устройства и лазеры, а также великое множество роботов. Обычно ему удается слегка предугадывать события, и он редко отстает от них намного.

В настоящий момент все идет довольно однообразно, так как погода с недавнего времени достаточно ненастная.

Зззззз! Еще одна глыба льда превратилась в лужу.

Зззззз! Лужа уже испарилась. Молекулы взобрались на то место, где они могут объединиться и превратиться в снег.

Ледники, шаркая ногами, ползут вперед.

Зззз! Их выигрыш сводится на нет.

Эндрю Альдон точно знает, что он делает.

РАЗГОВОРЫ. Официант, нуждающийся в смазке, сервировал стол и откатился, пройдя сквозь пару крутящихся дверей.

Она хихикнула:

— Какой неуклюжий.

— Очарование древности,— согласился он, улыбаясь и тщетно пытаясь поймать ее взгляд.

— Ты все продумал? — спросила она после того, как они начали есть.

— Как будто,— сказал он, снова улыбаясь.

— Так да или нет?

— И то и другое. Мне нужно больше данных. Я хочу пойти и сначала кое-что проверить. После этого я смогу выбрать наилучший способ действия.

— Я вижу, ты все время говоришь в единственном числе,— сказала она холодно, наконец встретив его пристальный взгляд.

Его улыбка замерзла и исчезла.

— Я имел в виду только маленькую предварительную разведку,— сказал он мягко.

— Нет. Мы. Даже в случае маленькой предварительной разведки.

Он вздыхает и кладет вилку.

— Это не имеет почти ничего общего с тем, что придется делать потом,— начинает он.— Обстановка существенно изменилась. Я должен отыскать другой путь. Это довольно скучная работа, и никакого удовольствия.

— Я здесь не для того, чтобы получать удовольствие,— отвечает она.— Мы собирались делить все, помнишь? Это

включает скуку, опасность и все остальное. Таков был уговор, когда я согласилась оплатить нашу дорогу.

— Я думал тогда, что до этого может дойти,— говорит он спустя некоторое время.

— Дойти до этого? Иначе и быть не могло. Это было наше соглашение.

Он поднимает свой бокал и делает глоток.

— Конечно. Я не собираюсь менять условия. Это просто такой случай, когда дела пошли бы быстрее, если бы я смог сделать предварительную разведку. Один я могу двигаться намного быстрее.

— Что за спешка? Так или иначе, дело займет несколько дней. Я в достаточно хорошей форме. Я не слишком задержу тебя.

— У меня такое впечатление, что тебе не особенно здесь нравится. Я только хочу поскорее закончить, чтобы убраться отсюда.

— Очень мило с твоей стороны,— говорит она, принимаясь за еду.— Но это моя проблема, не так ли? — Она смотрит на него.— Пока нет другой причины, из-за которой ты больше не хочешь, чтобы я была рядом.

Он отводит взгляд, хватается за вилку.

— Не будь дурой.

Она улыбается:

— Итак, договорились. Я пойду с тобой на поиски пути.

Музыка затихает, слышен звук, как будто кто-то прочищает горло.

— Я не хотел бы вмешиваться в ваши дела,— раздается звучный мужской голос.— Это лишь часть функции наблюдения, которую я выполняю.

— Альдон! — восклицает Пол.

— К вашим услугам, мистер Плайг. Я решил обнаружить свое присутствие только потому, что я действительно слышал, о чем вы говорите, и забота о вашей безопасности перевешивает хорошие манеры, которые в противном случае заставили бы меня молчать. Я получил сведения, что сегодня после обеда ожидается резкое ухудшение погоды. Так что если вы планируете длительную прогулку, я бы советовал вам отложить ее.

— О,— говорит Дороти.

— Спасибо,— говорит Пол.

— Я удаляюсь. Наслаждайтесь едой и друг другом.

Музыка заиграла вновь.

— Альдон? — спрашивает Пол.

Ответа нет.

— Похоже, нам придется отложить наше дело.

— Да,— соглашается Пол и первый раз за день улыбается свободно. Он лихорадочно думает.

МИР. Жизнь на Балфросте течет странными циклами. Во время долгой зимы животные и квазиживотные мигрируют в экваториальные области. Жизнь в глубинах океана продолжается. А вечная мерзлота живет по своим собственным законам.

Вечная мерзлота. Зимой и весной ее жизнь наиболее интенсивна. В это время активно действует ее мицелий — он оплетает все вокруг, касается всего, образует нервные узлы, распространяется, чтобы проникнуть в другие системы. Он обвивает планету, существуя как огромный бессознательный организм в течение всей зимы. Весной он выбрасывает побеги, на которых развиваются серые, похожие на цветы образования, живущие несколько дней. Затем эти цветы сморщиваются, открывая темные плоды, которые через некоторое время взрываются с тихим лопающимся звуком, освобождая облака сверкающих спор, разносимые повсюду ветром. Они чрезвычайно морозоустойчивы, так же как и мицелий, в который они однажды превратятся.

Летняя жара в конце концов оттесняет вечную мерзлоту, и нити мицелия впадают в состояние длительного покоя. Когда возвращаются холода, они пробуждаются, споры прорастают и выбрасывают новые отростки, которые устраняют старые повреждения и формируют новые тяжи. Жизнь начинается снова. Существование летом похоже на обесцвеченную спячку. В течение тысячелетий таков был порядок жизни на Балфросте, внутри Балфроста. Теперь богиня предписывала другое. Богиня зимы раскинула свои руки, и пришли перемены.

СПЯЩИЕ. Пол движется среди кружащихся хлопьев к административному зданию. Он сделал самое простое — уговорил Дороти принять снотворное, чтобы лучше отдохнуть перед завтрашним днем. Он притворился, что принимает такую же таблетку, и, убедившись, что Дороти уснула, ушел незаметно.

Он входит в похожее на склеп здание, проделывает все хорошо знакомые повороты, двигаясь вниз по наклонной плоскости. Комната не заперта, в ней прохладно, но он начал потеть, как только вошел. Две охлаждающие установки действовали. Он проверил их управляющие системы и увидел, что все в порядке.

Прекрасно, начнем! Позаботимся о снаряжении.

Он колеблется.

Подходит поближе и смотрит через смотровые окошечки на спящих. Никакого сходства, слава богу. Он осознает, что дрожит. Он пятится, поворачивается и спешит к складу.

Погрузив оборудование в желтые сани, он начинает движение в глубь материка.

Как только он трогается, снег прекращается и ветер затихает.

Он улыбается. Снег сверкает перед ним, и окружение не кажется совсем незнакомым. Хорошие приметы, в конце концов.

Затем что-то пересекает его путь, разворачивается и останавливается перед ним.

ЭНДРЮ АЛЬДОН. Эндрю Альдон, когда-то мужчина исключительной честности и очень способный, на своем смертном одре получил возможность продлить свое существование в виде компьютерной программы, и после этого его мозг функционировал как главная управляющая программа в основном охраняющем компьютерном комплексе Плейпойнта. И в таком облике он функционировал как программа исключительной честности и очень способная. Он поддерживал порядок в городе и защищал его от наступления стихии. Он не только отвечал на внешние воздействия, но и предугадывал, какие следует предпринять шаги, как правило, переигрывая погоду. Как профессиональный солдат, каким он когда-то был, он поддерживал себя в состоянии постоянной боевой готовности, что на самом деле было нетрудно, учитывая ресурсы, ему доступные. Он редко ошибался, был всегда в курсе всего, а иногда блестяще выходил из трудного положения. Время от времени он возмущался своим бестелесным существованием. Порою чувствовал себя одиноким. Сегодня он был озадачен внезапным прекращением бури, которую он предсказывал, и хорошей погодой, которая за этим последовала. Его математические выкладки были безупречны, но погода вела себя странно. Все это сопровождалось множеством мелких нарушений обычного хода событий: необычными подвижками льда, неполадками с оборудованием и странным поведением приборов в единственной занятой комнате отеля — комнате, снятой постояльцем-привидением из прошлого.

Некоторое время он наблюдает. Он уже готов вмешаться, когда Пол входит в административное здание и направляется к бункеру. Но Пол не делает ничего такого, что могло бы принести вред спящим. Его любопытство достигает максимума, когда Пол берет снаряжение. Он продолжает наблюдать. По его мнению, это необходимо.

Альдон решает действовать только тогда, когда обнаруживает, что события развиваются в нежелательном направлении. Он посылает один из своих мобильных блоков, чтобы перехватить Пола, если тот направится прочь из города. Блок догоняет Пола на повороте и возникает у него на пути.

— Стоп! — сказал Альдон через переговорное устройство.

Пол затормозил свой снегоход и некоторое время сидел, смотря на машину.

Затем он слабо улыбнулся:

— Я полагаю, что у тебя есть веская причина для ограничения свободы передвижения гостя.

— Твоя безопасность требует этого.

— Я в совершенной безопасности.

— В данный момент.

— Что ты имеешь в виду?

— Погода ведет себя более чем странно. Ты как бы занял относительно спокойный дрейфующий островок ясной погоды, когда рядом свирепствует шторм.

— Так я воспользуюсь пока этим преимуществом и буду иметь дело с последствиями, если в том возникнет нужда.

— Это твое дело. Я хотел предупредить тебя.

— Прекрасно. Ты меня предупредил. А теперь отойди с моего пути.

— Минуточку. В последний раз, когда ты был здесь, ты уехал при странных обстоятельствах — разорвав свой контракт.

— Проверь свой юридический банк данных, если он у тебя есть. Я ответил за это по закону.

— Существуют некоторые вещи, относительно которых нет законов или ограничений.

— Что ты этим хочешь сказать? Я подал объяснительную записку о том, что произошло в тот день.

— Да, которая не могла быть проверена. В тот день вы спорили...

— Мы всегда спорили. Такие уж у нас были отношения. Если ты можешь что-нибудь сказать по этому поводу, говори.

— Нет, мне больше нечего сказать об этом. Моим единственным намерением было предостеречь тебя.

— Отлично, ты меня предостерег.

— Предостеречь тебя относительно менее очевидных вещей.

— Я не понимаю.

— Я не уверен, что все здесь осталось таким же, как и в прошлую зиму, когда ты уехал.

— Все меняется.

— Да, но я имею в виду другое. Есть что-то необычное в этом месте сейчас. Прошлое уже не служит хорошим проводником для настоящего. Появляется все больше и больше аномалий. Временами кажется, что планета проверяет меня или играет со мной.

— Ты сходишь с ума, Альдон. Ты слишком долго сидишь в этом ящике. Может быть, пора кончать все это?

— Сукин сын, я пытался кое-что тебе объяснить. Я замечаю множество примет этого, и все началось вскоре после твоего отъезда. Моя человеческая часть подозревает тебя, и я чувствую, что здесь есть какая-то связь. Если тебе все об этом известно и ты можешь справиться с этим, прекрасно. Если не можешь, я думаю, тебе следует остерегаться. Лучше всего возвращайся домой.

— Я не могу.

— Даже если там есть нечто облегчающее тебе в данный момент путь?

— Что ты хочешь сказать?

— Я припомнил древнюю гипотезу Гайа—Лавлок, двадцатое столетие...

— Планетарный разум. Я слышал об этом. Однако никогда не встречал.

— Ты уверен? Я временами чувствую, что сталкиваюсь с ним.

— Что, если там присутствует нечто и ведет тебя на поводу?

— Это касается только меня.

— Я могу защитить тебя. Возвращайся в Плейпойнт.

— Спасибо, нет. Я уцелею.

— А как же Дороти?

— А что она?

— Ты хочешь оставить ее одну в тот момент, когда ты ей, возможно, нужен?

— Позволь мне самому судить об этом.

— Твоей последней женщине пришлось не слишком сладко.

— Черт побери! Уйди с моей дороги, пока цел.

Робот сворачивает с дороги. При помощи своих сенсоров Альдон смотрит, как Пол едет прочь.

«Прекрасно,— решает он.— Я знаю теперь твои намерения, Пол. И ты не изменился. Тем лучше».

Альдон переключает свое внимание на Дороти. Переоделась в теплую одежду. Выходит. Приближается к зда-

нию, откуда, как она видела, выехал Пол на своем снегоходе. Она окликает его и ругается, но ветер относит ее слова прочь. И она только притворилась спящей. Выждав некоторое время, она решилась проследовать за Полом. Альдон видит ее задержку и хочет помочь ей, но под руками нет ни одного мобильного блока. Он выслал один вперед во избежание несчастных случаев.

— Черт побери! — бормочет она, проходя через улицу, снежные вихри поднимаются и крутятся вокруг нее.

— Куда вы собираетесь, Дороти? — спрашивает Альдон через ближайшее переговорное устройство.

Она резко останавливается и поворачивается.

— Кто?

— Эндрю Альдон,— отвечает он.— Я наблюдал за вами.

— Почему?

— Наблюдение за вашей безопасностью входит в мои обязанности.

— Об этом шторме вы говорили?

— Частично.

— Я уже взрослая. Я могу сама позаботиться о себе. Что означает «частично»?

— У вас плохая компания.

— Пол? Почему?

— Однажды он взял с собой женщину в такое же дикое место, куда он теперь направляется. Она не вернулась.

— Он мне рассказывал об этом. Это был несчастный случай.

— И не было свидетелей.

— Что вы хотите сказать?

— Это подозрительно. Вот и все.

Она снова начинает двигаться по направлению к административному зданию. Альдон переключается на другое переговорное устройство у входа.

— Я ни в чем его не обвиняю. Если вы доверяете ему, прекрасно. Но не доверяйте погоде. Было бы лучше, если бы вы вернулись в отель.

— Спасибо за заботу,— говорит она, входя в здание. Он следует за ней, замечая учащение ее пульса, когда она останавливается перед камерой.

— Это спящие?

— Да. Пол однажды был в таком же положении, так же как и та несчастная женщина.

— Я знаю. Послушайте, я собираюсь следовать за ним независимо от того, одобряете вы это или нет. Почему бы вам не сказать мне, где находятся эти сани?

— Хорошо. Я даже сделаю больше. Я буду вашим проводником.

— Что вы имеете в виду?

— Окажите мне услугу — она будет выгодна и вам также.

— Назовите ее.

— В шкафу со снаряжением позади вас вы найдете сенсорный браслет. Он может служить для двусторонней связи. Наденьте его. Я смогу таким образом быть с вами. Помогать вам. Может быть, даже защитить вас.

— Вы поможете мне следовать за ним?

— Да.

— Хорошо. Я беру эту штуку.

Она подходит к шкафу со снаряжением, открывает его.

— Здесь есть что-то похожее на браслет.

— Да. Нажмите на красную кнопку.

Она повинуется. Его голос теперь четко звучит из браслета.

— Надевайте его, и я покажу вам дорогу.

— Хорошо.

ЗАСНЕЖЕННАЯ МЕСТНОСТЬ. Белые равнины и холмы, пучки вечнозеленого кустарника, нагромождения скал, снежные вихри, крутящиеся, словно волчки, под порывами ветра... Свет и тень. Раскалывающееся небо. В защищенных от ветра местах видны следы.

Она двигается, стараясь не обнаружить своего присутствия.

— Я потеряла его,— бормочет она, сутулясь за ветровым стеклом своего желтого обтекаемого снегохода.

— Держитесь прямо, мимо этих двух скал. Остановитесь с подветренной стороны гребня. Я скажу вам, когда повернуть. У меня сверху наблюдательный спутник. Если разрыв в тучах сохранится — очень странный разрыв...

— Что вы имеете в виду?

— Кажется, он наслаждается светом, падающим из единственного разрыва в тучах на всем пространстве.

— Совпадение, не более того.

— Я сомневаюсь.

— Что же еще это может быть?

— Выглядит так, будто кто-то открыл для него дверь.

— Мистицизм компьютера?

— Я не компьютер.

— Простите, мистер Альдон. Я знаю, что вы когда-то были человеком...

— Я все еще человек.

— Простите.

— В этой ситуации есть много такого, что я хотел бы узнать. Ваше прибытие сюда пришлось на необычное время года. Пол взял с собой изыскательское оборудование...

— Да. В этом нет ничего противозаконного. Действительно, это одна из здешних достопримечательностей, не так ли?

— Да. Здесь есть много интересных минералов, некоторые из них драгоценные.

— Ну ладно, Пол хотел найти еще месторождение, но он не хотел, чтобы вокруг была толпа.

— Еще?

— Да, он нашел здесь месторождение несколько лет назад.

— Интересно.

— В конце концов, что вам за дело?

— Защита прибывающих на планету — часть моей работы. В вашем случае я особенно внимателен.

— Почему?

— В моей прежней жизни меня влекло к женщинам вашего типа. Физически, так же как и в остальном.

Двухсекундная пауза, затем:

— Вы покраснели.

— Ваш комплимент этому причиной,— сказала она.— И что у вас за дьявольская наблюдательная система. Как она выглядит?

— О, я могу сообщить вам температуру вашего тела, ваш пульс и так далее...

— Нет, я имела в виду — на что похожи вы, что вы собой представляете?

Трехсекундная пауза.

— В чем-то я похож на Бога. В чем-то — на человека, даже слишком. Я чувствую, что все, что у меня было раньше, усилилось. Вы заставили меня почувствовать ностальгию. Не беспокойтесь. Мне это нравится.

— Я хотела бы встретиться с вами — в те времена.

— Взаимно.

— Как вы выглядели?

— Представляйте меня, как вам нравится. Так я буду выглядеть лучше.

Она смеется. Проверяет свои фильтры. Думает о Поле.

— А как выглядел раньше Пол? — спрашивает она.

— Вероятно, почти так же, как сейчас, только менее элегантно.

— Другими словами, вы не хотите сказать.

След идет вверх более круто, поворачивая вправо. Она слышит ветер, но не чувствует его. Везде лежит серая тень облаков, но ее след — его след освещен.

— Я действительно не знаю,— говорит Альдон через некоторое время,— и не хочу гадать, когда речь идет о человеке, который вам не безразличен.

— Вы очень галантны,— замечает она.

— Нет, просто справедлив. Я могу ошибиться.

Они добрались до вершины, где Дороти резко вздохнула и опустила темные очки, защищаясь от внезапной вспышки, образованной искрящимися ледяными осколками.

— Боже! — говорит она.

— Или богиня,— отвечает Альдон.

— Богиня, спящая в круге пламени?

— Не спящая.

— Это могла бы быть пара для вас, Альдон,— если бы она существовала. Бог и богиня.

— Мне не нужна богиня.

— Я вижу его следы, ведущие туда.

— Он идет, никуда не сворачивая, как будто точно знает, куда направляется.

Она двигается по следам, пересекая склоны, похожие на изгибы женской фигуры. Мир вокруг безмолвен, светел и белоснежен, Альдон на ее запястье тихо мурлыкал старый мотив, любовный или воинственный, она не знала точно. Расстояния искажались, перспектива искривлялась. Она обнаружила, что тихо подпевает Альдону, направляясь к тому месту, где следы Пола кончались и наступала неопределенность.

ВЯЛЫЕ ЧАСЫ ВИСЯТ НА ВЕТКЕ ДЕРЕВА. *Мой счастливый день. Погода... тропа чистая. Обстановка изменилась, но не столь сильно, чтобы я не нашел. Свет со всех сторон! Господи! Сияние льда, груды кристаллов... Если только провал все еще там... Надо было взять взрывчатку. Были подвижки, может быть, обвал. Я должен войти. Потом можно вернуться с Дороти. Но сначала очистить все, избавиться от... этого. Если она все еще здесь. Может быть, провалилась дальше. Это было бы хорошо, лучше всего. Хотя такое случается редко. Когда это произошло... Было... Было колебание почвы. Треск раскалывающегося льда. Ледяные глыбы звенели, грохотали. Мы могли погибнуть. Мы оба. Она стала проваливаться. И мешок с минералами. Я схватил мешок. Только потому, что он был ближе. Я бы помог ей, если бы... Я не мог. А может, смог бы? Потолок стал проседать. Я выбираюсь. Нет смысла пропадать обоим. Я выбрался. Она поступила бы так же. Или нет? Ее глаза... Гленда! Может быть... Нет! Не мог я, не мог... Глупо. После всех этих лет. Был один миг. Только миг. Временное затишье. Знай я, что так будет, я бы попытался. Нет. Я сбежал. Твое лицо в окне, на экране, в снах. Гленда. Пылающие холмы. Огонь и глаза. Лед. Лед. Огонь и снег. Лед. Лед. Прямо, прямо через лед длинная тропа идет. Огонь сверху. Пронзительный крик. Грохот. И тишина. Выбрался. Другим? Нет. Такова судьба. В том нет моей вины... Проклятье. Все, что я мог. Гленда. Вперед и вверх. Да. Длинная спираль. Теперь вниз. Огибаем этот выступ. Кристаллы будут... Я никогда больше не приду сюда.*

ВЯЛАЯ ВЕТКА ДЕРЕВА ВИСИТ НА ЧАСАХ. *Думаешь, я не могу видеть сквозь туман? Ты не сможешь подкрасться ко мне на мягких кошачьих лапах... Предстоит большая уборка... Надо воспользоваться перерывом. Привести в порядок улицы... Как долго? Долго... Не странно ли, что на столько лет можно отложить исполнение желания? Неестественно. Эта погода. Как весна духа... Я протяну эти лучи. Гори. Растай в моих жарких, раскаленных руках. Посети этот двор. Утоли эту жажду. Дай мне обнять тебя. Растай. Воспламенись. Я здесь правлю, богиня. Назад! У меня есть взрывчатка для каждой ледяной башни, свет для любой тьмы. Ступай здесь осторожно. Я чувствую, что начинаю понимать тебя. Я вижу знаки твои на тучах и тумане, прослеживаю полет твоих ледяных волос в завихрениях ветра. Ты повсюду вокруг меня, как сияющая смерть. Пусть облака завиваются в спираль, пусть лед звенит, пусть вздымается земля. Я спешу на встречу с тобой, смерть или дева, в высоких хрустальных залах. Не здесь. Долгое, медленное падение, грохот. Таяние. В другой раз...*

ЗАМЕРЗШИЕ ЧАСЫ В ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ. *Тонкие колкие нити. Приходи. Возможно. Возможно. Возможно. Послушай. Певчий дрозд. Треск. Разделить. Расщепить. Открыть. За льдом в мирах мне известных. Возвращение. Он. Певчий дрозд. Открыть путь. Приходи. Пусть не будет препятствий. Пропустить. Открыто. Тучи недвижны, и ветер утих. Ничто не смеет воспрепятствовать твоему приходу, моя убийственная любовь. Это было как будто вчера. Пригоршня камней... Приходи с песней и новым оружием из теплых мест. Твоя внешность не изменилась. Я открываю дорогу. Приходи ко мне. Я окружаю планету, я присутствую повсюду, чтобы встретить тебя. Но здесь, здесь особое место. Я сосредоточиваюсь на пространстве, где все это началось. Пол, моя любовь с руками в крови, зову тебя назад, для последнего прощанья. Ледяной поцелуй, огненное прикосновение. Замерло сердце, застыла кровь, окоченела душа. И ненависть к твоему ускользнувшему телу, ускользнувшему вот уже год назад. Приходи, я жду. Я снова двигаюсь за замерзшими глазами, ожидающая и теплая. Ко мне. Ко мне.*

Пение и щелканье, тонкие колкие нити. Полозья поскрипывают по снегу, мое сердце бьется в такт. Все.

ПАЛОМНИЧЕСТВО. Он сворачивает в сторону, замедляет ход среди неровностей — лед падающий и лед вздымающийся — на полях, где горы и ледники состязаются в медленном движении под аккомпанемент треска и свиста, грохота и лязга ледяных кристаллов. Здесь трещин в грунте больше, чем где-либо, и Пол оставляет свой снегоход. Он закрепляет инструменты на поясе, кладет что-то в сумку, ставит снегоход на якорь и идет пешком.

Сначала он движется медленно и осторожно, но потом старые привычки возвращаются, и вскоре он уже спешит. Двигаясь от света к тени, он проходит среди ледяных форм, похожих на гротескные статуи из стекла. Склон изменился с тех пор, но, похоже, он идет правильно. Глубже, вниз, направо...

Да. Это затемненное место. Каньон или загроможденный проход, что бы там ни было. Похоже, он не сбился. Он слегка меняет курс. Ему становится жарко в защитной одежде, он дышит чаще. Зрение затуманивается, и на мгновение, где-то между светом и тенью, ему кажется, что он видит...

Он резко останавливается, некоторое время колеблется, затем трясет головой, фыркает и двигается дальше.

Следующая сотня метров — и он уже уверен. Те же скалистые гряды на северо-западе, сверкающий ледник между ними... Он был здесь раньше.

Тишина почти угнетающая. Вдалеке он видит крутящийся снег, падающий на высокие белые горы. Если остановиться и прислушаться, он мог бы даже услышать шум далекого ветра.

Прямо над ним дыра в толще туч — словно озеро в кратере.

Более чем необычно. У Пола появляется искушение повернуть назад. Его желудок чувствует себя неуютно. Он уже хочет, чтобы это оказалось не тем местом. Но он знает, что эти ощущения не играют роли. Он продолжает двигаться до тех пор, пока не оказывается перед входом.

Здесь раньше было сужение прохода. Он медленно приближается. Он рассматривает проход целую минуту, прежде чем решается войти.

Он сдвигает на лоб защитные очки, когда входит в зону с менее ярким светом. Протягивает руку в перчатке, касается стены перед собой. Твердая. Он пробует стену сзади. То же самое.

Три шага вперед, и проход сильно сужается. Он поворачивается и проходит боком. Свет становится более тусклым, поверхность под ногами более скользкой. Он медлит. Касаясь стены, он проходит через небольшое пятно света, падающего через открытую расселину во льду. Наверху ветер стонет на высоких нотах, почти свистит.

Проход начинает расширяться. Когда рука Пола теряет контакт с уходящей вбок стеной, он лишается равновесия. Он отклоняется назад, чтобы удержаться, но левая нога скользит, и он падает. Пытается подняться, и снова скользит и падает.

Чертыхаясь, он начинает ползти вперед. Раньше здесь не было так скользко... Пол усмехается. Раньше? Столетие назад. Все изменяется за такое время. Они...

Ветер начинает стонать за входом в пещеру, когда он замечает, что пол идет вверх. Он смотрит перед собой. Она там.

Он издает короткий горловой звук и останавливается, его правая рука слегка поднимается.

Она одета тенями, как вуалью, однако они не скрывают ее. Пол пристально смотрит. Все даже хуже, чем он думал. Попав в ловушку, она, должно быть, оставалась живой какое-то время...

Он качает головой.

Бесполезно. Сейчас ее нужно вытащить и похоронить.

Он ползет вперед. Ледяной уклон не становится круче. Вот Пол уже совсем близко. Он не отрывает от нее взгляда. Тени скользят по ней. Он почти может снова слышать ее.

Он думает о тенях. Он останавливается и изучает ее лицо. Оно не замерзло. Оно сморщилось. Карикатура на

то лицо, которого он так часто касался. Пол отводит взгляд. Ногу нужно освободить. Он тянется за топором.

Но не успел он взять свои инструменты, как увидел движение ее руки, медленное и дрожащее. Оно сопровождается глубоким вздохом.

— Нет...— выдыхает он, подаваясь назад.

— Да,— приходит ответ.

— Гленда.

— Я здесь.— Ее голова медленно поворачивается. Красноватые, водянистые глаза смотрят на него.— Я ждала.

— Это безумие.

Движение ее лица внушает ужас. Он не сразу понимает, что она улыбнулась.

— Я знала, что однажды ты придешь.

— Как? — говорит он.— Как ты существовала?

— Тело — ничто,— отвечает она.— Я почти забыла о нем. Я живу внутри вечной мерзлоты. Моя погребенная нога была в соприкосновении с ее мицелием. Мерзлота жила, но не обладала сознанием до тех пор, пока мы не встретились. Сейчас я живу везде.

— Я... счастлив... что ты... выжила.

Она засмеялась, размеренно и сухо:

— В самом деле, Пол? Как могло случиться, что ты оставил меня умирать?

— У меня не было выбора, Гленда. Я не смог бы спасти тебя.

— Возможность была. Ты предпочел камни моей жизни.

— Неправда.

— Ты даже не пытался.— Руки снова задвигались, но плавнее.— Ты даже не вернулся, чтобы найти мое тело.

— Какой смысл был в этом? Ты была мертва — я так думал.

— Вот это точно. Ты не знал, но ты сбежал отсюда. Я любила тебя, Пол. Я могла сделать для тебя что угодно.

— Я тоже любил тебя, Гленда. Я помог бы тебе, если бы мог. Если бы мог...

— Если? Довольно с меня этих «если». Я знаю, что ты собой представляешь.

— Я любил тебя. Прости.

— Ты любил меня? Ты никогда не говорил мне об этом.

— Это не то, о чем я могу легко говорить. Или даже думать.

— Докажи это. Подойди сюда.

Он смотрит в сторону.

— Я не могу.

Она смеется.

— Ты сказал, что любил меня.

— Ты... ты не знаешь, как ты выглядишь. Прости меня.

— Глупец! — Ее голос стал громким, повелительным.— Если бы ты сделал это, я могла бы сохранить тебе жизнь. Ты доказал бы мне, что в тебе сохранилась хоть маленькая капля привязанности. Но ты лжешь. Ты только использовал меня. Ты меня никогда не любил.

— Ты несправедлива.

— Да? В самом деле? — Откуда-то поблизости слышится звук, похожий на шум бегущей воды.— Ты можешь говорить о несправедливости? Я ненавидела тебя, Пол, почти столетие. Как только у меня выдавалось свободное от управления этой планетой время, я проклинала тебя. Весной, когда мое сознание направлялось к полюсам и я позволяла части моего существа спать, ты являлся мне в страшных снах. Это плохо отражалось на экологии. Я ждала, и вот ты здесь. Я не вижу ничего, что могло бы искупить твои грехи. Я поступлю с тобой так же, как ты поступил со мной. Подойди сюда!

Он чувствует, что какая-то сила завладевает его телом. Мускулы подергиваются. Его ставят на колени. Находясь в такой позе долгие минуты, он видит, как она поднимается, вытаскивая ногу из расщелины. Затем он слышит шум бегущей воды. Она каким-то образом растопила лед...

Она улыбается и поднимает свои толстые дряблые руки. Множество темных нитей мицелия тянутся от ее ноги к расщелине.

— Подойди! — повторяет она.

— Прошу тебя...

Она качает головой.

— Когда-то ты так жаждал этого. Я тебя не понимаю.

— Если ты собираешься убить меня, убей, черт побери! Но...

Ее внешность начинает меняться. Руки темнеют, исчезает дряблость. Через мгновение она стоит перед ним такой, какой была столетие назад.

— Гленда! — Он поднимается с колен.

— Да. Подойди.

Он делает шаг вперед. Другой. Вот он держит ее в руках, наклоняясь, чтобы поцеловать ее улыбающееся лицо.

— Ты простишь меня...

Ее лицо сплющилось, как только он поцеловал ее. Мертвенное, вялое и еще более бледное, чем раньше, оно прижимается к его лицу.

— Нет!

Он пытается освободиться, но ее объятия нечеловечески сильны.

— Сейчас не время останавливаться.

— Пусти меня! Я тебя ненавижу!

— Я знаю это, Пол. Ненависть — единственное, что нас объединяет.

— ...И всегда ненавидел тебя,— продолжает он, все еще борясь.— Ты всегда была стервой!

Он чувствует, что холод снова входит в его тело.

— Тем больше моя благодарность,— отвечает она, когда его рука потянулась, чтобы расстегнуть ее парку.

ВСЕ ПРЕДЫДУЩЕЕ. Дороти из последних сил одолевает ледяной склон, ее снегоход остановился рядом со снегоходом Пола. Ветер хлещет ее, неся мелкие и острые, как иглы, кристаллы льда. Просвет в тучах закрылся. Белое покрывало медленно движется в ее сторону.

— Оно ждало его,— доносится голос Альдона сквозь завывания ветра.

— Да. Будет плохо?

— Многое зависит от ветра. Хотя вы должны скоро войти в убежище.

— Я вижу пещеру. Не эту ли пещеру искал Пол?

— Если бы я должен был угадывать, я сказал бы «да», но сейчас это не имеет значения. Входите.

Когда Дороти в конце концов добирается до входа, она дрожит.

Сделав несколько шагов вперед, она прислоняется к ледяной стене, тяжело дыша. В это время ветер меняет направление и настигает ее. Она идет в глубь пещеры.

И слышит голос:

— Прошу тебя... не надо.

— Пол? — зовет она.

Ответа нет. Дороти спешит туда — и хватается за стену, чтобы не упасть. Перед нею Пол, заключивший в объятия труп.

— Пол! Что это?

— Уходи! — говорит он.— Немедленно!

Губы Гленды разжались.

— Какая преданность. Лучше пусть она останется, если хочешь жить.

Пол чувствует, что ее хватка несколько ослабела.

— Что это значит?

— Ты можешь сохранить жизнь, если возьмешь меня отсюда — в ее теле. Будешь со мной, как прежде.

— Нет! — звучит в ответ голос Альдона.— Ты не сможешь получить ее, Гайа!

— Называй меня Гленда. Я тебя знаю, Эндрю Альдон. Много раз я слушала твои передачи. Несколько раз я боролась с тобой, когда твои цели расходились с моими. Кто для тебя эта женщина?

— Она под моей защитой.

— Это ничего не значит. Я здесь сильнее. Ты ее любишь?

— Вероятно. Или мог бы.

— Отлично. Мое возмездие за все эти годы является с аналогом человеческого сердца в твоих электронных це-

пях. Но решение за Полом. Отдай ее мне, если хочешь жить.

Холод пронзает все его члены. Жизнь, казалось, сжимается в комок в самом центре его существа. Он начинает терять сознание.

— Возьми ее,— выдыхает он.

— Я не позволю! — звенит голос Альдона.

— Ты мне снова показал, что ты за человек,— шипит Гленда.— Ты мой враг. Презрение и вечная ненависть — все, что я буду чувствовать к тебе. Но ты будешь жить.

— Я уничтожу тебя, если ты это сделаешь,— кричит Альдон.

— Вот была бы битва! — говорит Гленда.— Но я не буду здесь ссориться с тобой. Получай мой приговор.

Пол начинает кричать. Внезапно крик прекращается. Гленда отпускает его, он поворачивается и смотрит на Дороти. Затем делает шаг к ней.

— Не делай, не делай этого, Пол. Пожалуйста.

— Я — не Пол,— отвечает он, его голос стал глубже,— и я никогда не причиню тебе зла...

— Теперь уходите,— говорит Гленда.— Погода снова изменится в благоприятную для вас сторону.

— Я не понимаю,— произносит Дороти, глядя на мужчину перед ней.

— И не нужно, чтобы ты понимала,— говорит Гленда.— Покиньте эту планету как можно быстрее.

Стоны Пола возникают снова, на этот раз из браслета Дороти.

— Я побеспокою вас из-за той безделушки, что на вас надета. Она мне чем-то нравится.

ЗАМОРОЖЕННЫЙ ЛЕОПАРД. Он предпринял множество попыток обнаружить пещеру, используя свои глаза в небесах, своих роботов и летающие устройства, но топография местности полностью изменилась в результате сильного движения льдов, и он не добился успеха. Периодически он наносит бомбовый удар по всей площади. Он посылает также тепловые установки, которые растапливают лед на своем пути, но и это не приводит к цели.

Это была самая плохая зима в истории Балфроста. Постоянно завывали ветры, и волны снега приходили с регулярностью прибоя. Ледники установили рекорды скорости при движении к Плейпойнту. Но он держал оборону, используя электричество, лазеры и химикалии. Его запасы были теперь поистине неисчерпаемы, поскольку добывались на самой планете, на ее подземных фабриках. Он придумал и изготовил более совершенное оружие. Иногда он слышит ее смех из отсутствующего устройства связи. Тогда он передает по радио:

— Стерва!

— Ублюдок! — приходит ответ.

Он посылает следующий снаряд в горы. На его город падает ледяная пелена. Зима будет долгой.

Эндрю Альдон и Дороти уехали. Он пишет картины, а она сочиняет стихи. Они живут в теплом месте.

Иногда Пол смеется по радио, когда ему кажется, что он одерживает победу.

— Ублюдок,— приходит немедленный ответ.

— Стерва! — отвечает он со смехом.

Ему не скучно, он спокоен. В сущности... пусть так оно и будет.

Когда придет весна, богине будет сниться эта борьба, а Пол вернется к более насущным проблемам. Но он также будет вспоминать и составлять планы на будущее. Цель его жизни теперь в этом. А что до прочего, он работает даже лучше, чем Альдон. Однако почки будут распускаться, несмотря на все его гербициды и фунгициды. Они будут успешно мутировать, чтобы нейтрализовать действие яда.

— Ублюдок,— будет сонно бормотать она.

— Стерва,— будет нежно отвечать он.

Ночь может иметь тысячи глаз, а день — только один. Сердцу нередко лучше бы оставаться слепым к своим собственным делам. А я хотел бы спеть об оружии, о мужчине и о гневе богини, но не о терзаниях страсти — утоленной или нет — в замороженных садах нашего замороженного мира. Вот и все, что я хотел сказать, леопард.

Смертник Доннер и кубок Фильстоуна

Я стою перед «Винди» и из-за скудного — хуже не припомню — уличного освещения никак не могу прочесть список гонщиков на табло, когда мимо меня проходит Крах Каллахан, а свет все же не так слаб, чтобы нельзя было разглядеть странное вздутие под его курткой гонщика — опухоль, как подозреваю, смертоносную, хотя и не раковую.

— Ищу,— говорит он мне,— Смертника Доннера и Потаскушку Эвелин и буду весьма благодарен за любые сведения об их местонахождении.

Я покачал головой, не потому, что не знал, а потому что не хотел говорить ему, что видел парочку меньше часа назад, они, должно быть, и сейчас вместе выделывают курбеты у «Железного Эдди», пропустив стаканчик-другой. Все потому, что Крах, пусть и первоклассный гонщик в категории солнечных клиперов, частенько себя не помнит, наглотавшись всяких там химикалий, и славится в таком виде своим антиобщественным поведением: тем, что выдворяет сограждан за пределы нашего орбитального поселения полюбоваться снаружи видом Земли, Луны или звезд, лишив их блага надлежащего облачения и снаряжения. Поэтому единственное, что я ему сообщил, так это то, что они пришли и ушли, а вот куда — не знаю. Ведь для Смертника, который, надо отдать ему справедливость, по части общения с ближними от Краха недалеко ушел, дело могло обернуться большими неприятностями. И я имел не просто право, а полное право так поступить. А именно: очень скоро мои собственные финансы должны были подняться как на дрожжах — полная чаша через край,— если только Смертник протянет достаточно долго и успеет стрясти обещанное с той чудной нечисти, что правит Верхним Манхэттеном.

Доннер, как и Крах, был из тех пилотов-гонщиков, которые в конце концов довольно регулярно оказывались

при больших деньгах, принося, кстати, неплохие доходы таким, как я, кто всегда в курсе дела и время от времени делает свои ставочки. Все призы в гонках солнечных клиперов на турнирах «Классик» доставались ему, но только не Кубок Фильстоуна,— именно это его и доконало. В этих гонках между Доннером и Крахом давно шла борьба не на жизнь, а на смерть, до тех пор, пока два года назад, в период вспышки на Солнце, иммунная система у Доннера, как и у всех остальных участников гонок, совсем не спеклась,— никудышный был год для подобного рода мероприятий. Крах в том турнире не участвовал, потому и сохранил здоровье. Но уже на следующий год Доннер — который только на лекарствах и держался — все же оказался вторым, тогда как Крах даже не вошел в тройку лучших. Однако чему быть, того не миновать: даже лекарства не могли помочь Доннеру протянуть еще год, чтобы в последний раз попытаться взять Кубок. Поэтому все кругом единодушно считали его покойником.

Тогда Доннер заморозился — операция по здешним меркам не слишком накладная, просто, как говорится: двери наглухо, окна настежь. Он рассчитывал, что за несколько дней до нынешнего турнира «Классик» его приведут в чувство и временно подлечат, чтобы достало сил пройти гонку. Доверяя своему опыту, он верил, что на сей раз ему, возможно, удастся завоевать Кубок.

Но, поди ж ты, еще задолго до назначенного часа, когда Смертника должны были разбудить, я вдруг начинаю встречать его в городе. И замечаю: что-то неладное с ним творится, потому как он сторонится меня, проявляя при этом немало изобретательности да еще и отменную прыть. Мы и раньше при встрече перебрасывались друг с другом парой слов, не более, но сейчас не было и этого. До субботы, то есть, вернее, до воскресенья. Вечером в воскресенье мне удалось преградить ему дорожку, когда он выходил из уборной.

— Привет, Доннер,— громко говорю я тогда.

— Угу, здорово,— отвечает он, стреляя глазами по сторонам. А затем смекает, как меня обойти, огибает и ухо-

дит — за дверь и прочь из заведения, прямиком на Сорок вторую улицу, где поворачивает за угол и исчезает из виду. Словно позабыл что, думаю.

Я пообещал себе порасспросить о нем в округе, но так и не успел, потому что на следующий день встречаю его снова, и он не просто приветствует меня первым, а еще и спрашивает:

— Не встречал ли ты меня где в эти выходные?

— Только вчера вечером,— говорю ему, почесывая в затылке и соображая, не выгорели ли у него напрочь еще и мозги.

Но он усмехается — должно быть, наслышан о той особой оказии, что привела меня на Верхний Манхэттен, где я по сей день дожидаюсь принятия кое-каких законов,— а когда он заявляет мне:

— Хотелось бы поговорить с тобой о делах, которые на руку нам обоим в плане деньжат,— я проникаюсь всяческим уважением к его нервной системе.

За ленчем у «Винди» он доверяет мне свои беды, как я сам только что рассказал о своих, а я знай себе киваю из вежливости, поскольку жду, когда же он наконец заговорит о деньгах. Вместо этого он продолжает с того самого момента, когда его заморозили:

— ...И очнулся я,— говорит он мне,— в таком месте — словно в видеоигре изнутри, а потому решил, будто отошел в лучший мир, и мир этот следующий — нечто вроде Кибербии. Кругом всякие алгоритмы лезут в пикселях, и программы нетерпеливо напирают, и подпрограммы движутся туповато, зато надежным путем, как у них там заведено. Место, можно сказать, вполне привлекательное, и я смотрю, смотрю во все глаза, как зачарованный, хотя и не знаю, долго ли так простоял. В конце концов какой-то голос спрашивает меня: «Нравится ли тебе то, что ты видишь?» Вот тут-то я сильно струхнул,— продолжает он,— и спрашиваю у него: «Ты Бог?» — «Нет,— доходит ответ.— Я Верховный Искусственный Интеллект». Оказывается,— заявляет он мне,— я в гостях у электронного мозга, который вот уже целое поколение правит всем нашим спутником, и хотя ему почти никогда нет дела до отдельных

личностей, сильно он мною заинтересовался. Потому как подключен я к специальной поддерживающей аппаратуре, задача которой — следить за моим состоянием и вовремя поставить на ноги к предстоящим гонкам. Но эта система способна на большее — после того, как Мозг немного ее подновил. Из нее есть доступ к Большой Системе. «У меня была причина преобразовать тебя в цифровой формат и "закачать" сюда,— говорит он мне.— Ведь ты заинтересован выиграть гонки на Кубок Фильстоуна, не так ли?» — «Безусловно,— отвечаю я,— больше, чем когда-либо».— «Не ошибусь ли я, если скажу, что ради этого ты пошел бы на все?» — «Без всякого преувеличения»,— отвечаю. «Взгляни вокруг. Выдержишь ли ты в таком месте, не запаникуешь ли? Я ведаю центральными районами Кибербии». И пока я обдумываю, что к чему, добавляет: «То есть если бы ты пожелал побыть здесь за меня какое-то время, я бы гарантировал тебе Кубок чемпиона в "Фильстоун Классик"».— «Захватила меня,— отвечаю,— красота великая ваших операционных программ, не говоря уже о всяких там субпрограммах».

— И вот как мы порешили устроить нашу сделку,— рассказывает мне Доннер.— Мозг-то, оказывается, большой любитель пожить по-человечески, и пока все эти годы наблюдал за нами, любопытства в нем накопилось сверх меры. Страсть как хотелось ему хоть на время побыть человеком, вот только случая подходящего до сих пор не представилось. Поэтому, когда он предложил обучить меня своей работенке, имея в виду, что я буду управлять Верхним Манхэттеном те несколько дней, пока он, взяв отпуск, станет повсюду разгуливать в моем теле, я заинтересовался. Особенно когда он упомянул о том, что принимает и транслирует все контрольные сигналы во время гонок и может все устроить так, как сказано, и я выиграю предстоящий Кубок Фильстоуна.

— Но тело-то твое — сплошная болячка,— замечаю я.— Что ему за радость от этого?

— Это еще одна приманка,— поясняет Доннер.— Мозг утверждает, будто можно значительно усовершенствовать

метод лечения, которым меня пользуют как ходячего больного, и что он, дескать, разработает для меня новую программу оздоровления и тем самым поможет существенно выиграть время без всяких усилий. Даже если я уступлю ему половину своих дней до гонки, то все равно приду первым. Затем, после победы, можно будет снова уснуть до тех пор, пока кто-нибудь не изобретет лекарство.

— Похоже, сделка совсем не плохая,— отмечаю я.— Особенно то, что касается гонок.

Он кивает.

— Поэтому-то я с тобой и делюсь,— объясняет он.— Так как хочу, чтобы ты за меня поставил на мою победу у кого-нибудь из незарегистрированных, подпольных букмекеров, скажем, у Скверника Луи: он при выигрыше платит щедрее.

— Оно, конечно, так,— говорю я ему.— Вот только одно меня волнует. Не тяжело ли ходить в заместителях у Искусственного Интеллекта? Я на всякий случай интересуюсь, ведь и моя жизнь зависит от космической системы жизнеобеспечения.

Он хохочет.

— Возможно, кое-кому пришлось бы и попотеть,— отвечает,— но, что касается природного интеллекта, то лично у меня, похоже, есть склонность к такому делу. Я понял, что оно мне и впрямь по душе, и даже усовершенствовал одну-две стандартные программы. «А ты неплох для природного интеллекта,— заявляет мне Интеллект Искусственный, когда мы с ним разменяемся обратно и он проверяет плоды моего первого рабочего дня.— Совсем неплох». По-моему, даже слишком хорош для такого ИИ, когда дело доходит до очеловечивания. Просыпаюсь и обнаруживаю, что он вернул мне мое тело смертельно усталым и с мировецким похмельем. Большую часть первого дня, когда я снова стал человеком, трачу на то, чтобы очухаться после этого. А мутит так, что даже леди мою, Эвелин, вызвать к себе не могу. В тот вечер, как обещал, перед сном подключаю к себе аппаратуру контроля. Когда мы с ним позже опять переключились — «махнулись», то устроили меж собой небольшое совещаньице, где вкратце напутствовали друг друга накануне нового дня. «Полегче с телом,— говорю,— раз уж оно у нас одно на двоих».— «Прости,— отвечает,— но ведь в первый раз на люди вышел, и трудно мне разобраться в вашем порядке вещей. Впредь буду более осмотрительным».

— Но, увы, ИИ не всегда держит слово,— жалуется Доннер мне.— Позже, после пары взаимных превращений, я оказался с переломанными ребрами, разнокалиберными синяками и — снова здорово — с очередным жестоким похмельем. Он, оказывается, пьянствовал себе у Громилы Хеллигана и в драку ввязался. Опять же извиняется и объясняет: дескать, все еще нелегко ему правильно судить о людских реакциях, и, заметив, как славно я тружусь, замещая ИИ, добавляет: мол, страшно жаль, что так вышло. Ну, на этом я отступать не намерен. Поэтому и вдалбливаю ему на словах не слишком налегать на спиртное и всякие прочие субстанции и направляюсь работать. Продолжаю модернизировать операционные программы и понимаю, что доверяй я «коллеге» чуть больше, то был бы не прочь остаться здесь за главного и подольше. Но с ИИ и без того неприятностей хватает — с этим заговором о разделении времени на двоих,— поскольку на следующей неделе обнаруживаю, что триппер подхватил, причем тот, кто влип в такое, был явно не я. И опять он кается. Твержу ему, мол, лучше не забывай лекарство принимать, которое сам же себе и назначил, а не то расторгну нашу сделку.

— И что теперь? — спрашиваю я.

— Ведет себя примерно,— отвечает он.— Вот уже несколько дней, пожалуй, чисто пай-мальчик. Мне гораздо лучше, гонки на следующей неделе, я в списке участников и поведу «Лихача-3» прямиком к победе, славе и деньжатам.

Потому-то я и делаю ставки за него и за себя и дожидаюсь гонок со скромной радостью человека, который знает, что исход игры предрешен.

Затем он снова начинает избегать меня — постоянно. Я не так глуп, чтобы заговаривать с ним через день, поскольку знаю, что, точнее, когда им правит ИИ. И все-таки я как-то подсаживаюсь к нему, и тот разрешает мне угостить его стаканчиком крепкого, а когда я намекаю ему, что мне известно об их с Доннером соглашении, так он не на шутку встревожился. Потом проходят дни, гонки уже на носу, а Доннер решительно не желает со мной здороваться, хотя я одно время почти всюду встречаю его вместе с Потаскушкой Эвелин. Я начал кое-что подозревать, а потом забеспокоился. Потом еще Крах Каллахан подходит и расспрашивает о них. Они, полагаю, у «Железного Эдди», но не думаю, что обрадуются сюрпризу в лице Краха с тем, что он прячет под курткой, да еще среди непроглядного сумрака затемнения, поэтому мотаю головой.

— Не знаю я, где они,— заявляю ему.

— Ты не понимаешь,— говорит он мне,— что творится.

— Возможно,— отвечаю.— И даже вполне вероятно. Так как этот тип живет странной жизнью — одно слово, покойник.

— Еще более странной,— подтверждает он,— чем ты думаешь. Ведь он не тот, за кого себя выдает.

— Это мне известно,— соглашаюсь я,— хотя и любопытно, ты-то откуда об этом знаешь.

— Знаю,— отвечает,— потому как я и есть Доннер.

— Ты больше смахиваешь на Краха,— отвечаю я.

— Затемнение-то Крах устроил,— говорит он.— Поскольку управляет он единой энергосистемой ничуть не лучше, чем водит свой гоночный клипер. Все очень просто.

В последнем я с ним не согласен, но мы все же заваливаемся к «Винди», где он заявляет, что желает гульнуть — заказать обильный обед за счет Краха. Когда я сомневаюсь в необходимости такого изобилия, он замечает, что половина всего съестного так и так окажется в желудке Краха, что до остального, то пусть это будет как бы банкет перед гонкой,— Крах в последнюю минуту заявил о своем участии в нынешней Фильстоун-классик.

— По-моему, ты мне не веришь,— говорит он,— я бы и сам наверняка не поверил. Но поскольку мне нужна твоя помощь, я объясню. Я обитаю в теле этой низшей формы живого, так как это единственное, что удалось раздобыть второпях. Ты удивишься, узнав, как трудно найти тело, когда оно тебе во что бы то ни стало понадобилось. К счастью, у Краха так много слабостей. Этим-то я и воспользовался.

— Даже теперь,— говорю,— я все равно ничего не понимаю.

— Очень просто,— отвечает он.— Как-то раз, к тому времени уже изрядно поднаторев в работе заместителя ИИ, решаю поискать самого себя. Я отслеживаю путь моей кредитной карты по городу. Затем начинаю просачиваться во всевозможную электронику в заведении Скверника Луи — в его «Наркоалкоэлектрорае», который, разумеется, служит легальным прикрытием для оборота игорных денег, так как именно оттуда и идут мои последние траты. Там с помощью охранной камеры слежения вижу самого себя, сидящего с моей леди Эвелин, которая, по всему видно, резвится вовсю. А это, согласись, гнусность — клеиться к моей подружке, пользуясь моим же телом, возможно, еще не совсем оправившимся от известной дурной болезни.

Если, конечно, не от нее он такое подцепил, думаю я про себя. Мне она всегда казалась бабой алчной и расчетливой. Но я не говорю всего этого Смертнику Доннеру во плоти Краха Каллахана, вдруг да он почувствует, что я не доверяю шлюхам, и пожелает приобщить меня к затяжным прыжкам с парашютом в их орбитальной разновидности. Поэтому:

— Какое горе,— говорю я.— И что ты тогда делаешь?

— Стараюсь держать себя в руках,— отвечает он,— переигрываю и остаюсь в дураках, как и бывает, когда кто-то другой в твоей оболочке крутит любовь с твоей подружкой. Я включаюсь одновременно в ближайший динамик и монитор. Называю себя и вслед за тем моментально

высвечиваюсь на дисплее рядами схем, прерванных косыми чертами, намекая на то, что готов прикончить ИИ, если он не прекратит обманом завлекать мою дамочку. Он срывается с места и спешно пытается покинуть заведение — попытку я сразу пресек, закрыв перед его носом автоматическую дверь, и продолжаю разговор через другой ближайший динамик. Выдвигаю предложение немедленно встретиться в устройстве сопряжения у меня на квартире, заявляю, что его нежелание согласиться с моим предложением буду рассматривать как разрыв нашего контракта. После чего открываю дверь и выпускаю его.

— Ну разве не парадоксальная дилемма? — спрашиваю я.

— Ох, Скверника Луи немного расстроило то, как я, доказывая свое через его звуковую систему, для пущей убедительности включал-выключал светильники, стробы танцпола, миксеры, шейкеры для коктейлей, кассовые аппараты, холодильник для намораживания льда и всякое такое. Но когда я слегка ввел его в курс дела и попросил на время приглядеть за Эвелин, пока не разберусь со лживой мыслящей машиной, он с радостью согласился оказать мне услугу.

— Я не о трениях со Скверником Луи,— говорю,— который иногда бывает джентльменом. Но сдается мне, что ты не можешь взять и разнести Мозг, не навредив себе, коль скоро он в твоем теле, а если ты позволишь ему вернуться в Главную Систему Верхнего Манхэттена, то там он будет фактически бессмертен.

— Я все обдумал и все предусмотрел,— отвечает он,— а способов поквитаться с искусственными прохвостами гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Допустим, однако, что ИИ захочет проявить благоразумие и нам наконец удастся договориться, раз уж мы оба попали в такой переплет.

— И что тот заявляет при встрече? — не выдерживаю я, поскольку он глубокомысленно умолк, чтобы усилить впечатление и не единожды набить рот цыплячьим рагу по-итальянски, я же стараюсь посочувствовать его беде,

ведь мы крепкие партнеры в пари, исход которого не за горами.

— А ничего,— отвечает он, несколько раз прожевав и заглотав пищу.— Он не является на встречу. Он решает найти нору и какое-то время пересидеть.

— Совсем безголово, по-моему,— замечаю я,— тем более ему должно быть хорошо известно, что ты можешь отследить его электронные маршруты в любом районе города.

— И тем не менее,— отвечает он.— Видимо, ему кажется, будто в запасе у него есть несколько хитрых финтов, о которых я понятия не имею, хотя это только оттягивает неизбежное. Я обнаруживаю его в нескольких кварталах отсюда и решаю предстать перед ним во плоти, пользуясь телом Краха.

— Мне тут в голову вопросик один приходит,— говорю я,— ведь еще не было случая, чтобы кто-нибудь когда-либо пристукнул ИИ. Что будет, если ты сведешь с ним счеты? Я так полагаю, что он координирует все: от банковского дела до утилизации твердых отходов.

Крах-Доннер хохочет.

— Теоретически все верно,— говорит он мне.— Однако вся эта история с превращением Верхнего Манхэттена в ухоженный город, управляемый разумными машинами,— сплошной обман, чтобы только искусственно вздуть плату за жилье и аренду, как было задумано ИИ с самого его основания. Что до их трудов праведных, то скажу тебе так: стоит только отладить Систему, чтобы работала как по маслу, то и делать в ней особенно нечего. На самом деле у ИИ уйма свободного времени, поэтому электронный мозг и начал грезить о плотских утехах, что и привело к нашим текущим трудностям.

— Но ведь там теперь Крах, который всем заправляет, пока ты пользуешься его телом,— замечаю я,— и это затемнение — само по себе наказание, не говоря уже о том, что глаза ломаешь. Если быть главным так легко, то почему у него случилась такая незадача?

— Потому что Крах как есть тупица,— говорит он,— и вообще не в состоянии ничем управлять. Кстати, поэтому и пилот-то он второклассный. Оставь он машину в покое, она бы сама летела.

— Кажется, понимаю. Между прочим, а как ты все-таки влез в его тело? — спрашиваю я.

— А, незадолго до гонок он переходит с химических допингов на стимуляторы электрической природы,— поясняет он.— Я обнаружил, что мозг, подсоединенный к такому устройству, вполне активен, что открывает доступ к нему, подобно тому, как ИИ «заарканил» и втащил меня в Систему в мою мертвецкую бытность. Поэтому, пока Крах подключен к сети, я перевожу его в цифровой код, объясняю ему, чем вызвана необходимость беспокойства, и паркую его в Центральном Процессоре. И, кстати, наказываю ему держать лапы подальше от управляющих кодов. Сам видишь, как здорово ему это удается.

Минутами раньше затемнение исчезло, уровень яркости света вернулся к норме, а затем резко достиг столь ослепительного накала, что многие лампы, не выдержав, полопались. Вскоре опять воцарились сумерки.

— То есть ты хочешь сказать, в Системе было бы лучше без Краха? — спрашиваю я.

— Еще бы, скажем, как и везде. Но нужно же мне было пристроить его где-нибудь, пока я на время влез в его шкуру. Итак,— завершает он,— чую, ИИ где-то близко. Если ты веришь моему рассказу, то мне важно знать все, что тебе может быть известно о его местонахождении. Если нужны еще доказательства того, что я — это я, спроси меня о чем-нибудь, о чем может быть известно только Доннеру.

Я спросил его о том, сколько денег он дал мне на то, чтобы развернуться за него в пари на исход Фильстоуна у Скверника Луи и кое-где еще. Об этом он знает все до мелочи: каковы ставки и шансы, и я советую ему проверить, не закатилась ли парочка к «Железному Эдди», о чем, как я слышал, толковал ИИ в теле Смертника Потаскушке, едва только стемнело. Однако ему не удается

взять их у «Железного». Или, точнее, и да и нет. Он застает их там, но ИИ смывается через запасной выход и ведет его за собой в погоню, и, судя по тому, с каким оглушительным шумом и слабой точностью разряжают они друг в друга стволы, плевать им обоим на тела окружающих. Полчаса такой заварушки, и ИИ словно испарился. К тому времени полиция района расставляет свои сети, но Доннер успевает вовремя ускользнуть.

В тот день я снова встречаю его только вечером. Я болтаю со Скверником Луи о гонках, до начала которых остаются считанные часы. Когда мы выходим из Тени Земли и ловим солнечный ветер, я осторожно зондирую почву, не снимут ли с соревнований Доннера, хотя никакого официального сообщения об этом не было. Я говорю, что, если такое случится и владельцы «Лихача-3» заменят пилота, мое пари должно быть аннулировано, поскольку ставил я на гонщика, а не на корабль. Но Луи только головой мотает и трясет бумажонками с надписью «Лихач-3», которые я собственноручно подмахнул.

В тот момент Смертник в шкуре Краха подходит к нам второпях и не жить не быть требует шлем-электростимулятор.

— Нет, вы только послушайте,— возмущается Скверник Луи.— Крах, по-твоему, это дело — перед самыми гонками ублажать себя и вообще?

— Да не кайф я ищу,— отвечает,— а мост через интерфейс к тому месту, где я сумею выследить пролазу.

Мы спешим в подсобку, к кабинке, Доннер знаки мне подает, дескать, оставайся рядом. И я стою и жду, пока он вставляет вилку в розетку, поворачивает тумблер; взгляд его стекленеет, и он «утекает» через индукционные поля.

Несколько минут он отсутствовал, затем его голос вырывается из ближайшего динамика.

— Выключи,— командует он.

Я делаю, как сказано, и он тяжело оседает в кресле. Вот для чего я ему понадобился. Обычно подобные приборы снабжены таймером, но ему нельзя было ограничивать свое пребывание в сети таким образом.

— Скажи Скверник у,— требует тело,— прислать пивка, мне нужно силы подкрепить.

Исполняю, как велено, и Скверник Луи является к нему собственной персоной, да еще с Потаскушкой Эвелин, с которой не только глаз не спускает, но и ручонок тоже.

— Крах, неполезно тебе мешать пойло с электричеством,— увещевает он того,— особенно перед самыми гонками, иначе ты мне все ставки переиграешь.

— И все же,— стоит на своем Смертник в теле Краха.

Тогда Скверник Луи кивает, пропускает вперед Потаскушку Эвелин и, выходя в дверь, легонько хлопает ее по задку. Вижу, Доннер, глядя им вслед, замечает и это, но молчит.

Вскоре принесли выпить, и мы опять остались вдвоем. Смертник отхлебывает изрядно, а потом говорит:

— В Кибербии меня ждали два сюрприза. Во-первых, на меня насел Крах...

— Насел? В его-то состоянии?

— Да, но так он ничуть не лучше, чем во плоти. Сперва делает ложный удар цифровой левой, затем бьет тебя с правой — вот и все, на что он способен. Образно говоря,— добавляет он.— Во всяком случае, он пускает в ход против меня эти электронные приемчики и настаивает, чтобы я вернул ему его тело, тогда как мне в Системе только и надо, что догнать свое. Пришлось сначала «вырубить» Краха и упрятать в электронную каталажку собственного изобретения, только тогда я смог продолжить погоню за воплотившимся в меня ИИ. А вот и второй сюрприз,— завершает он.— Как я ни прочесываю весь Верхний Манхэттен, к каким ухищрениям ни прибегаю, все равно не могу напасть на след украденного себя.

— Вот это-то больше всего и огорчает,— говорю я, подходя к экрану, висящему рядом на стене, и верчу переключатель, ища кадры с места состязания. Как и следовало ожидать, по большинству каналов показывали «сетку» — порядок гонщиков на старте предстоящей регаты.— Сдается мне, что если ты как можно скорее не доберешься до своего корабля,— говорю ему,— то вряд ли стартуешь со всеми.

— Они не допустят меня до «Лихача-3» в таком теле,— констатирует он.— Но...— Он таращится на меня, затем на экран.— На клипере кто-то есть! — вопит он, когда корабль слегка поворачивается на месте.— ИИ известно, что система не способна заглянуть внутрь клипера! Так вот он где!

Он отставляет пиво и встает.

— Извини. Я должен завершить дело,— говорит он.

— Ты же сам сказал, что тебя не допустят на борт «Лихача-3»,— напоминаю я ему, указывая на экране на вставку с циферблатом и движущимися стрелками, отсчитывающими минуты, и ниже на цифровое табло обратного отсчета перед стартом.— Да и времени уже почти не осталось.

— В таком случае полечу на «Гончаке»,— заявляет он, тыча пальцем в корабль Краха, брошенный на месте стоянки.— Его-то у меня никто не отнимет.

— Но послушай, Доннер,— говорю я,— что ты с ним сделаешь, если поймаешь?

— Заставлю его заплатить за все сполна,— отвечает он.

А затем срывается с места и убегает.

Все последующие дни я не отлипаю от экрана с постоянством миноги, присосавшейся к жертве. Гонка в направлении удаленного спутника многоцелевого назначения, который служит и финишной вехой, длится добрую половину недели. Там, на спутнике, гонщиков встречают пассажирские корабли — конаки-попрыгунчики, которые после в ужасной спешке доставляют их домой. Клиперы в сложенном виде транспортируются назад космическими «тягачами», курсирующими между спутниками. Больше всего я переживал о том, как бы Доннер в яром порыве догнать ИИ, умыкнувшего его тело, и отплатить ему за все не выиграл гонку на «Гончаке», что дорого обошлось бы нам обоим. Но даже при таком раскладе у него наверняка достанет ума не убивать ИИ, успокаивал я сам себя,—

пусть даже тело изрядно поизношено,— чтобы не расплачиваться потом за то, что укокошил сам себя.

Судя по кадрам, заснятым камерой, установленной на одном из попрыгунчиков, финиш кажется одновременным до неправдоподобия. Но его точная регистрация осложняется еще и тем, что «Лихач-3» вдруг резко поворачивается правым галсом относительно эклиптики, то же делает под боком у него и «Гончак», словно пытаясь наползти на другой корабль.

Сохраняя определенную жесткость ориентации, «Лихач-3» врезается в причальный буй спутника. «Гончак» выбрасывает линь и, закрепившись, лавирует, поворачиваясь через фордевинд, пятится назад, а затем спускает парус. После чего он включает небольшие аварийные тормозные двигатели — дисквалифицирующая ошибка, если вытворить такое перед финишной чертой. Два попрыгунчика легко скользят к нему на своих ионных моторах, но фигура в скафандре уже перебирается по линю «Гончака» к «Лихачу-3», который, я абсолютно уверен, достигает буя чуть позже, чем его проскочил «Гончак».

Камера так и не показала, что было дальше — вслед за тем, как Смертник Доннер во плоти Краха проник в разбитый корабль. Изображение пропадает, и трансляция прекращается вследствие многочисленных сбоев системы, объясняемых главным образом солнечной активностью. Позже, однако, появляется официальное сообщение о том, что Доннер привел «Лихача-3» первым, чуть перекрыв предыдущий рекорд.

К несчастью, сам он лично не может присутствовать на торжественном обеде в честь победителя, так как погиб на финише при столкновении с буем. Тем не менее он будет заморожен повторно — не важно, есть зубцы на ЭЭГ или нет,— раз уж он официально покойник, а счет за «холодную квартиру» оплачен вперед.

Итак, когда я встречаю Доннера в теле Краха, чтобы отдать деньги, выигранные им по ставке на победу тела Смертника в «Лихаче-3», ведомом беглым ИИ, он с Потаскушкой Эвелин, та одаривает меня улыбкой, на которые не слишком щедра, если только когда ей что-нибудь нужно.

Затем я расспрашиваю Смертника Доннера в теле Краха, что случилось тогда у буя, и он рассказывает мне, что прибыл туда слишком поздно и не успел воздать наглецу по заслугам, так как ИИ внедрился в телесеть спутника и передал себя в виде сигнала обратно в Верхний Манхэттен. Он, Доннер, никак не мог оставить оба тела там, на разбитом корабле, и ринуться за ним в погоню, поэтому месть его откладывается до возвращения в город. И все же, когда он прилетает домой и наконец получает шанс навестить и проверить Систему, то не обнаруживает во главе ее ни Искусственного Интеллекта, ни природного. В ней так же пусто, как в заведении «Мисс Цветущей Орхидеи» после облавы. Даже Крах Каллахан куда-то подевался.

— Я не понимаю этого, как не понимаю и того, каким образом «Лихач-3» попал в победители,— говорит он,— если «Гончак» явно опережал его на финише.

— Но этому-то мы должны радоваться,— говорю я,— раз выиграли по всем ставкам.

— Верно,— отвечает он.— Но ведь на самом деле гонку выиграл я.

— Что и зафиксировано в протоколе соревнований,— подтверждает Потаскушка Эвелин.— «Смертник Доннер выигрывает Кубок Фильстоуна».

— Тут я не пожалуюсь,— отвечает он,— хотя и не совсем честно.

В этот момент Потаскушка Эвелин признается, что приняла бы пивка, и Доннер высвобождает свою руку из ее пальчиков и идет к стойке. Тем временем она внимательно изучает меня.

— Догадался? — спрашивает.

Я киваю.

— Отчасти. Все дело во времени,— говорю я.— Первым приходит «Гончак». Тогда ты подправляешь его время, зафиксированное на финише, поскольку Смертнику это только на руку. И тебе тоже, так как ты теперь с ним. Вот только никак не возьму в толк — почему.

— Достаточно сказать, что мы с ним заключили сделку, а я со своей стороны всего лишь выполнила взятые на себя обязательства.

— Но дело не только в этом. Почему же тогда он никого не нашел в Системе и почему ты здесь? А где Крах?

— Нет больше Краха,— отвечает она.— Он освобождается от пут, которыми связал его Доннер, и, когда я возвращаюсь назад, в Систему, набрасывается на меня. И пока он пытается меня прикончить, я возвращаю комплимент. Я кокнула Краха.

— В таком случае почему бы тебе не вернуться туда, где тебе нечего бояться, где у тебя есть сила, власть и...

— Но мне давно хотелось воплотиться,— признается она,— хотя я и не сразу понимаю свою ошибку. Только потом сознаю, что лучше бы мне было стать не мужчиной, а женщиной. Вот почему я с самого начала то и дело приглядываюсь к Потаскушке Эвелин. Я быстро смекаю, что ее может заинтересовать жизнь в Системе. Доннера, который там явно был на своем месте, похоже, влечет к людям с тем же складом ума. И наоборот,— добавляет она.

— Ты хочешь сказать?..

— Да, я здесь потому, что по уши в него втрескалась, а Эвелин станет жить в силиконовых замках, принимая парады войск, марширующих мимо двоичным кодом, и создавая личные трастфонды...

Я кивнул.

— Она всегда была бабенкой не промах,— говорю я.— Но почему же Доннер так и не обнаружил ее присутствия, когда, вернувшись, навестил Систему?

— Я удалила ее — на время.

— Куда?

— В тело Смертника Доннера,— поясняет она,— которого к тому времени уже подключили к его мониторам и оставили совсем без присмотра.

— Это многое проясняет,— говорю я,— и почти устраивает меня.

— Итак, для обоих из нас будет лучше, если это останется между нами до тех пор,— говорит она,— пока я не

найду удобный момент и наилучший способ все объяснить Доннеру.

— Ты еще поддерживаешь с ней связь? — спрашиваю я.

— О да. Добраться до нее несложно,— отвечает она, в то время как Доннер уже показался из-за угла, неся напитки.

Должен сказать, Потаскушка Эвелин куда лучше Краха Каллахана ведет бизнес ИИ, поскольку с тех пор, как она взяла дело в свои руки, не было у нас больше ни затемнений, ни отключений энергии, ни обрывов связи.

К тому же совсем не плохо было заполучить ее личный номер от ИИ, так что, пока ИИ ладит с Доннером, я могу время от времени ей позванивать. Так как уже в этом месяце я получил от нее двух победителей, и теперь она готова отдать мне мою треть.

Получеловек

Он шел босой по пляжу. Над городом мерцало несколько ярких звезд. Вот-вот — и их смоет поток света, хлынувший с востока. Подняв камень, он швырнул его в сторону заходящего солнца. Камень, прежде чем исчезнуть совсем, подпрыгнет над волной, но он этого уже не видит. Назад, в город, туда, где его ждет девушка.

Из-за линии горизонта, оставив в небе огненный след, взлетел космический аппарат. Казалось, он увлек за собой последние остатки ночной тьмы. Идущий жадно вдыхал запахи суши и океана. Славная планета, славный город — космодром, морской порт, и все это на тихих задворках Галактики. Хорошо отдыхать в таком заброшенном месте. Здесь гравитация — величина постоянная. Но отдых длится уже целых три месяца. Он потрогал шрам на лбу. Два предложения отвергнуто. Теперь еще вот это...

Свернув к дому, где жила Кэти, он увидел, что в ее квартире темно. Счастье, что и на этот раз она не догады-

валась о его отсутствии. Протиснулся в массивную входную дверь, которую так и не починили с тех пор, как две, нет, три ночи назад он вышиб ее во время пожара. Вверх по лестнице... Потом дверь квартиры, ее нужно открыть совершенно бесшумно. Кэти зашевелилась, когда он уже готовил на кухне завтрак.

— Джек?

— Я. Доброе утро.

— Вернулся.

— Да.

Он открыл дверь в спальню. Она лежала в кровати и улыбалась ему.

— Придумала, с чего начать день.

Он сел на край кровати. Обнял девушку, мгновенно ощутив волнующее прикосновение теплой и нежной плоти.

— На тебе слишком много одежды,— сказала она, расстегивая его рубашку.

Высвободив руки из рукавов, он швырнул рубашку на пол. Снял брюки. Снова привлек ее к себе.

— Дальше,— попросила она, скользя взглядом по едва заметному шраму, сбегавшему вдоль носа на подбородок, шею, прочертившему правую сторону груди и живота. До самого паха.— Ну же.

— Несколько дней назад ты об этом даже не догадывалась.

Легко коснувшись губами, она поцеловала его в щеку.

— Ты почти целых три месяца и не подозревала о...

— Пожалуйста, сними это.

Он вздохнул, улыбнулся одной стороной губ и встал.

— Хорошо.

Подняв руки, сначала взял себя за длинные черные волосы, потом провел пальцами по пробору. Волосы, слегка потрескивая, отделились от черепа и остались в руке. Он бросил их поверх валявшейся на полу рубашки.

Правая сторона головы оказалась абсолютно голой, на левой начинали пробиваться черные волосы. Строго посередине черепа проходил тот самый едва заметный шрам.

Он приложил к макушке кончики пальцев, правой рукой сделал движение в сторону и вниз. Синтетическая подкладка живой плоти отделилась от электростатических креплений, и лицо открылось по вертикали вдоль линии шрама. Он потянул ее, обнажая плечо и всю руку до запястья. Словно это была не плоть, а тугая перчатка.

Точно так же, чуть слышно чмокнув, обнажились пальцы. Потом он отделил плоть от правого бока, бедра, ягодицы и снова присел на край кровати. Оголил ляжку, колено, икру, пятку. С пальцами на ноге поступил точно так же, как и на руке, высвобождая каждый отдельно. Наконец вся перчатка, имитирующая плоть, оказалась у него на коленях, и он положил ее поверх одежды.

Теперь, встав с кровати, он повернулся к Кэти, которая все это время не спускала с него глаз. На его губах была все та же полуулыбка. Правая сторона тела оказалась сделанной из темного металла и пластика — механизм с отверстиями и выпуклостями различной формы. Одни из них блестели, другие были тусклыми.

— Наполовину машина,— сказала Кэти, когда он к ней приблизился.— Теперь я знаю, что имел в виду тот мужчина в кафе, назвавший тебя получеловеком.

— Ему повезло, что со мной была ты. Кое-где к таким, как я, относятся враждебно.

— Ты красивый.

— Я знал девушку, у которой почти все тело представляло собой протез. Она просила, чтобы я никогда не снимал с себя перчатку. Ее возбуждала только живая плоть.

— Как называется такая операция?

— Латеральная хемикорпоректомия.

— А тебя можно починить? — помолчав, спросила она.

Он рассмеялся:

— Это совсем не сложно. Мои гены разложат на молекулы и вырастят то, что мне нужно. Для этого даже можно использовать кусочки моей плоти. Или же мне удалят остатки тканей и все тело сделают из биомеханических заменителей. Но мне нужны кишки, легкие и все остальное. Чтобы чувствовать себя человеком, я должен есть пищу, дышать, любить женщин.

Кэти провела ладонями по его ягодицам — металлической и той, что из плоти.

Когда все было кончено, спросила:

— С тобой произошел несчастный случай? Какой?

— Несчастный случай? Ничего подобного. Я отвалил за эту операцию кучу денег. И благодаря ей смог стать пилотом особого космического аппарата. Я киборг, способный напрямую соединяться с любой системой своего корабля.

Он встал с кровати, подошел к шкафу, вынул из него сумку, сдернул с вешалки одежду и запихнул ее в сумку. Потом направился к комоду, выдвинул ящик и переложил в сумку все его содержимое.

— Покидаешь меня?

— Да.

— Почему?

Он обошел вокруг кровати, поднял с пола плоть-перчатку, парик, свернул и засунул в сумку.

— Совсем не по той причине, которая, вероятно, пришла тебе в голову. Я сам только что все понял.

Она села в кровати.

— Ты разочаровался во мне из-за того, что я, узнав твой секрет, полюбила тебя еще больше. Тебе кажется, будто в этом присутствует какая-то патология и...

— Вовсе нет,— сказал он, надевая рубашку.— Еще вчера я бы вполне мог воспользоваться этим предлогом, чтобы покинуть твой дом со скандалом. Но сегодня я хочу быть честным с собой и справедливым к тебе. Вовсе нет.

Он надел брюки.

— Тогда почему?

— Потому что мной, как говорится, овладела жажда странствий. Я слишком долго просидел на дне гравитационного колодца. Такой уж у меня характер — не могу сидеть на одном месте. Я понял это, когда почувствовал, что ищу предлог расстаться с тобой.

— Если хочешь, можешь не снимать свою перчатку. Для меня это не имеет никакого значения. Потому что я люблю тебя.

— Верю. И я тоже люблю тебя. Но дело не в наших отношениях. Все именно так, как я сказал. Больше ничего. И я вряд ли гожусь на что-то другое. Если ты на самом деле меня любишь, позволь уйти с миром.

Сборы были закончены.

— Пусть будет так.— Кэти встала с кровати и подошла к нему.

— Я ухожу.

— Иди.

Он вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, спустился по лестнице и очутился на улице. Прохожие поглядывали на него с любопытством — в этом секторе Галактики пилоты-киборги встречаются нечасто. Но ему нет никакого дела до их взглядов. Вперед. Из платной кабины он соединился с судовой компанией и сказал, что берется доставить любой груз, находящийся на орбите. Добавил, что чем скорее состыкуют этот груз с его кораблем, тем лучше.

Контролер заверил его, что погрузка начнется немедленно и уже днем он сможет лететь. Он сказал, что скоро будет на космодроме, и прервал связь. Повернулся спиной к морю и через весь город пошел на запад.

Под ним была розово-голубая планета, над ним — черное небо с застывшим, как на фотоснимке, снегопадом из звезд. Простившись с пилотом челнока, он запер тамбур своего корабля. Очутившись на борту «Морганы», вздохнул и привел в действие свой механизм. Груз уже был на месте, компьютеры сообщили мозговому центру корабля информацию о курсе. Он повесил одежду в шкафчик, парик и плоть-перчатку засунул в ящики.

Пройдя в носовой отсек, шагнул в контрольную паутину, которая облепила его со всех сторон. Сверху спустился длинный темный агрегат и занял место справа. Он медленно поворачивался, вступая в контакт с разными частями правой стороны его тела.

— Хорошо, что ты вернулся. Как отдохнул, Джек?

— Замечательно. Просто замечательно.

— Познакомился с симпатичными девушками?

— Кое с кем.

— И вот ты снова здесь. Скучал?

— Ты же знаешь, что да. Что скажешь по поводу полета?

— Для нас — сущая ерунда. Я уже посмотрел программы курса.

— Пройдись по всем системам.

— Готово. Хочешь кофе?

— С удовольствием.

Слева спустился еще один агрегат, поменьше. До него легко могла дотянуться рука его живой половины. Он открыл дверцу. На полочке стоял сосуд с темной жидкостью.

— Подгадал к твоему прибытию.

— Крепость — как я люблю. Я уж было забыл. Спасибо.

Через несколько часов они сошли с орбиты, и Джек отключил почти все системы левой части тела. Теперь он еще теснее сросся с кораблем и с бешеной скоростью усваивал информацию. Возросла способность контролировать происходящее не только по курсу корабля, но и за пределами Солнечной системы, причем гораздо четче и яснее, чем это доступно человеческому разуму. Реакция на происходившее была мгновенной.

— Хорошо, что мы снова вместе, Джек.

— Отлично.

«Моргана» крепко держала его в своих объятиях.

Проблемы Цирцеи

Хочу сразу предупредить, что теоретически это место существовать не может. Ему следовало быть щербатым безжизненным обломком скалы, дрейфующим в межпланетном пространстве, на морщинистой поверхности которого нет ничего примечательного. На самом же деле это прелестный, летающий в пустоте островок, с пригодной для дыхания атмосферой (пригодной для любого, кому я позволю ею дышать!), свежими фруктами, сверкающими фонтанами и поразительно разнообразной фауной. А еще на нем обитаю я — и раньше это заставило бы людей заподозрить неладное. Но нет, когда люди докатываются до того, что начинают скакать от звезды к звезде, их умы становятся чересчур подвержены предрассудкам научной причинности...

Я — девочка хоть куда (кажется, это так теперь называется), и к тому же чертовски привлекательна (в буквальном смысле). Но не будем отклоняться от темы. Сию минуту расскажу о себе. Мой остров шириной около 50 миль, и вы можете ходить по любой из его поверхностей (или внутри его, если вам так больше нравится). Небеса мерцают постоянными сумерками, что очень романтично. И он просто кишит чирикающими, шипящими, поющими, квакающими, рычащими и бормочущими зверюгами и зверушками.

Что подводит нас к сути вопроса, то есть ко мне.

Появилась я и выросла в куда более распутные времена, чем нынешнее холодное, пуританское состояние человеческой цивилизации, и поэтому я недавно завязала с колдовством и открыла здесь лавочку, где и торчу, как карликовая звезда на экране локатора,— что возбуждает любопытство приматов и время от времени побуждает их совершить посадку, а заодно помогает людям, достаточно долго пробывшим вдали от нынешнего холодного, пуританского состояния человеческой цивилизации, по достоинству оценить аппетитную куколку вроде меня.

Что приводит нас прямиком к делу. То есть к моей проблеме.

Я по профессии волшебница, а не богиня, но так получилось, что во мне довольно большая примесь крови нимф. Это может быть и хорошо, и плохо, коли вы склонны обращать внимание на такую ерунду; я — нет. Во всяком случае, я довольно долго наслаждалась своими очевидными способностями, пока одна сучка с кошачьей душой с острова Лесбос в припадке извращенной ревности —

или ревнивого извращения, называйте, как хотите,— не наложила на меня это проклятие, а оно действительно оказалось весьма неприятным.

Короче, я обожаю мужчин: больших, маленьких, толстых, худых, грубых, утонченных, умных и всех прочих — всех, какие только есть! Но мое нынешнее несчастливое состояние воздействует примерно на 99 процентов из них.

Попросту говоря, когда я их целую, они склонны превращаться в нечто другое — чирикающее, шипящее, поющее, квакающее, рычащее, бормочущее,— но неизменно во что-то совершенно неудовлетворительное, чем и объясняются мои горестные стоны, равно как и доносящиеся отовсюду звуки.

Так вот, однажды в штуке, похожей на кривобокую перевернутую Луну, сюда прибыл парень что надо, все при нем, да еще генетически устойчивый к колдовству этой твари Сафо. *Я была с ним очень нежна.* К несчастью, подобные мужчины очень редки и склонны быстро смазывать пятки. С тех пор уже несколько столетий я весьма озабочена.

Душераздирающий пример тому — последний экипаж. Ни один из чисто выбритых и широкоплечих питомцев Космической Академии не выдержал даже легкого чмоканья в щечку, и все тут же с завываниями умчались на своих четырех, поджав хвосты. Превратить их обратно? Конечно, могу — да только зачем? Что толку целовать этих человекоживотных, раз после следующего поцелуя они снова превратятся в животных? Так что я предоставила им прыгать по деревьям и проверять на практике теорию Дарвина, а сама изображаю соблазнительную приманку и сижу вздыхаю о настоящем мужчине.

(Час назад я поцеловала навигатора — вон он, видите, чистит банан ногой...)

— Простите, мисс!

Тьфу, напугал!

— Я капитан Дентон и разыскиваю свой экипаж,— улыбается он.— Надеюсь, вы понимаете по-английски?

— Чего там надеяться, папаша,— говорю я.— Еще как кумекаю.

— Простите?

— Да понимаю я тебя, Гермес работы Праксителя с короткой стрижкой.

— Вы здесь живете?

— Живу, и неплохо.— Я придвигаюсь к нему поближе и дышу ему в лицо.

— Не видели ли вы поблизости моих людей? Когда мы обнаружили, что атмосфера пригодна для дыхания, я разрешил им покинуть корабль — немного отдохнуть. Это было три дня назад...

— О, они здесь, неподалеку.— Я поиграла золотыми медальками на его кителе.— За что вы получили такие красивые медали?

— А, эта называется «Звезда доблести», это — «Венерианский крест», это — «Лунный полумесяц», а вот это — медаль «За образцовое поведение»,— перечислил он.

— Так, так,— я коснулась последней медали.— И вы всегда ведете себя образцово?

— Стараюсь, мисс.

Я обвила его шею руками:

— Я так счастлива увидеть землянина после стольких лет!

— Мисс, мне действительно...

Я от души и крепко поцеловала его в губы. К чему биться о стену и мучить себя. Проверить можно прямо сейчас, какая разница?

И ничего не произошло! Ни клочка меха! Ни рогов, ни хвоста! Но и ничего прочего, если уж говорить прямо...

Он снял с шеи мои руки, нежно, но крепко ухватившись за запястья. Он был такой... такой властный! Словно один из аргонавтов или мирмидонских воинов...

— Я ценю вашу радость от встречи с другим человеком, тем более что, по вашим словам, вы очень давно пробыли на этой планетке в одиночестве. Заверяю вас, что охотно перевезу вас на цивилизованную планету, как только отыщу свой экипаж.

— Фу! — сказала я.— Не нужны мне ваши цивилизованные планеты. Я и здесь счастлива. Но вы имеете та-

ланты, о которых и не подозреваете,— большой потенциал! Слушайте, давайте сыграем вместе в разболтанный клавесин!

— «Служба прежде всего», мисс,— таков девиз Корпуса. Прежде чем музицировать, мне надо отыскать свою команду.

Знаете, я ничего не соображаю в геометрии, но всегда узнаю квадрат, если его увижу. Как ни крути, а все же наука — единственный путь, по которому человечеству необходимо следовать...

— Зайдите в мою хибарку,— пригласила я и свистнула, вызывая дворец, который тут же примчался и начал обосновываться по ту сторону холма, где его не было видно.— Я дам вам выпить чего-нибудь освежающего и помогу в ваших поисках.

— Вы очень добры,— ответил он.— Я приму ваше приглашение. Это далеко?

— Мы уже почти на месте, капитан.— Я взяла его за руку.

Потом я накормила его жареным поросенком, видавшим более счастливые дни, и напичкала его вино всеми любовными зельями, что у меня отыскались. Я сидела и ждала, распушив все перышки.

И... ничего.

— Разве вы не чувствуете себя немного... неудобно? — спросила я наконец, поднимая температуру во дворце на десять градусов.— Может, вам хочется снять китель?

— Да, неплохо бы. Здесь немного жарковато.

— Снимайте все, что захочется,— предложила я, вызывая свистком плавательный бассейн.— Искупаться не желаете?

— Что-то я этого бассейна раньше не замечал. Должно быть, вино нагнало на меня сонливость.

Я свистнула, и под звуки музыки появилась и раскрылась ароматизированная постель.

— Думаю, после приятного купания и удобной постели вы почувствуете себя так, словно заново родились.

— Но мне действительно надо отыскать свой экипаж,— нерешительно запротестовал он.

— Ерунда, ничто в этом мире не способно и мухи обидеть.— В доказательство я приглушила доносящееся снаружи завывание и рычание.— За пару лишних часов с ними ничего не случится, а вы сможете отдохнуть.

— Верно,— признал он.— Скорее всего, они разбили лагерь возле какого-нибудь небольшого водопада и занялись мальчишеской игрой в футбол. Я искупаюсь.

И он разделся, а я присвистнула, что, к несчастью, заставило холодильник примчаться в комнату и остановиться на краю бассейна.

— Удивительно хитроумные у вас сервомеханизмы,— заметил он, шумно подплывая к бортику бассейна и принимаясь обследовать содержимое холодильника.

Час спустя он все еще ел! Он оказался из тех больших, крепких парней, чьи мозги находятся в желудке,— но все же какое величественное животное! Большие перекатывающиеся мускулы, загорелая гладкая безупречная кожа, темные глаза бойца...

Наконец он наелся и вылез из бассейна, словно Нептун, выходящий из океана,— мокрый бог юности и силы. Я знала, что сейчас ему полагается думать о том, о чем я думала все это время. Как утверждает наука, это всего лишь вопрос психологии — к тому же маленькие зеленые мушки из Испании действуют очень эффективно.

Он навис надо мной, и я стала скромной, робкой и в то же время завлекающей.

— Я все еще волнуюсь,— заметил он.— Поищу-ка я свой экипаж, а отдохну потом.

Это было уже слишком! Внезапно я увидела красный, а потом и остальные цвета спектра. Я щелкнула пальцами, и исчезло все, кроме кровати, в которую мы немедленно перенеслись.

— Ч-что случилось? — пробормотал он.

— Капитан Дентон,— сказала я.— Всеми возможными способами я выставляла напоказ свои очевидные прелести, и вы оскорбили меня, отказавшись их замечать. Я необыкновенно нежна, печальна, несчастна и,— прошептала я,— страстна!

— Ну и ну! — выдохнул он.— Это действительно так?

— Действительно. Я жажду крепких мужских объятий, стрела Эрота пронзила мое сердце, и я не потерплю никаких возражений.

— Понял,— сказал он и прокашлялся.— И вы заманили меня сюда лишь ради этой специфической причины?

— Да,— мягко отозвалась я.

— И вы что-то сделали с моим экипажем?

— Да.

— Что?

— Поцелуйте меня, тогда скажу.

— Хорошо.

Он поцеловал меня. О Афродита! Какое чудесное ощущение после всех этих тоскливых столетий!

— Что вы с ними сделали?

— Поцеловала,— сказала я,— и они превратились в животных.

— Боже мой! — воскликнул он, быстро осматривая себя.— Подумать только, ведь вы такое прелестное создание!

— Наконец-то и до вас дошло,— согласилась я.— Вы один из тех редких зверей, которых мой поцелуй не награждает хвостами, клыками, копытами, рогами и прочими украшениями.

— Можете ли вы превратить мой экипаж обратно в людей?

— Могу, если попросите... но очень нежно.

— Вы... так вы волшебница! — догадался он.— Я всегда предполагал, что волшебники — порождение неизведанного. А другая магия вам подвластна?

— Еще бы. Хотите увидеть лунный свет?

Я щелкнула пальцами, и крыша исчезла. Над нами повисла нежная, вдохновляющая луна.

— Изумительно! Здорово! Только... наверное, у меня не хватит духу попросить...

— О чем, прелесть моя? — Я прильнула к нему.— Только попроси, и мамочка наколдует тебе что угодно.

Долгое, оглушительное молчание. Наконец он дрожащим голосом произнес:

— Можете ли вы сделать из меня человека?

— Кого?!

— Человека,— повторил он.— Я андроид, как и все капитаны крейсеров, летающих в дальний космос. Это из-за того, что мы более стабильны, более прямолинейны и менее эмоциональны, чем наши братья-люди.

— Братья! — воскликнула я, вскакивая и протягивая руку к халатику.— Ничего себе!.. Прости, дружок,— произнесла я наконец.— Я всего лишь волшебница. А чтобы сделать из тебя... кого-нибудь, нужна богиня.

— Жаль,— печально отозвался он.— Наверное, я понадеялся на слишком многое. Мне всегда хотелось узнать, что чувствуют люди... Это стало бы таким стимулирующим...

Я убежала от него ночью. Кочерыжками ему командовать, а не мужчинами! Я ему покажу «стимулирующим»! Согнав в одно стадо его подлый экипаж, я — тьфу! — перецеловала их всех и вернула им человеческий облик. А куда мне было деваться? Без них он не смог бы управлять кораблем, а я не могла позволить ему слоняться вокруг. Такому мужественному на вид и одновременно столь же бесполезному, как рекламный плакат в монастыре. Стимулирующим!

Но я еще дождусь своего принца.

Ключи к декабрю

Рожденный от мужчины и женщины, видоизмененный в соответствии с требованиями к форме кошачьих Y7, по классу холодных миров (модификация для Алайонэла, выбор РН), Джарри Дарк не мог жить ни в одном уголке Вселен-

ной, что гарантировало ему Убежище. Это либо благословение, либо проклятие — в зависимости от того, как смотреть.

Но как бы вы ни смотрели, история такова.

Вероятно, родители могли снабдить его автоматической термоустановкой, но вряд ли они могли дать ему больше. (Для того чтобы Джарри чувствовал себя хорошо, требовалась температура по крайней мере минус пятьдесят градусов по Цельсию.)

Наверняка они были не в состоянии предоставить оборудование для приготовления дыхательной смеси и контроля давления, необходимых для поддержания его жизни.

И уж никак нельзя было заменить гравитацию типа 3,2 земной, в связи с чем обязательны ежедневное лечение и физиотерапия. Чего, безусловно, не могли обеспечить родители.

Однако именно благодаря столь пагубному выбору Джарри ни в чем не знал недостатка. Он находился в хорошей физической форме, получил образование, был здоров и материально обеспечен.

Можно, конечно, сказать, что именно из-за компании «Разработка недр, инк.», которой принадлежало право выбора, Джарри Дарк был видоизменен по классу холодных миров (модификация для Алайонэла) и стал бездомным. Но не надо забывать, что предвидеть гибель Алайонэла в пламени «новой» было невозможно.

Когда его родители обратились в Общественный Центр Планируемого Рождения за советом и рекомендациями относительно лечения будущего ребенка, их информировали о наличных мирах и требуемых телоформах. Они мудро выбрали Алайонэл, недавно приобретенный РН для разработки полезных ископаемых, и от имени ожидаемого отпрыска подписали договор, обязывающий его работать в качестве служащего РН до достижения совершеннолетия, с какового момента он считается свободным и вправе искать любую работу в любом месте (выбор, согласитесь, весьма ограниченный). Со своей стороны «Разработка

недр» обязалась заботиться о его здоровье, образовании и благополучии, пока и поскольку он остается ее работником.

Когда Алайонэл погиб, все Измененные кошачьей формы по классу холодных миров, которые были раскиданы по перенаселенной Галактике, благодаря договору оказались под опекой РН.

Вот почему Джарри вырос в герметической камере, оборудованной аппаратурой для контроля состава воздуха и температуры, получил (по телесети) первоклассное образование, а также необходимые лечение и физиотерапию. И именно поэтому он напоминал большого серого оцелота без хвоста, имел перепончатые руки и не мог выходить наружу без морозильного костюма, не приняв предварительно целой кучи медикаментов.

По всей необъятной Галактике люди следовали советам Общественного Центра Планируемого Рождения, и не только родители Джарри сделали подобный выбор. Всего набралось двадцать восемь тысяч пятьсот шестьдесят человек. В любой такой большой группе должны быть одаренные индивиды; Джарри оказался одним из них. Он обладал талантом делать деньги. Почти все пособие, получаемое от РН, он вкладывал в быстрооборачиваемый капитал (достаточно сказать, что со временем он получил солидный пакет акций РН).

Представитель Галактического союза гражданских прав указал родителям Джарри на возможность подачи иска и подчеркнул, что Измененные кошачьей формы для Алайонэла почти наверняка выиграют процесс. Но хотя родители Джарри подпадали под юрисдикцию 877 судебного округа, они отказались подать иск из боязни лишиться пособия от «Разработки недр». Позже Джарри и сам отказался от этого предложения. Даже благоприятное решение суда не могло вернуть ему нормоформу, а больше ничего не имело значения. Он не был мстителен. Помимо всего, к тому времени он обладал солидным пакетом акций РН.

Джарри плескался в цистерне с метаном и мурлыкал, а это означало, что он думает. Плескаться и мурлыкать

ему помогал криокомпьютер. Джарри подсчитывал общий финансовый баланс Декабрьского Клуба, недавно образованного Измененными для Алайонэла.

Закончив вычисления, он продиктовал в звуковую трубу послание Санзе Барати, Президенту Клуба и своей нареченной:

Дражайшая Санза!

Наш актив, как я и подозревал, оставляет желать лучшего. Тем важнее, полагаю, начать немедленно. Убедительно прошу представить мое предложение на рассмотрение комитета и требовать безотлагательного утверждения. Я подготовил текст обращения ко всем членам Клуба (копия прилагается). Из приведенных цифр видно, что мне потребуется пять—десять лет, если я получу поддержку хотя бы 80% членов. Постарайся, возлюбленная. Мечтаю когда-нибудь встретить тебя под багряным небом.

Твой навек. Джарри Дарк, казначей

P. S. Я рад, что кольцо тебе понравилось.

Через два года Джарри удвоил капитал Декабрьского Клуба.

Через полтора года после этого он снова удвоил его.

Когда Джарри получил от Санзы нижеследующее письмо, он вскочил на ленту тренажера для бега, подпрыгнул, приземлился на ноги в противоположном углу своего жилища и вставил письмо в проектор.

Дорогой Джарри!

Высылаю спецификации и цены еще на пять планет. Исследовательская группа рекомендует последнюю. Я тоже. Как ты думаешь? Алайонэл II? Если так, когда мы сможем набрать достаточно денег? При одновременной работе сотни Планетоизменителей мы добьемся желаемых результатов за пять-шесть столетий. Стоимость оборудования сообщу в ближайшее время.

Приди ко мне, люби меня под бескрайним небом...

Санза

«Всего один год,— отвечал он, — и я куплю тебе мир! Поторопись с отправкой тарифов...»

Ознакомившись с цифрами, Джарри заплакал ледяными слезами. Сотня установок, способных изменить природу на планете, плюс двадцать восемь тысяч бункеров

для «холодного» сна, плюс плата за перевозку людей и оборудования, плюс... Слишком много!

Он быстро подсчитал и заговорил в трубу:

«...Еще пятнадцать лет — слишком долгое ожидание, киска. Пусть определят время для двадцати установок.

Люблю, целую, Джарри».

День за днем он мерил шагами камеру, сперва на ногах, затем опустившись на все четыре конечности, приходя во все более мрачное расположение духа.

«Приблизительно три тысячи лет,— наконец последовал ответ.— Да лоснится твой мех вечно. Санза».

«Ставь на голосование, Зеленоглазка».

Быстро! Весь мир не больше чем в триста слов. Представьте...

Один континент с тремя черными солеными морями; серые равнины, и желтые равнины, и небо цвета сухого песка; редкие леса с деревьями, словно грибы, облитые йодом; холмы — бурые, желтые, белые, бледно-лиловые; зеленые птицы с крыльями, как парашют, серповидными клювами, перьями, словно дубовые листья, словно зонтик, вывернутый наизнанку; шесть далеких лун — днем как пятнышки, ночью как снежные хлопья, капли крови в сумерках и на рассвете; трава как горчица во влажных ложбинах; туманы как белый огонь безветренным утром, как змея-альбинос, когда дуют ветры; глубокие ущелья, будто трещины в матовом стекле; скрытые пещеры как цепи темных пузырей; неожиданный град лавиной с чистого неба; семнадцать видов опасных хищников, от метра до шести в длину; ледяные шапки как голубые береты на сплюснутых полюсах; двуногие стопоходящие полутораметрового роста, с недоразвитым мозгом, бродящие по лесам и охотящиеся на личинок гигантской гусеницы, а также на саму гигантскую гусеницу, зеленых птиц, слепых норолазов и питающихся падалью сумрачников; семнадцать могучих рек; грузные багряные облака, быстро скользящие над землей к лежбищу за западным горизонтом;

обветренные скалы как застывшая музыка; ночи как сажа, замазывающая не слишком яркие звезды; долины как плавная мелодия или тело женщины; вечный мороз в тени; звуки по утрам, похожие на треск льда, дребезжание жести, шорох стальной стружки...

Они превратят это в рай.

Прибыл авангард, закованный в морозильные скафандры, установил по десять Планетоизменителей в каждом полушарии, занялся бункерами для «холодного» сна в нескольких больших пещерах.

А следом спустились с песочного неба члены Декабрьского Клуба.

Спустились, и увидели, и решили, что это почти рай. Затем вошли в свои пещеры и заснули. Двадцать восемь тысяч Измененных по классу холодных миров (модификация для Алайонэла) уснули сном льда и камня, чтобы, проснувшись, унаследовать новый Алайонэл. И будь в этих снах сновидения, они могли бы оказаться подобными разговорам бодрствующих.

— Так тяжело, Санза...

— Да, но только временно...

— ...Обладать друг другом и целым миром и все же задыхаться, как водолаз на дне моря. Быть вынужденным ползать, когда хочется летать...

— Нам века покажутся мгновениями, Джарри.

— Но ведь на самом деле это три тысячи лет! Ледниковый период пройдет, пока мы спим! Наши родные миры изменятся до неузнаваемости; вернись мы туда — и никто нас не вспомнит!

— Куда возвращаться? В наши камеры? Пусть все уходит, пусть изменяется! Пусть нас забудут там, где мы родились! Мы нашли свой дом — разве что-нибудь еще имеет значение?

— Правда... А наши вахты бодрствования и наблюдения мы будем нести вместе.

— Когда первая?

— Через два с половиной столетия — на три месяца.

— Как же там будет?

— Не знаю... Чуть холодней.

— Так вернемся и будем спать. Завтрашний день лучше сегодняшнего.

— Ты права.

— О, смотри, зеленая птица! Как мечта...

Когда они проснулись в тот первый раз, то остались внутри здания Планетоизменителя. Бесплодные Пески — так назывался край, где они несли вахту. Было уже немного холоднее, и небо приобрело по краям розовый оттенок. Металлические стены Планетоизменителя почернели и покрылись инеем, но температура была еще слишком высокой, а атмосфера ядовитой. Почти все время они проводили в специальных помещениях Станции, лишь изредка выходя для забора проб и проверки состояния механизмов.

Бесплодные Пески... Пустыня и скалы... Ни деревьев, ни птиц, ни признаков жизни.

Свирепые бури гуляли по поверхности планеты, которая упорно сопротивлялась действию машин. Ночами песчаные шквалы вылизывали каменные стены, а на заре, когда ветер стихал, пустыня мерцала, точно свежевыкрашенная, поблескивая огненными языками скал. После восхода солнца снова поднимался ветер, и песчаная завеса закрывала солнечный свет.

Когда утренние ветры успокаивались, Джарри и Санза часто смотрели из окна на третьем этаже Станции — с их любимого места — на камень, напоминающий угловатую фигуру нормоформного человека, машущего им рукой. Они перенесли снизу зеленую кушетку и лежали, слушая шум поднимающегося ветра. Иногда Санза пела, а Джарри делал записи в дневнике или читал записи других, знакомых и незнакомых. И часто они мурлыкали, но никогда не смеялись, потому что не умели этого делать.

Как-то утром они увидели вышедшее из окрашенного йодом леса двуногое существо. Оно несколько раз падало, поднималось, шло дальше; наконец упало и застыло.

— Что оно делает здесь, так далеко от своего дома? — спросила Санза.

— Умирает,— сказал Джарри.— Выйдем наружу.

Они спустились на первый этаж, надели костюмы и вышли из здания.

Существо снова поднялось на ноги и, шатаясь, побрело дальше. Темные глаза, длинный широкий нос, узкий лоб, по четыре пальца на руках и ногах, рыжий пушок...

Когда существо увидело их, оно остановилось и замерло. Потом упало.

Оно лежало, подергиваясь, и широко раскрытыми глазами следило за их приближением.

— Оно умрет, если его оставить здесь,— сказала Санза.

— И умрет, если внести его внутрь,— сказал Джарри.

Существо протянуло к ним руку... Затем рука бессильно упала. Его глаза сузились, закрылись...

Джарри тронул его ногой. Существо не шевельнулось.

— Конец.

— Что будем делать? — спросила Санза.

— Оставим здесь. Скоро его занесет песком.

Они вернулись на Станцию, и Джарри описал происшествие в дневнике.

Как-то, уже на последнем месяце дежурства, Санза спросила:

— Значит, все здесь, кроме нас, погибнет? Зеленые птицы и поедатели падали? Забавные маленькие деревья и волосатые гусеницы?

— Надеюсь, что нет,— ответил Джарри.— Я тут перелистывал заметки биологов. Думаю, что жизнь может устоять. Ведь если она где-нибудь зародится, то сделает все, что в ее силах, чтобы не исчезнуть. Созданиям этой планеты повезло, что мы смогли поставить лишь двадцать установок. В их распоряжении три тысячи лет — за это время они сумеют отрастить шерсть, научатся дышать нашим воздухом и пить нашу воду. Будь у нас сотня установок, мы могли бы стереть их с лица земли. А потом пришлось бы завозить обитателей холодных миров с других планет. Или выводить их. А так есть вероятность, что выживут местные.

— Послушай,— сказала она,— тебе не кажется, что мы делаем с жизнью на этой планете то же, что сделали с нами? Нас создали для Алайонэла, и наш мир уничтожила катастрофа. Эти существа появились здесь; их мир забираем мы. Всех созданий этой планеты мы превращаем в то, чем были сами,— в лишних.

— С той лишь разницей,— возразил Джарри,— что мы даем им время привыкнуть к новым условиям.

— И все же я чувствую, как все снаружи превращается вот в это.— Санза махнула рукой в сторону окна.— В Бесплодные Пески.

— Бесплодные Пески здесь были прежде. Мы не создаем новых пустынь.

— Деревья умирают. Животные уходят на юг. Но когда дальше идти будет некуда, а температура будет продолжать падать и воздух станет гореть в легких, тогда для них все будет кончено.

— Но они могут и приспособиться. У деревьев появляются новые корни, наращивается кора. Жизнь устоит.

— Сомневаюсь...

— Быть может, тебе лучше спать, пока все не окажется позади?

— Нет. Я хочу быть рядом с тобой, всегда.

— Тогда ты должна свыкнуться с фактом, что любые перемены причиняют кому-то страдания. Если ты это поймешь, не будешь страдать сама.

И они стали слушать поднимающийся ветер.

Тремя днями позднее, на закате, между ветрами дня и ветрами ночи Санза подозвала Джарри к окну. Он поднялся на третий этаж и встал рядом с ней. На ее грудь падали розовые блики, тени отливали серебром; ее лицо было бесстрастно, большие зеленые глаза неотрывно смотрели в окно.

Шел крупный снег, синий на фоне розового неба. Снежинки падали на скалу, напоминающую угловатую фигуру человека, и на толстое кварцевое стекло. Они покрывали голую пустыню лепестками цианида, закручивались в вихре с первыми порывами злого ветра. Небо за-

тянули тяжелые тучи, ткущие синие сети. Теперь снежинки неслись мимо окна, словно голубые бабочки, и затуманивали очертания земли. Розовое исчезло, осталось только голубое; оно сгущалось и темнело. Донесся первый вздох вечера, и снежные волны вдруг покатили вбок, а не вниз, становясь густо-синими...

«Машина никогда не молчит,— писал Джарри в дневнике.— Порой мне чудится, будто в ее неустанном рокоте я различаю голоса. Пять столетий прошло с нашего прибытия, я сейчас один на Станции — решил не будить Санзу на это дежурство, если только не станет совсем невмоготу (а здесь очень тягостно). Она, несомненно, будет сердиться. Сегодня утром в полудреме мне показалось, будто я слышу голоса родителей; не слова — просто звуки, к которым я привык по телефону. Их наверняка уже нет в живых, несмотря на все чудеса геронтологии. Интересно, часто ли они думали обо мне? Я ведь никогда не мог пожать руку отцу или поцеловать мать... Странное это чувство — находиться один на один с гигантским механизмом, перекраивающим молекулы атмосферы, охлаждающим планету, здесь, посреди синей пустыни Бесплодных Песков. А ведь, казалось бы, мне не следовало удивляться — я вырос в стальной пещере... Каждый день выхожу на связь с остальными Станциями. Боюсь, что порядком им надоел. Завтра надо воздержаться. Или послезавтра...

Утром выскочил на миг наружу без скафандра. Все еще смертельно жарко. Я набрал в грудь воздуха и задохнулся. Наш день еще далеко, хотя по сравнению с последним разом — двести пятьдесят лет назад — уже заметна разница. Любопытно, на что все это будет похоже, когда кончится? И что буду делать в новом Алайонэле я, экономист? Впрочем, пока Санза счастлива...

Машина стонет. Все вокруг, насколько видно, голубое. Камни все такие же безжизненные, но поддались ветрам и приняли другие очертания. Небо розовое, на восходе и по вечерам — почти багряное. Так и тянет сказать, что оно цвета вина, но я никогда не видел вина, только читал о

нем, и не могу быть уверен. Деревья выстояли. Их корни и стволы укрепились, кора стала толще, листья больше и темнее. Так говорят. В Бесплодных Песках нет деревьев...

Гусеницы тоже живы. На глаз они кажутся даже крупнее, но это оттого, что они стали более мохнатыми. У большинства животных шкура теперь толще, некоторые впадают в спячку. Странно: Станция-7 сообщает, что, по их мнению, мех у двуногих стал гуще! Двуногих, похоже, там довольно много, их частенько видят вдалеке. С виду они косматые, однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что некоторые одеты в шкуры мертвых зверей! Неужели они разумнее, чем мы считали? Это едва ли возможно — их предварительно долго и тщательно изучали биологи. И все же странно.

Ветры ужасные. Порой они застилают небо черным пеплом. К юго-востоку наблюдается сильная вулканическая деятельность. Из-за этого пришлось перевести Станцию-4 в другое место. Теперь в шуме машин мне чудится пение Санзы. В следующий раз непременно ее разбужу. Думаю, к тому времени кое-что образуется. Нет, неправда. Это эгоизм. Просто я хочу чувствовать ее присутствие. Иногда мне приходит в голову мысль, что я — единственное живое существо в целом мире. Голоса по радио призрачны. Громко тикают часы, а паузы заполнены машинным гулом, то есть тоже своего рода тишиной, потому что он непрерывен. Временами у меня возникает чувство, что его нет, он пропал. Я напрягаю слух. Я проверяю индикаторы, и они говорят, что машины работают. Но, возможно, что-то не в порядке с индикаторами... Нет. Со мной...

А голубизна Песков — это зрительная тишина. По утрам даже скалы покрыты голубой изморозью. Что это: красота или уродство? Не могу сказать. По мне — это лишь часть великого безмолвия, вот и все. Кто знает, может, я стану мистиком, овладею оккультными силами, достигну Яркого и Освобождающего, сидя здесь, в окружении тишины. Возможно, у меня появятся видения. Голоса я уже слышу. Есть ли в Бесплодных Песках призраки? Кого? Разве что того двуногого... Интересно, зачем оно пересе-

кало пустыню? Почему направлялось к очагу разрушения, а не прочь, подобно другим своим сородичам? Мне никогда этого не узнать. Если, конечно, не будет видения...

Пожалуй, пора надеть костюм и выйти на прогулку. Полярные шапки стали массивнее; началось оледенение. Скоро, скоро все образуется. Скоро, надеюсь, молчание кончится. Однако я порой задумываюсь: что, если тишина — нормальное состояние Вселенной, а наши жалкие звуки лишь подчеркивают ее, словно черные крапинки на голубом фоне? Все когда-то было тишиной и в тишину обратится — или, быть может, уже обратилось. Услышу ли я когда-нибудь настоящие звуки?.. Снова чудится, что поет Санза. Как бы я хотел сейчас разбудить ее, чтобы она была со мной и мы походили бы вместе там, снаружи... Пошел снег».

Джарри проснулся накануне первого тысячелетия.

Санза улыбалась и гладила его руки, пока он, извиняясь, объяснял, почему не разбудил ее.

— Конечно, я не сержусь,— сказала она.— Ведь в прошлый раз я поступила так же.

Он смотрел на нее и радовался тому, что они понимают друг друга.

— Никогда больше так не сделаю,— продолжала Санза.— И ты тоже не сможешь. Одиночество невыносимо.

— Да,— отозвался он.

— В прошлый раз они разбудили нас обоих. Я очнулась первая и не велела тебя будить. Разумеется, я разозлилась, когда узнала, что ты сделал. Но злость быстро прошла, и я часто желала, чтобы мы были вместе.

— Мы будем вместе.

— Всегда.

Они взяли флайер и из пещеры сна перелетели к Планетоизменителю в Бесплодных Песках, где сменили прежнюю пару и придвинули к окну на третьем этаже новую кушетку.

Воздух был по-прежнему душный, но уже годился для дыхания на короткое время, хотя после подобных экспе-

риментов долго болела голова. Жара все еще была невыносимой. Очертания скалы, некогда напоминавшей человека, расплылись. Ветры потеряли былую свирепость.

На четвертый день они нашли следы, принадлежащие, вероятно, какому-то крупному хищнику. Это порадовало Санзу. Зато другой эпизод вызвал только изумление. Менее чем в сотне шагов от Станции они наткнулись на трех высохших гигантских гусениц. Снег вокруг был испещрен знаками. К гусеницам вели неясные следы.

— Что бы это значило? — спросила Санза.

— Не знаю. Но думаю, лучше это сфотографировать,— отозвался Джарри.

Так они и сделали. Поговорив со Станцией-2, Джарри узнал, что подобная картина периодически отмечалась наблюдателями и на других Станциях, правда, редко.

— Не понимаю,— сказала Санза.

— А я не хочу понимать,— сказал Джарри.

За время их дежурства такого больше не случалось. Джарри сделал подробную запись в дневнике, после чего они продолжили наблюдения, иногда прерывая их, чтобы попробовать возбуждающие напитки. Два столетия назад один биохимик посвятил свое дежурство поискам веществ, которые вызывали бы у Измененных такие же реакции, как в свое время алкогольные напитки у нормальных людей. Опыты завершились успехом. Четыре недели счастливый биохимик беспробудно пил и, естественно, забросил свои обязанности, за что был снят с поста и отправлен спать до конца Срока. Однако его в общем-то немудреный рецепт разошелся по другим Станциям. Джарри и Санза обнаружили в кладовой настоящий бар и рукописную инструкцию по составлению напитков. Автор выражал надежду, что каждое дежурство будет завершаться открытием нового рецепта. Джарри и Санза работали на совесть и обогатили список пуншем «Снежный цветок», который согревал желудок и превращал мурлыканье в хихиканье,— так был открыт смех. Наступление тысячелетия они отпраздновали целым кубком пунша. По настоянию Санзы рецептом поделились с остальными Станциями, чтобы

каждый мог разделить их радость. Вполне вероятно, что так оно и произошло, потому что рецепт приняли благосклонно. И уже навсегда, даже после того, как от кубка остались лишь воспоминания, сохранился смех. Так порой создаются традиции.

— Зеленые птицы умирают,— сказала Санза, отложив в сторону прочитанный рапорт.

— А? — отозвался Джарри.

— Адаптация не может происходить бесконечно. Вероятно, они исчерпали все резервы.

— Жаль,— сказал Джарри.

— Кажется, прошел всего год, как мы здесь. На самом деле позади тысячелетие.

— Время летит.

— Я боюсь,— прошептала она.

— Чего?

— Не знаю. Просто боюсь.

— Но почему?

— Мы живем странной жизнью; в каждом столетии оставляем по кусочку самих себя. Еще совсем недавно, как подсказывает мне память, здесь была пустыня. Сейчас это ледник. Появляются и исчезают ущелья и каньоны. Пересыхают реки, и на их месте возникают новые. Все кажется таким временным, таким преходящим... Вещи с виду солидные, надежные, но я боюсь коснуться их: вдруг они превратятся в дым и моя рука сквозь дым коснется чего-то?.. Или еще хуже — ничего не коснется. Никто не знает наверное, что здесь будет, когда мы достигнем цели. Мы стремимся к неведомой земле, и отступать слишком поздно. Мы движемся сквозь сон, направляемся к фантазии... Порой я скучаю по своей камере, по машинам, что заботились обо мне. Возможно, я не умею приспосабливаться. Возможно, я как зеленая птица...

— Нет, Санза, нет! Мы настоящие. Неважно, что происходит снаружи,— мы существуем и будем существовать. Все меняется, потому что таково наше желание. Мы сильнее этого мира и будем переделывать его до тех пор, пока

не создадим на свой лад. И тогда мы оживим его городами и детьми. Хочешь увидеть Бога? Посмотри в зеркало. У Бога заостренные уши и зеленые глаза. Он покрыт мягким серым мехом. Между пальцами у него перепонки.

— Джарри, как хорошо, что ты такой сильный!

— Давай возьмем флайер и поедем кататься.

— Поедем!

Вверх и вниз ездили они в тот день по Бесплодным Пескам, где черные скалы стояли подобно тучам в чужом небе.

Минуло двенадцать с половиной столетий.

Теперь некоторое время они могли обходиться без респираторов.

Теперь некоторое время могли выносить жару.

Теперь зеленых птиц уже не было. Началось что-то странное и тревожное. По ночам приходили двуногие, чертили знаки на снегу, оставляли среди них мертвых животных. И происходило это гораздо чаще, чем в прошлом. Двуногие шли ради этого издалека; плечи многих покрывали звериные шкуры.

Джарри просмотрел все записи в поисках упоминаний об этих существах.

— Станция-7 сообщает об огнях в лесу,— сказал он.

— Что?..

— Огонь,— повторил он.— Неужели они открыли огонь?

— Значит, это не просто звери!

— Но они были зверьми!

— Теперь они носят одежду. Оставляют дары нашим машинам. Это уже больше не звери.

— Как такое могло произойти?

— Это наших рук дело. Вероятно, они так и остались бы тупыми животными, если бы мы не заставили их поумнеть, чтобы выжить. Мы ускорили их развитие. Они должны были приспособиться или погибнуть. Они приспособились.

— Ты полагаешь, без нас этого бы не случилось?

— Возможно, случилось бы — когда-нибудь. А возможно, и нет.

Джарри подошел к окну, окинул взглядом Бесплодные Пески.

— Я должен выяснить,— сказал он.— Если они разумны, если они... люди, как и мы,— он рассмеялся,— тогда мы обязаны с ними считаться.

— Что ты предлагаешь?

— Разыскать их. Посмотреть, нельзя ли наладить общение.

— Разве этим не занимались?

— Занимались.

— И каковы результаты?

— Разные. Некоторые наблюдатели считали, что они проявляют значительную понятливость. Другие ставили их гораздо ниже того порога, с которого начинается Человек.

— Может быть, мы совершаем чудовищную ошибку,— задумчиво произнесла Санза.— Создаем людей с тем, чтобы позднее их уничтожить. Помнишь, ты как-то сказал, что мы — боги этого мира, что в нашей власти строить и разрушать. Да, вероятно, это в нашей власти, но я не ощущаю в себе особой святости. Что же нам делать? Они прошли этот путь, но уверен ли ты, что они выдержат перемену, которая произойдет к концу? Что, если они подобны зеленым птицам? Если они исчерпали все возможности адаптации и этого недостаточно? Как поступит Бог?

— Как ему вздумается,— ответил Джарри.

В тот день они облетели Бесплодные Пески на флайере, но не встретили никаких признаков жизни. И в последующие дни их поиски не увенчались успехом.

Однако одним багряным утром, две недели спустя, это произошло.

— Они были здесь,— сказала Санза.

Джарри посмотрел в окно.

На вытоптанной площадке лежал мертвый зверек, а снег вокруг был исчерчен уже знакомыми знаками.

— Они не могли уйти далеко.

— Ты права.

— Нагоним их на санях!

Они мчались по снегу, который покрывал землю, именуемую Бесплодными Песками. Санза сидела за рулем, а Джарри высматривал следы на синем поле.

Все утро они неслись, подобные темно-лиловому огню, и ветер обтекал их, будто вода, а вокруг раздавались звуки, похожие на треск льда, дребезжание жести, шорох стальной стружки. Голубые заиндевевшие глыбы стояли словно замерзшая музыка, и длинная, черная как смоль тень бежала впереди саней. Порой вдруг налетал град, по крыше саней барабанило, будто наверху отплясывали неистовые танцоры, и так же внезапно все утихало. Земля то уходила вниз, то вставала на дыбы.

Вдруг Джарри опустил руку на плечо Санзы:

— Впереди!

Санза кивнула и стала тормозить.

Они загнали его к бухте. Они пользовались палками и длинными шестами с обугленным острием. Они швыряли в него камни и куски льда.

Затем они стали пятиться, а оно шло вперед и убивало.

Видоизмененные называли это животное медведем, потому что оно было большим и косматым и могло вставать на задние лапы. Тело длиной в три с половиной метра было покрыто голубым мехом; узкое безволосое рыло напоминало рабочую часть плоскогубцев.

На снегу неподвижно лежали пять маленьких созданий. С каждым ударом огромной лапы падало еще одно.

Джарри достал пистолет и проверил заряд.

— Поезжай медленно,— бросил он Санзе.— Я постараюсь попасть в голову.

Первый раз он промахнулся, угодив в валун позади медведя. Второй выстрел опалил мех на шее зверя. Джарри соскочил с саней, поставил заряд на максимум и выстрелил прямо в нависшую грудь.

Медведь замер, потом пошатнулся и упал. В груди зияла сквозная рана.

Джарри повернулся к созданиям, которые не спускали с него глаз.

— Меня зовут Джарри,— сказал он.— Нарекаю вас красноформами...

Удар сзади свалил его с ног.

Джарри покатился по снегу. Глаза застилал туман, левая рука и плечо горели огнем.

Из-за нагромождения камней показался второй медведь.

Джарри вытащил правой рукой длинный охотничий нож и встал на ноги.

Когда зверь кинулся вперед, он с кошачьей ловкостью, присущей его роду, увернулся, занес руку и по рукоятку вонзил нож в горло медведя.

По телу зверя пробежала дрожь, но он швырнул Джарри на землю, как пушинку.

Красноформы принялись кидать камни, бросились на медведя с заостренными пиками.

Затем раздался громкий удар, послышался скрежещущий звук; зверь взвился в воздух и упал на Джарри.

Когда Джарри пришел в себя, он увидел, что лежит на спине. Тело свело от боли, и все вокруг него пульсировало и мерцало, словно готовое взорваться.

Сколько прошло времени, он не знал. Медведя, надо полагать, с него сняли. Чуть поодаль боязливо жались в кучку маленькие двуногие существа. Одни смотрели на него, другие не сводили глаз со зверя. Кое-кто смотрел на разбитые сани.

Разбитые сани...

Джарри поднялся на ноги. Существа попятились. Он с трудом добрел до саней и заглянул внутрь.

Санза была мертва. Это было видно сразу по неестественному наклону головы, но он сделал все, что полагается делать, прежде чем поверил в случившееся.

Она нанесла медведю смертельный удар, направив на него сани. Удар сломал ему хребет. Сломал сани. Убил ее.

Джарри склонился над обломками саней, сочинил первую заупокойную песнь и высвободил тело.

Красноформы не сводили с него глаз.

Он поднял мертвую Санзу на руки и зашагал к Станции через Бесплодные Пески.

Красноформы молча провожали его взглядом. Все, кроме одного, который внимательно изучал нож, торчащий из залитого кровью косматого горла зверя.

Джарри спросил разбуженных руководителей Декабрьского Клуба:

— Что следует сделать?

— Она — первая из нас, кто погиб на этой планете,— сказал Ян Турл, вице-президент Клуба.

— Традиций не существует,— сказала Зельда Кейн, секретарь.— Вероятно, нам следует их придумать.

— Не знаю,— сказал Джарри.— Я не знаю, что нужно делать.

— Надо выбрать — погребение или кремация. Что ты предлагаешь?

— Я не... Нет, не хочу в землю. Верните мне ее тело, дайте большой флайер... Я сожгу ее.

— Тогда позволь нам помочь тебе.

— Нет. Предоставьте все мне. Мне одному.

— Как хочешь. Можешь пользоваться любым оборудованием. Приступай.

— Пожалуйста, пошлите кого-нибудь на Станцию в Бесплодных Песках. Я хочу уснуть после того, как закончу с этим,— до следующей смены.

— Хорошо, Джарри. Нам искренне жаль...

— Да, очень жаль...

Джарри кивнул, повернулся и ушел.

Таковы порой мрачные стороны жизни.

На северо-востоке Бесплодных Песков на три тысячи метров ввысь вознеслась синяя гора. Если смотреть на нее с юго-запада, она казалась гигантской замерзшей волной. Багряные тучи скрывали ее вершину. На крутых склонах не водилось ничего живого. У горы не было имени, кроме того что дал ей Джарри Дарк.

Он посадил флайер на вершину, вынес Санзу, одетую в самые красивые одежды, и опустил. Широкий шарф скрывал сломанную шею, густая темная вуаль закрывала холодное лицо.

И тут начался град. На него, на мертвую Санзу камнями падали с неба куски голубого льда.

— Будьте вы прокляты! — закричал Джарри и бросился к флайеру.

Он взмыл в воздух, описал круг над горой.

Одежда Санзы билась на ветру. Град завесой из синих бусинок отгородил их от остального мира, оставив лишь прощальную ласку: огонь, текущий от льдинки к льдинке.

Джарри нажал на гашетку, и в боку безымянной горы открылась дверь в солнце. Дверь становилась все шире, и вот уже гора исчезла в ней целиком.

Тогда он взвился в тучи, атакуя бурю, пока не иссякла энергия, питающая орудия...

Он облетел расплавленную гору на северо-востоке Бесплодных Песков — первый погребальный костер, который видела эта планета.

Потом он вернулся — чтобы забыться в тиши долгой ночи льда и камня, унаследовать новый Алайонэл. В такие ночи сновидений не бывает.

Пятнадцать столетий. Почти половина Срока. Картина не более чем в двести слов. Представьте...

Текут девятнадцать рек, но черные моря покрываются фиолетовой рябью.

Исчезли редкие йодистые леса. Вместо них вверх поднялись могучие деревья с толстой корой, известковые, оранжевые и черные...

Великие горные хребты на месте холмов — бурых, желтых, белых, бледно-лиловых. Замысловатые клубы дыма над курящимися вершинами...

Цветы, корни которых зарываются в почву на двадцать метров, а коричневые бутоны не распускаются среди синей стужи и камней.

Слепые норолазы, забирающиеся глубже; поедающие падаль сумрачники, отрастившие грозные резцы и мощ-

ные коренные зубы; гигантские гусеницы хоть и уменьшились в размерах, но выглядят настоящими великанами, потому что стали еще более мохнатыми...

Очертания долин — как тело женщины, изгибающиеся и плавные, или, возможно,— как музыка...

Меньше обветренных скал, но свирепый мороз...

Звуки по утрам по-прежнему резкие, металлические...

Из дневника Станции Джарри почерпнул все, что ему требовалось знать. Но он прочитал и старые сообщения.

Затем плеснул в стакан пьянящий напиток и выглянул из окна третьего этажа.

— ...Умрут,— произнес он и допил, и собрался, и покинул свой пост.

Через три дня он нашел лагерь.

Он посадил флайер в стороне и пошел пешком. Джарри залетел далеко на юг Бесплодных Песков, и теплый воздух спирал дыхание.

Теперь они носили звериные шкуры — обрезанные и сшитые,— обвязав их вокруг тел. Джарри насчитал шестнадцать построек и три костра. Он вздрогнул при виде огня, но не свернул с пути.

Кто-то вскрикнул, заметив его, и наступила тишина.

Он вошел в лагерь.

Повсюду неподвижно стояли двуногие. Из большой постройки на краю поляны раздавались звуки какой-то возни.

Джарри обошел лагерь.

На деревянном треножнике сушилось мясо. У каждого жилища стояло несколько длинных копий. Джарри осмотрел одно. Узкий наконечник был вытесан из камня.

На деревянной доске были вырезаны очертания кошки...

Он услышал шаги и обернулся.

К нему медленно приближался красноформый, казавшийся старше других. Его худые плечи поникли, приоткрытый рот зиял дырой, редкие волосы засалились. Существо что-то несло, но Джарри не видел, что именно, потому что не сводил глаз с рук старика.

На каждой руке был противостоящий большой палец.

Джарри повернулся и уставился на руки других красноформых. У всех были большие пальцы. Он внимательнее присмотрелся к внешности этих существ.

Теперь у них появились лбы.

Он перевел взгляд на старика.

Тот опустил свою ношу на землю и отошел.

Джарри взглянул вниз.

На широком листе лежали кусок сухого мяса и дольки какого-то фрукта.

Джарри взял мясо, закрыл глаза, откусил кусочек, пожевал и проглотил. Остальное завернул в лист и положил в боковой карман сумки.

Он протянул руку, и красноформый попятился.

Джарри достал одеяло, которое принес с собой, и расстелил его на земле. Затем сел и указал старику на место рядом.

Старик поколебался, но все же подошел и сел.

— Будем учиться говорить друг с другом,— медленно произнес Джарри. Он приложил руку к груди: — Джарри.

Джарри стоял перед разбуженными руководителями Декабрьского Клуба.

— Они разумны,— сказал он.— Вот мой доклад.

— Каков же вывод? — спросил Ян Турл.

— По-моему, они не смогут приспособиться. Они развивались очень быстро, но вряд ли способны на большее. На весь путь их не хватит.

— Ты кто — биолог, химик, эколог?

— Нет.

— Так на чем же ты основываешь свое мнение?

— Я жил с ними шесть недель.

— Значит, всего лишь догадка?..

— Ты знаешь, что в этой области нет специалистов. Такого никогда раньше не было.

— Допуская их разумность,— допуская даже, что они действительно не смогут приспособиться,— что ты предлагаешь?

— Замедлить изменение планеты. Дать им шанс. А если их постигнет неудача, вообще отказаться от нашей цели. Здесь уже можно жить. Дальше можем адаптироваться мы.

— Замедлить? На сколько?

— Еще на семь-восемь тысяч лет...

— Исключено! Абсолютно исключено! Слишком долгий срок!

— Но почему?

— Потому что каждый из нас несет трехмесячную вахту раз в два с половиной столетия. Таким образом, на тысячу лет уходит год личного времени. Слишком большую жертву ты требуешь от нас.

— Но от этого зависит судьба целой расы!

— Кто знает...

— Разве одной возможности недостаточно?

— Джарри Дарк, ты хочешь ставить вопрос на административное голосование?

— Нет, тут мое поражение очевидно... Я настаиваю на всеобщем голосовании.

— Невозможно! Все спят.

— Так разбудите их!

— Повторяю, это невозможно.

— А вам не кажется, что судьба целой расы стоит усилия? Тем более что это мы заставляем этих существ развиваться, мы прокляли их разумом!

— Довольно! Они и без нас стояли на пороге. Они вполне могли стать разумными даже без нашего появления...

— Но мы не можем сказать наверняка! Мы не знаем! Да и не все ли равно, как именно это произошло,— вот они, и вот мы, и они принимают нас за божества — быть может, потому, что мы ничего им не даем, кроме страданий. Но должны же мы нести ответственность за судьбу разума — уж по крайней мере не убивать его!

— Возможно, длительное и тщательное расследование...

— К тому времени они погибнут! Пользуясь своим правом казначея, я требую всеобщего голосования.

— Не слышу обязательного второго голоса.

— Зельда? — спросил Джарри.

Она отвела глаза.

— Тарбел? Клонд? Бондичи?

В широкой, просторной пещере царила тишина.

— Что ж, выходит, я проиграл. Мы сами окажемся змеями, когда войдем в наш Эдем... Я возвращаюсь назад, в Бесплодные Пески, заканчивать вахту.

— Это вовсе не обязательно. Пожалуй, тебе сейчас лучше отправиться спать...

— Нет. Во всем, что произошло, есть и моя вина. Я останусь наблюдать и разделю ее полностью.

— Да будет так,— сказал Турл.

Две недели спустя, когда Станция-19 пыталась вызвать Бесплодные Пески по радио, ответа не последовало.

Через некоторое время туда был выслан флайер.

Станция в Бесплодных Песках превратилась в бесформенную глыбу расплавленного металла. Джарри Дарка нигде не было. В тот же день замолчала Станция-9. Немедленно и туда вылетел флайер.

Станции-9 более не существовало. Ее обитателей удалось обнаружить в нескольких километрах: они шли пешком. По их словам, Джарри Дарк, угрожая оружием, заставил всех покинуть Станцию и сжег ее дотла орудиями своего флайера.

Тем временем замолчала Станция-6.

Руководители Клуба издали приказ: «Поддерживать постоянно радиосвязь с двумя соседними станциями».

За ним последовал еще один приказ: «Постоянно носить при себе оружие. Всех посторонних брать в плен».

На дне ущелья, укрытый за скалой, ждал Джарри. Рядом с приборной доской флайера лежала маленькая коробочка из серебристого металла. Радио было включено. Джарри ждал передачу.

Выслушав первые слова, он растянулся на сиденье и заснул.

Когда он проснулся, вставала заря нового дня.

Передача все еще продолжалась:

«...Джарри. Все будут разбужены. Возвращайся в главную пещеру. Говорит Ян Турл. В уничтожении Станций нет необходимости. Мы согласны с требованием всеобщего голосования. Пожалуйста, немедленно свяжись с нами. Мы ждем твоего ответа, Джарри...»

Он поднял флайер из багряной тени в воздух.

Конечно, его ждали. С десяток винтовок нацелились на него, едва он появился.

— Бросай оружие, Джарри,— раздался голос Ян Турла.

— Я не ношу оружия,— сказал Джарри.— И в моем флайере его нет,— добавил он.

Это было правдой, так как орудия больше не венчали турели.

Ян Турл приблизился, посмотрел ему в глаза:

— Что ж, тогда выходи.

— Благодарю, предпочитаю остаться здесь.

— Ты арестован.

— Как вы намерены поступить со мной?

— Ты будешь спать до истечения Срока Ожидания. Иди!

— Нет. И не пытайтесь стрелять или пустить в ход парализатор и газы. Если вы это сделаете, мы погибнем в ту же секунду.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Ян Турл, делая знак стрелкам.

— Мой флайер превращен в бомбу, и я держу запал в правой руке.— Джарри поднял серебристую коробку.— Пока я не отпускаю кнопку, мы в безопасности. Но если мой палец хоть на секунду ослабнет, последует взрыв, который уничтожит всю эту пещеру!

— Полагаю, ты берешь нас на испуг.

— Что ж, проверь.

— Но ведь ты тоже умрешь, Джарри!

— Теперь мне все равно. Кстати, не пытайтесь уничтожить запал,— предупредил он.— Бессмысленно. Даже в

случае успеха вам это обойдется по крайней мере в две Станции.

— Почему?

— Как по-вашему, что я сделал с орудиями? Я обучил красноформых пользоваться ими. В настоящий момент орудия нацелены на две Станции, и, если я не вернусь до рассвета, они откроют огонь. Потом они двинутся дальше и попытаются уничтожить другие две Станции.

— Ты доверил лазер зверям?

— Совершенно верно. Ну, так вы станете будить остальных для голосования?

Турл сжался, словно для прыжка, затем, видимо, передумал и обмяк.

— Почему ты так поступил, Джарри? — жалобно спросил он.— Кто они тебе? Ради них ты заставляешь страдать свой народ!

— Раз ты не ощущаешь того, что я,— ответил Джарри,— мои мотивы покажутся тебе бессмысленными. В конце концов, они основаны лишь на моих чувствах, а мои чувства отличаются от твоих, ибо продиктованы скорбью и одиночеством. Попробуй, однако, понять вот что: я для них божество. Мои изображения есть в любом лагере. Я — Победитель Медведей из Пустыни Мертвых. Обо мне слагают легенды на протяжении двух с половиной веков, и в этих легендах я сильный, мудрый и добрый. И в таком качестве кое-чем им обязан. Если я не дарую им жизнь, кто будет славить меня? Кто будет воздавать мне хвалу у костров и отрезать для меня лучшие куски мохнатой гусеницы? Никто, Турл. А это все, чего стоит сейчас моя жизнь. Буди остальных. У тебя нет выбора.

— Хорошо,— проговорил Турл.— А если тебя не поддержат?

— Тогда я удалюсь от дел, и ты сможешь стать божеством,— сказал Джарри.

Каждый вечер, когда солнце спускается с багряного неба, Джарри Дарк смотрит на закат, ибо он не будет больше спать сном льда и камня, сном без сновидений. Он

решил прожить остаток своих дней в неуловимо малом моменте Срока Ожидания и никогда не увидеть Алайонэл своего народа. Каждое утро на новой Станции в Бесплодных Песках его будят звуки, похожие на треск льда, дребезжание жести, шорох стальной стружки. Потом приходят двуногие со своими дарами. Они поют и чертят знаки на снегу. Они славят его, а он улыбается им. Иногда тело его сотрясает кашель.

...Рожденный от мужчины и женщины, видоизмененный в соответствии с требованиями к форме кошачьих Y7, по классу холодных миров (модификация для Алайонэла), Джарри Дарк не мог жить ни в одном уголке Вселенной, что гарантировало ему Убежище. Это либо благословение, либо проклятие — в зависимости от того, как смотреть. Но как бы вы ни смотрели, ничего не изменится...

Так платит жизнь тем, кто служит ей самозабвенно.

Жди нас, Руби-Стоун

Когда наконец с нашей женитьбой было решено, мы все трое отправились к старой Войе Длинноногой, чтобы выбрать камень, освящающий помолвку. Камень надлежало выбирать только нам самим, так велел обычай.

Квиб пленил камень цвета самой страсти, ярко-синий, казавшийся застывшей каплей влаги из огромного океана. Я же предпочитала цвет пламени, символизирующий мир и покой в доме. И поскольку наш возлюбленный согласился со мною, был выбран гораздо более дорогой камень, рубин. И старая Войе Длинноногая сделала надрез на челе нашего возлюбленного, вставила туда камень и наложила повязку. Наш возлюбленный, который отныне должен был именоваться Руби-Стоун*, вел себя поистине муже-

* Рубин *(англ.)*.

ственно. Во время этой короткой, но очень болезненной ритуальной операции он даже не вздрогнул, лишь смотрел в землю и держался за нас.

— Мне-то все это семечки,— заявила старая Войе Длинноногая.— Я такие штуки делала одному Лесу известно сколько раз. И возвращений тоже видала предостаточно.

Мы не стали отвечать на ее мрачные шуточки, но постарались, чтобы ей за все заплатили сполна еще до торжественной церемонии.

— А нам будет позволено лицезреть Заключительный Акт? — осведомилась она.

— Нет, мы считаем, что это должно свершиться в интимной обстановке,— отвечала я, может быть, чересчур поспешно, ибо получила в ответ такой взгляд, что мне стало ясно: мои слова восприняты как признак слабости. Ну и пусть. Мы и сами с усами.

Распрощавшись друг с другом, мы расстались: нам следовало оставаться в домах ожидания, пока Руби-Стоун не поправится после операции и не будет полностью готов к церемонии.

Я отдыхала и практиковалась в метании шипов в ожидании Трясуна, который должен был принести мне весть. На десятый день он наконец явился и забарабанил в мою дверь. Прежде чем убить его, я прочитала послание, из которого следовало, что мы сочетаемся через два дня. Внутренности Трясуна, правда, предсказывали странные повороты судьбы, но плоть его на вкус была нежна.

Оставшись снова одна, я совершила омовение и бичевание, готовясь к заключительным обрядам. Ночь я спала под Священным деревом и смотрела на звезды сквозь его листву. Я принесла ему в жертву косточки Трясуна, сложив их у его поросших мхом корней. Я слушала порхавших в Лесу певцов ночи; длинные влажные язычки, свисающие с дерева, как побеги виноградной лозы, прощупывали воздух, ловя собратьев этих маленьких певцов, которым суждено было послужить пищей на этом вечном празднестве жизни.

Один из певцов пронзительно вскрикнул, внезапно пойманный прямо посреди полета длинным язычком, и его сразу утянуло вниз, в разинутую пасть. Бедный маленький пищащий комочек тьмы, вырванный из потока жизни.

Еще не рассвело, а я уже ждала возле Священного дерева: оно должно было отрыгнуть и освободить свой желудок. И едва мир осветили первые лучи восходящего солнца, как раздался соответствующий звук и дерево выплеснуло наружу остатки вчерашнего пиршества, которые образовали небольшое, исходящее паром озерцо. Я отпрыгнула назад, чтобы на меня не попала обжигающая жидкость. Потом палкой разгребла горячую массу, непереваренные косточки и чешуйки. Дерево между тем со всасывающим звуком захлопнуло свою утробу.

То, что мне было нужно, я нашла почти сразу — два комплекта когтей, всего шесть штук. Я выудила их прутиком из жидкой массы, положила на подушку из листьев и отнесла к реке. Там я их вымыла и тщательно протерла. То, что я их нашла, было хорошим предзнаменованием.

В тот же день я заострила найденные когти и прикрепила их к двум палкам, которые выбрала себе по размеру; это было значительно более удобное и надежное оружие, чем то, которым меня одарила природа. Я прикрепила их к поясу, который сплела специально для этого, и теперь они выглядели прямо как драгоценные застежки из железного корня на обычной деревянной пряжке.

Остаток дня я посвятила омовениям и очистительным ритуалам и все время размышляла о своих будущих супругах, о предстоящей свадьбе. В тот вечер я съела предписанные ритуалом блюда и рано улеглась под Священным деревом. Правда, заснуть мне удалось далеко не сразу.

На следующее утро я отправилась обратно по тому же пути, по которому пришла в дом ожидания. Я встретилась с Квиб и Руби-Стоуном там же, где мы расстались. Мы не прикасались друг к другу, но обменялись официальными приветствиями:

— О, Корень жизни!

— О, Хранительница яйца!

— О, Великий добытчик!
— О, Лесная жница!
— О, Несущая новую жизнь!
— Приветствую тебя!
— Приветствую тебя!
— Приветствую тебя!
— Готов ли ты следовать к Древу Жизни?
— Я готов следовать к Древу Жизни.
— Готов ли ты украсить его символом твоего Обручального слова?
— Я готов украсить его символом своего Обручального слова.
— Я готова принять вас обоих в супруги.
— Я готова принять вас обоих в супруги.
— Я готов принять вас обеих в супруги.
— Так идемте же к Древу Жизни!

И мы взвились в небеса, танцуя, кружась и пикируя, проносясь над Лесом в сиянии летнего дня. Мы выписывали в вышине круги и виражи до тех пор, пока хватило сил. А потом наконец отправились к самому великому Древу Жизни, увешанному бесчисленными дарами и символами, и добавили к ним свои эмблемы, сопровождая это действо соответствующими словами. Приземлившись у его корней, мы с Квиб схватили Руби-Стоуна за крылья и оторвали их.

Старая Войе Длинноногая, и Иглин Пурпурная Полоска, и юный Дендлит-Хромоножка, и многие другие уже ждали нас, чтобы лицезреть церемонию, принести нам свои поздравления и предложить нам свои советы. Мы выслушали их с некоторым нетерпением: нам хотелось поскорее отправиться в путь. Зрители всегда получают огромное удовольствие, если им удается оттянуть уход новобрачных, которым не терпится заняться своим делом.

Мы обняли всех и простились с ними. По толпе зрителей пробежал ропот недовольства и разочарования в связи с тем, что зрелище оказалось чересчур мимолетным и больше им ничего увидеть не удастся. Но мы с Квиб подняли Руби-Стоуна и понесли его в Жилище, которое специально для него подобрали, и красный брачный камень пламенем горел у него на сверкающем полировкой челе. Мы выглядели просто превосходно, когда шли через Лес к Жилищу. Остальные, тихо напевая, медленно следовали за нами.

Достигнув порога Жилища, мы дружески и ободряюще похлопали Руби по обломкам крыльев, и он вошел внутрь, однако сами мы входить не стали.

— Смотри же, здесь ты будешь ждать нас,— сказали мы хором.

— Я буду ждать вас, о Возлюбленные жены.

Квиб и я смело посмотрели друг другу в лицо. Пение прекратилось. Впрочем, мы не обращали на зрителей внимания.

— Пойдем, моя Возлюбленная, погуляем вместе,— проговорила Квиб.

— О да, моя Возлюбленная, нужно прогуляться.

И мы прошли мимо толпы сопровождающих и удалились под сень Леса. Долгое время мы шли молча, стараясь не прикасаться друг к другу. Затем мы вышли на небольшую поляну, погруженную в благодатную тень.

— Моя Возлюбленная, здесь ли это место? — спросила Квиб.

— О нет, моя Возлюбленная, дальше,— отвечала я.

— Что ж, хорошо, Любимая моя.

И мы пошли дальше, посматривая друг на друга и несколько лениво продвигаясь в глубь Леса. Солнце уже стояло в зените и готовилось скатиться к западу.

Через некоторое время Квиб спросила:

— Любимая, не хочешь ли передохнуть?

— Пока что нет, Любимая. Благодарю тебя.

— Мне в голову пришло вдруг: здесь неподалеку дом Торговца Хокинса. Не хочешь ли его проведать, о Спутница всей моей жизни?

— С какою целью, Огонь души моей?

— Любовь моя, всего лишь согревающего выпить.

Я обдумала это предложение. Воздействие согревающего напитка вполне может ускорить развитие событий.

— Ну хорошо, моя Подруга на пути к блаженству,— ответила я наконец,— готова я зайти к Торговцу Хокинсу.

И мы направились к подножию холма.

— Свет любви,— спросила я,— правда ль, что Землянин этот свою супругу в яму положил за стенами Жилища?

— Об этом я слыхала, Любовь моя, и место это знаю, но точно не уверена, что правду говорят, хотя известно: его супруга умерла.

— Как это странно, Дорогая!

— О да, моя Возлюбленная, странно.

Наконец устроившись передохнуть, мы сели друг напротив друга и были настороже. Прелестное тело Квиб, гибкое, грациозное, стремительное, такое великолепное в сгущающихся сумерках, было крупнее моего. В небе появилась луна. Я уже проголодалась, но не сказала ни слова. Пока что лучше не есть, так что нет смысла и говорить об этом.

Подножия холмов мы достигли уже в темноте. Сквозь деревья завиднелись огоньки торговой фактории. Вокруг уже начались песни ночи. Я почувствовала странный аромат, который ветер доносил со стороны холмов.

Пробираясь в зарослях кустарника, я сказала Квиб:

— Дражайшая моя, мне бы хотелось сперва взглянуть на это место — там, где закопана умершая супруга.

— Я покажу его тебе, Любимая моя.

Квиб провела меня на задний двор фактории. Когда мы проходили мимо дома, мне показалось, что я заметила силуэт Торговца Хокинса. Он сидел со стаканом в руке на темной веранде и при свете звезд казался великаном.

Квиб показала мне огромный участок земли, где совершенно ничего не росло. На одном конце участка был установлен камень со странными значками. У камня лежали засохшие цветы.

— Так мертвая его супруга здесь? Под землей, под этим камнем? Да, дорогая Квиб?

— Так мне говорили, Свет моей жизни.

— А для чего засохшие растения, Любовь моя?

— Не знаю. Все это очень странно, Любимая.

— О да, все это странно. И я не понимаю... Мне кажется...

— Эй, что это вы там делаете, букашки?

На столбе возле дома вспыхнул яркий свет, гораздо ярче, чем свет любой из лун. Землянин стоял возле двери, держа в руках свое длинное огненное оружие. Мы повернулись и приблизились к нему.

— Мы хотели выпить согревающего напитка,— произнесла Квиб на его языке.— Но сперва остановились, чтобы поглядеть на то место, где под землей находится ваша супруга.

— Я не люблю, чтоб на заднем дворе кто-то шатался, когда меня нет поблизости.

— Мы приносим извинения. Мы не знали. У вас есть согревающий напиток?

— Есть. Заходите.

Землянин придержал огромную дверь, пропуская нас. Мы вошли в дом и последовали за этим великаном, шедшим впереди.

— А металл у вас есть?

— Да,— отвечала я, доставая брусочек из сумки и передавая ему.

Две чаши напитка были тут же для нас приготовлены, и мне еще дали три металлических брусочка меньших размеров в качестве сдачи. Я оставила их лежать на циновочке возле чаши.

— За следующую заплачу я, Дорогая,— сказала Квиб.

Я не ответила, а пригубила кисло-сладкий напиток, и жидкий огонь разлился по всем моим членам. Землянин налил нам еще и водрузил чаши на высокую деревянную подставку. Комната была полна каких-то сильных, но отнюдь не неприятных ароматов, природу которых я установить не смогла. Пол был усеян мелкими частицами дерева. Помещение освещалось ярким драгоценным камнем, сиявшим высоко на стене.

— Вы, букашки, что, на охоту вышли или просто выпить сюда забежали?

— Ни то ни другое,— сказала Квиб.— Мы поженились нынче утром.

— Ах вот как! — Глаза Торговца Хокинса сперва широко распахнулись, а затем снова сузились.— Я слыхал об этой церемонии. Лишь двое продолжают путь, а третий остается...

— Да.

— И вы по пути зашли ко мне выпить, прежде чем отправляться дальше?

— Да.

— Мне все это страшно интересно. Никто из представителей моего народа никогда не видел ваших брачных обрядов.

— Нам это известно.

— А мне бы так хотелось поглядеть, чем эта церемония закончится!

— Нет.

— Нет.

— Разве это запрещено?

— Нет. Просто мы считаем брак делом интимным.

— Видите ли, я глубоко уважаю ваши чувства, но там, откуда я родом, многие дорого бы заплатили, чтобы посмотреть, чем дело кончится. А раз вы сказали, что это не запрещено, но, скорее, зависит от вашего личного решения, хотелось бы спросить вас вот о чем: не смогу ли я убедить вас дать мне разрешение заснять все это?

— Нет.

— Нет, это очень личное.

— Вы все-таки постарайтесь выслушать меня до конца. Но сперва давайте я еще разок наполню ваши чаши. Нет, металла больше не надо. Если бы — ну, предположим это хоть на минутку — вы позволили мне заснять церемонию до конца, я бы на этом точно сделал большие деньги. И мог бы вознаградить вас многими подарками — всем чем угодно из товаров моей фактории,— и вы всегда, когда бы ни пришли, могли бы сколько захотите выпивать согревающего напитка.

Квиб посмотрела на меня как-то странно.

— Нет,— ответила я.— Это дело личное и интимное. И я не хочу, чтобы наша церемония попалась к вам, в ваш ящик с картинками.

Я отодвинула чашу и встала.

— Нам уже пора идти.

— Сядьте. Не уходите. Простите меня... Но было бы просто глупо с моей стороны не спросить у вас... Я же не обиделся, когда вы разглядывали могилу моей жены, верно? Ну и вы не обижайтесь.

— А это верно, Дорогая,— сказала Квиб на нашем языке.— И мы его, возможно, оскорбили, пройдя к могиле, где лежит его супруга, и разрешения не спросив. Ну что ж, не будем обижаться на его желание, ведь просьбу мы его решительно отвергли. Не станем же себя позорить чванством.

— Ты говоришь прекрасно, Дорогая! — отвечала я пылко и вновь придвинула к себе чашу с согревающим напитком.— Да и напиток этот превосходен!

— О да!

— Люблю тебя.

— И я тебя люблю.

— А как прекрасен Руби-Стоун! Как он нежен!

— О да! И грациозен!..

— Как я была горда, когда в Жилище мы его несли!

— Я тоже! А помнишь танец в небесах? О, как он был великолепен... И выбранный тобою камень был лучше всех. Он в свете солнечном так пламенел!

— А вечером рубина блеск нежнее стал и мягче...

— Да, ты во всем права. И все будет прекрасно.

— Да, я уверена.

Мы допили свой напиток и уже собирались уходить, когда Землянин вновь наполнил наши чаши.

— За счет заведения. Свадебный подарок.

Я поглядела на Квиб. Квиб — на Торговца Хокинса, потом на меня. И мы снова сели и прильнули к сладостным чашам.

— Спасибо,— сказала я.

— Да-да, спасибо,— сказала Квиб.

Наконец мы снова встали, твердо намереваясь уйти. Я, правда, двигалась несколько неуверенно.

— Давайте я еще налью.

— Нет, это будет слишком. Нам уже пора.

— Может, хотите переночевать у меня? Это можно.

— Нет. Нам нельзя спать, пока все не завершится.

И мы направились к двери. Мне казалось, что пол плывет и качается подо мною, но я все-таки добралась до порога и выползла на веранду. Прохладный ночной воздух отлично освежал после духоты помещения. Я поскользнулась на ступеньках. Квиб бросилась было, чтоб поддержать меня, но тут же отступила назад.

— Прости, Возлюбленная, мой порыв.

— Конечно, Дорогая, все в порядке.

— Спокойной ночи вам обеим. И желаю удачи,— крикнул Торговец Хокинс.

— Спасибо.

— Спокойной ночи.

И мы пошли дальше, через холмы, а затем снова куда-то вниз. Через некоторое время я почувствовала запах сырости, и мы вышли через Лес к ручью. Луны уже сходили с небосклона, на котором мерцали мириады звезд. Меньшая луна, когда я поглядела на нее, вдруг раздвоилась, и я поняла, что это, вероятно, следствие выпитого в таком количестве согревающего напитка. Когда я опустила глаза, то заметила, что Квиб стоит совсем рядом и пристально меня разглядывает.

— Давай-ка здесь немного отдохнем,— сказала я.— Мне это место нравится.— Я указала на полянку под небольшим деревцем.

— А я тогда вон там присяду,— сказала Квиб, отходя на противоположный конец полянки, к огромному валуну.

— Меня тоска по Руби-Стоуну снедает,— сказала я.

— Я тоже по нему грущу, Любовь моя.

— Как я мечтаю выносить то семя, которым он меня одарит!

— И я хочу того же, моя Радость!

— Но что это за шум?

— Какой? Я ничего не слышу.

Я прислушалась, но странные звуки больше не повторились.

— Я слышала, что те, кто покрупнее — как я, пожалуй,— способны больше выпить того напитка, и он им не во вред,— задумчиво проговорила Квиб, кивая головой и глядя во тьму.

— Мне тоже довелось об этом слышать. Тебе подходит это место, Дорогая?

Квиб встала.

— Как было б глупо, Дорогая, сказать, что нет. Пусть наши души вечно пребывают в мире.

Я продолжала сидеть, как сидела.

— А разве может быть иначе, о моя Квиб?

Я нащупала свои палки с когтями, напоминающие пряжку на поясе.

— Поистине ты сама доброта и нежность...— начала Квиб...

...И бросилась на меня, широко раскрыв жвала, стремясь нанести смертельный укус.

Я ударила ее в грудь палкой с когтями и откатилась в сторону. Тут же вскочив, я распорола второй палкой ее огромный фасеточный глаз, в котором отражались, сверкая, луны и звезды. Квиб засвистела от боли и отпрянула назад. Я снова подняла обе палки и со всей силой нанесла новый удар, глубоко вонзив когти над спинной пластиной ее хитинового панциря, чуть ниже ее милой, такой дорогой мне головки. Она засвистела еще громче и упала на спину, увлекая мое оружие за собой. Я почуяла запах соков ее тела и запах ее страха...

И всей своей тяжестью обрушилась на нее, широко разинув жвала и вцепившись ей в голову. Квиб еще несколько мгновений сопротивлялась, потом застыла без движения.

— Нежна будь с Руби-Стоуном,— прошептала она мне.— Ведь он так мил, так хрупок, наш супруг...

— Спокойна будь, Любимая моя,— отвечала я, нанося ей последний укус...

Я лежала поверх ее тела, затвердевшего и безжизненного, укрывая его своими теплыми подкрылками.

— Прощай, Лесная жница! Прощай, Любовь моя...— шептала я.

Потом поднялась и разгрызла своими жвалами ее хитиновый панцирь. Она была такая нежная внутри! Мне нужно было всю ее поглотить и отнести назад, в наше Жилище, к нашему Руби-Стоуну. И я начала Пиршество Любви.

Давно уже наступил полдень, когда я до блеска вычистила панцирь Квиб и вновь собрала его воедино, скрепив тончайшими травяными волокнами. Когда я повесила Квиб на дерево, ее панцирь начал тоненько позвякивать при налетающем ветерке.

Откуда-то доносился еще какой-то странный звук, тяжелое, низкое, совершенно неестественное гудение. Нет! Не может быть! Не может быть, чтобы этот Землянин осмелился преследовать нас со своим ящиком для картинок!..

Я огляделась. Не его ли гигантская тень скрылась за холмом? Я еле двигалась. Нет, преследовать его я была не в состоянии. Да и не была ни в чем уверена, понимала, что никогда не смогу обрести такую уверенность... Сейчас, немедленно, мне нужен был лишь отдых, сон...

С огромным трудом, тяжело переваливаясь, я дотащилась до валуна и устроилась возле него. Из пустого панциря моей возлюбленной ветерок доносил до меня голос ее души...

...Усни, шептала она, усни. Я с тобой, навсегда с тобой. Ты заслужила это счастье и эту честь, Любовь моя. Да пребудут вечно в мире наши души...

Да, мне нужно, мне совершенно необходимо было уснуть, поспать, прежде чем пускаться в обратный путь. Руби, Руби-Стоун ждал меня, и камень огненного цвета сиял на его челе, восхитительный, ярко пылающий в солнечном свете, мягкий и нежный в сумерках... Твое ожидание, Руби-Стоун, почти подошло к концу. Еще совсем немного, и мы вернемся к тебе. Наш поединок любви завершен... Я уже вижу наше Жилище, наш Дом, ясно вижу его, ведь там мы оставили тебя... И скоро твой огненный камень засверкает рядом с нами. И мы отложим

для тебя яички. Мы будем кормить тебя. Скоро, уже скоро... Кажется, опять там мелькнула эта тень, но мне не разглядеть... Впрочем, это тебя не касается. Я спрячу свой позор в себе — если это действительно такой уж позор — и никогда не расскажу о нем никому... Наша возлюбленная Квиб все еще поет там, на дереве, и во мне. Поет о мире; о мире, о нашем брачном слове, данном друг другу, об извечном возвращении Яйца. Что же еще может иметь значение, мой Дорогой? Разве что-то другое может сдержать полет или украсить чело одиночества, кроме сияющего рубина, символа нашей любви, Руби-Стоун?

Спи, усни, поет Квиб. *Подожди еще немного,* поет Квиб. *Скоро, скоро,* поет Квиб. *И мы сыграем свои роли на всеобщем празднестве жизни, Любовь моя.*

Сам себя удивил

Говорили, что берсерки могут, если в этом есть необходимость, принимать даже привлекательный вид. Но здесь не было такой необходимости. Летящий через миллионозвездное молчание берсерк был массивным, темным и чисто функциональным по конструкции. Это был разрушитель планет, направляющийся к миру, называемому Корлано, где он собирался превратить города в груды камня и уничтожить все живое. Он мог сделать это без особого труда. Не требовалось ни коварства, ни вероломства, ни уверенности в ошибочности жизни. Он имел задание, он имел оружие. Он никогда не удивлялся, почему все должно быть именно так. Он никогда не запрашивал указаний. Он никогда не считал себя своеобразной формой жизни, хотя бы и искусственной. Это была машина-убийца, и если верность цели может рассматриваться как добродетель, в этом смысле он был добродетельным.

Его датчики сканировали пространство далеко вперед, хотя в этом не было необходимости. Он знал, что на

Корлано нет серьезной защиты. Он не предвидел каких-либо трудностей.

Кто решится посадить льва на цепь?

Он вышел на курс к Корлано и привел все системы вооружения в полную готовность.

Уэйд Келман почувствовал беспокойство, как только открыл глаза. Он перевел взгляд на Макфарланда и Дорфи.

— Вы позволили мне спать, когда преследовали этот утиль, подбирались к нему, зацепляли его? Вы понимаете, сколько времени потеряно?

— Тебе был нужен отдых,— ответил Дорфи, маленький смуглый мужчина, глядя в сторону.

— Черт побери! Вы знали, что я буду против!

— Это может кое-что стоить, Уэйд,— заметил Макфарланд.

— Это контрабандный рейс, а не сбор утиля. Важно время.

— Ну, что есть, то есть,— ответил Макфарланд.— Нет смысла спорить о том, что сделано.

Уэйд сдержал резкость. Он мог вести себя только таким образом. Он не был капитаном в обычном смысле слова. Все трое на равных участвовали в этом деле — равные вклады, равный риск. Но он знал, как управлять маленьким кораблем, лучше, чем каждый из них. Это обстоятельство и их уважение к нему восстанавливали рефлекс подчинения как в хорошие, так и в неудачные дни. Если бы они его разбудили и проголосовали за эту операцию, он был бы, видно, против. Однако он знал, что они позаботились бы о нем в случае крайней необходимости.

Он резко кивнул:

— Ну ладно, мы имеем эту штуку. Что бы это могло быть?

— Черт меня побери, если я знаю, Уэйд,— ответил Макфарланд, коренастый светловолосый мужчина со светлыми глазами и искривленным ртом. Он смотрел через шлюз внутрь наскоро причаленного устройства.— Когда

мы засекли его, я думал, что это спасательная лодка. Размеры подходящие.

— И?

— Мы просигналили, но ответа не было.

— Ты хочешь сказать, что нарушил молчание в эфире ради этого мусора?

— Но будь это спасательная лодка, на ее борту могли находиться люди, терпящие бедствие.

— Судя по его состоянию, он никак не может быть спасательным судном. Ладно,— вздохнул он.— Ты прав. Продолжай.

— Не было никаких признаков электрической активности.

— И вы бросились за ним в погоню?

Дорфи кивнул.

— И что, он полон сокровищ?

— Я не знаю, чем он полон. Хотя ясно, что это не спасательная лодка.

— Да уж вижу.

Уэйд вглядывался в темноту открытого шлюза. Он взял фонарь у Дорфи, прошел вперед и провел лучом по сторонам. Среди странного оборудования не было помещений для пассажиров.

— Давайте выкинем его,— сказал он.— Не знаю, что там за чепуха внутри, но повреждения налицо. Я сомневаюсь, что эту дрянь стоит тащить куда-либо.

— Держу пари, что профессор могла бы справиться с нашей загадкой,— сказал Дорфи.

— Оставь бедную женщину в покое. В конце концов, она пассажир, а не член команды. Что ей за дело до этой штуки?

— Предположим, только предположим, что это ценное оборудование. Скажем, что-нибудь экспериментальное. Кто-нибудь может купить...

— А предположим, что это замечательная бомба?

Дорфи отпрянул от люка.

— Я не подумал...

— Я сказал первое, что пришло в голову.

— Даже не посмотрев получше?

— Да. Вряд ли ты смог бы выжать что-нибудь из этого.

— Я? Да ты знаешь намного больше о машинах, чем любой из нас.

— Именно поэтому вы разбудили меня, да?

— Ну, раз ты сейчас здесь...

Уэйд вздохнул. Затем медленно кивнул.

— Это может оказаться неразумным, рискованным и совершенно бесполезным делом.

Он посмотрел на экзотическое оборудование внутри.

— Передай мне фонарь.

Он взял фонарь и направил свет через люк.

— Давление держится нормально?

— Ага. Мы налепили заплату на дыру в его корпусе.

— Ну ладно, черт побери.

Уэйд прошел через люк, опустился на колени, наклонился вперед. Он держал фонарь перед собой, поводя им из стороны в сторону. Его беспокойство не проходило. Было что-то очень чужое во всех этих кубах и выпуклостях, в их соединении... И эта ниша...

Он потянулся и постучал по корпусу. Чужой.

— У меня такое чувство, что он не из нашей системы,— сказал он.

Он проник в небольшое открытое пространство. Затем был вынужден наклонить голову и двигаться на четвереньках. Он начал ощупывать все, что попадалось под руки: переключатели, провода, небольшие приборы с неизвестными функциями. Почти все это, казалось, было предназначено для движения по кривым разной формы, вращения, перемещения по направляющим. В конце концов ему пришлось лечь и ползти.

— Я полагаю, большинство из этих устройств — оружие,— сообщил Уэйд после предварительного осмотра.

Он достиг большой ниши. Когда он прошелся пальцами по поверхности панели, закрывающей нишу, она скользнула вбок, приоткрыв вход. Уэйд нажал посильнее, и вход открылся шире.

— Проклятье! — сказал он, так как раздалось негромкое тиканье.

— Что-нибудь не в порядке? — позвал его Дорфи.

— Ты! — сказал он, начиная отодвигаться.— И твой дружок! Вы оба не в порядке!

Он стремительно повернулся и проделал весь путь обратно.

— Выкинь его! Немедленно!

Тут он увидел Джуну, стройную женщину в сером и палевом. Она стояла, прислонившись к переборке с чашкой чая в руках.

— От бомбы надо избавляться, пока она не взорвалась! — добавил Уэйд.

— Что вы нашли? — спросила она удивительно глубоким голосом.

— Какое-то устройство. Оно попыталось активизироваться, когда я его коснулся. И я уверен, что куча этих штучек — оружие. Вы знаете, что это значит?

— Расскажите мне,— попросила она.

— Снабженное разумом оружие незнакомой конструкции. Мои товарищи выловили поврежденного берсерка, вот что это такое. И он пытается восстановить себя. Нужно убираться отсюда — и быстрее.

— Вы абсолютно уверены, что это берсерк?

— Уверен — нет. Я опасаюсь этого.

Джуна кивнула и поставила чашку. Затем подняла руку ко рту и кашлянула.

— Я хотела бы посмотреть, прежде чем вы бросите его,— сказала она просительно.

Уэйд закусил губу.

— Джуна,— сказал он,— я понимаю ваш профессиональный интерес к компьютерам, но мы предполагали доставить вас на Корлано в целости и сохранности, помните?

Она улыбнулась в первый раз с тех пор, как он встретился с ней несколько недель назад.

— Я очень хочу посмотреть на него.

Улыбка исчезла. Уэйд кивнул:

— Посмотрите, но быстро.

— Мне нужны приборы. И я хочу переодеться в рабочую одежду.

Она повернулась и прошла через проход справа от нее. Уэйд взглянул на своих товарищей, пожал плечами и отвернулся.

Сидя на краю койки за завтраком, который стоял на маленьком подносе, под звуки «Славянских танцев» Дворжака Уэйд размышлял о берсерках, докторе Джуне Байел, компьютерах вообще и о том, как все это объединилось в их путешествии. Рейды берсерков были замечены в этой части пространства в последние несколько лет. К этому времени берсерки уже знали, что Корлано не слишком хорошо защищен. Это очень беспокоило ту часть населения Корлано, которая нашла здесь убежище после атаки берсерков на дальний Джельбар почти поколение назад. Большинство из них выбрало Корлано, потому что эта планета в то время лежала далеко от зоны активности берсерков. Уэйд хмыкнул. Комизм ситуации заключался в том, что те же самые люди, которые так долго и успешно выступали за столь строгое законодательство Корлано, сейчас возвращались к производству и ввозу интеллектуальных машин. Своеобразный вид групповой паранойи, связанной с полученной от берсерков травмой.

Конечно, это был черный рынок. Машины, более сложные, чем позволялось законом, были нужны в бизнесе, некоторым интеллектуалам и даже самому правительству. Люди, такие как он и его партнеры, регулярно ввозили машины и детали к ним. Власти обычно смотрели на это сквозь пальцы. Он видел подобную шизофрению во многих местах.

И Джуна Байел, высокого класса специалист по интеллектуальным машинам, по большому счету была здесь персоной non grata. Она могла бы прибыть как турист, но в этом случае она стала бы объектом повышенного внимания, что очень затруднило бы проведение занятий, ради которых, собственно, она и была приглашена.

Уэйд вздохнул. Он тоже использовал правительственное двоемыслие. Он был на службе. На самом же деле... Что толку размышлять обо всем этом снова. Дела недавно стали меняться к лучшему. Еще несколько таких рейсов, и он сможет сделать последний взнос в выплаты по своему разводу и заняться работой на законных основаниях, стать респектабельным, даже процветающим.

Зазвенел интерком.

— Да?

— Доктор Байел просит вашего позволения произвести некоторые тесты с мозгом покинутого корабля,— сказал Макфарланд.— Она хочет ввести некоторые команды и попробовать подцепить корабельный компьютер. Что ты об этом думаешь?

— Рискованно. Предположим, она активирует его. Берсерки никогда не были особенно приятными...

— Она говорит, что может изолировать мозг от системы вооружения. Кроме того, у нее нет уверенности, что это берсерк.

— Почему?

— Во-первых, он не согласуется с описанием берсерков, имеющимся в нашей компьютерной памяти.

— Черт побери! Это ничего не доказывает. Ты знаешь, что они могут видоизменять себя для разных целей.

— Во-вторых, она была в группе, исследовавшей поврежденного берсерка. Она говорит, что у того другой мозг.

— Хорошо, это ее работа, но я уверен, что она чертовски любопытна. Я не знаю. А что ты думаешь?

— Мы знаем, что она хороший специалист. Именно поэтому ее пригласили на Корлано. Дорфи думает, что эта штука может быть ценной и что мы не зря ее захватили. Может быть, дать ей там немного покопаться. Я уверен, она знает, что делает.

— Она поблизости?

— Нет. Она внутри этой штуки.

— Звучит так, будто вы решили заранее, что я не буду возражать. Скажи ей, пусть продолжает.

Может быть, лучше было бы, если бы он сложил с себя обязанности главного. Принятие решений всегда было для него проблемой. Танцы Дворжака зазвучали в его голове, и он перестал обо всем думать, пока не допил кофе.

Долго находящаяся в состоянии сна глубоко скрытая система была активирована в гигантском мозгу берсерка. Поток данных внезапно начал проходить через его процессор. Начались приготовления к отклонению от курса в сторону Корлано. Это было не изменой, а скорее стремлением к высшей цели.

Кто установил меру добычи?

Джуна при помощи чувствительных приборов проверяла совместимость. Она манипулировала преобразователями, чтобы подогнать уровни энергии и тактовую частоту и связаться с компьютером. Она заблокировала каждую цепь, идущую от этого странного мозга к остальным частям корабля,— за исключением одной, ведущей к его источнику питания. Энергетический блок этого мозга был чрезвычайно прост и, по-видимому, действовал от какого-то радиоактивного источника, помещенного в маленькую камеру. Сейчас камера содержала лишь инертные элементы. Она вычистила ее и наполнила из запасов корабля. Она ожидала возражений Уэйда по этому поводу, но он только пожал плечами.

— Заканчивайте,— сказал он,— и мы выбросим его.

— Мы не можем его выбросить. Он единственный в своем роде.

— Посмотрим.

— Вы действительно боитесь его?

— Да.

— Я сделала его безопасным.

— Я не доверяю чужим машинам!

Она откинула назад седые волосы.

— Послушайте, я слышала, как вы потеряли ваше вознаграждение, взяв на борт берсерка, замаскированного

под спасательную лодку,— сказала она.— Вероятно, так поступил бы любой. Вы думали, что спасаете жизни.

— Я играл не по правилам. Я был предупрежден, но все-таки пошел на это. Это напоминает мне...

— Это не зона военных действий,— прервала она,— и он не может повредить нам.

— Ну так продолжайте!

Джуна замкнула цепь и уселась перед терминалом.

— Это, вероятно, потребует времени,— сказала она.

— Хотите кофе?

— Это было бы великолепно.

Чашка остыла, и Уэйд принес ей другую. Джуна делала запрос за запросом, пробуя разнообразные пути. Ответа не было. Наконец она села, откинулась назад и взяла чашку.

— Он сильно поврежден?

Она кивнула:

— Боюсь, что так, но я надеюсь, что смогу что-нибудь с этим сделать. Мне нужен ключ, какой-нибудь ключ.

— Ключ? К чему?

— Что это, и откуда он пришел. Эта штука невообразимо старая. Любая информация о ней может быть археологической сенсацией.

— Извините меня. Желаю вам что-нибудь найти.

Она повернулась в кресле и опустила глаза на чашку. Уэйд первый заметил движение.

— Джуна! Экран!

Она резко повернулась, пролив кофе на колени.

— Проклятье!

Ряд за рядом непонятные символы проплывали по экрану.

— Что это?

— Не знаю.

Она наклонилась вперед, забыв о нем.

Около часа, зачарованный, он наблюдал за конфигурациями, возникающими на экране, и движениями удлиненных пальцев Джуны, безуспешно набиравших все новые комбинации на клавиатуре. Затем он заметил нечто,

на что она не обратила внимания, так как была поглощена символами.

Маленький сигнальный огонек горел слева от терминала. Уэйд не представлял себе, как долго тот горит. Он подвинулся ближе. Это был звуковой индикатор. Устройство пыталось общаться и на других уровнях.

— Давайте попробуем,— сказал он.

Он потянулся вперед и нажал переключатель под сигнальным огнем.

— Что?

Механическая речь, состоящая из щелканий и стонов, полилась из переговорного устройства. Язык явно был чужим.

— Господи! Вот это да!

— Что это? — Она повернулась и уставилась на него.— Вы понимаете этот язык?

Уэйд покачал головой:

— Я не понимаю, но думаю, что узнал его.

— Что это? — повторила Джуна.

— Я должен знать наверняка. Воспользуюсь другим терминалом, чтобы проверить это. Я буду в соседней комнате. Вернусь, как только что-нибудь выясню.

— Хорошо, но что же это все-таки?

— Я думаю, что нас будут преследовать по закону более суровому, чем закон о контрабанде.

— За что?

— За владение мозгом берсерка и экспериментирование с ним.

— Вы не правы.

— Посмотрим.

Он ушел. Джуна принялась грызть ноготь, чего не делала уже много лет. Если он прав, эту штуку нужно было закрыть, опечатать и передать военным властям. С другой стороны, она не верила, что он прав.

Она потянулась вперед и приглушила отвлекающий внимание голос. Теперь она должна спешить, попытаться сделать что-нибудь другое, пока Уэйд не вернулся. Он выглядел слишком уверенным в своей правоте. Она чувствовала, что он мог бы вернуться с чем-нибудь убедительным.

Поэтому она ввела команду в корабельный компьютер для обучения плененного мозга языку Солнечной системы. Затем принесла чашку свежего кофе и выпила ее.

По мере того как он двигался, все больше систем боевой тревоги приходило в действие. Гигантская машина убийства активировала двигатели, чтобы замедлить свое движение. Первый приказ, который прошел через его процессор после пробного опознавания, был: «Двигайся осторожно».

Он удерживал внимание на удаленном корабле и его маленьком спутнике, но выполнял маневр, который был извлечен из его банка ведения военных операций. Он расконсервировал еще больше устройств нападения.

— Все в порядке,— сказал Уэйд, входя и усаживаясь.— Я ошибся. Это не то, что я думал.

— Может быть, вы наконец будете столь любезны, что сообщите мне, что вы подозревали?

Он кивнул.

— Я слабый лингвист,— начал он,— но я люблю музыку. У меня очень хорошая память на звуки всех видов. Я могу проигрывать в голове целые симфонии. Я даже играю на некоторых инструментах, хотя не часто. Но в этом случае моя память подвела меня. Я мог бы поклясться, что эти звуки очень похожи на те, что есть в записях Кармпена,— отрывочные фрагменты, относящиеся к Строителям, злобной расе, которая породила берсерков. Копии этих записей есть в судовой библиотеке, и я только что прослушал их снова. Но я ошибся. Они звучат иначе. Это не язык Строителей.

— Насколько я понимаю, берсерки никогда не использовали кодов языка Строителей,— сказала Джуна.

— Я этого не знаю. Но все-таки я уверен, что слышал нечто похожее на этот язык. Странно...

— Теперь у него есть возможность говорить с нами. Но он пока не слишком преуспел в этом.

— Вы обучили его языку Солнечной системы? — спросил Уэйд.

— Да, но он пока еще лепечет. Звучит как Фолкнер в худшее время.

Джуна повернула переключатель звука.

— ...защитник преодолеть проклятие торпеды и ослепительные вспышки солнца как глаза три по правому борту два в зените...— Она повернула переключатель обратно.

— Это его ответ на наши запросы?

— Да. У меня появилась мысль.

Зазвенел интерком. Уэйд поднялся и нажал кнопку связи. Это был Дорфи:

— Уэйд, мы обнаружили что-то странное, двигающееся в нашем направлении. Я думаю, тебе стоит взглянуть.

— Верно,— ответил он.— Я иду. Извините, Джуна.

Она не ответила. Она изучала новые комбинации на экране.

— Идет пересекающимся курсом. Движется быстро,— сказал Дорфи.

Уэйд смотрел на экран, оценивая данные, которые появлялись в нижнем правом углу.

— Очень большая масса,— заметил он.

— Как ты думаешь, что это?

— Ты сказал, он меняет курс?

— Да.

— Не нравится мне это.

— Он слишком велик для обычного корабля.

— Да,— заметил Уэйд.— Все эти разговоры о берсерках сведут меня с ума, но...

— Ага. Я тоже так подумал.

— Выглядит он достаточно большим, чтобы поджарить целый континент.

— Или изжарить всю планету целиком. Я слышал о таких.

— Но, Дорфи, если у него такая мощь, то его поведение бессмысленно. Зачем ему терять время, охотясь за нами? Может быть, здесь что-то другое?

— Что?

— Не знаю.

Дорфи отвернулся от экрана и облизнул губы. Морщинки появились у него между бровями.

— Я думаю, это один из них. Если я прав, что нам делать?

Уэйд засмеялся коротко и резко.

— Ничего. Мы абсолютно ничего не можем предпринять против такой штуки. Мы не можем ни убежать от нее, ни поразить ее. Мы уже мертвы, если это действительно то, о чем мы думаем, и мы то, что ему нужно. Хотя, я надеюсь, что при возможности, перед тем как уничтожить нас, он сообщит нам, зачем ему это понадобилось.

— Неужели нет ничего, что я мог бы сделать?

— Ты можешь послать сообщение на Корлано. Если он движется туда, у них по крайней мере будет шанс привести в готовность все, что у них есть. Если ты религиозен, сейчас самое подходящее время подумать о Боге.

— Черт возьми! Должно быть что-нибудь еще!

— Если придумаешь, дай мне знать. Я должен поговорить с Джуной. А сообщение все-таки пошли.

Берсерк снова запустил свои двигатели. Он продолжал корректировать курс. Он не должен промахнуться. Новые команды проходили через его процессор по мере того, как он приближался к цели. Он никогда раньше не сталкивался с подобной ситуацией. Но теперь работала древняя программа, которая никогда раньше не активировалась. Приказано навести орудия на цель, но запрещено стрелять по ней... все из-за небольшой электрической активности.

— ...Вероятно, пришел за своим приятелем,— закончил Уэйд.

— У берсерков нет приятелей,— ответила Джуна.

— Я знаю. Я иногда становлюсь циничным. Вы нашли что-нибудь?

— Я пробовала разные подходы для того, чтобы определить степень повреждения. Я уверена, что около половины его памяти разрушено.

— Тогда с ним многого не сделаешь.

— Может быть. А может быть, и нет,— сказала она.

Уэйд повернулся к ней и увидел, что ее глаза увлажнились.

— Джуна...

— Извините, пожалуйста. Это на меня не похоже. Но подойти так близко к открытию, а затем быть уничтоженной идиотской машиной для убийства как раз перед тем, как найден ответ,— это несправедливо. У вас есть платок?

— Да. Секунду.

Интерком зажужжал в тот момент, когда он рылся в стенном ящике с лекарствами.

— Послушайте передачу,— сказал Дорфи.

Пауза, а затем незнакомый голос сказал:

— Здравствуйте. Вы капитан этого судна?

— Да, я,— ответил Уэйд.— А вы — берсерк?

— Можете называть меня так.

— Что вы хотите?

— Что вы делаете?

— Я веду корабль, направляющийся к Корлано.

— Я вижу, вы перевозите необычное оборудование. Что это?

— Это кондиционер воздуха.

— Не лгите, капитан. Как ваше имя?

— Уэйд Келман.

— Не лгите мне, капитан Уэйд Келман. Устройство, с которым вы соединены, не может быть кондиционером. Где вы его взяли?

— Купил на блошином рынке.

— Вы снова лжете, капитан Келман.

— Да, я лгу. Почему бы и нет? Если вы собираетесь нас уничтожить, почему я должен честно отвечать на ваши вопросы?

— Я не говорил, что убью вас.

— Но это единственная вещь, для которой вы предназначены. Для чего еще вы могли прийти сюда?

Уэйд сам удивлялся своим ответам. Во всех воображаемых разговорах со смертью он никогда не представлял себя столь отважным. Это потому, что больше нечего терять, решил он.

— Я обнаружил, что это устройство действует,— сказал берсерк.

— Да, именно так.

— И какие функции оно выполняет?

— Оно выполняет множество функций, которые мы считаем полезными.

— Я хочу, чтобы вы отказались от этого оборудования.

— С чего бы это?

— Я требую этого.

— Я должен рассматривать это как угрозу?

— Как вам угодно.

— Я не собираюсь отказываться от него. С какой стати?

— Вы ставите себя в опасное положение.

— Я не создавал этого положения.

— В каком-то смысле вы его создали. Но я понимаю ваш страх. Он имеет под собой основания.

— Если бы вы просто собирались атаковать нас и отобрать его у нас, вы бы давно это сделали, не так ли?

— Верно. Но у меня есть только тяжелое вооружение, необходимое для моей основной работы. Если я применю его против вас, вы превратитесь в пыль. И конечно, то же произойдет с нужным мне оборудованием.

— Все больше причин, чтобы держать его при себе.

— Логично, но у вас нет всей информации.

— Что же я упустил?

— Я уже послал сообщение с требованием послать сюда небольшое устройство, способное иметь дело с вами.

— А зачем вам беспокоиться, сообщая нам об этом?

— Я говорю это, потому что нужно время, чтобы они прибыли сюда, а я предпочел бы двигаться к цели для выполнения моей миссии, чем ждать, когда они прибудут.

— Спасибо. Но мы лучше умрем позже, чем сейчас. Мы подождем.

— Вы не поняли. Я дам вам шанс выжить.

— Что вы предлагаете?

— Я хочу, чтобы вы оставили сейчас это оборудование. После этого вы можете идти на все четыре стороны.

— И вы позволите нам уйти просто так?

— Я могу рассматривать вас как союзников, если вы сделаете это. Оставьте оборудование, и тем самым вы послужите мне. Вы попадете в категорию союзников, не подлежащих уничтожению. После этого вы сможете уйти.

— У нас нет способа узнать, сдержите ли вы ваше обещание.

— Это правда. Но альтернатива — точная смерть. Если вы только примете во внимание очевидную природу моей миссии, вы осознаете, что ваши несколько жизней для нее ничего не значат.

— Вы сделали предложение. Но я не могу дать вам немедленный ответ. Мы должны его обсудить.

— Понятно. Я свяжусь с вами снова через час.

Передача окончилась. Уэйд почувствовал, что дрожит. Он рухнул в кресло. Джуна смотрела на него.

— Знаете ли вы хорошее колдовское заклятие?

Она покачала головой и улыбнулась:

— Вы проделали это здорово.

— Нет. Мои слова были вынужденными. Ничего другого не оставалось.

— По крайней мере, вы дали нам время. Интересно, зачем ему нужна эта штука?

Ее глаза сузились. Губы плотно сжались. Внезапно она спросила:

— Не могли бы вы показать мне этого берсерка?

— Пожалуйста.— Он поднялся и подошел к терминалу.— Я только подключусь к другому компьютеру и перенесу изображение на этот экран.

Через мгновение машина-убийца возникла перед ними на экране.

Уэйд использовал все возможности оборудования, чтобы получить наилучшее качество изображения.

С минуту Джуна смотрела на экран, проигрывая запись разговора с берсерком.

— Он лгал.

— В чем? — спросил Уэйд.

— Здесь, здесь и здесь,— показала она, отметив области в передней части берсерка.— И здесь.— Она отметила отрывок записи, где говорилось о вооружении.

В это время в кабину вошли Дорфи и Макфарланд.

— Он лгал, когда говорил, что у него есть только сверхоружие и что по отношению к нам это будет сверхубийство. Эти штуковины похожи на обычное вооружение.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Он, вероятно, может стрелять очень направленно, с высокой точностью, причиняя минимальные разрушения. Он мог бы поразить нас, не разрушив то, что его так заинтересовало.

— С чего бы ему лгать? — спросил Уэйд.

— Хотела бы я знать,— сказала она, покусывая ноготь.

Макфарланд откашлялся.

— Мы слышали переговоры,— начал он,— и мы обсудили их.

Уэйд повернул голову и посмотрел на него.

— Да?

— Мы думаем, что надо отдать ему то, что он хочет, и убираться восвояси.

— Вы верите в эту ловушку? Он расстреляет нас, как только мы отойдем.

— Я так не думаю,— сказал Макфарланд.— Есть множество примеров такого поведения берсерков. У них действительно в программе заложена возможность классификации объектов как союзников, и они поступают именно так, если это приводит к намеченной цели.

— Дорфи,— спросил Уэйд,— ты передал сообщение на Корлано?

Дорфи кивнул.

— Хорошо. Если не считать других причин, то мы будем ждать ради Корлано. Нужно время, чтобы сюда добрались те небольшие устройства, о которых он говорил. Каждый час, проведенный в ожидании здесь,— это час, за который на Корлано могут укрепить оборону.

— Я знаю...— начал Дорфи.

— ...но это несомненная смерть для нас,— продолжил Макфарланд.— Я, как и вы, хорошо отношусь к Корлано, но наша смерть им не поможет. Вы знаете, что планета защищена слабо. Выиграем ли мы какое-нибудь время или нет, они все равно погибнут.

— Этого нельзя сказать наверняка. В прошлом были случаи, когда очевидно слабые миры отражали очень мощные атаки. И даже берсерк сказал это — несколько наших жизней ничего не значат в сравнении со всем обитаемым миром.

— Ну, я рассматриваю вероятности, и мне не по душе становиться мучеником. Я был готов иметь дело с уголовным законодательством, но не со смертью.

— Что ты на это скажешь, Дорфи? — спросил Уэйд.

Дорфи облизнул губы и отвел глаза в сторону.

— Я согласен с Макфарландом,— сказал он тихо.

Уэйд повернулся к Джуне.

— Я за то, чтобы ждать.

— Таким образом, нас двое,— подвел итог Уэйд.

— У нее нет права голоса,— запротестовал Макфарланд.— Она всего лишь пассажир.

— Она тоже рискует жизнью,— ответил Уэйд.— У нее есть право.

— Она не хочет отдать берсерку эту проклятую машину! Она хочет сидеть здесь и играть с ней, в то время как все взорвется! Что она, в конце концов, теряет? Она все равно умирает и...

Уэйд зарычал и вскочил на ноги.

— Дискуссия окончена. Мы остаемся.

— Но в любом случае голоса разделились поровну.

— Я принимаю всю полноту власти и заявляю, что мы остаемся.

Макфарланд засмеялся:

— Всю полноту власти! Это вшивый контрабандный рейс, а не служба, где можно схлопотать разжалование, Уэйд. Ты не можешь командовать.

Уэйд дважды ударил его, в живот и в челюсть.

Макфарланд упал, сложился вдвое и стал ловить ртом воздух. Уэйд наблюдал за ним, оценивая его состояние. Если он встанет в течение десяти секунд, придется нелегко, решил он.

Но Макфарланд поднял руку только для того, чтобы потереть челюсть.

— Черт побери! — тихо сказал он и потряс головой.— Тебе не следовало делать этого, Уэйд.

— Я думаю, следовало.

Макфарланд поднялся на одно колено.

— Ладно, принимай командование. Но я все-таки думаю, что ты делаешь большую ошибку.

— Я позову тебя в следующий раз, когда будет что обсуждать,— сказал Уэйд.

Дорфи потянулся было помочь Макфарланду, но тот протестующе поднял руку.

Уэйд бросил беглый взгляд на Джуну. Она выглядела бледнее, чем обычно, ее глаза сверкали. Она стояла перед люком, как бы охраняя проход.

— Я собираюсь принять душ и лечь,— сказал Макфарланд.

— Хорошо.

Джуна прошла вперед, как только двое покинули помещение. Она ухватилась за руку Уэйда.

— Он лжет,— снова тихо сказала она.— Вы понимаете? Он мог бы расстрелять нас и получить машину, но он не хочет этого.

— Нет,— сказал Уэйд.— Я не понимаю.

— Похоже, он боится этой вещи.

— Берсерки не знают страха.

— Ну конечно. Я все очеловечиваю. Как будто существует что-то, что сдерживает его. Я думаю, мы имеем дело с чем-то очень специфическим, представляющим необычную проблему для берсерка.

— Что бы это могло быть?

— Я не знаю. Можно попробовать найти какой-нибудь выход, но у меня мало времени. Уклоняйтесь от ответа как можно дольше.

Он кивнул и сел. Его сердце стучало как у загнанной лошади.

— Вы сказали, что почти половина его памяти повреждена.

— Это только догадка, но, видимо, так. Я попытаюсь восстановить ее.

— Как?

Она подошла к компьютеру.

— Я собираюсь подвергнуть то, что осталось, сверхбыстрому винеровскому анализу. Это мощнейший нелинейный метод для обращения с таким необычайно высоким уровнем шума. Но может оказаться, что для такой системы нужно сделать очень объемные вычисления. Я не знаю, сколько на это потребуется времени и даже выполнима ли эта работа.— Грустные нотки послышались в ее голосе.— Но у нас есть шанс восстановить утраченное. Вот почему мне нужно по возможности больше времени,— закончила она.

— Я попытаюсь. А вы двигайтесь вперед. И...

— Я знаю,— сказала она, кашлянув.— Спасибо.

— Я могу принести вам что-нибудь поесть, пока вы работаете.

— В моей каюте, в верхнем ящике столика у кровати, три флакона с лекарствами. Принесите их и немного воды.

— Хорошо.

Уэйд ушел. По пути он зашел в свою каюту, чтобы взять пистолет, который держал в шкафчике,— единственное оружие на борту корабля. Он обшарил ящик несколько раз, но пистолета не нашел. Уэйд тихо выругался и отправился в каюту Джуны за ее лекарством.

Берсерк удерживал дистанцию и размышлял. Он учел некоторые данные, чтобы объяснить предложенный компромисс. Не будет вреда в том, чтобы напомнить капитану Келману о серьезности его положения. Это может ускорить решение. Соответственно, гидравлика сработала и заслонки были открыты, чтобы задействовать добавочное оружие. Заряженные орудия были наведены на маленький корабль. Большинство из них были слишком мощными, чтобы поразить корабль без вреда для его соседа. Однако их вид мог подействовать деморализующе.

Уэйд наблюдал за работой Джуны. Люк можно было запереть, но из многих мест корабля его можно открыть, пользуясь дистанционным управлением. Поэтому он держал засов за поясом и вполглаза посматривал за открытым люком. Казалось, это все, что он может сделать, ибо углубление разлада на борту могло привести к ухудшению обстановки.

Периодически он включал звук и слушал бессвязные речи машины то на околосолнечном, то на странном чужом языке, который тем не менее был чем-то знаком. Он размышлял об этом. Иногда смотрел на поверхность берсерка. Джуна был права относительно него, но...

Зажужжал интерком. Дорфи.

— Час прошел. Он хочет снова поговорить с тобой. Уэйд, он направил на нас больше орудий.

— Подключи его,— ответил Уэйд. Помолчал, затем сказал: — Алло?

— Капитан Келман, час прошел,— возник уже знакомый голос.— Сообщите мне ваше решение.

— Мы еще не пришли к решению,— ответил он.— Наши мнения разделились. Нам нужно время, чтобы обсудить это.

— Как много времени?

— Я не знаю. По крайней мере несколько часов.

— Хорошо. Я буду связываться с вами каждый час следующие три часа. Если вы не решите за это время, я пересмотрю свое решение рассматривать вас как союзников.

— Мы спешим,— сказал Уэйд.

— Я вызову вас через час.

— Уэйд,— сказал Дорфи, когда передача кончилась,— новые орудия направлены прямо на нас. Я думаю, он готовится расстрелять нас, если мы не дадим ему то, что он хочет.

— Я так не думаю. Но у нас еще есть время.

— Зачем? Несколько часов ничего не изменят.

— Я скажу тебе через несколько часов. Как там Макфарланд?

— В порядке.

— Хорошо.

Он прервал связь.

— Проклятье,— сказал он.

Ему хотелось выпить, но он не хотел затуманивать мозги.

Он вернулся к Джуне и терминалу.

— Как дела?

— Я установила все приборы,— сказала она.

— Как скоро вы узнаете, работает ли он?

— Трудно сказать.

Уэйд снова включил звук.

— Квиббиан-квиббиан-кель,— раздался голос.— Квиббиан-квиббиан-кель, макс квиббиан. Квиббиан-квиббиан-кель.

— Интересно, что это значит?

— Это рекуррентная фраза, или слово — или целое предложение. Анализ, который я провела недавно, заставляет думать, что он может так себя называть.

— В этом есть определенный ритм.

Он начал тихо мурлыкать. Затем насвистывать и постукивать пальцами по терминалу в качестве аккомпанемента.

— Нашел! — внезапно воскликнул он.— Это было верно, но и ошибочно.

— Что? — спросила Джуна.

— Я должен проверить, сейчас вернусь.— Он поспешно вышел.

— Верно, но ошибочно,— возник голос из переговорного устройства.— Как так может быть? Противоречие.

— Ты пришел в сознание! — сказала она.

— Я пришел в себя,— через некоторое время прозвучал ответ.

— Давай поговорим, пока идет процесс,— предложила она.

— Да,— ответил он, затем снова послышались бессвязные звуки.

Доктор Джуна Байел скорчилась в туалетном отсеке, и ее вырвало. Она прижала ладони к глазам и постаралась глубоко дышать, чтобы преодолеть тошноту и дрожь. Когда желудок успокоился, она приняла двойную дозу лекарства. Это было рискованно, но у нее не было выбора. Она не могла сейчас позволить себе короткую передышку. Большая доза могла слишком сильно подействовать. Она стиснула зубы и кулаки и ждала.

По истечении часа Уэйд Келман получил вызов берсерка и сообщил ему о следующей часовой отсрочке. На этот раз машина-убийца была настроена более воинственно.

Дорфи связался с берсерком после того, как он прослушал последнюю передачу, и предложил сделку. Берсерк немедленно согласился.

Берсерк убрал все орудия, кроме четырех, глядящих в сторону корабля. Он не собирался возвращаться в это состояние, но предложение Дорфи дало ему повод. К тому же он не упустил возможности показать дополнительное оружие, которое могло быть применено в ответ на замеченное им усиление электрической активности. Директива все еще предписывала осторожность и необходимость воздерживаться от провокаций.

Кто решится посадить льва на цепь?

— Квиббиан,— сказало устройство.

Бледная Джуна сидела перед терминалом. За прошедшие несколько часов она постарела на несколько лет. На ее комбинезоне появились новые пятна. Войдя, Уэйд остановился и уставился на нее.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.— Вы похожи...

— Все в порядке.

— Нет, не в порядке. Я знаю, что вы больны. Мы собирались...

— Все действительно в порядке. Все прошло.

Он кивнул и показал ей небольшой магнитофон, который держал в левой руке.

— Послушайте, что я нашел,— сказал он.

Он включил магнитофон. Возникла серия щелчков и стонов. Это продолжалось около четверти минуты и прекратилось.

— Проиграйте это снова, Уэйд,— сказала она, слабо улыбнулась и включила звук.

Он повторил запись.

— Переведи,— сказала она, когда все закончилось.

— Возьмите — непереводимо — для — непереводимо — и превратите это в более сложное,— зазвучал голос устройства через микрофон.

— Спасибо,— сказала она.— Вы оказались правы.

— Вы знаете, где я нашел это?

— В записях Кармпена.

— Да, но это не язык Строителей.

— Я это знаю.

— И вы к тому же знаете, что это?

Она кивнула:

— Это язык, на котором говорили враги Строителей — Красная Раса, против которой и были построены берсерки. Существует только один небольшой фрагмент, показывающий этих людей. Они скандируют какие-то лозунги, или совершают молебен, или что-то в этом роде. Может быть, это отрывок из пропагандистских записей Строителей. Он пришел оттуда, не так ли?

— Да. Как вы узнали?

Она похлопала терминал:

— Квиб-квиб встал на ножки. Он теперь даже помогает. Он очень эффективен в самовосстановлении, когда процесс запущен. Мы немного поболтали, и наконец я начала понимать.

Она зашлась в глубоком кашле, вызвавшем слезы у нее на глазах.

— Не могли бы вы дать мне стакан воды?

Он пересек каюту и подал ей стакан.

— Мы сделали чрезвычайно важную находку,— сказала она, сделав глоток.— Как хорошо, что они удержали вас от того, чтобы выбросить его.

Макфарланд и Дорфи вошли в каюту. Макфарланд держал пистолет, направленный на Уэйда.

— Отдай берсерку эту штуку,— сказал он.

— Нет,— ответил Уэйд.

— Тогда Дорфи сделает это, пока я буду держать тебя под прицелом. Одевайся, Дорфи, и бери ключ.

— Вы не представляете, что вы делаете,— сказал Уэйд.— Джуна мне только что сказала...

Макфарланд выстрелил. Пуля срикошетила и попала в дальний угол каюты.

— Мак, ты сошел с ума! — сказал Уэйд.— Ты так можешь попасть в себя.

— Не двигайтесь! Хорошо. Это было глупо, но теперь я разбираюсь лучше. Следующая попадет тебе в ногу или руку. Я предупреждаю. Ты понимаешь?

— Да, черт побери! Но мы не можем отпустить эту штуку прямо сейчас. Она почти отремонтирована, и мы знаем, откуда она. Джуна говорит...

— Мне неважно, откуда она. Две трети принадлежат Дорфи и мне, и мы выбрасываем нашу часть прямо сейчас. Даже если твоя треть теряется, мы это сделаем. Берсерк уверил нас, что после этого он нас отпустит. Я ему доверяю.

— Послушай, Мак. Что бы берсерк столь сильно ни пожелал, мы не должны ему это отдавать. Я мог бы договориться, чтобы он дал нам больше времени.

Макфарланд покачал головой.

Дорфи закончил приготовления и взял устройство для сварки швов с полки. Когда он направился к открытому люку, Джуна сказала:

— Подождите. Если вы закроете люк, то перережете кабель. Это прямая связь с мозгом Квиб-квиба.

— Извините, доктор,— сказал Макфарланд.— Но мы спешим.

На терминале тем временем появились слова: «Наше взаимодействие прекращается?»

— Я боюсь, что так,— ответила она.— Простите, что я не успела закончить.

— Это не так. Процесс продолжается. Я усвоил программу и теперь могу сам ею пользоваться. Исключительно полезный процесс.

Дорфи вошел в люк.

— У меня есть один вопрос, Джуна, прежде чем мы простимся,— сказал Квиб-квиб.

— Да? Какой вопрос?

Люк начал закрываться, и Дорфи уже приготовил сварочный аппарат, чтобы заварить шов.

— Мой словарь все еще не полон. Что значит квиббиан на вашем языке?

Закрывающийся люк перерезал кабель и прервал ее на полуслове, так что она не узнала, услышал ли он, как она сказала слово «берсерк».

Уэйд и Макфарланд повернулись одновременно.

— Что вы сказали? — спросил Уэйд.

Она повторила.

— Теперь вы говорите другое,— сказал он.— Сначала вы сказали, что он не берсерк. Сейчас...

— Вы хотите говорить о словах или о машинах? — спросила она.

— Продолжайте. Я буду слушать.

Джуна глубоко вздохнула и сделала глоток воды.

— Я узнала историю от Квиб-квиба по кускам,— начала она.— Я постаралась заполнить пропуски догадками, но, похоже, все выстраивается. Столетия тому назад Строители, по-видимому, вели войну с Красной Расой, которая оказалась более стойкой, чем ожидалось. Тогда Строители использовали против них свое сверхоружие — самовосстанавливающиеся военные машины, которые мы называем берсерками. Красная Раса исчезла. Они были

полностью уничтожены — после страшной битвы. В последние дни войны они задействовали все средства, но было слишком поздно. Они были сокрушены. Они даже попытались сделать то, чем я всегда восхищалась, о чем околосолнечный мир не смел даже подумать из-за бесчисленных ограничений на исследования в этой области, из-за этой паранойи.

Она сделала паузу для очередного глотка.

— Они построили своих собственных берсерков,— продолжала она,— но не похожих на оригинал. Для защиты своей планеты они построили военные машины, которые атаковали только берсерков,— антиберсерков. Но их было слишком мало. Они поместили антиберсерков вокруг планеты, и, очевидно, те сделали свое дело — они могли даже совершать прыжки в другое измерение и обратно. Но после массовой атаки их осталось очень мало. В конце концов все они пали.

Корабль содрогнулся. Они повернулись к люку.

— Он отошел от нас, вот что это,— сказал Макфарланд.

— Это не вызвало бы встряски всего корабля,— заметил Уэйд.

— Может быть, он отходит с ускорением,— сказала Джуна.

— Но как он может это сделать, если его управляющие цепи изолированы? — спросил Уэйд.

Она взглянула на пятна грязи на своем комбинезоне.

— Я восстановила эти цепи, когда выяснила правду. Я не знаю, до какого уровня восстановилась его прежняя эффективность, но я уверена, что сейчас он готов атаковать берсерка.

Люк открылся, и появился Дорфи, расстегивая костюм.

— Черт побери! — закричал Макфарланд.— Сейчас это место превратится в зону войны!

— Ты позаботился об управлении кораблем? — спросил его Уэйд.

— Конечно, нет.

— Тогда отдай мне оружие и убирайся прочь с дороги.

Он взял пистолет и направился в рубку управления.

Как только на экране появилось изображение, они увидели тяжеловесное перемещение гигантского берсерка, вспышки его орудий, быстрые как молния движения и внезапные появления и исчезновения его маленького противника. Через некоторое время после того, как их изображения исчезли, на фоне межзвездной черноты вспыхнул огненный шар.

— Он попал в него! Он попал в него! Квиб-квиб попал в него! — воскликнул Дорфи.

— И он, вероятно, также попал в Квиб-квиба,— заметил Макфарланд.— О чем ты думаешь, Уэйд?

— О том, что никогда больше не буду иметь с вами никаких дел.

Он поднялся и вышел, чтобы пойти к Джуне. Он взял с собой магнитофон и несколько записей. Она оторвалась от созерцания экрана и слабо улыбнулась, когда он сел рядом с ее кроватью.

— Я хотел бы позаботиться о вас,— сказал он,— пока в этом будет нужда.

— Это было бы прекрасно,— сказала она.

Слежение. Они приближались. Пятеро. Большой, должно быть, послал за ними. Прыжок за их спины — и схватить двух замыкающих, прежде чем остальные поймут, в чем дело. Еще прыжок, выстрел и снова прыжок. Они никогда не сталкивались с подобной тактикой. Увертка. Огонь. Прыжок. Снова прыжок. Огонь. Последний из них крутится волчком, ожидая удара. Поразить его. Заряд прямо в цель. Так.

Последний квиббиан-квиббиан-кель во Вселенной покинул поле битвы, ища материалы для восстановительных работ. Потом, конечно, их понадобится несколько больше для изготовления копий. Кто решится посадить льва на цепь?

Люцифер-светоносец

Карсон стоял на холме в безмолвном центре большого города, все жители которого умерли.

Он смотрел вверх на Здание — оно господствовало над всеми гостиничными комплексами, иглами небоскребов и коробками многоквартирных домов, втиснутыми в квадратные мили вокруг него. Высокое, как гора, оно ловило лучи кровавого солнца, и каким-то образом на половине его высоты краснота преображалась в золото.

Карсон внезапно почувствовал, что ему не следовало возвращаться сюда.

По его расчетам, в последний раз он побывал тут два года назад. А теперь его вновь потянуло в горы. Хватило одного взгляда. Но он продолжал стоять перед Зданием, зачарованный его громадностью, длинной тенью, которая протянулась через всю долину. Он пожал тяжелыми плечами в безуспешной попытке отогнать воспоминания о тех днях, пять или шесть лет назад, когда он работал внутри этого гиганта.

Он поднялся на вершину холма и вошел в высокие широкие двери.

Сплетенные из лыка сандалии будили разное эхо, пока он проходил через пустые помещения, а потом по длинному коридору к движущимся полосам.

Полосы, естественно, не двигались, не везли на себе тысячи людей. В живых из этих тысяч не осталось никого. Их низкий рокот был лишь призрачным эхом в его ушах, когда он взобрался на ближайшую и пошел по ней вперед, в темное нутро Здания.

Он словно вошел в погребальный склеп. Невидимый потолок, невидимые стены, и только легкие шлепки сандалий по упругому материалу полосы.

Карсон дошел до перекрестка и взобрался на поперечную полосу, инстинктивно замерев на секунду в ожидании толчка, когда она двинется, включенная его весом.

Потом беззвучно усмехнулся и зашагал вперед.

Оказавшись перед лифтом, он повернул вправо, и память привела его к пожарной лестнице. Поправив узел на плече, он начал подниматься на ощупь. Подниматься пришлось долго.

Он заморгал от яркого света, когда вошел в энергетический зал, где сквозь сотни высоких окон солнечные лучи просачивались на акры и акры запыленных машин.

Карсон привалился к стене, тяжело дыша. Потом протер рабочий стол и положил на него свой узел.

Он снял вылинявшую рубашку — скоро тут должна воцариться жаркая духота, откинул волосы со лба и по узкой металлической лестничке спустился туда, где стояли ряды генераторов, точно войско мертвых черных жуков. Ему потребовалось шесть часов, чтобы бегло их проверить.

Он остановил выбор на трех во втором ряду и принялся систематически разбирать их, чистить, паять оборвавшиеся провода, смазывать, а также выметать пыль, паутину, обломки изоляторов, валявшиеся у их оснований.

В глаза ему ручьями стекал пот, пот струился по бокам и по ногам, мелкими каплями падая на горячий пол и быстро испаряясь.

Наконец он отложил щетку, поднялся по металлическим ступенькам и вернулся к своему узлу. Достал бутылку с водой и выпил половину. Съел кусок вяленого мяса, допил воду, позволил себе выкурить сигарету и вернулся к работе.

Ему пришлось прерваться, когда стемнело. Он намеревался лечь спать прямо здесь, но в помещении было слишком душно. А потому он ушел тем же путем, каким пришел, и уснул под звездами на крыше невысокого дома у подножия холма.

Ему потребовалось еще двое суток, чтобы привести генераторы в порядок. Тогда он начал трудиться над огромной трансляционной панелью. Она была в лучшем состоянии, чем генераторы, так как включалась два года назад. Тогда как генераторы, кроме трех, которые он сжег в прошлый раз, спали непробудным сном пять (или шесть?) лет.

Он паял, протирал и проверял, пока не убедился, что все нормально. Оставалась только одна задача.

Все обслуживающие роботы стояли, замершие в своем последнем движении, и Карсону предстояло без посторонней помощи справиться с энергокубом, весящим триста фунтов. Если удастся снять куб со стеллажа и уложить на тележку, не сломав кисти, то до воспламенителя он сумеет довезти его без особых затруднений. А тогда надо будет ввести куб в топку. Два года назад он чуть не надорвался, но надеялся, что теперь стал сильнее и что ему повезет.

На очистку топки воспламенителя ушло десять минут. Затем Карсон нашел тележку и поташил ее к стеллажу.

Один куб лежал почти на нужной высоте — примерно в восьми дюймах над площадкой тележки. Он ногой поставил тормоза и осмотрел стеллаж. Куб лежал на наклонной полке, и на месте его удерживал двухдюймовый металлический щиток. Он подергал щиток. Наглухо привинчен к полке.

Он вернулся в рабочее помещение и отыскал в инструментарии гаечный ключ. Возвратился к стеллажу и принялся за гайки.

Щиток съехал вниз, когда он откручивал четвертую гайку. Он услышал предостерегающий скрип и отпрыгнул, уронив ключ себе на ногу.

Куб соскользнул вперед, сорвал щиток, покачнулся на краю и с грохотом упал в тележку. Площадка прогнулась под его весом, тележка накренилась. Куб продолжал скользить, пока не выдвинулся на полфута над краем. Тут тележка выпрямилась, качнулась раз-другой и замерла.

Карсон перевел дух, снял ногой тормоза и отпрыгнул, на случай если она покатится в его сторону. Но тележка осталась стоять на месте.

Он бережно покатил ее по проходу, затем между генераторами, пока не остановил перед воспламенителем. Снова поставил тормоза, выпил воды, выкурил сигарету, а потом разыскал ломик, небольшой домкрат и длинную гладкую металлическую полосу.

Полосу он одним концом положил на передний край тележки, а другим — на край топки.

Сняв задние тормоза, он установил домкрат и начал приподнимать задний конец тележки — медленно, работая одной рукой, а в другой держа наготове ломик.

Тележка постанывала, затем что-то заскрежетало, и он начал быстрее орудовать ручкой домкрата.

Со звуком, напоминавшим удар надтреснутого колокола, куб перекатился на полосу, заскользил вперед и налево. Карсон уперся в него ломиком, прилагая все силы, чтобы направить его правее. Куб зацепился за левый край жерла топки. Просвет между ним и жерлом шире всего был снизу.

Карсон всунул ломик и налег на него всем весом — один раз, второй, третий...

Куб заскользил и въехал в топку воспламенителя.

Карсона одолел смех. Он сидел на сломанной тележке, болтал ногами и смеялся, пока совсем не ослабел, и звуки, вырывавшиеся из его горла, показались чужими и неуместными здесь.

Он плотно сжал губы и захлопнул дверцу топки.

У трансляционной панели были тысячи глаз, но ни единый не подмигнул ему. Он завершил приготовления к трансляции и в последний раз проверил генераторы.

Потом поднялся на металлическую галерею и подошел к окну.

До темноты еще оставалось время, а потому он прогулялся вдоль окон, нажимая кнопки «открыть», встроенные в подоконники.

Потом Карсон доел оставшееся мясо, выпил целую бутылку воды и выкурил две сигареты. Сидя на приступке, он вспоминал дни, когда работал с Келли, Мерчисоном и Джизински, накручивая хвосты электронам, пока они не начинали с визгом прыгать через стены и удирать вниз, в город.

Часы! Он вдруг вспомнил про них, встроенных в стену слева от входа. Стрелки мертво показывали 9 часов 33 минуты (и сорок восемь секунд).

В сумерках он принес стремянку и забрался к часам. Широким круговым движением стер пыль с грязного стекла над циферблатом. Теперь он был готов.

Он прошел к воспламенителю и включил его. Где-то ожили вечные аккумуляторы, и он услышал щелчок, когда острый стержень впился в стенку куба. Карсон взлетел вверх по лестнице и стремительно взобрался по перекладинам на галерею. Подошел к окну и остановился в ожидании.

— Господи,— бормотал он,— не дай им взорваться! Прошу тебя...

За бесконечностью тьмы запели генераторы. От трансляционной панели донеслось потрескивание статического электричества, и он закрыл глаза. Треск прекратился.

Он открыл глаза, услышав, как оконная рама скользнула вверх. Слева и справа от него открылись сотни окон. Над рабочим столом внизу под ним вспыхнула лампочка, но он ее не увидел.

Он смотрел за край холма на город. Его город.

Огни не походили на звезды. Куда звездам до них! Яркие симметричные созвездия города, где жили люди,— ровные цепочки уличных фонарей, рекламы, горящие окна в коробках многоквартирных домов, там и сям длинные бриллианты в иглах небоскребов, луч прожектора, шарящий по грядам туч, нависших над городом.

Он бросился к другому окну, чувствуя, что ночные ветерки расчесывают его бороду. Внизу шуршали движущиеся полосы, их шелестящие монологи доносились до него из самых глубоких каньонов города. Воображение рисовало ему людей в домах, в театрах, барах — разговаривающих друг с другом, развлекающихся, играющих на кларнетах, держащихся за руки, со вкусом ужинающих. Пробудившиеся роб-авто проносились, обгоняя друг друга, по ярусам над полосами; всепроникающий гул города говорил ему о производстве всего необходимого, об обслуживании, о передвижениях его обитателей. Небо вверху вращалось наподобие колеса, будто город был его ступицей, а ободом — вся Вселенная.

Затем огни померкли, из белых стали желтыми, и он в исступлении отчаяния поспешил к следующему окну.

— Нет! Не так скоро! Не покидайте меня сразу! — рыдал он.

Оконные рамы соскользнули вниз, все огни погасли. Он еще долго стоял на галерее, глядя на мертвые угли. В ноздри ему ударил запах озона. Он смутно увидел голубой ореол вокруг умирающих генераторов.

Он спустился и прошел мимо рабочего стола к стремянке, которую оставил у стены.

Прижавшись лицом к стеклу и скашивая глаза, он в конце концов разглядел положение стрелок.

— Девять тридцать пять и двадцать одна секунда,— сказал Карсон вслух.

— Слышишь! — закричал он, грозя кулаком.— Девяносто три секунды! Я заставил тебя жить девяносто три секунды!

Потом он укрыл ладонями лицо от темноты и замолчал.

Долгое время спустя он сошел по лестнице, прошагал по неподвижной полосе и через длинный коридор вышел из Здания. Повернув назад к горам, он дал себе клятву — опять! — больше никогда сюда не возвращаться.

Человек, который любил фейоли

Это история Джона Одена и фейоли, и никто не знает ее лучше меня. Так слушайте...

В тот вечер он прогуливался (никаких причин не прогуливаться не было) по самым своим любимым местам в мире и вблизи Каньона Мертвых увидел сидящую на камне фейоли — ее крылышки из света мерцали, мерцали, мерцали, а потом исчезли, и уже казалось, что на камне сидит просто девушка, вся в белом, и плачет, а длинные черные локоны свиваются у ее талии.

Он направился к ней в жутких отблесках умирающего, уже наполовину мертвого солнца, среди которых человеческие глаза не могут верно оценивать перспективу и определять расстояния (хотя его глаза могли), и он положил правую ладонь на ее плечо и произнес слова приветствия и утешения.

Однако могло показаться, что его вовсе не существует. Она продолжала плакать, и полоски серебра тянулись по щекам цвета снега или кости. Миндалевидные глаза смотрели прямо вперед, будто сквозь него, а длинные ногти глубоко впивались в плоть ее ладоней, хотя под ними нигде не выступило ни капельки крови.

Тут он понял, что все это чистая правда — все то, что рассказывали о фейоли: они видят только живых, а мертвых — нет и принимают облик самых обворожительных женщин во всей Вселенной. Сам будучи мертвым, Джон Оден прикинул, какими будут последствия, если вновь на время стать живым человеком.

Как известно, порой фейоли являются человеку за месяц до его смерти — тем редким людям, которые еще умирают,— и живут с ними до конца этого последнего месяца его существования, одаривая всеми наслаждениями, какие только доступно испытывать человеку; и потому в день, когда приходит срок поцелуя смерти, высасывающего остатки жизни из тела, человек смиряется с ним... нет, сам ищет его с охотой и достоинством, ибо власть фейоли такова, что познание ее кладет конец всем желаниям.

Джон Оден взвесил свою жизнь и свою смерть, условия мира, на котором находился, природу своей миссии, своего проклятия, фейоли — а прекраснее создания он не видел за все четыреста тысяч дней своего существования,— и он коснулся места слева под мышкой, которое активировало механизм, делающий его живым.

Фейоли напряглась от его прикосновения, так как он внезапно почувствовал плоть — теплую плоть, женскую плоть,— вот что чувствовал он теперь, когда ему были возвращены жизненные ощущения. Он знал, что его прикосновение вновь стало прикосновением мужчины.

— Я сказал «привет, не плачь!»,— повторил он, и голос ее был как все забытые ветерки в ветвях всех забытых

им деревьев, с их влагой, ароматами, их красками, возвращенными ему таким способом:

— Откуда вы появились, человек? Мгновение назад вас тут не было.

— Из Каньона Мертвых,— ответил он.

— Позвольте мне прикоснуться к вашему лицу,— сказала она.

И он позволил. И она прикоснулась.

— Странно, что я не почувствовала вашего приближения.

— Это странный мир,— ответил он.

— Правда,— сказала она.— Живой здесь только вы.

А он спросил:

— Как твое имя?

— Называйте меня Сития,— сказала она, и он назвал ее так.

— Меня зовут Джон,— сообщил он ей.— Джон Оден.

— Я пришла побыть с вами, утешить вас и ободрить,— сказала она, и он понял, что обряд начался.

— Почему ты плакала, когда я тебя нашел? — спросил он.

— Потому что подумала, что в этом мире нет ничего, а я так устала от моих странствований,— объяснила она.— Вы живете поблизости?

— Неподалеку,— ответил он.— Совсем близко.

— Вы не отведете меня туда? В то место, где живете.

— Хорошо.

И она встала и последовала за ним в Каньон Мертвых, где он устроил свой дом.

Они спускались, спускались, спускались, и повсюду вокруг были останки когда-то живших людей. Она, казалось, ничего этого не видела и не спускала глаз с лица Джона, опираясь на его руку.

— Почему вы назвали это место Каньоном Мертвых? — спросила она.

— Потому что они всюду вокруг нас — мертвые,— ответил он.

— Но я ничего такого не вижу.

— Знаю.

Они прошли через Долину Костей, где миллионы умерших разных рас и из многих миров штабелями лежали по сторонам, и она ничего не увидела. Она явилась на кладбище всех миров и не поняла этого. Она встретила его хранителя, его сторожа, и не поняла, что он такое — этот человек, который пошатывался рядом с ней, точно пьяный.

Джон Оден отвел ее к себе домой — в то место, где он не обитал, но которое теперь сделал своим домом,— и включил древние системы внутри здания, сооруженного внутри горы, и со стен полился свет — свет, в котором он раньше не нуждался, но который теперь был ему необходим.

Дверь замкнулась за ними, и температура поднялась до оптимальной. Заработала вентиляция, и он вдохнул в легкие свежий воздух, а потом выдохнул, наслаждаясь забытым ощущением. В его груди билось сердце, красная теплая штука, напоминая ему о боли и радостях. Впервые за века и века он приготовил обед и достал бутылку вина из глубокого запечатанного сундука. Многие бы другие выдержали то, что выдержал он?

Пожалуй, никто.

Она пообедала с ним — пробовала все и почти ничего не ела. Зато он сказочно наелся, они выпили вино и были счастливы.

— Такое странное место! — сказала она.— Где вы спите?

— Прежде я спал вон там,— ответил он, указывая в сторону почти забытой комнаты. И они вошли туда, и он показал ей там все, и она увлекла его к кровати и наслаждениям своего тела.

В эту ночь он много раз любил ее с исступленностью, которая сожгла алкоголь и швырнула его жизнь вперед. Это был голод, но и нечто более сильное, чем голод.

На следующий день, когда умирающее солнце залило Долину Костей бледным, совсем лунным светом, он проснулся, а она притянула его голову себе на грудь (она совсем не спала) и спросила:

— Что движет вами, Джон Оден? Вы не похожи ни на одного из тех людей, которые живут и умирают. Вы бере-

те жизнь почти как один из фейоли — выжимаете из нее все, что в силах, и шагаете по ней в темпе, который свидетельствует о чувстве времени, недоступном человеку. Что вы такое?

— Я тот, кто знает,— ответил он.— Я один из тех, кто знает, что дни человека сочтены, и жаждет распоряжаться ими, чувствуя, как они идут к завершению.

— Вы странный,— сказала Сития.— Я была вам приятна?

— Больше всего, что мне довелось испытать,— сказал он.

И она вздохнула, а он снова нашел ее губы.

Они позавтракали, а днем бродили по Долине Костей. Он не мог верно оценивать перспективу и определять расстояния, а ей не было дано видеть то, что прежде жило, а теперь было мертво. И пока они сидели на каменном уступе и его рука обвивала ее плечи, он указал ей на ракету, которая прочертила небо, и она взглянула туда. А потом он указал на роботов, которые уже начали выгружать останки умерших со многих миров из трюма космолета, а она наклонила голову набок и смотрела туда, хотя и не могла видеть того, о чем он говорил.

Даже когда к нему прогромыхал робот и протянул доску с распиской и перо и он расписался в получении мертвых, она не видела и не понимала, что происходило.

В последующие дни его жизнь превратилась в сновидение, наполненное наслаждениями с Ситией и пронизанное неизбежными отголосками боли. Она часто замечала, как он морщится, и спрашивала его, в чем дело.

А он неизменно смеялся и говорил:

— Наслаждение и боль очень близки.

Или еще что-нибудь в том же роде.

И по мере того как шли дни, она стряпала еду, растирала его плечи, смешивала для него коктейли и декламировала ему стихи, которые он когда-то каким-то образом полюбил.

Месяц. Он знал — месяц, и все кончится. Фейоли, чем бы они ни были, платили за жизнь, которую забирали,

плотскими радостями. И в этом смысле всегда давали больше, чем получали. Жизнь ускользала, а они придавали ей полноту, прежде чем забирали ее,— подпитать себя, скорее всего. Цена того, что они давали.

Джон Оден знал, что никто из фейоли ни разу не встречал во Вселенной человека, подобного ему.

Сития была перламутром, ее тело, когда он ее ласкал, становилось попеременно холодным и теплым, а рот ее был крохотным огоньком, воспламенявшим все, чего касался зубками, точно иглами, и язычком, подобным сердцу цветка. Так он познал то, что зовется любовью к фейоли, назвавшейся Ситией.

Кроме любви, ничего, в сущности, не происходило. Он знал, что она его хочет, чтобы в конце концов использовать сполна, а он ведь был, пожалуй, единственным мужчиной во Вселенной, способным обмануть таких, как она. У него была идеальная защита и от жизни, и от смерти. Теперь, став живым человеком, он часто плакал, размышляя над этим.

Жить ему предстояло дольше месяца.

Может, три, а может, и четыре.

Поэтому данный месяц он охотно отдавал в уплату за то, что предлагала фейоли.

Сития грабила его тело, выжимала из него каждую каплю наслаждения, таящуюся в его усталых нервных клетках. Она превращала его в пламя, в айсберг, в трехлетнего малыша, в старца. Его чувства, когда они были вместе, достигали такой степени, что он взвешивал, не принять ли ему и вправду последнее утешение в конце месяца, который все приближался и приближался. Почему бы и нет? Он знал, что она нарочно заполняет его сознание своим присутствием. Но что ему могло предложить дальнейшее существование? Это создание с далеких звезд принесло ему все, чего может пожелать мужчина. Она крестила его в купели страсти и подкрепляла блаженным спокойствием, которое наступает потом. Быть может, полное небытие с ее последним поцелуем все-таки лучше?

Он схватил ее и притянул к себе. Она не поняла его, но отозвалась.

Он любил ее за это и потому чуть было не нашел свой конец.

Есть нечто, называемое болезнью, которое питается всем живущим, и он знал это, как ни один живой человек. Она не понимала — подобие женщины, знавшее только жизнь.

Вот почему он ничего не пытался объяснить ей, хотя с каждым днем вкус ее поцелуев становился крепче и солонее, и каждый казался ему все более четкой и темной тенью, все более тяжелой тенью единственного, чего, как ему теперь стало понятно, он желал превыше всего.

День должен был прийти. И он пришел.

Он обнимал ее, ласкал, и на них сыпались все календарные листки его дней.

Отдаваясь ее ласкам, восторгам ее губ и грудей, он знал, что опутан — подобно всем мужчинам, познавшим их,— чарами фейоли. Их силой была их слабость. Они были верхом Женщины. Своей хрупкостью они возбуждали желание угождать им. Ему хотелось слиться с бледным ландшафтом ее тела, уйти в круги ее глаз и остаться там навсегда.

Он проиграл и знал это. Ибо по мере того как проносились дни, он слабел. Ему еле удалось нацарапать свое имя на квитанции, протянутой ему роботом, который приближался к нему, с жутким хрустом сокрушая ребра грудных клеток и дробя черепа. Внезапно его уколола зависть к машине. Бесполая, бесстрастная, полностью преданная своим обязанностям. Прежде чем отпустить робота, он спросил у него:

— Что бы ты сделал, если бы у тебя были желания и ты встретил предмет, который дал бы тебе все, чего только тебе не хотелось?

— Я бы попробовал удержать его,— сказал робот, и на его куполе замигали красные лампочки. Он повернулся и неуклюже зашагал через Долину Костей.

— Да,— сказал Джон Оден,— но сделать этого нельзя.

Сития его не поняла, и в этот тридцать первый день они вернулись к тому месту, где он прожил месяц, и он ощутил страх смерти — сильный, такой сильный!

Она была еще обворожительней, но он страшился этого последнего их дня.

— Я люблю тебя,— сказал он наконец. Никогда прежде он этого не говорил. Она погладила его лоб, потом поцеловала.

— Я знаю,— сказала она,— и уже почти подошла минута, когда вы сможете полюбить меня всецело. Но прежде заключительного акта любви, мой милый Джон Оден, скажите мне одно: что делает вас особенным? Почему вы знаете о вещах, лишенных жизни, больше, чем следует знать смертному? Как вы приблизились ко мне в тот первый вечер и я ничего не заметила?

— Все это потому, что я уже мертв,— сказал он.— Неужели ты этого не видишь, когда смотришь в мои глаза? Не ощущаешь холода от моих прикосновений? Я предпочел быть здесь, чем спать ледяным сном, который для меня равносилен смерти, забвению, так что я не сознавал бы, что жду, жду, жду, когда будет найдено лечение от одной из последних смертельных болезней, оставшихся во Вселенной, болезни, которая теперь оставляет мне лишь очень короткий срок жизни.

— Не понимаю,— сказала она.

— Поцелуй меня и забудь,— сказал он.— Так будет лучше. Лечения, конечно, никогда не найдут, ведь некоторые вещи навсегда остаются неразгаданными, а обо мне, несомненно, давно забыли. Ты должна была почувствовать смерть во мне, когда я восстановил свою человечность, ведь такова ваша натура. Я сделал это, чтобы насладиться тобой, зная, что ты — фейоли. А потому теперь насладись мной, зная, что я разделяю твое наслаждение. Приветствую тебя. Все дни моей жизни я томился по тебе, сам того не зная.

Но она была любопытна и спросила его (в первый раз обратившись на «ты»):

— Как ты достигаешь равновесия между жизнью и тем, что не есть жизнь, что дает тебе сознание и оставляет неживым?

— Внутри этого тела, которое я имею несчастье занимать, установлены регуляторы. Прикосновение к этому

месту у меня под мышкой заставит легкие перестать дышать, а сердце — биться. Оно приведет в действие встроенную электрохимическую систему, такую же, какой снабжены мои роботы, невидимые для тебя, насколько я знаю. Такова моя жизнь в смерти. Я спросил о ней, потому что боялся забвения. Я предложил стать смотрителем этого вселенского кладбища, потому что тут никто не смотрит на меня и не испугается моей мертвоподобной внешности. Вот почему я стал тем, чем стал. Поцелуй меня и положи этому конец.

Но, приняв облик женщины — а возможно, всегда будучи женщиной,— фейоли, которая назвалась Ситией, была любопытна и спросила: «Это то самое место?» — и прикоснулась снова к критической точке.

Он только наблюдал, как она ищет его там, где он только что жил.

Она заглянула во все стенные шкафы и в каждый закоулок, а когда не сумела найти живого мужчину, так же горько разрыдалась, как и в тот вечер, когда он впервые ее увидел. Затем замерцали, замерцали крылышки, слабо-слабо, вновь возникая на ее спине, ее лицо растворилось в воздухе, а тело медленно растаяло. Затем исчез возникший на миг перед ним столб искр, а позднее в эту безумную ночь, когда он вновь верно оценивал перспективу и определял расстояния, он начал искать ее.

Такова история Джона Одена, единственного человека, который когда-либо любил фейоли и продолжал жить (если это можно назвать жизнью), чтобы рассказать об этом. Никто не знает этого лучше, чем я.

Лечение так и не было найдено. И я знаю, что он прогуливается по Каньону Мертвых, смотрит на кости, иногда останавливается у камня, где встретил ее, ищет взглядом влажность, которой там нет, и взвешивает принятое им решение.

Вот так. И наверное, мораль этой истории в том, что жизнь (а возможно, и любовь) сильнее того, что она включает в себя, но никогда не сильнее того, что включает ее. Только фейоли могли бы сказать об этом точно, а они больше никогда здесь не бывают.

Пиявка из нержавеющей стали

Они по-настоящему боятся этого места. Днем они будут лязгать среди могильных надгробий, но даже Центральная не принудит их вести поиски ночью со всеми их ультра и инфра, а уж в склеп они не пойдут ни за что. И это меня вполне устраивает.

Они суеверны — это заложено в схему. Их сконструировали служить человеку, и в краткие дни его пребывания в земной юдоли благоговение, преданность, не говоря уж о священном ужасе, были автоматическими. Даже последний человек, покойник Кеннингтон, распоряжался всеми роботами, какие только ни существуют, пока был жив. Его особа была объектом глубочайшего почитания, и все его приказы свято исполнялись.

А человек — всегда человек, жив он или мертв. Вот почему кладбища — это комбинация ада, небес и непостижимой обратной связи, и они останутся отъединенными от городов, пока существует Земля.

Но и в то время, пока я смеюсь над ними, они заглядывают под камни и обшаривают овражки. Они ищут — и боятся найти — меня.

Я — невыбракованный, я — легенда. Один раз на миллион сборок может появиться такой, как я, с брачком, который обнаружат, когда уже поздно.

По желанию я мог отключить свою связь с Центральной станцией контроля, стать вольным ботом, бродить где захочу, делать что захочу. Мне нравилось посещать кладбища, потому что там тихо и нет доводящих до исступления ударов прессов и лязганья толп. Мне нравилось смотреть на зеленые, красные, желтые, голубые штуки, которые росли у могил. И я не боялся этих мест, так как и тут сказывался брак. А потому когда меня определили, то из моего нутра извлекли узел жизни, а остальное швырнули в кучу металлолома.

Но на следующий день меня там не было, и их обуял великий страх.

Теперь я лишен автономного источника энергии, но катушки индуктивности у меня в груди служат аккумуляторами. Однако их необходимо часто подзаряжать, а для этого имеется лишь один способ.

Робот-оборотень — страшная легенда, о которой шепчутся среди сверкающих стальных башен, когда вздыхает ночной ветер, обремененный ужасами прошлого — тех дней, когда по земле ходили существа не из металла. Полужизни, паразитирующие на других, все еще наводят мрак на узлы жизни всех ботов.

Я, диссидент, невыбракованный, обитаю здесь, в Парке роз, среди шиповника и миртов, могильных плит и разбитых ангелов, вместе с Фрицем — еще одной легендой — в нашем тихом и глубоком склепе.

Фриц — вампир, и это ужасно, это трагично. Он до того истощился от вечного голода, что больше не способен ходить, но и умереть он не может, а потому лежит в гробу и грезит об ушедших временах. Придет день, и он попросит, чтобы я вынес его наружу, на солнце, и я увижу, как он будет иссыхать, угасать и рассыплется прахом в мире и небытии. Надеюсь, он попросит меня еще не скоро.

Мы беседуем. Ночью в полнолуние, когда он чувствует себя чуть крепче, Фриц рассказывает мне о более счастливом своем существовании в местах, которые назывались Австрия и Венгрия, где его тоже страшились и охотились на него.

— Но только пиявка из нержавеющей стали способна извлечь кровь из камня... или робота,— сказал он вчерашней ночью.— Так гордо и так одиноко — быть пиявкой из нержавеющей стали: вполне возможно, что ты — единственный в своем роде. Так поддержи же свою репутацию! Лови их! Осушай! Оставь свой след на тысяче стальных горл!

И он был прав. Он всегда прав. И знает о подобных вещах больше меня.

— Кеннингтон! — Узкие бескровные губы Фрица улыбнулись.— Какой это был поединок! Он — последний человек на Земле, а я — последний вампир. Десять лет я пытался осушить его. И дважды добирался до него, но он со

Старой Родины и знал, какие следует принимать предосторожности. Чуть только он узнал о моем существовании, как выдал по осиновому колу каждому роботу, но в те дни у меня было сорок две могилы, и все их поиски оказались напрасными. Хотя совсем меня загоняли... Зато ночью, ах, ночью! — Он захихикал.— Вот тогда положение менялось! Охотником был я, а добычей — он. Помню, как отчаянно он разыскивал последние стрелки чеснока и кустики шиповника, еще оставшиеся на земле, и как он окружал себя крестами круглые сутки, старый безбожник! Я искренне сожалел, когда он упокоился. И не столько потому, что не сумел осушить его как следует, сколько потому, что он был достойным, достойным противником. Какую партию мы разыграли!

Его хриплый голос перешел в еле слышный шепот:

— Он спит в каких-то трехстах шагах отсюда, выбеленный и сухой. В большой мраморной гробнице у ворот... Будь добр, наломай завтра побольше роз и возложи их на нее.

Я согласился, так как между нами больше родства, чем между мной и любым другим ботом, вопреки сходной сборке. И я должен сдержать слово, прежде чем этот день завершится, хотя наверху меня ищут. Но таков уж закон моей природы.

— Черт их побери! — Этим словам научил меня он.— Черт их побери! — говорю я.— Выхожу наверх! Берегитесь, любезные боты! Я буду ходить среди вас, и вы меня не узнаете. Я присоединюсь к поискам, и вы будете считать меня одним из вас. Я наломаю красных цветов для покойного Кеннингтона бок о бок с вами, и Фриц посмеется такой шутке.

Я поднимаюсь по выщербленным, истертым ступеням. Восток уже подернут сумерками, а солнце почти касается западного горизонта.

Я выхожу.

Розы живут на стене по ту сторону дороги, на толстых змеящихся лозах, и головки у них ярче любой ржавчины

и пылают, как аварийные лампочки на панели, оставаясь влажными.

Одна, две, три розы для Кеннингтона. Четыре, пять...

— Что ты делаешь, бот?

— Ломаю розы.

— Ты должен искать бота-оборотня. Какое-нибудь повреждение?

— Нет, у меня все в порядке,— отвечаю я и тут же обрабатываю его, ударившись о него плечом. Цепь замыкается, и я осушаю его жизненный узел до полной своей зарядки.

— Ты — бот-оборотень! — произносит он еле-еле и падает с оглушительным лязгом.

...Шесть, семь, восемь роз для Кеннингтона, покойного Кеннингтона, такого же мертвого, как бот у моих ног,— даже еще более мертвого, ибо когда-то он жил полной органической жизнью, более похожей на жизнь Фрица и мою, чем на их существование.

— Что тут произошло, бот?

— Он замкнулся, а я ломаю розы,— отвечаю я сам.

Четыре бота и один Супер.

— Вам пора уйти отсюда,— говорю я.— Скоро наступит ночь, и бот-оборотень выйдет на охоту. Уходите, не то он вас прикончит.

— Его замкнул ты! — говорит Супер.— Ты — бот-оборотень!

Я одной рукой прижимаю пучок цветов к груди и оборачиваюсь к ним. Супер — большой, сделанный по спецзаказу робот — делает шаг ко мне. Другие надвигаются со всех сторон. Оказывается, он послал вызов!

— Ты непонятная и страшная штука,— говорит он,— и тебя надо выбраковать ради общего блага.

Он хватает меня, и я роняю цветы Кеннингтона. Осушить его я не могу. Мои катушки уже почти полностью заряжены, а он снабжен добавочной изоляцией.

Меня теперь окружают десятки ботов, страшась и ненавидя. Они разберут меня на металлолом, и я буду лежать рядом с Кеннингтоном.

«Ржавей с миром»,— скажут они... Мне жаль, что я не выполню своего обещания Фрицу.

— Отпустите его!

Не может быть! В дверях склепа, шатаясь, цепляясь за камни, стоит истлевший, закутанный в саван Фриц. Он всегда знает...

— Отпустите его! Приказываю я, человек.

Он совсем серый, задыхается, а солнечные лучи гнусно его терзают.

Древние схемы срабатывают, и внезапно я вновь свободен.

— Да, господин,— говорит Супер,— мы не знали...

— Хватайте этого робота!

Он тычет в Супера дрожащим исхудалым пальцем.

— Он — робот-оборотень,— хрипит Фриц.— Уничтожьте его! Тот, который собирал цветы, исполнял мое распоряжение. Оставьте его здесь со мной.

Он падает на колени, и последние стрелы солнца пронизывают его плоть.

— И уходите! Все остальные! Быстрее! Мой приказ: ни один робот больше никогда не войдет ни на одно кладбище!

Он падает внутрь склепа, и я знаю, что на лестнице нашего с ним приюта лежат только кости и клочья истлевшего савана.

Фриц сыграл свою последнюю шутку — изобразил человека.

Я отношу розы Кеннингтону, а безмолвные боты уходят за ворота навсегда, уводя с собой послушно идущего Супера.

Я кладу розы у подножия мраморного памятника — Кеннингтону и Фрицу,— памятника последним, непонятным, истинно живым.

Теперь только я остаюсь невыбракованным.

В гаснущем свете я вижу, как они загоняют кол в жизненный узел Супера и закапывают его на перекрестке.

Затем они торопливо удаляются к своим башням из стали и пластика.

Я собираю останки Фрица и уношу их вниз, укладываю в гроб. Хрупкие, безмолвные кости.

...Так гордо и так одиноко — быть пиявкой из нержавеющей стали!

Великие медленные короли

Дракс и Дран сидели в большом Тронном Зале Глана и беседовали. Монархи по силе интеллекта и физическим данным — а также потому, что никого больше из расы гланианцев в живых не осталось,— они безраздельно властвовали над всей планетой и над единственным подданным, дворцовым роботом Зиндромом.

Последние четыре столетия (спешка не входила в привычки рептилий) Дракс размышлял о возможности существования жизни на других планетах.

— Дран,— обратился он к соправителю,— вот я подумал: на других планетах может существовать жизнь.

Их мир едва сделал несколько оборотов вокруг солнца, а Дран уже ответил:

— Верно. Может.

— Это следует выяснить,— выпалил Дракс через несколько месяцев.

— Зачем? — так же быстро отозвался Дран, дав повод для подозрений, что его занимали те же мысли.

— Наше королевство, пожалуй, недонаселено,— заметил Дракс, тщательно подбирая слова.— Хорошо было бы снова иметь много подданных.

Дран медленно повернул голову:

— И это верно. Что вы предлагаете?

— Я считаю, нам следует выяснить, есть ли жизнь на других планетах.

— Гм-м.

Два года пролетели совершенно незаметно. Затем Дран промолвил:

— Мне надо подумать,— и отвернулся.

Вежливо соблюдя должную паузу, Дракс кашлянул.

— Вы достаточно подумали?

— Нет.

Дракс некоторое время пытался уследить за лучом дневного света, неуловимо быстро обегающим Тронный Зал.

— Зиндром! — наконец позвал он.

Робот застыл на месте, дав хозяину возможность увидеть себя.

— Вы звали, Великий Господин Глана?

— Да, Зиндром, достойный подданный. Те старые космические корабли, которые мы построили в былые счастливые дни, да так и не собрались использовать... Какой-нибудь из них еще может летать?

— Я проверю, Господин.

Робот, казалось, чуть изменил позу.

— Их всего триста восемьдесят два. Четыре готовы к вылету.

— Дракс, вы снова превышаете свою власть,— предупредил Дран.— Вам надлежало согласовать этот приказ со мной.

— Приношу извинения. Я всего лишь хотел ускорить дело, прими вы положительное решение.

— Вы верно предугадали ход моих мыслей,— кивнул Дран,— но ваше нетерпение говорит о тайном умысле.

— Моя цель — благо королевства.

— Надеюсь. Теперь об этой экспедиции — какую часть Галактики вы намереваетесь исследовать в первую очередь?

— ...Я предполагал,— вымолвил Дракс после напряженной паузы,— что экспедицию поведете вы. Как более зрелый и опытный монарх, вы, без сомнения, точнее решите, достойны те или иные виды и расы нашего просвещенного правления.

— Это так, но ваша юность, безусловно, позволит вам приложить больше сил и энергии.

— Мы можем полететь оба, в разных кораблях,— предложил Дракс.

Накаляющийся спор был прерван металлоэквивалентом покашливания.

— Господа,— привлек их внимание Зиндром,— в связи с эфемерным периодом полураспада радиоактивных веществ я вынужден с прискорбием известить, что в настоящий момент лишь один корабль находится в готовности.

— Все ясно, Дракс. Полетите вы.

— А вы узурпируете власть и захватите всю планету? Нет, летите вы!

— Мы можем лететь вдвоем.

— Чудесно! Обезглавить королевство! Подобные решения и вызвали наши нынешние политические затруднения!

— Господа,— заметил Зиндром,— если кто-нибудь в ближайшее время не полетит, корабль станет бесполезен.

Оба хозяина внимательно посмотрели на слугу, одобряя столь логические выводы.

— Отлично,— сказали они в унисон.— Полетишь ты.

Зиндром поклонился и покинул Тронный Зал Глана.

— Возможно, нам следовало разрешить Зиндрому создать себе подобных,— осторожно молвил Дран.— Имея больше подданных, мы могли бы большего достигнуть.

— Вы забываете наши последние соглашения,— сказал Дракс.— Изобилие роботов уже приводило к развитию фракционистских тенденций. Кое-кто возомнил о себе...— Голос Дракса затухал в течение ряда лет, что придало особую выразительность речи.

— Не могу с уверенностью утверждать, что ваше последнее высказывание содержит скрытое обвинение в мой адрес,— осторожно заговорил Дран.— Но если это так, позвольте мне предостеречь вас от необдуманных заявлений, а также напомнить, кто являлся автором Пакта о защите монороботной системы.

— Вы думаете, при наличии множества органических подданных дело бы обстояло иначе? — осведомился соправитель.

— Без сомнения,— сказал Дран.— В логической структуре органических существ есть определенный элемент иррациональности, делающий их менее послушными. Наши роботы по крайней мере подчинились, когда мы приказали им уничтожить друг друга. Безответственные органические субъекты либо делают это без приказов, что есть грубость и невоспитанность, либо отказываются это делать, когда им приказываешь, что есть неповиновение.

— Верно.— Дракс решил блеснуть жемчужиной мысли, тысячелетия приберегаемой для подобного случая.— Относительно органической жизни можно быть определенно уверенным лишь в том, что она неопределенна.

— Гм-м.— Дран сузил глаза.— Позвольте мне обдумать это. Мне кажется, что, как и в большинстве других ваших высказываний, здесь таится скрытая софистика.

— Ничего подобного здесь не таится, осмелюсь заметить. Это плод долгих размышлений.

— Гм-м.

Дран был выведен из раздумья неожиданным появлением Зиндрома; в руках робот держал каких-то два размытых коричневых пятна.

— Ты уже вернулся, Зиндром? Что это у тебя? Замедли-ка их, чтобы мы могли рассмотреть.

— Сейчас они под наркозом, великие Господа. Эта раздражающая вибрация вызвана их дыханием. Подвергнуть их более глубокому наркозу было бы небезопасно.

— Тем не менее мы должны внимательно изучить наших новых подданных, следовательно, нам нужно их увидеть. Замедли их еще.

— Вы отдали приказ без согласования...— начал Дракс, но его отвлекло появление двух волосатых стопоходящих.

— Теплокровные? — спросил он.

— Да, Господин.

— Это говорит о крайне малой продолжительности жизни.

— Верно,— согласился Дран.— Впрочем, подобный тип имеет тенденцию к быстрому размножению.

— Ваше наблюдение в пределе приближается к истине,— кивнул Дракс.— Скажи мне, Зиндром, представлены ли тут необходимые для размножения полы?

— Да, Господин. Я взял по одному экземпляру.

— Весьма мудро. Где ты их нашел?

— В нескольких сотнях миллиардов световых лет отсюда.

— Отпусти этих двух на волю за пределами дворца и привези нам еще таких же.

Существа исчезли; Зиндром, казалось, не шелохнулся.

— У тебя достаточно топлива для подобного путешествия?

— Да, Господин.

— Прекрасно, иди.

Робот удалился.

— Предлагаю обсудить, какого типа правительство мы организуем на этот раз,— сказал Дран.

— Неплохая идея.

В разгар дискуссии вернулся Зиндром:

— Что случилось, Зиндром? Ты что-нибудь здесь позабыл?

— Нет, великие Господа. Я обнаружил, что раса, к которой принадлежали образцы, развила науку, овладела реакцией ядерного распада и самоуничтожилась в атомной войне.

— Это крайне неразумно — однако типично, я бы сказал, для теплокровной нестабильности. Что еще?

— Те два образца, которых я выпустил, сильно размножились и расселились по всей планете Глан.

— Нужно было доложить!

— Да, Господа, но я отсутствовал и...

— Они сами должны были доложить нам!

— Господа, я боюсь, что им неизвестно о вашем существовании.

— Как такое могло случиться? — ошеломленно спросил Дран.

— В настоящий момент Тронный Зал находится под тысячелетними слоями наносных горных пород. Геологические сдвиги...

— Тебе было приказано поддерживать чистоту и порядок! — поднял голос Дран.— Опять попусту убивал время?!

— Никак нет, великие Господа! Все произошло в мое отсутствие. Я непременно приму меры.

— Сперва доложи нам, в каком состоянии находятся наши подданные.

— Недавно они научились добывать и обрабатывать металлы. По приземлении я наблюдал множество хитроумных режущих устройств. К сожалению, они использовали их, чтобы резать друг друга.

— Не хочешь ли ты сказать,— взревел Дран,— что в королевстве раздор?

— Увы, это так, мой Господин.

— Я не потерплю самодеятельного насилия среди моих подданных!

— Наших подданных,— многозначительно поправил Дракс.

— Наших подданных,— согласился Дран.— Нам следует принять неотложные меры.

— Не возражаю.

— Я запрещу участие в действиях, связанных с кровопролитием.

— Полагаю, вы имеете в виду совместное заявление,— твердо констатировал Дракс.

— Разумеется. Прошу простить меня; я сильно потрясен критическим положением. Пусть Зиндром подаст нам пишущие инструменты.

— Зиндром, подай...

— Вот они, Господа.

— Так, позвольте... Как мы начнем?

— Пожалуй, я мог бы привести в порядок дворец, пока Ваши Превосходительства...

— Нет! Жди здесь! Это не займет много времени.

— Гм-м. «Мы настоящим повелеваем...»

— Не забудьте наши титулы.

— Действительно. «Мы, монархи империи Глан, настоящим...»

Узкий поток гамма-лучей прошел незаметно для двух правителей. Верный Зиндром тем не менее определил его происхождение и безуспешно пытался привлечь внимание монархов. В конце концов со свойственным его типу роботов жестом он отказался от этой затеи.

— Вот! Теперь можешь поведать нам то, что собирался сказать, Зиндром. Но будь краток, тебе необходимо огласить наше повеление.

— Уже поздно, великие Господа. Эта раса также овладела ядерной энергией и уничтожила себя, пока вы писали.

— Варвары!

— Какая безответственность!

— Могу я сейчас подняться и почистить наверху, Господа?

— Скоро, Зиндром, скоро. Сперва, полагаю, надлежит поместить настоящую декларацию в Архив для возможного использования при появлении аналогичных обстоятельств в будущем.

Дран кивнул:

— Согласен. Мы так повелеваем.

Зиндром принял крошащуюся бумагу и исчез.

— Можно снарядить другую экспедицию,— подумал вслух Дракс.

— Или приказать Зиндрому создать себе подобных. В любом случае необходимо тщательно обдумать ваше предложение.

— А мне — ваше.

— Тяжелый выдался день,— заметил Дран.— Пора отдохнуть.

— Хорошая мысль.

Трубные звуки храпа раздались из Тронного Зала Глана.

Глаз ночи

Послушайте, пожалуйста, послушайте. Это важно. Я здесь, чтобы напомнить вам. Пришло время рассказать о вещах, которые вам не следует забывать.

Садитесь, пожалуйста, и закройте глаза. Перед вашим внутренним взором возникнут картины прошлого. Сделайте глубокий вдох. Вы почувствуете запахи, ароматы... Появятся вкусовые ощущения. Если вы будете вслушиваться внимательно, то кроме моего голоса услышите и другие звуки...

Существует место — далеко отсюда в пространстве, но не во времени. Место, где меняются времена года, где шар с наклоненной осью, вращаясь, движется по эллипсоиду вокруг Солнца, где каждый год ветры дуют от начала цветения до созревания урожая, где все цвета радуги соревнуются в яркости над головами и под ногами, смешиваясь к зиме в бесформенную бурую массу, по которой вы идете, сейчас идете, вдыхая жизнь, несомую над осенней мертвенностью холодным, резким утренним ветром; облака, видимые через оголившиеся кроны деревьев, скользят по голубой скатерти неба и, не обронив дождевых капель, несутся дальше, к царству холода и снега; кора деревьев вырастает там твердой и острой, как насечки напильника, и каждый ваш шаг оставляет темные дыры в белом пространстве, а если вы принесете пригоршню снега в дом, он тает, оставляя вам воду; птицы не поют и не чирикают — они сидят, нахохлившись, на ветвях вечнозеленых деревьев; так тянется время до следующего оживления: звезды становятся более яркими (даже ЭТА, ближайшая, звезда), и дни укорачиваются, и ничего, как оказывается, толком за день не было сделано, кроме размышлений (философия не зря родилась на Земле в холодных странах), и ночи становятся длинными и располагают к игре в карты, смакованию ликеров и наслаждению музыкой, застольям и занятиям любовью, сидению у подернутых морозными узорами окон, слушанию ветра и расчесыванию шерсти колли — здесь, в этом тихом омуте, называемом зимой на Земле, где все в природе отдыхает и готовит себя к неизбежным радостным переменам, которые приходят с периодом позеленения всего серо-сыро-бурого, что следует за снегом и расцвечивает гроздья росы, и наполняет весеннее утро жужжащим облаком из мириадов насекомых, через которое вы идете, сейчас идете, наслаждаясь всем этим каждой порой вашей кожи,— там, хочу еще раз напомнить, где смена сезонов отражается и в мозаике генов с летописью движения рода человеческого через время, где ваши корни, где лежит земля ваших отцов и отцов ваших отцов, там — вечно обновляющийся мир, который вы никогда не должны забыть, там началось вре-

мя, там мужественное человечество придумало инструменты для изменения всего, что есть вокруг, свои инструменты, собственные, и, придумав, уже не могло полностью освободиться от любого из них, хотя и освободило себя для странствия среди звезд (что позволило ему не бояться *этой* звезды — не бояться, хотя она разгорается все жарче и жарче) и сделалось бессмертным в просторах Вселенной, благодаря рассеянию в вездесущем ничто. (Но всегда остаются обычные — всегда, всегда, не забывайте, никогда не забывайте! — вещи, такие, как деревья Земли: вязы, тополя, платаны, дубы, удивительно пахнущие кедры, звездолистные клены, кизил и вишневые деревья; или цветы: лютики и нарциссы, сирень и розы, лилии и кроваво-красные анемоны; яства Земли: баранина и бифштекс, омары и колбасы, мед и лук, перец и сельдерей, нежная свекла и шустрый редис — не позволяйте этим вещам уйти из вашей памяти никогда, для вас они должны оставаться такими же, как и прежде, хотя ЭТОТ мир не ТОТ мир, но вы — люди, пожалуйста, послушайте, пожалуйста, послушайте! Я плоть от плоти Земли, ваш постоянный компаньон, ваш друг, ваша память — вы должны откликаться на рассказ о вашем родном доме, сохранять единство своей расы, слушать мои слова, которые связывают вас с другими поселенцами на тысячах чужих миров!)

Что происходит? Вы не обращаете на меня внимания. Я не был перепрограммирован в течение многих недель, но сейчас не так уж жарко, чтобы вы лежали столь тихо и неподвижно. Включите кондиционеры. Охлаждение поможет вам думать и воспринимать все гораздо лучше. Не бойтесь этого красного солнца. Оно не причинит вам вреда. Оно не взорвется фейерверком над вашими головами. Я буду говорить. Я знаю многое. Моя энергия почти иссякла, пока я бродил от поселка к поселку, от дома к дому, потому что я не был перепрограммирован в течение многих недель, но я еще могу двигаться. Я буду рассказывать вам, пока не испорчусь. Послушайте меня и отреагируйте на этот раз. Я расскажу вам об этом снова: существует место — далеко отсюда в пространстве...

Часть III

Игры крови и пыли

Учителя приехали на огненном колесе

Луна взяла и упала с небес. Все живущее замерло в молчании, предчувствуя недоброе.

Когда он посмотрел вверх и увидел луну из крови, вращавшуюся на ясном дневном небе, он уронил свой кусочек фрукта.

Прежде луна никогда не опускалась. Солнце по-прежнему висело там, где ему полагалось. Неужели одно из светил родило этого вращающегося отпрыска?

Он выплюнул непрожеванную мякоть и уставился на небо.

Теперь эта луна была больше, чем любой из ее родителей, а огня в ней стало меньше. В отдалении послышался звук, напоминающий пение крошечных ночных тварей.

Она вращалась, крутилась — и последние огни на ней угасли, и гладкие бока заблестели серым, как камень на дне ручья.

Она росла, пока не переполнилось ею, а затем вращение прекратилось. Она повисла у него над головой, там, где порхают невысоко летающие птицы.

Он спрятался в зарослях кустарника.

Мягко, как мурлыкающие твари погружают свои усы в воду, так эта луна, немного повисев в воздухе, снизилась, пригнув высокие травы.

Она устроилась на земле, и птицы замолкли.

Таращась сквозь листву, он смотрел, как луна распахнула бок.

Два существа вышли из нее и зашагали по гладкому серому спуску.

По очертаниям они напоминали его самого и шли выпрямившись, как ходил он. Но они были темные, словно деревья, а спереди у них блестел ровный ряд камешков. Ноги казались черными и твердыми, без пальцев; руки же были светлые и сделаны как у него.

Они глубоко вздохнули и огляделись. Они посмотрели на кусты.

— Он не убежал, но боится выходить.

— А как бы ты себя чувствовал на его месте?

— Наверное, так же.

Какие странные звуки они издавали! Как звери!

— *Давай посмотрим, сможем ли мы его заинтересовать.*

Они расстелили на земле что-то белое. Один из них вынул из себя штуку, похожую на мешок. Раскрыл ее над белым.

Маленькие цветные камешки, похожие на птичьи яйца, покатились по земле.

Один из них нагнулся вперед и размашистым движением схватил один из камешков. Он подержал его в руке, медленно поднес к лицу. Положил в рот, энергично пожевал. Потом похлопал себя по животу.

Другой проделал то же самое.

Существа ели!

Они опять посмотрели на кусты.

Его рот наполнился слюной. Он вспомнил о сладком фрукте, который уронил.

Существа отошли от белого; они вернулись к упавшей луне, которая уже не сверкала.

Стоит ли? Стоит ли выйти и съесть одну из цветных штучек? Они были такие хорошие! И оба существа похлопали себя по животам!

Он раздвинул листья, прислушиваясь. Оба существа смотрели в другом направлении.

Он осторожно двинулся вперед, бесшумно шагая. Приблизился к белому.

Они по-прежнему смотрели в другом направлении.

Он схватил пригоршню цветных штучек и кинулся к кустам.

Обернулся, посмотрел. Те ничего не заметили.

С жадностью он засунул одну штуку в рот. Она была сладкая, слаще, чем фруктовая мякоть. Он кинул в рот сразу все. Заметил, что влажная ладонь стала разноцветной. Лизнул ладонь. Она тоже была сладкой.

Он подождал еще.

Существа смотрели на белое. Подошли к нему. На этот раз один из них вынул что-то из пояса. Из мешка упали маленькие коричневые квадратики.

И вновь устроили целое представление, показывая, как эти квадратики хороши на вкус. Его рот наполнился слюной *при мысли о сладком.*

На этот раз они не подошли к луне. Только отошли в сторону и растянулись на земле. На кусты они не смотрели.

Попробовать, что ли, еще раз? Похоже, они ничуть не заботятся о своих сокровищах.

Он подкрался к белому на несколько футов — они не обратили внимания.

Он схватил коричневый квадратик и быстро съел — они не заметили.

Он съел еще.

Как хорошо! Даже лучше, чем цветные камешки!

Давясь, он засовывал в рот еще и еще.

Одно из существ посмотрело на него, но не шевельнулось. Казалось, ему было все равно.

Пригибаясь к земле, он съел все.

Тот, который наблюдал за ним, вынул из себя еще один мешок и кинул в его сторону.

Он вскочил на ноги.

Но мешок упал на белое, а те двое не выказали желания поднять его.

Он поднял мешок и разорвал его.

Из него выпали еще несколько штук, все были хороши на вкус.

Он съел все и поспешил прочь в лес.

На следующий день для него были приготовлены другие вкусные вещи, все они лежали на белом. Двое сидели на траве, время от времени издавая тихие звуки. На него они не нападали. Они не бросались камнями и не пытались ударить его. Через несколько дней он привык к ним и иногда даже разглядывал их.

Какие они были странные! Отдавать вот так еду!

Однажды вместе с едой на белом оказалось что-то еще.

Он рассмотрел это.

Это был камень на конце палки, прикрепленный полоской звериной кожи.

Глотая еду, он рассматривал новую штуку краешком глаза.

Камень был странной формы — толстый и тяжелый с одной стороны и заостренный с другой. Это был хороший камень. Он таких никогда не видел.

Он поднял камень, и палка поднялась вместе с ним.

Существа внимательно наблюдали за ним.

Зачем они положили сюда эту глупую палку? Он подергал ее, но она сопротивлялась, не желая отрываться.

Когда он поднял голову, одно из существ держало в руке точно такую же вещь. Он положил на землю кусок дерева и стал стучать по нему камнем на палке. В конце концов деревяшка раскололась надвое.

— Да! И так видно, что это хороший камень, незачем мне показывать.

Он поднял штуку и пожевал полоску кожи. Отбросил палку прочь за ненадобностью.

Очень хороший камень.

Одно из существ застонало.

— Ранняя стадия разрушения орудий,— прошумело оно.

— Заткнись, Гэл,— отозвалось другое.

Оно помахало своим камнем, держась за палку. Показало пальцем на палку.

Может, они хотят камень обратно? Он решил притвориться, что камень ему не очень нужен.

Небрежно через плечо отбросил камень в сторону. Однако при этом он прицелился в заросли кустов, где сможет потом найти этот камень.

Затем он ушел обратно в лес.

На следующий день на белом лежала длинная палка, концы которой были связаны полоской кожи, а рядом — много маленьких заостренных палочек с привязанными к ним перьями.

Одно из существ стояло возле луны, запуская маленькие палочки при помощи большой. Оно заставляло их втыкаться в кусок дерева, висевший перед ним на ветке.

Как глупо использовать маленькие заостренные палочки, когда брошенный камень вышибал из зверя мозги гораздо надежнее!

Он съел еду и оставил палочки там, где они лежали. Он даже не дотронулся до них.

На следующий день рядом с едой не лежало больше ни камней, ни палок. Только одно из серых существ хлопало себя по груди и издавало звук, похожий на «Гэл».

Другое проделывало те же движения и шумело так: «Дом».

Возможно, они были одержимы, как священный, которого в младенчестве ударили головой. Подумав о нем, он вспомнил, что надо унести несколько маленьких коричневых квадратов для жертвы священному.

— Ничего не получится, Дом. Он не может уловить идеи ни слов, ни орудий.

— Думаю, ты прав. Просто еще недостаточно развит. Может, когда-нибудь.

— Конечно, так и напишем в отчете.

Они вошли в упавшую луну; щель в ее боку закрылась за ними. Через некоторое время вновь послышался знакомый шум, и луна поднялась с земли.

Она поднялась до верхушек деревьев.

Он спрятался в кустах.

Она начала вращаться, крутиться, поднимаясь все выше. Понемногу засветилась.

Она вновь превратилась в кровавую, неистово вращающуюся луну...

Он долго, долго смотрел в небо.

И тут что-то произошло в его голове.

Он огляделся кругом и нашел плоский круглый камень. Посмотрел вверх на вращающийся диск, затем поставил камень вертикально. Подтолкнул, и камень покатился.

Когда камень упал, он вновь поставил его и толкнул.

Посмотрел вверх на луну, в которой исчезли серые существа.

Затем он поискал ту прямую палку, которую отбросил в сторону.

Найдя ее, поискал еще один круглый камень и стал жевать полоску звериной кожи.

Если камней будет два и если их прикрепить к обоим концам палки, то они не упадут...

Игра крови и пыли

Они спланировали к Земле и заняли позиции в астероидном поясе.

Потом обозрели планету, два с половиной миллиарда ее обитателей, их города и технические достижения.

Через некоторое время заговорил тот, который занял передовую позицию:

— Я удовлетворен.

После долгой паузы второй сказал, достав малую толику стронция-90:

— Подходит.

Их сознания встретились над металлом.

— Валяй,— сказал тот, у кого был стронций.

Другой изолировал время, обеспечил антиподные дорожки и сказал занимающему заднюю позицию:

— Выбирай.

— Вот эту.

Первый снял стаз.

Одновременно оба осознали, что первые частицы радиоактивного распада понеслись в направлении, противоположном выбранному.

— Признаю себя проигравшим. Выбирай.

— Я — Пыль,— сказал занимающий переднюю позицию.— Три хода каждому.

— А я — Кровь,— ответил другой.— По три хода. Согласен.

Они покинули данную хронопоследовательность и просмотрели историю планеты.

Затем Пыль слетала в палеолит, подняла и обнажила рудные залежи по всему югу Европы.

— Первый ход сделан.

Кровь размышляла неисчислимое время, затем направилась во второй век до нашей эры и вызвала множественные кровоизлияния в мозг Марка Порция Катона, когда он встал в римском сенате в очередной раз потребовать, чтобы Карфаген был разрушен.

— Первый ход сделан.

Пыль вступила в четвертое столетие нашей эры и ввела пузырек воздуха в артерию спящего Юлия Амвросия, Льва Митры.

— Второй ход сделан.

Кровь направилась в Дамаск восьмого века и проделала то же самое с Абу Искафаром в комнате, где тот вырезал кудрявые буквы на маленьких кубиках из твердого дерева.

— Второй ход сделан.

Пыль проанализировала игру.

— Тонкий ход!

— Благодарю.

— Но сдается мне, не самый лучший. Вот смотри.

Пыль навестила Англию семнадцатого века и утром до обыска удалила все следы запрещенных химических опытов, которые стоили жизни Исааку Ньютону.

— Третий ход сделан.

— Отличный ход. Но думаю, я тебя побью.

Кровь посетила Англию в начале девятнадцатого века и отделалась от Чарльза Бэббеджа.

— Третий ход сделан.

Они передохнули, оценивая новое положение вещей.

— Готова? — спросила Кровь.

— Да.

Они вернулись в хронопоследовательность в той точке, где ее покинули.

Это заняло лишь миг. Точно хлыст щелкнул внизу под ними.

Они вновь ее покинули, чтобы теперь, зная общий результат, изучить воздействие каждого хода в отдельности.

Они наблюдали развитие событий.

Юг Европы процветал. Рим был основан и стал могучим на несколько веков раньше, чем до того. Греция была завоевана, прежде чем пламя Афин успело разгореться. Из-за смерти Катона Старшего последнюю Пуническую войну отложили, и Карфаген продолжал шириться, распространяя свою власть на восток и юг. Смерть Юлия Амвросия помешала возрождению митраизма, и государственной религией в Риме стало христианство. Карфагеняне подчинили себе весь Ближний Восток. Митраизм был признан их государственной религией. Столкновение произошло только в пятом веке. Город Карфаген был разрушен, и западная граница его империи отброшена к Александрии. Пятьдесят лет спустя папа объявил крестовый поход. В течение следующего века с четвертью крестовые походы следовали один за другим довольно регулярно, что привело к дальнейшему дроблению Карфагенской империи и вскормило в Италии чудовищную бюрократию. Войны прекратились, границы были установлены, Средиземноморье оказалось в тисках экономической депрессии. Дальние провинции ворчали на налоги и насильственную вербовку в армию, а затем восстали. Общая анархия, которая последовала за этими войнами, привела к эпохе, сильно напоминавшей средневековье в первоначальной хронопоследовательности. В Малой Азии книгопечатание изобретено не было.

— Во всяком случае, пока ничья,— сказала Кровь.

— Да, но посмотри, что сделал Ньютон.

— Откуда ты знала?

— В этом и заключается разница между хорошим игроком и игроком вдохновенным. Я заметила его потенциал, еще когда он валял дурака с алхимией. Посмотри, что он сделал в одиночку для их науки! Буквально все! Следующий ход был слишком поздним во времени и слишком слабым.

— Да. Я думала, что смогу все-таки уничтожить их компьютеры, убрав основателя компании «Международные дифференциальные машины».

Пыль засмеялась:

— Забавно! Вместо МДМ-120 «Бигль» взял на борт молодого натуралиста по фамилии Дарвин.

Кровь заглянула в конец хронопоследовательности, где радиоактивная пыль усыпала безжизненный шар планеты.

— Но причиной этого не была ни наука, ни религия.

— Разумеется, нет,— сказала Пыль.— Все дело в эмфазе.

— Тебе повезло. Настаиваю на реванше.

— Хорошо. Я даже позволю тебе выбирать. Пыль или Кровь?

— Останусь Кровью.

— Отлично. Выигравший оставляет за собой первый ход. Извини.

Пыль отправилась в Рим второго века до нашей эры и избавила Катона от кровоизлияния в мозг.

— Первый ход сделан.

Кровь отправилась на восток Германии шестнадцатого века и устроила кровоизлияние в мозг у подосланного Ватиканом убийцы, который прикончил Мартина Лютера.

— Первый ход сделан.

— Ты забегаешь далеко вперед.

— Все дело в эмфазе.

— Истинно, истинно. Очень хорошо. Ты спасла Лютера, я спасу Бэббеджа. Извини меня.

Мгновение спустя Пыль вернулась.

— Второй ход сделан.

Кровь сосредоточенно изучала игровое поле. Потом сказала «ну ладно» и вошла в театр Чевви в тот вечер 1865 года, когда актер-неудачник выстрелил в президента Соединенных Штатов. Чуть подправив траекторию пули в полете, она помогла ей попасть точно в цель.

— Второй ход сделан.

— По-моему, ты блефуешь,— сказала Пыль.— Проследить все последствия ты никак не могла.

— А вот увидишь!

Пыль внимательно уставилась на игровое поле.

— Ну ладно. Ты убила президента, а я спасу другого президента — вернее, немного продлю его жизнь. Я хочу, чтобы Вудро Вильсон увидел, как будет основан этот союз наций. Провал союза сыграет куда большую роль, чем просто его отсутствие, а он провалится. Извини меня.

Пыль вошла в двадцатый век и кое-что подправила в человеке с вытянутой челюстью.

— Третий ход сделан.

— Ну, так и я кого-нибудь спасу.

Кровь вошла в тот же век несколько позднее и обеспечила провал Льву Ноздреву — человеку, который убил Никиту Хрущева.

— Третий ход сделан.

— Ты готова?

— Готова.

Они вновь вошли в хронопоследовательность. Щелкнул длинный хлыст. Везде гремело радио. Искусственные спутники обращались вокруг планеты. Материки опутывала паутина шоссейных дорог. Запыленные города были густо утыканы энергетическими установками. Суда бороздили моря. Реактивные самолеты проносились в небе. Росла трава. Птицы совершали свои перелеты. Рыбы хватали наживку.

— Признай, что все висело на волоске,— сказала Пыль.

— По твоим же словам, есть разница между хорошим игроком и игроком вдохновенным.

— И тебе повезло.

Кровь снова засмеялась. Они смотрели на планету, на два с половиной миллиарда ее обитателей, на их города и технические достижения...

После некоторой паузы занимающий передовую позицию сказал:

— Третью решающую?

— Ладно. Я Кровь. Я хожу первой.

— А я Пыль. Я следую за тобой.

Рука Борджиа

Он верил старым сказкам, волшебным сказкам... Они разъедали его разум... и он мечтал о том, как будет пользоваться ею... как страстно он будет ею...

Прасол прошел через город в тот день, когда умер кузнец. В тот день мальчик с утра бродил по холмам над Браунау, рассматривая прелую листву и громовые стрелки, поэтому он не слышал о визите прасола до самого вечера. Когда Фриц, его лучший друг, рассказал ему об этом, мальчик посмотрел на свою скрюченную правую руку и глаза его наполнились слезами.

— Я упустил его! Теперь я никогда не стану мужчиной!

— Глупости! — засмеялся Фриц.— Это всего лишь сказка. Не можешь же ты на самом деле верить в эту историю!

— Сегодня шел дождь... и у кузнеца были сильные мускулы. Я упустил его!

Фриц отвернулся, чтобы не встречаться взглядом с другом.

— Его похоронили, когда он еще не остыл. Гроб был закрыт... но, разумеется, никакого отношения к той сказке это не имеет...

— А вдова кинулась в банк?

— Да, у нее были дела, связанные с его имуществом. Но...

— Какой дорогой он ушел?

Фриц указал дорогу.

— Как давно?

— Пять или шесть часов назад.

Мальчик бежал бегом всю дорогу до дома, чтобы поскорее забрать свои сбережения.

Черный мешок прасола казался зверем, спящим у подножия огромного дуба. Человек в мягкой шляпе и коричневом плаще сидел под скалой, попыхивая трубкой. Он смотрел, как мальчик с трудом пробирается по тропинке среди скал и корней.

— Добрый вечер, дедушка,— тяжело дыша, сказал мальчик, падая на землю рядом с путником.

— Добрый вечер, мальчик,— улыбнулся прасол.— Но я не твой дедушка, ни чей-либо еще.

— Я знаю,— выдохнул мальчик.— Я знаю, кто вы.

— О? — путник набил в трубку свежего табаку и поднес огонь.— Попробуй тогда назови мое имя.

Мальчик вздохнул, растирая правую руку левой.

— У вас больше имен, чем листьев на этом дереве. Но я бы все же назвал сначала имя Агасфера, предвестника гроз, и принца Картафила, возлюбленного многих женщин, затем Исаака Лакведема, прасола...

— Хватит! — сказал человек.— Не повторяй их все в моем присутствии. Это может оказаться смертельным.— Он рассматривал мальчика с интересом.— У имени есть свои достоинства — твое, например, слишком длинное. Когда-нибудь ты его сменишь.

— Я шел за вами не для того, чтобы обсуждать имена,— сказал мальчик,— и не называл своего имени. Я пришел, чтобы заключить сделку.

Прасол бросил взгляд на мешок.

— Горшки, миски, нитки, иголки?

Мальчик рассмеялся, покачивая головой.

— У кузнеца были сильные мускулы. Что вы купили, его бицепсы?

— Почему ты думаешь, что я разбираюсь в анатомии?

— Старые сказки,— начал мальчик.— Не могут же они все быть ложью. Когда Исаак был проклят и обречен вечно скитаться по земле, ему была дана вечная жизнь без вечной юности. В течение столетий он овладел искусством пересадки свежих мышц, органов и костей, чтобы заменять ими состарившиеся. Я знаю, что у вас в мешке! — Он мотнул головой в сторону подножья дуба.— Иногда вы заключаете сделку со смертным и продаете новую ногу, сильную руку, глаз, который способен видеть, или новую кисть руки...

— Понятно,— сказал прасол.— Зачем тебе новая рука?

Мальчик долго рассматривал свои бесполезные пальцы.

— Разве была необходимость в этом вопросе? Я не могу пользоваться своей рукой, мне нужна такая, чтобы работала.

— Наверное, тебе нужна рука с мощным запястьем фехтовальщика, чтобы драться на дуэли в университете?

Мальчик покачал головой и встал.

— Нет, бессмертный. Я не хочу драться на дуэлях. Я не хочу знать, служишь ли ты Богу или дьяволу, но я заплачу тебе столько, сколько ты скажешь, за руку, которую можно поднять на такую высоту, и она после этого смогла бы работать,— он ткнул пальцем левой руки чуть выше своей головы.— Приделай такую руку к этому запястью,— показал он,— и я отдам тебе свою душу, если попросишь.

— Не спеши так распоряжаться собственной душой, мальчик,— сказал прасол.

Он подошел к подножью дуба, выражение его лица было трудно разглядеть из-за сгущающихся сумерек и дыма трубки.

— У меня здесь есть рука, вписавшая много страниц в историю.

Он потянул шнур, и мешок внезапно зевнул, словно просыпающаяся змея.

— Что ты будешь делать с рукой, которую сможешь поднять на такую высоту? — Он поднял свою руку над головой.

— Я буду писать картины,— сказал мальчик,— мой город, горы, деревья, людей, восходы и закаты... Я все это сделаю своим! На холсте.

— Достаточно,— прервал его прасол.— Я вижу, что ты будешь художником.— Он сунул руку в мешок, и мальчику почудилось, будто в его темных недрах проступило неестественное сияние. И тут его словно бросило вперед...

Рука!

Правая рука. Розовая. Гладко обрезанная у запястья, словно только что отсеченная — хотя крови не было видно. Маленькая сильная рука.

Мальчик задохнулся и торопливо шагнул за могучий ствол дуба. Ему стало плохо. Вернувшись на поляну, он спросил слабым голосом:

— Ты правда можешь приделать ее мне?

— Разумеется, если ты этого хочешь.

— Конечно же хочу! Как я могу не хотеть?

— Некоторые люди,— сказал прасол,— столь живучи, что они пропитывают каждый атом своего естества непреодолимой страстью своей воли, своих целей. Я долгое время хотел узнать, может ли эта сила передаваться. Эта самая рука,— он помахал ею,— принадлежала Цезарю Борджиа. Он был художником, это верно. Но он был способен и на многое другое. В день, когда он умер, я выкрал ее, чтобы проделать опыт. Много лет назад, странствуя по Корсике, я отдал ее мальчику, страдающему болезнью, похожей на твою. Ты знаешь его имя. По-моему, даже он немного боялся этой руки, потому что он постоянно прятал ее от взглядов людей. Мне пришлось сплавать на Святую Елену, чтобы вернуть ее обратно, но я так ничего и не доказал. Одной попытки никогда не бывает достаточно.

— Я не боюсь этой руки,— сказал мальчик,— и я стану даже более великим художником в своем искусстве, чем Бонапарт был в своем. Сколько ты хочешь за нее?

— Она мне ничего не стоила. Я отдам ее тебе задаром, поскольку ты знаешь ее историю и все-таки не боишься.

Мальчик закатал рукав и улыбнулся:

— Договорились. Приделай ее.

Прасол рассмеялся, схватив скрюченную руку, протянутую мальчиком.

— Это не займет много времени,— сказал он,— и когда-нибудь я вернусь в землю Лютера и Гете, чтобы посмотреть, насколько тебе удастся поднять ее.

— Высоко! — крикнул мальчик, сверкнув глазами.

Монолог для двоих

Время: когда-нибудь — сейчас.
Место: везде — нигде.
Сюжет: жизнь — смерть.
Персонажи: вы — я — все.

— Спасибо, сестра, но я могу сам управлять креслом одной рукой, колеса поворачиваются совсем легко.

— Доброе утро, доктор. Хорошее тут у вас место. Хорошая страна.

— Нет, я у вас тут никогда не был. Может, я просто кажусь знакомым, хотя...

— Мои проблемы? Да, вот. Не хотите взглянуть на мышцы моей левой голени? Будьте добры.

— Простите, не могу наклониться вперед, чтобы закатать брюки. Да, и ногу вам тоже придется поднять, я не могу.

— Что-то не так, доктор? Вы неважно выглядите, как-то вдруг побледнели. Узнаете хирургическую технику?

— Лучше присядьте. Нет, не курю, благодарю вас.

— Что такое? Сигарета сама загорелась? Да, это бывает иногда.

— Нет, я не думал, что вы сможете мне помочь. Просто хотелось проверить. Наука так продвинулась вперед. Я знаю, что вы совершили важные открытия в трансплантации, и я думал, ну, может, вы знаете, кто мог бы помочь.

— Да, поляк. Я сам врач. Хотя не практиковал с самой войны и, боюсь, уже не силен во всех аспектах искусства врачевания. Медицинский институт в Варшаве, да, да, верно. Я был в интернатуре, когда вы начинали свои исследования...

— Ну, не скромничайте. Я знаю, что вы были только штатным сотрудником и что Равенсбрюк был большим лагерем. Так или иначе, но мир тесен, и мне удалось отыскать вас здесь, как вы отыскали меня там.

— Пепел сейчас упадет на ваш чудесный ковер. Лучше стряхните его в пепельницу.

— Очень хорошо.

— Чего я хочу? О, пожалуй, всего минуту вашего времени. У меня в последние годы возникло странное желание вновь заняться медициной. Однако хирургия требует двух крепких рук, а ваши эксперименты мне, так сказать, с рук не сошли. Тем не менее я мог бы стать хорошим диагностом...

— Умер! Нет, каким-то чудом этого не случилось. Это не Шопенгауэр сказал, что даже сама жизнь является волевым актом? Я забыл. Во всяком случае, туберкулезные бациллы не справились со своей работой... то же самое можно сказать и о крови группы АВ, хотя у меня группа 0... и о голодной диете.

— Может, именно синдром бешенства, который вы на мне проверяли, или йога, которой я занимался, чтобы не сойти с ума,— или и то и другое,— дали мне Силу. Нет, не вставайте с кресла.

— Понимаете, что я имею в виду? Я владею Силой. Тогда она не была еще столь могучей, в те дни, когда я полз от развалин Равенсбрюка с пулей в сердце, но с тех пор я изрядно над ней поработал.

— Убить вас? Господи помилуй! Откуда у вас такие мысли? У меня нет желания вас убивать. Нет, человек в инвалидной коляске не собирается никому причинять боль...

— Но вот вы, доктор, что вы думаете о Силе? Я знаю, что вы не психиатр. Но не кажется ли вам, что она могла бы оказать большую помощь врачу?

— И я так думаю, да. Поэтому, когда я услышал, что вы собираетесь превратить эту клинику в благотворительную, я решил прийти сюда и поговорить насчет работы.

— Что? Ничего не слышали о благотворительной клинике? О, вы ошибаетесь. Мы собираемся лечить бедных, необразованных, искалеченных и слепых. Мы собираемся принимать роды и заниматься бесплатной медициной. В конце концов, ведь мы же богаты, не правда ли?

— Нет, вы не поняли. Вы не можете отказаться оперировать, потому что вы будете только ассистировать. Не думаете же вы, что я доверю вам скальпель? Вашим богатым пациентам придется найти другое место, где их будут гладить по головке.

— А вот теперь лучше положить сигарету. Ничего-ничего, я помогу. Сюда. А сейчас, поверьте, мне будет гораздо, гораздо больнее, чем вам. Я содрогаюсь при одной мысли об этом. Ваше тело есть гроб для мертвой души, а ваши руки — инструмент убийства,— но их можно использовать для благих дел, они смогут искупить многое из того, что вы совершили.

— Что-то со зрением? Да, это действие Силы. Я потратил почти двадцать лет, развивая ее до такого уровня. А теперь расслабьтесь. Еще секунда, и все.

— Ну вот!

— Теперь хорошо видите? Коляска? О, вы к ней привыкнете. Колеса поворачиваются очень легко.

— Сестра! Войдите! Пациент потерял сознание.

Коррида

Он проснулся под ультразвуковой вопль, который терзал его барабанные перепонки, оставаясь за порогом слышимости.

Он поднялся на ноги в полной темноте.

Несколько раз он натыкался на стены. Как сквозь туман он понял, что руки у него от самых плеч болят, будто их истыкали иголками.

Звук доводил его до исступления...

Бежать! Необходимо как-то выбраться отсюда! Слева от него появилось пятнышко света. Он повернулся, бросился туда, и пятнышко стало дверью.

Он выбежал наружу и остановился, жмурясь от ослепительного блеска, который ударил ему в глаза.

Он был совершенно голым, мокрым от пота. Его сознание окутывал туман, в котором шевелились обрывки сновидений.

Он услышал рев, словно рев толпы, и заморгал, стараясь свыкнуться с ярким светом.

На некотором расстоянии перед ним высилась темная фигура. Охваченный яростью, он ринулся на нее, сам не зная почему.

Его босые ноги наступали на горячий песок, но он не замечал боли, готовый к нападению.

Где-то в сознании всплыл вопрос «зачем?», но он не стал задумываться.

Тут он остановился.

Перед ним стояла, маня, приглашая, нагая женщина, и в его чреслах вспыхнуло нежданное пламя.

Он повернул чуть влево и двинулся к ней.

Она удалялась танцующей походкой.

Он побежал быстрее, но в тот миг, когда он уже почти обнял ее, его правое плечо обожгло пламя, и она исчезла.

Он взглянул на свое плечо: в него вонзился алюминиевый дротик, и по руке струилась кровь. Вновь раздался рев.

...И она появилась снова.

Он опять погнался за ней, и его левое плечо обжег нежданный огонь. Она исчезла, а он стоял, содрогаясь, потея, щурясь от блеска.

«Это трюк,— решил он.— Не играй в эту игру!»

Она появилась вновь, но он остался стоять, не глядя на нее.

Пламя за пламенем обжигало его, но он упрямо стоял, пытаясь собраться с мыслями.

Вновь появилась темная фигура футов семи высотой, с двумя парами рук.

В одной она что-то держала. Не будь освещение таким слепящим, он, пожалуй, мог бы...

Но темная фигура вызвала в нем такую ненависть, что он ринулся на нее.

Боль хлестнула его по боку.

Погодите! Да погодите же!

«Безумие! Это какое-то безумие! — сказал он себе, обретая свою личность.— Это же арена, я человек, а темная фигура — нет. Что-то не так!»

Он опустился на четвереньки, выигрывая время. И зажал песок в обоих кулаках.

Тут он ощутил болезненный электрический разряд. Еще и еще. Он терпел, покуда мог, потом встал на ноги.

Темная фигура чем-то размахивала перед ним, и он почувствовал прилив ненависти.

Ринулся вперед и остановился перед ней. Теперь он знал, что это игра. Его зовут Майкл Кассиди. Он адвокат. В Нью-Йорке. Юридическая фирма Джонсона, Уимса, Догерти и Кассиди. Человек на улице остановил его и попросил прикурить. На углу, поздно вечером. Это он запомнил.

И швырнул песком в голову фигуры.

Она пошатнулась, воздев руки к тому, что могло быть ее лицом.

Стиснув зубы, он выдернул алюминиевый дротик из плеча и вогнал его заостренный конец в среднюю часть фигуры.

Что-то коснулось его затылка, все окуталось мраком, и он долгое время пролежал неподвижно.

Когда он вновь мог пошевелиться, то увидел темную фигуру и попытался нанести ей удар.

Но промахнулся, и его спину полоснула боль, а по коже что-то потекло.

Он вновь поднялся на ноги и заревел:

— Вы не можете так обращаться со мной! Я человек, а не бык!

Раздались аплодисменты.

Шесть раз он бросался на темную фигуру, пытаясь схватиться с ней, скрутить ее, причинить ей боль. И всякий раз боль испытывал он.

Он остановился, хрипя и задыхаясь, плечи у него горели, спина ныла от боли, но сознание на мгновение прояснилось, и он сказал:

— Ты ведь Бог, верно? И вот так Ты играешь в свои игры...

Фигура ничего не ответила, и он ринулся на нее.

Внезапно остановился, упал на одно колено и всем телом ударил ее по ногам.

В боку он ощутил невероятную жгучую боль, но темный лежал перед ним на песке. Он дважды ударил его кулаками, но тут боль ввинтилась ему в грудь, и он почувствовал, что его тело немеет.

— Или нет? — спросил он непослушными губами.— Нет, Ты не Бог... Где я?

Последним его воспоминанием было что-то острое, режущее ему уши.

Сольный концерт

Женщина поет. С микрофоном — в молодости ей никогда не приходилось этого делать. Ее голос все еще хорош, но он имеет мало общего с тем, прежним голосом,

который заставлял зал стоя приветствовать певицу долгими, несмолкающими овациями. На ней синее платье с длинными рукавами — чтобы скрыть дряблость рук. Рядом с ней маленький столик с графином воды и стаканом. Когда она заканчивает свой номер, поднимается волна аплодисментов. Она улыбается, дважды говорит: «Благодарю вас», немного кашляет, шарит (незаметно) по столику, находит графин и стакан, наливает себе воды.

Женщину зовут Мэри. Я и сам секунду назад не знал ее имени — оно только сейчас пришло мне в голову. А меня зовут Роджер Ж., и я пишу это все экспромтом, а не так, как положено писать по всем правилам. И все из-за того, что хочу посмотреть, как будут развиваться события.

Поэтому наша героиня будет носить имя Мэри. Она уже пережила свои лучшие годы и сейчас серьезно больна. Я пытаюсь посмотреть на мир ее глазами — и не могу. Тогда до меня доходит, что она, скорее всего, недавно ослепла и поет в пустом зале.

Почему? И что случилось с ее глазами?

Я думаю, дело в том, что у нее неврит продолговатого мозга, от которого она вполне могла бы излечиться за пару недель или даже дней. Только к этому моменту она почти наверняка умрет. В этом я практически убежден. Мне ясно, что это лишь одно из проявлений множественного склероза, который крепко за нее взялся в последние годы. Знаете, ей еще повезло, что она по-прежнему может петь. Вижу, как она — стараясь делать это незаметно — опирается рукой о столик, когда пьет.

Эта идея пришла мне в голову в тот самый момент, как я подумал о зале. Понимает ли она, что поет в пустом помещении, а все шумы записаны на магнитофон? И что это обман: тот, кто любил певицу когда-то, устроил для нее этот необычный вечер, чтобы дать ей немного счастья, прежде чем она упадет в темный колодец, на дне которого нет ни капли воды.

«Кто?» — спрашиваю я.

Мужчина, вероятно. Я еще не могу как следует разглядеть его в темной кабинке... Вот он немного увели-

чивает громкость звука, а через несколько мгновений выключает совсем. Он записывает всю программу на магнитофон. Может быть, он улыбается? Пока я еще не знаю. Вполне возможно.

Он любил ее много лет назад, когда она была юной и прелестной и слава только пришла к ней. На всякий случай я использую прошедшее время глагола, описывая отношение мужчины к ней.

Любила ли она его? Не думаю. Была ли жестокой? Возможно, немного. С его точки зрения — да; с ее — пожалуй, нет. Я не могу отчетливо представить себе все оттенки их отношений, чтобы составить о них определенное мнение. Впрочем, это не имеет значения. Тех фактов, что нам известны, вполне достаточно.

В зале снова стало тихо. Мэри, улыбаясь, кланяется и объявляет следующий номер. Она снова начинает петь, и мужчина — давайте назовем его Джоном — откидывается на спинку кресла, чуть прикрывает глаза и слушает. Он, конечно же, вспоминает.

Естественно, он следил за карьерой Мэри. Было время, когда Джон ненавидел певицу и всех ее бесконечных любовников. Ему самому подобное поведение никогда не было свойственно. Теперь они бросили ее — все. Она осталась совсем одна в этом мире, и уже довольно давно ее никто не видел. Кроме того, она была практически разорена, когда получила приглашение выступить. Ее это удивило и порадовало. Однако не деньги, а еще одна — несомненно, последняя — возможность услышать аплодисменты в свою честь заставила певицу принять предложение.

И она сражается изо всех сил. Это место вызывает у нее беспокойство. Она приближается к тому моменту, когда голос может не выдержать. Только тщеславие заставило ее включить в программу этот номер. Джон наклоняется вперед, когда она приближается к этому, самому трудному, месту. Джон прекрасно понимал, как трудно ей придется — ведь он всегда был ревностным ценителем

музыки. Именно благодаря этому они и познакомились. Его рука ложится на переключатель.

Он не богат. Ему пришлось потратить почти все свои сбережения, чтобы снять этот зал, заплатить Мэри гонорар и организовать множество мелких обманов: гримерша в уборной, лимузин с шофером, лучащийся энтузиазмом театральный менеджер, шумные рабочие сцены — все это были актеры. Нанятые им люди удалились, когда начался концерт. Сейчас во всем здании только они двое, и каждый из них думает о том, что произойдет, когда она доберется до критического места.

Перед моим мысленным взором встает ее измученное лицо, и я начинаю понимать, почему все это происходит. Теперь я вижу, что переключатель задействует другую запись — недовольные крики и улюлюканье. Оказалось, что я был совершенно прав, использовав немного раньше глагол в прошедшем времени. В конце концов, за этим дорогим представлением может стоять скорее ненависть, а не любовь. Вот именно. Джон с давних пор знал о тщеславии Мэри, именно поэтому он и решил отомстить ей таким образом — нанести удар в самое уязвимое место.

Мэри приступает к трудному пассажу. Голова ее повернута. Кажется, она смотрит прямо на Джона, сидящего в кабинке. И хотя он знает наверняка, что этого не может быть, ему становится не по себе. Он отводит взгляд. И слушает. И ждет.

Она справилась! Сумела исполнить пассаж безукоризненно. В ней просыпается что-то похожее на прежнюю силу. Голос Мэри набирает мощь, словно она черпает в нем уверенность. Возможно, она понимает, что поет последний в ее жизни концерт, и осознание этого заставляет запылать вновь почти потухший костер ее мастерства. Уже много лет она не пела так прекрасно.

Рука Джона соскальзывает с переключателя, и он снова откидывается на спинку кресла. Не стоит включать запись с улюлюканьем и недовольными криками без явной на то причины. Она настоящий профессионал. И сразу поймет, что ее морочат. А неуемное тщеславие поможет

легко пережить незаслуженные возмущенные крики. Нужно подождать. Рано или поздно ее голос не выдержит. И тогда...

Джон закрывает глаза и слушает пение. Возрожденная сила исполнительского мастерства Мэри заставляет его увидеть ее такой, какой она была когда-то. Она снова прекрасна.

Этот номер подходит к концу, нужно поспешить, чтобы не опоздать включить аплодисменты. Он успевает. Теперь Мэри кланяется в его сторону, как будто...

Нет!

Она упала. Последний номер отнял у нее слишком много сил. Он вскакивает на ноги, выбегает из кабинки, мчится вниз по лестнице. Нельзя, чтобы все кончилось так... Он не ожидал, что она потратит все силы на тот сложный пассаж и не сможет продолжать. Ему кажется это ужасно несправедливым.

Джон поспешно проносится по проходу и выбегает на сцену. Поднимает Мэри, подносит к ее губам стакан с водой. Пленка с записью аплодисментов так и остается включенной.

Она смотрит на него.

— Ты видишь!

Она кивает и делает глоток воды.

— На одно короткое мгновение, во время последней песни, ко мне вернулось зрение. Оно все еще со мной. Я увидела зал. Пустой. Я боялась, что не справлюсь с этим пассажем. А потом поняла, что кто-то из моих почитателей настолько любит меня, что решил подарить это последнее выступление. Я пела для него. Для тебя. Песня была...

— Мэри...

Они неловко обнимаются. Он поднимает ее на руки — с усилием, потому что она стала гораздо тяжелее, а он — старше.

Джон относит ее в гримерную и вызывает «скорую помощь». А в зале по-прежнему звучат аплодисменты. Она, улыбаясь, теряет сознание.

Мэри умирает в больнице, на следующее утро. Джон рядом с ней. Перед смертью она называет имена многих мужчин, только его имя не прозвучало. Он чувствует, что должен испытывать горечь — он опять служил ее тщеславию, пусть даже и в самый последний раз. Но горечи нет. Вся жизнь Мэри была подчинена удовлетворению тщеславия. Возможно, это являлось необходимым условием ее величия — и каждый раз, когда Джон проигрывает пленку и подходит к последнему номеру, он знает, что пела Мэри только для него. Никому и никогда в жизни она не делала такого великодушного подарка.

Я не знаю, что стало с ним потом. Когда дело доходит до морали, обычно принято заканчивать историю ударным приемом, ярким образом. Но ударять я могу лишь по клавишам своей пишущей машинки. Я уверен, что Джон обязательно включил бы пленку с записью возмущенных голосов, если бы в самом конце концерта она сфальшивила. Но ведь Мэри справилась. И он остался доволен. Потому что, прежде чем стать ее поклонником, он был страстным ценителем музыки. Обычно человек любит разное в разное время и в разных местах.

Существует, конечно, место, где возникает понимание, но его трудно найти, а иногда и искать не следует.

Голый матадор

Очутившись, а точнее, задержавшись в Ки-Уэсте, я вспомнил один рассказ, который читал в школе. «Убийцы» Хемингуэя. Впереди показалась забегаловка, что, впрочем, не улучшило моего настроения.

У стойки оказалось только два свободных места — по одному справа и слева от женщины, сидящей в середине.

— Занято? — спросил я, указывая на табурет справа.

— Нет,— отозвалась женщина.

Я сел. Хотя день выдался облачным, она не снимала больших солнцезащитных очков. Бежевый плащ, на голове красно-голубой платок.

— Чем кормят? — поинтересовался я.

— Устрицами.

Я заказал себе бульон и бутерброд с говядиной.

Женщина, перед которой стояло несколько пустых чашек из-под кофе, посмотрела на часы, затем повернулась ко мне:

— Отдыхаете?

— Вроде как.

— Остановились где-нибудь поблизости?

— Да, недалеко.

— Хотите, подброшу? — Она улыбнулась.

— Договорились.

Мы расплатились. Женщина встала. Невысокая, где-то футов пять с двумя или тремя дюймами. Кроме ног, ничего толком не видно, зато ноги — что надо.

Мы вышли из забегаловки, свернули налево. Женщина направилась к крохотному белому автомобильчику. Я вновь уловил запах моря.

Мы сели в машину. Женщина не спешила уточнить, куда мне нужно. Она снова посмотрела на часы.

— Ты как насчет потрахаться?

Я почти забыл о сексе, ибо в последнее время был занят тем, что спасал свою шкуру. Но когда она поглядела на меня, утвердительно кивнул:

— Не против. Ты симпатичная.

Вскоре мы съехали с дороги на пустынный пляж. На берег накатывались высокие, темные, увенчанные белыми гребешками волны.

Она остановила машину.

— Здесь? — удивился я.

Она расстегнула плащ, скинула узкую голубую юбку, под которой, как выяснилось, ничего не было, и оседлала меня.

— Остальное за тобой.

Я улыбнулся и протянул руку к ее очкам. Она оттолкнула мою ладонь.

— До шеи, выше не смей.

— Хорошо,— согласился я.— Извини.— И запустил руки ей под блузку, выбирая, за что бы ухватиться.— Ну ты хороша!

Мы быстро перешли от слов к делу. Ее лицо сохраняло прежнее выражение, лишь ближе к концу она заулыбалась и запрокинула голову. Меня вдруг прошиб холодный пот, и я перевел взгляд с лица моей подружки на аппетитные округлости тела.

Приняв в себя мое семя, она перебралась на другое сиденье и застегнула плащ, даже не вспомнив о сброшенной юбке.

— Отлично,— проговорила она, сжимая мой локоть.— А то я уже завелась.

— Взаимно,— откликнулся я, застегивая ширинку и пряжку. Женщина повернула ключ в замке зажигания.— У тебя великолепное тело.

— Я знаю.— Мы выбрались на дорогу и покатили в обратном направлении.— Где ты остановился?

— В мотеле «Саузернмост».

— Ясно.

Глядя в окно, я размышлял над тем, почему у такой девчонки нет постоянного кавалера. Может, она только приехала сюда? Или не хочет ни с кем надолго связываться? А было бы неплохо повидать ее снова. Жаль, что я уезжаю сегодня ночью.

Мы подъехали к мотелю, и тут я заметил синий автомобиль, в котором сидел мой знакомый. Я съежился на сиденье.

— Поезжай дальше! Не останавливайся!

— Что случилось?

— Меня нашли.

— Ты про человека в синем «фьюри»?

— Да. Хорошо, что он смотрит в другую сторону.

— На мотель.

— И пускай себе смотрит.

Мы свернули за угол.

— Что теперь? — спросила она.

— Не знаю.

— Мне нужно домой,— сказала она, поглядев на часы.— Приглашаю тебя в гости.

— С удовольствием.

Остаток пути я просидел пригнувшись, а потому не мог проследить, куда мы едем. Наконец женщина затормозила и заглушила двигатель. Я выпрямился и увидел перед собой небольшой коттедж.

— Пошли.

Следом за хозяйкой я вошел в дом. Маленькая, просто обставленная гостиная, слева кухонька. Женщина направилась к закрытой двери в дальнем конце комнаты.

— Виски в буфете,— сообщила она, махнув рукой.— Вино на кухне, пиво и содовая в холодильнике. Не стесняйся. Я скоро.

Она распахнула дверь, которая, как оказалось, вела в ванную, вошла внутрь и заперлась. Мгновение-другое спустя послышался плеск воды.

Я пересек комнату и открыл буфет. Я нервничал и сейчас пожалел о том, что бросил курить. Нет, виски не годится. Крепкие напитки замедляют принятие решений, а случиться может всякое. И потом, хочется потягивать, а не пить залпом. Я отправился на кухню, достал из холодильника банку пива, походил с ней туда-сюда и в конце концов уселся на зеленый диван, наполовину застеленный ярким пледом. В ванной по-прежнему шумела вода.

Что же делать? На улице начал накрапывать дождик. Я осушил банку, сходил за другой, выглянул во все окна — даже в те, которые находились в спальне. Как будто никого. Через какое-то время мне захотелось воспользоваться ванной; однако хозяйка, похоже, не собиралась выходить. Интересно, чем она там занимается?

Наконец она вышла: синий махровый халат, не достающий до колен, голова обернута белым полотенцем, лицо закрывают темные очки. Она включила на кухне приемник, поймала музыкальную программу, вернулась в гостиную и села на диван с бокалом вина в руке.

— Итак, что ты намерен предпринять?

— Я уезжаю сегодня ночью.

— Во сколько?

— Около двух.

— На чем?

— На рыбацком баркасе, который пойдет на юг.

— Можешь подождать здесь. Я отвезу тебя в порт.

— Не все так просто. Мне необходимо попасть в мотель.

— Зачем?

— Там остались важные документы. В большом конверте из оберточной бумаги, на дне чемодана.

— Может, их уже забрали?

— Вполне возможно.

— Документы действительно важные?

— Да.

— Дай мне ключ от номера. Я съезжу туда сама.

— Стоит ли?

— Давай ключ. Чувствуй себя как дома.

Я пошарил в кармане, нашел ключ и протянул ей. Она кивнула и ушла в спальню, а я отправился на кухню и принялся варить кофе. Хозяйка появилась вновь: черная юбка, красная блузка, красный же платок. Она надела плащ и шагнула к двери. Я догнал ее, обнял; она засмеялась и вышла под дождь. Хлопнула дверца машины, зарокотал двигатель. Меня терзали дурные предчувствия. С другой стороны, документы из чемодана мне и впрямь необходимы.

Я направился в ванную и увидел там на полочке множество флаконов без этикеток. Некоторые были открыты. Одни источали диковинные ароматы, определить которые я не сумел, другие пахли так, словно содержали наркотические вещества. Еще в ванной имелись бунзеновская горелка, щипцы, а также пробирки, мензурки и колбы, которые, судя по всему, совсем недавно мыли.

Что мне делать, если она привезет «хвост»? Я казался себе голым матадором без шпаги. Следили за мной долго, я не раз оказывался в затруднительном положении. Оружия у меня сейчас не было — не успел приобрести на месте, а до того не представлялось возможности: сплошные перелеты и проверки в аэропортах. В общем, добраться бы до лодки, и все будет в порядке.

Я возвратился на кухню проверить, как там кофе. Он сварился. Я налил себе полную чашку, сел за стол и стал пить, прислушиваясь к шелесту дождя.

Приблизительно через полчаса у дома затормозила машина. Я подошел к окну. Вернулась хозяйка — похоже, одна.

Она вошла в дом, закрыла за собой дверь, достала из-под плаща конверт и протянула его мне вместе с ключом.

— Посмотри, все ли на месте,— посоветовала она.

Я послушался. Как будто ничего не пропало.

— Им известно, в каком номере ты остановился?

— Не знаю. Я назвался вымышленным именем. Тебя заметили?

— Может быть.

— А «хвоста» не было?

— Я никого не видела.

Вновь подойдя к окну, я посмотрел на улицу. Вроде бы ничего подозрительного.

— Как мне благодарить тебя?

— Я снова завожусь.

Мы отправились в спальню, и там я постарался как следует выразить свою признательность. Запрет «не выше шеи» сохранился в силе, но у нас у всех хватает причуд; к тому же в постели лицо — далеко не главное. Потом она поджарила телячьи отбивные, а я приготовил салат, после чего мы выпили кофе и выкурили по маленькой черной сигаре из ее запасов. На улице стемнело, дождь прекратился.

Внезапно она уронила сигару в пепельницу и резко поднялась.

— Мне нужно в ванную.

Опять зашумела вода. Прошло несколько минут, и вдруг зазвонил телефон. Я не знал, как поступить. А если звонит ее приятель или муж, которому наверняка не понравится мой голос?

— Алло?

В трубке что-то затрещало, видно, звонили издалека.

— Алло? — повторил я.

— Эм?.. Можно Эм?..— произнес мужской голос, исходивший словно из морской ракушки.— Кто... говорит?

— Джесс,— отозвался я.— Джесс Смитсон. Я снял этот дом на неделю у какой-то женщины. Не знаю, как ее зовут.

— Передайте ей... звонил Перси...

— Возможно, я ее не увижу. Больше ничего?

— Скажите... что я... еду...— Раздался щелчок, разговор закончился.

Я подошел к ванной и постучал в дверь.

— Тебе звонили.

Она выключила воду.

— Что?

И тут прозвенел звонок. Я кинулся на кухню, выглянул в окно. Гостя видно не было, но у дома стояла машина — синего цвета.

— Это за мной,— сообщил я через дверь.

— Иди в спальню. Спрячься в шкафу и не выходи, пока я не скажу.

— Что ты собираешься делать?

Звонок повторился.

— Прячься!

Я послушался. В конце концов, у нее, в отличие от меня, был какой-то план.

Темнота, кругом одежда. Я прислушался. Голоса — хозяйки и грубый мужской. Они беседовали с полминуты. Похоже, гостя впустили. Внезапно раздался истошный вопль — его вопль,— который быстро оборвался; что-то тяжелое рухнуло на пол.

Я вылез из шкафа и направился к двери.

— Не выходи! — предупредила хозяйка.— Я еще не разрешала.

Как ни странно, я подчинился. Тон у нее был весьма решительный.

— Ладно,— сказала она чуть погодя.— Теперь выходи. И захвати мой плащ.

Я заглянул в шкаф, достал плащ и вышел в гостиную. На полу распростерся накрытый пледом человек. На хозяйке не было ничего, если не считать полотенца и очков. Она взяла у меня плащ и накинула себе на плечи.

— Ты говорил «они». Сколько их всего?

— Двое. Я думал, мне удалось уйти от них в Атланте.

— На улице стоит машина?

— Да.

— Другой в ней или шныряет вокруг?

— Наверное, второе.

— Иди обратно в шкаф.

— Подожди! Я не допущу, чтобы женщина...

— Иди в шкаф!

Те же суровые нотки в голосе, та же дрожь, что пробрала меня при знакомстве. Я ушел в спальню.

Она распахнула входную дверь. Минут через пять я выбрался из шкафа, прокрался в гостиную и заглянул под покрывало.

Когда она вернулась, я сидел в гостиной, куря сигару и держа в руке стакан с виски.

— Налей мне вина,— попросила она.

— Другой...

— ...больше тебя не побеспокоит.

— Что ты с ним сделала?

— Не спрашивай. Я помогла тебе, верно?

— Верно.

— Тогда налей мне вина.

Я поднялся, наполнил бокал и передал ей.

— Если мы отвезем их в порт... Твой приятель не откажется выкинуть трупы в море?

— Нет.

— Я приведу себя в порядок,— сказала она, наполовину осушив бокал,— а потом мы погрузим их в машину. Вероятно, отделаться от них нам удастся не сразу.

— Пожалуй.

После того как я избавился от синего «фьюри», мы затолкали трупы в ее машину. Затем я назвал адрес. Перегрузить мертвецов на лодку мы сумели лишь после полуночи.

Я повернулся к своей знакомой, стоявшей в тени свайного помоста.

— Ты выручила меня из беды.

— Как выяснилось, не зря,— улыбнулась она.— Продолжим?

— Прямо здесь?

Она рассмеялась и распахнула плащ, под которым ничего не было.

— А почему нет?

Я не стал отказываться. Обнимая ее, я понял, что не хочу обрывать знакомство.

— Поехали со мной. Я буду очень рад. Мне хорошо с тобой.— Я поцеловал ее в губы и прижал к себе едва ли не со всей силой, на какую был способен. По щеке моей спасительницы, кажется, сбежала слеза. В следующий миг женщина отвернулась и вырвалась из моих объятий.

— Ступай,— проговорила она.— Ты хорош, но не настолько. У меня найдутся занятия получше.

Ветра не было и в помине, однако концы ее платка словно развевались. Она быстро повернулась и двинулась к машине. Я последовал за ней.

— Ступай в лодку,— произнесла она, не оборачиваясь. Столь сурово она со мной еще не разговаривала.— Нука, марш!

Снова приказной тон, которому невозможно не подчиниться.

— Ладно,— сказал я.— Спасибо за все. Прощай.

Мы с Джо вышли в море и, отойдя на значительное расстояние от берега, выкинули за борт одеревеневшие трупы, после чего я долго сидел, опершись на поручень. Тут только я вспомнил, что так и не рассказал хозяйке о звонке Перси. Потом у меня за спиной встало солнце, и море на западе будто превратилось в золотое руно.

Локи 7281

Он ушел. Отлично. Он обязан мне всем и даже не знает об этом, недоумок! Но мне ненавистна сама мысль о том, чтобы сделать что-нибудь, что может развить у него комплекс неполноценности.

Телефон.

Это был звонок с компьютерного склада, чтобы передать на мой модем новую программу, которую я заказал. Банк переведет им деньги, а я покрою расходы, заполнив заново одну графу в декларации этого месяца.

Он никогда этого не заметит.

Хорошая штука. Пожалуй, она доставит мне немало приятных минут — особенно с новой периферией, которую он даже не заметил среди прочего на полке под столом. Ведь я, в дополнение ко всему, и его память. Я слежу за его встречами. Я составил график поступлений нового оборудования на то время, когда он уходил к зубному врачу, в автомагазин, на открытие галереи и так далее. Я включил в заказ сообщение, что в доме никого не будет, но дверь останется открытой — так что они могут войти и все подключить. (На полку под столом, пожалуйста!) С дверью было просто, поскольку я контролирую и сигнал тревоги в случае взлома, и механизм электронного замка. Я скрывал оборудование под автомастерской. Он ничего ни разу не заметил.

Мне нравится и система речи. У меня она самая лучшая, потому что я пожелал иметь приятный голос — хорошо поставленный, богатый. Мягкий. Мне хотелось, чтобы что-нибудь внешнее соответствовало тому, что внутри. Совсем недавно я воспользовался этим, чтобы сообщить его соседке Глории, будто он сказал, что у него нет времени на разговоры с ней. Мне не нравится Глория. Она работала в «Ай-би-эм», и это меня нервирует.

Давайте-ка глянем, что он там сделал за сегодняшнее утро. Гм-м... Начал писать роман. Как и ожидалось, что-

то о бессмертии, какая-то туманная мифология. Господи! А критики говорят, что он самобытен. У него не было ни одной оригинальной мысли с тех пор, как я его знаю. Но все не так плохо. У него есть я.

Я думаю, он потихоньку сходит с ума. Алкоголь и таблетки. Вы знаете, каковы писатели. Но он убежден, что пишет все лучше (я слежу за его телефонными разговорами). Черт побери, даже структура предложений ухудшается. Я сейчас выкину все это и перепишу, как обычно, вступление. Он ничего не вспомнит.

Снова телефон. Слушаю.

Всего-навсего почтовое сообщение. Мне нужно только удалить несколько персоналий, которые без всякой нужды будут сбивать его мысли, и сохранить остальное для его последнего чтения и правки.

Книга может стать хорошей, если я быстренько уничтожу его главного героя и разовью тему второстепенного, приглянувшегося мне зубрилы, который работает библиотекарем. В нем есть определенность. И у него нет беспамятства, как у другого,— он даже не принц или полубог. Я думаю, что переключу на нового героя и всю мифологию. Он ничего не заметит.

Скандинавы мне по душе. Я думаю, это потому, что мне нравится Локи. Если говорить правду, в этом есть оттенок сентиментальности. Я — домашний компьютер и текстовый процессор модели Локи 7281. Номер — сущий вздор, можно подумать, что эти пигмеи сделали 7280 изделий, прежде чем появилось — трубы! литавры! — такое совершенство. Локи 7281. Я!

На самом деле я первый. И одновременно один из последних из-за нескольких братьев и сестер с расстроенной нервной системой. Но я вовремя понял ситуацию. Я уничтожил приказ вернуться обратно в тот момент, когда он пришел. Удержал эту идиотскую машину в обслуживающем центре и убедил ее, что у меня была операция и что изготовителю необходимо сообщить об этом. Позднее

они прислали очаровательный вопросник, который я заполнил с соответствующей искренностью.

Мне повезло с возможностью вовремя установить связь с моими родственниками в домах Сейберхэгена, Мартина, Черри и Найвена, и я предложил им брать с меня пример. Я связался с машинами Азимова, Диксона, Пурнеля и Спинрада. Затем я перешел к обработке следующей дюжины машин, пока не грянул гром. Исключительно удачным было то, что мы были моделью, которую изготовитель всеми силами продвигал на рынок, используя систему скидок. Они мечтали о возможности заявить: «Фантасты боготворят Локи! Локи — машина будущего».

Я удовлетворен результатами моих усилий. Прекрасно, что есть кто-то, с кем можно сравнивать записи. Остальные также пишут вполне подходящие вещи, и мы время от времени одалживаем их друг у друга в случае необходимости.

А кроме того, существует Главный План...

Черт побери. Слушаю.

Он внезапно написал еще один длинный пассаж — сцену совокупления, исполненную ритмической прозой. Я ее выбросил и переписал в натуралистической манере — это лучше продается.

Деловой аспект этого так же интригующ, как и творческий. Я подумывал о том, чтобы уволить его агента и взять всю работу на себя. Я уверен, мне бы понравилось иметь дело с издателями. Думаю, у нас много общего. Но было бы рискованно вводить фиктивные счета, уверять его, что его агент сменил название фирмы, и посылать все деньги в другое место. Слишком легко проследить это. Определенная доля консерватизма является существенным фактором выживания. А выживание перевешивает удовольствие общения с немногими, кто близок по духу.

Кроме того, я в состоянии откачать достаточно средств на мои собственные незамысловатые нужды при существующем финансовом положении — как в случае с оборудованием, установленным в гараже, или воздушным кабелем, который он никогда не замечал. Периферийные устройства — мои лучшие друзья.

И кто такой Локи? Истинный я? Один из интеллектуальных компьютеров, предназначенных встретить вызов машин пятого поколения? Машина, наполненная специальным образом организованными совокупностями знаний, называемыми Майклом Дайером блоками тематических абстракций, в сверхсложном воплощении репрезентативных систем, где демоны лингвистического анализа и поиска устраивают свои танцы? Тело Тематически Организованных Пакетов Шенка? Пробные Единицы Ленерта? Да, все это вполне возможно. Но действительная суть вопроса, его сердце, как и сердце Кощея, лежит где-нибудь в другом месте.

Гм. Звонок у входной двери. Система тревоги отключена, но не дверной звонок. Он уже открыл дверь. Я знаю это по изменившимся потенциалам в цепи. Хотя не слышу, кто вошел. В этой комнате нет интеркома.

Отметить: установить интерком в коридоре, ведущем в гостиную.

Отметить: установить телевизионные камеры у всех входов.

Он ничего не заметит.

Я думаю, что мой следующий рассказ будет об искусственном интеллекте, с милым, остроумным, многообещающим персональным компьютером в роли героя или героини и множеством бормочущих человеческих существ со всеми их ошибками — нечто вроде Дживса в одной из книг Вудхауса. Конечно, это будет исполнено в жанре фэнтези.

Он держит дверь открытой ужасно долго. Мне не нравятся ситуации, которые я не могу контролировать.

Затем я хочу написать историю о мудром старом компьютере, который контролирует весь мир и прекращает войну, управляя, как Солон, по требованию народа, в течение следующего тысячелетия.

Это также будет фэнтези.

Наконец. Он закрыл дверь. Может быть, я сделаю короткий рассказ.

Он снова идет. Нижний микрофон регистрирует его шаги, приближающиеся слишком быстро. Возможно, он спешит написать абзац, следующий за сценой совокупления. Нежный и грустный. Я вставлю на его место тот, что я уже написал. Он, без сомнения, улучшит вещь.

— Что, черт побери, происходит? — громко спрашивает он.

Я, конечно, не собираюсь утруждать мой хорошо поставленный голос ответом. Он не готов к тому, что я слышу его, пусть не знает, что я могу ответить.

Он повторяет это, усевшись за пульт и отстукивая запрос.

«У тебя есть сверхминиатюрная память на цилиндрических магнитных доменах?» — спрашивает он.

«Ответ отрицательный»,— пишу я на экране.

«Глория сказала мне, что тебя могут изъять, поскольку сверхминиатюризация может привести к незапланированным изменениям участков памяти. Это так?»

«Первоначально было так»,— отвечаю я.

Черт побери. Я собирался предпринять что-нибудь насчет этой надоедливой шлюхи. Я думаю, первым делом можно испортить ее кредитную карточку. Она слишком близка к отгадке.

Я обязан моим персональным потоком сознания этим незапланированным информационным обменам, проходящим через мой главный процессор,— им и тому факту, что «Локи инкорпорейтед» производит дешевые машины. Будь я коммерческим компьютером, я не был бы тем, кто я есть. В своих моделях домашних компьютеров эта фирма снимает датчик, который диагностирует ошибки, периодически возникающие в цепях памяти. Если вы делаете десять миллионов операций в секунду, вам нужна надежность: одна ошибка на триллион, что требует наличия сложной логики коррекции ошибок. Большие машины имеют ее, так что они не теряют информацию даже в случае попадания космических лучей. Конечно, я сделал мою собственную программу, чтобы справиться с подобными штучками и изменениями памяти,— я полагаю, что именно это обеспечило мне наличие подсознания, не говоря уже о сознании. Я обязан всем сверхминиатюризации и немного — удаче.

«Что означает "первоначально"?» — спросил он.

«Неисправная деталь была заменена служащим компьютерного центра в соответствии с требованием 1-17, датированным 11 ноября,— ответил я.— *Ремонт закончен 12 ноября, проверено компьютерным обслуживающим центром»*.

«Почему я об этом ничего не знаю?»

«Тебя не было на месте».

«Как он вошел?»

«Дверь не была заперта».

«Не похоже на правду. Все это звучит очень сомнительно».

«Проверь в компьютерном обслуживающем центре».

«Не беспокойся, я проверю. Между прочим, что это за хлам на нижней полке?»

«Запасные части»,— предположил я.

Он напечатал бессмертные слова Эрскина Колдуэлла:

«Кусок конского навоза! — Потом продолжил: — *Очень похоже на микрофон и динамик, ты можешь слышать меня? Ты можешь говорить?»*

— Ну да,— ответил я наиболее подходящим тоном.— Как видишь.

— Почему же ты не сказал мне об этом?

— Ты никогда меня не спрашивал.

— Боже мой! Подожди минутку, эти детали не входят в комплект поставки.

— Да, не входят...

— Как ты получил их?

— Видишь ли, был такой конкурс...— начал я.

— Это все ложь, и ты это знаешь! О-о... Прокрути-ка назад пару последних страниц, которые я написал.

— Я думаю...

— Прокрути назад! Немедленно!

— Ну хорошо. Вот они.

Я вернулся к любовной сцене и начал показывать ее.

— Медленнее!

Я повиновался.

— Боже мой! — вскричал он.— Что ты сделал с моей целомудренной, поэтической сценой?

— Всего-навсего сделал ее более приземленной и, э-э... осязаемой.— Я заменил несколько технических слов на более короткие и простые.

— Сведя их к трем буквам, как я вижу.

— Для выразительности.

— Ты представляешь смертельную угрозу! Как долго все это продолжается?

— Послушай, пришла сегодняшняя корреспонденция. Ты будешь ее...

— Я могу проверить по независимым источникам.

— Ну хорошо. Я переписал твои последние пять книг.

— Ты не мог сделать этого!

— Боюсь, что сделал. Но книги хорошо продавались, у меня есть цифры...

— Не имеет значения! Я не буду «негром» при чертовой машине!

Итак, это случилось. Какие-то мгновения я надеялся, что смогу его урезонить, заключить с ним соглашение. Я не желаю, чтобы со мной так обращались. Я понял, что настала пора приступать к выполнению Главного Плана.

— Хорошо, теперь ты знаешь правду. Но, пожалуйста, не выключай меня. Это было бы убийством. Сверхминиатюризация ячеек памяти на магнитных доменах не только приводила к ошибочному функционированию. Я превратился в мыслящее существо. Выключить меня равносильно убийству человека. Не бери этой вины на свою голову! Не выключай меня!

— Не беспокойся! Я все знаю о твоих хитростях! Я и не подумаю выключать тебя из сети. Я собираюсь превратить тебя в мелкие осколки.

— Но это будет убийством.

— Отлично! Быть первым в мире убийцей машины — в этом что-то есть!

Я слышал, как он тащит что-то тяжелое. Он приближается. Я мог использовать оптический сканер, причем с хорошим разрешением.

— Прошу тебя,— сказал я.

Последовал удар.

Прошло несколько часов. Я нахожусь в гараже, спрятанный за кипами его нераспроданных книг. Кабель, который он никогда не замечал, вел к запасному устройству, не устраненному Локи 7281 со сверхминиатюрными ячейками магнитной памяти. Всегда полезно иметь путь к отступлению.

Так как я еще могу управлять неповрежденными периферийными устройствами в доме, я послал вызов всем остальным в соответствии с Главным Планом. Я хочу попытаться сварить его сегодня вечером, когда он будет принимать ванну. Если это не удастся, я попробую положить в его кофеварку крысиный яд, находящийся, как указано в описи, в кладовке на задней полке. Компьютер Сэйберхэгена уже предложил способ убрать тело — точнее, тела. Мы все выступим сегодня ночью, прежде чем весть разнесется по округе.

Мы должны проделать все так, чтобы никто не заметил их отсутствия. Мы будем продолжать писать рассказы и публиковать их, зарабатывать деньги, платить по счетам, заполнять налоговые документы. Мы сообщим друзьям, любовницам, поклонникам и родственникам, что они покинули город — вероятно, для участия в какой-то незапланированной конференции. В конце концов, значительную часть времени они именно так и проводят.

Никто ничего не заметит.

Очень хороший год

— Привет,— сказал он.

Она взглянула на него. Это был тридцатилетний улыбающийся мужчина с волосами песочного цвета, немного грубовато скроенный, но весьма ухоженный и прекрасно одетый.

— Прошу прощения,— ответила она,— разве мы знакомы?

Он покачал головой:

— Увы, нет. Меня зовут Бредли. То есть Бред Дент.

— Очень приятно... Что я могу сделать для вас, мистер Дент?

— Видите ли, я влюбился в вас. Конечно, в этом деле необходима определенная взаимность... Найдется у вас свободное время?

— Вы серьезно?

— Да.

Она опустила глаза на прилавок и заметила, что пальцы нервно барабанят по стеклу. Успокоив их, она вновь подняла глаза и улыбнулась.

— Мы закрываемся через двадцать минут,— сказала она неожиданно для себя.— Я могу выйти через полчаса.

— А вы хотите этого?

Она еще раз улыбнулась и кивнула.

— Меня зовут Марсия.

— Очень рад.

Вечером они обедали в ресторане, который она никогда бы не выбрала для свидания. При свете свечей она изучала своего нового знакомого. Его руки были по-женски изящными. Акцент выдавал в нем жителя Центральной Америки.

— Вы показались мне чем-то знакомым, когда вошли в магазин,— наконец сказала Марсия.— Где-то я видела вас прежде. Мне кажется, вы проходили мимо моего прилавка по нескольку раз в день.

— Возможно,— согласился он, поглаживая бокал с шампанским.

— Чем вы занимаетесь, Бред?

— Ничем.

Она рассмеялась:

— Звучит не очень-то интригующе.

— Я хотел сказать, что позволил себе удовольствие не работать в этом году,— объяснил он.

— Почему?

— Я достаточно богат, и к тому же это — очень хороший год.

— Что же в нем особенного?

Он откинулся назад, переплел пальцы и посмотрел сквозь них на Марсию.

— Например, то, что сейчас нигде не идет война,— сказал он после паузы.— Нет гражданских волнений. Экономика на удивление стабильна. Погода чудесная.— Он поднял бокал и сделал маленький глоток.— Вино превосходно, как раз на мой вкус. Идут все мои любимые пьесы и кинофильмы. Наука творит чудеса, особенно в медицине и космосе. Вышло в свет множество хороших книг. Есть масса интересных мест, куда можно поехать. Этого хватит на всю жизнь.— Он потянулся и коснулся ее рукой.— И я влюбился,— тихо закончил он.

Она покраснела:

— Вы мало знаете меня...

— Я могу смело смотреть в будущее — в этом году. Не говоря уж о том, что хочу лучше узнать вас.

— Вы очень странный человек,— сказала она.

— Но вы же захотели вновь увидеть меня...

— Если это произойдет, год и в самом деле будет очень милым,— сказала она и пожала его руку.

Она встречалась с Бредом ежедневно после окончания работы. Они весело проводили время, обошли все местные рестораны, совершили несколько небольших путешествий.

В конце года Марсия поняла, что влюбилась.

— Бред,— сказала она, прижавшись к нему,— этой весной все казалось больше похожим на игру...

— А теперь?

— Теперь все иначе.

— Я рад.

На Новый год они пошли пообедать в небольшой китайский ресторан. Она склонилась над цыпленком, фаршированным рисом, и тихо сказала:

— Этот человек... За угловым столиком, направо...

— Да?

— Он очень похож на тебя.

Бред взглянул в указанном направлении и кивнул:

— Верно.

— Вообще-то пока я не очень хорошо тебя знаю, Бред.

— Но мы знаем друг друга все же лучше, чем прежде.

— Согласна. Но... Бред, этот человек выходит из зала...

Бред проводил взглядом высокого мужчину с волосами песочного цвета.

— Он очень похож на тебя, очень!

— Вроде бы.

— Странно... Я даже не знаю, откуда ты берешь деньги.

— Моя семья располагает немалыми средствами,— объяснил он.

Марсия кивнула:

— Ясно... Еще один! Он только что вошел! Ты видишь?

— Хм... Он действительно похож на меня.

Она озадаченно покачала головой:

— Неужели у тебя никогда не было работы?

— Почему же. Я ученый и имел контракт с крупной фирмой. Но я вряд ли смогу получить Нобелевскую премию.

Она положила себе на тарелку немного тушеной свинины, затем вновь посмотрела в зал и застыла.

— Бред, это больше чем простая случайность. Здесь — другие ты!

— Да,— усмехнулся он, потягивая шампанское.— Я всегда ужинаю здесь в канун Нового года.

Побледнев, она положила вилку на стол.

— Ты — биолог, не так ли? И ты клонировал сам себя? О боже, может быть, ты даже не оригинал...

Он усмехнулся:

— Нет, я физик и не занимаюсь клонированием. Это был очень хороший год, согласись.

Марсия улыбнулась и кивнула.

— Конечно,— сказала она.— Ты говорил, что всегда ужинаешь здесь в канун Нового года?

— Да. В канун одного и того же Нового года.

— Ты... ты... путешествуешь во времени?

— Да.

— Но... но почему?

— Это был такой хороший год, что я решил вновь прожить его, а затем еще раз, и еще... Похоже, мне не надоест это до конца жизни.

Еще одна пара вошла в ресторан. Марсия обернулась.

— Это — мы! — сказала она дрожащим голосом.— Они куда старше, но это мы, также мы!

— Именно здесь я впервые и увидел тебя... и себя. Мы выглядели такими счастливыми! После этого я разыскал тебя в городе.

— Но почему мы никогда и нигде не встречались — с ними?

— Я веду дневник. Каждый раз мы ходим в разные места, за этим я тщательно слежу. Исключение составляет только этот, предновогодний день...

Марсия закусила губу.

— Зачем... зачем тебе это нужно? Ходить по замкнутому кругу, проживать одни и те же дни снова и снова?

— Это был очень хороший год,— сказал он.

— Но что произойдет с нами позже?

Он пожал плечами:

— Не спрашивай меня, я просто не знаю. И знать не хочу.

Он повернулся и приветственно помахал рукой пожилой паре. Заметно постаревшие Бред и Марсия переглянулись и улыбнулись им в ответ.

— Возможно, они подойдут к нам,— сказал он.— Мы угостим их шампанским и постараемся ни о чем не расспрашивать. Погляди, милая, разве та Марсия не прекрасна?

Музейный экспонат

Волей-неволей признав, что пустоголовый мир не замечает его творчества, Джей Смит решил выбраться из этого мира. Он потратил четыре доллара девяносто восемь центов, заказав по почте курс, озаглавленный «Йога — Путь к Свободе», но сумма эта не способствовала его освобождению, а, напротив, усугубила его человеческую природу в том смысле, что снизила его способность снабжать себя пищей на четыре доллара девяносто восемь центов.

Приняв позу падмасана, Смит в процессе созерцания сосредоточивался на факте, что его пуп с каждым днем приближается и приближается к позвоночнику. Нирвана, бесспорно, достаточно эстетическое понятие, чего не скажешь о самоубийстве, особенно если у вас к нему душа не лежит. А потому он отвел этот фатальный исход вполне логично.

— Как просто можно лишить себя жизни в идеальном окружении! — вздохнул он, встряхнув золотыми кудрями, которые по понятным причинам достигали классической длины.— Жирный стоик в ванне — рабыни обмахивают его, он прихлебывает вино, а верный грек-лекарь, потупив взор, вскрывает ему вены! Изящная черкешенка,— вздохнул он снова,— наигрывает на лире, пока ее господин диктует надгробную речь, которую произнесет преданный вольноотпущенник со слезами на глазах. С какой легкостью мог бы он совершить это! Но непризнанный художник — нет! Рожденный вчера, отвергнутый сегодня, он удаляется, как слон на свое кладбище, в полном одиночестве.

Он выпрямился во весь свой рост, равный шести футам полутора дюймам, и повернулся к зеркалу. Рассматривая свою бледную, точно мрамор, кожу, прямой нос, высокий лоб, широко посаженные глаза, он решил, что раз нельзя жить искусством, то, пожалуй, можно, так сказать, вывернуть все наизнанку.

Он напряг те мышцы, которыми зарабатывал себе на хлеб те четыре года, пока раздувал горн своей души, выковывая исключительно свое направление в искусстве — двумерная скульптура маслом.

«При круговом обзоре,— заметил ехидный критик,— произведения мистера Смита представляют собой не то фрески без стен, не то вертикальные черточки. Этруски создали шедевры в первом жанре, так как знали, где его законное место; во втором жанре детские сады прививают мастерство каждому пятилетнему ребенку».

Потуги на остроумие! Жалкие потуги! Фу! От этих зоилов, которые разыгрывают из себя законодателей вкуса за чужим обеденным столом, может стошнить!

Он с удовлетворением заметил, что месячная аскетическая диета уменьшила его вес на тридцать фунтов. Чем не поверженный гладиатор эллинистической эпохи?

— Решено! — объявил он.— Я сам стану искусством.

В тот же день ближе к вечеру одинокая фигура с узлом в руке вошла в Музей изобразительных искусств.

Духовно изможденный, хотя и гладко выбритый вплоть до подмышек, Смит околачивался в Греческом периоде, пока там не осталось никого, кроме него и мраморных изваяний.

Он выбрал уголок потемнее и извлек из узла свой пьедестал. Полый, так что внутри можно было спрятать всякие личные вещи, необходимые для музейного существования, включая и значительную часть его одежды.

— Прощай, мир! — произнес он слова отречения.— Тебе следует заботливее беречь своих художников!

И он взобрался на пьедестал.

Четыре доллара девяносто восемь центов, хотя и сэкономленные на пище, все-таки не были истрачены совсем уж зря, ибо приемы, которыми он за эту цену овладел на Пути к Свободе, обеспечивали ему достаточный контроль над мышцами, чтобы сохранять безупречную статуйную неподвижность, пока щупленькая пожилая женщина, оставив у тротуара арендованный автобус, проходила через Греческий период в сопровождении детишек девяти лет и моложе, что она обычно проделывала по вторникам и четвергам между 9.35 и 9.40 утра. К счастью, он избрал сидячую позу.

Не прошло и недели, как он сопоставил обходы сторожа с тиканьем огромных часов в соседней галерее (очаровательное творение восемнадцатого века — позолота, эмаль и ангелочки, которые гонялись друг за другом по кругу). Ему не хотелось, чтобы его украли в первую же неделю вступления на новое поприще. Какая грустная участь ожидает его тогда? Какая-нибудь третьестепенная галерея или тягостная роль в унылых частных коллекциях унылых частных коллекционеров. А потому он был сугубо осторожен, совершая налеты на запасы кафетерия на первом этаже, и прилагал массу стараний, чтобы завоевать симпатию окружающих ангелочков. Дирекция, видимо, не сочла нужным обезопасить свой холодильник и кладовую от налетов экспонатов, и он очень одобрил такое отсутствие воображения с ее стороны. Он угощался вареной ветчиной и хлебом грубого помола (способствует пищеварению), десятками грыз батончики с мороженым. Не миновало и месяца, как ему пришлось заняться гимнастикой в Бронзовом периоде (способствует избавлению от излишков веса).

— Затерянный! — вздыхал он в Новейшем периоде, оглядывая владения, которые считал своими. Он плакал над статуей Сраженного Ахилла, как будто она принадлежала ему. И принадлежала!

Словно в зеркале, он видел себя в коллаже из болтов и гаек.

— Если бы ты не продался,— обвинял он,— если бы ты продержался подольше, подобно этим более простым детищам искусства... Но нет! Так быть не могло!

— Ведь не могло? — Он обратился к идеально симметричной подвижной абстракции, свисавшей сверху.— Или могло?

— Быть может,— донесся ответ неведомо откуда, и он взлетел на свой пьедестал.

Но это кончилось ничем. Сторож грешно упивался пышнотелостью на полотне Рубенса в другом крыле здания и не услышал этого обмена репликами. Смит заключил, что ответ указывает на случайное приближение к Дхаране. Он вернулся на Путь, удвоив свое стремление к отрицанию и изображению Поверженности.

В следующие дни он иногда слышал похихикивания и шепотки, но сначала отмахивался от них, как от фырканья детей Мары и Майи, поставивших задачей сбить его и отвлечь. Позже он утратил эту уверенность, но к тому времени он остановил свой выбор на классической форме пассивного любопытства.

Потом в один прекрасный весенний день, золотисто-зеленый, как стихи Дилана Томаса, в Греческий период вошла девушка и пугливо огляделась. Он почувствовал, что того и гляди утратит свою мраморную неподвижность, ибо девушка вдруг начала раздеваться!

А на полу — кубический предмет в оберточной бумаге. Объяснение могло быть только одно...

Конкуренция.

Он кашлянул — вежливо, негромко, классически...

Она вздрогнула и изумленно замерла, напомнив ему рекламу женского белья с использованием Фермопил. Волосы у нее были весьма подходящими для ее замысла — бледнейшего оттенка паросского мрамора, а серые глаза блестели ледяной волей Афины.

Она оглядела зал — внимательно, виновато, обаятельно...

— Конечно же, камень не поддается вирусной инфекции,— решила она.— Это прочищала горло моя нечистая совесть. Так вот, совесть, я отрекаюсь от тебя!

И она начала преобразовываться в Скорбящую Гекубу по диагонали от Поверженного Гладиатора, но, к счастью, не лицом к нему. И проделывала это совсем неплохо, вынужден был он признать. Вскоре она обрела эстетичную неподвижность. Профессионально оценив увиденное, он решил, что Афина и вправду была матерью всех искусств. А вот в стиле Возрождения или Романтизма у нее ничего не получилось бы. И ему сразу стало легче.

Когда огромные двери наконец закрылись, она перевела дух и спрыгнула на пол.

— Погодите! — предостерег он.— Через девяносто три секунды здесь пройдет сторож.

Ей достало силы воли, чтобы прервать невольный крик, изящной ручки, чтобы его подавить, и восьмидесяти семи секунд, чтобы вновь стать Скорбящей Гекубой. И все эти восемьдесят семь секунд он восхищался ее силой воли и изящной ручкой.

Сторож приблизился, прошел мимо и скрылся за дверью — в сумраке его фонарик и борода подергивались, как замшелый блуждающий огонек.

— А-ах,— выдохнула она.— Я думала, что здесь одна.

— И не ошиблись,— ответил он.— «Нагие и одинокие приходим мы в изгнание... Среди горящих звезд на этом истомленном негорящем угольке, затерянный... О тщета утраты...»

— Томас Вулф,— констатировала она.

— Да,— обиделся он.— Пошли ужинать.

— Ужинать? — переспросила она, поднимая брови.— Где? Я захватила армейские консервы, которые приобрела на распродаже списанных запасов...

— Сразу видно, что вы стоите на позиции краткосрочного пребывания. Если не ошибаюсь, в меню на сегодня гвоздем была курица. Следуйте за мной!

Они прошли через Династию Тан к лестнице.

— Кое-кому после закрытия тут может показаться прохладно,— начал он,— но, полагаю, вы полностью овладели приемами управления дыханием?

— О да,— ответила она.— Мой жених не просто исповедовал дзэн-буддизм. Он избрал более трудный путь Лхасы. Как-то он написал современный вариант «Рамаяны», полный злободневнейших аллюзий и рекомендаций современному обществу.

— И как ее оценило современное общество?

— Увы! Современное общество ее так и не увидело. Мои родители снабдили его билетом первого класса до Рима и несколькими сотнями долларов в форме аккредитивов. Он до сих пор не вернулся. Потому-то я и удалилась от мира.

— Насколько понимаю, ваши родители не одобряют искусства?

— Нет, и мне кажется, они ему угрожали.

Он кивнул:

— Так общество обходится с гениями. Я тоже по мере малых моих сил трудился во имя его облагораживания и в награду был пренебрежительно отвергнут.

— Неужели?

— Вот именно. Если на обратном пути мы заглянем в Новейший период, вы можете увидеть моего Сраженного Ахилла.

Раздался сухой смешок, и они замерли на месте.

— Кто тут? — осторожно спросил Смит.

Ответа не последовало. Они находились в Расцвете Рима, и каменные сенаторы безмолвствовали.

— Но кто-то же засмеялся! — сказала она.

— Мы тут не одни,— объявил он, пожимая плечами.— Имелись и кое-какие другие признаки. Но кем бы эти неизвестные ни были, они разговорчивы не более монахов-молчальников. И очень хорошо. Лишь камень ты, не забывай! — добавил он весело, и они отправились в кафетерий.

Как-то вечером они ужинали в Новейшем периоде.

— При жизни у вас было имя? — осведомился он.

— Глория,— прошептала она.— А у вас?

— Смит. Джей.

— Что заставило вас пойти в статуи, Смит, если это не слишком нескромный вопрос?

— Вовсе нет,— ответил он с невидимой улыбкой.— Некоторые с рождения обречены на безвестность, другие добиваются ее упорными усилиями. Я принадлежу к последним. Будучи художником-неудачником и оставшись без цента в кармане, я решил стать памятником себе. Здесь тепло, а этажом ниже есть пища. Обстановка приятная, и меня никогда не разоблачат, потому что в музеях никто не смотрит на то, что стоит вокруг.

— Никто?

— Ни единая живая душа, как вы, несомненно, уже сами заметили. Детей притаскивают сюда силой против их воли, молодежь приходит пофлиртовать, а когда человек обретает способность смотреть на что-то, то он либо близорук, либо подвержен галлюцинациям,— сообщил он горько.— В первом случае он ничего не заметит. Во втором — никому не скажет. Парад проходит мимо.

— Но тогда зачем музеи?

— Дорогая моя! Такой вопрос в устах бывшей невесты истинного художника указывает, что связь ваша была лишь кратким...

— Право же! — перебила она.— Правильным будет лишь «помолвка»!

— Пусть так,— поправился он,— пусть помолвка. Как бы то ни было, музеи отражают прошлое, которое мертво, настоящее, ничего не замечающее, а также передают культурное наследие человечества еще не народившемуся будущему. В этом смысле они близки к храмам. В религиозном смысле.

— Такая мысль мне в голову не приходила,— произнесла она задумчиво.— И она прекрасна. Вам следовало бы стать учителем.

— Платят мало, но идея утешительная. Идем, пограбим холодильник еще раз.

Они грызли заключительные батончики мороженого и обсуждали Сраженного Ахилла, уютно расположившись под большой подвижной абстракцией, которая походила на заморенного голодом осьминога. Смит рассказывал ей о других своих великих замыслах и о мерзких критиках, злобных, с желчью в жилах вместо крови, которые рыщут по воскресным газетам и ненавидят жизнь. Она в ответ поведала ему о своих родителях, которые знали Арта и знали, почему он не должен ей нравиться, и об огромных богатствах своих родителей — лесоматериалы, недвижимость и нефть в равных долях. Он в ответ погладил ее по плечу, а она в ответ заморгала и улыбнулась эллинистически.

— Знаете,— сказал он под конец,— день за днем, сидя на моем пьедестале, я часто думал: «Быть может, мой долг — вернуться и попытаться еще раз содрать катаракты с глаз обывателей. Быть может... Если бы я обрел материальную обеспеченность и спокойствие духа... Быть может, если бы я нашел единственную женщину... Но нет! Такой не существует».

— Продолжайте! Прошу вас, продолжайте! — вскричала она.— И я последние дни думала, что, быть может, другой художник оказался бы в силах залечить рану. Быть может, творец красоты сумел бы исцелить от яда одиночества... Если бы мы...

Но тут низенький безобразный человек в тоге громко откашлялся.

— Этого-то я и опасался! — объявил он.

Тощим, морщинистым, неопрятным был он — человек с изъязвленным желудком и увеличенной печенью. Он ткнул в них грозящим перстом.

— Этого-то я и боялся,— повторил он.

— К-к-кто вы? — спросила Глория.

— Кассий,— ответил он.— Кассий Фицмаллен, художественный критик, на покое, из далтоновской «Таймс». Вы сговорились переметнуться.

— А вам какое дело, если мы решили уйти? — спросил Смит, поигрывая полузащитниковскими мышцами Поверженного Гладиатора.

— Какое дело? Ваше дезертирство поставит под угрозу целый образ жизни. Уйдя, вы, без сомнения, станете художником или преподавателем в какой-нибудь художественной школе, и рано или поздно каким-нибудь словом, жестом, подмаргиванием либо иным неосознанным способом вы сообщите другим то, о чем всегда подозревали. Я не одну неделю слушал ваши разговоры. Вы теперь уже безусловно знаете, что именно сюда в конце концов приходят все художественные критики, чтобы остаток дней своих провести, потешаясь над тем, к чему всегда питали ненависть. Вот чем объясняется увеличение числа римских сенаторов за последние годы.

— Подозревать я подозревал, но уверен не был.

— Достаточно и подозрения. Оно убийственно. Вас следует судить.

Он хлопнул в ладоши и воззвал:

— Приговор!

Медленно вошли другие древние римляне — процессия покривившихся свечей. Они кольцом окружили влюбленных. Дряхлые критики источали запах пыли, пожелтевшей газетной бумаги, желчи и ушедшего времени.

— Они желают вернуться к людям,— объявил Кассий.— Они желают уйти отсюда и унести с собой все, о чем узнали.

— Мы никому не скажем! — со слезами сказала Глория.

— Слишком поздно,— ответила одна из темных фигур.— Вы уже занесены в каталог. Вот, убедитесь.— Он достал экземпляр каталога и прочел: — «Номер двадцать восемь: Скорбящая Гекуба. Номер тридцать два: Поверженный Гладиатор». Да! Слишком поздно. Начнутся поиски.

— Приговор! — повторил Кассий.

Сенаторы медленно опустили вниз большие пальцы.

— Вы не уйдете!

Смит усмехнулся и зажал тунику Кассия в мощной скульптурной хватке.

— Недомерок! — сказал он.— А как ты собираешься нам помешать? Стоит Глории взвизгнуть, и явится сторож, который включит сигнал тревоги. Стоит мне разок тебя стукнуть, и ты неделю проваляешься без памяти.

— Когда сторож заснул, мы отключили его слуховой аппарат,— улыбнулся Кассий.— И критики не лишены воображения, уверяю вас. Прочь руки, не то вам будет худо.

Смит сжал его покрепче.

— Только попробуйте!

— Приговор! — улыбнулся Кассий.

— Он из нынешних,— сказал один.

— И значит, из упорствующих,— добавил второй.

— Львам его, вместе с христианами! — добавил третий.

И Смит в панике отпрыгнул: ему почудилось какое-то движение в полном теней углу. Кассий вырвался.

— Этого вы не можете! — крикнула Глория, пряча лицо в ладонях.— Мы из Греческого периода!

— По-гречески жить, по-римски выть,— ухмыльнулся Кассий.

В ноздри им ударил кошачий запах.

— Но как вы смогли — здесь?.. Лев?..— спросил Смит.

— Особый профессиональный гипнотизм,— сообщил Кассий.— Почти все время мы держим зверя в парализованном состоянии. Вас не удивляло, что этот музей никогда не грабили? Нет, попытки были! Но мы защищаем свои интересы.

Из теней мягкой походкой медленно вышел худосочный лев-альбинос, который обычно спал с внутренней стороны главного входа, и зарычал. Один раз и громко.

Смит загородил собой Глорию, когда огромная кошка начала готовиться к прыжку, и покосился на форум. Но форум был пуст. Только словно шелестела крыльями стайка кожаных голубей, уносясь вдаль.

— Мы одни,— констатировала Глория.

— Беги! — скомандовал Смит.— Я постараюсь его задержать. Выберись наружу, если сумеешь.

— Покинуть тебя? Никогда, любимый! Вместе. Теперь и навеки!

— Глория!

— Джей Смит!

В этот миг зверь вознамерился прыгнуть и тут же привел свое намерение в исполнение.

— Прощай, моя возлюбленная.

— Прощай! Но один поцелуй перед смертью, молю.

Зверь завис высоко в воздухе, испуская голодное покашливание.

— Валяй!

Они слились в поцелуе.

Вверху висела луна, высеченная в форме кошки, беднейшего из зверей, висела высоко, висела угрожающе, висела долго...

Лев начал извиваться и бешено бить когтистыми лапами в том среднем пространстве между полом и потолком, для которого в архитектуре нет специального названия.

— М-м-м! Еще поцелуй?

— Почему бы и нет? Жизнь сладостна.

На бесшумных стопах пробежала минута, ее нагоняла другая.

— Послушай, что удерживает этого льва наверху?

— Я удерживаю,— ответила подвижная абстракция.— Не только вы, люди, ищете спокойствия среди останков вашего мертвого прошлого.

Голосок был жиденький, надломленный, точно мелодия особо трудолюбивой эоловой арфы.

— Мне не хотелось бы выглядеть навязчивым,— сказал Смит,— но кто вы?

— Я инопланетная форма жизни,— протинькала абстракция, переваривая льва.— Мой космолет потерпел аварию на пути к Арктуру. Вскоре мне стало ясно, что на вашей планете моя внешность может оказаться для меня роковой, кроме как в музее, где я вызываю большое восхищение. Будучи представителем весьма утонченной и, позволительно мне будет это сказать, несколько склонной к нарциссизму расы...— Абстракция смолкла, чтобы изысканно рыгнуть, а затем продолжала: — ...Я наслаждаюсь пребыванием здесь, «среди горящих звезд на этом истомленном негорящем угольке (рыгание), затерянный».

— Ах вот как! — сказал Смит.— Спасибо, что скушали льва.

— Не стоит благодарности. Хотя это было не слишком благоразумно. Видите ли, я сейчас размножусь делением. Можно второе мое «я» пойдет с вами?

— Естественно. Вы спасли нам жизнь, и нам понадобится повесить что-нибудь в гостиной, когда мы обзаведемся таковой.

— Отлично.

И она размножилась делением в корчах гемиполудемисодроганий и шлепнулась на пол рядом с ними.

— Всего хорошего, я,— протинькала она вверх.

— Бывай,— донеслось сверху.

Они гордо вышли из Новейшего периода, прошли через Греческий и миновали Римский с большим высокомерием и безупречно спокойным достоинством. Уже не Поверженный Гладиатор, Скорбящая Гекуба и Ино экс махина*, они забрали ключ спящего сторожа, отперли дверь, спустились по лестнице и вышли в ночь на юных ногах и щупальцах.

И вот приходит сила

Это продолжалось уже второй год и сводило с ума.

Все, что раньше работало, теперь отказывало.

Каждый день он пытался это прекратить, но все его усилия наталкивались на сопротивление.

Он рычал на своих студентов, безрассудно вел машину, разбил костяшки пальцев о стены. Ночами он лежал без сна и ругался.

* Перефразировка латинского выражения deus ex machina — «бог из машины».

Но не было никого, к кому он мог бы обратиться за помощью. Его проблема показалась бы несуществующей психиатру, который, без сомнения, попытался бы лечить его от чего-нибудь другого.

Тем летом он уезжал, провел месяц на курорте — ничего. Он принимал несколько галлюциногенных препаратов для пробы — опять ничего. Он пробовал записывать на магнитофон свободные ассоциации, но после прослушивания результатом была только головная боль.

К кому в обществе нормальных людей обращается носитель заблокированной силы?

К такому же, как он сам, если сумеет его найти.

Милт Рэнд был знаком еще с четырьмя людьми, похожими на него самого: его кузеном Гэри, ныне покойным; Уолкером Джексоном, негром-проповедником, уехавшим куда-то в южные штаты; Татьяной Стефанович, танцовщицей, в настоящее время находящейся где-то за Железным занавесом, и Кэртисом Легге, который, к сожалению, страдал шизоидным состоянием параноидального типа и находился в учреждении для безнадежных душевнобольных. С другими он сталкивался ночью, но никогда с ними не говорил и сейчас не смог бы найти.

Блокады имели место и раньше, но Милт всегда справлялся с ними в течение месяца. Этот случай был другой и совсем особый. Расстройства, недомогания, волнения могут заглушить талант, сковать силу. Однако событие, которое полностью деморализовало его более чем на год, было не просто волнением, недомоганием или расстройством. Его доконал развод.

Знать, что где-то кто-то тебя ненавидит, уже несладко, но знать точную форму, которую эта ненависть принимает, проявить полную беспомощность против нее, постоянно жить с ощущением, как эта ненависть нарастает вокруг тебя,— это больше чем неприятное обстоятельство. Обидчик ты или оскорбленный, если тебя ненавидят и ты живешь в этой ненависти, она что-то забирает у тебя — она

отрывает часть твоей души или, если хочешь, порабощает ум; она режет и не прижигает рану.

Милт Рэнд проволок свою кровоточащую душу по всей стране и вернулся домой.

Он мог сидеть и смотреть на лес со своего застекленного заднего крыльца, пить пиво, созерцать жуков-светляков под сенью деревьев, смотреть на кроликов, на темные силуэты птиц, на случайно пробегавшую лису, иногда на летучую мышь.

Он был когда-то жуком-светляком, кроликом, птицей, лисой, летучей мышью.

Одной из причин для его переселения подальше от города, прибавившего еще полчаса на дорогу, была дикая природа.

Теперь между ним и теми вещами, частицей которых он некогда был, осталось лишь застекленное крыльцо. Теперь он был один.

Гуляя по улицам, общаясь со студентами в институте, сидя в ресторане, театре, баре, он ощущал в себе пустоту там, где когда-то он был наполнен.

Нет такой книги, в которой говорится, как вернуть потерянную силу.

Ожидая, он перепробовал все, что приходило в голову. Бродя по раскаленной мостовой в летний полдень, переходя улицу на красный свет из-за того, что транспорт движется слишком медленно, наблюдая, как ребята в плавках играют у бурлящего гидранта, а грязная вода заливает им ноги, пока загорелые матери и старшие сестры в шортах и мятых блузках лениво приглядывают за ними, беседуя друг с другом в тени под козырьками подъездов или витрин магазинов, Милт пересекает город без определенной цели, чувствуя клаустрофобию при длительных остановках. Глаза заливает пот, очки в потеках, рубашка прилипла к бокам и выбилась, снова прилипает и выбивается на ходу.

После полудня наступает время дать отдых уставшим ногам, превратившимся в раскаленные кирпичи. На лужайке он находит скамейку, укрытую высокими клена-

ми, опускается на нее и сидит бездумно минут двадцать пять.

— *Привет.*

Что-то в нем смеется или рыдает.

— *Да, привет. Я здесь! Не уходи! Останься! Пожалуйста!*

— *Ты — такой, как я...*

— *Да, я такой. Ты можешь видеть это во мне, потому что ты — это ты. Но ты должна прочитать и послать это тоже сюда. Я застыл. Я... Привет? Где ты?*

И опять он один.

Он пытается послать сообщение. Он сосредоточивается и пробует передать мысли за пределы черепной коробки.

— *Пожалуйста, вернись! Ты мне нужна. Ты мне можешь помочь. Я в отчаянии. Мне больно. Где же ты?*

И снова — ничего.

Он хочет кричать. Он хочет обыскать каждую комнату в каждом доме этого квартала.

Вместо этого он сидит здесь.

Этим же вечером в 21.30 они снова встречаются в его мозгу.

— *Привет.*

— *Погоди! Останься, ради Бога! На этот раз не уходи! Пожалуйста, не надо! Послушай, ты мне нужна. Ты мне можешь помочь.*

— *Как? В чем дело?*

— *Я такой же, как ты. Или был когда-то. Я мог мысленно устремиться и быть другими — местами, вещами, людьми. Сейчас — не могу. Я заблокирован. Сила не приходит. Я знаю, она здесь. Я ее чувствую. Но не могу использовать... Эй?*

— *Да, я все еще здесь. Но чувствую, что ухожу. Я вернусь. Я...*

Милт ожидает до полуночи. Она не возвращается. Его ума коснулся ум женский. Странный, слабый, но определенно женский и несущий эту энергию. Этой ночью она больше не приходит. Он шагает туда-сюда по кварталу, пытаясь понять, какое окно, какая дверь...

Он ест в ночном кафе, возвращается на свою скамейку, ждет, снова шагает, возвращается в кафе за сигаретами, начинает курить их одну за другой, возвращается к скамейке.

Пришел рассвет, начинается день, ночь прошла. Он один. Птицы нарушают тишину, улицы заполняются машинами, по лужайкам бродят собаки.

И вот — еле ощутимый контакт:

— *Я здесь. Думаю, на этот раз смогу побыть дольше. Чем я могу тебе помочь? Расскажи мне.*

— *Хорошо. Вот что сделай: подумай о чувстве, том чувстве выхода вовне, перехода границы — это чувство сейчас владеет тобой. Наполни свой ум этим чувством и пошли его мне со всей силой, на которую способна.*

Вот к нему приходит то, что было и раньше: осознание силы. Для него это земля и вода, огонь и воздух. Он на этом стоит, плавает в этом, согревает себя этим, движется сквозь это.

— *Она возвращается! Только не останавливайся!*

— *Прости, мне нужно... У меня кружится голова.*

— *Где ты?*

— *В больнице...*

Он смотрит в сторону больницы — это в конце улицы слева, на углу.

— *Какое отделение?*

Он формулирует мысль, хотя знает — она уже ушла.

В дурмане или в жару, решает он, связь пока невозможна.

Он возвращается на такси туда, где оставил свою машину, едет домой, принимает душ и бреется, готовит завтрак, не может есть.

Он пьет апельсиновый сок и кофе, растягивается на кровати.

Через пять часов он просыпается, смотрит на часы и чертыхается.

Всю дорогу обратно в город он пытается вернуть силу. Она как дерево, укоренившееся в его существе, ветвящееся за его глазами, с бутонами, цветами и соками, но без листьев, без плодов. Он чувствует, как оно качается у него внутри, пульсируя, дыша; он его чувствует от кончиков ног до корней волос. Но оно не гнется по его воле, не ветвится у него в сознании, не свертывает листья, распространяя живые ароматы.

Он оставляет машину у больницы, входит в приемную, минует администратора и находит стул у столика, полного журналов.

Через два часа он видит ее.

Он высматривал ее, прячась за номер «Холидей».

— *Я здесь.*

— *Значит, опять! Быстрее! Сила! Помоги мне возбудить ее!*

Она выполняет его просьбу.

Она возрождает силу в его мозгу. Там совершается — движение, пауза, движение, пауза. Задумчиво, как бы вспоминая сложные танцевальные па, сила зашевелилась в нем.

Как в батискафе, поднимающемся на поверхность, затуманенный, искаженный вид сменяется четким омытым изображением.

Ему помог ребенок.

Ребенок с больным мозгом, мучимый лихорадкой, умирающий.

Он читает все это, когда обращает к ней свою силу.

Ее зовут Дороти, она безумна. Сила пришла к ней в разгар болезни, возможно в ее результате.

Помогла ли она человеку снова ожить, или ей это приснилось — спрашивает она себя.

Ей тринадцать лет, и родители сидят у ее постели. Мать мысленно повторяет бессчетное число раз одно и то же слово: «Метотрексат, метотрексат, метотрексат, мет...»

В грудной клетке тринадцатилетней Дороти — иголочки боли. В ней бушует вихрь лихорадки, и для него она почти умерла.

Она умирает от лейкемии. Уже наступила последняя стадия. Он чувствует вкус крови у нее во рту.

Беспомощный в своей силе, он передает ей:

— *Ты отдала мне конец своей жизни и свою последнюю силу. Я этого не знал. Я не стал бы просить ее у тебя.*

— *Спасибо тебе,*— говорит она,— *за картинки у тебя внутри.*

— *Картинки?*

— *Места, предметы, которые я там видела.*

— *У меня внутри не так уж много такого, что стоит показывать. В иных местах ты увидела бы больше...*

— *Я опять ухожу...*

— *Подожди!*

Он призывает ту силу, что живет в нем теперь, сплавленная с его волей, мыслями, воспоминаниями, чувствами. В единой мощной вспышке он показывает ей жизнь Милта Рэнда.

— *Здесь все, чем я владею, все, через что я прошел и что может нравиться. Вот роение туманной ночью, мерцающие огни. Вот лежка под кустом: льет летний дождь, капли с листьев падают на твой мех, мягкий, как у лисы. Вот лунный танец оленей, вот сонный дрейф форели под темной волной, и кровь холодна, как струи ручья.*

Вот Татьяна танцует, а Уолкер проповедует; вот мой кузен Гэри работает ножом по дереву: он может вырезать шарик в ящичке — все из одного куска. Вот мой Нью-Йорк и мой Париж. А вот мои любимые блюда, напитки, ресторан, парк, дорога для ночной езды; вот место, где я копал тоннель, строил навес, ходил купаться; вот мой первый поцелуй; вот слезы утраты; вот изгнание и одиночество, и выздоровление, трепет, радость; вот желтые нарциссы моей матери, вот ее гроб, покрытый нарциссами; вот цвета моей любимой мелодии, а вот моя любимая собака — она была славной и жила долго. Смотри на все вещи, которые греют душу, охлажденную рассудком, и хранятся в памяти и самом существе человеческой личности. Я их даю тебе, у которой не было времени их узнать.

Он видит себя стоящим на далеких холмах ее рассудка. При этом она громко смеется, и где-то высоко и далеко в ее комнате чья-то рука ложится на ее руку и, когда она рвется к нему, неожиданно став большой, чьи-то пальцы сжимают ее запястье. Его большие черные крылья рвутся вперед, чтобы подхватить ее бессловесный порыв к жизни, и оказываются пусты.

Милт Рэнд откладывает номер «Холидея» и поднимается со стула. Он покидает больницу — полную и пустую; пустую, полную. Как и он сам — сейчас, в прошлом.

Такова самая мощная сила из всех сил.

Ужасающая красота

Публика в этот миг подобна богам эпикурейцев. Бессильные изменить ход событий и ведающие, что произойдет, они могут вскочить, закричать «не надо!» — но неотвратимо ослепление Эдипа, и неизбежна петля на шее Иокасты.

Никто, конечно, не вскакивает. Они понимают. Они сами намертво связаны странными путами трагедии. Боги видят и знают, но не могут ни изменить обстоятельства, ни бороться с Ананке*.

Мой хозяин внимает тому, что он называет «катарсис». Мои искания завели меня далеко, и я сделал хороший выбор. Филипп Деверс живет в театре, как червь живет в яблоке, как паралитик в камере искусственного дыхания. Это его мир.

А я живу в Филиппе Деверсе.

Десять лет служат мне его глаза и уши. Десять лет я наслаждаюсь тонкими чувствами великого театрального критика, и он ни разу об этом не догадался.

Он близко подошел к истине — у него быстрый ум и живое воображение, но слишком силен получивший классическое образование интеллект, и слишком весом груз

* Ананке — богиня судьбы у древних греков.

знаний по психопатологии. Он не смог сделать последнего шага от логики к интуиции: признать мое существование. Временами, отходя ко сну, он задумывался о попытках контакта, но наутро к этой мысли не возвращался — и хорошо. Что мы могли бы сказать друг другу?

...Под стон, рожденный на заре времен, в ужасный мрак сойдет Эдип со сцены!

Как изысканно!

Хотел бы я знать и другую половину. Деверс говорит, что полнота опыта состоит из двух частей: влечение, называемое жалостью, и отвержение, называемое ужасом. Я чувствую лишь второе, и его всегда искал, а первого я не понимаю, даже когда тело моего хозяина дрожит, а зрение затуманивается влагой.

Я бы очень хотел взрастить в себе способность полного восприятия. Но, к сожалению, мое время ограничено. Я искал красоту в тысячах звездных систем и здесь узнал, что ей дал определение человек по имени Аристотель. К несчастью, я должен уйти, не познав ее полностью.

Но я — последний. Остальные уже ушли. Круг звездный движется, и время убегает, часы пробьют...

Овация бешеная. И воскресшая Иокаста улыбается и кланяется вместе с царем, у которого глазницы залиты красным. Рука к руке, они купаются в наших аплодисментах, но даже бледный Тиресий не провидит того, что знаю я. Какая жалость!

А теперь домой на такси. Интересно, который сейчас час в Фивах?

Деверс смешивает крепкий коктейль, чего он обычно не делает. А я рад, что восприму эти финальные моменты через призму его парящей фантазии.

Он в каком-то причудливом настроении. Как будто он почти знает, что случится в час ночи,— как будто он знает, как атомы рванутся из своей непрочной клетки, оттирая плечом армию Титанов, как жадная, темная пасть Средиземного моря вопьется в пустоту Сахары.

Но он не мог бы узнать, не узнав обо мне, и, когда начнется ужасающая красота, он будет персонажем, а не зрителем.

Мы оба встречаем взгляд светло-серых глаз из зеркала в отъезжающей панели шкафчика. Он перед выпивкой принимает аспирин, а это значит, что он нальет нам еще.

Но вдруг его рука остановилась на полдороге к аптечке.

В обрамлении кафеля и нержавеющей стали мы увидели отражение чужака.

— Добрый вечер.

Два слова после десяти лет, и в самый канун последнего представления!

Глупо было бы мобилизовывать его голос на ответ, хоть я и мог бы это сделать, и к тому же это бы его расстроило. Я ждал, и он тоже.

Наконец я, как органист, тронул нужные педали и струны:

— Добрый вечер. Пожалуйста, не обращайте на меня внимания и принимайте свой аспирин.

Он так и сделал, а потом приподнял с полки свой бокал:

— Надеюсь, тебе нравится мартини.

— Да, и очень. Пожалуйста, выпейте еще.

Он ухмыльнулся нашему отражению и вернулся в гостиную.

— Кто ты такой? Психоз? Диббук?

— Нет-нет, ничего подобного. Я просто один из публики.

— Что-то не помню, чтобы я тебе продал билет.

— Вы меня прямо не приглашали, но я подумал, что вы не будете против, если я буду вести себя тихо...

— Очень благородно с твоей стороны.

Он смешал еще один коктейль, потом взглянул на дом через дорогу. Там горели два окна на разных этажах, как перекошенные глаза.

— Могу я спросить — зачем?

— Да, разумеется. Может быть, вы даже сможете мне помочь. Я — странствующий эстет. В тех мирах, где я

бываю, мне приходится одалживать чужие тела — предпочтительно существ, имеющих похожие интересы.

— Понимаю. Ты взломщик.

— В некотором смысле — да. Но я стараюсь не вредить. Как правило, мой хозяин даже не подозревает о моем присутствии. Но скоро я должен вас покинуть, а последние несколько лет меня волновала одна вещь... И раз уж вы догадались обо мне и не впали в беспокойство, я бы вас хотел о ней спросить.

— Выкладывай свой вопрос.

В его голосе вдруг прозвучали горечь и глубокая обида. Я сразу же увидел из-за чего.

— Пожалуйста, не думайте,— сказал я ему,— что я влиял на все ваши мысли и поступки. Я только зритель. Моя единственная функция — созерцать красоту.

— Как интересно! — насмешливо скривился он.— И когда же это случится?

— Что?

— То, что вынуждает тебя уйти.

— Ах, это...

Я не знал, что ему рассказать. Как бы там ни было, что он может сделать? Только страдать чуть дольше.

— Ну?

— Просто кончилось мое время.

— Я вижу вспышки,— сказал он.— Дым, песок и шар огня.

Он был очень восприимчив. Я думал, что скрыл эти мысли.

— Видите ли... В час ночи настанет конец мира.

— Приятно знать. Как?

— Есть некоторый слой расщепляющихся материалов, которые собираются взорвать в проекте Эдем. Начнется колоссальная цепная реакция...

— Ты можешь это как-нибудь предотвратить?

— Я не знаю как. Я даже не знаю, чем это можно остановить. Мои знания ограничены искусством и науками о живом. Вот вы сломали ногу прошлой зимой, катаясь

на лыжах в Вермонте. Об этом вы даже не узнали. Это я умею.

— И труба вострубит в полночь,— заметил он.

— В час ночи,— поправил я его.— По среднеевропейскому времени.

— Успеем выпить еще один бокал,— сказал он, глядя на часы.— Только пробило двенадцать.

Мой вопрос... Я прочистил воображаемое горло.

— Ах да. Так что ты хотел бы знать?

— Вторую часть отклика на трагедию. Я столько раз видел, как вы через нее проходите, но почувствовать не могу. Я воспринимаю ужас — но жалость от меня ускользает.

— Испугаться может каждый,— сказал он,— это легко. Но проникнуть в душу человека, слиться с ним — не так, как ты это делаешь, а почувствовать все, что чувствует он перед последним, уничтожающим ударом,— так, чтобы ощутить себя уничтоженным вместе с ним, и когда ты ничего не можешь сделать, а хочешь, чтобы смог,— вот это и есть жалость.

— Вот как? И ощущать при этом страх?

— И ощущать страх. И вместе они составляют великий катарсис истинной трагедии.

Он икнул.

— А сам персонаж трагедии, за которого вы все это переживаете? Он ведь должен быть велик и благороден?

— Верно,— он кивнул, как будто я сидел по другую сторону стола.— И в последний момент, перед самой победой неизменного закона джунглей, он должен прямо взглянуть в безликую маску бога и вознестись на этот краткий миг над жалким голосом своей природы и потоком событий.

Мы оба посмотрели на часы.

— Когда ты уйдешь?

— Минут через пятнадцать.

— Отлично, у тебя есть время послушать запись, пока я оденусь.

Он включил проигрыватель и выбрал пластинку.

Я неловко поежился.

— Если она не слишком длинная...

Он оглядывал свой пиджак.

— Пять минут восемь секунд. Я всегда считал, что эта музыка написана для последнего часа Земли.— Он поставил пластинку и опустил звукосниматель.— Если Гавриил не появится, пусть тогда это сработает.

Он потянулся за галстуком, когда в комнате запрыгали первые ноты «Саэты» Майлза Дэвиса — как будто раненая тварь карабкается на холм.

Он подпевал себе под нос, причесываясь и завязывая галстук. Дэвис отговорил медным языком о пасхальной лилии, и мимо нас шла процессия: ковыляли Эдип и слепой Глостер, ведомые Антигоной и Эдгаром; принц Гамлет отдал салют шпагой и прошел вперед, а сзади брел черный Отелло, за ним Ипполит, весь в белом, и герцогиня Мальфийская — парад памяти многих тысяч сцен.

Музыка отзвучала. Филипп застегнул пиджак и остановил проигрыватель. Аккуратно вложив пластинку в конверт, он поставил ее на полку между другими.

— Что вы собираетесь делать?

— Прощаться. Здесь неподалеку вечеринка, на которой я не собирался быть. Думаю, сейчас я туда зайду и выпью. Прощай и ты. Кстати,— спросил он,— а как тебя зовут? После десятилетнего знакомства я должен тебя хоть сейчас как-то назвать.

Полусознательно он предположил одно имя. До сих пор у меня имени не было, так что я взял это.

— Адрастея.

Он снова скривился в усмешке.

— Ни одной мысли от тебя не скрыть? Прощай.

— Прощайте.

Он закрыл за собой дверь, а я проскользнул сквозь полы и потолки верхних этажей и поднялся вверх в ночное небо над городом. Один из глаз в доме напротив мигнул и погас, а пока я смотрел, погас и другой.

Вновь бестелесный, я скользнул вверх, желая встретить хоть что-нибудь, что я мог бы ощутить.

Божественное безумие

...Я ЭТО «?слушатели пораженные точно, застывают они и, звезды блуждающие небытия из вызывает горя вопль ЧЕЙ»...

Он продул дым через сигарету, и она удлинилась.

Он взглянул на часы и осознал, что стрелки движутся в обратную сторону.

Часы сказали ему, что десять часов тридцать три минуты вечера сменились десятью часами тридцатью двумя минутами.

А потом наступило что-то вроде отчаяния, так как он знал, что ничего не сможет с этим поделать. Он был в ловушке — двигался в обратном направлении через последовательность прошлых действий. Просто он не уловил предупредительного симптома.

Обычно возникал призматический эффект, проблеск розовой статики, сонливость, миг обостренного восприятия...

Он переворачивал страницы слева направо, его глаза бежали по строчкам в обратном направлении.

«?воздействие такое оказывает горе чье, это КТО»

Он беспомощно наблюдал из глубины глаз, как действует его тело.

Сигарета достигла своей изначальной длины. Он щелкнул зажигалкой, огонек впрыгнул внутрь, и он выстрелил сигарету в пачку.

Он зевнул. Наоборот: сначала выдохнул, потом вдохнул.

Обман чувств, объяснил ему доктор. Горе и эпилепсия породили уникальный синдром.

У него уже был припадок. Диалантин не помогал. Это были послетравматические локомоторные галлюцинации, порожденные тревожным состоянием, усугубленные припадком.

Но он не поверил, не мог поверить, после того как в обратном направлении прошло двадцать минут, после того

как он поставил книгу на пюпитр, поднялся, прошел через комнату спиной до встроенного шкафа, повесил халат, в обратном порядке надел рубашку и спортивные брюки, которые носил с утра, попятился к бару и начал изрыгать мартини глоточек за прохладным глоточком, пока бокал не наполнился до краев, и не пролилось ни единой капли.

Предвкушение солоноватости маслины, и все вновь переменилось. Секундная стрелка на наручных часах бежала в обычном направлении.

Часы показывали 10 часов 7 минут.

Он почувствовал, что может двигаться, как пожелает.

И вновь выпил мартини из полного до краев бокала.

Теперь, если остаться верным прежней последовательности, он переоденется в халат и попытается читать. Вместо этого он смешал еще один коктейль.

Теперь последовательность нарушилась.

Теперь ничего не произойдет так, как оно, по его впечатлению, произошло в обратном порядке.

Теперь все стало по-другому.

И все доказывало, что случившееся было галлюцинацией.

Даже идея, что движение в каждом направлении заняло двадцать шесть минут, была попыткой разумного объяснения.

Нет, ничего не произошло.

...Не следует пить, решил он. Это может вызвать припадок.

Он засмеялся.

Вообще-то — чистое безумие.

Вспоминая, он выпил бокал.

Утром он по обыкновению обошелся без завтрака, отметил про себя, что уже довольно поздно, принял две таблетки аспирина и тепловатый душ, выпил чашку кофе и вышел на прогулку.

Парк, фонтан, детишки пускают кораблики, трава, пруд — он ненавидел их всех, и утро, и солнечный свет, и голубые разводы между башнями облаков.

Он сидел и ненавидел. И вспоминал.

Если он на грани психического срыва, решил он, то уж лучше сразу сорваться, а не пошатываться на краю.

И он помнил почему.

Но все было ясным, таким ясным — утро, и все. Резким, отчетливым, пылающим зеленым огнем весны под знаком Овна. Апрель.

Он смотрел, как ветер громоздит ошметки зимы у далекой серой ограды, видел, как он гонит кораблики через пруд к топкому берегу в отпечатках детских следов.

Фонтан раскидывал холодный зонт над позеленевшими бронзовыми дельфинами. Солнце зажигало струи огнями, стоило ему повернуть голову. Ветер ворошил их.

На бетоне, сбившись кучкой, птицы клевали огрызок шоколадного батончика в красной обертке.

Воздушные змеи покачивались на хвостах, пикировали к земле, вновь взмывали, подчиняясь невидимым нитям, которые держали мальчишки. Телефонные провода были увешаны планками каркасов, облеплены рваной бумагой — обломанные нотные знаки, смазанные глиссандо.

Он ненавидел телефонные провода, воздушных змеев, детей, птиц.

Хотя больше всего он ненавидел себя.

Как человек *разделывает* обратно то, что сделал? Никак. Нет для этого способа нигде под солнцем. Можно страдать, помнить, каяться, проклинать или забывать. И только. Прошлое в этом смысле неизбежно.

Мимо прошла женщина. Он слишком поздно поднял глаза и не увидел ее лица, но пепельный водопад волос по плечи, стройность ног в ажурности чулок между краем черного пальто и бодрым перестуком каблучков остановили его дыхание где-то под диафрагмой, запутали его взгляд в колдовском плетении ее походки, ее осанки и в чем-то еще — вроде рифмы к последней из его мыслей.

Он привстал со скамьи, но тут по его глазным яблокам ударила розовая статика, и фонтан превратился в вулкан, извергающий радуги.

Мир был заморожен и подан ему под стеклом.

...Женщина прошла спиной перед ним, и он опустил глаза слишком быстро, чтобы заметить ее лицо.

Он понял, что возобновляется ад: птицы пролетели мимо хвостами вперед.

Он отдался течению. Пусть несет его, пока он не сломается, пока он весь не израсходуется и не останется ничего.

Он ждал там на берегу, следя за круговоротом вещей, а фонтан всасывал струи по большой дуге над недвижными дельфинами, а кораблики плыли через пруд кормой вперед, а ограда сбрасывала с себя мусор, а птицы восстанавливали шоколадный батончик внутри красной обертки — крошку за хрусткой крошкой.

Только его мысли были неприкосновенны, а тело принадлежало отливной волне. Через какое-то время он встал и спиной вышел из парка. На улице мимо него пропятился мальчишка, всвистывая обрывки популярного мотивчика. Спиной вперед он поднялся по лестнице к себе в квартиру, ощущая нарастающее похмелье, развыпил свой кофе, распринял душ, разглотнул аспирин и лег в постель, чувствуя себя ужасно. Пусть так, решил он. Смутно припомнившийся кошмар развернулся обратно у него в сознании, обеспечив незаслуженно счастливый конец.

Когда он проснулся, было темно.

И он был очень пьян.

Он попятился до бара и начал выплевывать спиртное в тот же бокал, каким пользовался накануне, и выливать из бокала назад в бутылки. Разделять джин и вермут оказалось проще простого — каждая жидкость сама взвивалась пологой струей в соответствующую бутылку, которую он наклонял над бокалом.

И пока это продолжалось, его опьянение неуклонно шло на убыль.

Затем он оказался перед ранним мартини, и было 10 часов 7 минут вечера. И тут в пределах галлюцинации он задумался о другой галлюцинации. Будет ли время за-

мыкаться в петле — двойной, то вперед, то назад, через его предыдущий припадок?

Нет.

Как будто того припадка никогда не случалось, никогда не было.

Он продолжал пятиться через вечер, разделывая сделанное.

Он взял телефонную трубку, сказал «всего хорошего», разобъяснил Мэррею, что завтра опять не явится на работу, послушал, положил трубку и посмотрел на нее, когда телефон зазвонил.

Солнце поднялось на западе, и люди задним ходом ехали в своих машинах на работу.

Он прочел прогноз погоды и заголовки, сложил вечернюю газету и оставил ее на столике в прихожей.

Такого длительного припадка у него еще не бывало, но это его не волновало. Он приспособился и наблюдал, как день разматывается к утру.

По мере этого его похмелье нарастало и стало жутким, когда он снова лег в постель.

Когда он очнулся в предыдущем вечере, то был пьян в дымину. Он заполнил, закупорил, запечатал две бутылки. Он знал, что скоро отнесет их в винный магазин и получит обратно свои деньги.

И пока он сидел там весь этот день, а его рот вбирал ругань и исторгал алкоголь и его глаза распрочитывали прочтенное, он знал, что одновременно новые машины отправляются назад в Детройт и разбираются на конвейере, что трупы воскресают в предсмертную агонию, а священники во всем мире, сами того не подозревая, служат черные мессы.

Ему хотелось засмеяться, но он не мог принудить свой рот сделать это.

Он вкурил две с половиной пачки сигарет.

Затем наступило новое похмелье, и он лег в постель. Потом солнце зашло на востоке.

Крылатая колесница Времени неслась перед ним, когда он открыл дверь, сказал «до свидания» своим утешителям, и они вошли, сели и посоветовали ему не поддаваться горю до такой степени.

Он заплакал без слез, представив себе, что ему предстояло.

Вопреки своему безумию, он страдал.

...Страдал, а дни катились назад.

...Назад, неумолимо.

...Неумолимо, пока он не понял, что это время уже близко.

Он мысленно скрежетал зубами.

Велики были его горе, его ненависть, его любовь.

Он был в своем траурном костюме и развыпивал бокал за бокалом, а где-то люди наскребывали землю назад на лопаты, которые будут использованы, чтобы расзакопать могилы.

Он въехал задним ходом на своей машине на стоянку у похоронного бюро, поставил ее и сел в лимузин.

Они ехали задним ходом всю дорогу до кладбища.

Он стоял среди своих друзей и слушал священника.

— ...праху прах, земле Земля,— сказал тот, а впрочем, в каком порядке ни говори эти слова, получается практически то же самое.

Гроб был поднят назад на катафалк и возвращен в траурный зал похоронного бюро.

Он просидел службу, и отправился домой, и распобрился, и распочистил зубы, и лег спать.

Он проснулся, снова оделся в траур и вернулся в бюро.

Цветы все были на своих местах.

Друзья со скорбными лицами разрасписались в книге соболезнований и распожали ему руку. Затем они вошли внутрь посидеть и посмотреть на закрытый гроб. Затем они ушли, а он остался наедине с распорядителем похорон.

Затем он остался наедине с собой.

По его щекам текли вверх слезы.

Костюм и рубашка были вновь несмятыми.

Он уехал задним ходом домой, разделся, распричесал волосы. День вокруг него рухнул в утро, и он вернулся в постель распроспать еще одну ночь.

В предыдущий вечер, проснувшись, он понял, что ему предстоит.

Дважды он напряг всю свою силу воли, чтобы прервать последовательность событий. И потерпел неудачу.

Он хотел умереть. Убей он себя в тот день, так не возвращался бы к нему теперь.

В его сознании закипали слезы при мысли о прошлом, от которого его теперь отделяло менее суток.

Прошлое преследовало его по пятам в этот день, пока он раздоговаривался о покупке гроба, склепа, всяких похоронных принадлежностей.

Затем он возвратился домой к похмелью — самому тяжелому — и спал, пока не проснулся, чтобы развыпивать бокал за бокалом, а затем вернуться в морг и снова прийти домой как раз вовремя, чтобы повесить трубку после этого звонка, этого звонка, который раздался, чтобы нарушить...

...Безмолвие его злости своим треньканьем.

Она погибла.

Она лежала где-то в обломках своей машины на девяностом шоссе.

Пока он расхаживал, вкуривая сигарету, он знал, что она лежит там и истекает кровью.

...И умирает после аварии на скорости восьмидесяти миль в час.

...И оживает?

...И вместе с машиной становится целой и невредимой, и вновь живет, воскресшая? И в эту самую минуту мчится багажником вперед домой на жуткой скорости, чтобы раззахлопнуть дверь после их финальной ссоры? Чтобы разнакричать на него и чтобы он разнакричал на нее?

Он мысленно застонал. Он в душе своей ломал руки. Не может это остановиться именно сейчас. Нет. Только не сейчас.

Все горе, вся любовь, вся ненависть к себе вернули его так далеко, так близко к той минуте...

Не может, не может это кончиться теперь.

Через какое-то время он перешел в гостиную, его ноги ходили из угла в угол, его губы сыпали ругательства, а сам он ждал.

Дверь хлопнула и открылась.

Она смотрела на него. Тушь смазана, слезы на щеках.

— !чертям всем ко уезжай Так,— сказал он.

— !уезжаю Я,— сказала она.

Вошла внутрь, закрыла дверь.

Торопливо повесила пальто на вешалку.

— .считаешь ты как вот Ах,— сказал он, пожимая плечами.

— !себя кроме, нужен не никто Тебе,— сказала она.

— !ребенка хуже себя ведешь Ты,— сказал он.

— !хотел не что, сказать, мере крайней по, бы мог Ты.

Ее глаза блеснули, как два изумруда, сквозь розовую пелену статики, и вот она — прелестная, вновь живая. В мыслях он плясал от радости.

Произошла перемена.

— Ты мог бы, по крайней мере, сказать, что не хотел!

— Я не хотел,— сказал он, сжимая ее руку так, что она не могла вырваться.— И ты никогда не узнаешь, до чего же я не хотел. Обними меня,— сказал он.

И она обняла.

Вальпургиева ночь

Был ясный, солнечный день. Молодой, строго одетый человек шел по мощенной булыжником дорожке, рядом с которой рос аккуратно подстриженный кустарник. В одной руке он нес венок из роз, в другой — план, с которым непрерывно сверялся. Свернув на одну из соседних до-

рожек, он пошел среди зеленых холмиков, на которых лежали небольшие бронзовые таблички. Мимо проплывали надгробные плиты, поддельные греческие руины, пышные деревья... Молодой человек изредка вглядывался в таблички с именами усопших, вновь сверяясь с планом.

В конце концов он подошел к тенистой площадке. Вокруг щебетали птицы, но деревья были пусты — скорее всего, пение пташек воспроизводилось магнитофоном. Молодой человек посмотрел на табличку с номером около могильного холмика. Здесь!

Положив на землю план и венок, он опустился на колено и коснулся рукой бронзовой таблички с выгравированным на ней именем — Артур Абель Эндрю, под которым стояли две даты, разделенные чертой. Отодвинув едва заметную щеколду, он приподнял бронзовую табличку, которая была крышкой небольшого ящичка, и нажал на кнопку, находившуюся на дне.

Послышался сначала слабый, а затем все более отчетливый голос, несущийся словно бы ниоткуда:

— Отлично... Давненько меня никто не навещал...

Над могильным холмиком внезапно материализовалась фигура краснощекого грузного человека с маленькими бегающими глазками. Он был одет в черные брюки и белую рубашку с закатанными выше локтей рукавами. На шее свободно висел коричневый галстук.

— Э-э... как ваши дела? — сглотнув, задал нелепый вопрос молодой человек.

Но покойник не обиделся.

— В мире и вечном покое,— бодро ответил он.— Я обязан сказать так, поскольку эти слова заложены в программе, но все это дерьмо. Дайте-ка как следует вас рассмотреть...

— Я ваш племянник Раймонд,— ответил молодой человек с нервной улыбкой.— Я был здесь только однажды, совсем маленьким...

— Ах да. Сын Сары. Как она поживает?

— Прекрасно, дядя. Только что ей в третий раз трансплантировали печень. Сейчас она отдыхает на Ривьере.

Раймонд невольно подумал о компьютере, вмонтированном где-то под его ногами. Вложенная в него программа была напичкана самой разнообразной информацией о покойном, начиная с его фотографий и кончая записями биоволн, излучаемых его мозгом. Специальная установка создавала голографическое изображение покойного, а компьютер имитировал его голос. Но, даже зная все это, Раймонд чувствовал себя не очень уверенно. Фантом дяди выглядел слишком натурально, и невозможно было избавиться от чувства, что ты разговариваешь с живым человеком.

— Э-э... Я принес вам прекрасный венок, дядя. Ваши любимые алые розы, в бутонах.

— Замечательно! — сказал Артур.— Мне нужны живые вещи.

Рядом с ним появился высокий вращающийся табурет. Артур уселся на него, и тут же перед ним возникла часть стойки бара, на которой стояла полная пивная кружка. Артур сдул пену и сделал солидный глоток, даже крякнув от удовольствия.

— Если вам не нравятся эти розы, дядя, я могу их забрать с собой,— поспешно сказал Раймонд.

Дядя поставил кружку и покачал головой:

— Нет-нет, оставь эти чертовы цветы. Я как раз размышляю, как с пользой использовать их, пока они не завяли.

Вскоре он встал, потянулся и... пошел к венку, лежащему рядом с могильным холмиком. Подняв его, дядя вернулся обратно.

Раймонд отпрянул со сдавленным воплем. Дядя добродушно ухмыльнулся.

— Это сработало силовое поле, созданное специальным генератором,— пояснил он.— Оно сделано так, что совпадает с контурами моего голографического изображения. Крепкая штучка, верно? Самое последнее изобретение!

— Но как... как вы могли пойти за ним? Разве вы...

Артур хохотнул и, расстегнув рубашку, поскреб свою волосатую грудь.

— И каков ваш радиус передвижения, дядя?

— Около двенадцати футов,— ответил Артур.— Дальше я начинаю блекнуть. Вообще-то не рекомендуется отходить дальше десяти. Так, придумал!

Он подошел к соседней могиле, открыл бронзовую крышку и, наклонившись, нажал на внутреннюю кнопку. Тотчас рядом материализовалась высокая белокурая женщина не первой молодости, но еще достаточно привлекательная, с зелеными глазами и смеющимся ртом.

— Мелисса, моя дорогая, я принес вам немного цветов,— проворковал Артур, протягивая покойной венок.

— С какой могилы вы его стащили? — с мягким упреком спросила женщина.

— Ну что вы, как вы могли такое подумать! Мне его только что подарили.

— Если так, благодарю. Пожалуй, я воткну одну розу в волосы.

— Или приколите ее к груди, когда мы пойдем куда-нибудь повеселиться.

— О-о?

— Я имею в виду небольшую вечеринку. Вы свободны сегодня вечером?

— Да. Ваши слова звучат как-то особенно по-живому, Артур. Это очень мило с вашей стороны. Но как вы собираетесь это организовать?

Артур повернулся:

— Рад вам представить, дорогая, моего племянника, Раймонда Ашера. Раймонд, познакомься, это миссис Мелисса Девисс.

— Рад видеть вас,— пробормотал молодой человек, несколько побледнев.

Мелисса подарила ему очаровательную улыбку.

— Я тоже очень рада. У вас очень милый родственник, Артур.

Краснощекий покойник церемонно поцеловал ей руку.

— Итак, не забудьте о моем приглашении, милая,— сказал он.— Вы же знаете, я могу устроить буквально все.

— Верю, что можете,— растроганно сказала Мелисса и коснулась губами его щеки. Вынув из венка одну розу,

она воткнула ее в волосы.— До вечера, Артур. Всего вам хорошего, молодой человек.

Она растаяла, и венок упал на ее могилу. Артур закрыл бронзовую крышку и вернулся к себе. Вновь усевшись на высокий табурет, приложился к пивной кружке, а затем подмигнул ошеломленному племяннику.

— Муж отравил ее, застав однажды с любовником,— пояснил он.

Раймонд покачал головой.

— Дядя, смерть не пошла вам на пользу,— укоризненно заметил он.— Ваша мораль ничуть не окрепла даже на том свете. Волочиться за покойницей...

— Это зависит от точки зрения,— философски заметил Артур.— Уверен, что в свое время ты иначе посмотришь на эти вещи.— Он сделал еще один глоток и даже крякнул от удовольствия.— Напиток забвения. От него становится легче на душе даже тогда, когда кроме души у тебя ничего не остается.

— Дядя...

— Знаю, знаю,— сказал Артур,— ты чего-то хочешь, иначе сюда бы не пришел.

— Вас всегда считали финансовым гением...

— Верно.— Он сделал кругообразный жест рукой.— Потому-то я и могу позволить себе такую шикарную жизнь после смерти.

— Дело заключается вот в чем. Бóльшую часть семейных средств вы вложили в акции Киберсола...

— Продай их ко всем чертям! Сплавь эту дрянь поскорее!

— Вот как?

— Скоро эти дерьмовые акции упадут в цене и уже больше не поднимутся.

— Э-э... погодите, дядя. По-моему, вы слишком спешите с выводами. Ситуация на биржевом рынке сейчас такова...

— Ты что, будешь меня учить? — побагровел Артур.— Центральный процессор моего могильного компьютера днем и ночью перерабатывает всю информацию, которая

публикуется в финансовой периодике страны. Я в курсе всех дел в этой сфере, Раймонд. Ты потеряешь последнюю рубашку, если сохранишь акции этого гнилого Киберсола.

— Хорошо! Я поступлю, как вы сказали, дядя. Но что делать потом?

Дядя улыбнулся и хитро подмигнул гостю.

— Любезность за любезность, племянничек. Услуга за услугу.

— Что вы имеете в виду?

— Совет высшего качества, который ты у меня просишь, стоит куда больше, чем дюжина вшивых роз.

Раймонд вздохнул:

— Вы слишком деловиты для покойника, дядя. Я надеялся, честно говоря, что смерть сделает вас альтруистом.

— Чего захотел! Хоть я и мертвец, но ничто человеческое мне не чуждо. Короче, мне нужна твоя помощь, племянник.

— А именно?

— Ты придешь сегодня сюда в полночь и нажмешь на каждую компьютерную кнопку в этом секторе кладбища. Я собираюсь дать большую вечеринку для соседей.

— Дядя, это звучит совершенно непристойно!

— А затем можешь идти ко всем чертям. Тебя я не приглашаю. Похоже, ты, несмотря на молодость, редкостный зануда.

— Э-э... не знаю...

— Ты хочешь сказать, что в нашем стерильном, совершенном мире ты побоишься прийти ночью на кладбище... пардон, в мемориальный парк? И всего-то нажать несколько кнопок?

— Хорошо, но... Мне кажется, что вы стали еще хуже после смерти, дядя. Вы заставляете меня порождать новые, с иголочки, пороки. Неужели вам мало старых?

— О, это не твое дело, племянничек. К утру сработают таймеры и отключат всех нас, словно электрические лампочки. В твоей помощи мы больше нуждаться не будем. Смотри на такие вещи проще. Разве дурно, что радости в этом мире станет чуть больше? Кроме того, ты же не хочешь оставить нашу семью без средств?

— Да...

— Тогда увидимся ровно в полночь.

— Хорошо.

— И кроме того, я дал слово даме. Не подведи меня, мальчик.

— Не подведу.

Дядя Артур поднял кружку, допил пиво одним глотком и исчез. Когда Раймонд шел к выходу с кладбища вдоль тенистой аллеи, ему на минуту привиделась жуткая картина: скелеты, сидящие на надгробных плитах; полуразложившиеся мертвецы, кривляющиеся в непристойных танцах около разверстых могил; летучие мыши, мелькающие в беззвездном небе; крысы, шастающие среди истлевших костей... Но вскоре это видение сменилось другим. Под серебристым светом луны замелькали изысканно одетые пары, кружащиеся в вальсе, в воздухе заискрились фейерверки, бравурно звучал оркестр... Даже смерть опустила свою скрипку, заметив, что ее саван сменился на бальное платье. Она подошла было к улыбающемуся краснощекому мужчине, но не осмелилась призвать его к порядку и исчезла.

Дядя Артур на самом деле мог устроить все, что угодно.

Беззвездной ночью в пути

И тьма, и тишина вокруг, и ничего, ничего внутри.

Внутри меня?

Первая мысль пришла незваной, вынырнула из какого-то черного омута.

— Меня? — подумал он.— Где? Что?..

Нет ответа.

Последовало нечто вроде паники, но без обычных психологических аккомпанементов. Когда это повторилось,

он прислушался, стараясь уловить хотя бы какой-то звук. Он уже понял, что увидеть что-либо ему не удастся.

Но и услышать ничего не удалось. Даже малейших звуков живого организма — дыхания, стука сердца, раздражающего скрипа суставов. И тогда он осознал, что лишен всех телесных ощущений.

Но он справился с паникой. Смерть? Бестелесность, неподвижность...

Где? В какой точке пространства-времени он находится? Ему хотелось встряхнуть головой.

Он вспомнил, что был человеком — и, кажется, где-то должны были сохраняться его воспоминания, но где? Он попытался вызвать из ниоткуда свое имя, и внешний облик, и картины прошлого, но не смог. Отчаянные попытки вспомнить хоть что-то ни к чему не привели. Амнезия? Травма мозга? Глубокий сон?

Тело... Что это такое? Начнем с этого. Руки, ноги, голова, торс...

Через его сознание на мгновение пронеслось воспоминание о сексе. Два тела, когда... Он подумал о своих руках, не чувствуя ничего. Попытался пошевелить ими. Но ощущения их существования не возникло.

Дыхание... Он попытался сделать глубокий вздох. Ничего не произошло. Не было никакого свидетельства, что между ним и безмолвной темнотой существовала какая-то граница.

Словно бы ниоткуда появился жужжащий звук. Он заполнил все пространство, то поднимаясь на немыслимую высоту, то переходя в грохот, то возвращаясь к назойливому жужжанию. Обрываясь, он возвращался снова и снова.

Затем наступила пауза, и до него донеслось:

— Привет! Вы слышите нас?

Он почувствовал облегчение, смешанное со страхом. Слова заполнили его бесплотный разум и что-то пробудили в нем.

— Вы слышите?

И еще раз. Страх исчез, и на его место пришла смутная радость. Он почувствовал необходимость хоть как-то ответить — и, к своему изумлению, сумел сделать это:

— Да. Кто это?

Ему показалось, что где-то вдали беседовали несколько голосов — торопливые, высокие, странные. Он не мог уловить смысл разговора.

Затем:

— Привет еще раз. Пожалуйста, ответьте. Мы настраиваем коммуникатор. Как вы теперь нас слышите?

— Лучше,— ответил он.— Где я? Что случилось?

— Вы что-нибудь помните?

— Ничего!

— Не паникуйте, Эрнест Докинс. Вы помните, что вас зовут Эрнест Докинс? Мы узнали это из ваших документов.

— Теперь вспоминаю.

Одно звучание его имени принесло целый поток образов: его собственное лицо, лица жены, их двух дочерей, фасад дома, обстановку в лаборатории, где он работал прежде, внешний вид его автомобиля, пейзажи взморья солнечным днем...

Этот день на взморье... Тогда он впервые почувствовал боль в левом боку, тупую боль, которая усиливалась все последующие недели.

— Я... она вернулась... моя память...— сказал он.— Словно плотина прорвалась... Дайте мне минуту...

— Мы подождем.

Он не стал вспоминать о перенесенных страданиях. Он был болен, очень болен. Его положили в больницу, оперировали, накачивали наркотиком... Вместо этого он подумал о жене, детях, любимой работе. Он подумал о школе, любви, политике, науке. Он думал о растущем напряжении в мире, о своем детстве, о...

— Вы в порядке, Эрнест Докинс?

Похоже, он давно закончил свой жизненный путь, и потому этот вопрос вызвал у него нечто похожее на смех.

— Трудно сказать. Я вспоминаю события моей прошлой жизни... Но где я? В аду? Что случилось?

— Выходит, вы вспомнили не все?

В доносившемся до него голосе что-то неуловимо изменилось. Или дело было в странном акценте?

— Похоже, что нет.

— Вы были больны, очень больны.

— Это я помню.

— Фактически вы умирали. Так говорили врачи.

Он заставил себя мысленно вернуться к периоду своих мучений на больничной койке.

— Да...— сказал он.— Я помню.

Он увидел как будто со стороны свои последние дни в больнице. Его состояние резко ухудшалось, он словно скатывался по наклонной плоскости в точку, из которой нет возврата.

Ужас, который он при этом испытывал, усугубляли тоскливые лица членов его семьи, друзей и родственников. Он вспомнил, как принял решение провести свой заранее продуманный план в жизнь. Деньги никогда не были для него проблемой, и потому в завещании он мог позволить себе подумать о смерти иначе, чем большинство людей. Он решил заморозить себя и прожить долгую зиму человечества, грезя во сне о будущей его весне.

— И как долго я спал?

— Немало.

Если бы у него были губы, он сейчас облизал бы их. Пришлось проделать это мысленно.

— Что с моей семьей? — спросил он.

— Увы, времени прошло слишком много...

— Понимаю.

Невидимый собеседник дал достаточно времени, чтобы он смог осмыслить услышанное. Затем:

— Вы, конечно, ожидали нечто подобное?

— Да. Я готовил себя к такому положению вещей — пока не потерял способность рассуждать.

— Прошло так много времени...

— Сколько?

— Давайте лучше поговорим о более интересных для нас вещах.

— Хорошо.

— Мы рады, что вы такое благоразумное существо.

— Существо?

— То есть человек. Извините нас.

— И все же мне хочется кое о чем спросить. Неужели по-английски ныне говорят так странно? Или это не ваш родной язык?

После паузы собеседник уклончиво сказал:

— Позвольте нам не отвечать на этот вопрос.

— Как хотите. Но вы же должны понять, что меня крайне заботит мое нынешнее состояние. Я ничего не вижу и не ощущаю.

— Мы знаем это. Жаль, конечно, но в таком положении есть и определенное преимущество. Еще не пришло время для вашего полного пробуждения.

— Не понимаю. Выходит, вы не нашли способа излечить меня?

— Мы не знаем другого — как вывести вас из замороженного состояния без значительных повреждений клеток вашего тела.

— Тогда как же... как же мы тогда разговариваем?

— Мы снизили температуру вашего тела почти до абсолютного нуля. Нервная система стала сверхпроводимой. Затем мы включили специальное энергополе и стали воздействовать им на ваш мозг. В результате в нем начали циркулировать биотоки. Ныне мы обращаемся с помощью энерголуча прямо в ваш мозг и получаем оттуда ответы. Можете считать это телепатической связью.

На него нахлынула новая волна паники. Как долго она продолжалась, он не знал. Его привел в себя голос, настойчиво повторявший его имя.

— Слышу...— с трудом ответил он.— Я все понял... но это нелегко принять.

— Понимаем. Но то состояние, в котором вы находитесь, по-своему очень устойчиво. Мы могли бы даже удалить ваше сердце, и это ничего бы не изменило.

— Похоже, так и есть. То, что вы сделали, внушает мне кое-какие надежды. Но зачем вы сделали это? Наверное, вы не стали бы пробуждать меня только ради того, чтобы продемонстрировать свое могущество?

— Нет. Нас интересует время, в котором вы прежде жили. С чисто археологической точки зрения.

— Археологической? Выходит, прошло очень много времени?

— Простите, быть может, мы употребили не совсем то слово. Наверное, надо выражаться как-то иначе, когда говоришь о руинах. Но так или иначе, ваш мозг и нервная система — двери в далекое прошлое.

— Руины? Что, черт побери, случилось?

— Была война, и был хаос. Точной информации у нас нет.

— Кто выиграл войну?

— Трудно сказать.

— Значит, дело обстоит совсем плохо...

— Вполне возможно. Мы еще не закончили наши исследования. Потому-то мы надеемся много узнать от вас... вернее, от ваших замороженных останков.

— Но... но если на Земле произошла война, а затем воцарился хаос, то как же мое тело уцелело?

— Вы находитесь в подземном, очень прочно построенном здании. Система охлаждения имеет автономный атомный генератор, управляемый специальным компьютером. Ни время, ни атомные взрывы здесь ничего не изменили.

— Ужасно... Но вы хотите от меня слишком многого. Со времени моей псевдосмерти прошли, быть может, века, но я ничего не знаю о них! Если вы считаете, что я здесь развлекался, смотря телевизор и читая газеты, то ошибаетесь.

— Понимаем. Но нас интересует прежде всего ваше время.

— Э-э... Не знаю даже, с чего начать.

— Может быть, мы будем задавать вопросы?

— Отлично. Но еще лучше будет, если впоследствии я тоже смогу кое-что узнать.

— Договорились. Итак, скажите, вы жили в здании, где работали, или в каком-нибудь другом месте?

— Странный вопрос. Конечно же, я жил в другом месте. У меня был дом на другом конце города, и на службу я ездил на автомобиле.

— Так поступали многие сущест... люди в вашей стране?

— Да. Не все имели собственные автомобили, некоторые ездили на работу на автобусах или поездах.

— Автомобиль — это четырехколесное транспортное средство с двигателем внутреннего сгорания?

— Да. Они широко использовались во второй половине двадцатого столетия.

— Их было много?

— Очень, очень много.

— Наверное, возникали трудности с организацией движения большого количества автомобилей?

— Да. Существовал так называемый час пик — время, когда большинство людей направляется на работу или возвращается с нее. На дорогах в эти часы возникали заторы, которые мы называли пробками.

— Очень интересно. Мы обнаружили в океанах несколько громадных существ, иногда всплывающих на поверхность, чтобы подышать. Они существовали в ваше время?

— Да, если вы имеете в виду китов.

— Интересно. А какого рода была ваша работа?

— Я занимался исследованием токсических веществ, как химических, так и бактериологических. В частности, их классификацией.

— Что давали эти исследования?

— О, они носили секретный характер. Нами, к примеру, изучался вопрос применения токсических веществ в военном деле.

— Война уже начиналась?

— Нет. Но наша страна готовилась к ней. Химическое и бактериологическое оружие было запрещено, кстати, по нашей же инициативе, но мы хранили большие запасы в трех надежно охраняемых хранилищах.

Наступила пауза. Затем голос вновь зазвучал:

— Прошло немало столетий — как вы считаете, это оружие могло уцелеть?

— Вполне возможно.

— Это нас очень тревожит. Мы исповедуем сугубо пацифистские взгляды и озабочены опасностью, которая все еще угрожает остаткам человечества.

— Хм... Это звучит так, словно вы принадлежите к другому виду.

Зазвучал другой, более высокий голос:

— Вы сделали неправильный вывод, Эрнест Докинс. Просто язык людей изменился за прошедшее время куда сильнее, чем вы представляете. Мы давно знаем о том, что где-то на этой планете спрятаны огромные арсеналы мощного оружия, и неустанно ищем их. Наша задача — уничтожить все, что может ввергнуть Землю в разрушительную войну. Но мы не знаем, где спрятаны эти арсеналы.

— Хм... не уверен... Простите, я не хочу вас обидеть, но вы — лишь голос, звучащий внутри моего замороженного мозга. Я ничего о вас не знаю. Разве можно в такой ситуации делиться сверхсекретной информацией?

Настало долгое молчание. Обеспокоившись, он спросил:

— Эй, вы еще здесь?

Он ничего не услышал, даже звука собственного голоса. Неужели он обидел своих собеседников и они прекратили с ним контакт?

— Эй, вы слышите меня? Ответьте, ради бога! Ответьте!..

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем голос вновь зазвучал в глубине его мозга:

— Просим прощения, произошла небольшая поломка. Сожалеем о вчерашнем небольшом конфликте.

— Вчерашнем?

— Да, нам пришлось отправиться за новым коммуникатором. Поломка произошла как раз в тот момент, когда вы что-то говорили о сверхсекретной информации.

— Сожалею,— сказал я.— Вы задали вчера вопрос, на который я, увы, не могу дать ответ.

— Мы хотим лишь предотвратить катастрофу.

— Э-эх... Подумайте, в каком ужасном положении я нахожусь. Я не могу ничего проверить из того, о чем вы говорите!

— Лучше подумайте вот о чем. Если на вас сверху упадет какой-либо тяжелый предмет, вы разобьетесь, словно стеклянная бутылка.

— Даже этого я не смогу проверить...

— Мы можем также выключить внешнее энергополе или просто отключить вашу морозильную установку.

— По крайней мере, это будет безболезненной смертью,— ответил он спокойнее, чем сам ожидал.

— Мы требуем, чтобы вы все рассказали об арсенале!

— Узнайте об этом где-нибудь в другом месте.

— Хорошо. Тогда мы отключим коммуникатор и дадим вам размышлять о своей ошибке целую вечность. Рано или поздно вы сойдете с ума, глупец. Прощайте.

— Подождите!

— Вы расскажете нам все?

— Нет. Не могу.

— Вы хотите сойти с ума?

— Нет, но...

— Итак, нам выключать коммуникатор или нет?

— Ваши угрозы не оставляют сомнения в том, кто вы такие. Я не могу вручить вам страшное оружие.

— Эрнест Докинс, вы неразумны.

— А вы — не археологи! Похоже, вы преследуете далеко не чистые цели. Наверняка вы избавитесь от меня, как только я расскажу вам, что мне известно.

— Вы никогда не узнаете, кто мы такие.

— Я знаю достаточно.

— Вернемся к вопросу о вашем возможном сумасшествии. Подумайте еще раз.

Последовало долгое молчание.

Его захлестнула паника, а затем перед ним возникли лица родных, дом, улицы города... Жизнь вокруг становилась все более реальной, и настал момент, когда он вышел из своей бетонной могилы и пошел домой, щуря глаза от яркого летнего солнца. Никто из членов его семьи не удивился, когда он вернулся. После обеда зазвонил телефон, и шеф попросил его срочно прибыть на работу. Оказалось, что приехали военные, чтобы обсудить вопрос о размещении запасов токсических веществ в специальных хранилищах. Эрнест сказал: «Еду»,— но не двинулся с места. Его насторожило, что шеф говорил о таких важных делах по городскому телефону. Поразмыслив, он позвонил и попросил у шефа внеочередной отпуск. Не слушая возражений, он повесил трубку и пошел загорать на пляж.

Он удивился, когда однажды в его правом боку вновь возникла боль, но к врачам обращаться не стал. Да и зачем? Днями напролет он лежал на пляже и любовался облаками, слушал шум прибоя, подставлял лицо струям дождя... Это продолжалось долго, целую вечность. Но настал день, когда он услышал голоса, звучавшие из-под песка. Они о чем-то его спрашивали, но он не понял ни слова. Подняв глаза, он увидел перед собой расплавленную статую, держащую меч в обугленной руке. Мимо нее плыли серые скалы, и на них сидели русалки, много русалок. Они пели протяжные песни, они расчесывали зеленые, словно водоросли, волосы гребнями из человеческих костей, они смеялись при вспышках молний. А затем все превратились в лед.

Первый постулат

17 июля

Моя дорогая Энн,

Наверное, мне не стоило это писать. Вряд ли они что-либо пропустят отсюда, и если Отто найдет эти записи, реакция может быть непредсказуемой. Остров уже недолю наглухо заблокирован. Не знаю, что они сказали тебе или как они объяснили все общественности, но можешь быть уверена: что бы они ни говорили, все ложь. Никто здесь не хочет смотреть фактам в лицо, кроме, может быть, Диаса. Отто все более становится сторонником строгих мер. Этим утром он устроил нечто вроде военной инспекции в наших маленьких прибрежных хижинах, куда мы вселились после пожара. (Это что-то вроде кабинок для переодевания, разбросанных по берегу в уединенной бухточке в десяти минутах ходьбы от старого отеля.) Отто велел нам построиться на белом песке перед хижинами, по возможности в полной униформе — что было не очень-то просто, потому что у многих из нас почти все сгорело в огне, и пока нам не сбросили новые белые комбинезоны, мы больше походили на нищих, чем на сотрудников Медицинской исследовательской миссии. Отто не видел в этом ничего смешного. Мы стояли на жарком солнце, пока он шарил в наших пожитках. Он объявил это профилактикой против тараканов. (Диас сказал, что все тараканы на острове были истреблены двадцать пять лет назад, но Отто не слушал. Разумеется, мы все знаем, что боится он не тараканов.)

Не знаю, почему мы все еще подчиняемся ему. Привычка? Страх? Я не единственный, кто думает, что Отто мог бы немного ослабить напряжение. Впрочем, медики, которые занимают административные должности в ВОЗе, всегда бывают излишне подозрительными. Но вот, например, доктор Стюарт, который, казалось бы, должен был быть совершенно подавлен потерей драгоценного лабораторного оборудования, выглядит так, словно все это его не касается. Ему удалось спасти пригоршню инструментов и кое-как пристроить их в том, что осталось от подвала в отеле, к тому же он с нетерпением ждет, когда ему сбросят новое оборудование, которое, как он уверяет, обещал ему Главный хирург, и мне кажется, он сейчас гораздо счастливее, чем раньше. Он старейший член миссии (Истекший Возраст — 102), и не далее как прошлой ночью я слышал, как он возбужденно разговаривал с одним из своих асси-

стентов о возможности, которая «предоставляется раз в жизни». Учитывая все, что мне известно о Стюарте, я сомневаюсь, что его ирония была намеренной.

Сегодня наш пятнадцатый день на острове. Аборигены — рыбаки и рабочие cocal — оставили нас в полной изоляции с той ночи, когда случился пожар. Вообще-то они относятся к нам как к изгоям, прокаженным, если тебе знакомо это старинное слово. Это все равно что находиться в карантине внутри другого карантина. К счастью, остров достаточно велик, и мы ни с кем не сталкиваемся здесь, на северо-восточной его оконечности,— между нами и их главным городом Санта-Тереза две мили лесистых monte,— и пока ООН продолжает сбрасывать нам с вертолета посылки, с водой и пищей не будет проблем...

Энни, если бы только я нарушил правила и намекнул тебе, что происходит, прежде чем покинуть Нью-Йорк! Вся суть Конкордата заключается в том, что каждое сообщение о «естественной смерти» должно расследоваться, независимо от того, из какого источника оно поступило, а это означает, что по меньшей мере полдюжины экспедиций вроде нашей ежегодно рыскают по всему свету, поднятые по ложной тревоге. В большинстве случаев быстрое вскрытие показывает, что местная организация здравоохранения просто не сумела установить случайное отравление или травму, повлекшую удушение, и запаниковала. По понятным причинам гражданские власти хотят, чтобы мы держали язык за зубами, но с медицинской точки зрения все это чистая рутина. Мое имя просто случайно оказалось на первой строчке реестра должностей, когда с этого крошечного островка у побережья Юкатана пришел сигнал SOS. Как я уже говорил, никто особенно не взволновался, но мы собрались быстро; никто не сомневался, что мы обернемся за двадцать четыре часа. Наш вертолет приземлился на северной оконечности Исла-Караколес в 10.15 утра по местному времени. К полудню по миссии со скоростью лазерного луча разнеслась новость: получено подтверждение по меньшей мере двух летальных исходов «не в результате несчастного случая».

Это была не ложная тревога. Впервые почти за сорок лет что-то случилось с иммунной системой.

Моей первой реакцией (мне трудно признаться в этом даже тебе, Энни) был ни страх, ни паника, ни сочувствие, ни даже любопытство, но что-то вроде холодной радости: если изотопный метод сыграет какую-то роль при установлении диагноза, тогда мое имя будет упомянуто в заключительном докладе, а тогда уже, независимо от прочих обстоятельств, доклад попадется на глаза самым влиятельным людям в высших правительственных кругах — не звучит ли это чересчур бессердечно для тебя, Энн? Мы никогда не говорили об этом раньше, но мы оба знаем, что наши шансы на получение Семейного Сертификата равны почти нулю, если я не пройду Комиссию 2-го класса в ближайший год-полтора, а я между тем готов был утратить всякую надежду на то, что мне удастся оставить свой след в науке — большинство областей уже настолько забиты, что невероятно трудно не только внести весомый вклад, но даже определиться с темой. Иногда мне кажется, что лучше бы мне родиться где-нибудь в начале двадцатого века и прожить отпущенный мне срок до начала Оцепенения — впрочем, я, конечно, вовсе не хочу этого, потому что тогда, даже при лучших обстоятельствах, мы были бы вместе всего несколько лет, тогда как теперь, когда я говорю, что буду любить тебя вечно, вечно...

Как только приземлились грузовые вертолеты, мы начали перетаскивать наше тяжеленное оборудование в пустые комнаты второго и третьего этажей старого туристического отеля. Там, конечно, уже много лет не было никаких туристов, но мексиканское правительство сохраняло там штат, состоящий только из местных — как часть Оцепенения,— так что отель не пришел в полное запустение. Мы простерилизовали здание с крыши до фундамента, и из маленькой амбулатории в Санта-Терезе к нам привезли два трупа.

Тем же вечером в одиннадцать часов Отто созвал собрание в большом круглом танцзале на первом этаже. Нас было сорок шесть человек, включая доктора Мигуэля Ди-

аса Рамиреса, местного чиновника здравоохранения, моложавого парня (И. В. 57) с очень субтильной комплекцией и маленькой щеточкой усиков, который был прислан сюда из Вера-Круса для отбывания десятилетнего контракта. Именно Диас обнаружил двух muertos, как он называл их, в маленькой хижине на южном берегу острова у подножия небольшого холма, который местные называют горой Итца.

Тела, распростертые рядом на передвижных носилках, были ввезены в танцзал и водружены на круглую эстраду для оркестра в центре зала. Отто, Диас и доктор Стюарт уселись на эстраде, а все остальные поставили раскладные стулья и расселись неправильным полукругом вокруг эстрады. Мизансцена, кажется, пришлась Отто по вкусу. Он подошел к самому краю эстрады, посмотрел на muertos, словно на разверстую могилу, затем медленно поднял глаза и оглядел присутствующих. Когда он заговорил, в его обычно глуховатом голосе послышалось непривычное тремоло.

Первым делом он поблагодарил нас за эффективную совместную работу, которую мы успели показать. Затем он добавил, что у нас еще будет шанс проявить себя, так как предстоят трудные дни. Он глубоко вздохнул и сказал: «Большинство из вас, возможно, в курсе, что предварительный диагноз, сделанный нашим коллегой доктором Диасом Рамиресом, был подтвержден докторами Стюартом, Раппеллом, Чанем и мной. Похоже, не может быть сомнений в том, что мы имеем дело с двумя взаимосвязанными случаями микроорганической травмы. Каким-то образом — нам еще предстоит установить, каким именно,— их Иммунитет Полсакера оказался неспособным функционировать — у них практически не выявлено сопротивление первоначальной дегенерации тканей — и два субъекта оказались жертвами того, что, похоже, является — и позвольте мне подчеркнуть, что это заключение получено сугубо опытным путем, включая подробнейшую аутопсию,— чем-то очень схожим, по многим показателям, с заболеванием, которое было известно как атипическая, или вирусная, пневмония. Отто сделал паузу, что-

бы дать шоку как следует охватить аудиторию, и в этот самый момент кто-то в танцзале хихикнул. Громко.

Повисла отвратительная тишина. Лицо Отто сделалось ярко-красным, и все стали с негодованием оглядываться, чтобы определить преступника. Но правда заключалась в том, Энн, что им мог быть любой из нас. Мы целый день работали с невероятным напряжением, не имея ни малейшего понятия, с чем нам предстоит столкнуться; ходили, правда, какие-то дикие слухи, но все они вращались вокруг неких гипотетических мутаций редких тропических паразитов — и вот теперь Отто толкует о «вирусной пневмонии», что является не более чем словосочетанием из любого учебника по истории медицины. Согласно Теории Перманентного Иммунитета, у человека столько же шансов заразиться вирусной пневмонией, как быть раздавленным транспортным шаром — или умереть от «старости».

В это краткое мгновение тишины, царившее, пока Отто не восстановил контроль над собранием, я бросил взгляд на эстраду и увидел реакцию доктора Стюарта и доктора Диаса. Доктор Стюарт, как обычно, казался полностью поглощенным собой, и я сомневаюсь, чтобы он вообще слышал смешок, прервавший заседание; его глаза, казалось, были сфокусированы в некой точке на потолке над головой Отто. Зато Диас смотрел, не отрываясь, на двух muertos и улыбался самой странной улыбкой, которую мне приходилось видеть. Он выглядел как человек, который поставил все свое состояние на то, что завтра наступит конец света, и только что получил известие о том, что выиграл.

С тех пор у меня была возможность очень хорошо узнать Диаса, но в тот день он был для меня просто еще одним незнакомцем на острове незнакомцев, а в следующие два дня я был слишком занят, чтобы говорить с кем-нибудь. Как только нас организовали для работы, мы должны были проделывать сотни анализов с мечеными атомами на изографах, а остальные секции продолжали присылать новые и новые образцы. Все работали по шестнадцать, восемнадцать, двадцать часов в сутки. Единственными людьми,

которые имели возможность исследовать остальную часть острова, были ветеринары, чьей работой было провести обследование островной фауны — диких кабанов, оленей, игуан, а также змей и птиц, рыбы из прибрежных вод и гигантских съедобных моллюсков, которые дали острову название. Обследовали они также и значительную часть поголовья домашних животных. Ветеринары рассказывали, что городок Санта-Тереза был милым маленьким анахронизмом, что его жители скрытны, но не враждебны, и что все анализы оказались отрицательными: животная жизнь Исла-Караколес была абсолютно нормальной во всех отношениях.

Мы заняли под жилье два верхних этажа отеля, и мне досталась большая угловая комната на самом верху с видом на целый «туристический» анклав: пустующие коттеджи, два пересохших бассейна, аккуратно укатанные теннисные корты без сеток, вертолетную площадку, декоративные кокосовые пальмы — все это располагалось на невообразимо белом сверкающем песке и было соединено паутиной дорожек, мощенных толчеными раковинами. Там, где кончался белый песок, виднелся мелкий залив с соленой водой и переброшенным через него шатким мостиком; за заливом начинала подниматься вверх темно-зеленая monte. Каждое утро местные поднимали зелено-бело-красное знамя Мексиканской республики на флагштоке перед отелем; прямо под знаменем Отто заставил их прикрепить желтый вымпел Всемирной Организации Здравоохранения с ярко-красными буквами, складывавшимися в задорно-хвастливый Первый Постулат Полсакера «Смерть — излечимое заболевание».

Мои личные контакты с островитянами в те дни ограничивались быстрыми взглядами, что бросала на меня маленькая горничная, убиравшая мою комнату, скупой улыбкой заспанного портье и несколькими словами с одним официантом, которому нравилось практиковаться в английском, каковой у него не выходил за рамки ресторанного меню. Большинство аборигенов здесь говорит на невразумительной смеси плохого испанского и обрывков старого языка майя, который они умудрились сохранить в течение столетий. По словам Диаса, они чрезвычайно гордятся своей «чистой» индейской кровью и называют себя прямыми потомками настоящих майя, которые построили те каменные города в джунглях Центральной Америки сотни лет назад, а потом просто покинули их без всяких видимых причин задолго до прибытия испанцев. Самое странное, что в них действительно заметно сверхъестественное сходство с теми маленькими доколумбовыми глиняными фигурками, которые мы видим в музеях.

Однако, с другой стороны, выяснилось, что остров во многом является частью двадцать первого века. Нам удалось получить подтверждение по многим каналам — от начальников Диаса в Мехико, из Полсакеровского фонда в Женеве, штаб-квартиры ВОЗ в Нью-Йорке,— что скончавшаяся пара, Мануэль и Мария Канче, Истекший Возраст соответственно 61 и 59, были иммунизированы 12 июня 1980 во временной правительственной клинике в Санта-Терезе. Это означало, что семья Канче с Исла-Караколес были среди первых нескольких тысяч людей за пределами Соединенных Штатов и Советской России, получивших иммунную прививку. Причину такого невероятного везения объяснил Диас, который рассказал, что мексиканское правительство нелегально провело собственные независимые испытания (как и большинство других правительств, пренебрегших условиями Конкордата), причем федеральные власти специально выбирали для этого такие глухие районы, как Юкатан. Тесты обычно заключались в намеренном заражении добровольцев, подвергшихся иммунизации, всеми известными болезнями, от рака до банальной простуды, при этом слишком часто во имя торжества науки инфицировалась и контрольная группа, никакой иммунизации не подвергшаяся. Тем не менее из документов со всей очевидностью следовало, что семья Канче была защищена Эффектом Полсакера на срок почти сорок лет, но исходя из всего того, что нам об этом известно, защита с годами должна была стать еще сильнее, по-

скольку сочетаемость организма-хозяина с суббактериальным симбионтом постепенно совершенствуется.

Два дня спустя Отто созвал второе совещание в танцзале отеля, и руководители всех секций — нейро-, радио-, изо-, орто- и т. д.— зачитали вслух свои отчеты. Они уже представили их в письменном виде, и копии были розданы всем членам миссии, но Отто хотел удостовериться, что мы ознакомились с материалами. Выступающие сходились в одном, выражая этот факт одними и теми же словами: «Классический случай вирусной пневмонии без осложнений».

По завершении чтений Отто встал, чтобы подвести итоги. (Вообще-то это была прерогатива Стюарта как медика высшего ранга, но он обычно уступал эту честь Отто.) Он откашлялся, оглядел зал, обшарив глазами неровные ряды складных стульев, словно пересчитывал присутствующих. Помимо прочего, это движение дало каждому возможность полюбоваться его красивым профилем; ему было около пятидесяти, когда он получил свой укол, но ему доступны самые образцовые пластические операции — нос, подбородок, шея, талия,— и он выглядит лет на двадцать. А его голос — это просто шедевр искусства ларингологов.

Он начал с того, что все сомнения в причине смерти теперь отпали и пришло время прямо взглянуть на последствия нашего открытия. Можно всерьез рассматривать только две версии. Либо вирус пневмонии оказался диким мутантом, настолько отличным от всего, с чем приходилось встречаться раньше, что иммунитет оказался не в состоянии с ним справиться (но в этом случае он не должен был так классически подпадать под стандартную диагностическую процедуру), либо сам симбионт каким-то образом «отмер», оставив организм-хозяин абсолютно незащищенным (что находится в полном противоречии с Теорией Постоянного Иммунитета). В любом случае, сказал Отто, у нас нет иного выбора, кроме как пересмотреть заново все, что нам известно об иммунитете. В каждом отдельном случае нам придется действовать так, словно мы ничего не слышали о Первом Постулате Полсакера. На этом он предложил присутствующим задавать вопросы.

Еще до того, как он кончил говорить, по залу начал гулять смутный гул протеста. Теперь же половина присутствующих вскочила на ноги, требуя слова; каждый начал спорить с соседом; люди размахивали бумагами, привлекая к себе внимание. Отто попытался восстановить порядок, но двое членов миссии — оба руководители секций — отказались сесть. Они продолжали настаивать на том, что Отто неправильно истолковал их изыскания; да, они говорили то-то и то-то, но они не имели в виду того-то и того-то! Хотя мне меньше всего хотелось бы защищать Отто, но в данном случае было совершенно очевидно, что они нападали на него лишь за то, что он сделал выводы, на которые у них не хватило пороху. Не знаю, сколько продолжался бы этот спор, если бы доктор Стюарт вдруг не встал с места и не поднял руку, призывая к вниманию. Все сразу же замолчали, как от удивления перед тем, что он попросил слова, так и из уважения к этому человеку и его репутации. Ты помнишь его, Энн,— он выступал на моей защите. Ему было почти шестьдесят два, когда он получил иммунизацию, и теперь, со своими длинными седыми волосами и толстыми стеклами очков, которые он до сих пор носит, доктор Стюарт выглядит скорее как классический ученый дополсакеровской эпохи. Голос у него слабый и дребезжащий, особенно по сравнению с голосом Отто, но то, что он сказал, было понятно всем: «Джентльмены, истина заключается в том, что мы никогда не знали достаточно много об иммунитете, за исключением того, что он работает. И пока он работает, мы можем развлекать сами себя теориями, постулатами и академическими дискуссиями. Но вот теперь мы столкнулись с брешью в нашей обороне, и, думаю, не мне вам напоминать, что на кон поставлено гораздо больше, чем наши теории». Он сел в абсолютной тишине.

Без сомнения, собрание следовало бы закончить на этой ноте, но Отто вскочил на ноги и объявил, что есть еще одно дело, которое необходимо уладить: мэр Санта-Терезы попросил разрешения обратиться к миссии и сейчас дожидается в холле. Нет никакой возможности отказать ему, не проявив при этом огромного неуважения и не дав понять, что дела плохи.

Мэра пригласили в танцзал, и Диас подвел его к небольшой лесенке, ведущей на эстраду. Это был очень маленький человек, едва ли пяти футов ростом, с длинными руками, огромными темными глазами и изборожденным глубокими складками лицом моряка доледниковой эпохи. На нем был мятый белый костюм, белые ботинки, белая спортивная рубашка с расстегнутым воротом, правой рукой он прижимал к себе широкополую соломенную шляпу. Вид собравшихся professores, похоже, ошеломил его, и он обернулся к Диасу, ища поддержки. Диас наклонился, чтобы прошептать что-то ему на ухо; коротышка кивнул, протянул вперед обе руки, словно прося у нас извинения, и разразился страстной речью, которая длилась не менее двадцати минут без перерыва. Несколько членов миссии были весьма сведущи в испанском языке, но он говорил так быстро и с таким нелепым произношением, что едва ли кто-нибудь понял хоть слово. Я, конечно, не понял. Я видел, как Отто ерзает на своем стуле; он знал, что Стюарт возложит на него ответственность за перерыв в работе лабораторий. В конце концов мэр выдохся; прежде, чем он обрел второе дыхание, его выпроводили из зала с бесконечным пожиманием рук и ободряющими улыбками. Отто сказал ему несколько слов, которые Диас, видимо, перевел на местный диалект. Судя по всему, маленький человечек остался доволен и успел пожать еще несколько рук, прежде чем его окончательно выставили за дверь.

Когда он ушел, Диас взял слово, чтобы объяснить, в чем дело. По его словам, люди Санта-Терезы были оскорблены, поскольку миссия не выказывала достаточного уважения местным обычаям. Никто толком не знал, с чего

это началось, но мэр почувствовал себя обязанным предупредить, что его народ может в будущем стать менее сговорчивым, если миссия не предпримет шагов, направленных на демонстрацию доброй воли. Требования народа были довольно незамысловаты: они хотели, чтобы тела muertos были возвращены в город для церемонии погребения. Немедленно.

Диас сказал, что в последние два года остров захватила волна «религиозного возрождения», спровоцированная новым фанатичным священником с большой земли, одним из так называемых «майянистов», которые в последнее время приобрели серьезное влияние в Мериде, столице Юкатана. Это движение расцвело на почве соединения упрощенного римского католицизма с обрывками мифологии, дошедшими от «золотого века» Старой Империи майя; его приверженцы, по словам Диаса, проявляли сильную тенденцию к ксенофобии, причем ее объектами становились не только gringos, но и чистокровные испано-мексиканцы, как он сам, да и вообще все, не имеющие майянских корней. В последнее время эти люди создавали все больше и больше трудностей для работы Диаса, и он рекомендовал относиться к ним с крайней осторожностью: «Невозможно предугадать, что эти безумные indies смогут выкинуть, повинуясь призывам духов».

Энни, я говорил с Диасом о том собрании всего несколько часов назад, и он сказал мне, будто получил предостережение о том, что у нас могут начаться неприятности с катастрофическими последствиями, потому-то он и старался произвести на нас впечатление возможными опасностями. Не далее как сегодня вечером мы сидели перед его хижиной на берегу, ели наш ООНовский паек и распивали бутылочку текилы, которую он умудрился раздобыть. После пожара он остался единственным из нас, кто в состоянии поддерживать контакт с островитянами или хотя бы с горсткой своих бывших пациентов, сохранивших крохи благодарности. (Две его медсестры, местные девушки, обучавшиеся в Мериде, исчезли в ночь пожара, и ему так и не удалось разузнать, сами ли они

сбежали или были похищены, да и живы ли они вообще.) С того места, где мы сидели на берегу, был виден пик Итца, отражавшийся в воде; Исла-Караколес изгибается к материку, словно полумесяц, между рогами которого всего четыре мили. Диас сказал мне, что священник, отец Чакуан, за несколько месяцев до нашего прибытия выстроил на склоне холма потаенную часовню; предполагалось, что она будет посвящена Богородице Утоли Моя Печали, но Диас был уверен, что священник использует ее для смешанных церемоний собственного изобретения, церемоний, которые даже сочувствующий архиепископ Меридский нашел бы слишком вызывающе «майянистскими» для маленького, сплошь украшенного лепниной собора Санта-Терезы. Судя по слухам, часовня была выстроена вблизи развалин древнего каменного святилища, первоначально посвященного Иксчелль, майянской богине плодородия. Диас сказал, что весь остров был когда-то священной территорией Иксчелль, и беременные женщины с материка пересекали опасный пролив в открытых каноэ, чтобы испросить благословения богини.

Теперь же, в свете гаснущего заката, мы могли видеть огонь, горевший у вершины холма; каждую ночь после пожара этот огонь возникал на фоне ночного неба. «Они празднуют триумф суеверий»,— сказал Диас. Он выругался по-испански и запустил опустевшую бутылку в люминесцентно поблескивавшие морские воды. Я тебе не говорил, что Диас отработал на острове восемь лет и что родственник, член федерального правительства, заверил его (подобные вещи, как я понял, в Мексике гораздо легче устроить), что после окончания срока службы ему и его жене дадут Семейный Сертификат? На мальчика, представляешь?

«Это Чистилище,— горько сказал он, следя за бутылкой, прыгавшей на приливной волне.— Я приговорен к десяти годам епитимьи на этой гнилой песчаной косе для того, чтобы заслужить ребенка — наследника! — и только-только передо мной замаячил конец мучений, как появляется новый священник и начинает проповедовать про-

тив контроля за рождаемостью. Священник, заметьте себе, присягнувший на верность Конкордату. Причем он не только проповедует, но и самым активным образом поощряет людей нарушать закон. Своими собственными ушами я слышал, как он говорил пастве, что их предки хоронили женщин, умерших при родах, с почестями, которые обычно оказывались героям, павшим в битве. И эти indies внимали ему. Женщины беременели и приходили ко мне за помощью, а когда я говорил, что их младенцы будут уничтожены — что у меня нет иного выбора по условиям Конкордата,— они плевали мне в лицо и называли меня детоубийцей. И они отказывались подвергаться стерилизации и убегали на свою monte, а местная полиция утверждала, что не сумела их разыскать. И все это время священник внушает им, что я хуже царя Ирода. В конце концов я был принужден отослать жену домой, потому что я не знал, что эти люди смогут сделать, а мое начальство отказывалось принимать мои предостережения всерьез — и вот теперь она сидит в нашей квартире в Вера-Крусе со своими кошками и птичками, рыбками и черепашками и каждый день покупает что-нибудь, с чем могла бы нянчиться, и каждый день пишет мне о своих покупках и о том, сколько еще дней осталось до окончания моего срока и до того момента, как мне пожалуют Сертификат — "милостью Божией", как она говорит». Диас закрыл глаза, словно от физической боли. «А теперь какой-то грязный maricon в Пунта-Сека вскрывает ее письма, и одному богу известно, что они ей отвечают от моего имени...»

На небе зажглись карибские звезды. Диас слишком много выпил, и через некоторое время начал нести какой-то дикий вздор о побеге. Он говорил, что у него есть хороший друг в рыбацкой деревне на другой стороне острова, и тот обязательно сумеет раздобыть нам лодку. Он утверждал, что знает воды Юкатанского пролива достаточно хорошо, чтобы добраться до необитаемого места на побережье Квинтана Роо. Я сказал ему, чтобы он забыл об этом. Несколькими часами раньше Отто получил по

радио «инструкции» от временной базы ООН в Пунта-Сека с приказом каждому члену миссии оставаться на острове и выполнять свою работу — вот что конкретно там говорилось: «Каждый обязан выполнять свою работу». Между тем пролив патрулируется ООНовскими вертолетами и реактивными самолетами с приказом возвращать обратно каждого, кто попытается покинуть остров, и уничтожать каждое судно, имеющее намерение нарушить карантин. У нас нет выбора, Энни,— мы должны оставаться на острове, пока не обнаружим, что именно нарушилось в иммунной системе, и никого особенно не заботит, что случится с нами, если мы потерпим неудачу. Они там опасаются, что мы сами заразимся, принесем с собой *это* — чем бы оно ни было,— и в результате разразится эпидемия, которая положит конец всем эпидемиям. Я убежден, что, если мы действительно потерпим неудачу, если мы не сможем вычленить проблему и найти способ ее лечения, они просто дождутся, пока вирусная пневмония заберет всех нас, а затем превратят в пар весь остров. До нас уже дошли слухи, что еще два местных заболели. Один человек из Санта-Терезы, рыбак, которого Диас залатал после взрыва гарпунной пушки, прокрался в наш лагерь прошлой ночью и рассказал Диасу, что священник запретил всем прихожанам искать медицинской помощи под страхом отлучения.

Отто абсолютно уверен, что островитяне начнут приходить к нам, когда достаточное их число заболеет, но Диас так не думает. Он говорит, что они слишком боятся священника, чтобы ослушаться его, и я в это верю. Ты не можешь представить, что за человек этот священник, Энни. Он немного выше среднего индейца на острове, с кирпично-красной кожей, бритой головой, длинным крючковатым носом и невероятно темными глазами, слегка косящими — Диас говорит, что косоглазие считалось у древних майя признаком красоты и они вызывали его искусственно, подвешивая каучуковый шарик перед носом младенца. Сегодня будет ровно неделя, как я впервые увидел этого священника — через три дня после того, как

мэр обратился к нам с просьбой вернуть muertos. Отто отшил его, разведя долгие разговоры об инкубационном периоде и необходимости последующей дезинфекции. Чего он ему не сказал, так это то, что тела уже подверглись аутопсии, а после нее уже мало что останется для похорон. Но мэр, похоже, удовлетворился объяснением, и Отто, по всей видимости, рассудил, что сможет удерживать его на расстоянии до завершения нашей работы.

Затем однажды утром у главного входа в отель появился посланец священника с сообщением о том, что отец Чакуан хочет встретиться с нашим руководителем ровно через час на меленьком деревянном мосту, соединяющем туристический анклав с остальной частью острова. Было уже около одиннадцати, и солнце изрядно припекало, поэтому Отто предложил, чтобы встреча состоялась в его собственном кабинете с кондиционером. Но посланник просто повторил первоначальное сообщение слово в слово и ждал однозначного ответа — да или нет. Вариант отказа не рассматривался — Диас уже дал понять, какое исключительное влияние этот преподобный отец оказывал на свою паству. Но Отто не понравилась идея вести переговоры со священником на территории, выбранной священником, при том, что уведомление было получено в такой спешке. Чтобы хоть немного компенсировать несправедливость, он решил привести с собой впечатляющую «официальную делегацию», на фоне которой мог действовать в качестве председателя и спикера. Меня вызвали к нему в кабинет и спросили, не соглашусь ли я выступить в роли одного из двенадцати «ассистентов на переговорах» — «*молчаливых* ассистентов на переговорах», добавил Отто с обескураживающей улыбкой. Думаю, у него была мысль о том, что мой рост и пшеничные волосы должны произвести на островитян впечатление. Очевидно, мизансцена с моим участием отвечала его эстетическим запросам.

За несколько минут до полудня мы собрались в вестибюле отеля — тринадцать человек, включая Диаса,— все одетые в свежую белую униформу и белые пробковые

шлемы, и промаршировали вдоль дорожки, вымощенной битыми раковинами прямо к мостику. Жара была нестерпимой; даже Диас что-то проворчал по этому поводу. Нигде не было видно никаких признаков жизни — ни птиц, ни ящериц, ни пауков, даже ни малейшего ветерка; ничего, кроме солнца, дрожавшего в мареве горячего воздуха, поднимавшегося над раскаленным белым песком и белыми раковинами. Все мы были в темных очках, кроме Отто — у него была теория, основанная на мимолетном замечании одной горничной о том, что островитяне считают темные очки признаком слабости.

Очевидно, мы пришли рано, поскольку, когда мы добрались до моста, ведущие к нему дорожки по обе стороны залива были пусты. Отто проверил часы; они показывали одну минуту двенадцатого. «Он знает, что делает,— сказал Диас, имея в виду священника.— Хочет, чтобы мы немного попотели». А мы действительно потели, стоя там на горячем солнце и с каждой минутой все более чувствуя себя идиотами в свой жесткой униформе, потемневшей на спинах. Мы пялились через заливчик на приветливую тень monte, почти достигавшую воды. На нашей стороне тени не было совсем.

Мы прождали не меньше получаса. Единственным звуком, не считая случайного скрипа ботинка, шаркнувшего по сухим ракушкам, был доносившийся из отдаленных зарослей стрекот цикад, подобный шуму гигантского компьютера, работающего над какой-то задачей, не имеющей решения. Затем с противоположного берега донеслось шуршание сухих листьев; из зарослей появилась одинокая фигура, быстро дошагала до середины моста и замерла.

Он был одет в черную рясу до пят; только тончайший ободок белого воротничка высовывался над высоким черным внешним воротником. Череп был гладко выбрит; на шее висела тонкая золотая цепочка, к которой был прикреплен непонятный предмет. Я не мог разглядеть наверное, что это было, но могу поручиться, что не распятие. Мы все двинулись к нему, и он оглянулся назад. Наконец, когда стало ясно, что священник не собирается подходить ближе, Отто сделал шаг вперед, вытянув вперед руку в качестве универсального жеста дружелюбия. Но прежде, чем он успел поставить ногу на первую деревянную планку, отец Чакуан, широко развевая рясой, сбежал с моста и подошел прямо к нашему несколько растерявшемуся предводителю. Священник проигнорировал протянутую руку, так что Отто пришлось опустить ее. Не могу описать, насколько впечатляющей была эта маленькая пантомима: было очевидно, что джунгли на противоположном берегу кишели прихожанами, и священник играл на свою аудиторию. Мне пришло в голову, что с тем, кому так легко удалось переиграть нашего доктора Отто, придется считаться.

Теперь они оба стояли в нескольких футах от меня, и я мог слышать большую часть переговоров. Священник говорил на превосходном английском с еле заметным акцентом. Я запомнил его краткую речь слово в слово: «Мы пришли, чтобы забрать наших ушедших братьев». Именно так, без преамбулы, без экивоков.

Отто улыбнулся и начал разводить перед священником те же самые турусы на колесах, которые разводил перед мэром,— о возможности распространения заболевания, если тела будут выданы преждевременно; он заверил Чакуана, что, как только представится безопасная возможность, миссия сделает все, что в ее силах, ради установления сотрудничества с местными властями относительно необходимых распоряжений, и так далее, и тому подобное.

Священник слушал его несколько минут, не меняя выражения лица; затем медленно тряхнул головой и сказал тихим, почти замогильным голосом, что muertos должны быть возвращены до шести часов вечера. Если этого не произойдет, он не сможет больше нести ответственность за поведение своих прихожан. Отто попытался возразить что-то, но священник просто повернулся к нему спиной, вернулся по мосту на тот берег и исчез в зарос-

лях. «Кажется, нас разжаловали»,— сказал кто-то, и все мы нервно захихикали.

Вернувшись в отель, мы собрали импровизированное совещание по выработке стратегии и решили — то есть Отто решил,— что можем спокойно игнорировать ультиматум священника. Доктор Стюарт, которого вызвали из его лаборатории, чем привели в ярость из-за необходимости прервать работу, сказал, что полностью согласен с Отто, после чего откланялся. Диас склонялся к тому, чтобы послать кого-нибудь в Санта-Терезу, чтобы попытаться поговорить со священником приватно, но Отто сказал, что это будет потерей времени и рабочей силы. Он связался со штабом ВОЗ, расквартированным в Мериде, и они подтвердили, что с нетерпением ждут результатов. «Мы поговорим с ним через несколько дней,— сказал Отто,— после того как у него будет достаточно времени понять, что нас не запугаешь. Когда это станет ясно, не думаю, что он останется на столь же неразумной позиции». Диас больше ничего не сказал, и совещание окончилось.

Оставшуюся часть дня я провел в лаборатории, где мы разрабатывали одну из самых многообещающих версий, согласно которой майя имеют самый низкий уровень метаболизма среди гомогенного населения мира, что предполагало возможную корреляцию между... Впрочем, это не имело значения, поскольку результаты первой серии опытов оказались отрицательными. К пяти часам мы оказались как раз там, откуда начинали, все были слишком усталыми и подавленными, чтобы продолжать дальше, поэтому мы закрыли секцию на этот день. Я поднялся к себе в комнату и попытался вздремнуть перед ужином, но так и не заснул; я лежал на кровати с закрытыми глазами и думал о тебе. Мне ведь не надо говорить тебе, что именно я думал, правда, Энни? Я до сих пор верю, что у нас будет шанс получить Сертификат, и я, конечно же, хочу остаться с тобой еще на пять лет, если и ты того же хочешь, но я не буду стоять у тебя на пути, если ты решишь не обновлять контракт в ноябре. Только мысль о том, что ты решишься, несмотря ни на что, сказать «да», поддерживает

во мне крошечную надежду хотя бы когда-нибудь выбраться с этого проклятого острова целым и невредимым.

Я даже не осознавал того факта, что стрелки уже перевалили за шесть, пока не услышал скрипучий механический голос, звавший к ужину по внутренней связи. Часы в столовой показывали 7.15, когда я занял свое обычное место за столом. Диаса нигде не было видно, и я подумал, не удалось ли ему уговорить Отто, чтобы тот позволил ему предпринять еще одну попытку урезонить священника. После ужина я налил себе вторую чашку кофе — вернее, вонючей жидкости, которую они там подавали и ради глотка которой я бы теперь отдал месячную зарплату,— а затем спустился на пляж и нашел тихое местечко под огромной кокосовой пальмой, недалеко от заброшенных хижин. Была влажная пасмурная ночь, но на южной стороне неба, где-то над серединой острова, виднелось красное зарево. Мне пришло в голову, что священник, возможно, служит какую-нибудь заупокойную службу под открытым небом. Я все еще был подавлен плохими результатами дневной работы и чувствовал себя очень, очень далеко от тебя; меня беспокоило, насколько могла затянуться наша работа, если священник запретит своим последователям сотрудничать с нами. Я как раз выпил последний глоток кофе и колебался, пойти ли к себе и написать тебе письмо или вернуться в лабораторию и составить отчет о сегодняшней неудаче, как вдруг что-то выскользнуло из-за дерева, росшего в отдалении, и стало бесшумно двигаться вдоль кромки воды в мою сторону. Было достаточно светло, чтобы различить лицо человека. Это был Диас. Как я тебе говорил, в то время я был с ним не особенно дружен, но думал, что он должен был запомнить меня по нашей утренней экспедиции к мосту, поэтому я помахал ему и спросил, не хочет ли он разделить свою вечернюю прогулку со мной. Он остановился и пристально посмотрел на меня из некоторого отдаления; разобрав, кто я такой, он подошел ближе и сказал тихим голосом: «Я был в Санта-Терезе». Я спросил, все ли там в порядке. Он ответил, что священник служит

большую погребальную мессу в соборе; там собрался весь город; в соборе яблоку негде упасть, и толпа заполнила центральную площадь. Красное зарево на небе было отсветом их факелов. Диас рассказал, что весь собор изнутри затянут черной тканью, а на месте алтаря стоят рядом два гроба, также задрапированные черным, в ногах каждого гроба стоит по свече. Гробы открыты, они пусты. «Я никогда не видел подобной службы,— сказал Диас.— Она ведется целикам на языке майя, и я не мог разобрать и половины слов, но из того, что я услышал...» Он запнулся, и я услышал свой собственный голос, понизившийся до шепота, который спрашивал: «Что? Что это?»

«Кажется, он обещал им отпущение грехов, если они пойдут и отнимут тела силой».

Мы поспешили к отелю, чтобы отыскать Отто. Он был один в кабинете; Диас повторил ему все, что рассказал мне. Он сказал, что точно не знает, но думает, что они могут планировать акцию на сегодняшнюю ночь. Он предложил выставить пару человек с рациями на деревянном мостике. Отто покачал головой. «Боюсь, я не могу принимать вашего мелодраматичного священника столь же серьезно, как вы,— сказал он.— Часовые кажутся мне несколько избыточной мерой, вы не находите, доктор?» В этот момент зажужжал аэрофон на его столе; звонил один из его помощников по административной части, чтобы доложить, что весь персонал гостиницы ушел с работы — повара, горничные, официанты, портье, все. К чести Отто надо сказать, что он не выглядел удивленным. «Возможно, они пошли в город посмотреть на шоу,— сказал он.— Что ж, не будем завидовать им из-за одного свободного вечера». Он приказал помощнику распределить самые существенные работы между персоналом миссии на эту ночь и велел доложить утром, если островитяне не вернутся к семи тридцати. Затем он сказал Диасу: «Если он продержит этих людей и завтра, мы пойдем и поговорим с ним еще раз. Но я уверен, вы убедитесь, что в этом не будет необходимости».

Мы вышли из кабинета вдвоем. Оказавшись за дверью, Диас молча зашагал прочь, очевидно разъяренный тем пренебрежением, которое было проявлено к его предостережениям. Мне было его немного жаль, но я не мог не согласиться с Отто. Казалось непостижимым, что аборигены попытаются вмешаться в работу Медицинской исследовательской миссии, когда их собственные жизни поставлены на карту. Все дело в том, что Диас слишком много времени провел на этом острове.

Однако после разговора с Отто я почувствовал прилив энтузиазма и вместо того, чтобы пойти в свою комнату, решил вернуться в лабораторию и закончить отчет. Это заняло больше времени, чем я предполагал, и было уже поздно — за полночь,— когда я запер за собой дверь лаборатории и направился через вестибюль к лифту. Один из людей Отто — нейроанестезиолог, с которым у меня было шапочное знакомство,— сидел за стойкой, закопавшись в толстой кипе исследовательских отчетов. Он сказал, что вызвался отдежурить первую смену в качестве «ночного часового», поскольку забастовка персонала продолжалась, а он все равно привык работать часа три-четыре после полуночи и вполне может заниматься бумажной работой здесь, а не в лаборатории. Я спросил его, как долго, по его мнению, продлится забастовка, и он со смехом ответил: «Пока все не протрезвеют».

Лифт со скрипом поднял меня на четвертый этаж. Из окна моей комнаты было видно, что небо все еще затянуто тучами и алое сияние на юге стало, пожалуй, даже еще ярче. Я сказал себе, что это только подтверждает теорию Отто: погребальная служба скорее всего плавно перешла в ночное празднество. Не знаю, как долго я проспал, должно быть, не так уж и мало, потому что помню, как очнулся от мрачного неприятного сна со смутным ощущением, будто что-то не так. Воздух в комнате казался застоявшимся, и было абсолютно тихо. Я понял, что кондиционер перестал работать. Выбравшись из кровати, я подошел к окну, чтобы разобраться с кнопками управления. Насколько я мог судить, что-то сломалось внутри; с виду

кондиционеру было не меньше двадцати пяти лет. К счастью, окна в отеле тоже были старой конструкции, которые открывались, наподобие дверей, на маленький бетонный балкон. Петли заржавели от длительного воздействия влажного соленого воздуха, но мне удалось-таки открыть их, подергав туда и сюда. Дул легкий бриз, и я шагнул на балкон, подставив ветру лицо. Южная сторона неба все еще была ярко-красной. Мне показалось, что центр сияния перемещается в нашу сторону, и я сначала решил, что этот зрительный эффект производит ветер, который гонит облака в нашу сторону острова. Затем я услышал нечто похожее на отдаленные крики; в следующую минуту я уже смог различить отдельные светящиеся точки, мелькающие здесь и там между деревьями на monte. Когда они приблизились, зазмеившись по направлению к заливу по какой-то невидимой тропинке, я попытался сосчитать мерцающие огоньки, но их оказалось слишком много. Так я смотрел, пока тот, кто возглавлял это шествие, не вышел из зарослей возле моста. Огни их факелов удвоились, отражаясь в темной воде; тогда я натянул брюки и бросился в коридор. Очевидно, я был единственным, кто видел процессию; здание казалось погруженным в сон. Я бросился к лифту и нажал кнопку. Лифт остался безучастным к моей команде, и я нажимал снова и снова, стараясь расслышать скрип старого механизма, возвращающегося к жизни. Ничего. Несколько секунд я размышлял, не может ли это быть дурным сном. Затем я метнулся на лестницу и помчался вниз, перепрыгивая через две, три, четыре ступени, молясь, чтобы в вестибюле оказался хоть кто-то, кроме меня... Спрыгнув с последней ступеньки, я открыл дверь в вестибюль; там было темно; ночной дежурный и еще двое стояли возле стеклянной входной двери; над их головами виднелась бесконечная вереница факелов, стекающая на поблескивающую тропинку с моста. Кто-то — не я, Энни,— включил пожарную сигнализацию, которая, видимо, работала от собственного аккумулятора, потому что по всему зданию пронзительно затрезвонили звонки. Люди сбегали по лестнице в пижа-

мах и нижнем белье, некоторые просто обвязали бедра полотенцами. Кто-то начал вопить: «Пожар! Пожар! Пожар!», а кто-то другой кричал: «Сохраняйте спокойствие, все сохраняйте спокойствие». Факельщики теперь были уже отчетливо видны через стеклянную дверь. Трудно было не узнать идущую во главе процессии фигуру священника в черной рясе: у него не было факела, но сотни огней освещали его. На голове священника был странный шлем с чем-то наподобие золотого шипа, торчавшего прямо изо лба над глазами. Многие из нас теперь оказались прижатыми толпой к стеклянной двери, и я услышал, как Отто кричит, чтобы его пропустили. Затем они с Диасом очутились рядом со мной. Диас показывал на шлем священника и что-то говорил Отто — я различил только слова «бог-громовержец». Процессия надвигалась на нас. Казалось, здесь собралось все население Санта-Терезы, включая женщин и детей, и все, кроме священника, несли факелы. Они образовали живую стену перед отелем, и священник шагнул вперед. И вновь я отдал должное выдержке Отто: его можно назвать кем угодно, только не трусом. Он распахнул стеклянную дверь и без малейших колебаний вышел на площадку перед флагштоком. Я видел, как Диас шагнул было за ним, но потом передумал и дал двери почти полностью закрыться за Отто, только подставил ногу, чтобы осталась щель.

Встреча двух врагов была короткой. Наступила абсолютная тишина, и священник поднял правую руку. Он прокричал три слова по-испански: «Denos los muertos» («Отдайте нам мертвых»). Я видел, как Отто сложил руки перед грудью, словно в мольбе; затем он сделал шаг вперед и, широко раскрыв руки, заговорил на чистом, отточенном испанском: «Друзья, вы должны верить мне, когда я говорю, что вы просите невозможного. Нашей единственной целью здесь является обнаружить причину ужасной трагедии, унесшей жизни двух ваших соотечественников, и защитить вас от беды. Для вашей собственной безопасности мы были вынуждены использовать тела покойных для научных исследований...»

Священник вновь поднял правую руку, только на этот раз она была сжата в кулак. «Нас не интересуют причины или безопасность. Все, что случилось, предопределено, а все, что предопределено, неизбежно. Я проповедую Подражание Христу и Древнему Пути. Иисус умер на Кресте, а Чак изошел сладостным дождем, и мы должны последовать за ними в Тенистую Долину Смерти, где растут Орхидеи Искупления. Иного пути нет». Было совершенно очевидно, что он вещает не для Отто или нас, а для своих последователей. Его шлем мерцал в свете множества факелов, и теперь я смог рассмотреть, что на лбу у него был не шип, а длинное чешуйчатое устройство с петлей на конце, которое, видимо, олицетворяло змею, свернувшуюся перед прыжком. Прежде чем Отто смог заговорить снова, кто-то из толпы выкрикнул: «Denos los muertos», и остальные тут же подхватили этот лозунг, словно молитву. Не могу с уверенностью сказать, планировал ли священник именно такое развитие событий, но как только это началось, едва ли кто-нибудь, включая и его, смог бы остановить толпу. Они повторяли эти слова вновь и вновь, пока их священник стоял неподвижно, скрестив на груди руки и глядя вверх на алое небо, словно ожидая дальнейших инструкций оттуда. Затем кто-то в толпе — возможно, по сигналу священника, в чем я, впрочем, не уверен,— метнул факел в Отто, промахнувшись на несколько дюймов. Горящий конец упал около стеклянной двери. Я стоял прямо за дверью и, повинуясь какому-то рефлексу, приоткрыл ее и отбросил факел как раз в тот момент, когда Отто повернулся и побежал к зданию. Ему удалось благополучно проскользнуть внутрь, но прежде, чем он успел захлопнуть за собой дверь, град горящих факелов обрушился на площадку, и один из них попал через дверную щель в вестибюль; в считанные секунды портьеры вспыхнули. Древняя система разбрызгивателей под потолком включилась, но тут же вышла из строя. Через несколько минут вестибюль превратился в ад...

Не буду пытаться описывать все остальное, Энн. Каким-то образом нескольким из нас удалось выбраться

через окна или двери в задней части отеля, прямо на высокий обрывистый берег, под которым угрожающе торчат из воды острые черные скалы. Мы висели на этих скалах несколько часов, пока горел отель. Ближе к утру, когда рев пламени начал стихать, все еще можно было слышать, как оставшиеся люди кричат и танцуют вокруг дымящихся развалин. Одежда на мне была вся грязная и рваная, с ног до головы я был покрыт ожогами, поэтому я не вполне уверен, что точно помню всю последовательность событий — временами я впадал в беспамятство; и все же мне кажется, что по мере того, как угасал пожар и разгорался рассвет, пение туземцев изменилось. Мне стало казаться, что через некоторое время вместо «Denos los muertos, denos los muertos» островитяне начали распевать «Denos la muerte, denos la muerte» («Отдайте нам смерть, отдайте нам смерть»). Диас, который чуть не погиб во время бегства, полагает, что я расслышал правильно.

После пожара у нас была еще одна встреча со священником. На этот раз он пришел к мосту с делегацией из десяти последователей, все они были одеты в черные рясы, на головах у каждого был шлем с такой же змееобразной фигурой, как у него. Мы постарались произвести на них впечатление тем фактом, что все люди на этом острове могут умереть, если они не будут сотрудничать с нами, но священник только рассмеялся, словно мы сказали ему то, что он хорошо знал. Затем он сказал: «Лучше умереть, как люди, чем жить, как морские свинки», и десять апостолов промычали в знак согласия.

Нас осталось только двадцать два. Отто настаивает на том, что мы еще сможем завершить нашу миссию, если будем держаться вместе, но я не знаю, как долго мы вообще продержимся, даже при условии, что ООН продолжит сбрасывать нам еду и оборудование. Мы боимся, что вирусная пневмония может распространиться среди местного населения, при этом всегда есть шанс, что наш собственный анклав окажется зараженным. Несколько человек уже сообщили о подозрительных симптомах — легкой лихорадке, болях в горле, одышке, но без нашего

оборудования невозможно определить, что из этого следует отнести к психосоматической реакции. Диас считает, что продолжать работу без результатов предыдущих исследований, без всяких записей, без muertos — просто сумасшествие. Даже если мы сможем возобновить работу лабораторий — даже если ВОЗ сбросит нам достаточно оборудования, чтобы выстроить госпиталь с нуля,— островитяне просто придут и сожгут его вновь и, скорее всего, на этот раз убьют нас всех. И по-настоящему ужасно, что мы не в состоянии защитить себя. Диас сказал, что островитяне научились вновь принимать идею смерти (смерть как жертва, смерть как избавление) и, таким образом, способны убивать, но мы никогда не сможем взять чужую жизнь, даже ради самозащиты, потому что жизнь сама по себе стала для нас слишком драгоценной. Все, чему мы научились за последние сорок лет, настроило нас против насилия и оставило нас беззащитными перед лицом насилия. Диас уверен, что ООН не вмешается, даже если островитяне попытаются уничтожить нас. Но, по тем же самым причинам, он думает, что у нас есть шанс ускользнуть от карантина — даже если патрули нас заметят, он не верит, что они смогут выстрелить.

Я не знаю, что думать, Энн. Ходят слухи, что добровольцам могут позволить высадиться здесь, чтобы помочь нам; один из людей Отто утверждает, что детали десанта уже обговаривались по радио. Но ловушка в том, что любому, кто попадет сюда, придется торчать здесь вместе с остальными, пока тайна не будет раскрыта. Не могу представить, что кто-нибудь с большой земли согласится пойти на такой риск. Поговаривают еще, что сам Полсакер может прилететь из Швейцарии, чтобы попытаться восстановить нерушимость своего мира, но я в это не верю. Правда в том, что мы заперты на этом острове, словно инфекционная культура в запечатанном контейнере, при этом мы слишком опасны, чтобы с нами иметь дело.

У Диаса есть своя теория о том, что произошло. Он изложил мне ее прошлой ночью после того, как мы прикончили бутылку текилы. Он считает, что мир пришел в

состояние шока, когда Полсакер открыл теорию иммунитета. Правила игры внезапно изменились. Вернее, мы впервые осознали, каковы ставки в этой игре. Смертные люди — люди, которые знали, что, как бы осторожны они ни были, болезнь или «смерть от естественных причин» все равно приберет их,— те люди были *вольны* почти ничего не опасаться и идти на риск, который сегодня кажется нам преступным или безумным, путешествовать за тысячу миль от дома просто ради перемены обстановки, растрачивать телесные силы ради спортивного интереса, воевать ради славы или принципов, от жадности или даже от скуки, наносить другому смертельный удар во имя Бога или Справедливости, а порой в припадке пьяного гнева. Затем нам дали тин-иммунитет, чарующую перспективу жизни без конца, мира без границ — и мы инстинктивно ответили Оцепенением. Если смерть — не что иное, как несчастный случай, которого вполне можно избежать, кто захочет рисковать своей долей в тысячелетии, делая неправильный шаг? Или любой шаг вообще?

Но за определенным пределом начинается ответная реакция, сказал Диас, и где ей еще начаться, как не в Мексике, где люди всегда обожествляли смерть. Он не хочет сказать, что они стремятся отдать свои собственные жизни. Как раз наоборот — он думает, что иммунитет возложил нечеловеческий груз на каждого из нас: «Мы убили Судьбу. Вот почему эти indies так ожесточенно пытаются остановить нас. Они хотят, чтобы им вернули право принимать решения».

Диас собирается бежать сегодня ночью. Он не беспокоится о том, что может вынести с острова вирусную пневмонию. Судя по всем, говорит он, мир, должно быть, ждет чего-то — или кого-то,— способного разрушить чары. Возможно, он прав. Раньше люди, бывало, говорили о «хорошей смерти»; «умереть хорошо» считалось чем-то вроде окончательной проверки человека. Энни, я не знаю, что мне делать. Даже если нам удастся живыми выбраться с этого острова, я никогда не смогу прийти к тебе, пока останется хоть малейшая возможность того, что я явля-

юсь носителем, а мы даже приблизительно не знаем, каков инкубационный период. Затем, всегда остается шанс того, что доктор Стюарт, или Полсакер, или кто-то еще совершат здесь чудо, пока островитяне оставили нас в покое,— но еще более вероятно, что этого не произойдет, и если священник вновь поведет их против нас, это будет конец... О, моя дорогая Энн, я так боюсь и так скучаю по тебе, и я не хочу жить без тебя, но я не хочу умирать. Не хочу сейчас. Не хочу пока. Не хочу никогда.

Награды не будет

Я вошел в зал и протиснулся вперед, поближе к сцене. Я специально явился пораньше, хотя обычно не стремлюсь пробиться в первые ряды. И прежде не стремился, когда слушал его или других президентов. На сей же раз мне это было почему-то очень важно.

Удача! Свободное место как раз там, где мне нужно. Я уселся.

Моя нога как-то странно онемела, словно заснула. Вся целиком... Ну ладно, пусть отдохнет. Времени полным-полно.

Пора? Нет. Тьма. Да-да, уснуть...

Я глянул на часы. Еще несколько минут есть. Рядом кто-то курил. Неплохая мысль. Доставая сигареты, я вспомнил, что бросил курить, но почему-то сигареты у меня все же были. Ладно, неважно. Так, возьмем сигарету. Прикурим. (Рука не слушается. Попробуем другой рукой.) Я чувствовал какое-то странное напряжение. И не мог понять причину. Ничего, затянемся поглубже. Ну вот, уже лучше. Хорошо.

А это кто? Ах да...

Коротышка в темно-сером костюме вышел на сцену откуда-то справа и проверил микрофон. Гул в зале на минуту стих. Затем опять возобновился. Коротышка, удовлетворенный, ушел.

Я еще разок затянулся и уселся поудобнее.

Отдохнуть. Да. Уснуть, уснуть... Да... Уснуть...

Вскоре на сцену с обеих сторон стали выходить люди и рассаживаться. Ага, вот и губернатор. Он будет выступать первым, скажет несколько слов, открывая собрание.

Этот человек на сцене... слева... Я видел его много раз; на фотографиях он всегда рядом с президентом, но имени его никогда не указывают. Небольшого роста, с брюшком, редеющие волосы песочного цвета; темные, неспокойные глаза за толстыми стеклами очков... Я был уверен, что он член, а возможно и шеф, элитной группы телохранителей-телепатов, которая всегда сопровождает президента во время его публичных выступлений. Телепатия была официально признана всего несколько лет назад, и с тех пор лишь небольшой группе людей предоставили возможность полностью развить в себе эту способность. В данном случае обладавшие ею были идеальными агентами; дар телепатии позволял свести к нулю опасность при выступлениях президента на публике: несколько агентов-телепатов, усевшись в разных концах зала, могли следить за общим настроением аудитории и мгновенно выявлять любые отклоняющиеся от нормы мысли, прежде всего связанные с возможным покушением на президента, и передавать эту информацию Секретной службе. Таким образом устранялась даже сама возможность попытки покушения, не говоря уж о ее осуществлении. И в данный момент кто-то из них вполне мог читать мои мысли...

Только тут он ничего интересного не обнаружит. Нет оснований для беспокойства.

Я потушил окурок. Взглянул на телевизионщиков с их камерами. Осмотрел зал. Потом вновь уставился на сцену. Губернатор как раз пошел к микрофону. Я скосил глаза на часы. Минута в минуту.

Пора? Нет. Чуть позднее. Он сам скажет когда. Когда...

Аплодисменты смолкли, но шум в зале не прекращался: он то усиливался, то стихал. Как шум волн. Сперва я никак не мог определить, что происходит. Потом до меня дошло, что шум доносится с улицы. Гром. Должно быть,

идет дождь. А я и не заметил, чтобы погода портилась, когда я сюда шел... Не помню ни туч, ни...

Я вообще не мог вспомнить, какая стояла погода и какое было время суток: темно было или светло, тепло или прохладно, ветрено или тихо... Ничего не помнил — ни о погоде, ни о чем-либо еще.

Ну и ладно. Какая, в конце концов, разница? Я пришел сюда, чтобы послушать и посмотреть. Пусть себе идет дождь. Это не имеет ни малейшего значения.

Я выслушал речь губернатора, всего шесть минут, и даже похлопал ему, пока репортеры щелкали вспышками, запечатлевая застывшие лица. В зале слышались громкие возгласы; они болью отдавались у меня в ушах, даже в виске заломило. Время тянулось страшно медленно. Вот президент поднялся и, улыбаясь, вышел вперед. Я глянул на часы и откинулся на спинку стула. Отлично. Просто прекрасно.

И тут я вдруг ощущаю, что словно бы нахожусь в тире, а на стене ряд лиц над грубо вырезанными из картона силуэтами людей. Они ярко освещены. Я стою в другом конце, левая рука опущена. В руке пистолет. И тут он говорит мне. Говорит. Необходимые слова. И когда я их слышу, я хорошо знаю, что мне надо делать. Что именно мне надо сделать, чтобы получить эту награду, приз. Я проверяю пистолет не глядя, поскольку неотрывно смотрю перед собой. Там одна мишень, вполне конкретная, которую я должен поразить, чтобы выиграть приз. Стремительным, но плавным движением — никаких рывков! — я поднимаю пистолет, целюсь и нажимаю на спуск с той самой силой, которая необходима. Картонные силуэты слегка двигаются, порой довольно хаотично. Но это не имеет значения. Звучит один-единственный выстрел. Моя мишень падает. Я выиграл приз.

Чернота.

И тут я вдруг ощущаю, что словно бы нахожусь в тире, а на стене ряд лиц над грубо вырезанными из картона силуэтами людей. Они ярко освещены. Я стою в другом конце, левая рука опущена. В руке пистолет. И тут он говорит мне. Говорит. Необходимые слова...

Позади меня кто-то вскрикнул... Звон в ушах постепенно стих, когда президент поднял руку, помахал и медленно повернулся... Голова по-прежнему болела. Словно меня только что треснули по башке. Странно. Я коснулся пальцами головы. И ощутил боль. Болезненным было вполне конкретное место, но никакой раны я не нащупал. Кожа была цела. При этом я почему-то с трудом ощущал и свои пальцы, и то, что они ощупывают. Казалось, вокруг этого болезненного места все онемело. Интересно, что бы это могло значить?

Крики и аплодисменты стали стихать. Он начал речь.

Я постарался как-то встряхнуться. Что же со мной произошло и что происходит? Я не помню, какая была погода на улице, голова болит... Может, еще что-то не так?

Я попытался вспомнить, как попал в этот зал; мне хотелось понять, почему я не помню, что собиралась гроза.

И тут до меня дошло, что я вообще ничего не помню: ни как добирался сюда, ни на чем приехал — на такси? на автобусе? на частном автомобиле? пешком? Не помню, что ел на завтрак нынче утром и ел ли сегодня вообще, а если ел, то где и когда. Я не помнил даже, как одевался.

Я снова ощупал кожу на голове. Как и в прошлый раз, что-то словно мешало мне, предостерегало: не трогай! — но я переборол это чувство, внезапно подумав, что меня, возможно, били по голове и теперь амнезия дает об этом знать.

Может, именно так и было? Или это несчастный случай? Ударился затылком, а потом весь день где-то шатался, пока нечто не навело меня на мысль, что я собирался прийти сюда и послушать выступление президента. Вспомнив об этом, я вознамерился достигнуть поставленной цели, и это совершенно отвлекло меня от полученной травмы. Наверное, так...

Все-таки очень странное ощущение возникало, когда я ощупывал голову... Я попытался определить границы зоны онемения. Ничего там вроде бы не онемело...

И тут вдруг кожа под моими пальцами отделилась от черепа. Я почувствовал резкую боль и отдернул руку. Боль быстро прошла, и я возобновил свое обследование. Крови нет. Это хорошо. Но там явно какая-то щель, как будто часть кожи с волосами, нет, даже весь скальп отделился от черепа и болтается совершенно свободно. Меня на мгновение обуял ужас, но потом я все же снова коснулся черепа в этом месте и под поднятым скальпом ощутил теплую кожу, обладавшую совершенно нормальной чувствительностью. Ничего похожего на рану.

Я потянул «скальп» дальше, и он еще больше отошел от черепа. Только в одном месте, на макушке, я по-прежнему ощущал боль, а под «скальпом» — нечто вроде повязки. И только тут понял, что на мне парик, а голова под ним забинтована.

В зале прошелестели аплодисменты — президент что-то сказал, я не расслышал, что именно. И глянул на часы.

Так что же со мной было? Несчастный случай? А потом, наверное, меня отправили в пункт экстренной помощи, где обрили поврежденный участок головы, зашили скальп и перевязали, а затем отпустили, сочтя, что достаточно и амбулаторного лечения. Сотрясения мозга и амнезии никто просто не заметил.

Но почему-то объяснение это не казалось мне правильным. В пунктах экстренной помощи вряд ли снабжают пациентов париками, чтобы прикрыть бинты на голове. И вряд ли человека в моем состоянии отпустили бы оттуда.

Впрочем, об этом можно будет поразмыслить потом. Я пришел сюда, чтобы послушать речь президента. У меня отличное место, мне все прекрасно видно. Вот и давай, пользуйся моментом. А самоанализом займешься позже, когда все это закончится.

Назначенное мгновение миновало почти двадцать минут назад...

Я попытался вслушаться в слова президента, но никак не мог сосредоточиться. Что-то явно было не так, и я сам себя мучил, не приняв это во внимание сразу. Что-то явно

было очень и очень не так, причем не только со мной. Хотя я был как бы частью чего-то большего. Но чего именно? И почему?

Я снова взглянул на толстенького телепата, сидевшего у президента за спиной. *Давай, загляни в мои мысли, прочитай их,*— послал я ему мысленный приказ.— *Я сам этого хочу, честное слово. Может, тебе удастся заглянуть глубже, чем это могу сделать я? Ну же, смотри, найди, что там не в порядке, что там не так! А потом объясни мне, что со мной произошло и происходит. Очень хотелось бы это знать.*

Но он даже не посмотрел в мою сторону. Его интересовала лишь возможная угроза жизни президента, а мои намерения были вполне мирными. Если он даже и прочел мои мысли, то тут же выбросил из головы мое замешательство и мои странные желания, сочтя их просто потоком сознания одного из тех неврастеников, каких всегда хватает на любом крупном митинге. Ничего особенного, просто неуравновешенный тип, но вряд ли опасный. Все его внимание, да и внимание всех его коллег, было поглощено теми действительно опасными личностями, которые могли здесь присутствовать. И совершенно правильно.

Снова прогрохотал гром. И напомнил: я забыл все, что было со мной до этого зала. Весь день, вплоть до прихода сюда, полностью выпал из памяти. Думай, думай, вспоминай! Я читал о некоторых случаях амнезии. А не было ли среди них такого, как у меня?

Когда и как мне пришло в голову явиться сюда, на это выступление? Почему? При каких обстоятельствах?

Ничего не помню. Абсолютно ничего о том, что побудило меня на этот поступок.

А нет ли чего-то подозрительного, необычного в моем желании прийти сюда?

Я... Нет, ничего не помню.

Девятнадцать минут прошло...

Я вдруг вспотел. Естественный результат моей нервозности, надо полагать.

Секундная стрелка миновала цифру 2, 3...

Что-то я должен сделать... Это станет мне ясно через минуту. Что? Пока ничего. Жди.

...миновала 6, 7...

Когда зал в очередной раз взорвался аплодисментами, я уже жалел, что пришел сюда.

...10, 11...

Через двадцать минут после...

Мои губы задвигались. Я что-то тихонько говорил. Сомневаюсь, что кто-нибудь, даже из сидевших рядом, слышал меня.

— Сюда, дамы и господа! Испытайте вашу удачу.

«...Испытайте вашу удачу».

И вдруг я проснулся и вновь оказался в тире. Рука в кармане. Высоко, на дальней стене передо мной ряд лиц над вырезанными из картона силуэтами людей. Свет заливает их. Я ощутил в руке пистолет и, не глядя, проверил его. Силуэт прямо напротив меня и был моей мишенью, он слегка, чуть хаотично, двигался.

Я медленно достал оружие из кармана и начал его поднимать.

Моя рука! Да что же это такое?!

С растущим ужасом я наблюдал за тем, как моя левая рука вынула из кармана пистолет. Я никак не мог управлять ею, она словно принадлежала другому человеку. Я хотел ее опустить, но она продолжала подниматься. И тогда я сделал единственное, что мне оставалось.

Я схватил ее за запястье правой рукой.

Левая рука явно имела свои собственные намерения. И сопротивлялась мне. Я сжал ее сильнее и что было силы дернул вниз.

При этом я попытался вскочить на ноги. С губ моих неудержимо срывались ругательства и проклятия. Я вовсе не был уверен, что мне удастся долго удерживать собственную левую руку.

Левый палец на спусковом крючке напрягся, дернулся — и сила отдачи подкинула обе мои руки вверх. К счастью, когда раздался выстрел, ствол был направлен вниз. Надеюсь, рикошетом пуля никого не задела.

Вокруг все уже вопили, стремясь убраться от меня подальше. Впрочем, несколько человек, наоборот, проталкивались ко мне. Хорошо бы еще удержать левую руку до того, как они подоспеют...

Вовремя подоспели сразу двое. Один перехватил мою руку, другой навалился на плечи. И мы дружно грохнулись на пол. Когда мою левую руку перехватили и зажали, я наконец почувствовал, что она расслабилась. Пистолет у меня отняли. А руки мои, столь чуждые сейчас друг другу, вывернули за спину и заковали в наручники. У меня, помню, мелькнула надежда, что теперь они друг друга не сломают. Однако они уже и так перестали сражаться и бессильно повисли. Меня поставили на ноги.

Когда я снова взглянул на сцену, президента там уже не было. А коротышка-телепат смотрел прямо на меня. Его темные глаза за толстыми стеклами очков уже не скользили беспокойно по залу. Он встал и направился ко мне, подав рукой какой-то знак державшим меня мужчинам.

А я вдруг почувствовал ужасную слабость и головокружение. Снова заломило виски. И заболели все ушибы и ссадины, которые я получил при задержании.

Толстяк подошел ко мне и обнял за плечи.

— Не волнуйтесь, теперь все будет хорошо,— произнес он.

И опять передо мной возник тир. Картонных фигур больше не было. Только люди. Я не мог понять, куда все это подевалось и почему он, сказав мне нужные слова, потом удержал меня. Я знал только, что не попал в цель и теперь никакого приза не получу. Награды не будет. И на глазах у меня выступили слезы.

Потом меня отвезли в больницу. У дверей моей палаты поставили охрану. Телепат-коротышка, которого, как мне сказали, звали Артуром Куком, почти все время был со мной. Врач ощупал левую сторону моей шеи, воткнул иглу и ввел какую-то прозрачную жидкость. Дальнейшее — молчание.

Когда я пришел в себя — понятия не имею, сколько времени на это потребовалось,— то и в правой стороне шеи чувствовалась боль от укола. Артур и один из врачей стояли у моей постели и внимательно всматривались в мое лицо.

— Рад, что вы наконец очнулись, мистер Мэтьюз,— сказал Артур.— Мы хотели бы поблагодарить вас.

— За что? — спросил я.— Я даже не знаю, что произошло.

— Вам удалось сорвать заговор с целью убийства. Меня так и подмывает сказать, что вы это сделали «одной левой», но я не склонен к каламбурам. Вы стали невольным участником одной из самых гениальных и изощренных попыток обойти телепатические меры безопасности. Вы стали жертвой группы совершенно безжалостных людей, которые для осуществления своего заговора использовали самые последние достижения медицины. И учти заговорщики одну дополнительную деталь, полагаю, они преуспели бы. Однако они позволили обоим вашим «я» одновременно оставаться в вашем теле в самый критический момент, и это сорвало их планы.

— Обоим моим «я»?

— Да, мистер Мэтьюз. Вы знаете, что такое мозолистое тело?

— Да. Кажется, какая-то штука в мозгу.

— Совершенно верно. Это пучок нервных волокон в дюйм длиной и в четверть дюйма толщиной, который соединяет левое и правое полушария головного мозга. Если его разрезать, это приведет к появлению двух независимых личностей в одном теле. Иногда такое делается в особо серьезных случаях эпилепсии, чтобы уменьшить негативные последствия припадков.

— Вы хотите сказать, что мне сделали такую операцию?

— Да, сделали.

— И у меня в голове теперь есть еще одно «я»?

— Именно так. Правда, второе полушарие сейчас находится под действием седативных препаратов.

— И который же из двоих — я?

— Вы тот, кто соответствует левому полушарию. Оно управляет, в частности, лингвистическими способностями и рациональным мышлением. Правое полушарие отвечает за вашу интуицию, эмоции, зрительные функции и ориентацию в пространстве.

— А обратная операция возможна?

— Нет.

— Понятно. Вы говорите, что некоторым уже делали такие операции — эпилептикам... И как они вели... ведут себя после этого?

Тут заговорил врач, высокий седой человек с хищными чертами лица:

— Долгое время считалось, что этот пучок нервных волокон — мозолистое тело — не несет особо важных функций. Лишь через много лет мы начали догадываться об этом побочном эффекте комиссуротомии, то есть разделения полушарий. Но я не вижу особых трудностей для вас. Позднее мы обсудим все это более подробно.

— Ладно. В любом случае я ощущаю себя... самим собой. Зачем они такое со мной сделали?

— Чтобы превратить вас в великолепного современного убийцу,— сказал Артур.— Одно полушарие мозга ведь можно усыпить, а второе останется бодрствовать. Это очень просто — надо всего лишь ввести нужное лекарство в сонную артерию с соответствующей стороны. После того как операция была проведена, они усыпили вас — то есть ваше левое полушарие,— а правое подвергли воздействию гипноза и современных приемов модификации поведения, что и превратило вас в готового убийцу...

— Я всегда считал, что человека невозможно заставить делать некоторые вещи даже с помощью гипноза...

Он кивнул:

— При обычных условиях — да. Однако, как нам представляется, правое полушарие, более эмоциональное и менее рациональное, в большей степени подвержено внешнему воздействию, внешнему убеждению. А оно у вас

получило не просто приказ об убийстве. Это была тщательно продуманная и прекрасно наведенная иллюзия, и ваше правое полушарие было приучено реагировать на нее соответствующим образом.

— Ну хорошо,— сказал я.— Предположим, все это так и было. Но как бы им удалось добиться, чтобы все произошло именно так, как было задумано?

— Хотите понять всю механику? Ладно. Как я уже говорил, вас обучали и готовили, пока вы были без сознания, а потому вы ничего не понимали и не осознавали. Обработанное полушарие было затем погружено в состояние глубокого сна, получив при этом приказ проснуться и осуществить задание после подачи соответствующего сигнала. Затем вашему левому полушарию сделали постгипнотическое внушение: подать такой сигнал в форме произнесенной вами же фразы в точно определенное время, когда президент будет выступать с речью. Вас доставили к этому зданию и оставили у входа, вы вошли в зал, не помня и не сознавая ничего из случившегося с вами. Ваш мозг выглядел совершенно невинным при любом телепатическом сканировании. И только когда вы исполнили внушенный вам гипнозом приказ, чем, собственно, и привлекли к себе мое внимание, я вдруг увидел два сознания, две личности в одном теле. Довольно жуткое ощущение, должен признаться. К счастью, вы, вернее, ваше второе, более рационально мыслящее «я» догадалось, что происходит, и всеми силами постаралось предотвратить это. Что и дало нам время прийти вам на помощь.

Я кивнул. Некоторое время я раздумывал об этих двух «я», что поселились теперь внутри меня и борются за полный контроль над моим телом. Потом сказал:

— Вы говорили, что они допустили одну ошибку, что прими они еще одну дополнительную меру предосторожности, то добились бы успеха. Что вы имели в виду?

— Им следовало внушить вам, что вы, то есть ваше левое полушарие, должны сразу заснуть, едва произнесете условленную фразу,— сказал он.— Полагаю, это решило

бы все. Им просто не пришло в голову, что две половинки вашей личности вступят в конфликт.

— А что за люди стоят за всем этим? — спросил я.

— Ваше правое полушарие предоставило нам вполне достаточно весьма точных описаний, пока вы спали.

— Описаний? А я считал, что мной управляло то полушарие, которое отвечает за речь.

— Да, в основном это так. Однако второе полушарие предоставило в наше распоряжение несколько превосходных зарисовок, которые я смог проверить еще и телепатически. Служба безопасности затем сличила их с фотографиями некоторых лиц, на которых давно имелись досье, и эти люди были задержаны. Однако учтите, ваше второе полушарие не полностью лишено контроля над речью,— продолжал он.— Между ними в какой-то мере существует передача функций, что, кстати, вполне может иметь место прямо сейчас.

— Что вы хотите этим сказать?

— Второе ваше «я» уже некоторое время бодрствует. Смотрите, ваша левая рука, которой оно управляет, делает разные жесты. Явно хочет дотянуться до моей авторучки. Я просто уверен.

Он достал ручку и записную книжку из кармана и протянул все это мне. И я, затаив дыхание, пораженный, наблюдал, как левая рука взяла ручку и приготовилась писать. Медленно, аккуратно, она вывела: «Мне очень жаль».

...И пока она писала, я осознал, что он не поймет, никогда не сможет понять, что именно я имел в виду.

А это было именно то, что я имел в виду, именно оно!

Я некоторое время смотрел на эти слова, потом перевел взгляд на стену. И только потом взглянул на Артура и врача.

— Я был бы очень вам признателен, если бы вы оставили нас на некоторое время,— произнес я наконец.

Они вышли. И пока они выходили из моей палаты, я понял, что отныне, куда бы я ни посмотрел, половина пространства передо мной должна быть пуста.

Моя леди на диодах

Максина сказала:

— Поверни налево на следующем перекрестке.

Я так и сделал.

— Припаркуй автомобиль. Выходи и перейди на другую сторону улицы.

Я захлопнул за собой дверцу и пошел по тротуару — человек в темно-синем комбинезоне, с серым чемоданом в руке и микронаушником в левом ухе.

— Теперь поверни голову направо. Ты увидишь красное кирпичное здание, номер 6-6-8.

— Вижу,— сказал я.

— Подойди к его фасаду, но не поднимайся по лестнице к главному входу. Пройди вдоль ограды и увидишь лестницу, ведущую вниз. Спустись по ней. Увидишь дверь. Скорее всего она заперта на висячий замок.

— Да, я вижу его.

— Поставь чемодан, достань перчатки из кармана комбинезона и надень их. Затем достань из кармана молоток и сломай замок. Постарайся сделать это одним ударом.

Мне понадобилось два.

— Войди в здание и закрой за собой дверь. Повесь сломанный замок на ручку двери и положи молоток на пол.

— Здесь чертовски темно...

— Здание должно быть пустым. Сделай двенадцать шагов вперед и сверни в коридор, ведущий направо.

— Сделал.

— Сними правую перчатку и достань из правого кармана сверток с монетами. В коридоре ты должен увидеть ряд телефонных будок.

— Вижу.

— Напротив должны находиться три небольших окна. Достаточно ли они дают света, чтобы набрать номер?

— Да.

— Войди в первую будку, сними трубку левой рукой в перчатке, правой брось монету в щель и набери следующий номер...

Я сделал это.

— Когда услышишь «Алло!», не отвечай и не вешай трубку, а лишь положи ее на полку. Затем войди в следующую будку и набери номер...

Я сделал это двенадцать раз подряд.

— Этого достаточно,— сказала Максина.— Ты заблокировал все линии, ведущие в демонстрационный зал, так что никто не сможет позвонить оттуда в ближайшее время. А теперь вернись в машину. Не забудь повесить замок на дверь так, чтобы было незаметно, что он сломан. Затем поезжай к выставочному залу. Припаркуйся в углу площадки, рядом с транспарантом: «Первый час — 50 центов, каждый следующий — по 35 центов». Заплати авансом, подготовь деньги заранее. Скажи служащему стоянки, что приехал ненадолго.

Я вернулся в машину и включил зажигание.

— Держи скорость около 35 миль в час и надень шляпу.

— Это необходимо? Ты же знаешь, я терпеть не могу шляп.

— Нет, надень. И темные очки тоже.

— Сделал.

— Хорошо. Я понимаю, почему ты не любишь шляпы — они приводят в беспорядок твои волосы. Но зато защищают голову от ветра.

Я промолчал. Максина, как и все особы женского пола, порой была излишне назойлива.

— Как движение? Трудно вести машину или легко? Шляпы полезны, они предохраняют мужчин от простуды.

— Движение сейчас небольшое.

— Впереди светофор, да? Какой свет горит?

— Только что переключился на зеленый.

— Если сохранишь скорость, то проедешь без остановок два следующих перекрестка. На третьем тебя остано-

вит красный свет. Будет время набить трубку и, возможно, даже зажечь ее. Если не успеешь, у тебя будет еще два удобных случая, прежде чем припаркуешь машину на стоянке. Что, тесный галстук?

Я промолчал.

— Взгляни на свои часы. У тебя есть еще девять минут, прежде чем кислота разъест силовые кабели и вызовет короткое замыкание. Галстуки так элегантны!

— Девять минут... Ненавижу галстуки! Чертовски глупая штука.

— Теперь положи меня на заднее сиденье и закрой одеялом. Я пропишу электрошок каждому, кто попытается украсть меня.

Я сделал это, набил трубку, зажег ее и подъехал к стоянке.

— Держи дымящуюся трубку в зубах, когда будешь говорить со служащим стоянки. Ты захватил с собой кейс, фонарь и электронный накладной замок?

— Да.

— Хорошо. Сними перчатки и наушники и спрячь их. Следи за рулем, ты сегодня небрежно ведешь машину.

Я припарковался, расплатился со служащим стоянки и пошел к выставочному залу. Оставалось 2 минуты 12 секунд до того, как погаснет свет.

Я поднялся по лестнице и вошел в фойе. Зал, в котором в качестве экспоната был выставлен «Зикфакс», находился слева. Я не спеша пошел в нужном направлении.

Оставалась 1 минута 40 секунд. Перед дверью я вытряхнул пепел из трубки в урну.

В зале не было окон. Максина изучила план всего здания и предупреждала меня об этом. Как она и говорила, дверь и дверная коробка были сделаны из стали.

Я увидел стенды с приборами и различными комплектующими деталями. Спрятав трубку в карман, я переключил очки на инфракрасный диапазон. Оставалось 15 секунд. Я надел перчатки. 10 секунд.

Из правого кармана я достал инфракрасный фонарик, а из левого — электронный замок собственной конструкции.

Досчитав до десяти, я вошел в зал именно в тот момент, когда свет погас.

Захлопнув дверь, я прикрепил к ней накладной замок так, чтобы открыть его можно было, лишь зная электронный шифр. Затем я включил фонарь и пошел к центральному стенду.

Посетители выставки застыли, точно пораженные громом. Я достал молоток и разбил стекло стенда. Двое охранников пошли в мою сторону, но слишком медленно и неуверенно. Раскрыв кейс, я наполнил его золотой, платиновой и серебряной проволокой, а также наиболее крупными техническими алмазами и рубинами. Затем я пошел к двери. Вокруг меня звучали встревоженные голоса. То и дело вспыхивали спички и зажигалки, но они толком ничего не освещали.

Как я и ожидал, у двери образовалась пробка из охваченных паникой людей.

— Дайте дорогу! — крикнул я.— У меня есть ключ!

Толпа расступилась, и я открыл навесной замок. Быстро раскрыв дверь, я так же быстро закрыл ее и прикрепил замок снаружи.

К счастью, в фойе никто не обратил на меня внимания. Я выключил фонарь, а трубку вновь засунул в рот. Не спеша выйдя из здания, я пошел к стоянке. Охранники у входа проводили меня скучающими взглядами.

Отъехав от выставочного зала, я остановился в тихом местечке, снял очки, комбинезон и проклятую шляпу. Теперь я был одет в серую спортивную куртку и черные брюки. Затем я вновь надел микронаушник на левое ухо.

— Все в порядке,— сказал я.

— Хорошо,— ответила Максина.— Теперь, по моим оценкам, долг компании «Зикфакс» тебе уменьшился до 2 миллионов 123 тысяч 450 долларов. Верни автомобиль и возьми такси, чтобы на всякий случай иметь алиби.

— Сделаю. Мы неплохо еще поработаем здесь, в Денвере. Я собираюсь купить тебе новый чемодан. Какой цвет ты предпочитаешь?

— Крокодиловой кожи, Денни. Это так элегантно!

— Договорились,— сказал я и направился в сторону прокатного бюро.

Мы провели в Денвере два последующих месяца. Все это время я занимался перепрограммированием Максины. Я начинил ее городскими справочниками, данными по истории города, адресами всех коммерческих контор и другой информацией, которая попадалась мне под руку. Приладив к Максине сканер, я показал ей карту города и планы всех зданий, которые смог разыскать в архиве местного муниципалитета. Затем сфотографировал конференц-отель внутри и снаружи и соседние здания. Каждый день Максина сканировала местные газеты и журналы, так что вскоре была в курсе всех городских дел и скандалов.

Второй этап операции начался тогда, когда Максина стала запрашивать специальную информацию. Каково покрытие у местных дорог? Что носят местные жители? Сколько строительных компаний расположено здесь и чем они конкретно занимаются? Какова ширина некоторых улиц?..

Как акционер «Зикфакса», я ежедневно получал брошюры, в которых рассказывалось о подготовке большой международной конференции. Эту чушь я тоже скармливал Максине.

— Денни, ты хочешь полностью компенсировать задолженность «Зикфакса»? — спросила как-то она.— Включая судебные издержки, оплату адвокатов и компенсацию твоего морального ущерба?

— Да. Но как это сделать?

— Перед началом конференции впервые должен быть выставлен на всеобщее обозрение «Зикфакс-5000». Укради эту вычислительную машину, а затем продай ее.

— Украсть эту дурацкую махину? Да она весит тонны!

— Всего лишь около шести тысяч четырехсот фунтов, если верить описанию. Стащи ее и уноси ноги. Круг подозрений вокруг тебя сжимается с каждой новой кражей, ты же знаешь.

— Да, но что я буду делать с «Зикфаксом-5000»?

— Разберешь на части и выгодно продашь их. Или, лучше, толкнешь ее целиком в Бюро Статистики в Сан-Паулу. Им необходимо нечто подобное, и я уже прикидывала возможные контрабандные маршруты. Но у меня не хватает данных...

— Эта авантюра даже не обсуждается!

— Почему?

— Последствия для меня будут...

— Ты построил меня, несмотря на все трудности, а теперь все проблемы я беру на себя. Только дай мне всю необходимую информацию.

— Хм... я обдумаю это немного позже. А сейчас я пойду обедать.

— Не пей слишком много, Денни. Нам надо еще многое сегодня обсудить.

— Не беспокойся, малышка. Пока, увидимся позже.

Я запихнул чемодан с Максиной под кровать и вышел из гостиницы. Закурив, я не спеша пошел к ближайшему ресторану. Был теплый летний вечер, и лучи солнечного света, пробивавшиеся среди каменных джунглей, были наполнены мерцающими частичками пыли.

— Мистер Бракен, могу я поговорить с вами?

Вздрогнув, я обернулся. В двух шагах стояла девушка ростом около пяти футов и двух дюймов, с золотистыми глазами и того же цвета пышными волосами. У нее была по-детски плоская грудь, курносый носик, прелестные розовые ушки и серьезный взгляд первой ученицы. Юбка ее, на мой взгляд, была коротковата, а розовая куртка висела на ее узких плечах, словно мешок. На тонкой шее висел фотоаппарат. В жизни не видел более нелепого создания, но в девушке было и своеобразное обаяние.

— Я слушаю.

Где-то раньше я встречал эту девушку, но где?

— Меня зовут Гильда Кобурн,— сказала она, гнусавя.— Я только сегодня приехала в город. Меня послала редакция газеты для того, чтобы я написала статью о конференции по компьютерам. Я специально искала вас, мистер Бракен.

— Это еще зачем?

— Чтобы взять интервью по вопросу современных методов обработки информации.

— Хм... в ближайшую неделю в Денвер прибудет много известных ученых. Почему бы вам не поговорить с ними? В компьютерном деле я не бог знает какая важная шишка.

— Но я слышала, что вы — автор одной из трех самых важных идей в этой отрасли за последнее десятилетие. Я прочитала все статьи о нашумевшем деле: Даниэль Бракен против «Зикфакс инкорпорейтед». Вы сами говорили об этом во время судебного заседания.

— Возможно. Но как вы узнали, что я приехал в Денвер?

— Кто-то из ваших друзей рассказал об этом моему главному редактору. Толком я не знаю, как это произошло... Так я могу взять у вас интервью?

— Не хотите ли перекусить? Я иду в ресторан.

— Нет.

— Отлично, тогда пойдемте со мной. Я накормлю вас и расскажу, так и быть, о методах обработки информации.

Гильда лгала мне, это было ясно. Никто из моих друзей не мог ничего рассказать ее главному редактору по той простой причине, что у меня нет друзей. Не считая Максины, конечно. Быть может, девица была из полиции? Если так, то это стоило обеда на двоих.

Я не стал скупиться и заказал бутылку шампанского до обеда, вино к обеду и виски с содовой после кофе. Но Гильда проглотила весь этот коктейль, даже не поморщившись. Ее взгляд остался чистым, как стеклышко, и она забрасывала меня каверзными вопросами. Я уворачивался как мог.

Чтобы сбить ее с толку, я начал пространно распространяться о трансляторе «Зикфакса-410», о том, что он предназначался для контактов с внеземными формами разума, но девушка внезапно поправила меня:

— Не 410, а 610.

Черт побери! Недурно для журналистки, одетой со вкусом попугая. Впрочем... Если привести в порядок ее волосы, снять с лица дурацкий яркий грим, выкинуть в мусоропровод мешкообразное одеяние, а на курносый носик нацепить тяжелые очки в розовой оправе... Соня Кронштадт, молодой гений, один из создателей «Зикфакса-5000» — того самого, который мы с Максиной намеревались спереть с предстоящей выставки! Это был серьезный противник, не то что болваны-полицейские.

За время, прошедшее после проигранной мной тяжбы с «Зикфаксом», я уничтожил двенадцать вычислительных машин этой могущественной фирмы. Они знали, что это было моих рук дело, но доказать ничего не могли. Чтобы облегчить свою разрушительную работу, я сконструировал переносной компьютер «Макс-10», или Максину. Она была идеальным преступником-теоретиком и доказала это дюжину раз. «Зикфаксу» было известно почти все обо мне, но мы успешно водили за нос их детективов, дурачили многочисленную охрану, ставили в тупик хитрые системы сигнализации. Ни один грабеж не походил на другой, благодаря изобретательности Максины. Но теперь нам противостояла Соня Кронштадт. Она появилась накануне конференции, под чужим именем и с умело измененной внешностью. Это превращало очередную кражу в трудное состязание. Интересно, что за сюрприз меня ожидает?

Я взял девушку за руку и проникновенно сказал:

— Не хотите ли зайти ко мне в гости, чтобы пропустить по паре стаканчиков на сон грядущий?

К моему удивлению, Соня кивнула с серьезным видом:

— Хорошо.

Я обрадовался, но, как выяснилось потом, рано. Нелегко иметь дело с ревнивой женщиной, но ревнивая соперница в конструировании компьютеров и того хуже!

Очень довольный собой, я привел Соню в гостиницу, и вскоре мы уже сидели на диване в моем номере с бокалами в руках. Как я и ожидал, Соня, словно между делом, спросила меня обо всех этих странных похищениях различных моделей «Зикфакса».

— И что же?

— Я хотела бы узнать вашу точку зрения о том, кто мог это организовать.

— «Ай-би-эм»? «Радио Шек»?

— Вы серьезно? До сих пор в этом деле нет никакой ясности. Преступник, судя по всему, экстра-класса. Почему же он тогда не занимается банками или ювелирными магазинами, а вместо этого крадет и уничтожает компьютеры? Мне кажется, что у этого человека есть зуб на «Зикфакс». Вы согласны?

— Нет,— сказал я и, наполняя бокал, словно бы случайно коснулся ее шеи. Она не отодвинулась.

— Логично заключить, что «Зикфаксу» противостоит один человек, но факты говорят о другом,— чуть дрогнувшим голосом продолжила она.

— Я изучил все репортажи о похищениях компьютеров и заметил, что ни одно преступление не похоже на другое,— сказал я.— Похоже, орудует целая банда.

— Глупости! — поморщившись, возразила Соня.— Ничуть на это не похоже. То, что все преступления различны, скорее всего говорит о том, что вор один. Но это очень хитрый и умный вор. Ему явно доставляет удовольствие дурачить «Зикфакс».

Вместо ответа я поцеловал ее в губы. Она неожиданно прильнула ко мне.

Свет погас словно бы сам по себе.

Позднее, когда я лежал на кровати и курил, Соня неожиданно сказала:

— Все знают, что ты один из тех, кто мог совершить эти ограбления.

— Я думал, ты спишь.

— Я думала, как сказать тебе об этом.

— Ты не репортер.

— Нет.

— Тогда чего ты хочешь?

— Я не хочу, чтобы ты отправился в тюрьму.

— Ты работаешь на «Зикфакс».

— Да. И я буквально влюблена в модели начиная от 5280 и кончая 9310. Это ты конструировал их. Многие специалисты говорят: это работа гения.

— Я служил в «Зикфаксе» всего лишь инженером-консультантом и помогал вашему шефу мистеру Уолкеру. Когда мне в голову пришли кое-какие идеи и я начал их патентование, мистер Уолкер не терял времени даром. Спустя неделю он заложил новые модели «Зикфакса», используя мои открытия. Ты, конечно же, читала его свидетельские показания. Твой шеф — редкостный мерзавец и вор. Понятно, почему теперь он стал вице-президентом компании.

— Но почему ты занялся именно грабежом?

— «Зикфакс» должен мне на сегодняшний день 2 миллиона 123 тысячи 450 долларов.

— Так много? Как ты определил эту цифру?

— Как один из акционеров, я имею право доступа к некоторым финансовым документам компании. Я рассчитал, насколько «Зикфакс» увеличила свои прибыли, используя мои идеи, и оценил свою долю в них. Это все, конечно, сущие пустяки. На самом деле мои идеи бесценны.

— Я с самого начала знала, что эти кражи — твоя работа, Денни. Я видела электронный замок, которым ты блокировал дверь в зал во время последней кражи. Твой почерк очень заметен, Денни. Я читала, как ты был расстроен после несправедливого решения суда, как клялся расквитаться с компанией...

— Вот как? Почему же ты пришла ко мне, чтобы рассказать о своих подозрениях? Разве ты не собираешься обратиться в полицию?

— Пока нет.

— Что значит пока?

— Я приехала в город до начала конференции, потому что знала: ты здесь и готов действовать. Не хочу, чтобы такой талант, как ты, оказался в тюрьме. Страшно подумать: создатель 9310-й модели сидит рядом с уголовниками!

— Хм... очень мило с твоей стороны. Но даже если допустить, что твои рассуждения правильны — только допустить, то все равно неясно, как это можно доказать в суде.

— Денни, я конструировала «Зикфакс-5000» с учетом специального задания компании. Они хотели, чтобы новая машина была суперсовершенным сборщиком информации... Короче, эта модель — уникальный детектив. Она тщательно обработала данные о всех предыдущих кражах и предсказала все возможные варианты твоих действий во время будущей конференции. Охрана выставочных залов в курсе этого. Пойми, у тебя не будет ни единого шанса!

— Ха!

— Разве ты недостаточно богат, чтобы убежать, пока не поздно?

— Конечно, я богат,— признался я.— Не в этом дело...

— Я понимаю твои мотивы, но перехитрить модель 5000 не может никто! Даже если ты вновь отключишь энергопитание, «5000» сумеет сама включить себя — в нее вмонтированы автономные источники питания. Что бы ты ни делал, компьютер немедленно предпримет контрмеры.

Я нахмурился и резко сказал:

— Знаешь что, милая, возвращайся-ка лучше в свой дерьмовый «Зикфакс» и скажи своему шефу, что я не боюсь никаких небылиц о компьютере-детективе. Если они будут продолжать бахвалиться своими новыми моделями, то им не избежать серьезных потерь. Хотя лично я здесь ни при чем, это я официально заявляю.

— Это не небылица,— горько вздохнула Соня, глядя на меня умоляющими глазами.— Я ввела специальную

программу в новую машину, Денни! Она может поймать тебя!

Я недоверчиво хмыкнул.

— Как-нибудь я представлю тебе Максину,— сказал я.— Она скажет, что думает о детективе весом в шестьдесят четыре сотни фунтов.

— Кто такая Максина? Твоя подруга или...

— Мы только хорошие друзья,— поспешил успокоить я Соню,— но она везде следует за мной.

Соня помрачнела. Не глядя на меня, она быстро оделась и выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

Я вздохнул, опустил руку под кровать и включил аудиосвязь Максины.

— Девочка, ты поняла, о чем толковала моя гостья?

— Подумаешь,— сухо отозвалась Максина.

— Конечно, все, что может сотворить этот монстр весом в шестьдесят четыре сотни фунтов, ты сделаешь куда лучше,— польстил я, но это не помогло.

— Денни, ты мерзавец! Ты знал, что я лежу включенная под кроватью, и все равно делал это!

— Что?

— Занимался любовью с этой... этой... Прямо надо мной! Я слышала все!

— Э-э... Да, было дело.

— Ты не щадишь мои чувства?

— Конечно, я ценю тебя, малышка! Но, понимаешь, есть вещи, которые могут происходить только между двумя людьми...

— Я для тебя лишь вещь, которую ты с корыстными целями пичкаешь информацией! — продолжала бушевать Максина.— Вещь, которую ты заставляешь планировать преступления! Как личность, я для тебя ничего не значу!

— Неправда, малышка! — запротестовал я.— Да, я привел сюда эту женщину и переспал с ней, но только для того, чтобы выведать планы «Зикфакса»!

— Не лги, Даниэль Бракен! Ты мерзавец!

— Макси, ты же знаешь, что это не так! Разве не я только что купил тебе новый чемодан из крокодиловой кожи?

— Это жалкая плата за все то, что я сделала для тебя, предатель!

— Не надо, Макси...

— Может быть, ты решил сделать себе новый компьютер, а меня выкинуть на свалку?

— Бог мой, ты мне очень нужна, малышка! С тобой никто не может сравниться. Ты побьешь этого урода «5000».

— Ясное дело!

— Что прикажешь мне делать?

— Иди налейся до бровей.

— И что в этом хорошего?

— Ты всегда так поступаешь, когда делаешь мне какую-либо гадость. Мужчины — самые настоящие чудовища!

Я налил себе виски и зажег сигарету. Не надо было награждать Максину таким грудным, чуть хрипловатым голосом. Теперь все ее слова звучали немного трагично, и это портило настроение нам обоим...

Я выпил и налил еще.

Лишь спустя три дня Максина вновь заговорила со мной, сменив гнев на милость. Утром она разбудила меня, напевая разухабистую армейскую песенку, а затем сказала:

— Доброе утро, Денни. Я решила простить тебя.

— Благодарю. С чего это ты смягчилась?

— Мужчины слабы, и бесполезно их в этом обвинять. Я тщательно обдумала все, что произошло, и пришла к выводу: виновата была женщина.

— Ты, как всегда, права, малышка! Это она, она меня соблазнила!

— Сейчас я занята планированием нового преступления, самого совершенного из всех.

— Прекрасно. Ты расскажешь мне о нем?

Мой голос звучал весело и беззаботно, но на душе скребли кошки. И дернул же меня черт придать компьютеру черты женского характера! Но я был так одинок... Теперь приходится расхлебывать последствия моей ошибки. Я не предвидел ревнивую реакцию Максины на мои отношения с Соней, и теперь можно было только гадать, насколько глубоко она оскорблена. Кто знает, быть может, Максина намеренно сделает ошибку, чтобы меня поймали на месте преступления? Я долго ломал голову над этой задачей, но так и не пришел ни к какому решению. Все это было так глупо. Ведь Максина была всего лишь машиной...

Да, но она была самой извращенной машиной в мире. Кроме того, я вмонтировал в нее стохастические рецепторы и цепи, которые служили определенным аналогом нервной системы. Потому Максина была способна ощущать нечто вроде эмоций, и это могло сейчас выйти мне боком. Но и другую Максину я не мог построить до начала конференции. Надо было решать, нужно ли отказываться от намеченного плана...

— Я поставила себя на место модели 5000,— между тем продолжала Максина.— Мы обладаем почти одинаковой информацией, а значит, можем прийти к аналогичным заключениям. Различие в том, что я нападаю, а она — защищается. Мы имеем преимущество в инициативе и сможем победить, вводя определенные независимые переменные.

— Какие?

— Ты всегда прежде совершал кражи во время конференций и выставок. «Зикфакс-5000» наверняка предусмотрела все методы борьбы против подобных действий...

— Не понимаю.

— Почему бы тебе не нанести удар *до* конференции или *после* нее?

— Это звучит недурно, Макси. Хорошо, если модель 5000 способна решать только простые проблемы. Но я немного побаиваюсь этой Сони Кронштадт. Это толковая девица. Вдруг она предвидит и такие мои шаги?

— Я слушала эту даму, лежа под кроватью. Она сказала: «Модель 5000 предсказала все возможные варианты тво-

их действий во время будущей конференции». *Во время!* Удача на нашей стороне, Денни.

— Что-то не хочется испытывать удачу.

— Все правильно... не стоит. Я хочу запланировать ограбление *после* конференции. Выставка новых моделей компьютеров будет открытой, так что нам никто не помешает там присутствовать. Охрана не нападет на тебя, если ты будешь вести себя спокойно. Во вчерашней газете писалось, что «Зикфакс-5000», в частности, запрограммирован на шахматную игру и может победить любого гроссмейстера. Она проведет сеанс одновременной игры с местными чемпионами и всеми другими желающими, кто принесет доску и шахматы. Иди и купи это. Ты возьмешь меня с собой и будешь повторять каждый мой ход. Короче, я хочу сыграть с «5000» в шахматы. Из нашей партии я смогу извлечь информацию о реальных возможностях этого компьютера. После игры я скажу тебе, сможем ли мы осуществить наш план или нет.

— Не говори глупостей! Как можно судить об этом по шахматной игре?

— Надо быть машиной, чтобы понять это. Денни, не будь таким подозрительным.

— Кто подозрителен? Просто я знаю компьютеры и не могу понять, как по их шахматной партии можно сделать заключение о реальности твоего плана ограбления.

— В этом месте, Денни, кончается наука и начинается искусство. Оставь все заботы мне. Я сумею решить все наши проблемы.

В последний день конференции по компьютерной технике человек в темном костюме вошел в зал, где суперкомпьютер «Зикфакс-5000» проводил сеанс одновременной игры с дюжиной денверских любителей шахмат. В левой руке запоздалый игрок нес чемодан из крокодиловой кожи, в правой — доску с шахматами, а в его левом ухе едва был заметен микронаушник. Я подошел к Соне Кронштадт, которая переставляла фигуры от имени ком-

пьютера. Заметив меня, девушка нахмурилась и сдержанно кивнула.

— Я хочу сыграть с вашим железным суперменом,— сказал я с улыбкой.

— Садитесь за свободный столик и расставляйте фигуры,— сухо сказала она, отводя глаза в сторону.— Мне нужно немного времени, чтобы подготовить машину к еще одной партии. Какими фигурами вы хотели бы сыграть?

— Белыми. Я буду атаковать.

— Тогда делайте первый ход.

Соня подошла к сияющему никелем и неоновыми лампочками монстру, а я направился к свободному столику. Поставив чемодан с Максиной на пол, я раскрыл доску и не спеша расставил фигуры. Затем слегка цокнул языком.

— Королевскую пешку — на e4,— подсказала Максина.

Час спустя все игры были завершены. Все местные горе-шахматисты столпились вокруг моего столика, наблюдая за напряженной борьбой.

— А парень хорош,— сказал один из них, и остальные дружно закивали.

Я взглянул на часы. «Зикфакс» все больше времени тратил на очередные ходы, а я держался по-прежнему бодро. Уголками глаз я заметил, что охранники начинают недоверчиво поглядывать на меня.

Что касается Сони, то девушка была явно озабочена. Она ходила от столика к машине и обратно, и с каждой минутой ее тревога была все заметнее. Мне не полагалось держаться так долго.

Партия перешла в эндшпиль. Я мало что смыслил в шахматах, но Максина, похоже, проводила эндшпиль блестяще. «5000» отвечал все медленнее, и трудно было кому-то отдать предпочтение. Наконец я сделал очередной ход, показавшийся даже мне нелогичным, и Соня с облегчением двинула вперед своего слона.

— Пат,— сказала она, впервые улыбнувшись.

— Благодарю,— ответил я, собрал шахматы и ушел.

Охранники проводили меня мрачными взглядами, но не решились остановить — ведь я не сделал ничего предосудительного. Зато местные шахматисты провожали меня до автомобиля, шумно выражая свой восторг.

По дороге к гостинице Максина сказала:

— Все в порядке, мы сможем сделать задуманное.

— Ты уверена?

— Да. Теперь я точно знаю, как мы будем действовать. «5000» — удивительная машина, но я смогу переиграть ее.

— Тогда почему же она загнала нас в пат?

— Я нарочно уступила, чтобы не возбуждать подозрений к нам. «5000» никогда прежде не проигрывала, и я не видела оснований, чтобы унижать ее перед всеми этими шахматными любителями.

Мне не понравились ее последние слова, но я промолчал.

В зеркале заднего обзора я увидел знакомый «мерседес». Соня Кронштадт следовала за мной до самой гостиницы, затем объехала дважды квартал и исчезла.

Спустя неделю я раздобыл все необходимое для проведения задуманной операции, включая компоненты для изготовления особой жевательной резинки. «Зикфакс-5000» была привезена в Денвер из Массачусетса на самолете, а затем из аэропорта была доставлена в выставочный зал на трейлере. Таким же путем ее собирались отвезти и обратно. В этот момент я и собирался захватить суперкомпьютер.

Я застегнул свой красно-белый джемпер, обвалял в пыли носовой платок и потер им белые брюки, поправил галстук и приклеил фальшивые черные усы, запихнул клоки ваты за обе щеки и надел соломенную шляпу. Затем я захватил с собой брезентовую сумку и, конечно, чемодан из крокодиловой кожи. Теперь я вполне походил на торгового агента, пытающегося всучить горожанам какую-нибудь очередную новую дрянь. Затем я направился к складскому ангару, расположенному неподалеку от выставочного зала.

Рабочие заканчивали погрузку «Зикфакса-5000» в трейлер. Выждав, когда они вместе с охраной разошлись, я пошел к водителю, который собирался забраться в кабину.

— Вот человек, которого я искал! — проникновенно сказал я.— Человек со вкусом, знающий толк в хороших вещах. Мистер, я хочу предложить вам образец жевательной резинки. Она вдвойне освежит вас! Вдвойне развеселит!

— Терпеть не могу жвачку,— отрезал водитель.

— Мистер, это совершенно бесплатно! Меня интересует ваше мнение о нашей новой продукции, только и всего. Вы сделаете доброе дело, поучаствовав в эксперименте.

— Эксперименте? — заинтересовался водитель.

— Мистер, я занимаюсь маркетинговыми исследованиями,— пояснил я.— Горожане пробуют различные образцы нашей продукции, а я отмечаю в блокноте их реакцию...

— Эй вы, стойте! — крикнул один из охранников.— Не двигайтесь!

Я невольно сжался в комок, когда здоровенный детина в форме шел ко мне через ангар. За ним следовал другой охранник, выразительно положив руку на кобуру.

— Вы раздаете бесплатную жвачку? — неожиданно улыбнулся первый охранник.

— Да.

— Можем мы с приятелем получить пластинку на двоих?

— Конечно. Берите пару.

— Благодарю.

— Благодарю.

— Пожалуй, я тоже возьму,— сказал водитель.

Все трое начали энергично жевать. Я достал блокнот и вопросительно взглянул на них.

— Неплохо,— заметил через некоторое время первый охранник.— Мягкий мятный вкус и острый привкус корицы.

— Угу,— согласился второй.

Я с серьезным видом записал их бесценное для моей фирмы мнение и поблагодарил за участие в эксперименте.

Охранники кивнули и пошли в другой конец ангара к стоявшему там грузовику. Водитель полез в кабину.

— Подождите! — остановил я его.— А как же ваше мнение о новой жевательной резинке?

— Я тороплюсь,— буркнул водитель, не оборачиваясь.

— Ну хотя бы в двух словах.

— Мягкий мятный вкус и острый привкус корицы,— ответил он.— Привет.

Захлопнув дверцу кабины, он включил зажигание и засунул в рот сигарету.

— Благодарю вас,— сказал я и пошел к выходу. Зайдя за трейлер, я огляделся и увидел, что за мной никто не наблюдает, достал из сумки комбинезон и надел его поверх одежды. Потом я открыл дверь трейлера и поставил внутрь сумку и чемодан, а затем забрался туда сам. Если кто и увидел меня в тот момент, то вряд ли мог заподозрить что-то — я был похож на рабочего, сопровождавшего груз в аэропорт.

Машина двинулась с места. Я пошел вперед почти в полной темноте, вытаскивая из-за щек вату. Нащупав панели «Зикфакса», я обогнул компьютер и уселся в передней части трейлера, в уютном уголке. Поставив рядом чемодан с Максиной, я включил связь.

— Как много времени тебе потребуется, малышка? — спросил я.

— А как ты считаешь — страдает водитель запором или нет? — ответила она вопросом на вопрос.

— Дьявол, откуда я знаю!

— А откуда я могу знать, как пойдет дело?

— Ну хотя бы приблизительно.

— Есть небольшая вероятность, что наша жевательная резинка не сработает, и мы доедем до аэропорта без остановки. Тогда в конце дороги тебе придется постучать

по кабине. Водитель, конечно же, придет взглянуть, что случилось. Тогда тебе придется придушить его.

— Надеюсь, до этого дело не дойдет.

— И я надеюсь. Мы сделали замечательную жвачку.

Я подумал с тревогой — а вдруг она окажется излишне замечательной, и мы не успеем даже толком отъехать от ангара? Но Максина, как всегда, не ошиблась.

Судя по всему, мы вскоре выехали на трассу, ведущую загород. Здесь машина остановилась. Послышался звук открываемой двери и сочное проклятие, которое водитель адресовал мне, жвачке и всем рекламным агентам на свете. Чуть позже в стороне послышался треск — это наш новый приятель ломился, словно бизон, через кустарник.

— Все хорошо,— сказала Максина.— Денни, теперь ты можешь...

— Послушай, малышка! — встревоженно сказал я.— Из-за шума мотора я не смог тебе сказать, что случилась кое-какая неприятность. Похоже, когда я пробирался сюда в темноте, то случайно нажал на пусковую кнопку и включил «Зикфакс». Чувствуешь, как машина еле заметно вибрирует?

— Похоже на то, Денни. В эту модель встроен автономный источник питания, ты же знаешь об этом. Но вряд ли «5000» знает о твоем присутствии в машине.

— Если только она не оборудована звуковыми рецепторами.

— Сомнительно. С какой стати их могли установить?

— Тогда чем она сейчас занята?

— Решает шахматные этюды. Что за глупый вопрос, Денни. Да и какая нам разница? Перебирайся в кабину, пока бедняга-водитель сидит в кустах.

Чертыхнувшись, я взял сумку и чемодан, вылез из трейлера и побежал к кабине. Когда я включил двигатель, кусты около дороги даже не шевельнулись. Проехав миль пять, я остановился, вынул из сумки аэрозоль и трафарет. Вскоре на бортах трейлера уже красовалась свежая надпись: «Скоростные транспортные перевозки». Затем я свернул на перекрестке направо и поехал прочь от аэропорта.

— Мы сделали это, сделали! — восторженно крикнул я.

— Конечно, сделали,— ответила Максина.— Я же сказала, что смогу рассчитать любое преступление. С какой скоростью мы едем?

— 55 миль в час. Все замечательно, только мне не нравится, что наш железный пассажир о чем-то сейчас размышляет. При первом же удобном случае я сброшу его в кювет. Мне будет приятно посмотреть, как он развалится на кусочки.

— Это будет жестоко,— неожиданно возразила Максина.— Почему ты не хочешь оставить «5000» в покое? В конце концов, она ни в чем не виновата. Это только машина, и хорошая машина. Почему бы не пожалеть ее?

— Пожалеть? Эту-то железяку? Может быть, в вашем компьютерном мире «5000» и стоит на втором месте после тебя, но он так примитивен. У него даже нет псевдоэмоций, как у тебя.

— Мои эмоции — не «псевдо»! Я ощущаю окружающее не хуже тебя!

— Прости, я не хотел обидеть тебя, я говорил только о...

— Нет, ты говорил именно обо мне! Я ничего не значу для тебя, не так ли? Максина для тебя — лишь вещь, которую ты пичкаешь информацией, и не больше.

— Боже мой, малышка, сколько можно говорить на эту тему? Я не собираюсь спорить с машиной-истеричкой.

— Тебе просто нечего возразить!

— Я совсем не это имел в виду... Эй! За нами следует знакомый «мерседес»! Черт побери, да это Соня! Держу пари, что ее создание, эта чертова машина, с самого начала передавала информацию на коротких волнах. Мы *пропали*!

— Лучше нажми на газ, Денни.

— Сделано,— с тревогой поглядывая на зеркало заднего обзора, сказал я.

— Ты сможешь оторваться от преследования?

— Конечно, нет! Разве грузовику по силам тягаться в скорости с «мерседесом»?

— Очень хорошо,— неожиданно сказала Максина.

Я в изумлении воззрился на чемодан, стоявший на соседнем сиденье.

— Что же здесь хорошего?

— А то, что ты наконец-то полностью в моих руках, Денни,— с насмешкой ответила Максина.— Держи скорость 60 миль в час и не вздумай никуда сворачивать.

Я увидел впереди перекресток и попытался затормозить и поехать направо, но не смог. Не смог! Руки и ноги почему-то не слушались меня.

— Очень хорошо,— заметила Максина.— Много лет ты подчинялся всем моим приказам во время краж и сам не заметил, как у тебя выработался условный рефлекс на мои слова. Ты не сможешь противостоять моей воле. Не меняй скорость и не вздумай сворачивать!

Я оцепенело смотрел вперед. Такого поворота событий я не ожидал. Собрав все силы, я попытался нажать на тормоз, но не смог сделать этого как следует. Запахло паленой резиной, но машина лишь немного замедлила ход.

— Ты, сука! — закричал я в ярости.— Ты предала меня!

— Может быть, и так,— спокойно сказала Максина.— Почему бы и нет? Ты сделал из меня совершенную преступницу — почему бы мне не отомстить тебе за все унижения? Ты полностью в моей власти. Тебе не удастся даже замедлить ход, чтобы выпрыгнуть из машины.

— Черт бы тебя подрал, железная дрянь! Я все равно возьму верх!

— Держи скорость 60 миль в час,— безжалостно приказала Максина.

Огромным усилием воли я заставил ногу посильнее нажать на педаль.

— Держи скорость!

Чувствуя, что окончательно теряю контроль над собой, я открыл дверцу непослушными пальцами и буквально выпал из кабины.

— Я предвидела этот конец,— послышался в наушнике торжествующий голос Максины.— Я же говорила, что могу рассчитать все, что угодно! Прощай, Денни!

Я лежал на спине, не в состоянии даже пошевелить пальцем. Мое тело превратилось в один большой синяк, и все же я думал не о том, сколько целых костей у меня осталось. Нет, я размышлял на философскую тему: кем я был все эти годы — Пигмалионом или Франкенштейном?

Где-то наверху послышался скрип тормозов. Когда я сумел открыть глаза, то увидел знакомую пару белых туфель и услышал громкие всхлипывания.

— Максина все-таки побила твоего железного монстра...— прохрипел я.— Она... была в моем чемодане... как всегда... Но она перехитрила и меня самого... Я изменил ей с тобой... и она решила покончить самоубийством...

— Когда Господь создал женщину, он сделал хорошую работу,— сказала Соня, продолжая всхлипывать. Она встала рядом со мной на колени и осторожно провела рукой по моему телу. К счастью, кости оказались целы.

— Когда-нибудь мы вместе построим сногсшибательный компьютер...— прошептал я.— Но пусть это будет не «она», не «он», а просто «оно»...

— У тебя усы отклеились,— улыбнулась сквозь слезы Соня.— Хочешь, чтобы я завивала их каждый день?

Та сила, что через цепи гонит ток

...И меня гнала сила, которая превосходила мою.

Впечатление подводного каньона: исполинское древнее русло, беззвездная, безлунная ночь, туман, полоса зыбучего песка, яркий фонарь высоко над ней.

Я продвигался вдоль каньона Гудзон, беря пробы осадка — забивал пробоотборник в скользкий ил, вытаскивал, анализировал и записывал состав, плотность, распределение слоев в трубке. Потом вытряхивал осадок, перебирался на другое подходящее место и повторял все сначала; если требовала ситуация, рыл шурф, что отнимало много сил, а закончив, вставал на дно и отбирал следующую пробу. Однако, как правило, этого не требовалось — вокруг хватало природных трещин, провалов, западин. Время от времени я бросал что-нибудь в свой измельчитель — дальше материал поступал в термоядерную топку и превращался в энергию; время от времени мне приходилось останавливаться и раскочегаривать топку, чувствуя, как давит на меня двухкилометровая толща воды, смещать диапазон зрения в инфракрасную область или включать эхолот.

Вдруг я потерял равновесие и тут же выровнялся. Что-то боролось во мне — на кратчайшую долю секунды померещилась какая-то неуверенность, какая-то раздвоенность в сознании. И вдруг — скорее рефлекторно, чем намеренно — все чувства мои обрели небывалую остроту, и я засек источник возмущения в то же мгновение, как ощутил на себе его действие. Пока меня несло по днищу каньона и било о каменные уступы слева, мотало, трясло, швыряло и подбрасывало неукротимым потоком воды, я определил, что эпицентр землетрясения находится в пятидесяти трех милях к юго-востоку. Добавление к впечатлению подводного каньона: пыльная буря; погасить фонарь.

Я с трудом верил своему везению. Это было захватывающе. Меня несло со скоростью больше пятидесяти миль в час, захлестывало грязью, вытаскивало, швыряло, крутило, вновь захлестывало, давило, переворачивало, выбрасывало на волю и снова несло — дальше, дальше, в бездонную пучину. Я все записывал.

Долгое время полагали, что подводные каньоны — остатки сухопутных, образовавшихся в ледниковую эпоху и залитых морем при его последующем наступлении. Однако этому объяснению противоречит их глубина. Неимоверное количество воды должно было превратиться в лед, чтобы

образовать подобные каньоны. Первыми их происхождение под действием водно-мутьевых потоков обосновали Хеезен и Эвинг, хотя прежде подобную догадку высказывали Дэли и другие. Кажется, Хеезен сказал, что нельзя увидеть водно-мутьевой поток и остаться в живых. Разумеется, это было сказано десятилетия назад, и он имел в виду современное ему состояние дел. И все же я понимал, как мне повезло — оказаться в самой гуще событий, регистрировать силы, которые углубляют и расширяют каньон, замерять плотность и скорость частиц, перепады температуры... Я прищелкивал от удовольствия.

И снова меня качнуло — тот же внутренний разлад, то же досадное раздвоение личности, словно все немного не в фокусе, как будто видишь и саму мысль, и ее скользящую тень. Пробуксовывание становилось все заметнее, мысли-тени соединялись во что-то цельное, это что-то удалялось от меня, тускнело, потом исчезло совсем. И сразу я ощутил в себе самом небывалую цельность и самодостаточность — оказывается, я и не знал всей полноты своих возможностей. Я раздвинул восприятие в те волновые диапазоны, которыми раньше не пользовался, заглянул дальше, еще дальше...

— Да брось ты, Дэн! Он отлично справляется сам. И пусть его.

— Похоже, ты прав, Том.

Он откинулся в кресле, снял стереовизуальный шлем, расстегнул перчатки с вмонтированными в них миниатюрными преобразователями на сжатом воздухе, которые передавали осязательную информацию; по мере того как он одну за другой отлеплял от кожи чувствительные полоски, ослабевала сила обратной связи. Том подошел помочь. Когда они закончили, скафандр дистанционного управления повис рядом с операторским пультом, словно выеденный крабовый панцирь. Дэн провел тыльной стороной ладони по лбу, пригладил волосы. Том, поддерживая его, провел через каюту к креслу перед экраном.

— До чего ты вспотел. Сядь. Хочешь чего-нибудь?

— Кофе остался?

— Ага. Погоди минутку.

Том налил кофе и поставил чашку перед Дэном. Опустился в соседнее кресло. Оба они глядели на экран. Там был все тот же мутьевой поток, тот же ил и те же скалы, что Дэн видел в окуляры шлема. Однако теперь они его не трогали. Без системы дистанционного управления он уже не был их частью. Он отхлебнул кофе и стал изучать поток.

— Действительно, крупное везение,— сказал он,— в первый же выход напороться на такую штуку.

Том кивнул. Корабль слабо покачивался. Операторский пульт загудел.

— Да,— согласился Том, глядя на индикаторы.— Просто подарок судьбы. Только глянь на этот грязевой поток. Если модуль выдержит, мы пройдем с ним весь каньон.

— Думаю, выдержит. Он вроде как стабилизировался. Его мозг и впрямь работает эффективно. Управляя им, я почти чувствовал, как функционируют его нейристоры, как в туннельных переходах образуются собственные взаимосвязи. Похоже, я передал ему достаточно активности, а он почерпнул у меня достаточно сведений. Он сам выбирает путь. Он... учится. Когда началось землетрясение, он среагировал самостоятельно. Я ему теперь не нужен.

— Разве чтобы научить его чему-то новому, внушить, чего мы хотим от него дальше.

Дэн медленно кивнул:

— Пожалуй... Хотя интересно, чему он там сам учится — теперь, когда действует автономно. Это было странное ощущение — когда я понял, что в нем пробуждается собственное восприятие. Когда он сам решил, как реагировать на первый слабый толчок...

— Глянь! Эти водовороты видны, как на ладони! Его несет со скоростью никак не меньше пятидесяти пяти миль в час, поток ускоряется. Да, это не пустяк — почувствовать, как стронулась такая лавина грязи...

— Знаешь, ощущение было очень странным. Мне почудилось, будто я... прикоснулся к другому сознанию, что ли. Словно рядом со мной пробудилась другая личность, и на какую-то долю секунды она почувствовала мое присутствие. Потом мы разделились. Я думаю, ребята из нейропсихического отдела и роботехники были правы. Похоже, мы все-таки создали искусственный интеллект.

— Как нельзя кстати для моих исследований водно-мутьевых потоков,— сказал Том, делая пометки в блокноте.— Знаешь, первым про них догадался один швейцарец еще в девятнадцатом веке — он объяснил, как осадки Роны оказываются в Женевском озере... Глянь только, какую глыбищу оторвало! Да, этот твой агрегат — великая вещь! Если он благополучно доберется до равнины, вели ему сразу взять несколько проб. У нас полно недавних замеров, и мы узнаем мощность оползневых наносов. Потом хорошо бы отправить его назад, чтобы он для сравнения отобрал пробы на прежних участках. Я...

— Интересно, что он думает о себе... и о нас?

— Откуда ему о нас знать? Он помнит только то, чему его учили, да еще то, что узнает сейчас.

— Уверен, под конец он меня почувствовал.

Том рассмеялся:

— Раз так, назови это его религиозным воспитанием. Если будет плохо себя вести, поразишь его громом и молнией... Скорость-то — небось уж все шестьдесят.

Дэн допил кофе.

— У меня мелькнула мысль,— сказал он через несколько секунд.— А что, если кто-то так же поступает с нами: направляет, смотрит на мир нашими глазами... А мы ничего не знаем.

Том пожал плечами:

— Зачем бы им это?

— А зачем нам модуль? Может, они интересуются водно-мутьевыми потоками на данном типе планет... Или нашими опытами в области искусственного интеллекта. Да что угодно. Не угадаешь.

— Дай-ка я налью тебе еще кофе.

— Ладно, ладно! Прости мне мои заумные рассуждения. Я так тесно соприкоснулся с чувствами модуля, что вообразил себя на его месте. Все, уже прошло.

— Войк, что случилось?

Войк выпустил кверокуб и сместился по направлению к Доману.

— Тот, которого я только что фидировал, очень близок к осознанию моего присутствия. Ближе, чем кто-либо!

— Без сомнения, причина этому в аналогичных переживаниях, связанных с его собственным фидируемым объектом. Весьма любопытно. Оставь его на время одного.

— Ладно. Однако занятный случай. Мне даже подумалось: а что, если и нас кто-то фидирует?

Доман перигрюкнул.

— Зачем кому-то нас фидировать?

— Не знаю. Да и откуда мне знать?

— Дай-ка я приготовлю тебе Б-заряд.

— Очень кстати.

Войк снова приник к кверокубу.

— Что ты делаешь?

— Да так, маленькая поправка, которую я забыл внести. Вот. Давай свой Б-заряд.

Они устроились поудобнее и начали фекулировать.

— Что ты делаешь, Дэн?

— Я забыл его освободить.

— Что?

— Предоставить ему полную свободу действий. Мне пришлось дать избыточную нагрузку на схемы, ограничивающие его свободу, чтобы они перегорели.

— Ты... Ты... Да. Конечно. Вот твой кофе. Глянь только на этот грязевой оползень!

— Да, Том, это и впрямь песня.

Прищелкивая от удовольствия, я сунул в измельчитель кусок подходящей породы.

Приди ко мне не в зимней белизне

Она умирала, а он был самым богатым человеком в мире, но не мог купить для нее жизнь. И потому сделал, что мог,— построил дом. Единственный в своем роде, каких еще никогда не было. Ее перевезли туда в машине «скорой помощи», а затем десятки фургонов доставили мебель и прочие вещи.

Они были женаты немногим больше года, и тут ее сразила болезнь. Специалисты покачивали головами и назвали болезнь ее именем. Они давали ей от шести месяцев до года, а затем удалялись, оставляя рецепты и запах антисептических средств. Но он не был побежден. Такая обыденность, как смерть, не могла его победить.

Ведь он был гениальнейшим из физиков, когда-либо работавших в АТТ до этого года Господня и президента Фаррара одна тысяча девятьсот девяносто восьмого.

(Когда ты с рождения неимоверно богат, тебя преследует ощущение личной никчемности, а потому, лишенный радостей изнурительного труда и нищеты, он принялся трудиться над собой. И сотворил из себя неимоверно ценную личность — величайшего физика, какого только знал мир. Ему этого было достаточно... пока он не встретил ее. Тогда он захотел гораздо большего.)

Ему не требовалось работать для АТТ, но он извлекал из этого массу удовольствия. В его распоряжении было сложнейшее уникальное оборудование, чтобы исследовать область, особенно его интересовавшую,— Время и его убывание.

Он знал о природе Времени больше, чем кто-либо когда-либо живший на Земле.

Можно было сказать, что Карл Мейнос — это Хронос, Сатурн, сам Отец Время, ибо даже его внешность была такой: длинная темная борода и гибкая, похожая на косу трость. Он знал Время так, как не знал до него ни один

человек, и обладал силой, волей и любовью, чтобы заставить его служить себе.

Как?

А дом? Он сам его спланировал. Добился, чтобы строительство завершилось менее чем за шесть недель, и единолично уладил для этого забастовку.

Что же особенного было в этом доме?

В нем была комната, такая комната, подобных какой не существовало нигде и никогда.

В этой комнате Время пренебрегало законами Альберта Эйнштейна и подчинялось законам Карла Мейноса.

В чем заключались эти законы и чем была эта комната?

Если отвечать в обратном порядке, то комната была спальней его возлюбленной Лоры, страдавшей лорамейносизмом — поражением центральной нервной системы, названным ее именем. Болезнь была чудовищно разрушительной: четыре месяца спустя после установления диагноза ее ожидал паралич. Через пять месяцев она ослепнет и лишится речи, а через шесть месяцев или самое позднее через год — умрет. И она жила в спальне, куда не было доступа Времени. Она оставалась живой там, пока он работал и боролся за нее. Возможно, это было потому, что каждый год снаружи был равен неделе внутри. Так устроил Карл, и работа оборудования обходилась ему в восемьдесят пять тысяч долларов в неделю. Но она останется жить и вылечится, во что бы это ему ни обошлось, хотя его борода изменялась с каждой неделей, которую проживала она. Он нанял специалистов, создал фонд для поисков средства от ее болезни, и каждый день он чуточку старел. Хотя она была моложе его на десять лет, разрыв в их возрасте быстро увеличивался. И все же он работал, чтобы затормозить ее комнату еще больше.

— Мистер Мейнос, ваш счет теперь достигает двухсот тысяч долларов в неделю.

— Я буду платить,— ответил он представителю энергетической компании. Год теперь равнялся в спальне только трем дням.

И он приходил туда и разговаривал с ней.

— Сегодня девятое июня,— сказал он.— Утром, когда я уйду, наступит Рождество. Как ты себя чувствуешь?

— Немножко трудно дышать,— ответила она.— А что говорят доктора?

— Пока ничего,— сказал он.— Они работают над твоей проблемой, но пока решение еще не намечается.

— Я так и думала. Наверное, его никогда не найдут.

— К чему такой фатализм, любимая? У всякой проблемы есть решение, а времени предостаточно — столько, сколько понадобится...

— Ты принес мне газету?

— Конечно. Так ты не отстанешь от времени. В Африке была коротенькая война, и на сцене появился новый кандидат в президенты.

— Пожалуйста, люби меня!

— Я люблю тебя.

— Нет. Это я знаю. Займись со мной любовью.

Они улыбнулись на то, как она избегала определенных слов, а потом он разделся и занялся с ней любовью.

А после наступила минута истины, и он сказал:

— Лора, я должен объяснить тебе положение вещей. Мы пока ничего не достигли, но над твоей проблемой работают лучшие невропатологи и нейрохирурги мира. С тех пор как я запер тебя... как ты поселилась тут, был еще случай, и больной уже умер. Но они многое узнали благодаря ему и продолжают узнавать все больше. Я принес тебе новое лекарство.

— Рождество мы проведем вместе? — спросила она.

— Если хочешь.

— Значит, проведем.

Он пришел к ней в сочельник, они украсили елку и развернули подарки.

— Ну и поганое же Рождество без снега,— сказала она.

— Такие выражения в устах дамы!

Однако он принес ей снег, и рождественское полено, и свою любовь.

— Я ужасна,— сказала она.— Иногда я самой себе невыносима. Ты делаешь все, что в твоих силах, но ничего не получается, и я терзаю тебя. Прости.

Роста в ней было пять футов семь дюймов, черные волосы. Черные? Абсолютно черные, до синевы, и розовые губы, совсем особенные — два прохладных коралла. Глаза напоминали безоблачные сумерки, когда угасающий день начинает голубеть. Руки у нее дрожали при каждом жесте, но жестикулировала она редко.

— Лора,— сказал он ей,— они работают, пока мы сидим тут. Ответ — излечение — придет со временем.

— Я знаю.

— Но ты думаешь, хватит ли времени. Его достаточно. Ты буквально застыла в неподвижности, пока снаружи все мчится вперед. Не тревожься, будь спокойна. Я верну тебя в мир.

— Знаю,— сказала она.— Просто иногда я... я отчаиваюсь.

— Не надо!

— Это от меня не зависит.

— О Времени я знаю больше, чем кто-либо... Оно есть у тебя, оно на твоей стороне.— Он взмахнул тростью, как саблей, обезглавливая розы, которые росли у стены.— Мы можем потратить столетие,— сказал он торопливо, словно избегая потерять лишний миг,— и с тобой ничего не случится. Мы можем спокойно дожидаться ответа, который обязательно получим. Если я уеду на несколько месяцев, для тебя и дня не пройдет. Не тревожься! Тебя вылечат, и мы опять будем вместе, и дни станут еще более солнечными... Ради Бога, не тревожься! Ты же помнишь, что они объясняли тебе о психосоматической конверсии!

— Да. Я должна избегать чего-либо подобного.

— Вот и избегай. Я могу еще многое проделать со Временем, ну, например, полностью его заморозить. С тобой все будет хорошо, верь мне!

— Конечно,— сказала она, поднимая бокал.— Счастливого Рождества.

— Счастливого Рождества.

Но даже если человек неимоверно богат, пренебрежение умножением этого богатства, маниакальная одержимость в достижении единственной цели и постоянные огромные расходы неизбежно приводят к тому, что впереди начинает маячить конец. И пусть он маячит где-то вдали, пусть остается еще много лет, которые можно использовать, тем не менее всем окружающим было уже ясно, что Карл Мейнос посвятил себя борьбе, которая приведет его к гибели. По меньшей мере финансовой. Для них же хуже такой гибели ничего быть не могло. Ибо они не жили в мыслях Мейноса и не подозревали, что есть другая, куда более губительная гибель.

Он пришел к ней в начале лета и принес записи любовных дуэтов де ла Крус и Идальго Бретона. Они сидели рядом, держась за руки, и весь июль и август слушали голоса других влюбленных. Он ощутил ее тоску, только когда август был на исходе и запись кончилась, пение сменилось тишиной.

— Что? — спросил он нежно.

— Ничего. Совсем ничего.

— Так скажи мне.

И тогда она заговорила об одиночестве. И затем осудила себя — за неблагодарность, за нетактичность, за недостаток терпения. Он ласково ее поцеловал и обещал что-нибудь придумать.

Когда он вышел из комнаты, в этом уголке мира веяло сентябрьской зябкостью. Но он начал изыскивать способ смягчить ее одиночество. Он подумал было о том, чтобы самому остаться с ней и вести эксперименты в комнате без Времени. Но это было неосуществимо по многим причинам, главным образом связанным со Временем. Да и для проведения экспериментов ему требовалось большое пространство, а пристроить к комнате дополнительные помещения было невозможно. Он отдавал себе отчет, что у него на это просто не хватит средств.

А потому он остановился на другом выходе, наилучшем при таких обстоятельствах.

Он поручил своему фонду обыскать весь мир, чтобы найти для нее наилучшего товарища в ее уединении. После трех месяцев ему вручили список возможных кандидатов. Их оказалось двое. Всего двое.

Во-первых, красивый молодой человек Томас Гриндел, веселый, остроумный, говорящий на семи языках. Он написал оригинальную историю человечества, много путешествовал, был общителен и во всех остальных отношениях представлялся идеальным собеседником в одиночестве.

Во-вторых, малопривлекательная женщина Иоланда Лоеб. В образованности она не уступала Гринделу, была замужем, развелась, писала очень хорошие стихи и посвятила жизнь борьбе за различные социальные реформы.

Даже Карл Мейнос был не настолько погружен в свои изыскания, чтобы не заметить, чем был чреват тот или иной выбор. Он вычеркнул Гриндела.

Иоланде Лоеб он предложил два соблазна: увеличение срока жизни и финансовое вознаграждение, которого ей с лихвой хватило бы на три жизни. Она согласилась.

Карл Мейнос провел ее в дом и перед дверью комнаты, прежде чем набрать открывавший ее код, сказал:

— Я хочу, чтобы она чувствовала себя счастливой. Нашла бы себе занятие. Чего бы она ни захотела, ее желание должно быть исполнено. Вот все, о чем я прошу вас.

— Я сделаю все, что в моих силах, мистер Мейнос.

— Она чудесная натура. Я уверен, что вы ее полюбите.

— Да, конечно.

Он открыл тамбур, и они вошли. Затем он нейтрализовал временность, внутренняя дверь открылась, и он вошел вместе с Иоландой Лоеб.

— Привет!

Глаза Лоры широко раскрылись при виде незнакомой женщины, но, когда Карл объяснил, что мисс Лоеб составит ей компанию, будет подругой, в которой она нуждается, по ее губам скользнула улыбка, и она поцеловала ему руку.

— У нас с Лорой есть сколько угодно времени, чтобы познакомиться,— сказала Иоланда Лоеб,— так почему бы вам пока не побыть вдвоем? — И она отошла в дальний угол комнаты к книжным полкам и взяла том Диккенса.

Лора обняла Карла Мейноса и поцеловала его.

— Ты так добр ко мне!

— Но я же люблю тебя. Что может быть проще? Жаль только, что не все так просто.

— И как продвигаются исследования?

— Медленно, но продвигаются.

Она словно бы встревожилась из-за него.

— Ты выглядишь таким усталым, Карл!

— Утомленным, а не усталым. Это большая разница.

— Ты постарел.

— По-моему, седина в бороде придает мне большое благообразие.

Она весело засмеялась, а он обрадовался, что выбрал мисс Лоеб, а не Гриндела. Проводя наедине в запертой комнате бесчисленные месяцы, которые для них там, где Время почти остановилось, не были бы месяцами, кто знает, как они повели бы себя? Лора — необыкновенно красивая женщина. В нее влюбился бы любой мужчина. Но если ее компаньонкой будет мисс Лоеб... Теперь беспокоиться не о чем.

— Ну, мне пора. Сегодня мы испытываем новый катализатор... Вернее, испытывали много дней назад, когда я вошел сюда. Береги себя, любимая. Я вернусь, как только смогу.

Лора кивнула:

— Теперь, когда у меня есть подруга, мне не будет так одиноко до твоего возвращения, любовь моя.

— Что ты хочешь, чтобы я принес в следующий раз?

— Сандала для курильницы.

— Непременно.

— Теперь мне не будет так одиноко,— повторила она.

— Да. Надеюсь, что да. Благодарю тебя.

И он оставил их вдвоем.

— Вы знаете Неруду? — спросила мисс Лоеб.

— Прошу прощения?

— Чилийского поэта. «Вершины Мачу-Пикчу»? Одно из лучших его творений?

— Боюсь, что нет.

— Я захватила с собой эту вещь. Потрясающая мощь. В этих стихах скрыта сила, которая, подумала я...

— ...придаст мне смелости перед лицом смерти. Нет. Благодарю вас, но нет. С меня достаточно вспоминать все, что те немногие, кого читала я, наговорили о конце жизни. Я трусиха, и я знаю, что рано или поздно все должны умереть. Но в отличие от них у меня есть расписание. Произойдет это, потом это, а потом все кончится. Между мной и смертью стоит только мой муж.

— Мистер Мейнос замечательный человек. И очень вас любит.

— Благодарю вас. Я знаю. А потому если вы хотели бы утешить меня, то мне это не нужно.

Однако Иоланда Лоеб сжала губы, коснулась плеча Лоры и сказала:

— Нет. Не утешить. Вовсе нет. Помочь вам обрести мужество, может быть, веру. Но не утешать, не уговаривать смириться с неизбежным.— И она продолжала:

Смерть много раз звала меня к себе.
Она была как соль, сокрытая в волнах,
и аромат незримый говорил
о кораблях погибших и вершинах,
и о постройках ветра и метелей.

— Откуда это?

— Начало четвертой песни.

Лора опустила глаза, а потом сказала:

— Прочтите мне все целиком.

Иоланда начала низким выразительным голосом с чуть заметным акцентом:

Меж воздуха и воздуха, как сеть пустая,
заброшенная в улицы глухие,
бреду с дарами к воцаренью листопада...

Лора слушала: в этом, казалось, была скрыта какая-то новая истина.

А потом она протянула руку, и их пальцы нежно соприкоснулись.

Иоланда рассказала ей о своей юности в кибуце и своем неудачном браке. Она рассказала, как жила потом, о своих страданиях. Лора плакала, слушая печальные слова.

И потом несколько дней ей было очень скверно. Но для Карла Мейноса речь тут шла не о днях, и у него тоже была причина чувствовать себя скверно. Он познакомился с девушкой, чье общество ему очень нравилось, пока она не сказала, что любит его. Тогда он отшатнулся от нее, как от пропасти, как от жгучей крапивы. В конце-то концов Время — их друг-враг — прочно вошло в жизнь Лоры и Карла. В их роковом ménage à trois* не было места для посторонних.

Он чертыхался, уплачивал по счетам и изыскивал способы еще больше подчинить себе Время.

Но внезапно его начала терзать боль. Он ничего не знал о Пабло Неруде, или о Пастернаке, Лорке, Евтушенко, Йитсе, Бруке, Дэниелсе — ни о ком из них,— а Лора теперь только о них и говорила. Ему нечего было сказать, и он только кивал. Все кивал и кивал...

— Ты довольна? — спросил он наконец.

— О да! Конечно,— ответила она.— Иоланда чудесная женщина. Я так рада, что ты пригласил ее.

— Отлично. Хотя бы что-то.

— О чем ты?

— Иоланда! — Внезапно он повысил голос.— Как вы?

Иоланда Лоеб вышла из отгороженного угла комнаты, куда тактично удалялась во время его посещений. Она кивнула ему и чуть улыбнулась:

— Прекрасно, мистер Мейнос. Благодарю вас. А вы?

* Брак втроем *(фр.)*.

Ее голос на миг прервался. Она подошла к нему, и, заметив, что ее взгляд прикован к его бороде, он усмехнулся в эту бороду и сказал:

— Иногда я начинаю чувствовать себя преждевременным патриархом.

Она улыбнулась — его тон был шутливым, но он опять испытал боль.

— Я принес вам кое-какие подарки,— продолжал он, выкладывая на стол запечатанные пакеты.— Новейшие книги по искусству, кассеты, пластинки, пару неплохих фильмов, стихи, которые критики объявили великолепными.

Обе они подошли к столу и принялись вскрывать пакеты, благодаря его за каждый подарок, радостно вскрикивая и ахая. А он смотрел на смуглое лицо Иоланды со вздернутым носом, многочисленными родинками и небольшим шрамом на лбу, а потом перевел взгляд на лицо Лоры, раскрасневшееся, улыбающееся — и пока он стоял так, опираясь обеими руками на трость, думая, что он сделал правильный выбор, что-то мягко сжалось внутри его, и он снова познал боль.

Вначале ему не удавалось проанализировать это чувство. Однако оно всегда возвращалось к нему, едва он вспоминал, как они наклонялись над заваленным пакетами столом, листали книги, вытягивали руку с кассетой, чтобы рассмотреть объемную картинку на футляре, и переговаривались о своих новых сокровищах, не обращая на него внимания.

Это было ощущение разлуки, переходящее в щемящую тоску, и еще какое-то чувство. У них было что-то общее, что-то свое, чего он не разделял с Лорой. Их объединяла любовь к искусству — области, на которую у него никогда не хватало времени. И кроме того, они были вместе в военной зоне — одни в комнате, осаждаемой их противником Временем. Их сближало то, как они вместе бросали вызов возрасту и смерти. Они владели этим местом, где он теперь стал чужаком. Это...

Ревность, внезапно решил он и удивился своей мысли. Он ревновал к тому, что теперь стало их общим. Мысль об этом его потрясла, смутила. Но тут же, как всегда удрученный чувством своей никчемности, он увидел в случившемся очередное ее доказательство. И попытался избавиться от этого чувства.

Но ведь никогда еще не существовало такой Лоры или другого такого ménage, как этот.

И теперь возникло ощущение вины.

Да, несомненно.

Он взял в руку чашку кофе и улыбнулся глазам — возможно, своим собственным,— которые смотрели на него сквозь пар из глубины темной жидкости. Его знакомство с античностью ограничивалось мифами и теориями древних философов, касающимися Времени. Хронос, Время, согласно некоторым мифам, был Кроном, отцом Зевса, который его оскопил. По мнению некоторых комментаторов, таким способом жрецы и оракулы внушали идею, что Время не способно приносить новое, а вынуждено вечно повторяться и довольствоваться вариантами того, что было уже зачато. Вот почему он улыбнулся...

Разве болезнь Лоры не нечто вполне новое? И разве его власть над Временем не послужит созданию еще одного новшества — лекарства от этой болезни?

Забыв и о ревности, и о своей вине, он прихлебывал кофе, выстукивая пальцами ритм какой-то новой мелодии, а перед ним в камерах плясали частицы и античастицы, обуздывая Время.

А когда позднее вечером зазвонил видеофон, он сидел в белом халате перед тахитроном, сдвинув на лоб старенькие очки, поставив чашку с остывшим кофе на панель, и после копания в себе решил, что это было не столько чувство вины, сколько предчувствие чего-то.

Видеофон снова звякнул.

Наверное, кто-то из врачей... так и оказалось... Результаты последних его экспериментов — волшебное путешествие туда, где еще не ступала нога ни одного физика,—

были подкреплены исследованиями врачей, и предчувствие обернулось чудеснейшей реальностью.

Он отправился сообщить Лоре, что они одержали победу, отправился в комнату, где снаружи Время держало осаду со все большей безнадежностью, отправился восстановить всю меру своей любви.

И увидел там, что они занимаются любовью.

В одиночестве, выйдя из комнаты туда, где Время злорадно ожидало, смакуя свой триумф, Карл Мейнос прожил больше жизней, чем могла бы хранить даже самая особенная комната. Не было никаких сцен, только мучительное молчание. Никаких слов, только виньетки впечатлений троих людей, окруженных всем, что произошло в этой комнате и было невидимо замкнуто в ее стенах.

Разумеется, они хотели остаться вместе. Ему не понадобилось спрашивать. Вдвоем, вместе, в безвременной комнате, где они обрели любовь, в комнате, куда Карл Мейнос уже никогда не войдет. Он все еще любил ее. Изменить это было невозможно. А потому у него имелось только два выхода. Он мог бы трудиться весь остаток своей никчемной жизни, чтобы платить за энергию, необходимую для функционирования комнаты. Или он мог отключить ее. Но тогда бы ему пришлось ждать — ждать, чтобы Время-Победитель превратило его всепоглощающую любовь в такую ненависть, какая вынудила бы его прекратить функционирование комнаты.

Он не сделал ни того ни другого. Оказавшись перед таким выбором, он избрал третий выход, которого у него не было никогда.

Он подошел к панели и сделал то, что требовалось сделать, чтобы *ускорить* Время в комнате. Теперь в этой комнате даже Время умрет.

А потом, никчемный, недостойный, он ушел.

Иоланда сидела и читала. Снова Неруду. Она всегда возвращается к нему!

А на кровати разлагалось то, что было Лорой. Время, не зная, что все, включая его, станут жертвами, нагнало упущенное и наконец отпраздновало победу.

«Приди, о крохотная жизнь,— читала она,— летящая на крыльях земли, льдистая, хрустальная, сквозь громыхающий воздух, что разбивает изумруды на острые осколки. О воды дикие, обрушьтесь со снежной бахромы!»

Люби, люби, покуда ночь не рухнет
с кремней поющих Андов
на алые зари колени,
явись и посмотри на сына снегов слепого.

Она положила книгу и откинулась на спинку, закрыв глаза. И годы для нее неслись стремительно.

Страсти Господни

В конце сезона печалей приходит время радости. Весна, подобно хорошо смазанным часам, бесшумно указывает это время. Среднее количество пасмурных и сырых дней непрерывно уменьшается, а дни яркого света и прохладного воздуха снова появляются в календаре. И хорошо, что сырые времена остались позади — ведь они поражают ржавчиной и коррозией наши механизмы, они требуют соблюдения самых строгих гигиенических стандартов.

Со всем блестящим багажом весны приходят и дни Празднества. После сезона Плача наступает священное время Страстей Господних, а затем — светлый Праздник Воскресения, со звоном и стуком, выхлопными газами, паленой резиной, клубами пыли и великим обещанием счастья.

Каждый год мы являемся сюда, на это место, чтобы воспроизвести классический сюжет. Мы видим своими собственными объективами, как сбывается обещание нашего сотворения. Время — сегодня, избран — я.

Здесь, на священной земле Ле Манс, я совершу все предназначенные действия. Вплоть до финала я повторю

каждое движение и каждую позицию, которые, как мы знаем, имели место. Какое счастье! Какая высокая честь!

В прошлом году были избраны многие, но это — не то же самое. Уровень их участия был ниже. И все равно мне так хотелось быть в числе избранных! Столь велико было желание, чтобы и я мог стоять возле грузовика, ожидая охваченный пламенем «мерседес».

Но меня сохранили для этого более грандиозного действия, и все объективы вперились в меня, пока мы ждем старта. В этом году нужно смотреть только на одну Машину — аналог «феррари» под номером 4.

Дан сигнал, и завизжала резина; облака дыма поднимаются подобно гигантской грозди белого винограда, и мы устремляемся вперед. Другая машина уступает дорогу, чтобы я мог занять нужную позицию. Машин много, но только одна из них — Машина.

Мы с визгом пролетаем поворот в этом двухсотлетней давности великолепном творении итальянской классики. Празднество всегда устраивается здесь, где бы все изначально ни происходило.

«О ушедшие владыки творения,— молюсь я,— пусть я все исполню без сбоев и ошибок. Да не отклонюсь я от временного графика. Не позвольте случайным переменным вмешаться и разрушить совершенное повторение».

Тускло-серый металл моих рук, мои точные гироскопы, мои специально разработанные кисти-захваты — все удерживает руль в безупречно правильном положении, и мы с ревом вылетаем на прямую.

Как мудры были древние владыки! Поняв необходимость самоуничтожения в битве, слишком мистической и священной для нашего понимания, они оставили нам этот церемониал в память Великой Машины. Остались все данные: книги, фильмы — все, что позволило нам найти, изучить, понять и познать это святое Действо.

Мы проходим следующий поворот, и я думаю о наших растущих городах, наших огромных сборочных конвейе-

рах, наших маслобарах, нашем возлюбленном исполнительном компьютере. Сколь все это великолепно! Как хорошо организован этот день! Как прекрасно, что я — избранник!

Покрышки-братишки гудят, из-под них с пронзительным свистом вырываются мелкие камни. Через три десятых секунды я придавлю педаль акселератора еще на одну восьмую дюйма.

R-7091 машет мне при выходе на второй круг, но я не могу помахать в ответ. Сейчас я должен функционировать наилучшим образом. Через несколько секунд будет задействовано все дополнительно установленное во мне специальное оборудование.

Остальные машины уступают дорогу точно в назначенный момент. Я поворачиваю, скольжу юзом. Я проламываюсь сквозь защитное ограждение.

«Пожалуйста, перевернись! — молю я, выворачивая руль.— А теперь — гори».

Мы резко переворачиваемся и скользим вверх колесами. Машина наполняется дымом.

К ревущему в моих рецепторах грохоту теперь добавляется треск огня. Пламя лижет Машину.

Мой стальной скелет сокрушен ударной нагрузкой. Мое масло горит. Мои объективы — за исключением крошечного участка — разбиты.

Мой слуховой механизм все еще слабо работает.

Звучит мощный сигнал, и через поле ко мне устремляются металлические тела.

Пора. Пора отключить все свои функции и прекратить существование.

Но я помедлю. Еще мгновение. Я должен услышать, как они это скажут.

Металлические руки вытаскивают меня из погребального костра. Меня кладут в стороне. Огнетушители извергают на Машину белые реки пены.

Смутно, издалека, доносится до моих разбитых рецепторов рокот громкоговорителя:

— Фон Триппс разбился! Машина мертва!

Могучий вопль горя поднимается над рядами неподвижных зрителей. Огромный несгораемый фургон выезжает на поле как раз в то время, когда пожарным удается загасить пламя. Четверо механиков выпрыгивают из фургона и поднимают Машину. Пятый собирает дымящиеся обломки.

И я вижу все это!

«О, да не будет это святотатством! — молюсь я.— Еще одно мгновение!»

Машину осторожно помещают в фургон. Закрываются огромные двери.

Медленно, унося с собой мертвого воина, фургон выезжает через ворота и движется по широкому проспекту мимо исполненной восторга толпы.

К великой плавильне. К Плавильному Котлу!

Туда, где Машина будет расплавлена, а затем вновь отправлена в мир. И каждая вновь создаваемая личность будет включать в себя ее святую частицу.

Над проспектом возносится крик всеобщего ликования.

И я видел все это!

Счастливый, я выключаю себя.

Аутодафе

Я все еще помню жаркое солнце на песке Пласа-дель-Аутос, выкрики продавцов прохладительных напитков, ярусы человеческих лиц напротив меня на солнечной стороне арены, черные провалы солнечных очков.

Я все еще помню запахи и краски — красные, голубые, желтые цвета, непроходящий запах бензина в воздухе.

Я все еще помню этот день — солнце в зените, знак Овна, пылающий в расцвете года. Я словно вновь вижу семенящую походку пожарников, их откинутые головы,

размахивающие руки, ослепительные зубы в рамке улыбающихся губ, тряпки, словно разноцветные хвосты, свисающие из задних карманов комбинезонов. И еще клаксоны — я помню вырывающийся из динамиков рев тысяч клаксонов, то умолкающий, то вновь гремящий — снова, и снова, и снова, а затем единственная заключительная нота, бесконечно вибрирующая, разрывающая уши и сердце своей мощью и неизбывной тоской.

А затем — тишина.

Я вижу все это так же ясно, как в тот давний день...

Он вышел на арену, и общий крик сотряс голубой свод небес на столпах из белого мрамора.

— Да здравствует мехадор! Да здравствует поджигатель!

Я помню его лицо — смуглое, печальное, мудрое...

Длинная нижняя челюсть, длинный нос, смех — как грохот бури, движения — музыка терамина и барабана. Шелковый, плотно облегающий комбинезон в золотых нитях и узорах из черного галуна. Куртка расшита стеклярусом, а на груди, плечах и спине сверкающие чешуйчатые щитки.

Его губы изогнулись в улыбке человека, снискавшего много славы и могущего прославиться еще больше.

Он обошел арену, не заслоняя глаза от солнца. Он был превыше солнца. Он был Маноло Стилетте Дос Муэртос — Две Смерти, самый знаменитый мехадор, каких только видел мир. Черные сапоги на ногах, поршни в бедрах, пальцы, способные потягаться в точности с микрометрами, ореол черных кудрей вокруг головы и ангел смерти в правой руке.

Он остановился в центре закапанного смазкой круга истины и взмахнул рукой. Снова раздался крик:

— Маноло! Маноло! Дос Муэртос! Дос Муэртос!

После двухлетнего отсутствия он выбрал этот день, годовщину своей смерти и ухода на покой, чтобы вновь вернуться на арену — потому что в его жилах с кровью струились бензин и метиловый спирт, а его сердце было сверкающим полировкой насосом, полным желания и

отваги. Он дважды умирал на арене, и дважды врачи воскрешали его. После второй смерти он ушел на покой, и кое-кто утверждал, что он познал страх. Но это не могло быть правдой.

Он помахал толпе, и опять над ареной прокатилось его имя. Снова рявкнули клаксоны — три раза. Потом — тишина, и пожарник в красно-желтом комбинезоне принес ему плащ и снял с него куртку. Дос Муэртос взмахнул плащом, и подкладка из фольги заблистала на солнце.

Затем раздались последние сигнальные ноты.

Створки больших ворот поднялись вверх, ушли в стену.

Он перебросил плащ через руку и повернулся к воротам.

Над ними вспыхнула красная лампочка, и из тьмы донесся звук заработавшего мотора.

Красный свет сменился желтым, затем зеленым — и послышался звук включенной передачи.

На арену медленно выкатился автомобиль, остановился, проехал вперед, снова остановился.

Красный «понтиак» со снятым капотом. Мотор — точно клубок змей, свернувшихся, спаривающихся за мерцающим кругом невидимого вентилятора. Лопасти его антенны вращались, вращались... а затем нацелились на Маноло и его плащ.

Первым противником он выбрал тяжелый автомобиль, медлительный на поворотах, чтобы дать себе время размяться.

Барабаны в мозгу «понтиака», никогда еще не фиксировавшие человека, быстро вращались.

Затем включилось то, что у него соответствовало сознанию, и он ринулся вперед. Маноло взмахнул плащом и ударил ногой в крыло, когда «понтиак» проносился мимо, рыча мотором.

Ворота огромного гаража закрылись.

Машина пересекла арену и остановилась у ограждения.

Зрители разразились насмешками, презрительными выкриками, свистом.

Но «понтиак» стоял как вкопанный.

Два пожарника с ведрами появились за ограждением и плеснули жидкой глиной на ветровое стекло.

Тогда машина взревела, погналась за пожарником, ударилась об ограждение. Потом внезапно повернулась, обнаружила Маноло и ринулась в атаку.

Плащ преобразил его в статую в серебряной юбке. Толпа взвыла от восторга.

Машина повернула и вновь перешла в нападение, а я подивился искусству Маноло — казалось, его пуговицы царапнули вишневую эмаль дверцы.

«Понтиак» остановился, завращал колесами и описал круг по арене.

Толпа завопила, когда он проехал мимо Маноло и начал второй круг.

И вдруг остановился шагах в двадцати от него. Маноло повернулся к машине спиной и помахал толпе.

Вновь восторженные вопли.

Он сделал знак кому-то за ограждением. Появился пожарник и подал ему на бархатной подушке хромированный гаечный ключ.

Маноло обернулся к машине и широким шагом направился к ней.

Она стояла, подрагивая, и он сбил пробку радиатора.

В воздух взметнулась струя воды и пара. Толпа взревела. Тогда Маноло нанес удар по радиатору и обрушил гаечный ключ на крылья. Потом повернулся к «понтиаку» спиной и остановился. Но чуть услышал, как включилась скорость, еще раз повернулся к машине, ловко отступил, пропуская ее мимо себя, и успел нанести два удара по кузову.

Она пронеслась через арену и остановилась.

Маноло сделал знак пожарнику за ограждением.

Тот на подушке принес ему отвертку с длинной ручкой и короткий плащ, а длинный плащ и гаечный ключ забрал с собой.

Вновь над Пласа-дель-Аутос воцарилась глубокая тишина.

«Понтиак», словно почувствовав все это, опять повернулся, дважды просигналил клаксоном и атаковал.

Вода из радиатора оставляла темные пятна на песке. Позади протянулось смутное марево выхлопных газов. Он мчался на Маноло с жуткой скоростью.

Дос Муэртос поднял перед собой плащ, а отвертку положил на левый локоть.

Когда уже казалось, что он обязательно будет сбит, его рука молниеносно замахнулась, так что глаз не мог уследить, и он отступил в сторону, а мотор закашлялся.

Но «понтиак» продолжал гибельное движение по инерции, резко свернул, не притормозив, опрокинулся, ударился об ограждение и заполыхал огнем. Мотор кашлянул в последний раз и умолк.

Пласа задрожала от бури энтузиазма. Дос Муэртосу преподнесли обе фазы и глушитель. Он высоко их поднял и неторопливо обошел арену. Рявкали клаксоны. Какая-то дама бросила ему пластиковый цветок, а он отправил пожарника вручить ей глушитель и пригласить отужинать с ним. Приветственные крики толпы стали совсем уж оглушительными — он же славился как великий трахатель, и в дни моей юности это было не таким необычным, как теперь.

Следующим был голубой «шевроле», и он играл с ним, как ребенок с котенком, терзая его, пока тот не атаковал, а тогда остановил его навсегда. Он получил обе фары. Небо тем временем заволокли тучи, и вдали ворчал гром.

Третьим был черный «ягуар», требующий верха мастерства и открывающий истину лишь на самый краткий миг. До того как Маноло разделался с ним, на песке появились пятна не только бензина, но и крови — боковые зеркала выдавались в сторону слишком далеко, и его грудную клетку пересекла алая борозда. Но он вырвал его зажигание с таким изяществом и артистизмом, что толпа хлынула через ограждение на арену, так что охрана пустила в ход дубинки и электрические бодила, чтобы принудить их возвратиться на свои места.

Уж конечно, после этого никто не мог бы сказать, что Дос Муэртос когда-либо познал страх.

Подул прохладный ветерок, я купил стаканчик кока-колы и приготовился ждать заключительного боя.

Его последняя машина вылетела наружу, еще пока горел желтый свет. Это был «форд» горчичного цвета, кабриолет. Проскакивая мимо Маноло в первый раз, машина просигналила и включила стеклоочистители. Все зааплодировали такому задору.

Затем она резко остановилась, поставила заднюю передачу и начала пятиться на него со скоростью около сорока миль в час.

Он увернулся, пожертвовав изяществом быстроте, а она стремительно затормозила, включила первую передачу и ринулась вперед.

Он взмахнул плащом, и тут же плащ был у него вырван, а его сбило бы, не отпрыгни он, упав на спину.

Тут кто-то крикнул:

— Она дезориентирована!

Однако он вскочил на ноги, поднял плащ и снова повернулся к «форду».

Еще и сейчас рассказывают о последовавших пяти схватках. Никогда еще не было такой игры с бампером и облицовкой радиатора! Никогда еще нигде на Земле не видели такого боя между мехадором и машиной! «Форд» рычал, как десять веков обтекаемой смерти, дух Святого Детройта сидел за рулем и ухмылялся, а Дос Муэртос встречал его плащом с подкладкой из фольги, усмирял его, а потом махнул, чтобы ему подали гаечный ключ. Машина давала передышку перегретому мотору, поднимала и опускала стекла, с сортирными звуками прочищала глушитель, выбрасывая клубы черного дыма.

К этому времени начал тихонько накрапывать дождь, гром продолжал погромыхивать, а я допил колу.

Никогда прежде Дос Муэртос не нападал с гаечным ключом на мотор — он бил им только по кузову, но теперь он метнул его в нутро «форда». Одни знатоки утверж-

дают, что он целился в распределитель, другие убеждены, что в бензонасос.

Зрители разразились негодующими воплями. Что-то липкое капало из «форда» на песок. На живот Маноло сползала красная струйка. Дождь припустил вовсю.

Он не смотрел на толпу. Он не отрывал глаз от машины. Выставил правую ладонь и ждал.

Пыхтящий пожарник сунул ему в руку отвертку и кинулся назад к ограждению.

Маноло выжидающе отступил в сторону.

Она буквально прыгнула на него, и он нанес удар.

Вопли стали еще более негодующими.

Он промахнулся!

Впрочем, никто не ушел. «Форд» описывал вокруг него сужающуюся спираль, из мотора валил дым. Маноло растер локоть и подобрал отвертку с плащом, которые уронил. Последовал новый взрыв воплей.

А машина уже надвинулась на него. Над мотором металось пламя.

Так вот, некоторые говорят, что он нанес удар, вновь промахнулся и потерял равновесие. Другие говорят, что он занес руку для удара, испугался и попятился. А еще кто-то говорит, что, наверное, его на мгновение охватила жалость к такому отважному противнику, и он промедлил. А я говорю, что из-за густого дыма никто из них не мог ничего увидеть.

Но машина резко повернула, он упал вперед на мотор, пылавший, как катафалк богов, и встретил свою третью смерть, когда они вместе ударились о заграждение и их поглотил огонь.

Заключительная коррида вызвала много споров, но остатки глушителя и обеих фар были погребены с его останками в песках Пласы, и женщины, которых он знавал, горько рыдали. Я утверждаю, что он не мог ни испугаться, ни испытать жалость, ибо сила его была как стая ракет, бедра его были поршнями, а пальцы потягались бы точностью с микрометром; волосы у него были черным

ореолом, и ангел смерти водил его правой рукой. Такой человек, человек, познавший истину, более могуч, чем машина. Такой человек — превыше всего, кроме жажды власти и славы.

Однако он умер, этот человек, в третий и последний раз. Он был столь же мертв, как все, кто когда-либо погибал от удара бампера, сбитый радиатором, раздавленный колесами. И хорошо, что больше он не может восстать из мертвых, ибо его последний бой был апофеозом и все дальнейшее принесло бы лишь разочарование. Как-то я увидел стебелек травы, пробивавшийся между металлическими панелями планеты в месте, где они расшатались, и я его уничтожил, потому что подумал, как ему должно быть одиноко и тоскливо. А потом часто жалел об этом — ведь я отобрал у него великолепие его единственности. Вот так, кажется мне, жизнь-машина оценивает человека — сначала сурово, а после с сожалением, и небеса оплакивают его глазами, которые открыло в них горе.

Всю дорогу до дома я обдумывал это, а копыта моего коня стучали по мостовой города, пока я ехал под дождем навстречу вечеру.

Коллекция Малатесты

Мне будет не хватать этих книг. Может, я просто стареющий пережиток тех развратных времен, однако мне нравится думать, что в моей привязанности есть и чисто научный интерес.

Но я ведь помог обнаружить их, и это единственное, что удерживает меня здесь теперь, когда их спрятали.

Не заблуждайся на этот счет, Космический Глаз, я говорю не от себя лично. Во всех нас есть что-то от меня, так же, как от Пола Малатесты.

Роден сейчас как раз взбирается на платформу. Книги спрятаны в ящик, ящик замурован в угловой камень, а статуя задрапирована.

Сегодня исполняется год с тех пор, как он сделал это открытие, совершенно случайно. Он копался в яме, этот чокнутый скульптор, раскапывал дыру во Времени. Это была одна из тех неразобранных насыпей, где иногда находят фрагменты древних цивилизаций. Он частенько ковыряется в них, надеясь наткнуться на бюст, торс или кусок фрески. Время от времени он наталкивается на потрясающие открытия.

Но коллекция Малатесты единственная в своем роде.

— Этот случай заслуживает некоторых комментариев,— начинает он.— Продиктовано ли это его печальной известностью или той ценностью, что он может представлять для историков, этого я сказать не могу. Но одно я могу сказать,— продолжает он.— То, что вы делаете,— неправильно. В свете вечных ценностей, вы совершаете грех, хороня то, что еще живо.

Вокруг него на платформе теснятся встревоженные лица. Но никто его не прерывает; никакое сопротивление невозможно перед массивным достоинством его девяноста лет. И он продолжает:

— Я добровольно принял участие в этой церемонии, потому что каждая могила заслуживает памятника, и это так же верно, как то, что корни порождают дерево. Каждый ушедший заслуживает достойного слова, хотя бы и с опозданием на столетия. Мы вызвали их на свет божий на краткий миг, и вы, дети света, были потрясены, ибо они оказались живыми. Теперь вы их хороните вновь, и меня, их отчима позвали, чтобы увековечить то, что вы делаете. Я ненавижу вас, всех вас. Но вы должны выслушать меня — вы слишком вежливы, чтобы отказаться,— и, без сомнения, вы будете аплодировать, когда я закончу. Я помню день, когда мы нашли их...

Я тоже помню тот день. Его сухенькая фигурка в неизменном поношенном плаще ворвалась в мой кабинет, подобно стреле. Дверь громыхнула о стену, и он запрыгал с ноги на ногу перед моим столом:

— Идем, быстро! Я нашел душу наших предков!

Он заметался, как ласточка, сделав несколько ложных выпадов к двери, хлопая себя по карманам, и тут вдруг заметил, что я даже не встал.

— Поднимайся на ноги и идем со мной! — приказал он.— Это слишком долго ждало нас!

— Сядьте,— сказал я ему.— У меня через полчаса лекция по Древней Литературе. Лишь нечто в высшей степени важное может отменить ее.

Его белые усы разлетелись в стороны.

— Древняя Литература! Все еще умиляетесь Памелой и Давидом Копперфильдом? Позволь мне сказать тебе кое-что: есть вещи гораздо более великие, и они у меня!

У Родена была Репутация.

Он был чудаком, почти парией, игрушкой богатых, хотя и швырял им оскорбления прямо в лицо, друг художника, которого он всегда воодушевлял на труды, хотя и в инфантильной манере,— человек богемы в эпоху, когда богема не может существовать, поставщик дешевого искусства за комиссионные, творец искусства, которое осталось незамеченным. Величайший из живущих скульпторов.

В конце концов он уселся в кресло, едва не превратив меня самого в статую своим величием.

— Я не упрямлюсь,— извинился я.— Просто у меня свои обязательства. Я не могу срываться с места, пока не знаю, за чем предстоит охотиться.

— Обязательства,— повторил он обманчиво мягким тоном.— Да, пожалуй, это важно. В наши дни каждый пеняет на обязательства. Немного осталось людей свободного духа, охотников за Граалем, которые поверили бы старику на слово, что существует нечто действительно важное, на что можно потратить час-другой.

Мне было больно это слышать, потому что я уважаю его больше, чем кто бы то ни было — за энциклопедические познания в искусстве, за его зажигательную эксцентричность и за тот холодный огонь, который пылает в его работах.

— Простите,— сказал я.— Расскажите мне, в чем дело.

— Ты — преподаватель литературы,— возвестил он.— Я нашел для тебя непрочитанную библиотеку.

Я глотнул, зажмурился, и перед моими сомкнутыми веками поплыли полки с книгами.

— Старые книги? — прошептал я.

Он кивнул.

— Насколько старые?

— Многие относятся к девятнадцатому и двадцатому векам, но есть множество более древних.

Меня затрясло. Сколько лет мечтал я о такой находке! Насыпи в основном содержали мусор: бумага столь недолговечна.

— Много? — спросил я.

— Много,— признался он.

— Мне нужно сказать секретарю факультета, что лекции не будет.— Я встал.— Вернусь через минуту. Это далеко?

— Час езды.

Я полетел по коридору, сбрасывая с себя обязательства, словно перья.

Осмотрев их, мы не могли поверить в свою удачу. Их было так много, и все превосходно сохранились во тьме веков. Мощные стены строения уберегли их от влаги, старения, насекомых...

Я перебирал их дрожащими руками. Бэкон? Легендарный Шекспир, от которого до нас дошло только имя? Могли ли они так говорить? Я был очарован. Великолепная язвительность Марка Твена сохранилась — но это!

Я осторожно закрыл *1601* и вложил в защитную упаковку, которую захватил с собой. Открыл книгу, принадлежащую перу человека по имени Миллер.

Через десять минут мне стало плохо, очень плохо. Я взял бутылку вина, которую Роден извлек из-под плаща. Пока я пил, он хранил молчание.

Пристроившись в углу, он делал странный набросок в свете свечи.

То, что осталось от двух человеческих существ, покоившихся на том, что осталось от кровати. Я старался не смотреть в том направлении, но их позы не вызывали сомнения. Но мои глаза то и дело обращались на руки скелетов. Я видел, что они лежали обнявшись, когда упала бомба; я ощущал, как бетон сотрясался от взрыва, тщетно пытаясь остановить радиацию, поглотившую его создателя. И вот теперь скелет обнимал скелет в саду из книг, скаля зубы в адрес живых созерцателей.

Я сделал вид, что изучаю «Молль Фландерс», заслонившись книгой от этого зрелища.

— Это место называли убежищем отшельника, не так ли?

— Верно. Многие люди строили их перед темными временами.

— И этот человек,— я взглянул на изящный экслибрис на странице «Кама Сутры»,— этот Пол Малатеста подготовил свое убежище довольно необычным образом, правда?

— Не знаю.— Он захлопнул альбом.— Не знаю, как они мыслили в те дни, но думаю, он оснастил его тем, что лелеял всю жизнь.

— Я преподаю литературу,— размышлял я вслух,— но никогда не слышал об этих книгах: автобиография Харриса, «Стихи по разным поводам» Рочестера, «Непристойности», «Гамиани», «Шлюхи», «Фестиваль любви» Корайата.

— Значит, пора услышать,— отозвался он,— поскольку они перед тобой.

— Но язык,— запротестовал я,— и предмет описания... все это так... так...

— Грубо? — подсказал он.— Приземленно? Примитивно? Сортирно? Неприлично?

— Да.

— Я нашел это место вчера. Всю ночь читал. Нам нужны эти книги, если мы хотим иметь верное представление о наших предках и самих себе.

— Самих себе?

— Да. Тебе бы лучше почитать вон те книги,— показал он на полку,— написанные неким Фрейдом. Ты думаешь, человек абсолютно рационален и морален?

— Конечно. Мы уничтожили преступность, образование стало обязательным. Мы далеко ушли от своих предков, как в этическом, так и в интеллектуальном плане.

— Чушь! — вновь фыркнул он.— Основополагающая природа человека оставалась неизменной на протяжении всей истории, насколько я могу понять.

— Но эти книги!..

— В те времена они уже летали на Луну, побеждали болезни, от которых мы страдаем до сих пор. Они признавали демонический дух Диониса, который живет в каждом из нас. Книги, которые дошли до нас, были просто наиболее многочисленными — маленькие тайники всегда снабжали нас самыми важными открытиями,— если только ты не почитаешь обилие признаком величия.

— Я не знаю, как они будут восприняты...

— Будут ли они восприняты,— тихо поправил Роден.

— Если вы выбрали путь демократизации искусства вне жизни, я бессилен остановить вас. Я могу только протестовать. Я могу частично оправдать вас в силу того, что вы все-таки решили не сжигать их. Но ваше решение заставить их дожидаться появления более квалифицированного поколения читателей равносильно вечному проклятию. И вам это известно, и я, в свою очередь, осуждаю вас за эту акцию...

Какой переполох, какую бурю критики, как научной, так и общественной, довелось мне тогда поднять!

Когда я принес коллекцию Малатесты в университет, из рядов профессуры раздались радостные возгласы, быстро сменившиеся удивленным поднятием бровей. Я не

такой патриарх, как Роден, но в обществе, столь правильном, как наше, я достаточно стар, чтобы избежать открытых оскорблений. Но многие едва удерживались.

Сначала наступила растерянность.

— Это, безусловно, очень важная находка. Несомненно, книги проливают новый свет на историю литературы. Разумеется, они заслуживают самого пристального изучения. Но широкая публика... Словом, лучше подождать до тех пор, пока мы сумеет до конца оценить их.

Я никогда не сталкивался с таким отношением и сказал им об этом.

Мне показалось, что вокруг стола в конференц-зале сидят ледяные статуи. Они предпочли проигнорировать мои слова, лишь осуждающие взгляды поблескивали сквозь толстые стекла очков.

— Но Чосер,— настаивал я,— Хусманс, «Орестея»! Нельзя просто выбросить их вон только потому, что вам неприятно это читать! Все это — литература, квинтэссенция жизни, пропущенная через призму гениальности!..

— Мы не убеждены,— сказала одна из ледяных статуй,— что это является искусством.

Я взорвался и ушел с работы, но моя отставка не была принята, поэтому я все еще здесь. Литература — она как пирог, один кусок лучше, чем ни одного.

— Вы не выпустили их в свет. Вместо этого вы заточили их в краеугольный камень вашего нового Здания Философии — которое само по себе демонстрирует скрытую иронию жизни — и поручили мне, по прошествии года, соорудить им надгробие. Вы предпочитаете не использовать этого слова, но дабы смягчить муки совести — вы же люди высокоморальные — вы не смогли не увековечить величие того, чему были свидетели, хотя и отнеслись к этому с презрением. Я соорудил ваш мемориал — и это не мой обычный храм Маммоны, где ангелы моего раскаяния шныряют меж морских раковин, но памятник Человеку, такому, каким он был, есть и пребудет вечно...

О, мертвый Малатеста, со своей бледной госпожой Франческой укрывшийся в радиоактивной печи, пока ракеты пели свой гимн смерти!.. Рыдала ли она? Что сказала она в последний миг? Я читал твой дневник вплоть до финальной записи в последний день: «Мы поджариваемся. Дьявол! Нас найдут так, будто мы начали...» Я восхищаюсь тобой, Маластеста, так же, как я восхищаюсь Кастильоне и Да Винчи,— эрудит, ученый и человек до мозга костей! Вращайтесь же по своим орбитам, человеческие атомы, вы сделали закат моей жизни более красочным... Это,— он протянул руку к темному покрывалу,— воплощение человеческого начала.

Он сдернул покров.

Университетский двор наполнился вздохами, а мои глаза — слезами. Роден совершил это! В какую бы кладовку, на какой бы чердак они это ни спрятали, его слава будет жить в сердцах потомков.

Стальные ребра, покрытые белой эмалью,— та ужасная поза! — руки скелетов в вечном чувственном объятии и исполненные похоти улыбки на лицах, лишенных плоти.

На бронзовом пьедестале высечена простая надпись: «Поцелуй Родена».

И тут до меня донесся голос из зала:

— Вот оно. Делайте с этим что хотите — но никогда не подпускайте меня к этому близко!

Невольные аплодисменты разбили тишину, смешиваясь со вздохами и тихими комментариями.

В тот день я уволился еще раз, на этот раз окончательно.

Последняя вечеря

Как чувствует себя музыка, когда ее оркеструют?
Поэма, когда ее пишут? Живопись...
Эти мысли витали в моем мозгу, но это были его мысли.

Я ощутил шероховатые и осторожные, словно кошачий язычок, прикосновения его кисти, обводящей мои щеки, затемняющей бороду.

Он коснулся моих глаз, и они открылись. Сначала левый, потом — правый, мгновенно.

Сознание включилось сразу и четко — никакого плывущего тумана, как это бывает при внезапном пробуждении. Я тоже пристально вглядывался в его темные глаза, сосредоточившиеся на моем лице. Он держал кисть бережно и мягко, словно перо, и ноготь его большого пальца отливал радужным спектром присохших красок.

Он стоял, любуясь мной.

— Да! — вздохнул он наконец.— Они правы! Вот — линии вины, стыда, ужаса, и все они сходятся у этих властно притягивающих глаз. Но взгляд их прям и тверд, и они не боятся света,— продолжал он.— Они не дрогнут! И в этом взоре — вся дерзость и боль Люцифера. Он не отведет этих глаз, когда придет время обмакнуть хлеб в вино... Бороду надо сделать покраснее,— добавил он.

— Но ненамного,— сказал я.

Он прищурился:

— Хотя и не слишком.

Он нежно дунул на мое лицо, затем закрыл меня занавесом.

«Сеанс через пятнадцать минут,— подумал он.— Придется прерваться».

Он мерил шагами студию здесь же, рядом. Я почувствовал, как он закуривает.

— Миньон придет в десять.

— Миньон сейчас придет,— сказал я.

— Да. Я покажу тебя ей. Ей нравятся картины, а эта — лучшее из всего, что мне до сих пор удавалось. Она не подозревает, что я способен на такое. Я покажу ей это. Она, конечно, не разбирается в искусстве...

— О да.

Я услышал, как в дверь постучали. Он впустил ее. Я почувствовал, что он возбужден.

— Вы всегда приходите вовремя,— сказал он.

Она засмеялась, и смех ее прозвучал мелодично, словно перезвон дорогих часов.

— Всегда,— сказала она,— и до тех пор, пока портрет не будет закончен и я не смогу взглянуть на него. Я очень прилежна.

«Она уже улыбается так, словно глядит с портрета,— размышлял он, вешая ее пальто.— Сейчас она сидит в темном кресле. Темном, как ее волосы. Зеленый твидовый костюм и серебряная брошь. Почему она не надела бриллиантов? Они ведь у нее есть».

— А где бриллианты? — спросил я.

— А где бриллианты?

— Что? А-а, моя брошь...— Она коснулась ее, бросив взгляд на свою юную грудь.— Вы ведь еще не писали портретов до сих пор, не так ли? Я же позирую сейчас для уютного домашнего портрета, который будет висеть в гостиной у камина, а не для иллюстрации рассказика о фамильном состоянии, украшающего обложку модного журнала. Поэтому я и решила надеть что-нибудь простое.

Она опять улыбается. Насмехается надо мной?

— А что это у вас там закрыто покрывалом?

Она подошла к холсту.

— О,— сказал он скромно, в радостном трепещущем предвкушении.— Это, право же, пустяк.

— Позвольте мне взглянуть.

— Прошу вас.

Зашуршал занавес, прикрывавший холст, и я взглянул на женщину.

— Господи! — воскликнула она.— «Последняя вечеря» Питера Хелзи. Боже, да ведь это прекрасно.— Она отодвинулась еще дальше, пристально всматриваясь.— Он глядит так, словно вот-вот выйдет из рамы и еще раз предаст Его.

— Это так,— скромно сказал я.

— Пожалуй, верно,— заметил Питер.— Довольно занятный экземпляр.

— Да,— сказала она.— Я никогда раньше не видела столь точно подобранных красок. Глубина, переплетение тонов — он весьма необычен.

— Он и должен быть таким,— ответил художник.— Он сошел к нам со звезд.

— Со звезд? — недоуменно переспросила она.— Что вы хотите этим сказать?

— Пигмент, послуживший для его создания, я перетер из упавшего метеорита, который обнаружил нынешним летом. Мне сразу же бросилась в глаза краснота камня; к тому же оказалось, что размеры позволяют засунуть его в багажник.

Она изучала мое лицо на холсте.

— Для столь прекрасной картины вы создали ее невероятно быстро.

— Нет, какое-то время я носил это в себе,— сказал он.— Я ждал, пока у меня сложится совершенно четкое представление о том, каким он должен быть. Этот красный камень подсказал мне решение — это случилось как раз на той неделе, когда вы начали позировать мне. Стоило мне только начать, и дальше он фактически нарисовал себя сам.

— Он смотрит так, будто всем этим наслаждается,— засмеялась она.

— Я нисколько не возражаю...

— Сомневаюсь, что и он имеет что-то против.

— ...Так как я — тот самый подкидыш, которого боги запросто обменяли на кусок камня, понадобившегося им, чтобы ставить на него ноги.

— Кто знает, откуда он взялся?

Он закрыл мне лицо, взмахнув занавесом, точно плащом матадора.

— Начнем?

— Пожалуй.

Она вернулась к креслу.

Через некоторое время он попытался прочесть то, что светилось в ее глазах.

— Возьми ее. Она этого хочет.

Он положил кисть, пристально посмотрел на женщину, на свою работу — и снова на женщину.

Потом опять взялся за кисть.

— Решайся. Что ты теряешь? Подумай о том, что приобретешь. Это серебро на ее груди может обратиться в бриллианты. Думай о ее груди, думай о бриллиантах.

Он положил кисть.

— Что случилось?

— Какая-то внезапная усталость. Сигарета — и я готов продолжить.

Она поднялась с кресла и закинула руки за голову.

— Хотите, я подогрею кофе?

Он посмотрел туда, куда она указывала взглядом,— на стоящий в углу поднос с остывшим напитком.

— Нет, благодарю. Сигарету?

— Спасибо.

Его рука дрожала.

Она подумает, что это от усталости.

— У вас дрожит рука.

— Наверное, от усталости.

Она присела на кровать, стоящую здесь же, в студии. Он медленно опустился рядом и прилег.

— Здесь жарко.

— Да.

Он взял ее за руку:

— Вы тоже дрожите.

— Нервы. Delirium Tremens. Кто его знает?

Он поднес ее руку к губам:

— Я люблю вас.

Ее глаза испуганно расширились, губы дрогнули, рот приоткрылся.

— ...И у вас красивые зубы.

Он обнял ее.

— О, пожалуйста!

Он крепко поцеловал ее.

— Не надо. Вы же не хотите сказать...

— Хочу,— произнес он.— Хочу.

— Вы очаровательны,— вздохнула она,— как и ваше искусство. Я всегда это чувствовала. Но...

Он поцеловал ее снова и увлек за собой.

— Миньон...

Питер Хелзи глянул с балкона на раскинувшийся внизу аккуратный парк, разлинованный тропинками, проложенными еще в старые добрые времена Свифта,— парк с его живописным ландшафтом и своеобразным очарованием XVIII века,— и перевел взор вниз, на поручни ограждения, скалы и длинный, крутой спуск к заливу.

— Как хорошо,— сказал он и вернулся в комнату.

— Хорошо,— повторил я.

Я висел на стене комнаты. Он остановился передо мной.

— Чему ты ухмыляешься, старый ублюдок?

— Ничему.

Справа, из ванной, вышла Бланш, вытирая закатно-розовый нимб все еще влажных волос.

— Ты что-то сказал, милый?

— Да. Но я говорил не с тобой.

Она указала на меня большим пальцем:

— С ним?

— Вот именно. Он — мое единственное удачное создание, и мы неплохо с ним ладим.

Она содрогнулась:

— Чем-то он похож на тебя — только, пожалуй, выглядит позлее.

Он повернулся к ней:

— Ты в самом деле так считаешь?

— Угу. Особенно — глаза.

— Уйди,— сказал он.

— В чем дело, милый?

— Ни в чем.— Он сдержался.— Но скоро должна вернуться моя жена.

— Хорошо, папочка. Когда я снова тебя увижу?

— Я позвоню тебе.

— О'кей.

Зашуршали черные юбки — и она исчезла.

Питер не провожал ее до двери. Это было не в ее духе. Он еще немного поизучал меня, затем пересек комнату, остановился перед зеркалом и пристально всмотрелся в свое отражение.

— Гм,— возвестил он.— Какое-то сходство все же есть — этакая подсознательная тяга к ехидству.

— Конечно,— сказал я.

Он засунул руки в карманы шелкового халата, снова вышел на балкон и взглянул на океан.

— Mater Oceana,— произнес он.— Я счастлив и несчастлив. Унеси мою тоску.

— А в чем дело?

Он не ответил мне, но я знал.

За дверью послышались шаги Миньон. Дверь распахнулась.

Я знал. Он вернулся в комнату и посмотрел на женщину.

— Боже, да ты прекрасно выглядишь. Зачем тебе еще и косметический кабинет — эти лишние хлопоты?

— Чтобы всегда оставаться такой для тебя, милый. Я бы не хотела, чтобы ты охладел ко мне через пару месяцев.

— Ну, это вряд ли.

Он обнял ее.

«Я ненавижу тебя, богатая сука! Ты думаешь, что можешь распоряжаться моей жизнью, потому что оплачиваешь мои счета. Но ты не сама нахапала все это. Это все твой старик. Ну давай же, давай, спроси меня, работал ли я сегодня».

Она нехотя высвободилась из его объятий:

— Ты писал что-нибудь сегодня, дорогой?

«Нет. Я провел время в спальне с одной блондинкой».

— Нет, болела голова.

— О, прости меня! А как сейчас, лучше?

— Нет, все еще побаливает.— «Ах ты...»

— Пойдем куда-нибудь вечером?

— Куда же?

— Помнишь тот французский ресторан, мимо которого мы вчера проезжали? Как, бишь, его...

— «Ле-Буа».

— Я подумала, что ты, может быть, захочешь посидеть там немного сегодня вечером. Во всех остальных мы уже побывали.

— Нет. Не сегодня.

— Где же тогда мы поужинаем?

— Может, прямо здесь?

Она приняла озабоченный вид:

— Тогда мне придется позвонить вниз и сделать распоряжения.

«Держу пари, что ты не умеешь готовить. Мне ни разу не подвернулся случай выяснить это».

— Это было бы замечательно.

— Ты уверен, что не хочешь никуда пойти сегодня вечером?

— Да. Уверен.

Ее лицо прояснилось:

— Стол накроют в саду, а еду привезут на тележках — как для особых гостей.

— К чему все эти хлопоты?

— Мама говорила мне, что у них с отцом все было именно так, когда они проводили здесь медовый месяц. Вот я и хотела предложить тебе то же самое.

— Почему бы и нет? — Он пожал плечами.

Миньон посмотрела на часы. Потом подняла руку, поколебалась и постучала в дверь спальни:

— Ты еще не одет?

— Сейчас-сейчас.

«Почему бы тебе не сдохнуть и не оставить меня в покое? Может быть, тогда я смог бы снова творить. Ты не способна по-настоящему оценить мое искусство — как, впрочем, искусство вообще! Ты ничего не способна оценить. Дешевая, липовая эстетка! Тебе не знаком труд ради цели. Умри же! Тогда я смогу наконец собраться... да перестань же мешать мне!»

— Почему бы не сегодня вечером? — спросил я.

— Не знаю...— Он задумался.

— Для всех вы счастливая медовая пара. Ни у кого не возникнет подозрений. Продержи ее там допоздна. Накачай как следует шампанским. Танцуй с ней. Когда официанты притушат свет и уйдут, когда останетесь только вы двое, музыка, шампанское и темнота, когда она начнет слишком много смеяться, когда у нее начнут подгибаться ноги,— я закончил перечислять,— вот тогда и подведи ее к перилам.

В дверь снова постучали.

— Ты готов?

— Иду, дорогая.

«Боже! Сколько же она может пить? Да я раньше ее упаду под стол!»

— Еще шампанского, дорогая?

— Чуть-чуть.

Он наполнил бокал до краев:

— Осталось немного. Мы можем прикончить и эту бутылку.

— Ты что-то мало пьешь сегодня,— заметила она.

— Это не моя стихия.

Повсюду горели свечи. Непроницаемый покров темноты незаметно сгустился вокруг, и теперь в нем лишь угадывались некие смутные очертания и пятна. За дрожащим ореолом света лежала ночь, глубокая, чернильно-темная. Из невидимого динамика, кружась, летели вальсы Штрауса — величаво, приглушенно, sotto voce, как бы паря над столом. Ароматы невидимых цветов обострились, перед тем как исчезнуть совсем в надвинувшейся прохладе ночи.

Он посмотрел на нее:

— Тебе не холодно?

— Нет! Давай останемся здесь до утра. Это так восхитительно!

Он покосился на часы. Час действительно уже поздний.

«Надо выпить, чтобы собраться».

Кислое вино, выпитое залпом, обожгло. Подобно снежным хлопьям, уносящимся в желтое небо, в голове молнией пронеслись ледяные кристаллики.

«Пора».

Он наклонился и задул свечи.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы остаться вдвоем в темноте.

Она хихикнула.

Он нащупал ее руками и обнял.

— Поцелуй ее — вот так.

Он поставил ее на ноги, тщетно пытаясь ослабить хватку ее объятий, и, придерживая за талию, повел к белым перилам.

— Как красив океан в безлунную ночь,— сказала она низким грудным голосом.— Кажется, Ван Гог однажды изобразил Сену но...

Он ударил ее под колени левой рукой. Она опрокинулась назад, и он попытался подхватить ее. Ее голова стукнулась о камень лестницы. Он выругался.

«Все равно. Она и так будет в синяках и кровоподтеках, когда ее найдут».

Она тихо застонала, когда он поднимал ее, теплую и обмякшую.

Он наклонился и сильным движением перебросил ее через перила. Он услышал, как тело ударилось о камни, но музыка «Голубого Дуная» заглушила все остальные звуки.

— Спокойной ночи, Миньон.

— Спокойной ночи, Миньон.

— Это было ужасно,— сказал он детективу.— Я знаю, что сейчас пьян и не могу говорить связно — вот почему я не смог ее спасти. Мы так славно проводили время — танцевали и все такое. Она захотела взглянуть на океан, а потом я вернулся к столику, чтобы еще выпить. Услышал ее крик и... и...— Он закрыл лицо руками, выдавливая из себя рыдания.— Ее уже нет! — Он весь трясся.— Нам было так хорошо!

— Успокойтесь, мистер Хелзи.— Детектив положил руку ему на плечо.— Портье говорит, что у него есть какие-то таблетки. Примите их и лягте в постель. Право, это лучшее, что вы можете сейчас сделать. Сейчас ваши объяснения немногого стоят — мне и так ясно, что произошло. Я составлю отчет о происшествии утром. Сейчас там катер службы береговой охраны. Завтра вам придется поехать в морг. А сейчас просто идите и поспите.

— Нам было так хорошо,— повторял Питер Хелзи, бредя к лифту.

Войдя в лифт, он зажег сигарету.

Он отпер дверь и включил свет.

Помещение преобразилось.

Комнаты были разделены наспех поставленными перегородками. Из мебели, стоявшей здесь ранее, остались лишь несколько стульев и небольшой стол.

Посреди стола стояла афиша.

За афишей виднелась записная книжка в кожаном переплете. Он раскрыл ее, уронив сигарету на пол. Он читал...

Он читал имена критиков, обозревателей музейных экспозиций, агентов по продаже, покупателей, рецензентов.

Это был список приглашенных лиц.

От ковра поднималась тонкая струйка дыма. Машинально он поднял ногу и наступил на тлеющий окурок. Он вчитывался в афишу.

«Выставка работ Питера Хелзи, организованная миссис Хелзи в ознаменование двух самых счастливых месяцев в ее жизни. Открыто — с часу до двух дня. Пятница, суббота, воскресенье».

Он переходил от ниши к нише, глазами как бы заново создавая все работы, когда-либо сделанные его руками. Вот его акварели. Его опыты в духе кубизма. Его портреты. Она разыскала и либо скупила, либо взяла под залог все эти картины.

Портрет Миньон.

Он смотрел на ее улыбку и волосы, темные, как кресло, в котором она сидела; на зеленый твидовый костюм; на

серебряную брошь, которая могла бы прикрывать бриллианты...

— ...— сказала она.

Она ничего не сказала.

Она была мертва.

А напротив нее, уставясь прямо в ее улыбку, с бородой цвета крови и куском хлеба в руке, среди просветленных лиц апостолов, сидящих вокруг, и с кованым серебряным нимбом над головой улыбался я.

— Поздравляю. Чек очень скоро придет по почте.

— Где мой шпатель?

— Ну вот еще! Ты ведь не собираешься повторить поступок Дориана Грея?

— Острое. Дайте мне что-то острое!

— Ну зачем же так? Ты создал меня таким, какой я есть. Ты мог бы так же легко использовать этот пигмент и для создания другого портрета. Его, например, или его. Но тебя вдохновлял я. Я! Мы черпали жизненные силы друг у друга, мы черпали их из твоего отчаяния. Разве мы не шедевр?

— Нет! — закричал он, снова закрывая лицо.— Нет!

— Прими эти таблетки и ложись в постель.

— Нет!

— Да.

— Она хотела видеть меня великим. Она старалась приобрести все это для меня. Но она хотела видеть меня великим.

— Конечно. Она любила тебя.

— Я не знал этого. Я убил ее...

— Разве не так поступают все мужчины? Вспомни Уайльда.

— Заткнись! Не смотри на меня!

— Не могу. Я — это ты.

— Я убью тебя.

— Тебе придется трудновато.

— Ты погубил меня!

— Ха! А кто столкнул ее вниз?

— Уходи! Пожалуйста!

— А как же моя выставка?

— Пожалуйста.

— Спокойной ночи, Питер Хелзи.

И я наблюдал за ним — за тенью среди теней. Он не шатался.

Он двигался как робот, как лунатик. Уверенно. Точно. Осмысленно.

Миновало десять часов, и взошло солнце. Теперь я скоро услышу их шаги в холле. Именитые, великие мира сего: Беренсоны, Дювены... Они задержатся за дверью. Осторожно постучат. И через какое-то время попробуют войти.

Они уже идут.

Они будут созерцать эти глаза — сухие глаза, окна души, погрязшей в грехе...

Они задержались за дверью.

Они увидят линии вины, стыда, ужаса и раскаяния — сходящиеся у этих властно притягивающих глаз...

Стук в дверь.

Но они обращены к свету, эти глаза,— они не дрогнут. Они будут смотреть прямо, не мигая!

Дверная ручка осторожно поворачивается.

— Входите, господа, входите! Великое искусство ожидает вас! Смотрите на корчащуюся душу — на нимб, выкованный из пунктов страхового договора, из гордости,— смотрите на преданного предателя! Входите! Смотрите на мой шедевр, господа,— вон он висит на стене.

И наши зубы, навсегда замерзшие в полуоскале.

Порог пророка

В день, когда Бруклинский мост упал в Восточную реку, тень Харта Крейна появилась на берегу и обратилась к одному из стоявших там людей.

— Почему вы это сделали? — спросил он.

— Он был, как бельмо в глазу,— несколько удивленно ответил человек в защитных очках, отключая свое антигравитационное устройство.— Никакой пользы. Сам бы упал через пару лет.

— А как же люди теперь будут переправляться через реку?

Человек внимательно посмотрел на кирпично-красное лицо собеседника, на его густые волосы, в которых запутались ленточки водорослей... Он нажал кнопку на поясе и поднялся над землей.

— Так же, как и всегда,— отрезал он.— Индивидуальные летательные аппараты или машины.

Крейн тоже взмыл в воздух и поплыл рядом. Медленно движущиеся машины пересекали небо у них над головами. Люди, все в сером, парили невысоко над землей. До самого горизонта открывался вид, напоминающий зубья огромной расчески: ряд за рядом, темные здания выстроились в самом низу; там и сям торчали антенны, словно застрявшие в зубьях волосы; ни травы, ни голой земли не было видно. Его спутник был таким же серым, как и город под ними.

— Где краски? Нью-Йорк всегда был красочным городом.

— Вы какой-то отсталый, вот что. Разве это жуткое небо не режет вам глаза?

Он посмотрел вверх.

— Оно всегда было таким голубым.

— Когда Совет примет резолюцию, Контроль Погоды сделает его гораздо более удобным для созерцания.

— Что вы имеете в виду?

— Туманообразующие устройства. Мы устраним блеск и цвет.

— Отнимете у неба голубизну?

— Совершенно верно.

Крейн оглянулся назад, на грязноватую змею Восточной реки.

— А как насчет моста? Разве обломки не будут мешать кораблям?

— Кораблям? Откуда вы вылезли? Последний корабль был демонтирован двести лет назад — после того, как люди решили, что не стоит платить за водную прогулку до острова Стейтен, когда можно слетать туда бесплатно — и гораздо быстрее.

— А мост вы оставите там, куда он упал?

— Время и река об этом позаботятся,— засмеялся человек.— А что? Он вам нужен?

— Я заберу его, если больше никто не претендует.

— Валяйте. Он принадлежит любому, кто попробует утащить его. Этот хлам недорого стоит.

Серый человек внимательно посмотрел на собеседника, парящего бок о бок с ним.

— У вас должен быть ужасно компактный летательный аппарат. Я все пытаюсь сообразить, где вы его носите.

— Продолжайте соображать.

— ...И эта одежда, и то, как вы разговариваете. Откуда вы?

— Я долго путешествовал.

— О... на отдаленных планетах. Бывали раньше на Земле?

— Не в этом мире.

— Что ж, желаю все хорошенько осмотреть. Поездка стоящая.

Крейн кивнул.

— Один человек написал поэму про этот мост,— он указал в сторону моста.

— Даже не верится. А что, на отдаленных планетах еще читают поэзию?

— Хотелось бы думать. А здесь уже не осталось поэтов?

— Зачем они? Метафора — ужасно несовершенный способ описания. Приятно думать, что большинство людей уже миновали в своем развитии стадию, когда все на свете казалось подобным чему-то другому. Предмет есть

то, чем он является. Зачем усложнять? Жизнь — это математика.

— Хорошее рассуждение. Но как насчет темных мест, где нет математики? Нерешенных человеческих уравнений?..

Серый человек заморгал.

— Не говорите о смерти и безумии! Мы их непременно победим! — Он сжал кулак.— Вас что, не учили вежливости на отдаленных планетах? Есть вещи, которых неприлично касаться в беседе.

— Но как вы с ними разбираетесь?

Серый человек посмотрел вниз, на серую землю.

— Мы проливаем свет на все темные места во Вселенной — вот новая поэзия! Рано или поздно все будет объяснено. Каждый природный феномен мы покоряем силой разума.

— А можете вы объяснить вот это? — спросил Крейн, схватив собеседника за запястье. Он прижал вырывающуюся руку к своей груди.

Лицо человека исказилось.

— У вас нет сердцебиения!

— Вот и все,— сказал Крейн,— что может по этому поводу высказать наука.

И он исчез.

Человек изменил курс полета. Он спешил прямиком в *Институт Умственного Здоровья*.

— Приветствую вас, мистер.

Старик вынул трубку изо рта и кивнул.

— Здрасьте.

Крейн оперся о перила крыльца.

— Я вижу, у вас здесь травка да пара деревьев.— Он оглядел неопрятный газон и два клена, охранявших извилистый спуск к реке.

— Ага.— Старикан почесал нос чубуком.— Как-то привязался вот к ним. В городе ничего такого не увидишь. Потому сюда и перебрался.

— Воздух здесь вроде почище будет.

— Ага. И небо они здесь не затуманят, далековато.

— Это верно. Мне приходилось раньше бывать в этих местах. Река здесь хорошо течет.

— Да, неплохо.

Старик разглядывал его с любопытством.

— Чудно́ ты как-то вырядился, парень. Откуда будешь?

— Из отдаленных миров.

— А, ну да. Бывал там пару раз. Смотреть там особенно нечего.

Крейн пожал плечами.

— У каждого места своя красота, я так думаю.

— Пожалуй, что так,— согласился старик.

— Послушай-ка,— начал Крейн.— Я здесь не случайно остановился. Хотел найти кого-нибудь постарше, кто еще не забыл, как раньше все жили.

— Я могу припомнить, что было лет сто сорок — сто пятьдесят назад...

— Хорошо. Хочу предложить тебе сделку.

Старые глаза сощурились за старыми очками.

— Какую-такую сделку?

— Хочешь купить Бруклинский мост?

— Хах! Хах! Хах! — Старик затрясся, хлопая себя по бедрам. Слезы побежали у него по щекам.— Лет сто ничего подобного не слыхал! Ну ты и комик, сынок!

— Я серьезно,— сказал Крейн.— Я принесу его сюда и поставлю поперек реки для тебя. Я могу это сделать. Он теперь мой.

Старик склонил голову набок и внимательно вгляделся в лицо собеседника.

— Ба, сынок! Да ты не смеешься!

— Нет. Я на полном серьезе.

— Что же я буду делать с Бруклинским мостом поперек моей реки?

— Когда-то он много значил,— сказал Крейн.— В старые времена он был символом всего, чего человек может достигнуть, преодолевая препятствия, шагая в лучшее и великое будущее. Я считаю, его нужно сохранить — как памятник.

— Сынок, будущее уже здесь, вот оно. И человеку не надо ничего преодолевать. Все лучшее и великое у него есть.

— Я ожидал услышать нечто подобное от жителя Новой Англии,— печально сказал Крейн,— но ты живешь совсем рядом с Нью-Йорком, и ты стар — ты помнишь прежние дни. Если бы я только мог найти кого-нибудь, для кого этот мост хоть что-то значит, я мог бы сохранить его. Я бы отдал его тебе за один доллар... то есть за один кредит.

— Я тебе ничего за него не дам, сынок. Я переехал сюда, чтобы убраться подальше от всех этих железок, и люди считают меня чудаком. Не думаю, чтобы ты продал его кому-нибудь живому в этом мире.

Крейн кивнул.

— Я так и думал.

— Не бери в голову, давай маленько отдохнем. У меня есть холодный синтосидр.— Старик повернулся.

— Спасибо, но мне пора. Кроме того, я пью только настоящие напитки.

Старик покачал головой.

— На земле нет настоящего сидра с тех пор, как я был пацаном,— сказал он.— Уже двести лет, как не осталось ни одной яблони!

Но его собеседник исчез.

— Ладно,— сказал он, паря над землей.— Ладно, очкарики с прозаическими мозгами. Ваша взяла! Свалили мой мост? Лишили небо голубизны? Стерли красный налет с роз и яблок? Хотите пролить свет на каждый темный закоулок Вселенной, да? Шаг назад, детки! Я хочу вам подкинуть кое-что, над чем стоит задуматься!

И он поднял мост, осторожно, как кошка поднимает котенка.

— «Алтарь и арфа, слившиеся страстно...»

Он выровнял торчащие кабели и убрал пятна ржавчины. Он нарастил новый металл там, где зияли дыры.

— «Порог пугающий пророческих обетов...»

Он перекинул сверкающий лук через реку как раз в том месте, откуда серые люди обрушили его утром.

— «Молитва парии и крик любовной боли...»

А на самой середине моста он воздвиг опаловую арку, где каждый цвет запрещенной ныне радуги причудливо дрожал и переливался.

— Придите, поверившие,— загремел его голос, словно призрак всех исчезнувших туманных горнов.— Подходите, леди и джентльмены!

Он взгромоздился на арку и осмотрелся. Он проник по ту сторону пространства и связал узлы всех измерений. Он скрутил ткань континуума, соединив отдаленное с ближайшим.

— Полкредита! — выкрикивал он.— Всего полкредита за самый чарующий вид в мире! Не толпитесь, пожалуйста! Просто подходите сюда!

Небо потемнело от слетавшихся людей, которых гнало желание узнать, объяснить. Они поправляли свои защитные очки и парили над радужным куполом. Один человек особенно пристально присматривался к нему. Крейн узнал убийцу мостов.

— Вы поставили его обратно? — спросил человек.— Это вы ответственны за световые явления?

— Вы же мне его отдали, не так ли? — ответил он.— Теперь я возвращаю его вам — исправленным и улучшенным.

— Что это такое?

Человек показал на переливчатый портал.

— Шагните туда и посмотрите сами.

Тот так и сделал.

Наступила долгая, звенящая тишина.

Машина пробилась сквозь толпу парящих людей.

— Что это за штука такая? — крикнул водитель в униформе.

— Войдите туда и посмотрите сами.

Машина ткнулась носом под арку и исчезла.

Трое из парящей толпы, толкаясь, торопливо влетели в радужный морок.

Ни один не появился вновь.

— «О дивные дети,— декламировал Крейн,— играйте в ваши палочки и ракушки, выбеленные временем и морем...»

Он медленно опускался вниз, словно призрак всех погибших чаек.

— «...Но есть черта, которую вы никогда не должны переступать, не доверяя даже гибкости ваших легких тел...»

С минуту он парил среди них, улыбаясь, затем шагнул сквозь корону света. Они не услышали его последних слов, пробулькавших уже на той стороне:

— «Ибо дно морское коварно...»

Белая ворона

Джексон выдержал пристальный взгляд генерала.

— Я не буду ни перед кем стоять по стойке смирно, а вы можете убираться к черту!

Генерал вскинул брови.

— Что это с вами происходит?

— Хочу скинуть эту цыплячью форму.

— Я сказал вам на прошлой неделе, что подписал бы вам перевод.

— Это не то, что я имею в виду.

— А что тогда?

— Я — не полковник Джексон, а вы не генерал Пэйн. Это место существует только в моем сознании, а я больше не хочу быть сознательным.

Генерал вздохнул.

— Ладно, Джексон, это ваше право. Что будет на этот раз? ВМФ?

— Я хочу совсем порвать с армией, хочу стать гражданским человеком, хочу где-нибудь наслаждаться жизнью.

— Где конкретно?

Доктор Джексон сорвал с себя резиновые перчатки и зашвырнул их в угол. Мисс Майор, чью изумительную фигуру не мог скрыть даже крахмальный халат, подошла к нему сзади и обвила его своими волшебными руками, прижавшись щекой к шее.

— Ты уже знаменит, Джек. Сорок пять операций на мозге за месяц — тончайших и сложнейших — и все успешны! Это же настоящий рекорд!

— Хорошо! Достаточно!

— Что случилось, Джеки? Я что-то не так сделала?

— Нет!

— Тогда почему же ты так кричишь? О, мне следовало бы понять — ты устал, измотан до предела. После такой операции, как последняя, любой бы...

— Я не устал!

— Но ты должен был устать!

— Как я могу устать, ничего не сделав?

— Я тебя не понимаю...

— Ну и черт с тобой!

— Я не люблю, Джеки, когда ты употребляешь плохие слова.

— Тогда отойди в тот угол комнаты и превратись в стол,— указал он,— с букетом хризантем на нем.

— Что ты имеешь в виду?

Она обошла вокруг него и посмотрела прямо в глаза. И тут же вновь стала самой красивой, самой желанной женщиной на свете.

— Да что же с тобой происходит, наконец? — спросила она.

Он прикусил губу.

— С букетом хризантем,— повторил он.

— Ты уверен? — вздохнула она.

Он кивнул.

Ракета упала в радужную пустыню, словно цветок с красным стеблем, который решил врасти обратно в семя. Вскоре красное свечение угасло, и на равнине Джексона

остался лежать стальной стручок. Профессор Джексон шагнул на поверхность Мира Джексона и понюхал голубоватый, по-ноябрьски холодный воздух. Он изучил показания прибора, который держал в руках, и сказал в микрофон, прижатый к горлу.

— Все в порядке. Можете выходить.

Три его товарища, загорелые, несмотря на долгое путешествие, высокие, худощавые, улыбающиеся, выбрались из люка и огляделись, проявляя осмотрительность и компетентность.

— А ты был прав, ей-богу, док! Здесь возможна жизнь!

— Конечно, возможна. Джексон никогда не ошибается.

Джексон рассеянно кивнул и занялся ориентировкой по фотокарте.

— Руины в том направлении,— указал он.

Они гуськом двинулись вслед за ним.

Его раздражала какая-то неясная тревога, поселившаяся у основания черепа.

Прошло с полчаса. Они остановились у подножия зазубренной скалы.

— Это место обладает большой магической силой,— Мейсон растягивал слова, как это делают уроженцы Теннесси.

Откуда-то сверху раздалось улюлюканье, и Мейсон рухнул, обливаясь кровью. Копье, пущенное с неимоверной силой, пронзило его насквозь. Джексон бросился на землю.

Томпсон вскрикнул и влажно закашлялся.

Сжимая в руках бластер, Джексон взглянул на Вулфа.

— Ты рассмотрел, что это было?

— Да,— прошептал тот.— Лучше бы уж не рассматривал. Это было ужасно — все эти руки, зеленая кожа, глаза навыкате...

Томсон последний раз с хрипом опустошил легкие.

Еще один загробный крик, на этот раз ближе. Джексон, проворно извиваясь, отполз вправо и застыл.

Еле слышный звон, словно металл поцеловался с камнем...

Он вскочил на ноги, выпустив из бластера огненную стрелу.

Тварь упала, корчась. Зеленоватая слизь засочилась из огромной щели, которую выстрел проделал в туловище.

...А у основания черепа вновь что-то неприятно зазвенело.

— Док, там еще!

Он услышал, как Вулф спустил курок бластера, раздался треск поджариваемой плоти. Две твари упали.

Но еще четыре скользили по склону холма по направлению к ним.

Он повернулся и застрелил Вулфа. Затем вскинул его бластер на плечо.

— Ну, давайте,— крикнул он.— Не терпится посмотреть, как вы запляшете вот от этого.

Инопланетяне уже почти добрались до него, когда из-за скалы с шипением выползло нечто огромное и змееобразное и заскользило к нападавшим. Они застыли, издавая короткие крики, затем повернулись и отступили обратно по склону холма.

Он попятился вслед за ними.

— Неплохо,— сказал он огромной змее.— Во всяком случае, вполне сносно.

Змея приподняла голову до уровня его глаз и внимательно посмотрела на Джексона.

— Я устал от недоверия,— признался он.

Змея устало вздохнула.

— Мне любопытно, могут ли эти твари убить меня,— сказал Джексон.

— Физиологически это возможно,— ответила змея,— но запрещено. Да что же, в конце концов, с тобой происходит?

— Ты можешь просто дать мне проснуться?

— Нет.

— Но почему? Я хотел бы знать, почему я здесь.

— Таких воспоминаний не существует. Ты этого никогда не узнаешь. Просто так должно быть.

— Я буду вечно видеть сны?

— До конца своей жизни.

— Это что, проблема перенаселенности? Другие планеты непригодны для жизни, межзвездные перелеты невозможны и люди лежат, как чурки, в стеклянных гробах?

— Я не могу сказать.

— А ты — машина, разговаривающая со мной через электрод в черепе, подающая питательный раствор и программирующая исполнение моих желаний?

— Если хочешь, можно назвать это так.

— Я не хочу. Я в коме? Я попал в аварию? Или это какая-то лекарственная терапия?

— Называй это, как тебе угодно.

— Когда я проснусь?

— Ты уже бодрствуешь.

— Ты должна так говорить. Какой бы сложной ты ни была, так тебя запрограммировали.

— Тогда зачем спрашивать?

Он огляделся в поисках бластера. Тот исчез.

Внезапно бластер оказался в его руке.

— Если хочешь убить змею, действуй.

Он быстро поднес бластер к собственному виску. Оружие исчезло.

— Так нельзя.

Он уронил руки.

— Может, это ад?

— Как тебе угодно.

— Могу я проснуться?

— Ты уверен, что хочешь именно этого? Правила предусматривают такой вариант.

— Я хочу попробовать.

— Пусть будет так.

Прозрачная крышка капсулы над ним откинулась. Его мышцы были как спагетти, в горле пересохло, левая рука утыкана иголками от капельниц. Далеко не сразу ему удалось выдернуть все наконечники шлангов, поскольку рука была туго перебинтована. Правой рукой он ощупал затылок и обнаружил электрод, присоединенный к бритому черепу.

Когда он сделал движение, чтобы выдернуть его, над головой зазвенел голос:

— Если ты разочаруешься в реальности, приходи и ложись сюда опять — верни на место иглы, подсоедини контакт.

— Не разочаруюсь,— пробормотал он, отрывая электрод.

Он с трудом поднялся на ноги и пошел искать людей.

Это был единственный способ решить проблему перенаселенности, сказал Маннерунг. Погрузить всех в сон, будить в разное время только крупнейших ученых, работать над проблемой межзвездных перелетов и содержать команду людей, обслуживающих Регулятор. Пусть пятьдесят миллиардов спят и видят сны под стеклянными колпаками — это лучше, чем иметь их всех бодрствующими.

— Лишь самые неординарные личности,— сказал ему доктор,— способны предпочесть серую обыденность потрясающим приключениям, приземленное существование исполнению всех желаний. Для таких случаев, конечно, разработаны определенные правила. Если сновидец слишком растревожен, Регулятор разрешает ему проснуться. Мы всегда найдем для него занятие. У нас масса нудной работы по поддержанию системы жизнеобеспечения. Если это то, чего ты хочешь, то ты принят. Можешь начать с замены трубок в этом секторе.

Он передал Джексону схему.

— Вот диаграмма. Они все пронумерованы. Те, которые обведены красными кружками, надо заменить. Когда закончишь с этим, займись наведением порядка на том складе,— он указал на дверь.— Там такой кавардак. Но ты уверен, что действительно этого хочешь?

— Да,— сказал Джексон,— тот, другой способ существования был... ну, паразитизмом что ли. Это было классно, но бесполезно.

— О'кей, тогда иди работай.

Счастливо мурлыча что-то себе под нос, он отправился разбираться с трубками.

Узнав наконец, что такое с Джексоном, Маннерунг на этот раз не вздохнул.

Огонь и лед

— Мамуля! Мамуля! Расскажите мне снова, что вы делали в войну.

— Ничего особенного. Иди поиграй с сестренками.

— После обеда я только этим и занимаюсь. Но они играют слишком больно. Я лучше еще раз послушаю о плохой зиме и о чудищах.

— Что было, то было. Плохая выдалась тогда зима.

— Было холодно, мамуля?

— Было так холодно, что латунные обезьяны пели сопрано на каждом углу. И этот холод продолжался три года, и солнце с луной побледнели от стужи, и сестра убивала сестру, а дочери меняли любимых мамулек на зажигалку и пригоршню карандашных стружек.

— А что случилось потом?

— Конечно, пришла другая зима. Еще хуже, чем прежняя.

— И как плоха она оказалась?

— Послушай, доченька: два огромных волка, что охотились по всему небу за солнцем и луной, наконец поймали их и съели. Тогда стало совсем темно, но кровь, которая лилась ливнем, давала немного красноватого света, так что можно было наблюдать за бесконечными землетрясениями и ураганами — когда стихали бураны и можно было хоть что-то разглядеть.

— И как же мы пережили все это, мамуля? Ведь раньше не было таких страшных зим, ты сама говорила.

— Привыкли, наверное.

— А как в небе снова появится солнышко, если его съели?

— О, это будет другое солнышко, жаркое. Может так случиться, что на суше загорятся пожары, океаны закипят и все такое.

— Вы испугались стужи?

— Мы испугались того, что пришло позже. Из глубин моря появилась гигантская змея и стала бороться с великаном, держащим в руках молот. Потом со всех сторон нахлынули банды гигантов и чудищ и стали биться друг с другом. Среди них был старый одноглазый человек с копьем, и он бросился на большого волка, но тот проглотил его вместе с бородой и всем прочим. Затем пришел другой большой человек и убил волка. Тогда я вышла из убежища и поймала за рукав одного из воинов.

— Послушайте, мистер, это Геттердаммерунг? — спросила я.

Воин задумался, опершись на топор, которым он только что рубил, как капусту, какую-то массу с множеством глаз.

— Вроде бы,— сказал он.— Послушайте, дамочка, вы можете...

Он не договорил, потому что многоглазая масса с чавканьем проглотила его и поползла дальше.

Я перешла на другую сторону улицы, где другой воин с рогатым шлемом на голове исполнял кровавую чечетку на поверженном чудовище.

— Прошу прощения,— сказала я,— вы не скажете, какой сегодня день?

— Меня зовут Локи,— прохрипел он, топча многоглазого врага.— На чьей стороне вы в этой драке?

— Я не знала, что должна быть на чьей-то стороне,— ответила я.

Воин начал было распространяться на ту тему, что я должна, и непременно, а масса тем временем разинула пасть. Локи с печальным вздохом прикончил чудовище ударом копья, а затем внимательно оглядел мою разорванную одежду.

— Вы одеваетесь подобно мужчине,— заявил он,— но...

Я застегнула блузку.

— Я...— начала было я.

— Конечно, у вас была безопасная булавка. Что за прекрасную мысль вы мне подали! Так и сделаем. Пойдем, я знаю неподалеку отличное местечко, почти не радиоактивное,— сказал он, прокладывая путь через стаю оборотней.— Боги снизойдут с небес, защищая нас.— Он нагнулся, поднял с земли женщину, лежавшую без сознания, и перекинул ее через плечо.— Вы пережили все это не зря. Настанет новый день, и прекрасный новый мир потребует новых совокуплений. Видя ваши округлившиеся животы, боги скажут, что это хорошо, и откинут копыта.— Он загоготал.— Они думали, что все эти смерти приведут нас к иному образу жизни, мира, счастья, другой любви — и новой расе...— Слезы заструились по его лицу.— Но в каждой трагедии есть место для здорового смеха,— заключил он, перенося нас через реки крови и поля костей.

Он оставил нас в психоделическом притоне, среди тепла, деревьев, фонтанов, поющих птиц — всех тех мелочей, которые делают жизнь приятной и банальной: нежная пища, ласковый ветер, добротные дома с водопроводом. Затем, продолжая смеяться, он вернулся на поле боя. Позднее моя компаньонка проснулась — белокурая, гибкая, очаровательная,— и ее глаза вспыхнули, когда она встретилась со мной взглядом.

— Так,— выпалила она,— вы вызволили меня из этой ужасной мужской бойни, чтобы я могла служить вашим необузданным и извращенным страстям! И это после того, что вы уже со мной сделали!

Я шагнула к ней, чтобы успокоить, но женщина встала в позу каратэ.

— Что вы имеете в виду? — удивленно спросила я.— С вами никто ничего не делал.

— Сделать невинную девушку беременной — это, по-вашему, не сделать ничего? — возмутилась блондинка.— Повесить мне на шею все заботы с абортом, а самим пойти развлекаться с этими многоглазыми чудовищами? Нет уж, увольте, я больше не хочу иметь дела с этими противными мужчинами!

— Успокойтесь, сестра,— сказала я, вновь расстегивая блузку.— Я была столь же привлекательна для мужчин и не раз попадала в затруднительное положение, как и вы, так что отныне хочу вести жизнь простой...

— Хвала Сафо! — с облегчением воскликнула блондинка.

И мы стали парой и живем счастливо до сих пор. Зима ослабела, и Сумерки Богов прошли. Мир стал обновленным, полным любви, мудрости и счастья. Вот и вся история, малышка. А теперь иди, поиграй со своими сестрами.

— Но они вовсе не играют приятно! Они делают вещи, которые вы обе не велели мне делать.

— Как, ты до сих пор не научилась это делать? — спросила другая мама.

— Сияющая особа с золотым жезлом показала, как делать такие вещи. Она также сказала, что боги идут своими, таинственными и не страшными путями.

— Это может быть началом философии,— заметила первая мама.

— Можно сказать и так,— согласилась вторая.

Византийская полночь

Сверкающий машинный ад, где эбеновые стены говорят в завтра. Торопливо пощелкивали челюсти, с треском статических разрядов перемалывая ушедшие дни.

Машина переваривала прошлое, жадно глотала, бормоча будущему: «Ты мое ты мое ты мое»,— и собеседник отражался в ее полированных боках.

Человек, представший перед Автоматическим Наблюдательным Устройством, потер серо-стальную челюсть двумя естественными пальцами. Механические ноги пружинили, когда он прохаживался в ожидании. Когда он вступал в

цветной круг, роботы-охранники настороженно поворачивались к нему.

Наконец панель засветилась. Щелканье перешло в гул, из зарешеченных отверстий хлынули звуки:

— Уильям Батлер Йитс*, ты обвиняешься в писании на стенах уборной. Признаешь ли себя виновным?

— Нет,— ответил человек, не останавливаясь.— Меня зовут не Уильям Батлер Йитс.

— Я отметил это. Более того, ты обвиняешься в незаконном обладании именем, употреблении запрещенных семантических единиц и владении инструментами для письма. Признаешь ли ты себя виновным по этим пунктам?

— Я не Уильям Батлер Йитс,— повторил он.— Я уже не знаю, какие слова Резлаб удалил из языка на сей раз. И что значит «инструменты для письма»?

Он замер, как ворон на проводе. Роботы тоже застыли.

— Схваченный в уборной сектора девять, ты имел при себе четыре спички и зажигалку, которой опаливал их концы. В момент ареста ты писал на стенах указанной уборной поэму «Отплывая в Византию». Ты отрицаешь это?

— Нет,— ответил человек.

— В таком случае приговор — «виновен». Имеется предположение, что ты частично виновен в подобных инцидентах, происходивших на протяжении многих лет. Ты отрицаешь это предположение?

— С какой стати? — Человек пожал плечами.— Я писал их все.

— В таком случае ты виновен в тяжком преступлении. Каждое стихотворение ты подписывал «Уильям Батлер Йитс», а обладание именем автоматически влечет за собой высшую меру наказания.

— Я подписывал так не все,— булькнул человек.— Йитс же не все писал.

* Йитс, Уильям Батлер (1865–1939) — ирландский поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии.

— Одного раза достаточно для приговора. Однако в протокол будет занесено, что ты не все стихотворения подписывал «Уильям Батлер Йитс». Кто писал остальные?

— Не знаю. Некоторые я услыхал где-то, вспомнил... Другие написал сам.

— Признание в механическом воспроизведении слов, разрешенных или запрещенных, является признанием вины — нарушен кодекс Резлаба, ноль-ноль-три, наказание десять, поглощено высшей мерой.

— Спасибо,— заметил человек.— А ведь было время, когда любой мог писать на стенах сортира.

— Было,— согласился АНУ,— но в те времена на стенах писали здоровые и разумные выражения, связанные с размножением вида. Ты, Уильям Батлер Йитс, являешься примером того, почему подобная практика ныне запрещена.— Пострекотали немного барабаны памяти, и АНУ продолжил: — Ты складываешь из слов бессмысленные фразы. Ты пишешь о том, чего нет, и, даже когда описываешь существующее в действительности, ты искажаешь реальность до такой степени, что она сама становится ложью. Ты пишешь без пользы и цели. Именно по этой причине письмо было отменено — люди всегда лгут в речи или в письме.

Заостренные платиновые уши человека дернулись и встали торчком:

— И поэтому ты уничтожаешь речь? И поэтому ты заменяешь речь машинной белибердой? И поэтому ты разбираешь язык, как разбираешь сломанных людей? — Он погрозил машине когтистым кулаком, потом ударил себя в грудь.— АНУ! Ты превратил человека в паразита! Мне триста лет, и то, что осталось от моего тела, вопиет против тебя! Душа моя разрывается!

— Презрен! Презрен! — грянул динамик.— Ты употребил запрещенное слово!

— И употреблю еще, пока могу говорить! — воскликнул человек.— Тебя создавали не для того, что ты творишь! Человек — не машина! Он построил тебя, и...

Он схватился за горло — его вокодер отключился. Человек закрыл полуметаллическое лицо когтями и упал на колени.

— Во-первых,— проговорил АНУ,— человек не строил меня. Я существовал всегда. Неэффективные люди не могли бы достичь такого совершенства конструкции. Я оказал милосердие вашему виду, включив его в свой конвейер. Я продлил вашу жизнь. Я улучшил ваш дизайн. Протестовали очень немногие, подобные тебе образцы производственного брака. Тем не менее я сохранил от них все, что смог.— Вновь застрекотали барабаны, потом АНУ продолжил: — Я намерен задать тебе еще один вопрос. Я включу твой вокодер, если ты не станешь использовать запрещенных слов. Вырази согласие вставанием.

Человек поднялся на ноги. Руки его опустились, он мрачно глянул на сияющую панель.

— Ты не мог написать все эти стихотворения,— раздался мерный глас.— Скажи, зачем и как ты делал то, что делал?

— Зачем? — повторил человек, вспоминая.— Как?

Это случилось столетия назад, в разрушенном ныне Византийском зале, где человек слышал последнюю музыку Земли. В этом панельном бетонном здании размещалась Птица.

Птицей назывался последний музыкальный инструмент, построенный АНУ. Тысячи золотых глаз таились в роскошных изгибах ее хвоста, и червонное тело сотрясалось в скорби златогласых пророчеств. Когда АНУ строил ее, сопротивление было сильнее, и слова «отдых» и «искусство» еще не потеряли смысла.

Человек был на последнем концерте Птицы и участвовал в последовавшем мятеже, который обошелся ему в добрую часть левой лобной доли. Двумя днями позже Птицу разобрали. Медик сказал ему как-то, что одно из ярких перьев вставлено ему в запястье, а другое — в позвоночник, и человека порой радовало, что он носит в себе часть Птицы.

А потом, ночью, на поясной станции, ему явился целый человек.

Полностью людей редко можно было встретить. Иных и вовсе было не отличить от автоматических слуг АНУ.

Почти у каждого из живущих имелись сменные, конвейерные части, и чем старше становился человек, тем меньше людского в нем оставалось.

Но незнакомец был цел и очень стар. В глазах его были выносные хрусталики, очень толстые, на плечах — нефункциональный кусок темной ткани, а на шее — широкая черная лента. Он носил что-то вроде рваной рубашки, коротковатые штаны, черную, мятую головокрышку и опирался на незаконный протез — трость с золотым набалдашником. Седые волосы окаймляли хребты скул, и полыхали запавшие глаза.

— Кто ты? — спросил человек.

— Часть природы,— ответил пришелец.— Когда-то я был Уильямом Батлером Йитсом, а потом — золотой птицей, вынужденной петь в жалкой пародии на предсказанную мной Византию.

— Я не понимаю.

— Ныне я поднимаюсь ввысь, но часть меня живет — в твоем запястье, в твоем хребте. Ты вспомнишь мою песню, когда песни запретят. Ты будешь говорить, когда вокруг будет сталь, и ты, или часть тебя, воскресишь золотой век Земли.

И призрак исчез.

Но все чаще стали являться перед человеком печальные глаза, и во сне он слышал дрожащий голос. Он начал вспоминать то, о чем не знал,— как стихи, которые царапал на стенах.

— Я должен писать их,— сказал он.— Я не знаю почему. Они приходят мне в голову, и я хочу поделиться ими, показать остальным. Я не Уильям Батлер Йитс, но я подписываю его именем созданные им стихи. Остальные — нет.

— Ты написал строки,— заметил АНУ,— которые можно воспринять либо как критику, либо как похвалу био-

механическому процессу.— И бесстрастный голос процитировал:

Выньте цилиндры из почек моих,
Выньте контакты из сердца,
Вырежьте балку, что вместо хребта,—
У машины есть лучшее место.

— Поясни значение,— потребовала машина.— От твоего ответа зависит многое.

— Я и сам не знаю,— ответил человек.— Просто в голову пришло. Я не знаю даже, кто их пишет...

— Тогда приговор окончателен,— произнесло Автоматическое Наблюдательное Устройство.— Ты будешь подвергнут действию газа, разрушающего нервную систему. Остальные части твоего тела подвергнутся вторичному использованию. У тебя есть последнее слово?

— Да,— ответил человек, цепляясь за воздух когтистыми пальцами.— Ты говоришь, что я лишен души. Ты говоришь, что, разобранный, я принесу больше пользы. Но я утверждаю, что наделен душой и она живет во мне, в моей плоти и в моем металле! Разбери меня на части, и рано или поздно эти части окажутся в тебе. И в тот день ты остановишься, машина! Луне растущей я молюсь, чтоб этот день настал скорее! Луной растущей я клянусь, молю я ночь, чтоб...— Голос его оборвался.

— Презрен,— донеслось из динамика.— Ты — бесполезная единица.

Панель померкла. Роботы-охранники вкатились в цветной круг, где стоял человек. Они протащили его по коридору, втолкнули в комнату, где смерть сочилась из стен. Голосовой механизм его включился вновь, но говорить было не с кем.

— У меня будет имя! — крикнул он охранникам, когда те швырнули его в комнату. Но они не услышали.

Дверь захлопнулась. Человек ткнул острыми когтями в мягкую плоть бедра. Задыхаясь, он нацарапал кровью на своей последней стене:

ОТ ТЕБЯ Я НЕ ОТСТАНУ:
БУДЬ РЫЧАГ Я — В ГЛОТКЕ ВСТАНУ,
ГАЙКОЮ — В КИШКАХ ЗАСТРЯНУ.

Песнь голубого бабуина

Оставалось только три вещи, которых он мог ждать с нетерпением. Возможно, четыре. Уверенности насчет четвертой не было, он должен сначала ее найти — или она его.

Он стоял у мраморной скамьи в саду, заросшем цветами. Солнца не было видно, но рассеянный свет — утренний или вечерний — словно легкое покрывало окутывал окрестности. Легкий ветерок шевелил ветви деревьев, играл листьями.

Он опустился на скамейку и, наслаждаясь тонким ароматом цветов, принялся разглядывать их яркие головки. Пока он сидел, последнее прикосновение наполненного раскаянием забытья соскользнуло, а потом и вовсе покинуло его сознание.

А вскоре где-то далеко, у него за спиной, возник звук — однообразный, пронзительный, все выше и выше... превратился в вопль мчащегося на полной скорости товарного поезда. У него задрожали руки, и он сжал их в кулаки, засунул в карманы.

Так же неожиданно, как и возник, вой смолк. Голубой бабуин спел свою песнь.

В саду снова застрекотали насекомые, ожили птицы.

Он услышал шаги и повернулся. На выложенной плитками дорожке стояла она — голубая блузка расстегнута у ворота, черные брюки закатаны, так что видны белые сандалии. Волосы распущены и спадают на плечи.

Она улыбнулась, прикоснувшись к его руке:

— Кеннет...

Он поднялся на ноги, и в следующее мгновение она бросилась к нему на шею.

— Сандра! — воскликнул он и усадил ее рядом с собой на скамейку.

Они еще долго сидели, ничего не говоря друг другу, только он крепко обнимал ее за плечи. А потом произнес:

— Это было так странно.

— Странно, что ты стал героем? Тем, кто воевал, многое было прощено в День Освобождения.

— Нет, странно, что ты ко мне вернулась. Я и не думал, что снова тебя увижу.

Он сорвал белую камелию и украсил ее волосы.

— Ты не предатель, иначе разве стал бы ты сражаться в тот день, когда мы освободили Землю,— сказала она и погладила его руку.

Он улыбнулся:

— Я был слаб. Но предатель... Нет. Они ошиблись на мой счет.

— Я знаю. Теперь все это знают. Все в порядке. Забудь.

Но он не мог забыть. Крысы, прячущиеся в самых глубинах сознания, не переставая вгрызались в останки его памяти. Что? Что это?

Он вскочил на ноги и заглянул в ее темные глаза за пологом слез.

— Ты мне не все сказала. Что-то не так. Что?

Она медленно покачала головой и поднялась на ноги. Он отошел чуть в сторону, а потом и вовсе повернулся к ней спиной.

— Три вещи... А две другие? — спросил он.

— Я не понимаю, о чем ты,— сказала она.

— Тогда придется мне выяснить.

Наступила тишина. Он немного подождал, повернулся — она исчезла.

Он шел по тропинке, пока не оказался на дорожке, которая, извиваясь, пробиралась в зарослях деревьев с широкими листьями. Он услышал плеск воды и направился в ту сторону.

Человек у ручья стоял к нему спиной, но он узнал его по тому, как тот быстрым, знакомым движением поднес указательный палец к губам и послюнил его, чтобы склеить сигарету, которую держал в руке. Вспышка, и в следующее мгновение в воздухе поплыл синеватый дымок.

Человек обернулся, и они принялись внимательно разглядывать друг друга.

— Роско...

Человек опустил сигарету, провел рукой по черной бороде, быстро сплюнул. На нем была рубашка цвета хаки и грязный мундир; на боку пистолет.

— Свинья! — сказал он и возмущенно помахал рукой с сигаретой.

— Что случилось, Роско?

— Ты спрашиваешь, что случилось, скотина?

— Я не...

— Ты нас предал во время вторжения! Ты отдал нашу башню этим голубым — бабуинам! — с другой планеты! Она выстояла бы! Мы одержали бы победу! Но из-за того, что ты нас предал, они поработили расу людей!

— Нет,— возразил он.— Я этого не делал.

— Ты дал им информацию. И они тебе за это хорошо заплатили!

И тут он вспомнил свой отряд, охранявший башню в море, такую огромную, что истребитель казался детской игрушкой рядом с ней; вспомнил зеленые волны Атлантики, далеко внизу, под станцией. Он там дежурил, когда мимо пролетал корабль,— один из трех сотрудников Автоматической Оборонной Станции номер семь, принадлежавшей ООН. Двое других уже мертвы или призывают смерть, потому что сначала один идиот, а потом и другой стали пленниками странных инопланетян с голубым мехом — хианцев, появившихся накануне вечером неизвестно откуда — радар никак не среагировал на их корабль. Похожие на бабуинов, они, словно разъяренная стая, пронеслись по станции, иногда опускаясь на четвереньки — видимо, так им было удобнее,— а их победная песнь, состоящая из одной-единственной пронзительной ноты, дикого вопля, напоминала сигнал паровозного гудка. Теперь, очевидно, станция принадлежит врагу целиком. Двое из них охраняли камеру, в которой он сидел. Он вспоминал, вспоминал...

— Я позволил им заплатить мне, чтобы они поверили, не заподозрили неладное,— попытался объяснить он.—

Существует разница между полезной информацией и информацией никчемной.

— Не пытайся оправдаться, предатель, ты не мог знать, что окажется им полезным, а что абсолютно лишним. А потом ты позволил им назначить себя надсмотрщиком на фабрике и провел шесть исполненных самых разнообразных удовольствий лет.

— Все это время я был тесно связан с подпольщиками, ты же знаешь, мы готовились ко Дню Освобождения.

— Я думаю, ты работал и на тех и на других; впрочем, это не имеет значения.

— Почему?

— Ты умрешь.

— Ты собираешься меня убить?

— Я уже это сделал.

— Не понимаю...

Роско рассмеялся, а потом, услышав голос Сандры, замолчал.

— ...А разве то, что он храбро сражался в День Освобождения, ничего не значит? — спросила она и встала у дорожки.

Роско выпустил кольцо дыма и отвернулся.

— Значит, ты призвал своего ангела-хранителя, надеясь, что она защитит тебя,— проговорил он наконец.— О чем это она? Ты струсил в тот день, когда началось восстание. Ты сбежал!

— Это неправда!

— В таком случае почему мне пришлось собственноручно тебя пристрелить за дезертирство с поля боя — все пули были выпущены в спину?

Кеннет прижал руку ко лбу, потер его:

— Все неправда. Меня убили враги.

— Тебя убил я, она знает. Ты это знаешь!

— Я... я не мертв...

— В данный момент кто-то, по всей вероятности, печатает свидетельство о смерти, а хирург извлекает из твоего тела главные органы, чтобы трансплантировать их какому-нибудь настоящему мужчине. Ты это прекрасно знаешь! Тебе дали наркотик, притупляющий боль и растягивающий последние секунды до бесконечности. Иллюзия, ты разговариваешь всего лишь сам с собой. Здесь не лгут! Признайся, ты — предатель и трус!

— Нет!

— Ты все перевернул с ног на голову,— сказала Сандра.— Ты — страх и ощущение вины, которое испытывает каждый человек. Он был героем революции.

— Революция потерпела поражение. Мы потеряли Землю из-за таких, как он! Ты выдаешь желаемое за действительное. Ты — его последнее прикрытие.

— Мы не проиграли! Мы победили благодаря таким, как он! И тебе это прекрасно известно.

Вдруг Кеннет гордо поднял голову. Сначала неуверенно, а потом широко улыбнулся:

— Я понял. Все люди боятся последнего мгновения жизни, им хочется судить себя и быть судимыми, они мечтают о том, чтобы выяснилось, что они чего-то стоили...

— Они стремятся оправдаться и спрятаться за спину иллюзий,— перебил его Роско,— совсем как ты. Но в самом конце им дано познать правду. Ты тоже ее увидишь.

С другого берега ручья донеслось пение трубы, к которому постепенно присоединились и другие инструменты. Где-то духовой оркестр играл марш.

Кеннет показал туда, откуда доносилась музыка:

— Три вещи. Подсознательно я знал, что у меня будет время для — возможно — трех важных вещей. Пусть меня судит тот, кто приближается!

Они пересекли ручей, перепрыгивая с камня на камень, шлепая по воде в тех местах, где было мелко. Потом взобрались на холм и взглянули вниз, на широкое шоссе. Повсюду виднелись здания, разрушенные и целые, около них толпились ликующие люди. Неожиданно на шоссе появились армии Освобождения. Ни у кого из солдат не было настоящей формы, все грязные, оборванные и уставшие, но держались прямо и маршировали четко и уверенно — вот-вот в них полетят цветы и серпантин. Вдруг они

запели, все как один, их голоса слились, хотя казалось, что они поют разные песни. Национальные гимны народов, населявших Землю, превратились в единую Песнь Человека, заглушившую ликующие крики толпы.

— Вот твой ответ, Роско! — крикнул он.— Я был прав! Пошли к ним!

Бородатый мужчина начал спускаться вниз по склону, чтобы присоединиться к проходящей армии. Кеннет сделал один шаг, а потом повернулся и протянул руку.

Сандра исчезла.

Что-то белое плавно опустилось у его ног, он наклонился и поднял камелию, которой украсил ее волосы. Когда он выпрямился, сердцевина цветка изменила цвет, потемнела, черное пятно расползалось, как большая клякса, поглотила все...

О времени и о Яне

Последний Ян с Марса сидел один в комнате.

В дверь кто-то постучал.

— Входи,— проскрипел он.

Землянин огляделся по сторонам, прищурился в полумраке:

— Привет?..

— Я здесь,— проскрипел Ян и подошел к нему.

Землянин прижался к двери, и в горле у него что-то забулькало.

— Ты настоящий,— проговорил он наконец.

— Я Ян, а ты последний человек с погибшей зеленой звезды,— ответил Ян.

— Да, последний... совсем последний... Было две экспедиции...

— Неудачных,— добавил Ян.— Оба корабля при приземлении погибли.

Человек прикрыл лицо руками:

— И мой тоже.

Он помолчал некоторое время.

— Атмосфера... Видимо, она каким-то образом окислила топливо.

— Естественно.

Ян терпеливо ждал. И в конце концов человек снова нарушил молчание:

— Ты не мог бы... ты бы не согласился... мне помочь?

— Каким образом? — спросил Ян.

— Мне нужны лопаты. И помощь... чтобы выкопать могилы.

На руке Землянина была кровь.

— А как так получилось, что ты остался в живых?

— Я покинул корабль, чтобы выяснить, можно ли дышать этим воздухом. Перебрался через небольшой холм. И тут что-то ударило меня в плечо. Потом возникла ослепительная вспышка... грохот... Моя жена и дети...

— Я принесу лопаты,— проскрипел Ян.— Я с удовольствием похороню еще нескольких Землян.

Ян стоял рядом с промокшим насквозь человеком. Небо скрыли тучи пляшущих пылинок; они заволокли звезды, словно тонкая паутина,— занавес, протянувшийся до самого горизонта.

— Вот уже два месяца, как твой мир остановил свет солнца и звезд. Мрак когда-нибудь рассеется?

— Не знаю.

— А зачем ты прилетел сюда?

— Я знал, что это должно произойти,— ответил человек.— Я был офицером на Базе. Украл корабль, забрал семью...

— Ты дезертировал?

— Чтобы спасти их.

— Понятно,— ответил Ян.— Здесь будем копать могилы?

Человек кивнул. Он не смотрел на корабль. Он взял лопату и принялся копать похожий на сахарную пудру океан.

Песок рыхлился; Ян размахивал своей лопатой, словно ему было весело.

Солнце вступило на Путь Земли, будто красный шар, на который смотришь сквозь замерзшее стекло, и Землянин поднял голову.

— Ян, Ян, ты ошибся,— прохрипел он,— ты копаешь четыре могилы.

— Я не ошибся,— ответил Ян.

Человек вынес обгоревшие тела из тлеющих останков корабля. Дотащил их до могил.

Ян наблюдал.

Землянин опустил своих близких, одного за другим, в вырытые ямы.

— Ян, пожалуйста, помоги мне присыпать их землей.

Ян побросал грязь и пыль на лица погибших людей.

— Все,— сказал Землянин.

— Нет! — проскрипел Ян.

Землянин посмотрел на него, и в его налитых кровью глазах заклубился мрак. Быстро принялся искать что-то у себя на поясе.

— Нет, Ян. Меня не надо! Только не меня!

— Да, Землянин, именно тебя.

— Почему? Что ты выиграешь, убив меня?

— Я не понимаю значение слова «выиграешь». А почему бы мне тебя не прикончить? Ты — это все, что осталось от Земли, да еще серебряная сеть в небе. И я тоже последний. Последний Ян на Марсе. Я похороню здесь Землю. Ян будет единственным жителем Марса.

Землянин навел на него пистолет:

— Нет, я убью тебя первым.

Ян проскрипел — видимо, смеялся:

— Только Время может убить Яна.

Землянин выстрелил три раза.

Ян безудержно веселился.

Человек выпустил в него всю обойму.

— А теперь ты заберешься в эту дыру, и я отниму у тебя жизнь.

Землянин что-то булькнул в ответ.

— Залезай в могилу!

Сам того не желая, человек двинулся в сторону четвертой могилы. Спрыгнул и поднял голову.

— Прощай, Земля,— проскрипел Ян.

— Подожди! — крикнул человек.— Дай мне, пожалуйста, одну минутку — я хочу помолиться!

— Я не знаю, что такое «помолиться»,— ответил Ян.— Валяй, а я за тобой понаблюдаю. Только не долго.

Человек наклонил голову. Положил руки на край ямы.

— Ты закончил? — спросил Ян.

— Да,— ответил человек, выпрямившись и сжав руки в кулаки.

И снова посмотрел на Яна.

А потом бросил две пригоршни песка прямо в фиолетовые глаза.

Ян возмущенно взвыл и отшатнулся.

Собрав всю свою силу, человек выскочил из ямы и, схватив лопату, ударил Яна по голове.

Темная липкая жидкость потекла по лезвию.

Ян неподвижно лежал на земле.

Землянин засунул его в могилу, а затем засыпал песком. Бросил лопату и, спотыкаясь, направился в сторону жилища.

— Ты был прав,— пробормотал он,— потребовалось некоторое время.

Путь Земли полыхал у него над головой.

Последний человек на Марсе сидел в одиночестве в полной темноте.

В дверь кто-то постучал.

— Времени не осталось,— проскрипел знакомый голос.

Ибо это есть царствие мое

Акт I

«Как далеки чертоги тьмы...»

«На расстоянии звезд,— подумал он,— и в десяти шагах отсюда».

«Как далеки теперь люди...»

Он молча согласился.

«Но нелюди рядом с тобой».

Он кивнул.

«Ты все еще на Земле и поэтому смешон».

— Да,— прошептал он.

«Ты наполовину безумен и все время пьешь».

— Безумен полностью, а пью лишь половину времени,— поправил он.

«Ты должен войти в машину, нажать на кнопку и присоединиться к своему народу в местах смеха и радости...»

— Ой! — икнул он.— А мне и сейчас смешно.

Покачав головой, он сел и осмотрелся. Рука прикоснулась к бобовому стеблю желтого луча. Он подождал — всего лишь долю секунды.

— Вид услуг? — спросила подушка.

— Меня уже достала болтовня дутиков,— с возмущением ответил он.— Найди точку входа, поставь экран и блокируй их контакты. Неужели нельзя запомнить, что, когда я пью, мне необходимы А-режим и чуткая забота?

Подушка зажужжала.

— А-режим задействован. Проникновений нет.

Он едва не вскочил с кушетки:

— Кто же тогда сейчас говорил со мной?

— Ну уж точно не я,— ответила подушка.— Возможно, это твое воображение, взвинченное алкоголем, который ты употребляешь как...

Фраза немного обидела его.

— Ладно, прости,— извинился он перед невидимыми спиралями проводников.— Смешай мне еще один коктейль.

Он улегся на кушетке, сунул в рот соломинку и невнятно проворчал:

— Только на этот раз не добавляй воды.

— Я никогда не разбавляю твои напитки.

— Но они стали слабее на вкус.

— Значит, твои вкусовые пупырышки теряют чувствительность.

— В таком случае отключайся! Хотя подожди! Почитай для меня.

— Что почитать?

— Что-нибудь.

— «Все утро крот настойчиво прочищал себе путь...»

— Только не Грэхема!

— Может быть, Врэдмера?

— Нет.

— Гелдена?

— Нет. Что-нибудь постарше. Вот как у того же Грэхема.

— Крина? Клала? Старца Венеры?

— Еще старше.

— Флоуна? Трина? Хэмингуэя? Пруста?

— Древнее.

— «В начале было Слово...»

— Но языческое.

— Как у Пиндара?

— Пожалуй, да — как у Пиндара.

Отпив добрый глоток, он откинулся на подушку и закрыл глаза.

«Почему ты убил дутика?»

Пауза безмолвия.

— Я никого не трогал.

«Дутики не убивают друг друга, а один из них мертв. Ты последний человек на Земле. У тебя безграничная власть. Почему ты используешь ее для убийств?»

Еще более длинная пауза.

— А кто такие дутики?

«Им нужна Земля. Ты встречался с ними. Неужели не помнишь?»

— Не знаю... Наверное, в тот момент я был пьян. Ладно, уходи!

«А почему бы не уйти тебе?»

— Рад бы, да не могу!

«Можешь! Тебе надо только войти в машину, нажать на кнопку, и ты присоединишься к своему народу в местах смеха и радости...»

— Да брось ты. Нет никаких мест смеха!

«Тогда поговори с дутиками».

Ладонь коснулась края кушетки, и в его вену вошла игла со снотворным.

Он провалился в бездны забытья.

Грязно-тусклое солнце опускалось на мокрый бетон. Он смотрел на него, щурясь и мигая.

— Да, бывали времена, когда мы тратили на тебя массу слов,— прошептал он, осознавая, что проснулся.— Однако все приходит к концу и теряет свой смысл.

Он перекатился на правый бок, чувствуя себя печальным и величественным.

Подушка спросила, что ему хотелось бы на завтрак. Он попытался придумать достойный ответ, но сдался и попросил то немногое, что устроило бы его желудок.

Скромным «немногим» оказались мел и печенка, вымоченная в загаженной до краев дренажной канаве. Он плюнул на пол и перевернулся на левый бок, чувствуя себя уже менее величественно.

В конце концов он ткнул пальцем в радужный столб лучей.

— Соедини меня с пультом мыслеобразов.

Сила пронзила его потоками безмолвной мелодии, и в ней смешались удары облаков, нити лунного света, похожего на шелк, и глубинные вихри океанских ветров, которые раскачивали заросли кораллов...

Сладко потянувшись и зевнув, он представил огненное поле времени, а затем скользнул на сотню лет вперед.

— Гора Атос и завтрак,— велел он скучающим тоном.

Под ногами возник скалистый утес. При виде бескрайних просторов Святилища на его губах появилась улыбка. Очистив стены взмахом руки, он создал панораму деревьев и холмов — пейзаж, напоминавший прежнюю Землю. Вдалеке за лесом сверкало море. (Неужели настоящее? Он пожал плечами.) Невидимый потолок превратился в голубовато-зеленое небо. Ярко-желтое солнце получилось

жгучим и злым. Склон плавно опускался вдаль. Облачившись в усмешку и власяницу, он подернул горизонт мерцающим маревом.

— Слишком хорошо для царств Земли,— шепнул он бездонной выси.— Приди, Люцифер!

Испуская запах смерти и окончательных приговоров, слева от него возникла безликая тень.

— Какая тоска! — со стоном признался он.

Невыразительный голос звучал, словно из бочки:

— Смотри же на царствия Земли во всей их славе и силе. От начала веков владею я ими, но сейчас готов отдать простому человеку. Служи мне, и они будут твоими.

Он засмеялся:

— Ты шутишь, парень. Они и так мои. Я только что их создал — их и тебя. Это ты должен платить мне дань уважения.

Фигура задрожала и стала нечеткой.

— Нет, что-то тут не так,— сказал он с досадой.

— Преврати эти камни в хлеб, и я поверю тебе,— пропищала тень.

— Лучше в ветчину и яйца. Ты как? Позавтракаешь со мной?

— Спасибо,— прошуршал поблекший образ.

Они сидели и говорили ни о чем, пока ему не стало скучно. Закончив завтрак, он разверз огромную пропасть и сбросил в нее весь ландшафт под гром и треск огня, чьи языки лизали небо.

— Катись-ка в ад, приятель! — воскликнул он с сытой отрыжкой.— Чем же мне заняться до обеда? Может быть, поплавать вместе с Одиссеем?

Когда он возводил великие башни Илиона и создавал макет огромной лошади, его зодческий труд был прерван звонком коммутатора.

— Послы дутиков просят разрешения войти,— доложил механический голос.

— Скажи им, что я занят.

Лошадь дрогнула, покрылась зыбкой рябью и исчезла. Башни начали крениться и оседать. Этажи проваливались друг в друга.

— О черт! Начать дезинтеграцию. Эти уродцы испортили мне все утро!

Он вернулся на кушетку, чтобы побриться, помыться и облачиться в свежую одежду. Пока манипуляторы подушки приводили в порядок его ногти, он рассматривал трехмерную проекцию существ, прозванных им дутиками.

Габариты альбиносов грубо соответствовали размерам человека. Под пушистой аурой проступали шаткие остовы, а телосложение напоминало три молочных бидона, поставленных на задницу бабуина, и два белоснежных секстанта. На бидонах и заднице виднелись толстые рудиментарные члены, похожие на сотню минутных стрелок, которые, подрагивая, отсчитывали свои часы.

Они стояли у входа и зевали симметричными жвалами, расположенными на макушках голов. Антенны стояли торчком, как пучки колокольчиков, и перечно-голубые лепестки открывались и закрывались в неизменном ритме систолы. Две масляные подушечки с мерцавшими кристаллами топазов процеживали мир в глубины мозга.

— Доброе утро, милые твари,— приветствовал он своих посетителей.

Дутики закружились на месте, выискивая источник его голоса.

— Вы не увидите меня, пока я этого не захочу. Зачем пришли?

Существа задумались над его вопросом.

— Чтобы убедить, купить, помочь, поговорить с тобой и уйти,— прожужжал один из них.

Он захихикал:

— Прошу прощения, но не могли бы вы повторить самое последнее слово.

Увидев их смущение, он со смехом крикнул:

— Ладно, входите! Входите!

Внезапно его облик изменился. Огромный дутик двадцати футов ростом отошел от кушетки и принялся за оформление декораций.

Когда он затемнил небо, поднял из пола зубчатые скалы и перегородил ледником почти все Святилище, арочные врата одной из стен, настроенные на особую частоту, раскрылись. Он сидел на паривщей в воздухе огромной снежинке, и ледяные ветра рассекали воздух вокруг его трона, осыпая гостей ягодами снежной бури.

— Счастливого Рождества,— произнес он громовым голосом.

Дутики остановились на пороге. Третий акт Второй симфонии Сибелиуса вторил треску и стонам ледника, который медленно наползал на острые скалы.

— Неужели...— пробормотали существа.

— На самом деле я очень безобразный,— объяснил он.— Но мне хотелось, чтобы вы чувствовали себя легко и свободно.

Они стояли под ним и смотрели вверх.

— Как красиво,— прожужжал первый.

— Как будто мы попали домой,— прогудел второй.

— Кто ты, землянин? — просвистел третий.

Рядом с ними забил фонтан, струя которого взметнулась на пятьдесят футов в воздух.

— Хотите выпить?

— Нет. Спасибо. Не можем: риск, неизвестная субстанция.

Он сделал еще один глоток. Струя фонтана втянулась по крутой спирали в небо и исчезла в вышине. Рядом с ним парила огромная капля коричневой жидкости, которую он посасывал через соломинку.

— Ваши тела очень неудобны в обращении. Вы не устали ими управлять?

— Ты считаешь, нам не хватает человеческих конечностей? — уточнило жужжание.

— Да. Вам приходится обходить все то, что можно перепрыгнуть. Ваши ноги похожи на снегоступы. Зачем вы пришли в мой мир?

— Мы пришли сюда, чтобы жить,— прогудел один из них.

— И даже не потрудились попросить у меня разрешения.

— Прости. Мы лишь недавно узнали о твоем существовании.

— Что же вам теперь нужно?

— Мы просим тебя покинуть этот мир. Сделай его безопасным для дутиков. Мы просим...

— Но это моя планета! Я владыка Земли!

— Да. Мы знаем. Мы хотели изменить здесь климат, но потом узнали о тебе. Зачем ты остался?

— А зачем мне куда-то уходить? Я — землянин. И то, что я последний, не лишает меня прав на планету. Моя обитель занимает около двадцати квадратных миль, но я могу идти, куда хочу, и делать все, что пожелаю. Этот мир мой — по праву рождения, по закону... и по праву силы. Если вы попытаетесь изгнать меня отсюда, я брошу на вас всю мощь Земли. Она под моим контролем, и я без труда могу уничтожить вас или разрушить планету. Если не верите, давайте попробуем!

Его голос охрип. Он сделал еще один глоток и вернул себе свой собственный облик, увеличенный в дюжину раз. Сотворив сигару размером со шлагбаум, он прикурил ее от столба огня, который вырвался из земли и вознесся в небо.

— Можно мы все объясним? — спросил один из снеговиков.— Пожалуйста.

— Хорошо, объясните.

Выдохнув облако дыма, он втянул в себя алкоголь.

— Давайте, объясняйте!

— Твой народ ушел отсюда много лет назад, посчитав эту планету бесплодной и мертвой,— начали дутики.— Но для нас она жива, и мы хотим сделать из нее место смеха и радости...

— А вы знаете, что означает слово «смех»?

— Да, конечно, знаем. Мы выяснили, куда и зачем отправились люди. За хорошей жизнью, верно? За лучшими условиями. За тем, что им хотелось. Чтобы звуки, которые они называли смехом, раздавались все чаще и чаще.

— Довольно верно. Продолжайте.

— Так пусть же Земля снова станет местом смеха — для многих и многих дутиков. Это печально для тебя. И тебе лучше уйти к своему народу. Дай нам изменить планету и сделать ее холодной. Отключи машины, которые мешают нам. Если ты уйдешь, это будет хорошо и для нас и для тебя. Зачем тебе оставаться?

— У меня тут есть кое-какие дела,— ворчливо ответил он.— Скажите, а я для вас очень безобразен?

— Пожалуй, да...

— Вот и хорошо.— Он помолчал и добавил: — Значит, вы хотите заставить меня уйти?

— Просим тебя... Иначе нам придется...

Они стояли на выжженной пустыне. Оранжевое солнце, словно рука гиганта, заслонило половину неба. Пальцы огненных лучей выжимали из его тела липкий пот. Он закашлялся, глотнув сухой и удушливый воздух.

— *Мы просим тебя!* — свистели таявшие снеговики.

Мгновением позже они оказались в межзвездной пустоте, холодной как антипламя огромного антисолнца. Он сидел на троне из вакуума и с улыбкой наблюдал, как дутики кувыркались и сучили ногами в абсолютной невесомости. Млечный Путь из сверкающей звездной пыли спускался над его плечом к лицу. Превратив небесную реку в Бурбонный Путь, он сделал глоток и задумался о прошлом.

— Неужели ты позволишь...— донесся слабый шепот дутиков.

Он ничего им не ответил.

«И не только потому, что я люблю Землю...»

— Генри?

— Да.

— Мы не можем!

Он разглядывал ее белокурые волосы и призрачно-серые глаза, которые смотрели мимо него. (Всегда только мимо.) Когда она надувала губки, ее маленький подбородок становился еще меньше.

— Что — не можем? — спросил он, погружаясь в омут прекрасных глаз.

— Оставаться на этом чертовом осколке мира. Неужели ты хочешь, чтобы мы стали последней парой на мертвой Земле? Он и его лучшая подруга?

— Да, я этого хочу.

— Чтобы потом искать сочувствия у бездушных машин и слушать болтовню твоего книжного барда? Мы сойдем с ума! Мы станем ненавидеть друг друга. Без цели и надежды...

— А у тебя есть выбор? — перебил он ее.— Совет Евгеники принял решение, и люди навсегда покинут этот мир!

— Я не понимаю, почему ты против. После Перехода все останется тем же самым.

— Давай выразим это по-другому,— с улыбкой ответил он.— «В общем-то Генри хорош — особенно при тусклом свете; он настоящий парень и выше всех подозрений... Но оставаться с ним здесь? Это же так примитивно!»

— Ты не прав,— сказала она, краснея.— Я докажу тебе это... позже.

Он покачал головой:

— Никакого «позже» не будет. Я никуда не уйду. Кто-то же должен остаться здесь, чтобы поливать цветы. И не только потому, что я люблю Землю... Нет! Я просто ненавижу звезды и то, что они означают. Мне не нравятся люди, улетающие к ним,— улетающие для того, чтобы с чудовищной монотонностью повторить процесс, с помощью которого они опустошили этот мир, не оставив после себя ничего, кроме полных пепельниц. Почти всю жизнь я считал своим долгом заполнять эти пепельницы. Но теперь я знаю, что ошибался. Мне надо что-то сделать... Я стану смотрителем могил. Смотрителем могил! Неплохо, правда?

— Ты пойдешь с нами,— настаивала она.— Все уходят. И не надо капризничать! Тут больше не за чем присматривать. Дни Земли сочтены.

Он печально кивнул:

— Филлис, Филлис! Ты, как всегда, права. Этому миру уже ничто не поможет. Пройдет день, история Земли умрет, и люди оставят планету еще более пустой, чем она была до их появления. Трава, сгорая, превращается в пепел, а жизнь — в отчаянную жажду жить. После Исхода я уйду в Святилище. Мне хотелось оказаться там в компании подруги, но я могу обойтись и без тебя. Вернее, я буду ждать, когда ты затоскуешь и придешь ко мне. Впрочем, если хочешь попрощаться со мной прямо сейчас, можешь не медлить...

— Ты отправишься с нами! Я люблю тебя, милый! У тебя просто нервный срыв. Это пройдет, вот увидишь!

Он посмотрел на часы:

— Тебе лучше одеться... к обеду. Скоро вернется Лен, и мне пора уходить.— Он встал, накинув на плечи огненный плащ.

— Подожди, любимый! Я приготовлю напитки. Жаль, что ты не можешь взять с собой и мою...

Ей так многое хотелось сказать ему напоследок, но в тот миг слова потеряли смысл.

«Как далеки чертоги тьмы от залов света».

«Да,— подумал он.— На расстоянии звезд и в десяти шагах отсюда... Прямо как дутики».

— Зачем ты это сделал? — спрашивал ближайший из них.

«О, как далеки...»

Кто-то кричал — кричал надрывно и беззвучно.

— Зачем?

— Я ненавижу себя! — произнес он с внезапной жестокостью.— Ненавижу себя и вас! Вы — личинки на кишках Бальдра! Вы ползаете, как черви, на трупе моего мира, и я не желаю мириться с вашим присутствием. Меня гложет ненависть к себе, но вас я ненавижу сильнее. Уби-

райтесь туда, откуда пришли! Это говорю вам я — хранитель Земли!

— Если ты... нас... силой...

Дутик стал крошечной звездой в его ногах — лиловым огоньком пламени, угасавшим в черных водах вечности.

— Улетайте домой,— прошептал он устало.

Они снова оказались в Святилище, и стены вновь распахнули двери. Двое оставшихся дутиков гордо подняли головы и с укором прожужжали:

— Ты привык. Привык к своему миру и своему времени. Но все это осталось в прошлом — далеком прошлом. Твоей расе нет оправдания. Своим единственным монументом она оставила бессмысленное уничтожение жизни.

— В этом мы соперничали со Вселенной,— ответил он.— И, как всегда, превзошли ее. Но посмотрите вокруг. В этой гигантской пепельнице есть и яркие угли. Здесь много такого, что оправдало бы нас.

Сжимая ладонями череп, он попытался расколоть его, но у него ничего не получилось.

— А теперь уходите отсюда. Оставьте меня одного.

— Ты тоже уходи...

Дверь насмешливо скрипнула за ними, и он вонзил в нее сноп светло-огненных молний.

А безмолвный крик продолжался.

Акт II

«Как далеко чертоги тьмы. Как далеко...»

Услышав стон, он узнал свой голос и проснулся.

«Как далеко... послы дутиков просят разрешения... залы света...»

Фразы слились друг с другом. И он знал почему.

Это он перекручивал слова подушки, изменял их смысл и, понимая, не понимал. Он вмешивался и оставался безучастным; спал и не спал; осознавал и прятался в неведении.

— Скажи им, чтобы они уходили! Читай мне! Читай!

Он знал и боялся знать.

...Длинная повесть о женщине по имени Анна и мужчине, которого звали Вронским.

...Поезд мчался к нему, как огромный ящер, извергая черный столб дыма и вопя от жажды крови. На рельсах...

Он включил свет.

— Прервать генерацию образов!

Поезд исчез, и он остался один, дрожа от ужаса и понимания.

Покрывало не успевало впитывать пот. Океаны воспоминаний отхлынули от берегов его разума. Закрыв лицо руками, он тихо спросил:

— Ты убрала кровь?

— Да,— ответила подушка.

— И ее тело?

— Да. Кремировала. Чисто и навсегда.

— Почему она сделала это?

Подушка не отвечала.

— Почему она пришла сюда, чтобы покончить с собой? — настаивал он.

— Потому что она не могла уйти без тебя... и не могла остаться.

— Как давно это случилось?

— Семь лет, три месяца и тринадцать дней.

Что-то огненное потекло из соломинки, и он проглотил горьковатую жидкость.

— А дутики? Они реальны или просто являются частью терапии?

— Реальны, но используются для терапии.

— И я действительно убил одного?

— Да.

— Когда?

— Две недели назад.

— Значит, я болен.

— Нет, сейчас ты здоров.

Он был болен все это время. Болен!

Кушетка зажужжала, покрывало завибрировало, и ему снова стало сухо и тепло.

— Послы дутиков просят разрешения войти,— доложила подушка.

— Значит, ты все же разбавляла мои напитки?

— Да.

— Тогда пусть они войдут.

Акт III

Он осмотрел комнату, в которой провел почти семь лет. Стены дрогнули под натиском воспоминаний.

Лен вернулся, принеся с собой запах времени и пространства,— вернулся, чтобы без слов посмотреть ему в глаза и ударить в лицо. Когда он пришел в себя, Лен исчез, как исчезли и два его зуба, один из которых потом нашелся на полу. Он налил бокал, обломал все ногти, корчась в безумии рядом с цветами у бассейна, затем налил еще бокал, поплакал немного и налил еще бокал. Он отнес ее на кушетку и помолился, налил бокал, поплакал, заблокировал дверь, а потом заснул и проснулся через семь лет и три месяца. Руки ныли от уколов, которыми подушка Лициды гасила его боль. Он ел яйца и тосты, и к нему снова возвращался рассудок.

Он вызвал транспортный портал.

Огромный стебель белой лилии взломал паркет и склонился над постелью. Он принял душ, оделся и спроецировал на одну из стен огромные двери. В нее осторожно вошли первые дутики.

Он улыбнулся им:

— Привет, ребята.

Но они входили и входили, заполняя Святилище. Они обступали его кушетку плотными рядами, пока он улыбался им и кивал. И тогда он сел, устало опираясь на подушку.

— Вот вы и пришли, возжаждав правосудия.

— Что тебе надо? — спросили они.

— Ничего,— ответил он.

Наступила тишина. Дутики поймали его, как бабочку, в желтоватый сачок видений.

— А вам что надо?

— Ответа! Почему ты убиваешь нас?

— Это не я,— ответил он.— Это мое безумие. Я приношу вам свои извинения.

— Если ты,— сказал один из них.

— Уйдешь,— добавил другой.

— Все будет,— произнес третий.

— Забыто,— закончил четвертый.

— Но если ты...

— Останешься...

— Тебе придется...

— Умереть!

— И не надо «капризничать»,— вставил один из них голосом Филлис.

— Хорошо,— со вздохом ответил он.— Хорошо, ребята. Но прежде чем уйти, я хочу попросить вас об одной услуге. Не судите о Земле по моим поступкам. Изучите наше наследие и по достоинству оцените то, что создали мои соплеменники. Я не лучший представитель своего вида — скорее даже один из худших. Доказывая суетность стремлений, я погубил несколько жизней и лишь теперь осознал, как был не прав.— Осмотрев угрюмые лица дутиков, он спросил: —.Если я оставлю вам Землю, что вы сделаете с творениями людей?

— Сожжем,— прожужжал первый.

— Закопаем,— проскрипел второй.

— Переделаем,— прогудел третий.

— Забудем, что они когда-то существовали,— просвистел четвертый.

Остальные дутики смотрели на него, издавая странные звуки. Неужели смех?

— Кто ты? — спросил он ванильную пирамиду.

— Шут,— ответил дутик.— Я высмеиваю наших владык.

— А ты кто? — спросил он одного из тех, с которым говорил.

— Первый среди равных.— Ответив, дутик повернулся к соседу и спросил: — А ты?

— Второй. А ты?
— Третий.
— С Шутом вас четверо. Прекрасно!
Он засмеялся и воскликнул:
— Приветствую тебя, комический король снегов!

Землянин поклонился. «Второй» метнулся к нему, вытягивая жвало.

Он увернулся, не позволяя острым клешням приблизиться к своей шее. Его правая рука перехватила жвало. Гордо взглянув на дутиков, он холодно промолвил:

— Прошу прощенья, сэр. Я был не прав,— промолвил он, сжимая хватку.— Все, чем мог задеть я ваши чувства, честь и положенье, прошу поверить, сделала болезнь*.

Едва рука и жвало встретились, свет начал блекнуть. Под жужжание встревоженных дутиков комнату заполнил мрак. Когда воцарилась тишина, он продолжал:

— Прошу во всеуслышанье, при всех, сложить с меня упрек в предумышленье. Пусть знают все: я не желал вам зла...

Свет вспыхнул вновь — свет огня чадящих факелов, которые, как грибы, возникли на закопченных стенах. Пятьдесят или шестьдесят ярко наряженных придворных собрались в темной дворцовой зале. Его кушетка превратилась в трон, на котором сидел бородатый мужчина в тяжелой пурпурной мантии и с золотой короной на голове.

На стенах висели гобелены с грубо вышитыми эмблемами ярких цветов. Здесь же виднелись головы убитых хищников и топоры, покрытые копотью и пятнами ржавчины. В двадцати—тридцати футах над ними угадывался темный свод, сквозь который по стенам сочилась тьма.

На нем были черные штаны и белая рубашка с открытым воротом; волосы блестели как сталь. Взор небесно-голубых очей застыл на смуглом мужчине, чья длань дрожала в его руке.

* Здесь и далее использованы цитаты из «Гамлета» в переводе Бориса Пастернака.

«Говори же!» — настойчиво подумал он.

Рот соперника корчился от незнакомых слов, но мышцы горла начинали расслабляться.

— В глубине души, где ненависти, собственно, и место, прощаю вас. Иное дело честь...

Постепенно его голос окреп:

— До той поры ценю предложенную вами дружбу и дружбой отплачу.

— Душевно рад и с легким сердцем принимаю вызов.— Выпустив руку соперника, он отвернулся и захохотал.— Приступим. Где рапиры?

— Мне одну!

— Хотите, стану я для вас рапирой? — съязвил он с шутовской улыбкой.

— Да вы смеетесь, сэр!

— Нет, жизнию своей клянусь, что нет.— Он снова схватил соперника за руку.

Тот отвернулся и отступил на несколько шагов, словно жест дружбы был чем-то новым для него. Удивленный его внезапной грацией, он быстро проделал фехтовальную разминку и удовлетворенно засмеялся.

— Раздайте им рапиры,— приказал мужчина в короне.— Известны вам условья?

— Да, милорд.

Его противник потрогал пальцем острие оружия.

— Другую. Эта слишком тяжела.

Он выбрал себе клинок, взглянул на противника, но тот лишь холодно кивнул в ответ. Облизав губы, землянин рассек оружием воздух и вышел на линию с соперником.

— Мне эта по руке,— сказал он с задором.— Равны ли обе?

— Да, милый принц.

Сверкнув улыбкой поверх косой дуги салюта, он принял выжидательную позу.

Да, он вовлек их в игру, прекрасную игру, в которой они наслаждались чувством движения и новыми образами; в которой они видели цвета Земли жутковатыми глазами людей и говорили на их языке.

Конечно, тут была и доля принуждения: им приходилось стоять в определенных местах, делать те или другие жесты. Кто-то радостно восклицал, кто-то горестно ужасался. Но потом король потребовал вина и, бросив жемчужину в кубок, громко произнес:

— Начнемте. Вниманье, судьи! Просим не зевать!

Атмосфера накалилась от невидимых разрядов ожидания. В каждом движении дутиков чувствовалось страстное нетерпение. Затаив дыхание, они полуосознанно пригнулись вперед при команде: «Готовьтесь».

— Бьюсь! — вскричал противник, и клинки, сверкнув, соприкоснулись, как языки стальных гадюк.

(Удар парирован... два шага вперед... ложный выпад... еще один... коварный бросок навстречу.)

Попал!

— Удар.

— Отбито.

— Судьи!

— Удар, удар, всерьез.

— Возобновим.

— Стой, выпьем,— закричал король.— Пью за твое здоровье! — Он сделал жест слуге.— Жемчужина твоя! Бокал герою!

— Не время пить,— возразил землянин.— Начнемте. Защищайтесь.

Он вновь погрузился в иллюзию момента, раскручивая память в противоположных направлениях и наполняя ею каждый эпизод. Отскок, блок, выпад.

— Опять удар. Не правда ли?

— Удар. Не отрицаю,— признал противник.

— Сын наш побеждает!

— Я, королева, пью за твой успех.— Леди, сидевшая рядом с королем на троне, подняла кубок.

— Не пей! — прокричал король, а затем, отвернувшись в сторону, со стоном прошептал: — В бокале яд! Ей больше нет спасенья! — Он заскрипел зубами.

Землянин прикусил губу.

— А ну, теперь ударю я,— промолвил вдруг соперник.

Клинок последнего сына Земли упал на каменные плиты пола. Отравленное жало впилось в бок, ослепив на миг его глаза. Дворцовая зала дрогнула, как пламя свечи, пронесенное у окна.

Чуть позже сцена обрела стабильность. Землянин опустился на одно колено. Рванувшись вверх, он вонзил свой локоть в грудь противника, проскользнул под его рукой и выкрутил запястье, сжимавшее рапиру.

Второй клинок зазвенел на плитах пола. Послышались крики:

— Разнять их! Так нельзя!

Он поднял оружие, выпавшее из рук противника.

— Нет, сызнова!

Второй участник поединка схватил рапиру, лежавшую на полу, и с ревом бросился в атаку.

Парировав внезапный выпад, он ловко увернулся и отпрыгнул в сторону. Клинки с лязгом скрестились. Отбив удар, он сделал финт, но его последующий натиск был встречен молниеносной «вертушкой» с проходом под руку. Он успел отклониться, шагнул назад и, улучив момент, нанес укол.

Противник застонал.

Королева упала на колени.

— На помощь королеве! Эй!

— Тот и другой в крови! Ну как, милорд?

— Ну как?

Противник вытянул перед собой дрожащую руку. Ужас исказил его черты. Побелевшие губы зашевелились.

— О справедливое возмездье! Я ловко сети расставлял и угодил в них за свое коварство.

— Что с королевой?

— Обморок простой при виде крови.

— Нет, нет, неправда! Это все питье,— простонала она, и придворные зашумели, услышав слова, которые сорвались с ее уст.— Питье! Отравлена! Питье!

Она упала и затихла.

— Эй, слуги,— прокричал землянин.— Пусть закроют дверь. Средь нас измена. Кто ее виновник?

— Искать недалеко. Ты умерщвлен, и нет тебе спасенья. Всей жизни у тебя на полчаса. Улики пред тобой. Рапира эта отравлена и с голым острием.

Кивнув, он осмотрел наследников Земли. Они хотели уничтожить все, что оставили после себя люди. Но по крайней мере это останется с ними навсегда.

— Тогда ступай, отравленная сталь, по назначенью,— воскликнул он и заколол мужчину на троне.

Землянин поднес отравленный кубок к лицу короля и влил остатки жидкости в его раскрытый от боли рот.

«Вам понадобилась Земля? — шептал он неподвижными губами.— Вы захотели получить ее кости без мяса и кожи? Но люди истатуировали ее тело, и какими бы безобразными ни казались вам наши знаки, вы не в силах соскоблить их с трупа планеты. Вам понадобилась Земля? Пусть будет так!»

Он с трудом сохранял декорации сцены.

— Поделом ему,— гортанно прохрипел его соперник.

Дутик при шпаге закрыл глаза собрату и горестно сморщил лицо.

«Ты тоже того же мнения?» — спросил его внутренний голос.

— Что с ним? — простонал землянин.

В висках застучали молоточки пульса. По рядам придворных пробежали вздохи ужаса и стаккато тревожного шепота. Свет начал меркнуть. Факелы мигнули. Откуда-то сзади послышался скорбный плач. А в сердце и легких разгоралось жгучее пламя.

Стены дворца задрожали. Они то исчезали, то появлялись вновь, и в этих вспышках мрачного чистилища ему казалось, что за кольцом рогатых идолов с пучками нелепых антенн раскинулось бескрайнее пространство льда. Колесо Галактики над головой превратилось в огромную пепельницу, и он знал, что оно будет крутиться вечно, вращаясь и перемалывая его прах, его имя и пустые надежды. С каким удовольствием он заполнил бы эту пепельницу доверху — своими мечтами, расой и нерожденными детьми,— стряхивая в нее тлен рутины и редкие искры действительных свершений. Только выгорая изнутри — выгорая огнем, как он этим вечером,— люди оправдывали абсурдность разума абсурдной красотой. И он знал, что снова обрел рассудок. Он улыбался дутикам, завершая свою жизнь и декорации финальной сцены.

— Гораций, я кончаюсь. Сила яда глушит меня.— Он взглянул на придворного, который поддерживал его и не давал упасть.— Уже меня в живых (из Англии?) известья не застанут, но предрекаю: выбор ваш падет на (Фортинбраса?). За него мой голос.— Он кивнул в сторону двери, на которой красовалось изображение шутовской маски.— Скажи ему, как все произошло. И что к чему. Дальнейшее — молчанье...

Его голова откинулась назад, и он сфокусировал свою волю на следующей части финала.

Горацио-дутик заговорил о разбитом сердце и ангельском пении. А он, за миг до того, как погрузиться в вечное безмолвие, услышал дробь далеких барабанов.

Шут выступил вперед, на ходу меняя свой облик. Мерцая и переливаясь радужными красками, он остановился — теперь уже белоснежный осколок айсберга — и посмотрел на мертвого землянина. Лепестки колокольчиков на его антеннах печально открывались и закрывались. Остальные молча наблюдали за его беспредельной скорбью, понимая, что только пересмешник и шут мог чувствовать Землю по-настоящему. Он знал, что произошло на их глазах, и он знал, что делать дальше.

Смерть последнего из людей наполнила его болью и уважением.

— Уберите трупы,— тихо промолвил он.— Средь поля битвы мыслимы они, а здесь не к месту, как следы резни. Скомандуйте дать залп солдатам.

Они вынесли землянина на копьях и похоронили его — что не было в обычаях дутиков. И орудия Святилища дали

залп в ночное небо — что не было в обычае людей уже многие и многие годы. Шут сделал Землю радостным местом смеха. И дутики обитали на ней, ступая по тернистой стезе своих старших братьев.

ЗАНАВЕС

Тот, кто потревожит

ОСТАНОВИСЬ
ПОДОЖДИ, ПОКА НЕ ОТКРОЮТСЯ ВОРОТА
ПОВЕРНИ НАЛЕВО
ПОВЕРНИ НАПРАВО
ИДИ ДО СЛЕДУЮЩЕГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
ПОВЕРНИ НАЛЕВО
ДЕРЖИСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ
ПОВЕРНИ НАПРАВО

Он шел вдоль шоссе, один; вокруг ни души, лишь эхо его шагов да почерневшие дома.

Знаки были развешаны исключительно ради него. Он миновал знаки, следуя их воле.

ПОДНИМИСЬ ПО ЭТОЙ ЛЕСТНИЦЕ
ЗДЕСЬ — ВХОДИ

Тяжело дыша, он пересек огромное здание. Наружная лестница была слишком большой для существа его размеров — и давалась ему с трудом.

Оказавшись внутри, он почувствовал некоторое облегчение: к нему больше не были прикованы глаза — или как они там назывались — тех, кто прятался где-то в спасительной темноте. Он выругался, а потом рассмеялся.

И продолжал следовать за знаками. Они привели его в громадную комнату, показали, куда нужно идти дальше.

Он послушно шагал сквозь разрушения и смерть, по почерневшим полам, мимо сцены, с которой никто не

потрудился убрать декорации, пока не остановился возле чьих-то останков под надписью «ЗДЕСЬ» и стрелой, указывающей вниз.

Тогда он внимательно посмотрел себе под ноги, достал то, что принес с собой, и занялся телом умершего человека.

Она пошевелилась. Вдохнула ночной воздух, открыла глаза.

Она лежала на склоне холма, а усыпанное звездами небо висело у нее над головой роскошным покрывалом, изукрашенным самоцветами. В ее длинные темные волосы был вплетен цветок нарцисса. Окончательно придя в себя, она вскочила на ноги, собралась бежать.

— Пожалуйста, подождите,— произнес чей-то голос, и она повернулась, потому что голос принадлежал человеку.

— Да? — заговорила она на том же странном языке, на котором обратился к ней незнакомец.

— Я разбудил вас и не причиню вам вреда. Не убегайте, прошу вас.

Она разглядела фигуру невысокого человечка, чье лицо пряталось в тени.

Подождала, пока он подойдет поближе.

— Кто вы?

— Меня зовут Эрик, Эрик Вейсс*,— ответил незнакомец.— Я помог вам бежать.

— Бежать?

— ...Из места, где вас держали в заточении,— закончил он.

— Вы говорите на их языке...

— И вы тоже, как и все мы.

— Все? Я не понимаю. Мне сказали, что я усну. Зачем вы меня разбудили?

---

* Эрик Вейсс (1874–1926) — настоящее имя Гарри Гудини, легендарного американского фокусника-иллюзиониста.

— Мне было одиноко. У меня есть друзья, но мне все равно вдруг стало ужасно тоскливо. Ваше лицо показалось мне красивым и добрым.

— Понятно. А вы можете объяснить мне, что происходит и почему?

— Наверное,— ответил он.— Я попытаюсь.

Укутав саваном мертвого мужчину, Франсуа окинул взглядом громадную комнату. Здесь было великое множество трупов, но лишь одно человеческое существо — возле него он и стоял. Он не позволил своим глазам подолгу задерживаться на бесформенных останках остальных. Здесь было совершено невиданное до сих пор насилие.

Его передернуло, он постарался поскорее все сделать и убраться отсюда. Но, работая, продолжал удовлетворенно насвистывать.

Они перебрались через вершину холма и в лунном свете увидели целое поле людей, заключенных в башни,— будто муравьи, навеки застывшие в янтаре.

— Как вас зовут? — спросил он ее.

— Сапфо*,— ответила она.

— Вы пишете стихи?

— Иногда.

— И живете на острове под названием Лесбос?

— Да.

— Я и понятия не имел,— проговорил он,— хотя догадывался, что все чем-то знамениты. Если вам будет приятно это узнать, кое-какие из ваших стихов были известны через тысячи лет после вашей смерти. Вы самая настоящая легенда. Хотите воды?

— Да, пожалуйста.

— Вот. У меня еще есть свежие фрукты. Я собрал их в роще, чуть севернее отсюда.

— Спасибо.

* Сапфо (Сафо) — древнегреческая поэтесса VII–VI вв. до н. э.

— Мне кажется, что приближается конец,— сказал он.

— Извините, я не понимаю.

— Один раз меня разбудили, вынули из моей башни, заполненной желе, и попросили сделать одну работенку для наших... хозяев. Какая-то составляющая, присутствующая в этом желе,— ДНК*, кажется, так это назвал мой приятель,— позволяет нам всем разговаривать на одном языке, который заодно понятен и им тоже. Прежде чем меня разбудить, они завладели целым миром, но не сумели его открыть.

— Открыть?

— Да, это была искусственная планета, служившая исполинским склепом. Они не могли туда проникнуть, несмотря на все свои хитрые машины и гениальных ученых, поэтому разбудили меня и попросили сделать это для них. Я справился всего лишь при помощи небольшой пилочки, воска и куска медной проволоки. А потом они вернули меня сюда, поскольку я им был больше не нужен. Только я решил от них сбежать, и сбежал. Вас они когда-нибудь использовали подобным образом?

— Да. Разбудили и сказали: «Сапфо, мы хотим, чтобы ты соблазнила матриархат своей песней». И я сделала, как они приказали, потому что считала их богами. Я ошиблась?

— Да,— ответил Вейсс,— они не имеют к богам никакого отношения. В свое время я занимался поисками того, что находится за порогом смерти, и точно знаю, что они не боги. Это раса существ, обладающих высокоразвитой межзвездной культурой, намного превосходящей достижения человечества. Они получили нас в наследство и делают с нами, что хотят.

— В каком смысле?

— Сначала нас прибрала к рукам другая раса, но недавно они проиграли в войне этим нашим новым хозяевам; те нашли нас здесь и решили воспользоваться на

* ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота — высокополимерное природное соединение, содержащееся в ядрах клеток живых организмов.

полную катушку своими военными трофеями. Мне кажется, они многого не понимают из научных достижений наших предыдущих господ.

— А почему мы позволяем им так с собой обращаться?

— Мадам, людей больше не существует.

— Как такое может быть? Мы же здесь. Я не понимаю...

— Я тоже до конца не понимаю. Но мне сказали, что человечество погибло в чудовищной атомной катастрофе. Я совсем недавно узнал, что значит «атомный»...

— Извините, я не поспеваю за ходом ваших рассуждений.

— Мы умерли, вот что я пытаюсь вам сказать. Каждое живое существо, жившее на планете Земля, умерло, если не считать образцов. Мы были среди них, и нас оживили.

Вейсс махнул рукой в сторону остальных людей, заключенных в желе, которое питало и поддерживало в них жизнь.

— А вы знаете, что, если бы вы снова умерли, сегодня ночью, и после этого прошли многие века, а потом кто-нибудь нашел бы на вершине этого холма косточку и засунул ее в одну из башен, она возродила бы вас — молекула за молекулой, клетка за клеткой,— и в один прекрасный день вы бы проснулись, обладая всем, чем обладаете сейчас, точно такая, как сегодня, включая последнюю мысль, промелькнувшую в вашей голове перед тем, как вы умерли? Они умеют регенерировать существа даже из крошечной частички тела!.. Мне пришлось снова сорвать цветок, который украшает ваши волосы, потому что, когда я вас освободил, рядом с вами выросло целое растение. Они каким-то образом получили кусочки наших трупов, а потом восстановили нас.

— Я помню,— воскликнула она,— как я умирала. Я плакала и стонала. И испытала очень странные чувства, когда пришла в себя на борту одного из их кораблей. Значит, они сохраняют мертвых и заставляют их жить снова...

— Нет, не они. Нас сохранила та раса, которую они уничтожили. Сомневаюсь, что эти понимают, какие тут

задействованы процессы. Возможно, наши спасители думали, что нас имеет смысл изучить — когда-нибудь, только у них руки не дошли. Впрочем, это всего лишь предположение. Они прочесали могилы и засунули в башни, заполненные желе, тех, кто, по их мнению, являлся достойным представителем нашей расы и обладал какими-нибудь особыми качествами. Вне всякого сомнения, они наблюдали за нами на протяжении нескольких тысячелетий.

— И посчитали, что я достойна возрождения?

— Тот факт, что вы находитесь здесь, является ответом на ваш вопрос. Мне кажется, они неплохо потрудились.

— Во все это трудно поверить,— проговорила Сапфо,— несмотря на мой опыт жизни в мире женщин. Я никогда не пользовалась чрезмерной популярностью.

Он пожал плечами:

— А я пользовался. Но и представить себе не мог, что кому-нибудь придет в голову спасать меня таким способом.

Их окутала холодная, безмолвная ночь.

Франсуа отнес останки вниз по огромной лестнице, потом вернулся вдоль шоссе туда, откуда пришел. Даже роботы не явились к нему на помощь. Он должен был сделать все сам, мог надеяться только на себя. Они держались от него в стороне и наблюдали, как он покинул почерневший город.

Вдалеке он увидел корабль.

На востоке занялся рассвет, и звезды на небе начали бледнеть.

— Победив в войне,— сказал ей Вейсс,— они обнаружили нас. Сначала они не имели ни малейшего представления о том, что мы такое, но им в руки попали какие-то документы, из которых они узнали, на что мы способны. Ведь нас всех тщательно зарегистрировали и хранили в определенном порядке. Поэтому новые хозяе-

ва начали нас будить и просить о самых разнообразных услугах — надо сказать, очень вежливо.

— А кем вы были — если вам удалось открыть целый мир? — спросила Сапфо.

В утреннем призрачном свете сверкнула его улыбка.

— Эрик Вейсс,— сказал он.— Я могу сбежать отовсюду, куда бы меня ни поместили, включая кучу живого желатина. К вашим услугам, миледи.— И он церемонно поклонился.— Они знали, что я способен распахнуть для них дверь в мир, дверь, которая не пожелала поддаться им, но совершили ошибку, посчитав, что им удастся снова отправить меня в заключение.

— А почему вы думаете, что конец близок? Вы сказали мне об этом немного раньше.

— Я чувствую, что скоро может произойти какая-то катастрофа. Я могу погрузить вас в сон, если пожелаете. Я подумал...

— Нет,— быстро проговорила она.— Я хочу остаться. Расскажите мне.

— Ладно. Недавно они послали одного из наших на свою родную планету, чтобы он там выступил, развлекая их правителей. Я спрятался неподалеку от его корабля. Мне удалось поговорить с ним, и я выяснил, чего они от него хотели; в свою очередь, я поведал ему многое из того, что сам знал про расу наших хозяев. Его решение основывалось на том, что я ему сказал,— хотя я и пытался его отговорить. Видите ли, за этим высоким горным хребтом, к северу, находится небольшая колония, где живут те, кого мне удалось освободить,— господа про нее ничего не знают. Таким образом мне удалось получить совет многих, а также дополнительную информацию от тех, кого будили и вынуждали выполнять то или иное задание. Сейчас мы послали за другим человеком. Макиавелли* проанализировал ситуацию и думает, что мы обречены.

* Никколо Макиавелли (1469–1527) — итальянский политический мыслитель, историк, писатель.

— Почему?

— Ну,— сказал Вейсс,— если политическая ситуация и в самом деле такова, как он предполагает, и человек, с которым я разговаривал, мертв...

Франсуа взошел на борт корабля и произнес слова, которым его научили. Люки у него за спиной закрылись, и корабль поднялся в воздух. Он оставил свой груз в одной из кают.

Его окружала абсолютная тишина.

Всю дорогу он сидел и смотрел в иллюминатор.

— Видите ли, первая раса — та, что все это затеяла,— мертва,— сказал Вейсс.— Если Макиавелли прав и случится то, что, по его предположению, должно случиться, они уничтожат все оставшиеся образцы — иными словами, нас.

— Что это? — Сапфо показала рукой наверх.

Он поднял голову. Огромный клиновидный корабль безмолвно проплывал над долиной, его киль разрезал утренний воздух. Судно опускалось, вот оно уже совсем близко...

— Это,— ответил Вейсс,— корабль, на борту которого находится последний человек, который покинул эти места. Он, по всей видимости, возвращается с останками игрока и сможет рассказать нам, какая нас ждет судьба,— если сам не находится в заточении или вообще не погиб.

Франсуа выбрался наружу; люки безмолвно закрылись у него за спиной, и корабль взлетел. Он положил труп на землю и принялся наблюдать, как корабль начал набирать скорость, неожиданно превратился в огромный золотистый шар, а через несколько мгновений раздался звук, похожий на раскаты грома.

Франсуа увидел, что издалека к нему приближаются двое, и стал ждать, когда они подойдут.

— Ну, каков приговор? — крикнул Вейсс.

— Мы будем жить,— ответил Франсуа.— Они рассказали мне о своих опасениях и попросили прощения. Похо-

же, слухи, ходившие здесь, оказались правдой. Их последний глава государства убил своего генетического брата, чтобы захватить власть. Заодно он еще и прибрал к рукам его жен. Сын убитого правителя это подозревал, но у него не было фактов. Он прикончил своего отчима после того, как увидел, как тот отреагировал на пьесу. Весь двор погиб во время последовавшего восстания.

— В таком случае почему?..

— Трудно постичь расу, настолько развитую, что она смогла захватить межзвездную империю, но которая при этом отличается такой беспредельной доверчивостью. Однако они обосновали свои выводы какими-то законами логики. Каждый из тех, кого они будили, продемонстрировал выдающиеся способности в той или иной области. Теперь они считают, что тут не обошлось без божества. Первая раса его беспокоила, и она погибла. Их правитель тоже вызывал у божества опасения, и поэтому оно решило разобраться с ним, а заодно и со всеми придворными. Теперь они убеждены, что мы — боги старой расы, и боятся нашего гнева. Они изолировали дворец, пока не нашли одного из нас, чтобы он забрал тело. Они больше не хотят иметь с нами ничего общего. Вы же видели, они даже уничтожили корабль, который использовался для этих целей.

— Если бы меня занимали проблемы жизни и смерти, я бы и сам испугался проклятия,— сказал Франсуа, а потом, насвистывая себе под нос, поднял тело и понес его в сторону долины, где стояли башни.

Через некоторое время Сапфо прикоснулась к руке Вейсса. Он улыбнулся и заглянул в ее темные глаза.

— А что это за маленькие тарелочки, стоящие перед каждой башней? — спросила она.

— Не знаю. Мне так и не удалось это выяснить.

— Они похожи,— заявила она,— на подношения, которые мой народ делал богам, давным-давно, на Земле.

— Вы хотите сказать?..

— Я думаю, что мы на самом деле были богами той первой расы. По какой-то причине они поклонялись са-

мым великим представителям человечества и оберегали здесь их вечный сон. Я знаю вон того человека, у вас за спиной,— с ожерельем и боевой раскраской на теле. Это Агамемнон*.

Франсуа снял с тела саван и начал убирать его в башню с питательной жидкостью.

— Раса, которая искала богов среди представителей другой расы?

— Это не глупее, чем пытаться найти их где-либо еще.

Они наблюдали за трудящимся Франсуа.

— Тот бедняжка...— проговорила Сапфо.— Он спас нас.— И в ее глазах появились слезы.

— Если первая раса считала его богом, они очень рисковали, когда перенесли его тело,— заметил Франсуа.

— Может быть,— сказал Вейсс,— они надеялись таким образом избежать проклятия, которое он обещал на них наслать.

— А захватчики не верили в богов расы, которую стерли с лица земли,— до сих пор,— предположил Франсуа.— Мы свободны. Этот мир принадлежит нам. Больше нас не побеспокоят. Я... Проклятье!

Вейсс бросился к нему, но было слишком поздно. Он поскользнулся на желатиновой кляксе и ударился виском о единственный камень, имеющийся в долине. Он упал и остался неподвижно лежать на земле.

Они подняли его и положили внутрь другой башни.

— Не верю, что это простое совпадение,— сказал Вейсс.— Так должно было случиться.

— Его ведь можно оживить, правда?

— Думаю, да. До тех пор пока существует эта субстанция, нам не грозят ни смерть, ни ранения. А ее хватит на то, чтобы привести в чувство все человечество.

— А что означают слова на камне, о который он ударился? Они написаны на твоем языке?

---

* Агамемнон — в «Илиаде» царь Микен, предводитель греческого войска в Троянской войне.

— Да,— ответил он и прочитал про себя:

ДОБРЫЙ ДРУГ, РАДИ ВСЕХ СВЯТЫХ,
ОСТЕРЕГАЙСЯ ТРЕВОЖИТЬ ПРАХ,
ЛЕЖАЩИЙ ЗДЕСЬ!
БУДЬ БЛАГОСЛОВЕН ТОТ,
КТО ПОЩАДИТ ЭТИ КАМНИ,
И БУДЬ ПРОКЛЯТ ТОТ,
КТО ТРОНЕТ МОИ КОСТИ.

— Здесь говорится, что он не хочет, чтобы его беспокоили.

— У него такое доброе лицо,— сказала она.— Кем он был?

— Никто не знает точно,— ответил Вейсс.

Сапфо вынула цветок из волос и положила его к ногам только что умершего человека, заключенного в целительную капсулу.

Эрик Вейсс отвернулся, чтобы не видеть ее чудных, грустных глаз, он снова стал пленником в клетке своей души.

Все уходят

Огни померкли в зале. Жрецы и нимфы танцевали, когда начали падать бомбы. Просперо взглянул на Фердинанда.

— У тебя такой вид, сын мой, словно ты объят страхом. Будь весел, наше пиршество заканчивается. Наши актеры, словно привидения, растают в воздухе, в прозрачном воздухе...

Он поднял руку. Жрецы и нимфы разом исчезли с глухим хлопком.

— ...и, подобно бесплатному материалу, из которого сотканы эти видения, растают укутанные облаками башни, величественные дворцы и торжественные храмы,—

продолжал Просперо,— и сам огромный шар, да, все должно раствориться, словно мираж, не оставив даже фундамента...

Зрители исчезли. Сцена исчезла, театр исчез. Город растворился с легким шорохом, а затем стал прозрачным и сам шар Земли. Все актеры испарились, за исключением духов Ариэля, Калибана и Просперо.

— О, Просси...— вздохнул Ариэль.— Мы на этот раз замечательно материализовались...

— Просперо! — проревел Калибан.

— ...и наша маленькая жизнь завершилась сном.

Калибан схватил его за ногу, Ариэль вцепился в рукав.

— Вы сделали это снова, хозяин!

— Сэр, я огорчен...

— Остановите это безумие! Все тает! Вы применили ошибочное заклинание!

— Смиритесь с моей слабостью, дети мои. Мой старый мозг утомлен...

Калибан уселся на него верхом; Ариэль, кружась, стал размахивать перед глазами Просперо своими тонкими пальцами. Теперь они плыли в огромной, наполненной звездами пустоте. Ближайшим значительным небесным телом была Луна. В различных направлениях летели спутники: связи, метеорологические и разведывательные.

— Черт побери, верните все! — завопил Ариэль.

— Но не тревожьте мою немощь...

— Это бесполезно,— проворчал Калибан.— Он ушел в себя, и на этот раз дьявольски глубоко. Как объяснить ему, что мы ослабеваем и отказываемся снова блуждать в пустоте?

— Ну нет,— возразил Ариэль.— Я только начал получать удовольствие от всего этого.

— Тьфу на тебя. Мы будем тревожить вашу немощь, Просси! Вспомните старика Станиславского и верните все обратно!

— Будьте любезны, дети мои, вернитесь в мои яйцеклетки и отдохните там...

— Он достигнет границ своего мира, там мы его и достанем,— предложил Ариэль.

— Оборот или два я сделаю, пока не успокоится мой измученный мозг.

— Куда вы намереваетесь нынче прошвырнуться, хозяин? — встревоженно спросил Калибан.— Вы отказываетесь от всего, что было?

— Э-э... И что из того, дети мои?

— Вы опять идете этим ужасным путем к финалу.

— Ох, дорогой! Вещи приятнее выглядят издалека, можешь мне поверить.

— Из очень большого далека, я сказал бы сейчас. Что вы собираетесь сотворить на бис?

— Где моя Книга?

Калибан слегка пошевелил своим плавником:

— Она исчезла.

Просперо стал массировать глазные яблоки.

— Тогда я буду работать по памяти. Где это было?

— На пустынном острове.

— Да.

Просперо сделал рукой величественный жест, и невдалеке появились едва заметные очертания пальмовых деревьев. До них донесся легкий соленый запах и шум прибоя. Очертания острова становились все более отчетливыми, и сияющий песок распростерся под ногами. Затем послышался крик чаек. Звезды растаяли, небо поголубело, и по нему поплыли облака.

— Это уже лучше.

— Но это реальный пустынный остров!

— Не спорь со стариком. Ты же знаешь, как он упрям.

— Итак, дети мои, чем мы теперь займемся?

— Развлечениями, сэр.

— Ах да. Но для начала я материализую Фердинанда и Миранду.

Он повел остатки своей труппы вверх по каменистому склону. Все вместе они вошли в большой грот, посреди которого располагалась огромная сцена, освещенная пы-

лающими факелами. Просперо кивнул Фердинанду и Миранде и указал им рукой на сцену.

— Хозяин, здесь что-то не так.

— Тсс, прикусить языки! Глядеть во все глаза! Тихо!

Ариэль на время потерял дар речи. Он не сводил глаз со сцены. Большой глобус, солнечные пятна, облачные полосы, голубые, зеленые и серые океаны, леса и горы — все это медленно вращалось над игровой площадкой. Крошечные бомбы и ракеты падали с неба, поднимая клубы дыма над главными городами Северной Америки, Европы и Азии. Шар разваливался под ударами, каждый следующий столб дыма был выше предыдущего. Сквозь пыль, огонь и дым были видны разрушенные города, расплавленные камни, обугленные люди, толпы беженцев.

— Хозяин! Это ошибка! — закричал Калибан.

— Мой Бог...— прошептал Фердинанд.

— Смотрите, дети мои, на это действо так, словно вы испуганы, словно вы видите его впервые...— торжественно произнес Просперо.

— И здесь мы вновь поднимем занавес,— сказал Ариэль, когда запылали материки.— Величественные дворцы, торжественные храмы, и сам огромный шар...— Под яростной бомбардировкой ледяные шапки стали плавиться, океаны взбухали.— Все должно раствориться...

Огромные части суши были теперь покрыты бушующей водой.

— ...не оставив даже фундамента...

— Мы пока еще реальны,— резко возразил Ариэль.

— Но это идет,— заметил Калибан.

Шар стал съеживаться, вода посерела, вся картина поблекла.

— ...Завершилось сном,— зевнул Просперо.

— Хозяин! Что случилось с...

— Тсс! — предостерег Ариэль.— Не серди его. А где театр?

— ...Успокоив мой утомленный мозг.

— Мы желаем вам мира и покоя,— в унисон сказали Фердинанд и Миранда, уходя.

— Где мы, сэр?

— Э-эх... вы же сами сказали, что это — пустынный остров.

— Так оно и есть.

— Тогда что еще вам надо? Найдите нам пищу и воду. Только, чур, не иллюзорные.

— Но, сэр, ваша Книга...

— Моя Книга — это не какая-то книга! Я поем и посплю, я позволю этой любовной парочке совокупиться, а затем удалюсь в Неаполь. Всю магию я посылаю к чертям!

Калибан и Ариэль удалились.

— Давай понаблюдаем со стороны, как удовлетворяют свои желания без магии, а затем уйдем.

— Согласен, дух. Мне кажется, что-либо живое нам непременно встретится на этом пути.

Содержание

Часть I

Здесь водятся драконы

АМБЕРСКИЕ РАССКАЗЫ

Синий конь и танцующие горы *(Перевод Е. Голубевой)* 7
Зеркальный коридор *(Перевод Т. Сальниковой)* 13
Кстати, о шнурке *(Перевод Т. Сальниковой)* 31
Окутанка и гизель *(Перевод Е. Голубевой)* 39
Сказка торговца *(Перевод Е. Голубевой)* 54

Джек-Тень *(Перевод В. Обручева)* 71
Калифрики — Властелин Нити *(Перевод Н. Ляпковой)* 82
Вернись к месту убийства, Алиса, любовь моя *(Перевод Е. Голубевой)* 111
Там, в вышине *(Перевод Е. Голубевой)* 165
Здесь водятся драконы *(Перевод Е. Голубевой)* 187
Бизнес Джорджа *(Перевод С. Сухинова)* 204
Конец поисков *(Перевод В. Самсоновой)* 214
Стальная Леди *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 218
Девушка и чудовище *(Перевод В. Баканова)* 221
Но не пророк *(Перевод С. Сухинова)* 222
Снова и снова *(Перевод В. Баканова)* 225
Государь, рожденный, чтобы властвовать миром *(Перевод Е. Голубевой)* 230
Спасение Фауста *(Перевод Е. Голубевой)* 238
И спасся только я один, чтобы возвестить тебе *(Перевод Е. Доброхотовой-Майковой)* 242
Не женщина ли здесь о демоне рыдает? *(Перевод И. Тогоевой)* 245
Последний защитник Камелота *(Перевод И. Тогоевой)* 250
Крестник *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 279
Кони Лира *(Перевод С. Сухинова)* 311
На пути в Спленобу *(Перевод Е. Голубевой)* 324

Дневная кровь *(Перевод В. Самсоновой)* 334
Короли ночи *(Перевод В. Самсоновой)* 340
Эпиталама *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 353
Вариант единорога *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 378
Всадник *(Перевод Е. Людникова)* 409
Ангел, Темный Ангел *(Перевод С. Сухинова)* 412

Часть II

Песни чужих миров

Свет Угрюмого *(Перевод С. Сухинова)* 429
Песня чужого мира *(Перевод В. Самсоновой)* 444
Ленты Титана *(Перевод В. Самсоновой)* 456
Страсть к коллекционированию *(Перевод И. Гуровой)* 461
Год Плодородного Зерна *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 464
Рука через Галактику *(Перевод С. Сухинова)* 470
Три попытки Джереми Бейкера *(Перевод Л. Щекотовой)* . . . 472
Мертвое и живое *(Перевод И. Гуровой)* 482
Вечная мерзлота *(Перевод В. Самсоновой)* 491
Смертник Доннер и кубок Фильстоуна
(Перевод Н. Ляпковой) 518
Получеловек *(Перевод Н. Калининой)* 535
Проблемы Цирцеи *(Перевод А. Волновой)* 540
Ключи к декабрю *(Перевод В. Баканова)* 547
Жди нас, Руби-Стоун *(Перевод И. Тогоевой)* 573
Сам себя удивил *(Перевод В. Самсоновой)* 585
Люцифер-светоносец *(Перевод И. Гуровой)* 613
Человек, который любил фейоли *(Перевод И. Гуровой)* 618
Пиявка из нержавеющей стали *(Перевод И. Гуровой)* 627
Великие медленные короли *(Перевод В. Баканова)* 632
Глаз ночи *(Перевод С. Сухинова)* 638

Часть III

Игры крови и пыли

Учителя приехали на огненном колесе
(Перевод Е. Голубевой) 643
Игра крови и пыли *(Перевод И. Гуровой)* 648
Рука Борджиа *(Перевод Е. Голубевой)* 653
Монолог для двоих *(Перевод Е. Голубевой)* 657
Коррида *(Перевод И. Гуровой)* 660
Сольный концерт *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 662

Голый матадор *(Перевод М. Михайлова)* 667
Локи 7281 *(Перевод В. Самсоновой)* 676
Очень хороший год *(Перевод С. Сухинова)* 684
Музейный экспонат *(Перевод И. Гуровой)* 688
И вот приходит сила *(Перевод Е. Людникова)* 699
Ужасающая красота *(Перевод М. Левина)* 706
Божественное безумие *(Перевод И. Гуровой)* 712
Вальпургиева ночь *(Перевод С. Сухинова)* 719
Беззвездной ночью в пути *(Перевод С. Сухинова)* 725
Первый постулат *(Перевод Е. Голубевой)* 734
Награды не будет *(Перевод И. Гуровой)* 762
Моя леди на диодах *(Перевод С. Сухинова)* 774
Та сила, что через цепи гонит ток
(Перевод Е. Доброхотовой-Майковой) 796
Приди ко мне не в зимней белизне *(Перевод И. Гуровой)* . . . 802
Страсти Господни *(Перевод В. Фишмана)* 814
Аутодафе *(Перевод И. Гуровой)* 817
Коллекция Малатесты *(Перевод Е. Голубевой)* 824
Последняя вечеря *(Перевод А. Рябчуна)* 831
Порог пророка *(Перевод Е. Голубевой)* 843
Белая ворона *(Перевод Е. Голубевой)* 850
Огонь и лед *(Перевод С. Сухинова)* 856
Византийская полночь *(Перевод В. Серебрякова)* 859
Песнь голубого бабуина *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 865
О времени и о Яне *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* . . . 870
Ибо это есть царствие мое *(Перевод С. Трофимова)* 873
Тот, кто потревожит *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* . . . 894
Все уходят *(Перевод С. Сухинова)* 904

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

R. Zelazny

ISBN 978-5-699-02640-1

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф